LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057
MI
v.13
no.6

Годъ XIII-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ.

1904 г.

М-63-Б.
Ки бая

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го мая 1904 года.

C.57
M2
v.13
c.6

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЯПОНІИ. **Н. П. А.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НОЧЬ МОЯ! **А. Лукьянова** 33
3. ЗА ОКЕАНОМЪ. Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. (Окончаніе). **Тана** 34
4. М. Е. САЛТЫКОВЪ. (Н. ЩЕДРИНЪ). (Опытъ литературной характеристики). (Продолженіе). **Вл. Кранихфельда**. . . . 60
5. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть 2-я. Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка). **Н. Рожкова** 97
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОДИНОКІЕ. **П. П. Гайдебурова**. . . . 133
7. ФИЗІОЛОГІЯ И «ЖИЗНЕННАЯ СИЛА». Проф. **Б. Ф. Вериго** 134
8. НА РИВЬЕРѢ. **Владиміра Беренштама** 159
9. ИЗЪ ДРЕВНЕРИМСКИХЪ БЫТОВЫХЪ ОТНОШЕНІЙ. Проф. **Ѳ. Зѣлинскаго** 169
10. ТРУДЪ. Романъ **Ильзы Фрапанъ.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой**. (Окончаніе) 193
11. ПРИРОДА. Романъ въ 3-хъ частяхъ **А. М. Ѳедорова**. . . 233
12. КАРИНѢ. Сказка о человѣкѣ. **Бернгарда Келлермана.** Переводъ съ нѣмецкаго **Е. Лазаревской** 269

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ, КАКЪ ПУБЛИЦИСТЪ. **А. Клейнборта** 1
14. ПАМЯТИ В. В. ВЕРЕЩАГИНА. **М. Невѣдомскаго** 22
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Ходатайство кіевскаго общества грамотности.—Десятилѣтіе Вятской газеты.—Промышленный кризисъ въ Лодзи.—Среди кустарей.—Вымираю-

стр.

щіе допари.—Заявленіе врачей-земцевъ.—Керосинъ въ деревнѣ.—Къ отставкѣ Д. Н. Шипова.—Прокаженные въ Архангельской губерніи.—Въ минской думѣ.—Вѣсти изъ Нижегородской и Костромской губерній.—За мѣсяцъ.—А. П. Пятковскій (некрологъ) 42

16. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Мысль»—апрѣль. «Вѣстникъ Европы»—апрѣль. «Русское Богатство»—апрѣль). 59

17. **За границей.** Въ германскомъ рейхстагѣ. — Парижскіе муниципальные выборы; пораженіе націоналистовъ.—Эволюція англійскихъ партій.—Художественный музей въ Уайтъ-Чэпелѣ. — Смерть Стэнли. — Приготовленіе къ президентскимъ выборамъ въ Соединенныхъ Штатахъ. — Женскій заработокъ.—Морицъ Іокай 69

18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Признанія выдающихся людей.—Сила и слабость Германіи.—Китайская армія.—Американскій имперіализмъ. 81

19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы.—Исторія русская и всеобщая.—Народныя изданія.—Медицина и гигіена. — Естествознаніе и астрономія. — Общественныя науки.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 87

20. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 118

21. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Химическіе элементы и ихъ распредѣленіе въ земномъ шарѣ, его корѣ, его моряхъ и въ его атмосферѣ. **В. Аг.** 121

22. КЪ ВОПРОСУ О БЕЗПРОВОЛОЧНОМЪ ТЕЛЕГРАФИРОВАНІИ 141

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 161

24. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тисандье и др. подъ редакціей **В. К. Агафонова.** 97

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЯПОНІИ.

Низведеніе женщины на низшую ступень въ обществѣ — болѣзнь государства, которою Японія заразилась отъ Китая и для излеченія которой требуются незаурядныя средства.

(Изъ рѣчи графа Окумы, сказанной при открытіи женскаго университета въ Токіо въ 1901 году).

ОТЪ АВТОРА.

Согласно мнѣніямъ знатоковъ быта Японіи, въ европейской литературѣ вопросъ о положеніи женщины въ этой странѣ трактуется наиболѣе полно и безпристрастно въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) «Japanese Girls and Women», byAlice Mabel Becon; tenth edition; 1903. Книга эта только что вышла въ русскомъ переводѣ (въ изданіи О. Н. Поповой и подъ моей редакціей) подъ титуломъ: «Женщина въ Японіи». 2) «Things Japanese«, by Basil Hall Chamberlain. Fourth edition, 1902. и 3) «Japan in Transition, by Stafford Ransome, 1899. — Всѣ эти источники цитируются мною въ настоящей статьѣ, при составленіи которой я, однако, пользовался не только ими, но и другими сочиненіями, указанными въ выноскахъ, а также и собственными наблюденіями, сдѣланными мною за время пребыванія въ Японіи въ 1903 году.

I.

Положеніе женщины до эры меиджи *).

„Великое поученіе для женщинъ“ японскаго моралиста Кайбары. — Воспитаніе и образованіе женщинъ.—Бракъ и разводъ.—Нравственность японокъ; ошибочность основаній туристовъ при оцѣнкѣ ея.—Точка зрѣнія японокъ на открытое обнаженіе тѣла своего.—Вліяніе рабскаго положенія женщинъ на развитіе проституціи.—Жоройя.—Токійская Іошивара; впечатлѣнія мои при обозрѣніи этого учрежденія.—Причины снисходительнаго отношенія къ проституціи въ Японіи.—Гейши-гетеры Японіи.—Неизбѣжность такого класса женщинъ при рабскомъ положеніи ихъ въ семьѣ и обществѣ.—Соображенія о невозможности настоящей роли гейшъ въ японскомъ обществѣ при улучшеніи положенія женщинъ.

«Японки въ высшей степени женственны—добры, милы, изящны, вѣрны и красивы. Но отношеніе къ нимъ мужчинъ до послѣдняго

*) Слово меиджи значитъ—просвѣщеніе. Эра просвѣщенія считается въ Японіи съ 1868 года, послѣ революціи, ниспровергнувшей феодальный строй.

времени было такое, что не могло не вызывать мучительной боли въ сердцѣ сколько-нибудь великодушнаго европейца»... Такъ начинаетъ свою статью о положеніи женщины въ Японіи англичанинъ Голь Чамберлэнъ, давно уже живущій въ этой странѣ въ качествѣ профессора японскаго языка и филологіи въ Токійскомъ университетѣ. Такое отношеніе японца къ женщинѣ возникло изъ убѣжденія его въ низменности женской природы сравнительно съ мужской, которое проповѣдуется конфуціанизмомъ, проникшимъ въ Японію еще въ VI вѣкѣ до Р. Х, и весьма краснорѣчиво развито японскимъ моралистомъ XVII столѣтія Кайбарой въ трудѣ его «Великое поученіе для женщинъ».

Обстановка и значеніе современной фазы «женскаго вопроса» въ Японіи не могутъ быть поняты надлежащимъ образомъ безъ знакомства съ этимъ «Поученіемъ», которое и нынѣ считается японцами настольною книгою для ихъ соотечественницъ, а потому мы приведемъ здѣсь наиболѣе существенныя мѣста его, руководствуясь переводомъ Чамберлэна:

«Такъ какъ дѣвушкѣ, по достиженіи надлежащаго возраста, суждено войти въ новый домъ и жить въ подчиненіи у своихъ свекра и свекрови, то для нея является еще болѣе настоятельнымъ, чѣмъ для молодого человѣка, принимать съ полнымъ благоговѣніемъ наставленія родителей. Если они, отъ избытка нѣжности, позволятъ ей вырости самовольной, то она неминуемо окажется капризною въ домѣ своего мужа и такимъ образомъ оттолкнетъ отъ себя привязанность; воспитанная такъ дѣвушка, если ея свекоръ будетъ человѣкомъ надлежащихъ принциповъ, найдетъ ярмо этихъ послѣднихъ невыносимымъ. Она возненавидитъ и будетъ проклинать своего свекра, и результатомъ этихъ домашнихъ разногласій будетъ изгнаніе ея изъ дома мужа, и тѣмъ самымъ покрытіе ея позоромъ. Ея родители, забывъ объ ошибочномъ воспитаніи, которое дали ей, можетъ быть, будутъ порицать ея свекра; но они будутъ неправы, потому что все несчастье по справедливости должно быть приписано именно ихъ ошибкѣ.

«Для дѣвушки болѣе драгоцѣнно добродѣтельное сердце, чѣмъ красота наружная. Сердце порочной женщины всегда раздражено; она дико смотритъ кругомъ себя, мечетъ свой гнѣвъ на другихъ, ея слова суровы и рѣчь вульгарна. Когда она говоритъ, то только для того, чтобы ставить себя выше другихъ, порицать другихъ, завидовать другимъ, превозносить себя съ гордостью, осмѣивать другихъ,—словомъ поступать въ разрѣзъ всему тому, что должна дѣлать женщина. Единственныя качества приличныя женщинѣ, это—кроткое послушаніе, благомудріе, состраданіе и спокойствіе.

«Съ ранней юности дѣвушка должна знать границу, отдѣляющую ее отъ мужчинъ; и никогда, даже ни на одно мгновеніе, не слѣдуетъ позволять ей видѣть или слышать малѣйшее неприличіе. Обычай пред-

ности не позволялъ мужчинамъ и женщинамъ помѣщаться въ той же комнатѣ, мыться и держать свое носильное платье въ томъ же мѣстѣ или передавать другъ другу что-нибудь прямо изъ рукъ въ руки. Женщина, выходящая изъ дому ночью, должна во всѣхъ случахъ носить зажженный фонарь и (не говоря уже о чужихъ) должна соблюдать извѣстное разстояніе между собой и мужемъ, а также и своими братьями»...

«Въ Китаѣ бракъ называется *возвращеніе*,—по той причинѣ, что женщина должна считать домъ мужа своимъ собственнымъ и что когда она выходитъ замужъ, то въ дѣйствительности какъ будто бы возвращается къ тому, кому предопредѣлена небесами отъ рожденія. Какъ бы низменно ни было положенія ея мужа и какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, она отнюдь не должна тяготиться имъ, но должна считать бѣдность, которую небу угодно было послать ей, какъ повелѣніе неумолимой судьбы. Мудрецъ старины *) училъ, что, разъ выйдя замужъ, женщина уже не должна оставлять домъ своего мужа и, если сбившись съ пути, она вынудитъ мужа развестись съ нею, то тѣмъ самымъ покроетъ себя позоромъ до послѣдняго часа своего. Поводомъ для развода можетъ быть одинъ изъ семи грѣховъ ея, которые такъ и называются семь причинъ для развода: 1) непослушаніе свекру или свекрови; 2) безплодіе,—потому что бракъ служитъ единственно для того, чтобы дать мужчинѣ потомство. Безплодная женщина, однако, можетъ оставаться женой, если только сердце ея добродѣтельно и ея поведеніе корректно и свободно отъ ревности, въ каковомъ случаѣ отсутствіе дѣтей можетъ быть возмѣщено усыновленіемъ ребенка, состоящаго въ кровномъ родствѣ съ мужемъ. Мужъ можетъ оставить при себѣ безплодную жену также и въ томъ случаѣ, когда у него есть дѣти отъ наложницы; 3) прелюбодѣяніе; 4) ревность; 5) проказа или какая-нибудь дурная болѣзнь; 6) сварливость или болтливость, мутящія добрыя отношенія между родственниками и вообще нарушающія миръ въ домѣ и 7) наклонность къ воровству. Всѣ эти семь причинъ для развода указаны мудрецомъ. Женщина, разведенная съ мужемъ, сбилась съ своего пути и остается покрытой величайшимъ позоромъ, даже если бы ей удалось вступить во второй бракъ съ человѣкомъ богатымъ и занимающимъ почетное положеніе».

«Главными обязанностями дѣвушки, пока она остается въ родительскомъ домѣ, являются любовь и почтеніе къ своимъ отцу и матери. Но такъ какъ, выйдя замужъ, она продолжаетъ потомство не ихъ, а родителей своего мужа, то послѣ брака ея главной обязанностью дѣлается—чтить своихъ свекра и свекровь, чтить ихъ выше своихъ собственныхъ родителей, любить и почитать ихъ со всѣмъ пыломъ и относиться къ нимъ даже во всѣхъ мелочахъ съ дочернимъ уваженіемъ.

*) Конфуцій.

Почитая своихъ собственныхъ родителей, она ни секунды не должна переставать думать о родителяхъ мужа. Женщина не должна переставать ни днемъ, ни ночью отдавать имъ должное почтеніе. Никогда не должна она отказываться ни отъ какой работы, совершеніе которой они потребуютъ отъ нея; должна исполнять со всѣмъ почтеніемъ приказанія своего свекра и никогда не возмущаться противъ нихъ. Во всемъ она должна спрашивать позволенія свекра и свекрови и слѣдовать указанному ими направленію... Женщина, если даже они найдутъ удовольствіе ненавидѣть тебя и оказывать надъ тобой насилія, то не сердись на нихъ и не ропщи на нихъ! Если ты обнаружишь почтеніе къ нимъ до крайнихъ предѣловъ и будешь относиться къ нимъ со всей сердечностью, то не можетъ быть иначе, чтобы въ концѣ концовъ и они не отнеслись къ тебѣ дружелюбно»...

«Женщина должна смотрѣть на своего мужа, какъ на господина, и должна служить ему съ благоговѣніемъ и почтеніемъ, никогда не позволяя себѣ думать о немъ съ неодобреніемъ или легкомысленно. Великій долгъ женщины во всю ея жизнь есть послушаніе. При обращеніи къ мужу, какъ выраженіе лица жены, такъ и манеры ея должны быть вѣжливы, скромны и кротки, и отнюдь не своенравны и сварливы, не грубы и не притязательны. Объ этомъ женщина должна заботиться прежде и главнѣе всего. Когда мужъ дѣлаетъ распоряженія свои, жена никогда не должна ослушаться его. Въ сомнительныхъ случаяхъ она должна переспросить его и послушно слѣдовать его указаніямъ. Если когда-либо мужъ обратится къ ней съ вопросомъ, она должна внимательно и точно отвѣчать ему. Необдуманный отвѣтъ есть признакъ грубости. Если когда-либо мужъ разгнѣвается, то жена должна слушать его со страхомъ и трепетомъ, а отнюдь не сердиться на него и не озлобляться противъ него. Жена должна смотрѣть на своего мужа, какъ будто бы онъ само небо, и никогда не уставать думать о томъ, какъ лучше подчиняться ему и тѣмъ избѣжать небесной кары»...

«Пусть жена никогда даже и не думаетъ о ревности. Если мужъ будетъ вести себя развратно, то она должна кротко упрекнуть его; но никогда не должна допустить въ душѣ своей гнѣвъ и тѣмъ болѣе не должна обнаруживать его. Если ревность ея дойдетъ до крайности, то выраженіе лица ея сдѣлается ужаснымъ и рѣчь ея—отталкивающей; и это можетъ повести только къ полному отчужденію отъ нея мужа, для котораго она сдѣлается невыносимой. Если мужъ поступаетъ дурно и неблагоразумно, она должна, прежде чѣмъ увѣщевать его, добиться кроткаго выраженія лица своего и смягченія своего голоса; и если онъ будетъ гнѣваться и не будетъ слушать ея увѣщаній, то она должна переждать, пока у него не пройдетъ это настроеніе и пытаться снова увѣщевать его не ранѣе того, какъ сердце его смягчится... Женщина, никогда не обращайся къ мужу съ сердитымъ лицомъ и крикливымъ голосомъ!..»

«Женщина должна всегда строго слѣдить за своимъ поведеніемъ. Утромъ она должна вставать рано, а вечеромъ—ложиться поздно. Вмѣсто того, чтобы спать посреди дня, она должна быть внимательна къ обязанностямъ по хозяйству и не уставать ткать, шить и прясть. Она не должна много думать о чаѣ и о винѣ и не должна также баловать свои глаза и уши театральными представленіями, пѣснями и разсказами. Пока ей не исполнится сорокъ лѣтъ, она не должна также посѣщать часто храмовъ (ни шинто, ни буддійскихъ) и другихъ подобныхъ мѣстъ, гдѣ есть большое стеченіе народа. Она не должна позволять вводить себя въ заблужденіе гадальщикамъ и ворожеямъ и входить въ непочтительную близость съ богами и также не должна быть постоянно занята молитвами. Если только она удовлетворительно исполняетъ свои обязанности, въ качествѣ человѣческаго существа, то можетъ совершать молитвы одна, не боясь, что божественный промыселъ перестанетъ заботиться о ней»...

«Пять самыхъ дурныхъ болѣзней духа присущи женщинѣ: непослушаніе, вѣчное недовольство, любовь къ клеветѣ, ревность и глупость. Безъ всякаго сомнѣнія этими пятью болѣзнями страдаетъ семь или восемь изъ десяти женщинъ, и уже отсюда ясна низменность природы женщинъ сравнительно съ природою мужчинъ. Женщина должна лѣчить эти болѣзни съ самоуглубленіемъ и самоосужденіемъ. Самая худая изъ нихъ, являющаяся матерью другихъ четырехъ болѣзней, это—глупость. Природа женщины пассивна. Пассивность же, будучи одной природы съ ночью, темна. Отсюда и выходитъ, что неблагоразуміе женщины мѣшаетъ ей понимать свои прямыя обязанности, что она не замѣчаетъ своихъ поступковъ, которые навлекаютъ позоръ на ея собственную голову, и не понимаетъ даже вещей, которыя навлекаютъ бѣдствія на головы ея мужа и дѣтей. Ни тогда, когда она порицаетъ, обвиняетъ и проклинаетъ невинныхъ людей, ни тогда, когда ревнуетъ къ другимъ, думая только о себѣ самой, не видитъ она, что является своимъ собственнымъ врагомъ, отталкивая отъ себя другихъ и навлекая на себя ихъ ненависть... Печальныя ошибки! Затѣмъ, въ воспитаніи своихъ дѣтей ея слѣпая любовь къ нимъ внушаетъ ей ошибочный образъ дѣйствій. Такъ велика прирожденная ей глупость, что ей надлежитъ во всѣхъ мелочахъ не довѣрять себѣ самой и слушаться своего мужа».

«До насъ дошло, что въ обычаѣ древнихъ было, при рожденіи ребенка женскаго пола, класть его на полъ на три дня. Даже въ этомъ можно видѣть уподобленіе мужчины небу, а женщины—землѣ; и обычай этотъ долженъ былъ бы научить женщину, какъ необходимо для нея во всемъ уступать мужу первое мѣсто, а для себя довольствоваться вторымъ; избѣгать гордости, даже если бы ея поступки и заслуживали похвалы; и, съ другой стороны,—если она перейдетъ границы и навлечетъ на себя порицаніе,—стараться преодолѣть себя и исправить свою ошибку, и такъ вести себя, чтобы потомъ уже не подвергаться

осужденію; переносить безъ гнѣва и негодованія насмѣшки другихъ, терпя ихъ со сдержанностью и кротостью. Если женщина будетъ поступать такимъ образомъ, то ея супружескія отношенія не могутъ быть иными, какъ гармоничными и продолжительными, а ея домашній очагъ—мѣстомъ мира и согласія».

«Родители, учите изложеннымъ выше правиламъ своихъ дочерей съ нѣжнѣйшаго ихъ возраста; заставляйте переписывать ихъ эти правила отъ времени до времени, чтобы онѣ могли выучить ихъ и никогда не забывать. Гораздо лучше, чѣмъ надѣленіе дочерей одеждами и различной утварью,—что дѣлаютъ нынѣ отцы такъ расточительно, отдавая дочерей своихъ замужъ,—было бы обученіе ихъ въ совершенствѣ этимъ наставленіямъ, которыя хранили бы ихъ, какъ драгоцѣнный талисманъ, въ теченіе ихъ жизни. Какъ справедливо древнее изреченіе: мужчина знаетъ, какъ истратить милліонъ при выдачѣ своей дочери замужъ, но не знаетъ, какъ истратить сто тысячъ на воспитаніе своего ребенка. Тотъ, кто имѣетъ дочерей, долженъ принять это близко къ сердцу».

Если читатель подумаетъ, что «Поученіе» Кайбары является въ Японіи въ настоящее время анахронизмомъ и можетъ быть интересно только въ историческомъ отношеніи, а не съ точки зрѣнія «документа», объясняющаго многія явленія въ жизни современнаго японскаго общества, то онъ сильно ошибется, такъ какъ въ послѣднемъ и нынѣ новыя теченія далеко еще не преодолѣли старыхъ, черпающихъ силу въ убѣжденіяхъ, воспитанныхъ длиннымъ рядомъ предшествующихъ вѣковъ. Для подтвержденія вѣрности сказаннаго сейчасъ, приведемъ слѣдующій интересный фактъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Чамберлэнъ написалъ на англійскомъ языкѣ введеніе къ переводу древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ японскаго литературнаго произведенія: «Лѣтопись старины» *), обративъ въ немъ, между прочимъ, вниманіе на то несоотвѣтственно-низменное положеніе, которое занимали и занимаютъ женщины въ Японіи старой и современной. Шесть изъ самыхъ видныхъ ученыхъ представителей старой школы перевели это введеніе на японскій языкъ, причемъ ко многимъ мыслямъ автора отнеслись съ большимъ сочувствіемъ; но, дойдя до вопроса о подчиненности женщинъ, разразились сильнымъ гнѣвомъ противъ него. «Подчиненіе женщинъ мужчинамъ,—говорится въ этихъ комментаріяхъ,—чрезвычайно раціональный обычай. Думать противное, значитъ усвоивать европейскій предразсудокъ, потому что мужчина долженъ господствовать надъ женщинами, согласно великимъ законамъ неба и земли. Игнорировать это и считать это варварскимъ—нелѣпо»

---

*) Kojiki.—Это произведеніе относятъ къ 712 году.

Посмотримъ же теперь, какъ отразились усвоенные японцами взгляды Кайбары на воспитаніе и образованіе женщинъ, брачныя отношенія въ Японіи и нравственность въ этой странѣ.

Японцы очень чадолюбивы и крайне сдержанны въ проявленіи гнѣва и раздраженія, поэтому жизнь японскаго ребенка,—какъ мальчика, такъ и дѣвочки безразлично,—протекаетъ при условіяхъ ласковаго и заботливаго обращенія съ нимъ. Но при этомъ дѣтей уже съ ранняго возраста настойчиво стараются пріучить къ безусловному почтенію къ старшимъ и къ самообладанію. И такъ какъ послѣднее въ Японіи требуется отъ женщины еще болѣе, чѣмъ отъ мужчины, то и на воспитаніе въ дѣвочкахъ этого качества обращается особенное вниманіе. Самообладаніе это не должно ограничиваться только воздержаніемъ отъ какихъ-либо внѣшнихъ выраженій непріятныхъ ощущеній, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, но должно быть развито до умѣнья вызвать на лицѣ своемъ веселую улыбку и сохранить «пріятные манеры» даже при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. «Маленькая дѣвочка,—говоритъ Алиса Беконъ,—должна совершенно отрѣшиться отъ всякаго *я*, все уступать другимъ, никогда не обнаруживать волненія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно пріятно окружающимъ: въ этомъ секретъ истинной вѣжливости; и женщина должна имъ овладѣть, если желаетъ, чтобы о ней думали хорошо и чтобы ей позволили вести счастливую жизнь. Послѣдствія такого воспитанія проявляются въ привлекательныхъ, но полныхъ достоинства манерахъ японскихъ женщинъ и даже очень маленькихъ дѣвочекъ». Неустанно заботится мать о томъ, дѣйствуя не только путемъ наставленій, но и собственнымъ примѣромъ, чтобы дѣвочка усвоила себѣ большую чуткость и внимательность къ требованіямъ удобствъ окружающихъ вообще, а мужчинъ въ особенности.

Приведу здѣсь одну изъ памятныхъ мнѣ иллюстрацій къ этому изъ собственныхъ наблюденій. Однажды, спускаясь внизъ по довольно крутому склону холма въ паркѣ Уено въ Токіо, я встрѣтилъ группу изъ пожилого японца, который несъ за спиной своей ребенка, довольно молодой женщины и маленькой дѣвочки, лѣтъ восьми, которую она вела за руку. Японецъ оступился, и ребенокъ, котораго онъ держалъ не на подвязкахъ, какъ носятъ дѣтей женщины, а просто поддерживалъ заложенными назадъ руками, выскользнулъ изъ нихъ и съ громкимъ плачемъ скатился на землю. И женщина и дѣвочка, какъ нельзя было не замѣтить этого, прежде всего постарались ласково успокоить виновника суматохи, а потомъ уже бросились къ ребенку, который къ счастью повидимому не ушибся, потому что скоро замолчалъ... Даже въ школахъ, гдѣ проводятся уже въ значительной мѣрѣ европейскіе взгляды на женщину, дѣвочки наперерывъ спѣшатъ угождать мальчикамъ при совмѣстныхъ играхъ съ ними въ рекреаціяхъ.

Извѣстно, что этикетъ, обусловливающій до мельчайшихъ подробностей «манеру держать себя въ различныхъ случаяхъ», игралъ въ жизни старой Японіи большую роль. Современная Японія во многомъ отказалась отъ требованій его по отношенію къ мужчинѣ, но къ женщинамъ они въ значительной мѣрѣ предъявляются и нынѣ, и обученіе этикету, какъ только дѣвочка входитъ въ возрастъ десяти или даже восьми лѣтъ, составляетъ серьезный элементъ ея воспитанія. Требованія этикета «висятъ надъ нею» всегда, и она должна въ точности соблюдать указываемыя ими положенія тѣла, рукъ и головы при взаимныхъ поклонахъ здоровающихся и прощающихся, пріемы отпиранія и запиранія двери при входѣ въ комнату и выходѣ изъ нея, правила опусканія на полъ, сидѣнья за трапезой, угощенія чаемъ и т. д., и т. д.

Хозяйка дома, даже въ состоятельныхъ японскихъ семьяхъ, ведетъ домашнее хозяйство сама, играя роль дѣятельной ключницы, и при этомъ заботится объ удобствахъ мужчины въ семьѣ и въ тѣхъ мелочахъ, въ которыхъ онъ на Западѣ счелъ бы своей обязанностью отказаться отъ услугъ женщины вообще. Гостямъ мужского пола хозяйка дома должна прислуживать сама, если только она не принадлежитъ къ семейству высшихъ классовъ; да даже и въ такихъ семействахъ, если гостю хотятъ оказать особую честь, угощая его не за общимъ столомъ, а отдѣльно только съ главой семейства,—ему прислуживаетъ жена или дочь послѣдняго, какъ бы многочисленна ни была домашняя прислуга... Ко всему этому женщина готовится съ дѣтства. При такихъ сложныхъ требованіяхъ воспитанія, на образованіе дѣвочки даже и въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія, оставалось мало времени, особенно въ недостаточныхъ семьяхъ. Тѣмъ не менѣе въ Японіи издавна каждая женщина, за исключеніемъ принадлежащихъ къ самымъ низшимъ и бѣднѣйшимъ классамъ, обучалась чтенію и письму японскими знаками, а въ семьяхъ вельможъ и самураевъ *) даже чтенію китайскихъ классиковъ и искусству слагать поэмы. Въ этихъ семьяхъ дѣвочка обязательно должна была знать такъ называемую «Онна Бунко», т.-е. женскую библіотеку, которая состояла изъ слѣдующихъ сочиненій: «Великое поученіе для женщинъ» (Кайбары), «Малое поученіе для женщинъ» (изложеніе моральныхъ обязанностей женщинъ по китайскимъ классикамъ), «Домашнія наставленія» (по домохозяйству и объ этикетѣ), «Письмовникъ», «Разсказы объ образцовыхъ дѣтяхъ», и «Сто стихотвореній избранныхъ поэтовъ». Кромѣ того, если средства позволяли, дѣвушка обучалась музыкѣ, составленію букетовъ и раз-

*) Классъ самураевъ занималъ въ дореформенной Японіи положеніе, которое можно опредѣлить, какъ среднее между тѣми, какія занимали въ Англіи во времена феодализма съ одной стороны рыцари, а съ другой—эсквайры.

ныхъ украшеній изъ цвѣтовъ *), и во многихъ случаяхъ рисованію красками по преимуществу цвѣтовъ и птицъ, а также совершенію чайной церемоніи **). Въ низшихъ классахъ, особенно въ купеческомъ, дѣвушки часто обучались танцамъ, но отнюдь не для своего удовольствія, а для увеселенія зрителей при участіи въ какихъ-либо народныхъ празднествахъ. Несмотря на то, что танцы эти скромны, граціозны и изящны, японцы высшихъ классовъ уже вслѣдствіе того одного, что искусству этому дѣвушки обучались «для выставленія его на показъ», не вводили его въ курсъ образованія и воспитанія своихъ дочерей.

Несмотря на скудное образованіе женщинъ, знакомство съ народною поэзіей было распространено между ними и въ старой Японіи, благодаря одной изъ самыхъ любимыхъ и нынѣ туземныхъ игръ, называемой «гіаку-нинъ-исшу», что̀ значитъ буквально «поэмы ста поэтовъ». Она ведется при посредствѣ двухъ сотенъ картъ, на каждой изъ которыхъ отпечатана первая или послѣдняя половина одной изъ ста знаменитыхъ японскихъ поэмъ, легко заучивающихся играющими наизусть ***).

Однимъ изъ дѣйствительныхъ и доступнѣйшихъ средствъ распро-

---

*) Японцы большіе любители цвѣтовъ и очень сильны въ искусствѣ декорированія при посредствѣ ихъ. Интересныя свѣдѣнія по этому предмету можно найти въ сочиненіи: „The Flowers of Japan and the Art of Floral arrangement, by Josiah Conder.

**) Чайная церемонія состоитъ въ особой сервировкѣ и питьѣ чая съ соблюденіемъ обусловленныхъ до мельчайшихъ деталей требованій относящагося къ ней этикета. Въ богатыхъ домахъ для нея отведена даже особая комната. Описывая эту церемонію въ своемъ сочиненіи „Things Japanese“, Чамберлэнъ говоритъ, что она прошла въ теченіе своей исторіи черезъ 3 стадіи: медицинско-религіозную, стадію роскоши и, наконецъ, эстетическую стадію, въ которой находится и нынѣ.

***) Поэмы эти кратки, содержатъ только тридцать одинъ слогъ и дѣлятся по своему содержанію на двѣ части. Для разсматриваемой игры японцы садятся въ обычной своей позѣ на полу въ кружокъ, причемъ одна сотня картъ, содержащихъ вторыя половины поэмъ, раскладывается вверхъ текстомъ передъ играющими, одинъ изъ которыхъ избирается чтецомъ. Взявъ колоду изъ другой сотни картъ, онъ читаетъ поэмы въ такомъ случайномъ порядкѣ, въ какомъ вынимаетъ ихъ изъ перетасованной колоды. Искусство играющихъ обнаруживается въ быстромъ вспоминаніи строки, слѣдующей за прочитанной, и быстромъ нахожденіи карты съ окончаніемъ читаемой поэмы. Особенно внимательно обязанъ игрокъ слѣдить за своими картами, такъ какъ ту изъ нихъ, на которой напечатанъ конецъ упомянутой поэмы, онъ долженъ выдернуть изъ числа другихъ картъ и поднять ее вверхъ прежде, чѣмъ ее увидитъ и отложитъ въ сторону кто-нибудь другой. Тотъ, кому это послѣднее удается, отдаетъ зазѣвавшемуся игроку нѣсколько изъ своихъ картъ. Раздавшій такимъ образомъ свои карты прежде другихъ считается выигравшимъ.

Игра „гіаку-нинъ-исшу“ сильно способствуетъ знакомству молодежи съ національною классическою поэзіей.

страненія въ Японіи среди молодежи знанія литературы и исторіи страны являются театры, на сценахъ которыхъ событія и легенды старины передаются съ большой тщательностью. Дѣвочки часто берутся родителями въ театры на такія представленія, и здѣсь, по характерному замѣчанію Алисы Беконъ, маленькая японка «воспринимаетъ духъ преданной вѣрности долгу, который былъ отличительною чертой старой Японіи; здѣсь формируются ея понятія о томъ, чѣмъ должна желать сдѣлаться японская женщина для своихъ родителей и мужа... И дѣвочка уходитъ изъ театра, получивъ задатки пониманія,—въ такой полнотѣ, въ какой не могла бы получить ни отъ какого другого способа обученія,—того духа, какой воодушевлялъ ея предковъ и какой долженъ воодушевлять ее, если она пожелаетъ быть достойнымъ потомкомъ женщинъ стараго времени».

Замѣтимъ здѣсь кстати, что во многихъ видныхъ драматическихъ произведеніяхъ въ Японіи прославляется одинъ изъ «героическихъ» видовъ самопожертвованія женщины для блага семьи своей; и чаще всего для блага отца, мужа или брата, а именно—продажа тѣла своего... И для дѣвочекъ до послѣдняго времени отнюдь не считалось неумѣстнымъ, а въ низшихъ классахъ населенія не считается неумѣстнымъ и нынѣ, присутствовать въ театрахъ при представленіи пьесъ на эту тему... Къ этому интересному явленію, дающему характерную иллюстрацію къ вопросу о положеніи женщины въ Японіи, мы еще возвратимся ниже.

Прежде чѣмъ закончить изложеніе свѣдѣній о скудномъ образованіи женщины въ дореформенной Японіи, замѣтимъ, что однако и въ ней существовалъ классъ такихъ женщинъ, а именно—придворный, которыя не только обладали обширными познаніями въ отечественной литературѣ, но и обогащали ее своими произведеніями.

Для уясненія обстоятельствъ, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ это явленіе, столь аномальное по отношенію къ общему строю жизни женщины въ дореформенной Японіи, мы должны обратиться къ исторіи.

Съ введеніемъ въ Японіи науки искусствъ и буддизма (изъ Китая черезъ Корею въ VI столѣтіи христіанской эры, при принцѣ-регентѣ Шотоку-Таиши) около трона императора начали собираться ученые, образованные и талантливые люди, артисты, писатели и т. п., находившіе въ императорѣ и придворной знати щедрыхъ патроновъ. Подъ вліяніемъ такой смягчающей обстановки императоръ постепенно отказывался отъ личной власти въ военныхъ операціяхъ и даже въ административныхъ дѣлахъ и мало-по-малу передалъ эти обязанности представителямъ знатныхъ родовъ; самъ же онъ проводилъ жизнь въ мірѣ собственныхъ тѣсныхъ интересовъ, «думая болѣе о парѣ блестящихъ глазъ, о вновь услышанномъ глубокомъ или остроумномъ изреченіи, чѣмъ о государствѣ, которымъ правилъ лишь номинально, по праву *божественнаго* происхожденія своего». Въ священныхъ предѣ-

лахъ двора его большую роль играли дамы не только въ зависимости отъ своей граціи или красоты, но и въ зависимости отъ умственнаго развитія, знаній въ области классическаго образованія, искусствѣ въ быстрыхъ репликахъ на обращенныя къ нимъ рѣчи и богатства изящной фантазіи, облекавшейся ими въ поэтическую форму. Въ эту эпоху, продолжавшуюся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій затѣмъ, между прочимъ, получила наибольшее развитіе литература, обнимающая произведенія, которыя относятся оріентологами къ разряду классическихъ японскихъ романовъ. «Это самый интересный образчикъ японской литературы, поднимающій завѣсу съ давно забытой жизни японскаго двора десятаго и одиннадцатаго столѣтій нашей эры»,—говоритъ Чамберлэнъ *).—«Вельможи и знатныя дамы тѣхъ дней выступаютъ передъ нами во всей фривольности, но также и во всей элегантности ихъ узкаго аристократическаго быта, который былъ ограниченъ горизонтомъ старой столицы Кіото. Мы находимъ въ произведеніяхъ ихъ поэтическіе опыты, описанія ихъ любовныхъ интригъ, безконечныхъ мечтаній при лунѣ и даже подробнѣйшія описанія ихъ костюмовъ и разныхъ собраній—одно изъ разнообразныхъ свидѣтельствъ о томъ, что *многія изъ этихъ книгъ были написаны женщинами*» **).

Возвращаясь къ классамъ общества, составляющимъ главную массу населенія, должно сказать, что здѣсь женщина, говоря вообще, не переживала дѣвическаго состоянія въ томъ возрастѣ, поэтическія впечатлѣнія и романтическія увлеченія котораго, при западныхъ условіяхъ жизни, нерѣдко служатъ для нея источникомъ тепла и свѣта, примиряющимъ ее въ послѣдующей жизни съ тяжелыми невзгодами, какія можетъ посылать ей судьба. Японка дореформенной эпохи обыкновенно выдавалась замужъ почти ребенкомъ — нерѣдко 16 и даже только 15 лѣтъ, и ея замужняя жизнь была обставлена условіями, при которыхъ этому ребенку слишкомъ часто суждено было обращаться черезъ немного лѣтъ въ утомленную душевными страданіями женщину.

Существенное отличіе взгляда японца на значеніе брачныхъ узъ отъ взглядовъ, усвоенныхъ народами западной культуры, состоитъ въ томъ, что до послѣдняго времени бракъ въ Японіи могъ быть совершенъ и расторгнутъ «безъ вмѣшательства» закона и церкви. Первый требовалъ только, чтобы въ обоихъ случаяхъ мѣстное статистическое бюро извѣщалось о событіяхъ post-factum, такъ какъ послѣднее должно было своевременно вычеркнуть имя дѣвушки изъ списка прежней семьи и внести его въ списокъ семьи ея мужа, въ случаѣ брака, и возстановить прежнюю запись въ случаѣ развода.

---

*) „Things Japanese“. Статья „Literature“.

**) Курсивъ нашъ.

Опишемъ самый процессъ заключенія брака, отъ намѣренія до исполненія его.

Когда молодой человѣкъ или дѣвушка достигли брачнаго возраста, то родители спѣшатъ найти для нихъ подходящую, по ихъ мнѣнію, партію. Согласно обычаю, дѣло это поручается обыкновенно посреднику («накодо»)—какому-нибудь надежному по своему благоразумію и искреннему расположенію къ семьѣ другу, который не только ведетъ переговоры о бракѣ, но остается и послѣ совершенія его какъ бы «крестнымъ отцомъ» и совѣтчикомъ молодой пары, часто обращающейся къ нему въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Остановившись на приличной партіи, посредникъ устраиваетъ такъ называемое «міаи», что значитъ въ буквальномъ переводѣ «взаимныя смотрины», т.-е. собраніе, на которомъ молодые люди, предназначающіеся, по желанію ихъ родителей, другъ для друга, могутъ видѣться—часто въ первый разъ—и иногда поговорить другъ съ другомъ и такимъ образомъ «оцѣнить» другъ друга.

Подготовленная воспитаніемъ къ безусловному послушанію, молодая дѣвушка рѣдко возражаетъ противъ сдѣланнаго ея родителями выбора; но если бы почему-нибудь она рѣшилась на это, то они не будутъ принуждать ее, хотя жизнь ея подъ родительскою кровлей съ этого момента дѣлается непріятною: родители считаютъ, что она въ тягость имъ, «засидѣлась» на ихъ рукахъ по капризу, и спѣшатъ найти ей другого жениха.

Если оба молодые люди удовлетворены другъ другомъ, то дѣло считается рѣшеннымъ, и затѣмъ ихъ семьи обмѣниваются отъ лица ихъ подарками *). Этотъ обмѣнъ называется «іуино» и соотвѣтствуетъ нашему обрученію, послѣ котораго молодые люди считаются уже обязанными другъ другу, хотя опять-таки не по закону, а по строго соблюдаемому обычаю: разъ обмѣнъ подарковъ совершился, то ни одна изъ сторонъ обыкновенно не идетъ назадъ, и потому послѣ того сейчасъ же избирается день свадьбы. Когда онъ наступаетъ, то невѣста, одѣтая во все бѣлое—цвѣтъ траура въ Японіи—и какъ бы показывая этимъ символически, что «умираетъ для своего семейства», отводится съ наступленіемъ вечера въ свой новый домъ въ сопровожденіи посредника и его жены. Родительскій домъ сейчасъ же выметается послѣ ея отбытія, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Японіи при этомъ соблюдается и нынѣ широко распространенный прежде обычай зажигать костеръ у воротъ дома невѣсты—церемонія, служащая эмблемой «очищенія», необходимаго послѣ вынесенія изъ дома мертваго тѣла.

---

*) Въ числѣ другихъ подарковъ невѣстѣ отъ жениха долженъ быть „оби"—широкій поясъ, завязывающійся сзади бантомъ; хотя онъ всегда носится дѣвушками, но, какъ подарокъ въ разсматриваемомъ случаѣ, играетъ роль обручальнаго кольца.

Непосредственно послѣ прибытія въ домъ будущаго мужа, или, точнѣе, въ домъ его родителей, *гдѣ молодая пара остается обыкновенно жить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ*, пока мужъ не выдѣлится въ особое хозяйство, совершается свадебный обрядъ, который имѣетъ характеръ праздничной трапезы. Существеннымъ въ немъ является такъ называемое «санъ-санъ-ку-до», т.-е., буквально, «трижды три—девять», потому что какъ невѣста, такъ и женихъ отпиваютъ по три раза изъ каждаго изъ трехъ чайниковъ или чашекъ съ двумя рыльцами различныхъ размѣровъ, наполненныхъ «саке» (рисовой водкой). При этомъ невѣста пьетъ первою, потому что пока она считается еще гостьей въ своемъ будущемъ домѣ. Другая существенная часть церемоніи, это—перемѣна одеждъ. Невѣста, придя въ семью жениха, сейчасъ же мѣняетъ свое бѣлое платье на подаренное ей женихомъ. Но немедленно послѣ описаннаго питья она переодѣвается въ лучшее изъ цвѣтныхъ платьевъ, принесенныхъ ею съ собой изъ дома родителей. Женихъ также мѣняетъ свое платье въ другой комнатѣ... Въ это время собираются лишь самые близкіе родственники и интимные друзья обѣихъ вступающихъ въ родство семей, которые затѣмъ, при участіи новобрачныхъ, садятся на нѣкоторое время за общій столъ. По окончаніи трапезы, новобрачная пара вводится въ спальню посредникомъ и его женой, гдѣ молодые еще разъ даютъ обѣтъ другъ другу, снова повторяя «санъ-санъ-ку-до». Но теперь уже первымъ пьетъ мужъ, сдѣлавшійся съ этого момента полнымъ господиномъ своей жены, которая поступаетъ въ рабство не только къ нему, но, согласно ученію Кайбары, и къ его родителямъ.

«Господинъ» этотъ отнюдь не пользуется своей властью надъ женой въ смыслѣ грубаго обращенія съ нею, а тѣмъ болѣе совершенія надъ нею какихъ-либо насилій въ видѣ побоевъ, которые крайне рѣдки даже въ семьяхъ низшихъ классовъ и настолько не въ обычаѣ у японцевъ, что позволившій себѣ ихъ будетъ пользоваться общимъ неодобреніемъ или, можетъ быть, даже презрѣніемъ среди своихъ знакомыхъ. И тѣмъ не менѣе мы въ правѣ сказать, что, говоря вообще, замужняя жизнь японки, вплоть до пожилыхъ лѣтъ по крайней мѣрѣ, протекаетъ въ тяжелыхъ условіяхъ. Она живетъ подъ вѣчнымъ страхомъ оказаться выброшенной изъ дома мужа, безъ всякой вины со своей стороны, и притомъ выброшенной безъ права требовать своихъ дѣтей, которыя, согласно обычаю, всегда остаются при отцѣ,—если только онъ не невмѣняемъ, страдая какою-либо психической болѣзнью. А если бы дѣти и отданы были матери, то какъ могла бы она кормить ихъ, не имѣя возможности обратиться къ заработному труду, если только не принадлежала къ низшему сословію? Излишне говорить о томъ, какія душевныя муки испытываетъ женщина, у которой отняли дѣтей вообще, а особенно въ той странѣ, гдѣ женщина лишена возможности обратиться къ какой-либо дѣятельности, погруженіе въ

которую хотя отчасти помогло бы ей справиться со своимъ горемъ и дало бы смыслъ ея существованію!

Замѣтимъ теперь, что въ низшихъ классахъ населенія, а особенно въ крестьянствѣ, положеніе женщины въ дореформенной Японіи было, безъ сомнѣнія, менѣе тягостно, чѣмъ въ другихъ классахъ: жена крестьянина нужна ему отнюдь не какъ кукла для удовлетворенія его прихотей и не какъ служанка для заботы объ его удобствахъ, а какъ равноправный ему товарищъ въ борьбѣ за существованіе... И это обстоятельство, при мягкости нравовъ въ японской семьѣ, дѣлаетъ долю японской крестьянки, несмотря на необходимость подчиняться безусловно свекру и свекрови и выносить покорно всѣ ихъ прихоти, совсѣмъ сносною. «Крестьянки и работницы счастливѣе жены даимія», говоритъ японская поговорка... Но чѣмъ выше поднимаемся мы по ступенямъ соціальной лѣстницы, тѣмъ тяжелѣе найдемъ положеніе женщины въ Японіи.

Правда, въ высшихъ классахъ разводы всегда имѣли мѣсто сравнительно рѣже, чѣмъ въ среднихъ, *гдѣ число ихъ достигало одной трети числа браковъ*, такъ какъ они во всякомъ случаѣ сопровождались бы скандалами, которыхъ высокопоставленныя семьи стараются избѣжать: опасеніе que dira le monde и въ Японіи имѣетъ значеніе не меньшее, чѣмъ въ западныхъ странахъ!.. Но отъ этого доля жены вельможи не дѣлается легче, такъ какъ если мужъ, охладѣвъ къ ней, и терпитъ ее, то зато и не считается съ нею: тотъ же свѣтъ, который осудилъ бы его, если бы онъ далъ женѣ разводъ, смотритъ равнодушно на приближеніе имъ себѣ «гласно или негласно» такъ называемой «о мекаке», т.-е. наложницы. И если законная жена не хочетъ развода, котораго боится чаще всего изъ любви къ дѣтямъ своимъ, то она безропотно подчиняется обычаю, требующему отъ нея вѣжливаго и внимательнаго отношенія къ своей соперницѣ и даже такого же ласковаго обращенія съ дѣтьми ея, какъ и со своими собственными,—тѣмъ болѣе, что дѣти «мекаке» могли усыновляться мужемъ безъ всякихъ ограниченій въ правахъ ихъ. Не трудно понять трагизмъ положенія жены при такихъ условіяхъ, особенно, если принять во вниманіе, что она должна безмѣрно бороться съ ревностью: проявленіе этого чувства спасло бы мужа ея отъ нареканій общества за изгнаніе ея изъ дома и, слѣдовательно, за отнятіе отъ нея дѣтей и за возвращеніе ея къ своимъ кровнымъ родственникамъ, которые встрѣтили бы ее не съ участіемъ, а съ упреками и укорами «за неумѣнье поладить съ мужемъ»... Уже и того, что̀ сказано, довольно, чтобы понять тяжесть положенія жены въ японской семьѣ... А между тѣмъ эта тяжесть еще усиливается требованіями отъ нея рабскаго подчиненія свекру и свекрови и вообще роднымъ мужа.

Разберемъ теперь, какимъ образомъ изложенный въ поученіи Кайбары взглядъ на женщину, а также и легкость разрыва брачныхъ отношеній вліяетъ на нравственность японокъ.

Среди европейцевъ распространено широко мнѣніе о фривольности, доступности и безнравственности японскихъ женщинъ вообще. Особенно упорно держится оно въ Россіи, гдѣ литература объ Японіи очень бѣдна и гдѣ свѣдѣнія объ японской женщинѣ доставляются главнымъ образомъ моряками военнаго и торговаго флотовъ, которымъ, за немногими исключеніями, нѣтъ времени ознакомиться съ Японіей иначе, какъ по портовымъ городамъ, а съ японскою женщиной—иначе, какъ въ лицѣ представительницъ ея, очаровывающихъ ихъ въ чайныхъ домахъ или еще въ менѣе почтенныхъ портовыхъ учрежденіяхъ. Да не только моряку, а и туристу вообще, по сравнительной замкнутости японской семьи, трудно видѣть японку въ настоящемъ свѣтѣ. Обратимся, поэтому, къ болѣе компетентному свидѣтельству тѣхъ европейцевъ и американцевъ, которые, подобно Чамберлэну, Алисѣ Беконъ, Рансому и друг., долго жили въ Японіи, имѣвъ случай близко сталкиваться съ японскою женщиной въ ея нормальной обстановкѣ. Вотъ что говоритъ послѣдній авторъ въ своей интересной статьѣ о нравственности въ Японіи *).

«Что за причины постоянныхъ нападеній туристовъ на нравственность японки? Увы, я могу найти только одну и притомъ невыгодную для ихъ репутаціи: я думаю, что поносители нравственности японокъ широко пользовались случаями, представляющимися для каждаго иностранца, близко видѣть ту безнравственность, о которой они говорятъ, не давъ себѣ труда усвоить истину, что значительная доля порока въ открытыхъ портахъ развилась по винѣ иностранцевъ, и что многія изъ непочтенныхъ учрежденій здѣсь приноровлены къ ихъ вкусамъ, а не свойственны самой Японіи»... «Наиболѣе широко распространенный трудъ, претендующій освѣтить характеръ японской женщины, есть книга Пьера Лоти «Мадамъ Хризантемъ», героиня которой къ несчастью не болѣе, какъ портовая дѣвушка, принимаемая несвѣдущимъ иностранцемъ за типъ японской женщины лишь благодаря таланту автора, искусно одѣвшаго ее въ романтическій вѣнецъ... Героиня хорошо извѣстной американской пѣсенки О Юча-Санъ—тоже дѣвушка изъ чайнаго дома»...

«Иностранецъ-туристъ, говоря вообще, долженъ сознаться, что онъ вступаетъ въ эту страну уже съ предубѣжденіемъ и можетъ быть даже не безъ тайнаго желанія насладиться тою доступностью японокъ, о которой онъ слышалъ изъ источниковъ, въ родѣ названныхъ выше. Не говоря на мѣстномъ языкѣ, онъ требуетъ гида; и первый вопросъ, съ которымъ къ нему обращается послѣдній,—тотъ же, какой слышитъ

*) „Japan in Transition; by Stafford Ransome", chap. VII.

часто туристъ отъ гида и во всякой другой странѣ, вступая на берегъ ея въ портовомъ городѣ. И вотъ, онъ начинаетъ свое знакомство съ японками обходомъ портовыхъ увеселеній. Онъ посѣщаетъ, подъ руководствомъ гида, наиболѣе популярные полуиностранные чайные дома; видитъ нѣсколько представленій гейшъ, научившихся приноравливаться къ вкусамъ европейскаго гостя, и можетъ быть идетъ еще въ такія учрежденія, о посѣщеніи которыхъ не скажетъ своимъ знакомымъ и домашнимъ. Затѣмъ, онъ отправляется въ Токіо, гдѣ, конечно, не обойдетъ знаменитой іошивары *)... Видя, что порокъ, хотя и прикрытый образцовымъ порядкомъ и изящною формой, процвѣтаетъ тамъ, онъ «возмущается», но не задаетъ при этомъ себѣ вопроса, нѣтъ ли подобныхъ учрежденій на его родинѣ, легальныхъ или нелегальныхъ, которыя гораздо болѣе позорны и безконечно болѣе грязны, чѣмъ токійская іошивара.

«Послѣ посѣщенія этого учрежденія негодующій туристъ считаетъ, что видѣлъ довольно для того, чтобы сказать, что японскія женщины безнравственны; но на этихъ доказательствахъ онъ все-таки еще не останавливается. Онъ хочетъ провѣрить все, что̀ читалъ... А читалъ онъ, конечно, не то, что японка—хорошая дочь, любящая мать, вѣрная жена и заботливая хозяйка, и что она, въ предѣлахъ тробованій страны, тщательно воспитана. Онъ не читалъ, что она сдержанна, полна собственнаго достоинства и женственна.. Если бы онъ думалъ такъ о ней, то былъ бы ближе къ истинѣ... Но онъ, со словъ поверхностныхъ писателей, представляетъ себѣ японку чѣмъ-то въ родѣ забавной игрушки, смѣющейся куколки со свойствами бабочки; онъ читалъ, что она ходитъ уточкой, всегда куритъ трубку и играетъ на самисенѣ; что она не имѣетъ ни воспитанія, ни развитія, ни серьезныхъ чувствъ и никакого понятія о нравственности, и что на ней легко жениться на-время **), по контракту. И вотъ, ободренный туристъ добивается того, что гидъ представляетъ его «дамѣ», которая имѣетъ «дочь», готовую сдѣлаться его японскою женой. Туристу сказали что она изъ класса самураевъ, и хотя иностранецъ не знаетъ, что̀ это значитъ въ точности, но все-таки имѣетъ смутное иредставленіе о томъ, что это—что-то почетное... И свадьба состоялась! Иностранца можно извинить за то, что онъ считаетъ свою случайную подругу женщиной благороднаго происхожденія: ея манеры и все ея поведеніе отъ начала до конца будутъ скромны и благородны, каково бы ни было въ дѣйствительности ея положеніе въ обществѣ; кромѣ того, онъ имѣетъ всѣ шансы на то, что она—бѣдная дѣвушка, и хотя без-

*) Описаніе іошивары см. ниже.

**) Распространенное у насъ мнѣніе о томъ, что брачные контракты въ Японіи заключаются вообще на-время, совершенно невѣрно и оправдывается лишь по отношенію къ женщинамъ, продающимся мужчинѣ „на содержаніе“.

спорно ненавидящая въ душѣ свою роль,—будетъ, по принципу и по воспитанію, вѣрна ему—своему временному мужу до тѣхъ поръ, пока онъ не порветъ контракта и не уѣдетъ въ свою страну, оставивъ ее въ положеніи, при которомъ она, безъ сомнѣнія, вынуждена будетъ повторять свои матримоніальные опыты съ другими иностранцами»...

Вотъ изъ какихъ «изслѣдованій» выводитъ туристъ свои заключенія о безнравственности японскихъ женщинъ. «Но если взять въ соображеніе всѣ условія,—говоритъ далѣе Рансомъ,—при которыхъ такіе временные браки совершаются, то легко отвѣтить, если только быть искреннимъ, кто изъ двухъ болѣе безнравственъ: тотъ ли, который пользуется только вкусными плодами, или та, которая, часто противъ своей воли, предназначена къ постоянной продажѣ, пока свѣжа и молода, и къ нищетѣ и презрѣнію, когда преждевременно состарится?

«Для европейца, долгое время жившаго въ Японіи ясно, что здѣсь невѣрность со стороны женщинъ поразительно рѣдка, даже при условныхъ бракахъ между иностранцемъ и туземкой, а уже тѣмъ болѣе въ нормальныхъ японскихъ семьяхъ. Въ нихъ мужъ можетъ развестись съ женой и часто дѣлаетъ это; но разводъ въ Японіи обусловливается не невѣрностью жены, а требованіями удобства мужа, и я утверждаю, что дѣйствительные японскіе браки, несмотря на невыгодное положеніе женщины, представляютъ примѣръ женской добродѣтели, которая далеко выше идеала ея во многихъ цивилизованныхъ странахъ».

Съ этимъ категорическимъ утвержденіемъ Рансома безусловно сходятся мнѣнія Чамберлэна и Алисы Беконъ, которая говоритъ: «на основаніи близкаго знакомства съ японскими женщинами и дѣвушками я пришла къ убѣжденію, что немногія женщины въ какой-либо странѣ исполняютъ свой долгъ, по своему разумѣнію, болѣе благородно, съ большей готовностью и къ большему удовлетворенію окружающихъ ихъ, чѣмъ японки».

Мнѣніе туристовъ о легкости нравовъ и отсутствіи стыдливости японокъ основано въ значительной мѣрѣ еще на томъ, что онѣ, во многихъ случаяхъ, относятся совершенно хладнокровно къ обнаженію своего тѣла на глазахъ мужчинъ. Факты такого обнаженія нерѣдки; но для истиннаго сужденія о нихъ нужно знать «точку зрѣнія» японца на этотъ предметъ, и она, по нашему мнѣнію, превосходно разъясняется Алисой Беконъ, выводы которой, какъ женщины-представительницы западной цивилизаціи, особенно цѣнны для насъ.

«Тщательное изученіе японскихъ понятій о приличіяхъ и частыя бесѣды съ образованными и интеллигентными японскими дамами по этому предмету привели меня къ слѣдующему заключенію. Согласно взгляду японцевъ, обнаженіе своего тѣла, если только оно вызывается требованіемъ здоровья, чистоты или даже просто удобства при исполненіи необходимой работы, вполнѣ скромно и поэтому позволительно; но обнаженіе тѣла, хотя бы и въ самой малой степени, съ единствен-

ной цѣлью «напоказъ» считается въ высшей степени неделикатнымъ. Для иллюстраціи первой части этого заключенія я сошлюсь на открытые купальные дома или бани, голыхъ работниковъ, обнаженіе ногъ въ сырую погоду подворачиваніемъ «кимоно», совершенно голыхъ дѣтей въ деревнѣ лѣтомъ и весьма легкое платье, которое даже для отроковъ считается необходимымъ въ домѣ или на улицѣ во время жары. Для иллюстраціи же второй части заключенія я укажу на ужасъ, съ какимъ многія японскія дамы смотрятъ на фасонъ иностранныхъ платьевъ, которыя, хотя и покрывая тѣло вполнѣ, раскрываютъ каждую деталь бюста, чтобы, какъ мы говоримъ, показать хорошенькую фигуру. Съ японской точки зрѣнія показывать хорошенькую фигуру совсѣмъ нескромно. Что касается бальныхъ костюмовъ, въ которыхъ шея и руки обнажены напоказъ толпѣ, то японская женщина, не стѣсняющаяся взять ванну въ присутствіи мужчинъ, испытывала бы агонію стыдливыхъ мученій при мысли о появленіи передъ публикой въ костюмѣ, излюбленномъ многими почтенными американками и европеянками. Наше сужденіе было бы поспѣшнымъ, если бы мы заключили, что чувство приличія не развито въ японской расѣ, и что женщинамъ недостаетъ женственнаго инстинкта скромности. Когда точка зрѣнія, съ которой онѣ смотрятъ на это дѣло, понята, то вполнѣ объясняются всѣ кажущіяся несообразности ихъ обычаевъ въ этомъ отношеніи, и мы можемъ отдать справедливость нашимъ японскимъ сестрамъ, если скажемъ, что о нихъ слишкомъ часто судятъ крайне ошибочно».

Но если японка вѣрна, какъ жена—законная или временная,—если она остается приличной. сдержанной и изящной во всякой роли, то это надо отнести къ общимъ свойствамъ японскаго народа, отличающагося вѣрностью своему долгу, трезвостью и уваженіемъ къ условнымъ приличіямъ, а, конечно, отнюдь не къ тому подчиненному и безличному положенію женщины, которое, какъ мы видѣли, японцы считаютъ «предначертанными законами земли и неба». Это положеніе безспорно и послужило причиной того широкаго развитія «узаконенной» проституціи въ Японіи, подобнаго которому, быть можетъ, трудно найти въ какой-нибудь другой странѣ.

Въ каждомъ японскомъ городѣ имѣется пользующійся плохой репутаціей кварталъ, гдѣ расположены, часто въ очень большомъ числѣ, снабженные патентомъ дома проституціи—«жоройя». Правительственный надзоръ за этими домами чрезвычайно строгъ и проявляется во всевозможныхъ усиліяхъ къ регулированію зла строгими узаконеніями. Въ то же время владѣльцы «жоройя» дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы эти дома, садики при нихъ и сами жилички—«жоро»—имѣли привлекательный видъ. И надо сказать, что, благодаря этому, а также полному отсутствію сквернословія, грубости и даже рѣзкости, и отсутствію пьянства среди «жоро», разсматриваемые кварталы по внѣшнему виду

и порядку въ нихъ часто составляютъ одну изъ лучшихъ частей города. Образцомъ учрежденій этого рода является вышеупомянутая уже токійская Іошивара, исторію происхожденія которой Чамберлэнъ описываетъ такъ:—

Когда городъ Іедо (прежнее названіе Токіо) внезапно сдѣлался мѣстомъ блеска и роскоши, въ началѣ XVII столѣтія, то туда стекались со всей страны, въ поискахъ за счастьемъ, представители всѣхъ слоевъ населенія; среди нихъ куртизанки были не на послѣднемъ мѣстѣ. Онѣ, какъ говорятъ туземныя лѣтописи, поселялись тамъ изъ Кіото, изъ Нары, изъ Фушивы, небольшими партіями, — по двѣ, по четыре красавицы въ каждой. Но всѣ онѣ должны были уступить первенство многочисленной и самой красивой группѣ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ въ числѣ двадцати или тридцати изъ города Мото-Іошивара, вслѣдствіе чего та часть Іедо, гдѣ онѣ поселились, получила названіе Іошивара. Сначала эти изящныя гостьи не подвергались никакому офиціальному надзору и были свободны жить гдѣ угодно; но впослѣдствіи для проститутокъ былъ отведенъ спеціальный кварталъ, къ которому, въ память наиболѣе успѣшныхъ куртизанокъ, и перешло названіе Іошивара, и внѣ котораго появленіе проститутокъ преслѣдовалось закономъ. Такой порядокъ практикуется и нынѣ во всѣхъ другихъ городахъ Японіи и имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ превосходный результатъ: улицы японскихъ городовъ ночью никогда не являются сценами тѣхъ нескромныхъ домогательствъ жрицъ культа Венеры съ одной стороны и той беззастѣнчивой охоты на нихъ съ другой, которыя,—какъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстно петербуржцамъ,—такъ часто портятъ лучшія улицы большихъ европейскихъ городовъ.

Въ прежніе годы, до начала тѣхъ активныхъ протестовъ со стороны токійскаго отдѣленія «арміи спасенія» противъ эксплоатаціи жертвъ Іошивары содержателями домовъ ея, о которыхъ мы говоримъ во II-й главѣ нашей статьи, населеніе ея было весьма многочисленно; однако и нынѣ оно значительно: въ 1903 году тамъ состояло болѣе 6.000 проститутокъ!

Генри Норманъ въ своей книгѣ «The Real Japan», давъ интересное описаніе Іошивары, ошибочно называетъ ее секретнымъ учрежденіемъ; въ дѣйствительности же всякій иностранецъ, который захотѣлъ бы ознакомиться съ его организаціей, будетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ меньше затрудненій, чѣмъ по отношенію ко всякому другому правительственному учрежденію въ Японіи *).

*) Читатели, интересующіеся спеціально той отраслью соціологіи, которая обнимаетъ и вопросы о проституціи, найдутъ много подробностей объ организаціи Іошивары въ анонимной англійской брошюрѣ: „The Nightless City“, изданной въ Іокагамѣ въ 1899 году.

Мнѣ лично удалось посѣтить Іошивару осенью 1903 года, когда я проводилъ нѣкоторое время въ Токіо; и я подѣлюсь здѣсь съ читателями своими впечатлѣніями.

Я отправился туда изъ отеля «Метрополь», на джиннерикшахъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по путешествію и переводчикомъ. Путь предстоялъ намъ довольно длинный, но октябрьскій вечеръ, хотя нѣсколько влажный и темный, дышалъ такою мягкою теплотой, что мы не безъ удовольствія слѣдовали по оживленнымъ улицамъ японской столицы, освѣщеннымъ то электрическимъ свѣтомъ, то пестрыми бумажными фонарями, особенно обильными у входа въ рестораны и чайные дома. Правда, по мѣрѣ удаленія отъ центра города, освѣщеніе дѣлалось все скуднѣе и скуднѣе, но скоро далеко передъ нами началъ вырисовываться большой свѣтовой оазисъ, становившійся все ярче и ярче при приближеніи нашемъ къ нему... Это и была Іошивара. У ведущихъ въ нее высокихъ воротъ изящной архитектуры, изъ полосоваго желѣза, украшенныхъ флажками и бумажными фонарями, насъ встрѣтилъ полисменъ, отобравшій отъ насъ зонтики и палки, которыхъ храненіе поручилъ одному изъ нашихъ возницъ; другому же возницѣ, заявившему, что знаетъ хорошо расположеніе улицъ Іошивара и что приведетъ насъ къ этимъ же воротамъ съ другой стороны, полисменъ разрѣшилъ сопровождать насъ.

Съ интересомъ вошли мы въ этотъ странный кварталъ, скоро смѣшавшись съ гуляющей здѣсь толпой, среди которой попадались даже женщины съ дѣтьми... Толпа была оживленная, но вполнѣ приличная, даже чинная.

По обѣимъ сторонамъ улицы высились дома, 2-этажные и изрѣдка 3-этажные, въ общемъ значительно болѣе красивые и бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ города. Ставни или, вѣрнѣе, цѣлыя стѣны нижнихъ этажей домовъ, были раздвинуты, и вмѣсто нихъ поставлены изящныя рѣшетки изъ бамбуковыхъ и металлическихъ прутьевъ, дающія помѣщеніямъ этихъ этажей видъ большихъ клѣтокъ. Въ каждой изъ нихъ, на подушкахъ или пестрыхъ коврикахъ, разостланныхъ на бѣлоснѣжныхъ циновкахъ, сидѣли передъ наполненными тлѣющимъ пепломъ «хибачи» (жаровня) дѣвушки, въ числѣ отъ восьми до десяти, а въ иныхъ—до двѣнадцати въ клѣткѣ, съ потолка которой невидимыми съ улицы рефлекторами направлялись на нихъ яркіе лучи электрическаго свѣта. Костюмы дѣвушекъ, строго японскаго стиля, отличались богатствомъ матеріала (сатинъ и шелкъ) самыхъ нѣжныхъ красокъ и фантастическихъ узоровъ; лица были искусно раскрашены пудрой и карминомъ, — отъ бѣлаго лба до розовыхъ щекъ и пунсовыхъ губокъ маленькаго ротика, рѣзко выдѣлявшихъ цвѣтовымъ контрастомъ бѣлые зубы. Въ густыя пряди тщательно напомаженныхъ и причудливо причесанныхъ роскошныхъ черныхъ волосъ были воткнуты серебряныя булавки и черепаховыя гребенки, придавая го

ловкамъ фантастическій видъ. Стѣны «клѣтокъ» украшены бронзированными и лакированными барельефами и фресками, веселящими глазъ, но отнюдь не порнографическаго содержанія: на одной изображена охота за убѣгающими оленями, на другой—какая-то праздничная процессія, на третьей—пріемъ вельможи и т. п.

Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ курили изъ красивыхъ серебряныхъ трубочекъ, часто вытряхивая изъ нихъ пепелъ и наполняя ихъ новыми щепотками табаку; другія занимались вышиваніемъ узоровъ на шелку или какой-то другой матеріи; третьи, смотрясь въ миніатюрное зеркальце, озабоченно и не обращая вниманія на толпящихся возлѣ «клѣтокъ» зрителей, подправляли на своемъ личикѣ краски граціозными и искусными движеніями кисточки... Никакой торопливости или застѣнчивости не обнаруживали онѣ въ этомъ процессѣ украшенія своей природы, установленнаго требованіями не только ихъ профессіи, но и обычая страны вообще.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы съ товарищемъ или другіе зрители останавливали свое вниманіе на той или другой изъ красавицъ и передавали другъ другу свои впечатлѣнія о ней, она (почти всегда по знаку хозяина, которому естественно хотѣлось зазвать къ себѣ побольше гостей) подбѣгала къ рѣшеткѣ, высовывала изъ нея свою изящную ручку и ласково лепетала, очевидно, приглашеніе. Всѣ манеры ея при этомъ были такъ скромны и приличны, что трудно было связать ихъ со всемъ смысломъ этой оригинальной обстановки... И, конечно, случалось, что хозяинъ былъ удовлетворенъ: красавица увлекала гостя Іошивары въ верхній этажъ для услажденія его интимными ласками за закрытыми ставнями...

Нерѣдко можно было наблюдать и такія сцены: молодой японецъ тихо бесѣдовалъ съ стоящей передъ нимъ за рѣшеткой дѣвушкой, и по выраженію лицъ обоихъ ихъ нельзя было не понять, что они знакомы другъ съ другомъ близко и, вѣроятно, чувствуютъ другъ къ другу болѣе поэтическое влеченіе, чѣмъ то, цѣлямъ котораго профессіонально служитъ Іошивара... Нѣтъ обстановки, которая могла бы совсѣмъ задушить нормальныя человѣческія чувства!

Среди «клѣтокъ» легко было замѣтить такія, которыя отличались отъ другихъ болѣе богатыми украшеніями на стѣнахъ и особенно красивыми, изящными, молоденькими и свѣжими обитательницами. Передъ такими клѣтками положенъ, во всю длину ихъ, брусъ, въ родѣ барьера, не позволявшій подойти вплотную къ рѣшеткѣ. Здѣсь сидѣвшія за ней дѣвушки не понукались хозяиномъ подойти къ намъ и только издали взглядывали на насъ съ торжествующей, задорной и иногда, можетъ быть, даже презрительной улыбкой... По объясненію переводчика, въ этихъ домахъ Іошивары сосредоточены дѣвушки, «откупленныя» аристократическимъ кружкомъ токійской молодежи, который одинъ только имѣетъ право на ихъ ласки.

Одна изъ такихъ «избранницъ» и до сихъ поръ живо вспоминается мнѣ: молодое личико ея, съ тонкими изящными чертами лица, отличалось невыразимой привлекательностью; поза ея въ ту минуту, когда я смотрѣлъ на нее, свидѣтельствовала о невеселой задумчивости. Головка была низко опущена; лѣвая рука безпомощно лежала на колѣняхъ, а правая сжимала шейку самисена, порванная струна котораго усиливала трогательное впечатлѣніе, производимое грустнымъ видомъ дѣвушки... Мнѣ захотѣлось подозвать къ себѣ жертву невѣдомой мнѣ драмы и высказать ей черезъ переводчика слова участія, если не утѣшенія... Но какъ разъ въ это время она повернулась въ мою сторону, и въ ея—точно смотрящихъ къ себѣ въ душу, а не на то, что было передъ ними,—большихъ черныхъ глазахъ я увидѣлъ столько покорной скорби, что побоялся исполнить свое желаніе изъ опасенія еще усилить боль въ ея сердцѣ своимъ непрошеннымъ участіемъ, которое могло показаться ей простымъ любопытствомъ, если не хуже: не участіе влечетъ обыкновенно посѣтителей въ Іошивару!..

Мы пошли дальше, все мимо такихъ же клѣтокъ, проходя десятки и сотни ихъ, черезъ цѣлый рядъ улицъ, попрежнему наводненныхъ чинною толпой... И не только нѣтъ пьяныхъ среди нея, но и не нарушается приличіе ея ни грубой толкотней, ни рѣзкими возгласами... Да не слышно ничего этого и изъ-за закрытыхъ ставень верхнихъ этажей этихъ домовъ наслажденій, откуда выливаются на улицу скорѣе меланхолическіе, чѣмъ разгульные, звуки самисена...

На улицахъ города намъ показалось совсѣмъ темно, когда мы вышли изъ Іошивары, и контрастъ этой темноты съ яркимъ свѣтомъ только что оставленнаго нами мѣста, «душа котораго дышетъ чернымъ порокомъ», скоро вызвалъ въ сердцѣ, взамѣнъ впечатлѣній внѣшней красоты и блеска, щемящее чувство тоски и какъ будто укора совѣсти... Не такъ же ли легко относится мужчина къ судьбѣ женщины и въ гордящихся своею цивилизаціей западныхъ странахъ, гдѣ по его прихоти создано столько рабынь веселья, что если бы собрать ихъ вмѣстѣ, то онѣ въ каждомъ большомъ городѣ составили бы не менѣе населенныя, хотя и менѣе блестящія, Іошивары!..

Токійская Іошивара—учрежденіе безнравственное и жестокое по существу. Но нельзя не сказать, что по внѣшнему устройству своему она служитъ яркимъ выраженіемъ любви японцевъ къ эстетическимъ зрительнымъ впечатлѣніямъ и образцомъ идеальной практической обработки, до неумолимо логическаго конца, теорій тѣхъ, которые защищаютъ государственное регулированіе порока.

Хотя и въ Японіи профессія «жоро» отнюдь не считается заслуживающей одобренія, но все-таки общественное мнѣніе не смотритъ такъ на проститутку съ тѣмъ презрѣніемъ, какое внушаетъ она въ христіанскихъ странахъ. Главная причина этого кроется въ томъ, что женщины здѣсь рѣдко предаются своей профессіи самопроизвольно, изъ

чувственнаго увлеченія передъ соблазнами. Многія изъ нихъ въ сущности—рабыни или попавшія туда изъ нужды послѣ невольнаго развода съ мужемъ, или проданныя въ дѣтствѣ еще содержателямъ «жоройя», подъ руководствомъ которыхъ онѣ воспитываются и подготовляются къ позорному образу жизни, не извѣдавъ еще на самостоятельномъ пути никакого другого. Наконецъ, нѣкоторыя проститутки, можетъ быть, и пожертвовали собой добровольно и сознательно, но не изъ личнаго увлеченія, а для блага тѣхъ, кого любили и которымъ, цѣной позора, доставили средства или къ существованію, или къ спасенію отъ безчестія. Японская литература полна романтическихъ разсказовъ, въ которыхъ Іошивара играетъ видную роль. Обыкновенно героиня нашла туда путь, повинуясь чувствамъ дочерняго сострадания, чтобы поддержать своихъ престарѣлыхъ родителей, или же прямо была тайно похищена какимъ-нибудь негодяемъ, продавшимъ ее сюда для своей собственной выгоды. Исторія часто кончается тѣмъ, что дѣвушка извлекается изъ этой среды, гдѣ опозорено ея тѣло, но гдѣ не тронуто ея чистое сердце, благодаря увлеченію ею какимъ-нибудь богатымъ молодымъ человѣкомъ или просто добрыми людьми. «Такія исторіи необходимо должны понизить мѣрку нравственности въ отношеніи цѣломудрія;—говоритъ Алиса Беконъ—но въ странѣ, гдѣ мало мѣста для развитія невиннаго романа, воображеніе должно искать для себя матеріалъ тамъ, гдѣ можетъ».

Тотъ же авторъ, изложивъ содержаніе одной изъ популярнѣйшихъ въ Японіи историческихъ драмъ, героиня которой добровольно продаетъ себя въ увеселительный домъ, чтобы достать для мужа деньги, необходимыя для спасенія его чести, замѣчаетъ: «Японскія женщины, читая такія исторіи, чувствуютъ глубокое сострадание къ бѣдной женѣ и ужасъ передъ жертвой, обрекающей ее на такую жизнь, которая даже и съ японской точки зрѣнія повергаетъ женщину въ бездну паденія. Но онѣ не презираютъ ея за такой поступокъ; онѣ не отказались бы принять ее въ домъ свой, который, благодаря болѣе счастливымъ обстоятельствамъ, избавленъ отъ такой жертвы, какую принесла она. Именно въ такихъ понятіяхъ и кроется сущность различія моральныхъ воззрѣній японцевъ и иностранцевъ, которую послѣдніе часто не могутъ понять не только послѣ поверхностнаго знакомства съ Японіей, но и послѣ долгаго тамъ пребыванія; и это непониманіе заставляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ думать, что нѣтъ скромности и чистоты среди японскихъ женщинъ. То же непониманіе дѣлаетъ возможнымъ распущеніе одними иностранцами самыхъ низкихъ вымысловъ о поведеніи японской женщины и принятіе другими этихъ вымысловъ на вѣру, безъ провѣрки, хотя бы они относились къ самой чистой, высоко развитой и самой почтенной японкѣ.

«Нашимъ дѣвушкамъ внушаютъ, что нѣтъ ничего хуже личнаго безчестія, и такое внушеніе вполнѣ гармонируетъ съ ихъ женствен-

нымъ инстинктомъ. У насъ эпитетъ «добродѣтельная женщина» не предполагаетъ непремѣнно, что она храбра, способна на самопожертвованіе, героическіе подвиги, но означаетъ просто, что она не допускаетъ личнаго безчестія. Цѣломудріе, по нашимъ понятіямъ, есть высшая добродѣтель женщины; всѣ другія добродѣтели второстепенны по сравненію съ нею. Эта наша точка зрѣнія и вся перспектива нравственныхъ воззрѣній нарисованы нами такъ, что названная добродѣтель выступаетъ на первый планъ. Отрѣшимся отъ этого на моментъ и взвѣсимъ моральный культъ японской дѣвушки. Съ ранняго возраста до зрѣлаго ей постоянно внушаютъ, что послушаніе и преданность суть высшія добродѣтели, которыя должны быть сохранены даже путемъ пожертвованія всѣми другими, менѣе значительными добродѣтелями. Ей говорятъ, что для блага отца или мужа она должна быть готовой встрѣтить всякую опасность, вынести всякое безчестіе, совершить всякое преступленіе, отказаться отъ всякаго сокровища. Она должна считать, что ничто, принадлежащее только ей одной, не имѣетъ никакого значенія по сравненію съ благомъ ея господина, ея семьи или ея страны. Поставьте эту мысль о послушаніи и вѣрности долгу до степени абсолютнаго самоотреченія на первый планъ, и ваша перспектива измѣнится: другія добродѣтели появятся на смѣну чтившихся вами выше всего. Изъ того, что японская женщина пожертвуетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, личной добродѣтелью для блага отца или мужа, слѣдуетъ ли, что всѣ японскія женщины нецѣломудренны? Для нея во многихъ случаяхъ эта жертва—самый благородный поступокъ, какой только она можетъ себѣ представить, и она рѣшается на него, какъ пошла бы навстрѣчу смерти въ самой ужасной формѣ для тѣхъ, кого она любитъ и кому повиноваться считаетъ своимъ долгомъ. Попробуемъ же проникнуться сущностью этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, прежде чѣмъ высказать свое сужденіе, и попытаемся найти причины, которыя лежатъ въ основѣ дѣйствій, прежде чѣмъ судить эти дѣйствія...»

Но, вѣдь, причины эти найти не трудно: ясно, что онѣ кроются въ томъ отнятіи у женщины права на личность, которое такъ рельефно выражено въ знакомомъ уже намъ «Великомъ поученіи» Кайбары!

Обитательницы Іошивары и другія ихъ сестры по профессіи, какъ ни привлекательны онѣ могутъ быть, отвѣчаютъ на запросы только чувственной природы японца... Однако, онъ не можетъ не имѣть по отношенію къ женщинѣ и запросовъ высшаго порядка — запросовъ природы духовной. Какъ же удовлетворялись они въ дореформенной Японіи? Конечно, не обществомъ жены и сестры съ ихъ ролью рабынь и служанокъ, а «чарами *гейшъ*».

Шредеръ въ своемъ сочиненіи «Японія и японцы» даетъ слѣдующее опредѣленіе этому классу женщинъ: «Гейши, строго говоря, пред-

ставляютъ особый и весьма своеобразный притомъ классъ поклонницъ музъ, дающій странѣ самыхъ талантливыхъ писательницъ, поэтессъ, художницъ, пѣвицъ, музыкантшъ и служительницъ Терпсихоры; и существованіе ихъ вызывается преобладающей у японцевъ страстью къ музыкѣ, пѣнію, поэзіи и любовью къ развлеченіямъ, среди которыхъ они проводятъ бо́льшую часть своей жизни».

Англійскій писатель, Дугласъ Сладенъ, въ своей книгѣ «Queer Things about Japan» *) замѣчаетъ, что «Японецъ смотритъ на гейшу, какъ на воплощеніе радостей женскаго общества, подобно тому, какъ аѳиняне въ дни Перикла смотрѣли на гетеру».

Ознакомившись съ довольно обширной литературой о гейшахъ и имѣвъ случай, за время пребыванія своего въ Японіи, бывать въ обществѣ типичныхъ представительницъ ихъ, я полагаю, что приведенными цитатами сущность профессіи гейшъ и ихъ значеніе въ жизни японца опредѣляются достаточно широко по отношенію ко всѣмъ разрядамъ ихъ.

Гейши подготовляются къ своей профессіи—танцамъ, пѣнію, музыкѣ, этикету пріема гостей и прислуживанія имъ, искусству вести бесѣду и всему тому, что́ можетъ очаровывать мужчину,—въ особыхъ учрежденіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «гейша-йя», которыя содержатся обыкновенно женщинами. Дѣвочка, предназначающаяся въ гейши, отдается сюда родителями часто еще съ 7-или 8-лѣтняго возраста, за небольшую сумму отъ 20 до 50 іенъ въ годъ. Года черезъ 3—4 она достигаетъ такихъ успѣховъ, что ее можно выпустить уже передъ публикой, хотя лишь совмѣстно со старшими подругами, причемъ до окончательной выучки будущая гейша называется «майко» или «гангъ-ю», что́ значитъ «полубездѣлушка». Настоящей же гейшей она становится лишь въ 16—17 лѣтъ. Если она умна, весела и талантлива, то скоро становится знаменитостью и достигаетъ такого благосостоянія, которое позволяетъ ей выкупиться отъ своего импрессаріо навсегда, заплативъ ему отъ 500 до 1.000 рублей единовременно.

Во всякомъ городѣ гейшъ довольно; но въ наиболѣе неприкосновенномъ по отношенію къ старинѣ видѣ онѣ сохранились въ настоящее время въ городѣ Кіото—древней столицѣ страны, гдѣ и теперь еще существуетъ такъ называемая «Національная Академія танцевъ» (кажется содержащаяся на общественный счетъ), откуда выходятъ гейши-артистки. Онѣ проходятъ здѣсь, между прочимъ, основательную школу такъ называемыхъ классическихъ движеній. И рядомъ съ этимъ—курсъ стихосложенія и исторію выдающихся героическихъ эпохъ въ жизни японскаго народа. Преимущественное вниманіе обращается на развитіе въ питомицѣ чувства изящества, любви къ поэзіи и осо-

*) „Queer Things about Japan", by Douglas Sladen. London, 1903. Chapt. XII

бенно на развитіе способностей импровизировать на историческія или героическія темы.

Кругъ дѣятельности гейшъ—широкъ и разнообразенъ; онѣ подвизаются въ ресторанахъ, чайныхъ домахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на сценахъ театровъ, въ религіозныхъ и увеселительныхъ праздничныхъ процессіяхъ и въ частныхъ домахъ. Можно сказать, что во всякомъ состоятельномъ японскомъ домѣ, держащемся обычая старины, и нынѣ еще сколько-нибудь парадный пріемъ гостей считается неполнымъ безъ участія гейшъ, и ихъ танцы, музыка и изящное прислуживаніе за трапезой составляютъ очаровательную обстановку послѣдней.

Танцы гейшъ «очаровательны, граціозны и скромны; позировка и движенія тѣла и членовъ, художественные костюмы, разнообразіе ихъ и темъ для различныхъ танцевъ,—все это дѣлаетъ наслажденіе зрѣлищемъ гейшъ самымъ популярнымъ изъ развлеченій въ Японіи»,—говоритъ Алиса Беконъ.—«Изящныя субтильныя дѣвушки, то одѣтыя въ пурпуровыя или желтыя платья, подражаютъ движеніями своего гибкаго тѣла дрожанію кленовыхъ листьевъ подъ дуновеніемъ осенняго вѣтра; то съ подоткнутыми кимоно, въ миловидныхъ красныхъ юбочкахъ, представляютъ деревенскихъ дѣвушекъ, несущихъ яйца на рынокъ въ сосѣднюю деревню; то увѣшанныя оружіемъ, подражаютъ воинственными жестами и мужественной поступью какому-либо изъ старыхъ героевъ. Или, наконецъ, съ разрисованными подъ морщины лицами и напудренными прядями волосъ, онѣ, вооруженныя кочергами и щетками, исполняютъ танецъ добраго старца и доброй старухи, которые играютъ такую выдающуюся роль въ японской живописи. И затѣмъ, когда танецъ оконченъ, и всѣ зрители очарованы граціей и красотой гейшъ, онѣ сходятъ въ комнату, гдѣ накрытъ ужинъ, и угощаютъ своихъ временныхъ друзей бутылкой сакѣ, со смѣхомъ и шутками, почему и неудивительно, что молодой человѣкъ выпиваетъ здѣсь больше, чѣмъ слѣдуетъ, и оставляетъ чайный домъ совсѣмъ навеселѣ, порабощенный блестящими глазками и веселымъ остроуміемъ какой-нибудь изъ гебъ, которая услаждала его въ теченіе цѣлаго вечера».

Однако, несмотря на кажущуюся близость между гостями и пѣвицами на японскихъ пиршествахъ, между ними сохраняется строжайшій декорумъ. Японецъ здѣсь, даже и одурманенный виномъ, никогда не рѣшится выказать при другихъ ни одной изъ молодыхъ дѣвушекъ ни малѣйшей фамильярности; никогда онъ не забудетъ, что на пиру «гейша играетъ роль нѣжнаго цвѣтка, который радуетъ глазъ, но къ которому отнюдь нельзя прикоснуться». И когда европейскіе туристы допускаютъ иной разъ слишкомъ большую фамильярность по отношенію къ гейшамъ и прислужницамъ, тѣ, хотя и переносятъ такую вольность—изъ вѣжливости—съ улыбкой, на самомъ дѣлѣ отъ души ненавидятъ за это назойливыхъ иностранцевъ.

Музыка гейшъ, играющихъ на самисенѣ (родъ гитары) и кото (родъ цитры), довольно пріятна и для европейскаго уха; но зато послѣднее положительно съ трудомъ выноситъ даже непродолжительное пѣніе ихъ: пронзительные и дребезжащіе голоса пѣвцовъ и пѣвицъ въ Японіи исходятъ какъ будто бы изъ болѣзненно сдавленнаго горла и напоминаютъ звуки, издаваемые чревовѣщателями. Такое свойство голоса пріобрѣтается путемъ продолжительнаго труда и немалыхъ физическихъ страданій, но отнюдь не присуще ему отъ природы; это ясно каждому бывшему въ Японіи, гдѣ въ разговорной рѣчи голоса какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, низки и пріятны. Алиса Беконъ дѣлаетъ предположеніе, что въ странѣ этой прототипомъ вокальной музыки послужило не пѣніе птицъ, звуки котораго отличаются полными нотами, а пискливый трескъ сверчковъ, цикадъ, кузнечиковъ и другихъ шумливыхъ членовъ царства насѣкомыхъ, извѣстныхъ тамъ подъ именемъ «семи». Надо думать, что это вѣрно, такъ какъ въ японскихъ народныхъ пѣсняхъ цикады упоминаются часто. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, поется *):

„Голосъ весь истощился отъ крика сердца,
Осталась только скорлупка семи".

Но не танцы и музыка гейшъ составляютъ главную привлекательность ихъ для образованнаго японца, а искусство поддерживать живой разговоръ, вести содержательную, остроумную поэтическую бесѣду. Чамберлэнъ говоритъ по этому поводу: «Нѣкоторыя изъ гейшъ, пріобрѣвшія знаменитость и славу своимъ талантомъ и искусствомъ, дѣлаютъ иногда блестящую карьеру; не малое число выдающихся дѣятелей показали свое увлеченіе ими самымъ практическимъ образомъ, а именно женились на нихъ.... Бесѣды гейшъ еще болѣе, чѣмъ ихъ пѣсни и танцы, помогаютъ имъ добиваться такой счастливой судьбы».

Что касается степени устойчивости гейшъ въ нравственномъ отношеніи, то вотъ что читаемъ объ этомъ у безпристрастной наблюдательницы.

Къ несчастью, гейши, хотя и прекрасны, но неустойчивы въ нравственномъ отношеніи. «Въ системѣ ихъ воспитанія манеры стоятъ выше нравственности, и многія изъ нихъ съ радостью оставляютъ свои танцы въ чайныхъ домахъ для того, чтобы сдѣлаться наложницами какихъ-либо богатыхъ японцевъ или иностранцевъ, отнюдь не становясь при такой сдѣлкѣ худшаго о себѣ мнѣнія и весело возвращаясь назадъ къ своей регулярной работѣ, какъ только контрактъ неожиданно или по условію кончается. Гейша отнюдь не должна быть непремѣнно дурною дѣвушкой, но въ ея жизни много искушеній ко злу и мало стимуловъ къ безупречному поведенію, такъ что если, съ одной стороны

*) Интересную статью на эту тему, съ превосходными иллюстраціями, изображающими разные виды семи, читатели найдутъ въ книгѣ „Shadowings" by Lafcadio Hearn. Boston, 1901, стр. 71—102.

среди нихъ и есть такія, которыя живутъ непорочно, то съ другой стороны, многія изъ нихъ сбиваются съ пути и совсѣмъ переходятъ границы. Тѣмъ не менѣе, такъ обольстительны и прелестны эти гейши, что на многихъ изъ нихъ женятся мужчины, занимающіе хорошее положеніе, и во главѣ многихъ почтенныхъ домовъ можно найти бывшихъ гейшъ. Безъ истиннаго образованія и моральныхъ принциповъ, но обученная въ совершенствѣ всѣмъ искусствамъ и умѣньямъ, которыя нравятся мужчинѣ, — остроумная, находчивая, хорошенькая и всегда хорошо одѣтая,—гейша оказывается грозною соперницей скромной, тихой дѣвушкѣ изъ хорошаго семейства, которая можетъ дать своему мужу только незапятнанное имя, молчаливое послушаніе и «вѣрную службу» во всю свою жизнь».

Первое мое знакомство съ гейшами было въ Нагасаки; но изъ него я готовъ былъ вывести заключеніе, что репутація этихъ гетеръ Дальняго Востока сильно преувеличена. Такое именно мнѣніе и высказалъ я одному весьма образованному, повидимому, и неоднократно бывавшему въ Европѣ и Америкѣ японцу, съ которымъ мнѣ пришлось ѣхать въ вагонѣ желѣзной дороги отъ Симоносеки до Кобе. Онъ, однако, горячо возражалъ мнѣ, утверждая, что мое «заблужденіе» происходитъ отъ того, что я, какъ это всегда почти бываетъ съ европейцами, видѣлъ гейшъ посредственныхъ, и притомъ «испорченныхъ» требованіями открытаго портоваго города, отнимающими у нихъ много оригинальности. «Въ Нагасаки перворазрядныхъ гейшъ почти нѣтъ; да и въ другихъ городахъ онѣ не пойдутъ на зовъ европейца, всегда почти занятыя представителями мѣстнаго общества». На прощаніе мой собесѣдникъ далъ мнѣ запечатанный конвертикъ, съ написаннымъ по-японски адресомъ, сказавъ, что если я буду въ Токіо и потребую тамъ переводчика (имя котораго онъ мнѣ также записалъ), то послѣдній доставитъ конвертикъ по назначенію и познакомитъ меня съ гейшами, которыя заставятъ меня перемѣнить свое ошибочное мнѣніе. Легко можно себѣ представить, что я не упустилъ случая провѣрить столь заманчивое обѣщаніе, и когда въ октябрѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось быть въ Токіо, я скоро нашелъ того переводчика, который былъ мнѣ нуженъ; онъ отыскалъ «извѣстнѣйшихъ гейшъ, которыя ни за что не пошли бы къ европейцу, если бы не переданное имъ письмо».

Однажды вечеромъ, подъ руководствомъ этого переводчика, я вмѣстѣ съ товарищемъ по путешествію—извѣстнымъ русскимъ беллетристомъ, съ которымъ неожиданно встрѣтился въ Нагасаки, отправился для достиженія желанной цѣли.

Мы пришли въ узенькую улицу—«кварталъ гейшъ», съ маленькими опрятными домиками, у дверей каждаго изъ которыхъ висѣлъ круглый бумажный разноцвѣтный фонарь, имѣющій форму шара, съ

надписями на немъ именъ обитательницъ домика. Нѣкоторыя изъ этихъ надписей были зачернены, что́ означало, что гейша «удалилась», т.-е. на болѣе или менѣе продолжительное время, или, можетъ быть, и навсегда, «выкуплена» своимъ поклонникомъ. Мнѣ показалось, что число такихъ домиковъ съ фонарями было не меньше двадцати. Минуя этотъ кварталъ, мы подошли къ небольшому ресторану, и встрѣченные привѣтливо многочисленной семьей, содержащей его, были проведены въ верхній этажъ его, въ просторную комнату, съ бѣлоснѣжными циновками на полу (конечно, съ насъ сняли при этомъ сапоги) и живописными какемоно и экранами на стѣнахъ... Не успѣли мы выпить по чашкѣ предложеннаго намъ неизбѣжнаго «о ча», т.-е. чая (угощеніе, никогда не ставящееся гостю на счетъ), какъ явились гейши, въ числѣ шести, съ самисенами, кото и цузурми (родъ бубновъ). Двѣ изъ нихъ едва ли достигли еще семнадцати лѣтъ, да и самой старшей, вѣроятно, было не болѣе двадцати пяти. Тоненькія, изящныя и красивыя, одѣтыя и причесанныя богато и со вкусомъ, онѣ составляли поистинѣ очаровательную группу, въ которой трудно было отдать преимущество одной передъ другими! Но впослѣдствіи, всмотрѣвшись въ нихъ, мы не могли не замѣтить, что одна изъ нихъ,—повидимому самая старшая,—болѣе другихъ и почти безупречно удовлетворяла типу женской красоты по идеалу японцевъ *). Ее звали—*Сетсу*, что означаетъ «нѣжная и вѣрная».

---

*) Японскій идеалъ женской красоты отличается во многихъ отношеніяхъ отъ нашего, такъ что почти невозможно для иностранца въ Японіи понять сужденіе японцевъ о красотѣ ихъ женщинъ, и даже еще болѣе невозможно для небывавшаго въ Европѣ японца понять основанія сужденій иностранца о красотѣ какъ японокъ, такъ и европейской женщины.

„На вкусъ японца идеальное женское лицо должно быть длинно и узко; лобъ высокъ и суживаться къ серединѣ, но расширяться и понижаться къ сторонамъ, напоминая въ очертаніяхъ знаменитую Фуджи—гору, которую такъ любитъ японская живопись. Волосы должны быть прямы, блестящаго чернаго цвѣта и абсолютно гладкіе. Японскія дамы, которыя имѣютъ несчастье обладать волнистыми или курчавыми волосами, какъ это нерѣдко бываетъ, тратятъ при туалетѣ столько же труда на распрямленіе ихъ, сколько американскія леди—на гофрированіе и завивку волосъ, когда природа лишила ихъ этой красоты. Глаза должны быть длинны и узки, слегка уклоняясь вверхъ во внѣшнихъ углахъ, а брови должны быть тонко очерчены высоко надъ глазами. Небольшой, но орлиный носикъ долженъ быть, однако, низокъ въ началѣ переносья, причемъ орлиная кривизна его должна начинаться, слѣдовательно, ниже, чѣмъ это бываетъ у человѣка кавказскаго племени; наконецъ, глазныя впадины не должны быть глубоки, не оттѣсняясь рѣзко ни лбомъ, ни щеками, ни носомъ. Отвѣчающая этому послѣднему требованію плоскость лица около глазъ и даетъ кротость выраженія всѣмъ молодымъ лицамъ монгольскаго типа, составляющую всегда столь замѣтную характеристику ихъ физіономій. Ротъ японской аристократки долженъ быть малъ, а губы—пухлыя и красныя; шея—всегда открытая при національномъ японскомъ костюмѣ—должна быть длинна, тонка и граціозно согнута. Цвѣтъ лица долженъ быть бѣлый, какъ слоновая

Первою начала передъ нами дебютъ младшая изъ гейшъ—*Уме*, т.-е. «вѣтка сливы», и, вѣроятно, въ гармоніи съ этимъ своимъ именемъ она избрала танецъ, который, какъ объяснилъ намъ переводчикъ, долженъ былъ изобразить качаніе въ бурю и прибитіе къ землѣ грозой вѣтки цвѣтущаго сливоваго дерева, а затѣмъ постепенное выпрямленіе и расправленіе лепестковъ ея въ затишье. Отнесясь скептически къ такому обѣщанію, я, однако, скоро весь отдался эстетическому зрѣлищу: такъ образны и изящны были движенія танцовщицы подъ сперва дикій, а затѣмъ ласкающій аккомпанементъ самисена, цузурми и кото... Я выведенъ былъ изъ своего созерцанія восхищеннымъ возгласомъ товарища: «совсѣмъ какъ живая статуя!..» И дѣйствительно, нельзя было лучше, чѣмъ этими словами, опредѣлить строгую пластичность и безукоризненную грацію одинаково какъ быстрыхъ, такъ и медленныхъ движеній гейши... Ободренныя ли искренностью нашего увлеченія, или изъ желанія оправдать рекомендацію японца, благодаря которой онѣ явились къ намъ,—наши гостьи были очень щедры на танцы, какъ подобные сейчасъ описанному, такъ историческіе и жан-

---

кость, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. Типомъ дышащей здоровьемъ деревенской дѣвушки въ Японіи не восторгаются и находятъ, что всѣмъ, даже румянцемъ на щекахъ, надо пожертвовать въ пользу „деликатности“, которая является непремѣннымъ условіемъ японской красоты. Фигура должна быть субтильна, талія—длинна, но не особенно узка, а бедра узки, что способствуетъ наибольшей эффектности японскаго костюма. Голова и плечи должны быть наклонены немного впередъ, такъ же какъ и бюстъ, слегка согнутый въ таліи—необходимое условіе женственной и аристократической манеры держаться. При ходьбѣ шагъ долженъ быть короткій и быстрый, съ обращенными внутрь (другъ къ другу) носками, причемъ ноги должны подниматься такъ мало, чтобы геты или сандаліи волочились по землѣ съ каждымъ шагомъ. Это условіе вызывается требованіями скромности вслѣдствіе узкости юбки японскаго платья.

Контрастъ съ очерченнымъ выше типомъ, это—бѣлокурые курчавые волосы круглые голубые глаза, розовыя щеки, прямыя съ тонкою таліей и широкими бедрами фигуры многихъ иностранныхъ красавицъ, быстрая походка съ длиннымъ отчетливымъ шагомъ и видъ почти мужской силы и независимости, который свойственъ особенно англійскимъ и американскимъ женщинамъ... И легко видѣть, какъ мало красиваго японцы находятъ въ послѣднихъ. Голубые глаза, глубоко сидящіе въ своихъ впадинахъ и раздѣленные переносьемъ, выдающимся, какъ барьеръ, между ними, придаетъ, по мнѣнію японца, „не испортившаго“ своего вкуса за границей, суровость и грубость лицу. Даже дѣти сначала пугаются голубоглазой, бѣлокурой иностранки и только послѣ значительно продолжительнаго знакомства съ такою особой перестаютъ обнаруживать безотчетный страхъ въ ея присутствіи. Иностранцы, поживъ долгое время въ Японіи, находятъ, что ихъ вкусъ безсознательно мѣняется, и видятъ, къ своему собственному изумленію, что ихъ землячки кажутся непривѣтливыми, суровыми и неуклюжими посреди маленькихъ, кроткихъ, хрупкихъ и граціозныхъ японскихъ дамъ“.

ровые, сопровождавшіеся мимикой и жестами, гармонировавшими съ сюжетомъ ихъ. Особенно интересны и живы показались намъ: танецъ «капори», который исполненъ былъ четырьмя танцовщицами сразу, изображавшими попарно мужчину и женщину за спѣшными полевыми работами, и танецъ «болтушка», въ которомъ одна гейша «утомляла» своею болтовней другую, вызывая у нея зѣвоту и скуку въ лицѣ.

О пѣніи гейшъ вообще, съ его чревовѣщательными выкрикиваніями, я приводилъ уже выше свѣдѣнія... И, къ сожалѣнію, то, что́ мы слышали здѣсь, не позволяетъ мнѣ ничего прибавить къ нимъ. Однако, все-таки одна пѣсенка, исполненная Сетсу съ выраженіемъ страсти, явнымъ даже и для насъ, не понимающихъ манеры японскаго пѣнія, заинтересовала меня. Слова пѣсни, согласно передачѣ ихъ мнѣ переводчикомъ, гласили: «Если ты умрешь, мой возлюбленный, могила не овладѣетъ тобой: прахъ твой выпью я, смѣшавъ его съ виномъ» *).

Сетсу—вѣроятно, понявъ женской чуткостью что интересуетъ меня больше, чѣмъ ея подруги,—сѣла послѣ этой пѣсни возлѣ меня и начала разговоръ со мною черезъ переводчика. При этомъ, когда тотъ назвалъ мою фамилію, она напряженно задумалась, будто стараясь что-то припомнить,—и затѣмъ, выбѣжавъ изъ комнаты, скоро вернулась къ намъ съ японской газетой, въ которой, какъ переводчикъ объяснилъ мнѣ, было упомянуто о пріѣздѣ моемъ въ Токіо... Увы, впослѣдствіи я узналъ, что газета подозрѣвала во мнѣ «очень важнаго военнаго шпіона»; но долженъ сказать, что если Сетсу и повѣрила подозрѣнію, то это во всякомъ случаѣ не помѣшало ей быть любезной и очаровательной со мною... Не сомнѣваюсь, что наша бесѣда еще значительно выиграла бы въ интересѣ для меня, если бы мы могли обойтись безъ переводчика, хотя послѣдній, передавая рѣчи гейши, показался мнѣ гораздо умнѣе и находчивѣе, чѣмъ въ непосредственномъ разговорѣ со мною.

Я склоненъ думать, что многіе изъ читателей настоящей статьи моей, если бы имъ пришлось быть въ обществѣ изящныхъ и жизнерадостныхъ гейшъ, вмѣстѣ со мною почувствовали бы тогда искушеніе горячо защищать этихъ современныхъ намъ гетеръ отъ нападеній на нихъ ригористовъ или, по крайней мѣрѣ, отнестись къ нимъ такъ же снисходительно, какъ отнесся въ своемъ стихотвореніи «Двѣ сестры милосердія» Беранже къ очаровательной Альме — танцовщицѣ Большой парижской оперы». Припомнимъ, что въ этомъ произведеніи

*) Впослѣдствіи мнѣ передавали, что нѣсколько лѣтъ назадъ гейша О-Кама, въ Осака, осуществила на самомъ дѣлѣ то, что́ поется въ пѣснѣ. Она смѣшала съ виномъ пепелъ отъ праха своего любовника и выпила его въ присутствіи друзей покойнаго.

Беранже «заставилъ» Аллаха признать Альме, «побуждавшую жизнь любить и вѣрить въ счастье», столько же достойной рая, сколько и сердобольную монахиню, которая учила людей служить долгу и готовила ихъ къ мужественной встрѣчѣ смерти *).

Въ то же время я ожидаю, что читательницы (и, конечно, нахожу ихъ правыми) безъ колебаній присоединятся къ мнѣнію Алисы Беконъ, которая, послѣ оцѣнки роли гейшъ въ бытѣ Японіи, говоритъ, что эра меиджи выдвинула великую проблему для мыслящихъ женщинъ въ этой странѣ: «Въ самомъ дѣлѣ если женами передовыхъ людей являются тамъ, не какъ рѣдкое исключеніе, представительницы этого класса, то очевидно есть въ положеніи женщины что-то ненормальное и требующее неотложнаго искорененія ради блага будущаго Японіи. *Надо или поднять требованія мужчинъ по отношенію къ женщинамъ, или измѣнить старую систему образованія женщинъ.* Либеральное воспитаніе и большая свобода женщинъ должны быть признаны, повидимому, раціональнымъ средствомъ къ достиженію желаемыхъ результатовъ»... И нынѣ японская женщина, какъ мы увидимъ изъ второй главы нашей статьи, уже находится на пути къ этому достиженію.

Н. П. А.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Въ изящномъ переводѣ Мея читаемъ, что послѣ исповѣди обѣихъ сестеръ:

„Имъ отвѣчалъ привратникъ рая:
„Войди, войди, чета младая
Обѣихъ васъ любовь вела—
И васъ зоветъ къ себѣ Алла,
Всегда того принять готовый,
Кто осушилъ хоть каплю слезъ—
Носилъ ли онъ вѣнокъ терновый,
Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ“

НОЧЬ МОЯ!

Съ разсвѣтомъ дня, какъ рабъ гонимый,
Съ тоской въ душевной глубинѣ,
Несу трудъ тяжкій, нелюбимый...
Но въ часъ ночной отрадно мнѣ
Стряхнуть, какъ пыль дороги знойной,
Заботы жизни безпокойной
И сознавать, мечты тая,
Что день прошелъ и ночь моя!

Душа сроднилася съ искусствомъ,
И грезы къ творчеству влекутъ,
Но и мечтамъ, и пылкимъ чувствамъ
Стоитъ преградой тяжкій трудъ!
Онъ—надъ живымъ могильный камень,
Подъ нимъ не вспыхнетъ сердца пламень...
И если живъ душою я,
Даетъ мнѣ силы ночь моя!

Какъ хлѣба ждетъ бѣднякъ голодный,
Я жду свободнаго труда,
И только день пройдетъ безплодный,
Я твой, поэзія, тогда!
Какъ птица, сердце встрепенется
И пѣсня бодрая польется,
И каждый страстный звукъ ея
Рождаетъ въ сердцѣ ночь моя!

А. Лукьяновъ.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Окончаніе* *)

Глава XVIII.

На другой день вечеромъ Вихницкій пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ вмѣстѣ съ Мишей. Родные мальчика не только не ставили никакихъ затрудненій, но Ровенскій даже приходилъ благодарить Вихницкаго за то, что онъ взялъ на себя заботу о Мишѣ.

— Берите его!—сказалъ онъ въ заключеніе, чувствительно пожимая руку молодому человѣку.—Можете его бить, терзать, рвать у него мясо клочками, только доведите его до настоящаго дѣла!

Въ Ноксвилѣ считали Вихницкаго солиднымъ молодымъ человѣкомъ, быть можетъ, благодаря его замкнутости и серьезному виду. По поводу его отъѣзда даже прошелъ слухъ; что онъ приглашенъ въ Россію на спеціальное мѣсто.

Пароходъ, на которомъ они собирались уѣхать, уходилъ черезъ нѣсколько дней и Вихницкій остановился на это время у своей сестры. Она была замужемъ за типографщикомъ, который выбился изъ простыхъ рабочихъ и понемногу поднимался вверхъ по соціальной лѣстницѣ. Мужъ и жена съ головою ушли въ американскую дѣловитость и не понимали ничего, кромѣ накопленія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по склонности американцевъ соединять разнообразныя предпріятія, они устроили маленькій, но очень приличный, почти добродѣтельный кафе-шантанъ. Пѣсни и жесты актрисъ на открытой сценѣ были такъ умѣренны, что матери семействъ имѣли полную возможность посѣщать это заведеніе вмѣстѣ съ дѣтьми. Поэтому новое предпріятіе стало сразу давать прекрасные сборы.

Родные не понимали Вихницкаго, но не пробовали спорить.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1904 г.

Они смотрѣли на него съ сожалѣніемъ, почти какъ на помѣшаннаго. Америка для нихъ была богатая тучная страна, почти обѣтованная земля, гдѣ каждый трезвый и проворный человѣкъ можетъ такъ легко разбогатѣть.

Россія представлялась имъ только, какъ черта осѣдлости, наполненная строгими чиновниками и толпами русскихъ «гоевъ», готовыхъ всегда произвести погромъ, и они никакъ не могли понять, какъ это молодой человѣкъ, выросшій въ Нью-Іоркѣ и даже не знающій ничего, кромѣ Америки, хочетъ вернуться туда. Эта точка зрѣнія была нѣкогда привезена изъ Европы. Она сохранилась во всей своей чистотѣ у разжившихся лавочниковъ, которымъ Америка давала слишкомъ много успѣха, чтобы они могли тосковать о Старомъ Свѣтѣ.

По своему родные глубоко сожалѣли Вихницкаго и готовы были ему помочь, чѣмъ возможно. Зять было предложилъ ему денегъ, но у Вихницкаго было довольно на дорогу для себя и для мальчика и онъ съ благодарностью отказался.

Пароходъ долженъ былъ уйти только черезъ три дня. Въ нѣсколько часовъ Вихницкій покончилъ нѣкоторыя личныя дѣла, взялъ деньги изъ банка, купилъ билеты, даже уложилъ вещи и книги, которыя собирался взять съ собою въ Россію. Ихъ было немного, ибо онъ жилъ, какъ живутъ молодые учителя въ Америкѣ, которые переѣзжаютъ съ одного конца континента на другой съ запасной парой платья и тремя рубахами въ чемоданѣ. Дѣлать больше было нечего, Вихницкому не сидѣлось дома, ибо дома ему приходили въ голову мысли, а онъ уже все передумалъ и рѣшилъ и не хотѣлъ возбуждать въ своемъ умѣ новыхъ вопросовъ. Идти къ кому-нибудь въ гости тоже не хотѣлось, Вихницкій сознавалъ себя уже не принадлежащимъ къ этому міру и чувствовалъ, что ему не о чемъ разговаривать съ его жителями. Онъ былъ, какъ живой призракъ среди живыхъ людей, и ихъ интересы были для него теперь еще болѣе противны и чужды, чѣмъ раньше.

Мальчикъ, напротивъ, не выказывалъ нетерпѣнія. Вмѣсто оживленія, какъ можно было бы ожидать при такой перемѣнѣ обстановки, онъ обнаруживалъ странную, даже меланхолическую молчаливость. Послѣ обѣда онъ усѣлся въ уголку съ своей скрипкой въ рукахъ и принялся наигрывать концами своихъ пальцевъ на тонкихъ струнахъ что-то очень тихое, жужжащее и странное, какъ будто мурлыкалъ самъ себѣ колыбельную пѣсенку. Въ концѣ концовъ Вихницкій оставилъ его дома и пошелъ бродить по городу, куда глаза глядятъ.

Это былъ послѣдній день передъ выборами. Значительная часть фабрикъ и промышленныхъ учрежденій кончили работу съ обѣда

и поэтому городъ имѣлъ оживленный полупраздничный видъ, какъ въ субботу послѣ полудня. Вечеромъ должно было состояться послѣднее генеральное сраженіе обѣихъ борющихся партій. Теперь, однако, было рано и мало кто думалъ о политическихъ интересахъ. Несмѣтныя толпы народа, наскоро отмывъ рабочую грязь и удовлетворивъ первый голодъ, торопились за городъ, для того, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и набраться праздничныхъ впечатлѣній среди гигантскихъ гуляній, устроенныхъ на морскомъ берегу за предѣлами Нью-Іоркской гавани, на песчаной косѣ, постоянно обдуваемой свѣжимъ вѣтромъ. Загородное теченіе толпы было такъ сильно, что его можно было замѣтить безъ труда, даже на многолюдныхъ, вѣчно безпокойныхъ нью-іоркскихъ улицахъ. Всѣ эти массы людей двигались, шли и ѣхали въ одну сторону, направляясь къ Бруклинскому мосту, откуда начинались линіи загородныхъ дорогъ.

Вихницкій полумашинально послѣдовалъ за ними, увлеченный общимъ стремленіемъ. Подъ мостомъ было движеніе и суета, какую трудно представить и изобразить въ европейскихъ словесныхъ терминахъ. Отсюда расходились во всѣ стороны лучи путей, по которымъ ежеминутно пробѣгали переполненные вагоны. Поѣзда летѣли вверху и внизу, перекрещивались, догоняли другъ друга, останавливались и собирались группами на каждомъ поворотѣ дороги. Десятки сигнальщиковъ со всѣхъ сторонъ махали бѣлыми, красными и зелеными флагами, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, какъ угорѣлые, стараясь поддержать порядокъ среди этого механическаго стада.

Пѣшеходы накапливались толпами на каждомъ перекресткѣ. Для того, чтобы перейти дорогу, требовалось полное напряженіе вниманія, ибо даже опытный человѣкъ могъ растеряться въ стаѣ желѣзныхъ чудовищъ, пыхтя перебѣгающихъ влѣво и вправо, какъ раздраженные желѣзные быки. Въ самыя критическія минуты огромный полицейскій, стоявшій какъ каріатида, на какомъ-нибудь островкѣ земли, окруженномъ со всѣхъ сторонъ рельсовыми ручьями, поднималъ свою коричневую палку. Тогда желѣзное стадо сразу останавливалось, и человѣческая толпа быстро перетекала черезъ дорогу, торопясь въ свою очередь очистить перекрестокъ.

Передній устой моста нависъ надъ площадью огромной аркадой, похожей на чудовищную пещеру, сложенную изъ стальныхъ сталактитовъ. Она была вся пронизана металлическими канатами, проводившими электрическую силу, и каждую минуту изъ каната въ колесный проводъ вагона проскакивала искра, вспыхивая мрачно и ярко, подъ тяжелымъ чернымъ сводомъ желѣзной пещеры.

Это была искусственная молнія, которую человѣкъ, наконецъ,

раскалилъ, оживилъ и заставилъ служить своимъ нуждамъ и прихотямъ.

Черезъ полчаса Вихницкій былъ на морскомъ берегу въ самомъ центрѣ гулянья. Это было открытое и низменное мѣсто, покрытое пескомъ, лишенное растительности и насквозь пропахшее соленымъ запахомъ моря.

Оно простиралось вдоль морского берега на нѣсколько десятковъ верстъ, обставленное отелями, ресторанами, игорными домами, каруселями и всякими выдумками лѣтняго веселья. У самой воды тянулся деревянный помостъ, гладкій, широкій и удобный для прогулокъ. Помостъ обнималъ огромное разстояніе, съ Брайтонскаго берега переходилъ на Мангатанскій, достигалъ большого восточнаго отеля и потомъ съ перерывомъ черезъ бухту перекидывался на Рокевейскую косу. Все это пространство за исключеніемъ перерыва, можно было пройти по гладко уложеннымъ мосткамъ, не спускаясь на землю и даже не очень обращая вниманія на непогоду, ибо значительная часть перехода имѣла кровлю, а въ другихъ мѣстахъ были повсюду устроены большія каменныя бесѣдки на случай дождя. Десятки разносчиковъ и уличныхъ продавцовъ сновали повсюду, выкликая орѣхи, сладкую тягучку, бананы, сигары, лимонадъ, но на деревянной улицѣ вверху было такъ тѣсно, что продавцы могли тамъ держаться только на самыхъ окраинахъ человѣческаго потока. Вихницкій тоже попалъ наверхъ и медленно шелъ впередъ, отдаваясь общему теченію и по временамъ останавливаясь на окраинѣ другого потока, который двигался по обратному направленію.

— Какое множество людей!—думалъ онъ, разглядывая окружающія лица, гдѣ смѣшались всѣ разнообразные типы европейской бѣлой расы, бѣлокурые, русые, брюнеты, дюжіе съ широкими скулами, тонкіе съ заостренными носами, маленькіе и вертлявые, статные и грузные, тощіе, какъ жерди, и короткіе, какъ обрубыши. Всѣ разные, чуждые, незнакомые и безучастные другъ къ другу.

И вдругъ столкнулся съ молодой четой, которая шла держась за руки и въ тѣснотѣ толпы поминутно задѣвала отдѣльныхъ пѣшеходовъ. Дѣвушка была Баскина. Она была одѣта въ кружевной кофточкѣ съ модным выпускомъ впереди и свѣтлой шелковой юбкѣ съ длиннымъ треномъ, который она заботливо несла въ рукахъ. Въ волосахъ ея былъ тотъ же пунсовый бантъ, слегка прикрытый модной шляпой, широкой и извилистой, сотканной изъ бѣлыхъ и розовыхъ кружевъ и похожей на бабочку, которая случайно сѣла на голову дѣвушки и снова собирается вспорхнуть вверхъ.

Объ руку съ Баскиной шелъ молодой человѣкъ, маленькій,

худощавый и жилистый, какъ будто весь сплетенный изъ проволоки, съ корявымъ лицомъ, длиннымъ, слегка кривымъ носомъ и дерзкими сѣрыми глазами. Это былъ кузенъ изъ Санъ-Франциско, тотъ самый, который послалъ дѣвушкѣ шифъ-карту и о которомъ она съ такою увѣренностью говорила: «Захочетъ, такъ самъ пріѣдетъ!» Его звали Наумомъ и фамилія его тоже была Баскинъ, ибо они были роднею по отцамъ.

Наумъ Баскинъ пріѣхалъ въ Ноксвиль три дня тому назадъ, на другой день послѣ виноградной помочи у Рабиновича и сразу отправился на фабрику разыскивать сестру. Дѣвушка сначала даже не узнала его. Она помнила его маленькимъ лопоухимъ мальчикомъ, который бѣгалъ по улицѣ безъ сапогъ, бросалъ камнями въ прохожихъ свиней и былъ даже не прочь стащить бубликъ у зазѣвавшейся торговки. Теперь у него брилліантовое кольцо на безымянномъ пальцѣ. Лицо его, небритое съ дороги, было покрыто жесткой сѣрой щетиной и на видъ ему можно было дать тридцать или тридцать пять или, пожалуй, даже сорокъ пять лѣтъ, хотя на дѣлѣ ему было только двадцать три. Только уши были тѣ же и такъ же смѣшно торчали по сторонамъ его головы, какъ ручки чугуннаго горшка.

Наумъ, впрочемъ, не далъ дѣвушкѣ долго раздумывать. Онъ собственноручно уложилъ ея вещи, сходилъ и взялъ разсчетъ на фабрикѣ и вечеромъ они уже сидѣли въ вагонѣ желѣзной дороги, направлявшемся въ Нью-Іоркъ. Дѣвушка сначала пробовала возражать, но Баскинъ только отмахнулся.

— Я такъ понимаю,—сказалъ онъ обинякомъ, что мнѣ полагается ухаживать и всякія такія штуки! Но у меня только недѣля сроку. Теперь время горячее. Дѣло стоитъ! Лучше буду ухаживать послѣ свадьбы — прибавилъ онъ, проворно перекладывая бѣлье изъ комода въ сундукъ съ проворствомъ и безцеремонностью полноправнаго жениха.—А теперь поѣдемъ!

— Ну, поѣдемъ! — согласилась дѣвушка, почти неожиданно для самой себя.

Она чувствовала себя въ послѣдніе дни очень одинокой со своими и школьными планами, и текущимъ счетомъ въ банкѣ.

Впрочемъ съ калифорнійцемъ было трудно спорить. Онъ пріѣхалъ за дѣвушкой изъ-за нѣсколькихъ тысячъ миль и уже разсматривалъ ее какъ свою неотъемлемую собственность, какъ необходимую часть самого себя. Въ тѣ нѣсколько часовъ, которые онъ провелъ въ Ноксвилѣ, онъ успѣлъ какими-то неисповѣдимыми путями узнать почти всѣ секреты городка. Даже имя Вихницкаго не осталось ему неизвѣстнымъ, но онъ не придавалъ никакой цѣны прошлому. Соперниковъ онъ не признавалъ, возраженій не хотѣлъ слушать и торопливо занимался практической стороной

отъѣзда, отправилъ вещи въ Нью-Іоркъ, разсчитался съ квартирной хозяйкой и съ рестораномъ за дешевые обѣды и почти вдругъ заставилъ дѣвушку покончить съ Ноксвилемъ.

Въ Нью-Іоркѣ они поселились въ одномъ отелѣ и въ двухъ смежныхъ комнатахъ, какъ братъ и сестра. Наумъ усердно занимался пріобрѣтеніемъ нарядовъ для дѣвушки и истратилъ на это такую сумму, какую Баскина не могла бы заработать въ полгода.

Въ первый вечеръ онъ купилъ билеты въ итальянскую оперу, а во второй въ циркъ Барнума. У Баскиной, которая не видѣла ничего кромѣ Бытоміра, даже голова закружилась отъ новыхъ впечатлѣній. Жизнь въ Ноксвилѣ сразу отодвинулась назадъ, подобно тому, какъ Ямка и Бытоміръ отодвинулись назадъ предъ Америкой.

Наумъ устраивалъ такъ ловко и умѣло. Черезъ два дня онъ казался ей настоящимъ человѣкомъ, американцемъ, который вполнѣ приспособился и овладѣлъ жизнью, для котораго не осталось больше затрудненій.

Ея прежнее стремленіе къ независимости и труду какъ будто растаяло въ теплѣ этой новой обстановки.

Она чувствовала себя во власти Наума и ей было легко и удобно. Это было ощущеніе, свойственное женщинамъ, которыя нашли себѣ сильнаго, хорошо справляющагося съ жизнью покровителя и сознаютъ, что самая тяжелая часть житейскихъ заботъ снята съ ихъ плечъ навсегда до самой смерти. Баскина добровольно подчинилась маленькому корявому калифорнійцу и чувствовала себя подъ его защитой, какъ будто въ широкой кровати подъ мягкимъ супружескимъ одѣяломъ.

Днемъ они ѣздили по улицамъ, гуляли, занимались покупками. Баскинъ старался показать дѣвушкѣ огромную американскую столицу, которая является чѣмъ-то совсѣмъ невиданнымъ даже для болѣе искушенныхъ зрѣлищами людей, чѣмъ скромная дѣвушка изъ волынскаго захолустья. Они посѣтили магазины, гдѣ подъ одной кровлей соединяется универсальный базаръ, ресторанъ, клубъ и даже дешевый театръ, обошли кругомъ знаменитый домъ-утюгъ на двадцать третьей улицѣ, который имѣетъ пятнадцать сажень ширины и двадцать восемь этажей вверхъ, катались на автомобилѣ по пятой аллеѣ и на лодкѣ-лебедѣ по искусственнымъ озерамъ Центральнаго парка, видѣли бобровый прудъ въ Бронксѣ и механическій ресторанъ на нижнемъ Бродвеѣ, катались по большой Сѣверной дорогѣ, на электрической конкѣ, которой нѣтъ конца и по которой можно проѣхать сквозь цѣпь мелкихъ городовъ отъ Нью-Іорка до самаго Бостона.

— Черезъ три дня уѣдемъ!—повторялъ Наумъ. — Дѣло не ждетъ!

— Какое дѣло?—однажды спросила дѣвушка.

— Всякое!—сказалъ Наумъ.—У насъ въ Калифорніи не разбираютъ, лишь бы деньги добывать!

Онъ сталъ объяснять дѣвушкѣ разницу между американскимъ Западомъ и Востокомъ.

— На Западѣ нѣтъ разницы между людьми!—говорилъ онъ.—Сегодня фермеръ, завтра рудокопъ, а послѣ завтра завелъ собственный кабакъ и сталъ порядочнымъ человѣкомъ!

— Я даже пастухомъ былъ въ Техасѣ,—пояснилъ онъ,—на лошадяхъ верхомъ ѣздилъ, съ красными дрался, а теперь я въ Нью-Іоркѣ ѣзжу на автомобилѣ!

На приморское гулянье, которое лѣтомъ составляетъ самое замѣчательное зрѣлище Нью-Іорка, они попали въ послѣдній день. Наумъ уже выправилъ необходимыя бумаги, и на утро, отъ мирового судьи, который записываетъ браки, они должны были отправиться прямо на поѣздъ и уѣхать въ Калифорнію.

Они пріѣхали утромъ на морской берегъ и стали посѣщать одну диковину за другой.

Баскина разсматривала всѣ эти никогда невиданныя чудеса глазами первобытной дикарки, внезапно попавшей на ярмарку. На площади прибрежныхъ песковъ переливалась стотысячная толпа. Высоко надъ толпой поднималась чудовищная карусель, какъ исполинская стальная турбина, медленно вращая три сотни висячихъ вагоновъ. Рядомъ съ ней стояла желѣзная башня, съ вершины которой открывался великолѣпный видъ и куда четыре элеватора поднимали за пять центовъ каждаго желающаго. Оркестры зазывали прохожихъ въ безчисленные балаганы, устроенные то въ видѣ средневѣковаго замка, то на подобіе фантастическаго ледяного грота. Любители стрѣльбы трещали духовыми ружьями. Промышленники съ перекрестка перекатывали съ мѣста на мѣсто платформы съ вѣсами, предлагая желающимъ узнать свой вѣсъ за одинъ центъ. Въ открытыя двери билліардныхъ бесѣдокъ видно было, какъ мелькаютъ легкіе шарики пинъ-понга, модной американской игры, перемѣстившей весь азартъ крикета на зеленый столъ. Колесница объявленій ѣздила взадъ и впередъ, какъ подвижная пирамида надписей. Съ одной повозки, устроенной въ видѣ огромнаго кита, раздавали публикѣ даромъ ледяную воду во славу новоизобрѣтеннаго мыльнаго состава. Съ другой повозки ежеминутно возглашали: «Почему американцы пьютъ такъ много воды «Мокси»? За лучшій отвѣтъ—премія въ сто долларовъ и три ящика «Мокси»; за второй отвѣтъ—премія въ пятьдесятъ долларовъ и два ящика «Мокси»; за третій отвѣтъ премія въ двадцать пять долларовъ и одинъ ящикъ «Мокси!» И надъ всѣмъ этимъ, какъ центральный храмъ американскаго механическаго раз-

гула, поднимался массивный куполъ Петли Бакста, гдѣ желѣзные вагончики, съ привязанными на нихъ пассажирами, съ разбѣга взлетаютъ вверхъ и описываютъ полный кругъ въ воздухѣ, чудодѣйственно прижимаемые къ рельсамъ центробѣжной силой.

Баскина, впрочемъ, побоялась испытать петлю, отказалась также прокатиться въ подводной лодкѣ, которая пробѣгаетъ прямо подъ мельничнымъ колесомъ, и потомъ низвергается внизъ вмѣстѣ съ искусственнымъ водопадомъ.

Наконецъ, Наумъ убѣдилъ ее испробовать волнообразную желѣзную дорогу, гдѣ катающихся тоже увязываютъ по двое въ особыхъ цѣпныхъ телѣжкахъ, которыя то скатываются внизъ по отвѣсной стѣнѣ, то снова взбѣгаютъ на крутые подъемы или на безконечныя спирали. На четвертомъ спускѣ вереница повозокъ покатилась въ темную пещеру, которая зіяла черной бездной, какъ устье глубокаго колодца.

— Здѣсь хорошо цѣловаться! сказалъ кто-то впереди.

По всей линіи раздалось женское хихиканье, но черезъ нѣсколько секундъ, когда они были въ самыхъ нѣдрахъ темноты, Баскина почувствовала, что руки сосѣда крѣпко обнимаютъ ея станъ и губы его ищутъ ея губъ... Ей было такъ страшно и она такъ боялась упасть съ телѣжки, несмотря на привязь, что, вмѣсто того, чтобы уклониться, она сама прижалась покрѣпче къ своему жениху, насколько позволяли ремни.

Черезъ четверть часа, когда они вылѣзли изъ телѣжки на послѣднемъ спускѣ и отправились по деревянному помосту въ одинъ изъ прибрежныхъ ресторановъ, они чувствовали себя такъ, какъ будто ихъ бракъ уже состоялся, и они были мужъ и жена.

Баскинъ заговорилъ о родныхъ, которые остались тамъ, въ далекой Ямкѣ.

— Надо послать шифъ-карту другой кузинѣ! — сказалъ онъ съ хитрой усмѣшкой.—Что тамъ ей киснуть дома? У насъ въ Бекерсфильдѣ у каждой невѣсты по шести жениховъ!..

Въ эту минуту они встрѣтили Вихницкаго. Бывшій учитель нѣсколько удивился, встрѣтивъ молодую дѣвушку съ незнакомымъ спутникомъ и въ такомъ необычайномъ мѣстѣ, потомъ припомнилъ, что въ самый день отъѣзда, хозяйская дочь что-то говорила ему о Баскиной и ея братѣ. Ему казалось, что это былъ родной братъ дѣвушки, и онъ не имѣлъ понятія о томъ, что видитъ передъ собой будущую брачную чету. Онъ, однако, не остановился и послѣ короткаго поклона прошелъ мимо. Баскина была подругой Катерины, а Катерина была узломъ, откуда порвались его отношенія со всѣмъ американскимъ міромъ, и ему не хотѣлось ни однимъ лишнимъ словомъ вспоминать забытое.

Баскина слегка отвѣтила на поклонъ и вдругъ залилась ру мянцемъ.

— Это кто, Вихницкій?—спросилъ Наумъ лукаво.

Повидимому, онъ въ первый разъ встрѣтился съ учителем но сразу угадалъ его имя своимъ безошибочнымъ чутьемъ.

— Не думай!—прибавилъ онъ какъ ни въ чемъ не бывало.— Скоро тебѣ некогда будетъ думать о другихъ!..

Онъ захватилъ глубже руку дѣвушки, которая была под его локтемъ, и крѣпко прижалъ ее къ своей груди, и лучъ те плоты, пробѣжавшій между ними, какъ будто внезапно стеръ в душѣ Баскиной слабое воспоминаніе о томъ недавнемъ полудн въ виноградной аллеѣ, когда ея рука лежала въ рукѣ Вихниц каго и ждала пожатія, но не дождавшись его, упала, отвергну тая, внизъ.

Глава XIX.

Когда Вихницкій вернулся въ городъ, послѣдній актъ избира тельной борьбы былъ въ полномъ разгарѣ.

Обѣ партіи напрягали всѣ свои силы, чтобы привлечь на свою сторону въ этотъ рѣшительный моментъ ненадежную уличную толпу, которая имѣла такъ много голосовъ и не принадлежала ни къ какимъ опредѣленнымъ организаціямъ. По улицамъ то и дѣло проѣзжали огромныя фуры, крытыя телѣги съ оркестромъ въ сре динѣ и избирательнымъ комитетомъ на задней площадкѣ. Полот няныя стѣнки фургоновъ были исписаны крупными надписями:

— Киго, Джонъ Киго! выбирайте демократа Джо! Онъ свой человѣкъ, онъ не продастъ!» Или короче и многозначительнѣе «Выбирайте Секстона, ибо онъ ловкачъ!»

Дѣти съ радостными криками и свистомъ бѣжали за каждым музыкальнымъ поѣздомъ. Каждыя нѣсколько минутъ изъ кареты вылеталъ вихрь разноцвѣтныхъ бумажекъ, красныхъ зеленых желтыхъ, и кружась и перелетая въ воздухѣ, падалъ на головы толпы.

На перекресткахъ мальчишки жгли костры, изъ заранѣе при пасенныхъ матеріаловъ. Маленькія проворныя фигурки быстро сновали взадъ и впередъ, перенося охапки газетной бумаги, изло манные стулья, бочонки, старые матрасы. Американское молодое поколѣніе отличается зажигательными наклонностями и встрѣчает кострами каждый праздникъ, обжигая свои лица и пальцы и рискуя зажечь городъ. Избирательные клубы проходили по улицамъ съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. По временам они останавливались и принимались пускать ракеты и римскія свѣчи.

Они несли съ собой большія бѣлыя доски и полотняныя рамы и при блескѣ разноцвѣтныхъ огней ярко выступали надъ толпой всевозможныя ругательныя надписи по адресу кандидата противной партіи.

— «Пузатый Секстонъ обокралъ девятый дистриктъ! Пьяница Секстонъ торгуетъ своей совѣстью, какъ кабатчикъ пивомъ!..»

На одномъ углу два враждебныхъ клуба встрѣтились и стали обходить другъ друга. Посыпались брань и насмѣшливые крики, въ воздухѣ замелькали зонтики и палки. Мальчики, бывшіе въ хвостѣ обѣихъ партій, и принадлежавшіе къ разнымъ околоткамъ, не вытерпѣли и стали драться, но барабаны застучали еще оглушительнѣе прежняго и обѣ колонны неудержимо двинулись впередъ, сцѣпляясь по пути, какъ двѣ шершавыя терки, и, наконецъ миновали одна другую и разорвались.

На нѣкоторыхъ перекресткахъ, вокругъ импровизированныхъ подмостковъ, происходили послѣднія избирательныя собранія. Ораторы, окруженные членами мѣстнаго комитета, выкрикивали свои аргументы голосомъ охриплымъ и разбитымъ отъ десятидневнаго напряженія. Толпа неохотно собиралась вокругъ и слушала съ равнодушнымъ или насмѣшливымъ видомъ, ибо эти рѣчи и аргументы успѣли намозолить слухъ всѣмъ и каждому въ теченіе избирательной недѣли и вдругъ какая-нибудь случайно сказанная фраза зажигала горячку политическихъ страстей, которая была накоплена въ этой толпѣ и должна была разразиться только завтра во время выборовъ и толпа взрывалась, какъ порохъ, разражаясь гнѣвнымъ уханьемъ или рукоплесканіями. Большая часть ораторовъ принадлежала къ рабочей партіи, ибо эта молодая и быстро растущая партія проявляетъ больше рвенія, чѣмъ старыя организаціи и ея ораторы приходятъ первыми и уходятъ послѣдними съ мѣста борьбы.

Вихницкій остановился у одного изъ такихъ собраній на углу улицы, обставленной закопченными домами и скудно освѣщенной рѣдкими газовыми рожками.

Ораторъ, маленькій человѣкъ, безъ шапки, съ лысиной во всю голову и темной сильно курчавой бородой, взобрался на избирательную телѣгу, которая стояла среди улицы безъ лошадей и съ высоко поднятыми оглоблями.

Онъ былъ похожъ на итальянца или еврея, но говорилъ прекраснымъ англійскимъ языкомъ съ характерными словечками, которыя создаются и обращаются среди нью-іоркской уличной жизни, какъ свѣже отчеканенныя монеты. Вокругъ него создалась довольно большая толпа, и ему приходилось напрягать свой голосъ. Онъ видимо увлекался, глаза его блестѣли, капли пота выступали на вискахъ. Этотъ человѣкъ, не получавшій жалованья ни отъ

одного изъ избирательныхъ комитетовъ, очевидно вѣрилъ въ истину своихъ словъ и искренно считалъ, что исполняетъ важное дѣло.

— Господа!—говорилъ онъ. — Товарищи! Теперь наступило время, когда народъ на три дня становится настоящимъ господиномъ. Сегодня и завтра мы, бѣдные люди, тоже чего-нибудь стоимъ. Наемные прихвостни трестовъ и денежныхъ тузовъ теперь выползаютъ изъ каждаго кабака и ходятъ за избирателемъ, какъ собака за костью. Вы знаете, конечно, какъ это бываетъ: «Не хотите ли выпить стаканчикъ!»

Ораторъ довольно удачно передразнилъ манеру одного изъ ирландскихъ политикановъ, довольно извѣстнаго въ околоткѣ, который постепенно изъ мелкаго охотника за избирателями пробрался въ члены городского совѣта демократической партіи.

— Да-съ, не хотите ли выпить?—продолжалъ ораторъ.

— Конечно хотимъ!—отвѣтилъ онъ самъ себѣ съ надлежащей интонаціей и къ несказанному удовольствію слушателей.—У нашего брата горло всегда сухо.—«Человѣкъ два стакана!»—Стаканъ на стойку, а подъ стаканъ двухрублевую бумажку. «Это все вамъ, мой другъ!»

Лицо оратора принимаетъ на минуту сладкій просительный видъ и потомъ внезапно измѣняется.

— Вы думаете, конечно,—кричитъ онъ,—вотъ хорошій случай заработать два-три доллара даромъ. Не все ли равно, за какого мошенника подамъ свой голосъ, а деньги пригодятся на пиво!

— Знайте, что вы продаете будущность страны и судьбу своихъ дѣтей за три серебряныя монеты, въ десять разъ дешевле Іуды. Вы не хотите подавать голосъ за своихъ собственныхъ братьевъ, которые готовы распластаться, защищая свои и ваши интересы, вы за три рубля сажаете себѣ на шею прохвостовъ,—онъ употребилъ еще болѣе сильное слово,—казнокрадовъ, которые готовы продать на сломъ памятникъ Вашингтона или Бруклинскій мостъ, которые торгуютъ рѣшеніями въ конгрессѣ, какъ водкой въ кабакѣ, «распивочно и на выносъ».

Политическій урокъ былъ довольно первобытнаго свойства, но онъ былъ у мѣста на этой улицѣ, гдѣ на каждомъ углу открыто покупали голоса, какъ подержанное платье, и гдѣ такъ же открыто существовали такъ называемыя «фабрики избирателей» искусно умудрявшіяся раздвоивать и даже разтроивать каждый отдѣльный голосъ, приписывая его владѣтеля къ тремъ различнымъ участкамъ.

— А что вы скажете о матеріальномъ благоденствіи Америки?—спросилъ голосъ изъ толпы.

— Я скажу вамъ притчу! — отвѣтилъ ораторъ, хитро прищуривая лѣвый глазъ.—Шелъ по дорогѣ человѣкъ и несъ на горбу чорта. Дорога была песчаная и очень трудная. Послѣ до-

вяти часовъ труда, то бишь, ходьбы,—вставляетъ ораторъ подмигивая,—человѣкъ сказалъ чорту: «Господи, какой ты тяжелый. Пожалуйста, не дави мнѣ спину, я сильно усталъ!» — «Если ты усталъ,—возразилъ чортъ,—полѣзай сюда! Здѣсь на горбу много свободнаго мѣста!»

Толпа разразилась хохотомъ, ибо анекдотъ прекрасно суммировалъ взаимное положеніе экономическихъ классовъ въ Америкѣ.

На противоположномъ перекресткѣ тоже собралась толпа. Избирательная телѣга демократовъ, проѣзжавшая мимо, остановилась, и одинъ изъ членовъ комитета поднялся на ноги и обратился къ слушателямъ.

— Сограждане,—началъ онъ и икнулъ, потомъ на секунду остановился. Лицо его было потно и красно. Онъ даже не совсѣмъ крѣпко держался на зыбкомъ помостѣ телѣги. Впрочемъ, избирательная борьба требуетъ такого нечеловѣческаго напряженія, что въ самые послѣдніе дни большая часть политикановъ держится на ногахъ, только благодаря усиленнымъ пріемамъ рома, смѣшаннаго съ водкой или пивомъ. Американцы вообще пьютъ здорово, а политическіе ходатаи здоровѣе всѣхъ. Безъ умѣнья вливать въ себя въ неограниченномъ количествѣ «пѣтушій хвостъ», «чеботарскій хересъ», «двѣ половинки» и другіе напитки съ такими же странными именами, человѣкъ не можетъ быть политическимъ дѣятелемъ въ Америкѣ.

Большая часть членовъ комитета тоже была навеселѣ. Впрочемъ, и въ публикѣ не было недостатка въ возбужденныхъ, лицахъ. По другую сторону улицы начинался ирландскій кварталъ, и разбитные кельты, въ предвидѣніи завтрашняго праздника переходили изъ кабачка за кабачокъ и успѣли порядкомъ нагрузиться.

— Сограждане!—повторилъ ораторъ.—Рекомендую вамъ выбрать представителемъ девятаго дистрикта достойнаго молодого человѣка, Джей Пи Киго! Вы слышите изъ его имени, кто онъ такой. Онъ не Айзикъ Айзексонъ изъ Бронзвиля и не Шмицъ Шмицбергеръ изъ Джермана-тауна, онъ—Киго, онъ родился въ девятомъ дистриктѣ, онъ нашъ братъ! Если вы его выберете, онъ не будетъ давать мѣстъ чужакамъ, и если сюда придутъ искатели изъ восточнаго Нью-Іорка, онъ скажетъ: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Свои братья ближе всѣхъ!»

— Республиканцы хвастаютъ,—продолжалъ ораторъ, сильно повышая голосъ, — что избиратели въ девятомъ дистриктѣ продаются, какъ индюки на рынкѣ, по два съ полтиной за штуку. Докажите, что вы умнѣе ихъ. Возьмите ихъ деньги и потомъ голосуйте за истиннаго представителя интересовъ девятаго участка, Джона Пи Киго!

Публика оглушительно захлопала и заволновалась. Одинъ веселый ирландецъ даже взобрался по колесу на помостъ телѣги и тоже хотѣлъ сказать рѣчь. Но былъ такъ пьянъ, что можно было опасаться, что онъ упадетъ внизъ. Члены комитета, не долго думая, утащили его въ глубину телѣги и полушутя повалили его на скамью сидѣнья. Ирландецъ брыкался и старался вырваться, но одинъ изъ членовъ комитета, высокій и тяжелый, безъ церемоніи усѣлся къ нему на брюхо. Толпа стала рукоплескать.

Прежній ораторъ снова вышелъ впередъ.

— Сограждане!—началъ онъ.—Теперь уже не рано, и вы, должно быть, устали!.. Сдѣлайте намъ милость, раздѣлитесь на двѣ партіи, одна пусть зайдетъ къ Сулливану тутъ на углу,— онъ показалъ рукой черезъ дорогу на свѣтлыя двери кабака, сіявшія разноовѣтными стеклами и электрическими рожками, — а другая пусть пойдетъ къ Кассиди! — Ораторъ показалъ рукой прямо по улицѣ.—И выпейте всѣ за здоровье нашего молодого друга и представителя Джона Пи Киго!

— Браво! — кричала толпа. — Ура, Киго!

Двѣ партіи поспѣшно стали формироваться и расходиться въ стороны. Ирландецъ, воспользовавшись оплошностью своихъ стражей, опять выскочилъ на подмостки и тоже протянулъ руку впередъ.

— Сограждане! — началъ онъ хриплымъ басомъ и отважно сдѣлалъ еще шагъ впередъ, въ пустое пространство.

Десятки рукъ подхватили его и стащили внизъ.

— Полно тебѣ, Патъ!—говорилъ одинъ тощій и высокій молодецъ въ измятомъ котелкѣ и куцомъ пиджакѣ съ очень короткими рукавами, откуда торчали костлявыя и длинныя руки, какъ у огороднаго пугала.—Пойдемъ лучше къ Сулливану!

Вихницкому опять стало противно. Онъ читалъ въ газетахъ, что избирательная кампанія отличалась свирѣпымъ воодушевленіемъ и вызвала наружу все пламя политическихъ страстей, наполняющихъ Америку, но при личной встрѣчѣ подробности ея были все такъ же мелки и пошлы и только подтверждали все его отвращеніе къ этому міру. И ему захотѣлось уйти отъ этой толпы и увидѣть что-нибудь другое, иныхъ людей, менѣе претенціозныхъ, чѣмъ эти ирландскіе и нѣмецкіе пришельцы, которые такъ громко величали другъ друга гражданами и продавали свое первородство за кружку пива каждому негодяю, предлагающему торгъ. Онъ прошелъ по улицѣ влѣво, дошелъ до девятой аллеи и сѣлъ въ вагонъ электрической конки, которая направлялась въ нижній городъ, по главной артеріи города, широкому и свѣтлому Бродвею.

Вагонъ былъ набитъ биткомъ. Пассажиры сидѣли, стояли и висѣли, схватившись за кожанные поручни, и маленькій кондукторъ

съ трудомъ проталкивался въ толпѣ, постоянно выкрикивая свое: «Билеты, билеты!»

Машинистъ на передней площадкѣ то и дѣло поворачивалъ рычагъ влѣво, разгоняя бѣгъ тяжелыхъ чугунныхъ колесъ, и тотчасъ же вновь надавливалъ тормазъ, чтобы остановить вагонъ по первому требованію пассажира. Это былъ рядъ непрерывныхъ толчковъ, прыжковъ и остановокъ, исполняемыхъ съ несравненной точностью и проворствомъ и безъ потери лишней секунды времени.

Вихницкій не сталъ протискиваться въ вагонъ и остался стоять на площадкѣ, разсѣянно разглядывая давно знакомыя зданія. По мѣрѣ того, какъ вагонъ летѣлъ впередъ, широкая улица развертывалась все ярче и великолѣпнѣе. Огромныя электрическія вывѣски театровъ тянулись непрерывно другъ за другомъ: «Критеріонъ», «Серебрянный башмачокъ», «Четыре когана», «Кникербокеръ», «Графъ изъ Павтукета».

Потомъ начался газетный рядъ. Въ огромныхъ зеркальныхъ окнахъ замелькали высокія колеса печатныхъ машинъ «Герольда», вѣчно привлекающихъ толпу любопытныхъ зрителей. Передъ американскимъ журналомъ сіялъ великолѣпный флагъ, составленный изъ электрическихъ рожковъ, красныхъ и зеленыхъ, которые мелькали и переливались, какъ настоящія звѣзды. Подальше на черной стѣнѣ загорались вычурныя литеры электрическихъ рекламъ. Онѣ выступали другъ за другомъ, какъ будто кто-нибудь писалъ по стѣнѣ огненнымъ пальцемъ, и потомъ снова пропадали, замѣняясь другими еще болѣе яркими и вычурными. Вихницкому вспомнились огненныя слова, которыя исполинская рука нѣкогда написала на стѣнѣ передъ Валтасаромъ. Капиталистическая механика перещеголяла даже архангеловъ, но вмѣсто зловѣщаго предостереженія она объявляла о продажѣ пирсова мыла и зубного порошка «Созодонтъ», а предостереженіе, если оно было, скрывалось молчаливо и грозно въ темнотѣ боковыхъ улицъ, наполненныхъ грязными домами и безчисленными притонами.

Глава XX.

Въ полчаса Вихницкій уже отъѣхалъ шесть миль и достигъ улицы Грандъ, составлявшей главную торговую артерію еврейскаго квартала. Онъ вылѣзъ изъ вагона и пошелъ влѣво, безсознательно стараясь подальше уйти отъ ирландско-американскаго элемента. Толпа на улицахъ стала еще гуще. Всѣ магазины были открыты настежъ и наполнены покупателями, которые двигались взадъ и впередъ, какъ волны, и никакъ не могли насытить свою жадность и истощить свою покупательную силу. Вихницкій неторопливо шелъ впередъ и разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ.

Характеръ толпы совершенно измѣнился. Ирландскія и англосаксонскія лица исчезли, и выраженіе глазъ, походка, жесты, рѣчь, все это было совсѣмъ иное, болѣе близкое сердцу Вихницкаго, нѣчто такое, съ чѣмъ онъ жилъ уже пятнадцать лѣтъ и отъ чего во что бы то ни стало теперь хотѣлъ оторваться. Это былъ тотъ же Ноксвиль, увеличенный въ триста разъ, дѣлающій хорошія «дѣла», безпокойный и самодовольный, готовый замучить на работѣ и себя, и другихъ за лишній долларъ.

Теперь, впрочемъ, былъ часъ отдыха, и толпа вся высыпала на улицу. Эти безчисленные люди мало думали о выборахъ, они пользовались нѣсколькими свободными часами, почти исключительно для того, чтобы забраться въ магазины, соблазнявшіе ихъ изъ недѣли въ недѣлю своими блестящими витринами, и промѣнять только что полученную плату на всѣ эти яркія, новыя, соблазнительныя вещи. Улица Грандъ была гораздо уже Бродвея, и передъ нѣкоторыми болѣе крупными магазинами давка была такъ велика, что Вихницкому приходилось пережидать минуту или двѣ, пока потокъ нѣсколько схлынетъ. Разглядывая окружающихъ, онъ видѣлъ, что все это были люди мелкихъ доходовъ: ремесленники, фабричные, мелкіе прикащики, писцы.

Они торопились и суетились, счастливые тѣмъ, что изъ зрителей попали въ дѣйствующія лица этой промышленной сатурналіи и что у каждаго изъ нихъ звенитъ нѣсколько долларовъ въ карманѣ.

— Вотъ лучшая сторона Америки!—подумалъ Вихницкій.— Америка это единственная въ мірѣ страна, гдѣ на долю рядовой человѣческой массы достается нѣкоторая часть матеріальныхъ благъ, кромѣ берлоги, хлѣба и дурмана, по вѣковому рецепту Стараго Свѣта.

Слѣдуя за движущимся потокомъ, онъ повернулъ по улицѣ Бовери, грязной и полузакрытой сверху помостомъ воздушной дороги. Мѣстами улица походила совсѣмъ на туннель, но обитатели привыкли и не обращали на это вниманія.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, Вихницкій опять долженъ былъ остановиться, ибо на этотъ разъ человѣческій потокъ до того запрудилъ улицу, что мѣшалъ даже движенію электрическихъ вагоновъ.

По обѣ стороны улицы были два большіе театра, и, несмотря на довольно поздній часъ, публика все еще валила стѣной. Табуны мальчишекъ перебѣгали отъ подъѣзда къ подъѣзду, зорко выглядывая, не представится ли случай прошмыгнуть внутрь. Вихницкій постоялъ въ нерѣшительности и повернулъ къ подъѣзду театра, лежавшаго съ правой стороны. Въ кассѣ, конечно, не оставалось билетовъ, но онъ былъ знакомъ со служащими и разсчитывалъ такъ или иначе получить мѣстечко.

Въ театрѣ было свѣтло и людно. Нигдѣ не было ни одного свободнаго мѣста. Проходы были заставлены приставными стульями. Сзади и съ боковъ стояли цѣлыя толпы. Это былъ исключительно еврейскій театръ, какъ и соперникъ напротивъ. Они давали пьесы на еврейскомъ жаргонѣ, комедіи, трагедіи, даже оперы мѣстнаго сочиненія. Въ Нью-Іоркѣ было три такихъ театра, вмѣщавшихъ, вѣроятно, около шести тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, строился четвертый, разсчитанный больше, чѣмъ на три тысячи.

Первый актъ только что окончился. Оркестръ, небольшой, но стройный и очень хорошо подобранный, заигралъ увертюру изъ «Вильгельма Телля» и вдругъ безъ перерыва, прямо съ полутакта перешелъ на жалобную румынскую «дойну», пользующуюся широкой популярностью среди малорусскихъ, румынскихъ и польскихъ евреевъ. Публика притихла и слушала со сосредоточеннымъ и какъ бы сокрушеннымъ вниманіемъ. «Дойна» составляетъ опытъ музыкальнаго описанія волненій пастуха, потерявшаго овцу и не могущаго найти ее. Она разыгрывается въ высокихъ, трепещущихъ нотахъ скрипокъ.

Въ залѣ было тихо и рокочущіе прерывистые звуки неслись надъ ней почти какъ человѣческіе вздохи, и Вихницкому внезапно показалось, что всѣ они потеряли какую-то драгоцѣнность и никакъ не могутъ найти ее въ этой сытой, одѣтой, бѣлохлѣбной, машинной Америкѣ.

Внезапно надъ звуками «дойны» раздался громкій, задорный, ликующій голосъ большой мѣдной трубы, похожій на боевой сигналъ.

Оркестръ скоро и дружно подхватилъ и грянулъ «Страна свободныхъ»—извѣстный національный гимнъ Америки.

Тысячная толпа, наполнявшая верхнія галлереи, поднялась на ноги. Сотни голосовъ подпѣвали и подсвистывали въ тактъ и въ тонъ съ врожденнымъ умѣньемъ и искусствомъ, ибо нью-іоркскіе евреи отличаются музыкальностью и снабжаютъ артистическимъ контингентомъ чуть не всѣ оркестры обширныхъ странъ Новаго Свѣта. Оркестръ утонулъ въ этомъ огромномъ импровизированномъ хорѣ, и черезъ минуту капельмейстеръ повернулся лицомъ къ верхней галлереѣ и сталъ дирижировать, направляя широкіе волны звуковъ, лившіеся сверху, въ правильное музыкальное русло.

Страна вольныхъ людей, я люблю твое имя,
Я люблю твои скалы и ручьи,
Твои лѣса и круглые холмы...
Страна моя, милая страна свободы!..

На лицѣ дирижера играла довольная улыбка. Ему, видимо, нравились эти яркіе прыгающіе звуки и этотъ неожиданный хоръ.

Въ душѣ Вихницкаго шевелилось странное чувство. Ему было больно и хорошо и невольно хотѣлось пѣть вмѣстѣ съ толпой, и въ то же время онъ чувствовалъ, какъ будто кто-то задѣлъ его душу за растравленное мѣсто. Эти тысячи людей, очевидно, нашли себѣ новое отечество здѣсь, за океаномъ, и искренно привязались къ нему и хотѣли быть для него честными и преданными гражданами. Недалеко отъ себя, въ десятомъ ряду креселъ, Вихницкій замѣтилъ человѣка съ большими усами и пустымъ рукавомъ съ лѣвой стороны, пристегнутымъ къ груди. Вихницкій зналъ его по имени. Это былъ офицеръ полка добровольцевъ, потерявшій руку на Кубѣ въ послѣдней испанской войнѣ. Вихницкій припомнилъ кстати, что полки нью-іоркскихъ добровольцевъ во время войны были переполнены молодыми людьми изъ Дантана и даже первый убитый на войнѣ съ американской стороны былъ Абрамъ Давидсонъ, сынъ русскаго еврея.

И вдругъ чувство обиды и стыда родилось въ его душѣ. Онъ почувствовалъ себя русскимъ и ему стало жалко всѣхъ этихъ десятковъ и сотенъ тысячъ переселенцевъ.

Занавѣсъ поднялся... Сцена представляла большую «общую комнату» въ зажиточномъ фермерскомъ домѣ восточныхъ штатовъ, гдѣ-нибудь въ Пенсильваніи или Нью-Джерси. Бѣлыя штукатурныя стѣны, внутренняя лѣстница и коверъ были американскіе, но мебель и обстановка представляли явную примѣсь русскаго элемента и на столикѣ въ углу стоялъ большой самоваръ. За широкимъ окномъ, освѣщеннымъ луной, шелъ густой бѣлый снѣгъ, такой снѣгъ, какой обыкновенно идетъ наканунѣ Рождества. За сценой послышался топотъ копытъ и шумъ полозьевъ. Это хозяинъ, возвращавшійся изъ города, подъѣзжалъ къ усадьбѣ.

Семья собралась ему навстрѣчу. Фермеръ вошелъ въ русской мѣховой шубѣ и высокихъ сапогахъ. То былъ высокій мужчина съ энергичнымъ лицомъ и съ длинной сѣдой бородой. Изъ разговора присутствующихъ было видно, что это зажиточный арендаторъ изъ-подъ Кременчуга, который продалъ все имущество, чтобы переѣхать въ Америку. Дѣла его, однако, шли плохо. Новыя условія хозяйства были непривычны для него и онъ быстрыми шагами шелъ къ разоренію. Дѣти не хотѣли работать на фермѣ и рвались въ городъ, гдѣ ловкому человѣку всегда найдется мѣсто. Вихницкій вначалѣ слушалъ разсѣянно, но потомъ ему стало жаль старика, у котораго не хватало проворства для американской манеры наживать деньги.

Дѣти начинаютъ ссориться на сценѣ, и младшая дочь отвѣчаетъ дерзостью на увѣщанія старика.

— Что вы кричите, господинъ Фридлендеръ? — язвительно замѣчаетъ она.— Это не Кременчугъ, это Америка!..

— О, Америка! — повторяетъ мучительно старикъ, поднимая руки вверхъ, и возгласъ его звучитъ, какъ стонъ.

И вдругъ Вихницкій почувствовалъ, что этотъ возгласъ прокатился, какъ молнія, по залѣ, нашелъ себѣ откликъ въ сердцахъ присутствующихъ и отозвался дружными рукоплесканіями съ разныхъ концовъ залы. Въ театральномъ залѣ, очевидно, были двѣ формаціи. Рядомъ съ молодымъ поколѣніемъ, насвистывавшимъ американскій гимнъ, пришли люди постарше, которые хуже приспособились и не чувствовали себя счастливыми въ «благородной странѣ свободныхъ». Быть можетъ, многіе совмѣщали оба чувства и, кое-какъ обезпечивъ себѣ кусокъ хлѣба, принимались тосковать о своей молодости и о старомъ отечествѣ по ту сторону океана...

Дѣти помирились, благодаря уговорамъ старой служанки Даши, малорусской крестьянки, которая уѣхала съ семьей вмѣстѣ въ Америку.

Старикъ начинаетъ доставать подарки, привезенные изъ города. Дочери онъ привезъ резиновыя галоши, «чтобы ходить по окрестнымъ сугробамъ», прибавляетъ онъ съ неожиданной ироніей, женѣ пару шведскихъ перчатокъ, — доить американскихъ коровъ.

— Даша, поди сюда!—заканчиваетъ онъ.—Я привезъ кое-что и для тебя. Даша нерѣшительно принимаетъ протянутую коробочку и съ любопытствомъ открываетъ ее. Въ коробочкѣ большой золотой крестъ на серебряной цѣпочкѣ. Даша въ бурномъ восторгѣ схватываетъ крестъ и жадно прижимаетъ его къ губамъ.

— Вотъ еще выдумалъ! Очень нужно! — недовольно ворчитъ хозяйка на мужа.

— Молчи, старуха! — сурово возражаетъ старикъ. — Тебѣ не нужно, я тебѣ это не привезъ, дочерямъ не нужно, я имъ тоже не привезъ, а Дашѣ нужно, я ей это привезъ!

Въ залѣ опять раздался дружный залпъ рукоплесканій.

Вихницкій посмотрѣлъ съ удивленіемъ на эти плотные ряды человѣческихъ лицъ. Въ сердцѣ этихъ ремесленниковъ и торговцевъ, очевидно, были какія-то новыя черты, которыя прежде никогда не бросались ему въ глаза.

Пьеса продолжалась своимъ чередомъ.

— А что Даша,—сказалъ хозяинъ старой служанкѣ,—теперь и у насъ Рождество, снѣгъ идетъ. Помнишь ту пѣсню, что у насъ бабы поютъ на Рождество?

Даша нѣсколько секундъ напрягаетъ свою память.

— Забула, баринъ!—наконецъ признается она, застѣнчиво улыбаясь.

Хозяинъ въ свою очередь напряженно морщитъ лобъ.

— А я вспомнилъ!—объявляетъ онъ съ торжествомъ.

«Прийшли мы, прийшли къ ласковому пану,—затягиваетъ онъ.

«Ласковаго пана не случилось дома, — дрожащимъ голосомъ подхватываетъ немедленно Даша. — Ой колядка, ой колядка, коляда, колядонька»!

Электрическій трепетъ пробѣжалъ по залѣ. Двухтысячная толпа поднялась на ноги, какъ одинъ человѣкъ, вездѣ прыгали, топали ногами, колотили палками о барьеръ.

«А хозяинъ во дому, какъ Адамъ во раю,—пѣли на сценѣ.

— А хозяйка во дому словно пчелка во меду».

А въ разныхъ концахъ залы уже отбивали тактъ, подпѣвали, подсвистывали. «Ой, колядка, ой колядка, коляда, колядонька...

Недоумѣніе Вихницкаго не проходило. «Кого же они собственно любятъ эти зрители,—спрашивалъ онъ самъ себя,—кто они, русскіе или американцы?» И вдругъ въ его душѣ самъ собой возникъ отвѣтъ, что это не русскіе, не американцы, это просто люди съ человѣческимъ пониманіемъ и человѣческимъ чувствомъ, какое есть и у всѣхъ народовъ земли и составляетъ общее наслѣдство отъ прошлыхъ поколѣній.

Земля такъ мала и такъ однородно устроена. Всѣ люди похожи другъ на друга, какъ одна стая сельдей на другую. Всѣ они рождаются и умираютъ, работаютъ и любятъ, наслаждаются и страдаютъ совершенно одинаковымъ путемъ. Ихъ пороки и добродѣтели сходны до мельчайшихъ подробностей. Различія между ними такъ же незначительны, какъ между мелкими горошинами, ссыпанными въ общую кучу. И неудивительно, что даже эти полудобровольные изгнанники, выброшенные изъ своей родной страны, какъ нелюбимые пасынки, окунувшись въ благосклонную атмосферу Америки, потеряли враждебность своихъ старыхъ чувствъ и получили способность сочувственно вспоминать даже тѣ стороны русской жизни, которыя нѣкогда были имъ наиболѣе чужды.

Раньше Вихницкій не былъ бы въ состояніи понять истину такого заключенія, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ окончательно рѣшилъ покинутъ Америку и мысленно сталъ дышать русской атмосферой, его мысли стали шире и чувства терпимѣе. Національная струя, которая окрѣпла въ его груди, дала ему возможность лучше понять и воплотить въ своей душѣ общечеловѣческую струю, ибо эта послѣдняя не существуетъ внѣ данныхъ

народныхъ группъ и путь къ ея воплощенію лежитъ чрезъ національный элементъ.

Пьеса развивалась своимъ чередомъ. Неудачный фермеръ быстрыми шагами приближался къ разоренію, дѣти покинули его и одинъ за другимъ бѣжали въ Нью-Іоркъ. Наконецъ, даже жена, вмѣсто того, чтобы доить коровъ въ шведскихъ перчаткахъ, рѣшила лучше щеголять ими въ городѣ.

Въ послѣдней сценѣ старикъ остается одинъ съ любимымъ внукомъ, осиротѣвшимъ отъ старшей дочери. Назавтра ферма будетъ продана съ публичнаго торга.

— Дѣдушка!—спрашиваетъ мальчикъ. — Зачѣмъ они хотятъ насъ выгнать изъ нашего дома? Знаешь что, дѣдушка?—Возьмемъ пистолеты и отобьемъ ихъ прочь!

— Что мы можемъ сдѣлать противъ цѣлой Америки?—грустно возражаетъ старикъ.—Ихъ много, у нихъ пистолеты лучше!

— Ну, такъ бросимъ имъ все,—рѣшаетъ мальчикъ,—а сами поѣдемъ въ Россію!

Старикъ разражается рыданіями.

— Что мы тамъ найдемъ?—вырывается у него стономъ, — могилы, кучи камней, мертвое кладбище!

Публика опять въ неистовствѣ стала топать ногами и вызывать актеровъ и автора. Пьеса задѣла живую струну въ сердцахъ большинства зрителей, которые существовали годъ за-годомъ въ своемъ кварталѣ, какъ въ промежуткѣ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, и перестали сознавать, есть ли у нихъ родная земля.

Но для Вихницкаго слова эти прозвучали, какъ предзнаменованіе, напоминавшее о кладбищѣ на самомъ порогѣ его новой жизни. Потомъ онъ вспомнилъ, что даже маленькій Мишка оставилъ въ Россіи родныя могилы, подобно этому погибающему старику, но вся жизнь Мишки была впереди.

Онъ припомнилъ свои русскія книги и подумалъ, что Россія—молодая, полная жизни страна, съ огромными силами и великолѣпнымъ будущимъ, и снова ободрился. Онъ чувствовалъ себя тоже молодымъ и сильнымъ и ощущалъ въ себѣ готовность отдать послѣднюю каплю крови за малоизвѣстную страну на востокѣ, которой онъ собирался возобновить свою сыновнюю клятву.

Глава XXI.

На другой день съ утра начались выборы. Вихницкій провелъ утро, переходя изъ одного избирательнаго бюро въ другое и наблюдая за торопливой и дѣловитой подачей бюллетеней, которые

безостановочно падали въ ящики, какъ капли безшумнаго дождя, внезапно пролившагося надъ городомъ. Это былъ его послѣдній день въ Америкѣ, и онъ полубезсознательно хотѣлъ унести съ собой впечатлѣніе американской толпы, взволнованной и огромной, празднующей осуществленіе права, которое составляетъ вѣнецъ ея политической жизни. Онъ зналъ, что отнынѣ его жизнь будетъ проходить въ иныхъ условіяхъ и ему было пріятно, что послѣднимъ изъ его американскихъ воспоминаній будетъ именно заключительный актъ великой политической драмы.

Подсчетъ начался послѣ полудня. Въ центральное бюро выборовъ, засѣдавшее въ ратушѣ, изъ многочисленныхъ округовъ города и штата все чаще и чаще приходили телеграммы, состоявшія изъ двухъ рядовъ цифръ, по одному для каждой изъ состязавшихся партій.

Интересъ минуты внезапно сосредоточился на борьбѣ изъ-за губернаторскаго мѣста между Колеромъ, кандидатомъ демократовъ, и Оделлемъ, кандидатомъ республиканцевъ, и на нѣсколько часовъ оттѣснилъ все остальное на задній планъ.

На главной улицѣ собрались такія толпы, что движеніе трамваевъ было наполовину прервано. Вездѣ раздавался оглушительный гамъ и крики, какъ на итальянскомъ карнавалѣ. Партіи молодыхъ людей, вооружившись жестяными трубами, взапуски гудѣли и трещали, заглушая грохотъ воздушной дороги. Ребятишки жгли костры на всѣхъ перекресткахъ. Верхніе этажи домовъ были украшены національными флагами, а внизу тысячи мужчинъ и женщинъ размахивали ихъ уменьшенными копіями или вдѣвали въ петлицу совсѣмъ миніатюрный образчикъ, напоминавшій странный четвероугольный цвѣтокъ изъ грубо раскрашеннаго коленкора.

Къ вечеру на площади противъ ратуши, въ четвероугольникѣ, замкнутомъ среди самыхъ высокихъ зданій Нью-Іорка, собралось сто тысячъ зрителей. Вихницкій присталъ къ толпѣ, на самой окраинѣ, но постепенно былъ увлеченъ въ средину и внезапно почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ. Огромная толпа колыхалась, какъ море, заливая всѣ переулки и наружныя лѣстницы домовъ. Въ ней были свои теченія, которыя двигались вправо и влѣво, повинуясь неизвѣстно какому стремленію, иногда поворачивали неожиданно въ сторону и описавъ кругъ, выводили почти совсѣмъ назадъ.

Вихницкій пробовалъ протискиваться въ сторону, но сосѣди ворчали и въ свою очередь безцеремонно толкали его. На площади было довольно темно. Огромное зданіе въ двадцать шесть этажей стояло у ратуши, какъ высокая ширма, и отгораживала

отъ толпы небо и цѣлый свѣтъ. Добрая половина зрителей была вооружена трубами и несмотря на тѣсноту поднимала ихъ къ небу и неистово дудила, какъ будто пытаясь оглушить самого Господа Бога.

Въ концѣ концовъ, отдавшись на волю теченія, Вихницкій выбрался изъ толпы уже на другомъ концѣ площади и сѣвъ въ электрическій вагонъ, отправился вверхъ по улицѣ Бродвей. Здѣсь было веселѣе. Толпа раздѣлилась на двѣ длинныя ленты, оставивъ по срединѣ узкій проходъ для экипажей. Группы полицейскихъ топтались тамъ и сямъ, сдерживая напоръ толпы и помогая женщинамъ и дѣтямъ переходить черезъ дорогу. Противъ газетныхъ конторъ были выставлены огромные бѣлые экраны, на которыхъ каждыя двѣ минуты появлялись двѣ многозначительныя цифры, окруженныя вѣнцомъ яркихъ и мелькающихъ лучей.

Вихницкій остановился противъ нью-іоркскаго «Герольда», гдѣ толпа была гуще всего.

На огромномъ сорока-футовомъ экранѣ, въ ожиданіи новыхъ цифръ, одна за другой появлялись движущіяся картины, сцена жатвы въ пшеничномъ штатѣ, сраженіе на холмѣ Жуанъ во время испанской войны, негритянскій праздникъ въ южной Каролинѣ. Потомъ внезапно появлялся громадный портретъ господина въ шляпѣ, въ двадцать разъ больше нормальной величины съ подписью «G. B. Odell». Постоявъ съ минуту на экранѣ, портретъ смѣнялся другимъ, такимъ же, но безъ шляпы, съ надписью «Bird J. Coler», и тотчасъ же появлялось извѣщеніе: «Бруклинъ, второй округъ. Оделль—1.356, Колеръ—3.628». Толпа встрѣчала каждое новое появленіе портретовъ и каждое свѣжее извѣщеніе криками восторга и свистомъ, одобреніями и насмѣшками.

— Молодецъ, Колеръ!—кричали въ разныхъ углахъ.—Оделль—республиканская торпеда!

Послѣднія слова намекали на совсѣмъ свѣжую исторію съ колоссальнымъ подкупомъ по поводу покупки въ казну новой торпедной лодки. Всѣ республиканскіе политиканы штата Нью-Іоркъ играли въ этой исторіи самое дѣятельное участіе и теперь Оделль сталъ козломъ отпущенія за общіе грѣхи своихъ товарищей по оружію.

Шансы обоихъ противниковъ были приблизительно равны, но силы демократовъ сосредоточивались по преимуществу въ самой столицѣ, между тѣмъ какъ фермеры и мелкіе городки почти сплошь были на сторонѣ республиканцевъ.

Противоположность интересовъ между огромнымъ городомъ, наполненнымъ обрывками всѣхъ народовъ земли, и упрямыми мужиками старо-англійской и голландской крови очень велика въ

штатѣ Нью-Іоркъ и сказывается при каждыхъ мѣстныхъ выборахъ.

На этотъ разъ антогонизмъ обоихъ элементовъ выразился очень рѣзко.

Черезъ два часа Колеръ уже имѣлъ въ пяти отдѣлахъ города Нью-Іорка большинство въ 50.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ Оделль имѣлъ такой же перевѣсъ въ верхнемъ штатѣ.

Большинство толпы, собравшейся предъ зданіемъ «Герольда» состояло изъ демократовъ. Каждая новая цифра, свидѣтельствовавшая объ успѣхахъ городского элемента, встрѣчала взрывъ энтузіазма, между тѣмъ какъ цифры изъ деревенскихъ округовъ подвергались ожесточенному глумленію.

— Травяныя головы!—безцеремонно кричали въ толпѣ по адресу фермеровъ. — Толстый Оделль, тресни, дутый бакалейщикъ!

Послѣднія слова напоминали щекотливую роль, которую Оделль сыгралъ во время недавнихъ столкновеній Нью-Іоркскаго штата съ трёстомъ бакалейной торговли.

Портреты мѣнялись столько разъ, что, наконецъ, пластинка съ изображеніемъ Оделля лопнула, и верхній конецъ ея растрескался по всѣмъ направленіямъ. Лицо Оделля на экранѣ выглядѣло, какъ будто украшенное большимъ синякомъ. Толпа тотчасъ же замѣтила и подхватила случай для шутки.

— Демократы подбили Оделлю глазъ!—кричали кругомъ.— Бейте его крѣпче!

— Оделль, сними шляпу!—крикнулъ кто-то, обращая всеобщее вниманіе на то, что республиканецъ явился на фотографіи, предназначенной для публики, въ шляпѣ.

Сторонники республиканцевъ тоже не остались въ долгу, несмотря на свою меньшую численность.

— Шайка «Таммани»!—кричали они, напоминая, что Колеръ былъ ставленникъ демократической организаціи «Таммани», извѣстной своей продажностью даже въ многоопытной Америкѣ.

Настроеніе толпы, впрочемъ, было вполнѣ добродушное и дальше взаимнаго обмѣна шутокъ обѣ стороны не шли. Это былъ праздникъ улицы и мелкой публики, и она чувствовала себя совершенно счастливой. Его величество народъ, который теоретически считается властителемъ Америки, внезапно вышелъ впередъ и сталъ господиномъ положенія, хотя бы и на три дня. Ему предлагали дань, ему льстили, его хвалили, на него возлагали надежды. Обѣ партіи взапуски обѣщали провести цѣлый рядъ реформъ, очень полезныхъ для него, хотя, по всей вѣроятности, ни одно изъ этихъ обѣщаній не должно было быть исполненнымъ.

Глядя на эти огромныя толпы, весело сновавшія по улицамъ, Вихницкій почувствовалъ, что вчерашнія сцены избирательной борьбы на полдорогѣ между двухъ кабаковъ, блѣднѣютъ въ его умѣ, замѣняясь болѣе сильными и красивыми впечатлѣніями.

Это все-таки былъ народъ, могучій и огромный, полный дикой энергіи и несокрушимаго упрямства, увѣренный въ себѣ, свободный отъ историческихъ путъ. Народъ этотъ вырѣзалъ себѣ лучшій ломоть изъ земного шара, онъ былъ заваленъ естественными богатствами и владѣлъ всѣмъ объемомъ правъ, свойственныхъ государственному организму. Примѣненіе ихъ въ концѣ концовъ было второстепеннымъ дѣломъ.

Въ послѣднихъ изданіяхъ газетъ, наполненныхъ описаніемъ подробностей борьбы, проскочило извѣстіе, что число голосовъ рабочей партіи сильно выросло.

Вихницкій припомнилъ неутомимыя фигуры проповѣдниковъ новаго ученія, которыхъ онъ встрѣчалъ на каждомъ публичномъ митингѣ. Рвеніе ихъ не знало усталости или сомнѣнія въ успѣхѣ.

Здѣсь наростала та же волна, которая постепенно поднимается надъ цивилизованнымъ міромъ, смывая кору мѣщанскаго упрямства и грязь политической продажности, создавая свѣжее теченіе въ самыхъ захолустныхъ углахъ міровыхъ морей и все тѣснѣе соединяя человѣчество въ одной свѣтлой, широкой и несокрушимой надеждѣ.

На другой день около полудня Вихницкій уже стоялъ на палубѣ парохода «Majestic», отплывавшаго въ Саутгамптонъ. Миша съ футляромъ подъ мышкой стоялъ возлѣ него и молча смотрѣлъ на панораму великаго города, постепенно уходившую назадъ. Глаза его покраснѣли и распухли. Послѣднюю ночь онъ всю проплакалъ и даже пробовалъ проситься назадъ въ Ноксвиль. Онъ какъ будто почувствовалъ, что море, въ которое онъ собирается отплыть, слишкомъ широко и бурно, его дѣтское сердце устрашилось и захотѣло отступить назадъ. Вихницкій нашелъ въ себѣ терпѣніе долго и осторожно успокаивать и утѣшать мальчика. Сердце его, жаждавшее привязанности, прилѣпилось къ мальчику въ ту критическую минуту, когда онъ стоялъ на распутьи дорогъ, въ хаосѣ противорѣчивыхъ чувствованій и не зналъ, на что рѣшиться. Миша былъ живой частицей того страннаго русско-еврейско-американскаго міра, среди котораго прошли лучшіе юношескіе годы Вихницкаго, и онъ увозилъ его съ собой, какъ символъ, какъ неувядающее воспоминаніе, что здѣсь, за океаномъ, человѣческія толпы живутъ иной жизнью, болѣе сытой и обезпеченной и менѣе склонной къ умствованіямъ.

Мальчикъ и юноша стояли на палубѣ и держали другъ друга

за руки. Картина нью-іоркскихъ береговъ развернулась передъ ними въ своей огромной ширинѣ. День былъ туманный и сѣрый, облака медленно и низко проносились надъ городомъ, и высокія кровли многоэтажныхъ домовъ какъ будто, дѣйствительно, «скребли небо», согласно американскому уличному словарю. Еще выше домовъ поднимались двѣ стройныя дуги желѣзныхъ мостовъ, повисшихъ надъ Восточной рѣкой. Мавзолей Гранта, грузный, нескладный и какъ будто прикрытый сверху китайской шапкой, выступалъ на сѣверѣ сѣрой гранитной массой. Слѣва поднималось безобразное каменное колесо, похожее на недоконченную карусель, но на дѣлѣ составляющее остовъ будущаго католическаго собора.

Статуя Свободы съ факеломъ въ рукѣ одиноко стояла на своемъ маленькомъ островѣ, и верхушка ея факела какъ будто отсырѣла отъ проходившихъ надъ нею облаковъ.

Пароходъ уходилъ впередъ, панорама постепенно сливалась и становилась неясной.

Вихницкій отвернулся и сталъ смотрѣть въ другую сторону, въ то широкое и хмурое море, куда уходилъ пароходъ, и передъ его умственными очами стали вырисовываться другіе берега и земли, которыя онъ часто пытался вообразить себѣ, возстановляя неясныя и въ сущности давно исчезнувшія воспоминанія.

Теперь на груди океана, на широкой водной дорогѣ между двухъ великихъ континентовъ, юноша снова ощутилъ свою связь одновременно со Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Онъ почувствовалъ себя маленькой частицей человѣчества, населяющаго землю. Онъ подумалъ, что черезъ недѣлю уже будетъ на другой сторонѣ океана, и земля показалась ему уменьшившейся, похожей на извѣстный круглый сыръ, населенный червями, изъ стариннаго философскаго примѣра. Ему казалось, что взглядъ его замѣчаетъ выпуклость горизонта и способенъ заглянуть впередъ по ту сторону востока, очерченную дугою поля зрѣнія.

И онъ ясно ощутилъ, что земля это въ сущности одна не очень большая страна, а человѣчество—общая раса, населяющая ее, цѣльная, какъ организмъ, и переплетенная сношеніями, какъ сосѣдскій околотокъ.

У человѣчества одинъ мозгъ, одно общее сердце. Въ этомъ сердцѣ вырабатываются новыя идеи цѣной неслыханныхъ страданій и ожесточенной борьбы. Оно лежитъ въ центрѣ культурныхъ странъ стараго міра. Новыя страны, богатыя и спокойныя, служатъ житницей, складомъ товаровъ, питомникомъ для подростающихъ поколѣній, которымъ тѣсно въ переполненной людьми родинѣ. Но имъ не дано выработать идеалъ жизни человѣчества—отвѣты на

свои духовные запросы, новыя идеи, новыя книги они получаютъ изъ стараго міра и оставляютъ ихъ наполовину непереваренными, ибо ихъ общественное пищевареніе слишкомъ привыкло къ тяжелой пищѣ матеріальнаго богатства.

Такъ было еще въ древности. Тавроскифія служила житницей для Аѳинъ, которые платили взамѣнъ плодами своей духовной культуры. Америка является житницей и ученицей Европы.

Периферія цивилизаціи расширилась, центръ перемѣстился, но отношенія между центромъ и периферіей остались тѣ же.

Онъ сталъ думать о Россіи. Она, конечно, лежитъ если не у самаго центра, то очень близко, и каждое біеніе общаго пульса отдается во всѣхъ жилахъ великой державы востока. Всѣ народы Европы связаны въ общій клубокъ, они живутъ вмѣстѣ и обмѣниваются мелкими домашними новостями. У нихъ надежды, пріемы, чувствованія, все общее, одно.

Пульсъ Европы перемѣщается съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ, но его сила ни только не ослабѣваетъ, но усиливается.

Тотъ, кто хочетъ слышать біеніе этого пульса въ собственной груди, не долженъ оставаться по ту сторону моря. Онъ долженъ придвинуться ближе и взять долю въ страданіяхъ, надеждахъ и борьбѣ.

Вихницкій почувствовалъ, что его духовное существо какъ будто выворачивается на изнанку и то нервное безпокойное начало, которое было такъ неумѣстно въ Америкѣ, вырывается наружу и роднитъ его съ безпокойной молодой Европой, истощающей свою душу въ попыткахъ расчистить старыя дебри и найти новые пути для ногъ человѣчества.

Танъ.

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

(Н. ЩЕДРИНЪ).

(Опытъ литературной характеристики).

(*Продолженіе* *).

IX.

Къ характеристикѣ настроенія русской интеллигенціи 40-хъ годовъ.

Годы, въ которые Салтыковъ заканчивалъ послѣдніе счеты съ лицеемъ и вступалъ на путь самостоятельной жизни, совпали со временемъ наиболѣе страстнаго увлеченія передовой русской интеллигенціи идеями французскихъ утопистовъ. Поэтому для правильнаго пониманія дальнѣйшаго развитія Салтыкова необходимо дать себѣ отчетъ въ томъ вліяніи, которое оказала на него данная полоса въ исторіи умственной жизни Россіи 40-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Если передовые слои русской интеллигенціи успѣли уже нѣсколько охладѣть къ сенъ-симонизму, которымъ въ 30-хъ годахъ увлекался А. И. Герценъ, и не онъ одинъ, зато увлеченіе преемственными теоріями получило настолько широкое распространеніе, что еще такъ недавно владѣвшая безраздѣльно русской мыслью нѣмецкая метафизика должна была совершенно стушеваться передъ ихъ дружнымъ натискомъ. Возвратившійся въ 1843 г. изъ-за границы въ Петербургъ П. В. Анненковъ могъ только констатировать живой интересъ къ французскимъ писателямъ даннаго направленія: система Фурье, «Икарія» Кабэ, книга Прудона о собственности—«все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе и своихъ мучениковъ».

То же самое о широкой распространенности идей и вопросовъ, занимавшихъ кружокъ Петрашевскаго, свидѣтельствуетъ въ «Дневникѣ писателя» и Достоевскій. «Названіе петрашевцевъ.—говоритъ онъ,—неправильное, ибо чрезмѣрно большее число, въ сравненіи съ

*) См. „Міръ Божій", № 4, апрѣль 1904 г.

стоявшими на эшафотѣ, но совершенно такихъ же, какъ мы, петрашевцевъ осталось совершенно нетронутымъ и не обезпокоеннымъ. Правда, они никогда и не знали Петрашевскаго, но совсѣмъ не въ Петрашевскомъ было и дѣло во всей этой давно прошедшей исторіи».

Но какъ ни широко, однако, по отзывамъ современниковъ, распространилось въ Россіи увлеченіе французскими утопистами, оно, по условіямъ жизни русской интеллигенціи, все же замыкалось тѣсными сравнительно предѣлами отдѣльныхъ кружковъ, которые жили и мыслили какъ-то совершенно въ сторонѣ не только отъ массы, но даже и отъ другихъ, точно такъ же изолированныхъ, интеллигентныхъ кружковъ и группъ.

Насколько обособленно стояли «петрашевцы» въ массѣ русскаго интеллигентнаго общества, можно судить по тѣмъ совершенно фантастическимъ слухамъ и сплетнямъ, какіе окружили ихъ тотчасъ же послѣ провала. Вотъ что занесъ, напримѣръ, въ свои записки баронъ М. А. Корфъ непосредственно послѣ ареста петрашевцевъ въ апрѣлѣ 1849 г.: «Всѣ были поражены разнесшеюся, какъ молнія, вѣстью объ открытомъ у насъ заговорѣ. Къ Россіи, покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой Россіи тоже прикоснулась гидра нелѣпыхъ и преступныхъ мечтаній чуждаго намъ міра». Дальше онъ называетъ арестованныхъ «горстью дерзкихъ злодѣевъ» и «шайкой, обличенною въ тайныхъ замыслахъ» *). Еще рѣшительнѣе разсказываетъ, съ чужихъ, впрочемъ, словъ, объ этомъ случаѣ Хомяковъ въ письмѣ изъ Москвы къ графинѣ А. Д. Блудовой: «Въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое боевое время!.. Что вамъ сказать про здѣшніе толки о вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ? Слухи объ намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ внушаетъ состраданіе. Вообще разсказы очень темны, а иные очень забавны. Я ужъ не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр., и пр.; но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни, къ несчастью, не тетки моей, что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ русскихъ до единаго, а для заселенія Россіи выписать французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то, котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ» **). Правда, самъ Хомяковъ находитъ, что мнѣніе этой барыни «нѣсколько преувеличено», но далеко отъ него онъ, однако, не ушелъ, какъ не ушелъ отъ него и Погодинъ, записавшій у себя въ дневникѣ: «Западный городъ буйствуетъ. Настроили они его себѣ на голову» ***).

Эта изолированность передовыхъ интеллигентныхъ кружковъ, по-

*) „Русская Старина“ 1900 г., № 4, стр. 39.

**) „Жизнь и труды М. П. Погодина“ Николая Барсукова, кн. X. Спб. 1896 г., стр. 270.

***) Ibid., стр. 269.

ражающіе размѣры которой наглядно рисуются въ только что приведенныхъ отзывахъ, и притомъ отзывахъ людей, тоже стоявшихъ на высокихъ ступеняхъ ителлигентности, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было живого практическаго дѣла, создавала для ихъ идейной жизни совершенно своеобразныя условія. Въ этой обстановкѣ люди должны были въ свои интеллектуальныя увлеченія вкладывать всю свою энергію, всю свою страсть, расходовать которыя не приходилось ни на что, внѣ этихъ увлеченій находившееся. И въ концѣ концовъ идейныя увлеченія совершенно естественно принимали характеръ *заговора* идей.

«Заговоръ идей»—этотъ классическій терминъ, совершенно непостижимый съ точки зрѣнія юридической, но удивительно точный въ смыслѣ моральной оцѣнки дѣла петрашевцевъ, пустили въ оборотъ сами же члены слѣдственной коммиссіи. Ознакомившись съ подробностями процесса, они, по словамъ того же М. А. Корфа, должны были признаться, что во всемъ этомъ дѣлѣ, къ которому они отнеслись съ чрезмѣрной даже для того времени суровостью, «покушеній или приготовленій къ бунту открыто не было, и все представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія...»

Со стороны, дѣйствительно, «безуміемъ» могло казаться это горячее, беззавѣтное, граничившее съ заговоромъ увлеченіе теоретическими задачами реорганизаціи жизни всего человѣчества на новыхъ идеальныхъ началахъ. Но на почвѣ русской дѣйствительности первой половины прошлаго столѣтія такое безуміе было явленіемъ вполнѣ понятнымъ, логически вытекавшимъ изъ всего нашего дореформеннаго уклада. Неподвижный и, казалось, застывшій въ своей неподвижности крѣпостной режимъ не давалъ никого просвѣта, а утописты между тѣмъ открывали ослѣпительно блестящія перспективы, которыя должны были облагодѣтельствовать все человѣчество безъ борьбы, безъ крови, а единственно лишь силою прояснившагося сознанія.

Подробное изложеніе системъ утопистовъ читатель найдетъ въ статьяхъ г. Тугана-Барановскаго («Очерки изъ исторіи политической экономіи»), напечатанныхъ въ нашемъ же журналѣ въ 1901—1902 гг. Здѣсь же мы считаемъ необходимымъ вкратцѣ напомнить лишь основныя ихъ положенія, которыя пришлись къ настроенію русскаго общества того времени.

Въ самомъ дѣлѣ, и «геніальный изобрѣтатель идей» Сенъ-Симонъ, взывавшій къ сознанному чувству долга, и великій дерзновенный антагонистъ его Фурье, съ горячей и убѣжденной проповѣдью эвдемонизма, и многочисленная и блестящая свита ихъ учениковъ и послѣдователей, всѣ они, при всемъ разнообразіи отправныхъ точекъ зрѣнія, дружно сошлись въ одномъ,—въ страстномъ, почти восторженномъ апоѳеозѣ человѣческой мысли.

«Наслѣдники Александра Македонскаго должны уступить мѣсто ученикамъ Архимеда», провозгласилъ Сенъ-Симонъ, и тѣмъ, кто движетъ впередъ человѣческую мысль, носителямъ либеральныхъ идей, все равно—будутъ ли это ученые или художники—онъ отводитъ почетную и руководящую роль въ своемъ утопическомъ государствѣ. Мысль, огромными завоеваніями которой такъ пренебрегаетъ и во всякомъ случаѣ совсѣмъ не пользуются современное человѣчество, становится творческой силой и въ утопическихъ построеніяхъ Фурье.

И въ то время, когда въ началѣ царствованія Николая I-го русскій интеллигентъ, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ полнаго разгрома политическаго движенія декабристовъ, совершенно недоумѣвалъ, куда же дѣвать ему, на что расходовать свои интеллектуальныя силы, французскіе утописты какъ будто шли навстрѣчу его подавленному настроенію. «Здѣсь нѣтъ мѣста политикѣ»—говорили они ему. Политическая организація государства — училъ Сенъ-Симонъ — представляетъ не болѣе, какъ только неизбѣжную надстройку надъ фундаментомъ слагающихся матеріальныхъ общественныхъ отношеній. И онъ, и его ученики относились поэтому съ полнымъ равнодушіемъ къ вопросамъ политики, и въ ихъ глазахъ либерализмъ, на который они смотрѣли только какъ на политическій и религіозный протестантизмъ, былъ принципомъ отрицательнымъ, непригоднымъ для того, чтобы лечь въ основу общественной организаціи. Полный индифферентизмъ Фурье къ политическимъ вопросамъ точно также вполнѣ естественно вытекалъ изъ того исключительнаго интереса, который онъ сосредоточилъ на «первомъ источникѣ» счастья человѣка—на богатствѣ. Счастье, являющееся результатомъ гармоническаго удовлетворенія всѣхъ потребностей души и тѣла, само собою предполагаетъ необходимость матеріальныхъ средствъ; точно также, по ученію Фурье, и всякая свобода предполагаетъ необходимость прежде всего матеріальной свободы.

Но что было всего дороже и соблазнительнѣе для интеллигентнаго русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, это неопровержимое, казалось тогда, оптимистическое убѣжденіе французскихъ утопистовъ въ томъ, что всѣ условія для осуществленія новаго соціальнаго строя были *уже* налицо въ современномъ обществѣ и что въ такихъ обольстительныхъ краскахъ нарисованный ими земной рай есть вопросъ если не завтрашнаго дня, то во всякомъ случаѣ ближайшей очереди.

Провозглашая законъ о трехъ стадіяхъ развитія, Сенъ-Симонъ прямо указывалъ на то, что двѣ стадіи—теологическая и метафизическая—уже пройдены человѣчествомъ. Послѣдняя же стадія, характеризующаяся преобладаніемъ точныхъ наукъ въ сферѣ духовной и промышленныхъ классовъ въ сферѣ матеріальной, уже наступила, почему и необходимо установленіе въ Европѣ порядка, соотвѣтствующаго новымъ реальнымъ соотношеніямъ общественныхъ силъ. Точно

такъ же обосновывалъ и Фурье своевременность организаціи общественнаго хозяйства на новомъ установленномъ имъ базисѣ. Время для этого—убѣждалъ онъ—настало, потому что цивилизація, смѣнившая собою періодъ варварства, видимо, приближается къ своему неизбѣжному концу и постепенно переходитъ въ новый конечный фазисъ историческаго развитія человѣчества—въ фазисъ ассоціаціи.

Не могло, наконецъ, не прельщать русскихъ учениковъ, совершенно обособленныхъ отъ массы населенія, и то тѣсно связанное съ основными положеніями французскихъ утопистовъ обстоятельство, что во всѣхъ ихъ построеніяхъ активное участіе самого народа какъ бы игнорировалось. Они, какъ это было отмѣчено Марксомъ въ знаменитомъ «Манифестѣ», смотрѣли на классъ рабочихъ исключительно съ точки зрѣнія страданій этого класса. И въ своемъ стремленіи улучшить это положеніе апеллировали ко всему обществу и даже по преимуществу къ господствующимъ классамъ, предполагая, что достаточно понять и усвоить ихъ систему, чтобы признать ее наилучшимъ планомъ обновленія общества. Оуэнъ обращался со своими проэктами ко всѣмъ государямъ Европы; Сенъ-Симонъ упорно пытался убѣдить Людовика XVIII, что собственный интересъ французской монархіи требуетъ отожествить ея дѣло съ дѣломъ всего народа. Фурье въ теченіе многихъ лѣтъ настойчиво высиживалъ дома въ опредѣленные часы, выжидая капиталиста, который долженъ же отозваться на опубликованное имъ приглашеніе, для того, чтобы постройкой перваго фаланстера положить основаніе будущему счастью человѣчества.

X.

„Заговоръ идей“ и прикосновенность къ нему М. Е. Салтыкова.

Сочиненія Сенъ-Симона, Фурье, Консидерана, Кабэ, Прудона, Луи Блана и другихъ въ подлинникахъ или въ передачѣ трактующихъ эти темы писателей, и составляли основную духовную пищу петрашевцевъ. Пути для проникновенія этихъ авторовъ въ Россію, несмотря на цензурныя репрессіи, находились безъ особеннаго труда.

Выясненіе теоретическихъ положеній этихъ писателей и практическаго значенія Нью-Ламарка, Икаріи, фалангъ и фаланстеровъ было постоянной задачей петрашевцевъ не только въ ихъ частныхъ собраніяхъ и бесѣдахъ, но и, насколько позволяли обстоятельства, въ литературѣ. Съ этою цѣлью Петрашевскій совмѣстно съ В. Н. Майковымъ сдѣлали попытку, подъ скромнымъ флагомъ «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка» (изданъ подъ фамиліей Кириллова въ 1845—46 гг.), провести взгляды названныхъ выше писателей въ широкую публику. Здѣсь, при всякомъ удобномъ случаѣ, прямо цитировались и рекомендовались ихъ сочиненія, причемъ въ объясненіяхъ отдѣльныхъ «иностранныхъ словъ» проводились излюбленныя ими теоріи

На торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ однимъ кружкомъ петрашевцевъ въ честь Фурье, въ день его рожденія, всѣ присутствовавшіе единогласно признали необходимымъ поставить на первую очередь переводъ важнѣйшихъ сочиненій Фурье на русскій языкъ, и всѣ участники обѣда согласились принять участіе въ переводѣ. Здѣсь же, въ застольныхъ рѣчахъ, очень ярко высказалось господствующее среди петрашевцевъ настроеніе. Ораторы отмѣчали, что они празднуютъ нынѣ «событіе, влекущее за собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней», что «преображеніе близко» и что именно «здѣсь, въ нашей странѣ, начнется преобразованіе, а кончитъ его вся земля». Основаніемъ для такихъ пылкихъ надеждъ являлся въ глазахъ петрашевцевъ «уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь, — этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ и развалится все это дряхлое громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело».

Буташевичъ-Петрашевскій, не скрывавшій, какъ и многіе другіе, своихъ взглядовъ отъ членовъ слѣдственной коммиссіи, заявлялъ, что онъ фурьеристъ и желаетъ улучшенія общественнаго строя; что онъ и его товарищи желали «только мирнаго развитія общественнаго быта», и что для изслѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій нужно было бы назначить не слѣдственную, а ученую коммиссію, которая могла бы разобрать ихъ съ научной точки зрѣнія.

Какъ вѣрный ученикъ Фурье, Петрашевскій, находилъ вообще нежелательнымъ бунтъ и возстаніе черни и утверждалъ, что всего можно достигнуть путемъ усовершенствованія законовъ. Въ позднѣйшемъ своемъ показаніи, подробно излагая взгляды на фурьеризмъ и соціализмъ, Петрашевскій указывалъ, что «соціализмъ не есть изобрѣтеніе новѣйшаго времени», что «онъ всегда былъ въ природѣ человѣка» и въ своемъ нынѣшнемъ видѣ составляетъ «результатъ развитія всего человѣчества. Это догматъ христіанской любви, ищущей своего практическаго осуществленія въ современной намъ дѣйствительности».

Свести къ какому-нибудь единству политическія убѣжденія петрашевцевъ не представляется возможнымъ. Если среди нихъ находились лица, которыя, какъ напримѣръ, Момбелли, прямо высказывались за республику, то въ большинствѣ, надо думать, преобладало мнѣніе, представителями котораго на допросахъ коммиссіи выступали Ѳ. М. Достоевскій и Ястржембскій, рѣшительно утверждавшіе, что петрашевцы, будучи убѣжденными фурьеристами, политикой, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не интересовались и къ вопросамъ о формахъ правленія были совершенно равнодушны. Было теченіе прямо враждебное конституціонализму на томъ основаніи, что при отсутствіи всеобщей по-

дачи голосовъ и при высокомъ избирательномъ цензѣ, какъ это было тогда во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ Европы, лишь сравнительно незначительное количество гражданъ пользуется политическими правами. «Карманный словарь», при объясненіи слова «конституція», высказывается въ этомъ смыслѣ съ полною опредѣленностью. «На практикѣ,—сказано тамъ,—до сихъ поръ это хваленое правленіе есть не что иное, какъ аристократія богатства. Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію».

Это, конечно, нисколько не мѣшало суровой критикѣ отдѣльныхъ сторонъ современнаго петрашевцамъ политическаго строя Россіи. На первомъ планѣ стояло крѣпостное право, уничтоженіе котораго петрашевцы считали ближайшей очередной задачей Россіи, причемъ ими впервые была высказана мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею. При огромномъ численномъ преобладаніи писателей въ кружкахъ петрашевцевъ, въ нихъ не могли не раздаваться рѣзкія жалобы на цензуру, сопровождаемыя пожеланіями полной свободы печати. «Я говорилъ о цензурѣ,—писалъ въ своемъ показаніи Ѳ. М. Достоевскій,—объ ея непомѣрной строгости въ наше время... Мнѣ грустно слышать, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ, и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать его рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ». Достоевскій подтверждалъ эти свои слова ссылкою на отношеніе цензуры къ собственнымъ его произведеніямъ. Въ тѣсной связи съ вопросами объ уничтоженіи крѣпостного права и о свободѣ печати разсматривался петрашевцами и вопросъ о реорганизаціи судоустройства и судопроизводства. Эти три реформы признавались петрашевцами по отношенію къ русской дѣйствительности основными, и если между ними и происходили по этому поводу разногласія, то лишь въ вопросѣ о послѣдовательности осуществленія этихъ реформъ: одни находили, что эти реформы должны быть произведены одновременно, другіе считали болѣе практичнымъ установить ту или иную ихъ послѣдовательность съ тѣмъ, чтобы одна реформа расчищала путь для другой *).

Такова была насыщенная творческою мыслью атмосфера, въ которой начиналъ свою сознательную жизнь Салтыковъ. И въ высшей степени характерно, что это движеніе, въ основѣ котораго лежало чуть

*) Подробности о дѣлѣ Петрашевскаго см. въ статьяхъ В. И. Семевскаго: 1) „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ“ въ сборникѣ „На славномъ посту“ (Спб. 1900 г.), и 2) „Изъ исторіи крестьянскаго вопроса“ въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. I, (Спб. 1893 г.).

ли не обоготвореніе созидающей силы мысли, какъ бы оправдывая данное ему названіе «идейнаго» заговора захватило въ свои ряды, въ противоположность военному заговору декабристовъ, главнымъ образомъ, литераторовъ и ученыхъ.

Даже Бѣлинскій, воспитавшійся на принципахъ нѣмецкой метафизики, въ это время уже раскланялся съ «философскимъ колпакомъ Гегеля», и его знаменитое письмо къ Гоголю пріобрѣло особое значеніе въ тогдашнихъ кружкахъ. Непосредственно къ процессу, кромѣ самого Петрашевскаго, привлечены были слѣдующія лица, причастныя къ литературной и научной работѣ: братья Ѳ. М. и М. М. Достоевскіе, Плещеевъ, Пальмъ, Дуровъ, Толь, Момбелли, химикъ Львовъ, Д. Д. Ахшарумовъ. Затѣмъ можно было бы привести цѣлый списокъ литературныхъ дѣятелей, имена которыхъ находятся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ дѣломъ Петрашевскаго. Таковы: Аполлонъ Майковъ, В. Толбинъ, В. Р. Зотовъ, Н. Д. Ахшарумовъ (всѣ они привлекались къ допросу въ слѣдственной коммиссіи), В. Майковъ, В. Милютинъ, Энгельсонъ, Н. Данилевскій, И. Введенскій, А. П. Милюковъ, Н. Г. Чернышевскій, Г. Е. Благосвѣтловъ, Н. П. Огаревъ, К. Д. Кавелинъ и др.

Есть основанія думать, что Салтыковъ попалъ въ сферу этого господствовавшаго среди передовой молодежи настроенія еще въ бытность свою въ лицеѣ. Вѣскимъ аргументомъ въ пользу такого предположенія служитъ тотъ фактъ, что наиболѣе энергическіе представители этого настроенія, каковы Петрашевскій, Спѣшневъ, Кашкинъ, Европеусъ, вышли изъ того же царскосельскаго лицея, причемъ нѣкоторые изъ нихъ поддерживали съ лицеемъ, и по выходѣ изъ него, живыя связи. Петрашевскому поставлено было даже въ вину, что онъ приглашалъ къ себѣ по праздничнымъ днямъ воспитанниковъ лицея, «прельщая—какъ сказано въ докладѣ слѣдственной коммиссіи—ихъ умы объясненіемъ новыхъ идей». Не мало въ пользу этого предположенія говоритъ и то, устанавливаемое К. К. Арсеньевымъ, по личнымъ его воспоминаніямъ, обстоятельство, что даже въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, т.-е. послѣ разразившейся надъ петрашевцами катастрофы, «между воспитанниками лицея бродили еще идеи, вдохновлявшія юношу Салтыкова. Многіе изъ нихъ читали Фурье, Сенъ-Симона, Луи-Блана и знакомили своихъ младшихъ собратій съ содержаніемъ запретныхъ книгъ» *).

Какъ бы тамъ ни было, но, до или послѣ окончанія лицея, Салтыковъ, по собственному его признанію, познакомился лично съ Петрашевскимъ и бывалъ у него. При этомъ, по словамъ самого Петрашевскаго, переданнымъ В. И. Семевскому черезъ третье лицо, Салтыковъ увлекся

*) „Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова“ при I-мъ т. „Полнаго собранія соч. Салтыкова“, стр. 25.

фурьеризмомъ еще ранѣе знакомства съ Петрашевскимъ, послѣ того, какъ онъ случайно купилъ у букиниста сочиненія Фурье *). Затѣмъ онъ сошелся со многими его послѣдователями и посѣщалъ какой-то кружокъ изъ 5 — 6 человѣкъ, въ которомъ читались сочиненія упомянутыхъ выше французскихъ писателей начала XIX вѣка.

Много лѣтъ спустя, попавъ съ лечебными цѣлями за границу, писатель невольно переносится къ этимъ годамъ своей юности и припоминаетъ ту громадную роль, которую сыграли для него и для его сверстниковъ Франція и Парижъ. «Въ этихъ двухъ словахъ,—пишетъ онъ,—заключалось нѣчто лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе. Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризированіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное, любвеобильное—все шло оттуда» **).

Участіе Салтыкова въ кружкѣ Петрашевскаго удостовѣряется и оффиціально запискою слѣдственной по этому дѣлу коммиссіи, гдѣ онъ названъ въ числѣ лицъ, «упоминаемыхъ обвиняемыми». Хотя, по свидѣтельству оффиціальнаго документа, ни одно изъ показаній обвиняемыхъ не давало повода предполагать, чтобы Салтыковъ «принималъ какое-либо участіе въ злоумышленіи по настоящему дѣлу», тѣмъ болѣе, что агенты администраціи выслѣдили только одно посѣщеніе Салтыковымъ Петрашевскаго, однако, его не привлекли къ допросамъ въ коммиссіи единственно потому лишь, что онъ уже былъ въ то время сосланъ въ Вятку. Поэтому и мѣры, принятыя противъ него по этому дѣлу, ограничились тѣмъ, что, по высочайшему повелѣнію 29-го іюня 1849 года, слѣдственная коммиссія сообщила всѣ извѣстныя о немъ свѣдѣнія въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи «для дальнѣйшаго распоряженія».

*) В. И. Семевскій. „Изъ исторіи крестьянскаго вопроса". „Сборникъ правовѣдѣнія и обществ. знаній", т. I, стр. 127, Спб. 1893 г.

**) „За рубежомъ", т. VIII, стр. 539.

XI.

Утопизмъ Салтыкова.—Постоянство, формы и сущность его утопизма.

Выше мы сдѣлали попытку съ возможною полнотою обрисовать ту интеллектуальную обстановку, въ которой жилъ упоминаемый сатирикомъ «безвѣстный, прилѣпившійся къ Франціи кружокъ». Духовное родство писателя съ этимъ кружкомъ было настолько тѣснымъ, что разъ завязанное со всѣмъ пыломъ молодого энтузіазма, оно не прекращалось затѣмъ во всю его послѣдующую жизнь, пробиваясь красной нитью сквозь все его многотомное литературное наслѣдство.

«Въ Россіи,—вспоминаетъ тамъ же («За рубежомъ») Салтыковъ о своихъ юношескихъ увлеченіяхъ,—мы существовали лишь фактически или, какъ въ то время говорилось, имѣли «образъ жизни». Ходили на службу въ соотвѣтствующія канцеляріи, писали письма къ родителямъ, питались въ ресторанахъ, а чаще всего въ кухмистерскихъ, собирались другъ у друга для собесѣдованій и т. д. Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собою область, какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе «Собранія русскихъ пословицъ», являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками. Такъ что когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій началъ издавать таксы на мясо и хлѣбъ, то и это заинтересовало насъ въ качествѣ анекдота, о которомъ слѣдуетъ говорить съ осмотрительностью. Напротивъ, всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрагивалъ насъ за живое, заставлялъ радоваться и страдать» *).

Идейный энтузіазмъ, который, какъ видно изъ этого отрывка, характеризуетъ настроеніе молодого Салтыкова въ этотъ періодъ его жизни, не только не получалъ какихъ-нибудь импульсовъ въ русской дѣйствительности, но даже, напротивъ, систематически обезпложивался ею. Отсутствіе реальныхъ основаній въ родной дѣйствительности заставляло восторженныхъ идеалистовъ искать опоры въ чужой жизни, въ чужихъ интересахъ далекой Франціи, тогда какъ русская жизнь того времени, по характеристикѣ Салтыкова въ «Пошехонскй Старинѣ», представляла «запертую храмину, ключъ отъ которой былъ отданъ въ безконтрольное завѣдываніе табели о рангахъ. И послѣдняя настолько ревниво оберегала ее отъ сторонннхъ вторженій, что самое понятіе о «реальномъ» какъ бы исчезло изъ общественнаго сознанія».

Теоретическія построенія, совершенно оторванныя отъ жизни, не могли, разумѣется, не терять вслѣдствіе этого въ ясности и опре-

*) „За рубежомъ“, т. VIII, стр. 540.

дѣленности, и этотъ недостатокъ ихъ подчеркиваетъ самъ Салтыковъ въ тѣхъ замѣчательныхъ по искренности тона автобіографическихъ страницахъ, гдѣ отъ его имени излагаетъ свою исповѣдь «Имярекъ».

«Еще въ ранней молодости онъ былъ уже идеалистомъ; но это было скорѣе сонное мечтаніе, нежели сознательное служеніе идеаламъ. Глядя на вожаковъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ, но, въ сущности, смѣшивалъ въ одну кучу и сенъ-симонизмъ, и икаризмъ, и фурьеризмъ, и скорѣе всего примыкалъ къ сенъ-симонизму. Въ особенности его плѣняла Жоржъ Зандъ въ своихъ первыхъ романахъ. Онъ зачитывался ими до упоенія, находилъ въ нихъ неисчерпаемый источникъ той анонимной восторженности, которая чаще всего лежитъ въ основаніи юношескихъ вѣрованій и стремленій. Были слова (добро, истина, красота, любовь), которыя производили чарующее дѣйствіе, которыя онъ готовъ былъ повторять безчисленное множество разъ, и слушая которыя былъ безконечно счастливъ. Если бы отъ него потребовали наполнить эти слова содержаніемъ, онъ удивился бы—до того они представлялись ему несомнѣнными и обязательными, до того его прельщалъ самый звукъ ихъ» *).

Сдѣланныя здѣсь признанія находятъ краснорѣчивое подтвержденіе въ произведеніяхъ Салтыкова.

Дѣйствительно, во всѣхъ его многочисленныхъ сочиненіяхъ едва ли можно было бы отыскать слѣды детальнаго изученія системъ, которыми онъ горячо увлекался. Ни одна изъ нихъ не встрѣтила въ немъ преданнаго и беззавѣтнаго адепта. Всѣмъ имъ онъ отдалъ дань, и прежде всего, какъ онъ и самъ признается, блестящему Сенъ-Симону и особенно его талантливой ученицѣ Жоржъ Зандъ. Вліяніе послѣдней весьма недвусмысленно сказывается въ первыхъ повѣстяхъ Салтыкова: въ «Противорѣчіяхъ», гдѣ молодой авторъ выступаетъ съ горячей защитой въ пользу признанія правъ жизни и страстей, и въ «Запутанномъ дѣлѣ», которое своей соціалистической тенденціей прямо напрашивается на сравненіе съ общественными романами французской писательницы. Въ послѣдующихъ фазахъ литературнаго развитія Салтыкова замѣтно выступаютъ его симпатіи къ Фурье, имя котораго очень часто выводитъ перо писателя en toutes lettres, а еще чаще чувствуется, что духъ этого французскаго утописта незримо руководитъ его перомъ.

Словомъ, пользуясь все той же біографіей Имярека, можно сказать, что Салтыковъ, «по самой природѣ своей, по всему складу своей жизненной дѣятельности, не могъ не остаться вѣрнымъ той музѣ, которая, однажды озаривъ его существованіе, уже не оставляла его». Но это была именно *муза*, озарившая его существованіе и опредѣлившая его настроеніе, но не богиня мудрости, не

*) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 441.

Минерва, которая заставила бы его послѣдовательно размотать весь клубокъ логической нити воспринятыхъ имъ теоретическихъ построеній. Придавая огромное значеніе утопіямъ, онъ не хотѣлъ и не могъ идти до конца ни съ однимъ изъ извѣстныхъ ему утопистовъ.

Воспитавшись подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ, онъ высказываетъ въ «Дневникѣ провинціала» убѣжденіе, что если кто въ двадцать лѣтъ «не стремился къ общему возрожденію, про того трудно даже сказать, что у него было когда-нибудь сердце, способное сочувствовать и сострадать». Отсутствіе утопій для него равноцѣнно ограниченности кругозора. Напротивъ, все, что есть въ мірѣ добраго свѣтлаго и прочнаго, весь прогрессъ человѣческаго общежитія, все готовъ Салтыковъ приписать творческой роли утопій, «расплывающейся, но вѣрной себѣ мысли». «Исторія человѣчества,—утверждаетъ онъ,—гласитъ объ этомъ во всеуслышаніе и удостовѣряетъ наглядным образомъ, что не практики, въ родѣ Шешковскаго, Аракчеева и Магницкаго, устроютъ будущее, а люди иныхъ идеаловъ, люди «расплывающихся» мыслей и чувствъ. И Шешковскій, и Аракчеевъ и Магницкій (да и одни ли они? мало ли было такихъ «практиковъ» прежде и послѣ?) достаточно-таки поревновали на пользу кандаловъ, но, несмотря на благопріятныя условія, несмотря даже на запечатлѣнный кровью успѣхъ, и они, и ихъ намѣренія, и ихъ дѣла мгновенно истлѣли, такъ что даже продолжатели ихъ не только не рѣшаются ссылаться на нихъ, но, напротивъ, притворяются, будто имена эти столь же имъ ненавистны, какъ и исторіи. Вѣдь и чума когда-то въ Москвѣ неистовствовала, но кто же ссылается на нее, какъ на благопріятный прецедентъ. Такъ точно и тутъ: пришли, осквернили вселенную—и исчезли...» *).

Въ послѣднемъ своемъ произведеніи («Пошехонская Старина») Салтыковъ снова возвращается къ той же мысли и проситъ читателя не думать, что отвлеченности и обобщенія, опять-таки въ смыслѣ утопій, онъ можетъ считать пустопорожней фразой. «Нѣтъ, — пишетъ онъ,—я вѣрилъ и теперь вѣрю въ ихъ живоносную силу; я всегда былъ убѣжденъ, что только съ ихъ помощью человѣческая жизнь можетъ получить правильные и прочные успѣхи. Формулированію этой истины была посвящена лучшая часть моей жизненной дѣятельности, всего моего существа. Не погрязайте въ подробностяхъ настоящаго,—говорилъ и писалъ я, — но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго; ибо это своего рода солнечные лучи, безъ оживотворяющаго дѣйствія которыхъ земной міръ обратился бы въ камень. Не давайте окаменѣть и сердцамъ вашимъ, вглядывайтесь часто и пристально въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго. Только недальнозоркимъ умамъ эти точки кажутся безпочвенными и ото-

*) „Письма къ тетенькѣ“, т. XI, стр. 659.

рванными отъ дѣйствительности; въ сущности же онѣ представляютъ собой не отрицаніе прошлаго и настоящаго, а результатъ всего лучшаго и человѣчнаго, завѣщаннаго первымъ и вырабатывающагося въ послѣднемъ. Разница заключается только въ томъ, что, создавая идеалъ будущаго, просвѣтленная мысль отсѣкаетъ всѣ злыя и темныя стороны, подъ игомъ которыхъ изнывало и изнываетъ человѣчество» *).

И эту излюбленную имъ мысль Салтыковъ проводилъ не только, какъ писатель. Она была такъ дорога ему, что должна была проявляться и въ другихъ сферахъ его дѣятельности. Н. К. Михайловскій вспоминаетъ, что когда онъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ началъ писать въ «Отечественныхъ Запискахъ», то Салтыковъ чуть ли не въ первомъ же разговорѣ предложилъ ему написать о французскихъ соціальныхъ системахъ. Салтыковъ-редакторъ находилъ необходимымъ напомнить ихъ русскому обществу **).

Но при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ утопіямъ, огромное значеніе которыхъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества Салтыковъ подчеркиваетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, самъ онъ—повторяемъ—не примкнулъ вплотную ни къ одной изъ системъ, «озарившихъ» его молодые годы. Его смущала и, если хотите, отталкивала одна общая всѣмъ этимъ построеніямъ черта, которая, по его мнѣнію, была гибельной для нихъ ошибкой. Утописты слишкомъ спѣшили «усчитывать будущее, усыпая его мельчайшими подробностями», тогда какъ жизнь не можетъ и не должна оставаться неподвижною, какъ бы ни совершенны казались въ данную минуту придуманныя для нея формулы. «Фурье,—пишетъ Салтыковъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ,—провидѣлъ ненужныхъ анти-львовъ и анти-акулъ и не провидѣлъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни телефона, которые несравненно радикальнѣе вліяютъ на ходъ человѣческаго развитія, нежели антильвы. Его смущалъ вопросъ объ удаленіи нечистотъ изъ помѣщенія фаланстеровъ и для разрѣшенія его онъ прибѣгнулъ къ когортамъ самоотверженныхъ, тогда какъ въ недалекомъ будущемъ дѣло устроилось проще... Затѣмъ, большинство его послѣдователей было таково, что придерживалось именно буквы ученія и въ особенности настаивало на его подробностяхъ. Въ результатѣ оказалось явное противорѣчіе съ наростающими жизненными требованіями, а за противорѣчіями послѣдовало недовѣріе, смѣхъ, надругательства. Великія основныя идеи о привлекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности жизненныхъ благъ и пр. были заслонены провидѣніями, регламентаціей и, въ концѣ концовъ, забыты или, по крайней мѣрѣ, разсыпались по мелочамъ» ***).

---

*) „Пошехонская Старина", т. XII, стр. 99.

**) „Соч. Н. К. Михайловскаго", т. V, стр. 237.

***) „Мелочи жизни", т. V, стр. 52.

Отвергая «подробности», какъ ненужныя и часто даже смѣшныя, Салтыковъ тѣмъ болѣе дорожилъ тѣми общими всѣмъ утопіямъ положеніями, въ основѣ которыхъ, какъ онъ утверждалъ, лежитъ одинъ принципъ—*человѣчность*. «Подробностями и даже нѣкоторыми существенными чертами,—убѣждалъ онъ свою постоянную собесѣдницу—«тетеньку»,—можно даже и поступиться, но если даже только одно общее представленіе о человѣчности найдетъ себѣ достаточно прозелитовъ, то и это уже значительный шагъ впередъ» *). Въ другомъ мѣстѣ онъ рѣшительно заявляетъ о томъ, что частные вопросы не имѣютъ права загромождать человѣческіе умы, чтобы исключать вопросы общіе. Иногда кажется,—пишетъ онъ:—вотъ вопросъ не отъ міра сего, вотъ вопросъ, который ни съ какой стороны не можетъ прикасаться къ насущнымъ потребностямъ общества—для чего же, дескать, говорить о такихъ вещахъ? Но, вѣдь, это вздоръ, любезный читатель! Это только жалкая уловка лгуновъ-дѣльцовъ! Сообразите только: возможное ли это дѣло, чтобы вопросъ глубоко человѣческій, вопросъ, затрогивающій основныя отношенія человѣка къ жизни и ея явленіямъ, могъ хотя на одну минуту оставаться для человѣка безинтереснымъ, а тѣмъ болѣе могъ бы помѣшать ему устраиваться на практикѣ возможно выгоднымъ для себя образомъ?» **).

Въ частности, отвергая детали ученія Фурье, Салтыковъ утверждалъ въ то же время, что идея новыхъ основаній для новой жизни, идея освобожденія жизни—исключительно при помощи этихъ новыхъ основаній—отъ мелочей, дѣлающихъ ее постылою, остается пока во всей силѣ ***).

Мы могли бы привести еще десятки цитатъ, характеризующихъ прямо-таки благоговѣйное отношеніе Салтыкова къ утопіямъ, въ смыслѣ высшихъ обобщеній соціальной мысли, но, остерегаясь сверхъ мѣры загромождать цитатами нашу статью, мы приведемъ здѣсь еще только интересное письмо сатирика, написанное имъ 2-го января 1881 г. къ Е. И. Утину по поводу напечатанной этимъ послѣднимъ критической статьи о «Кругломъ годѣ».

„Душевно благодаренъ вамъ, многоуважаемый Евгеній Исаковичъ, за благосклонное отношеніе къ моимъ трудамъ. Но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ удачно выбрали „Круглый годъ“, и потому вопросъ объ „идеалахъ“ не выяснился. Мнѣ кажется, что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, начиная съ конституціонализма и кончая коммунизмомъ, что останавливаться на этихъ стадіяхъ—значитъ добровольно стѣснять себя. Я положительно убѣжденъ, что большее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ

*) „Письма къ тетенькѣ“, т. XI, стр. 473.
**) „Благонамѣренныя рѣчи“, т. IV, стр. 13.
***) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 52.

большаго или меньшаго усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ. Вѣдь семья, собственность, государство—тоже были въ свое время идеалами, однакожъ они видимо исчерпываются. Устраиваться въ этихъ подробностяхъ, отстаивать одни и разрушать другія—дѣло публицистовъ. Читая романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?“ я пришелъ къ заключенію, что ошибка его заключалась именно въ томъ, что онъ черезъчуръ задался практическими идеалами. Кто знаетъ, будетъ ли оно такъ! И можно ли назвать указываемыя въ романѣ формы жизни окончательными? Вѣдь и Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною, и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго человѣка, и обратиться къ тѣмъ современнымъ „основамъ“, во имя которыхъ эта свобода попирается. По мѣрѣ силъ моихъ и въ размѣрахъ цензурнаго произвола, это и сдѣлано мною въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“. Я обратился къ семьѣ, собственности и государству, и далъ понять, что въ наличности ничего этого уже нѣтъ. Что, стало быть, принципы, во имя которыхъ стѣсняется свобода, уже не суть принципы даже для тѣхъ, которые ими пользуются.

На принципъ семейственности написаны мною „Головлевы“. На принципъ государственности—„Круглый годъ“ *).

Такимъ образомъ, изъ юношескаго общенія своего съ идеями французскихъ утопистовъ Салтыковъ вынесъ и усвоилъ себѣ разъ и навсегда глубокую вѣру въ творческую силу утопій. Утопизмъ Салтыкова не имѣлъ ничего общаго съ фантазерствомъ,—онъ не съужилъ кругозора неподвижной стѣною той или иной практической программы, а напротивъ, какъ бы окрылялъ критическую работу сознанія, намѣчая для нея отдаленныя вѣхи въ видѣ самыхъ широкихъ обобщеніе общественной мысли. Независимо отъ того, можетъ ли быть доказана осуществимость идеала изъ элементовъ дѣйствительности, или онъ построенъ даже вопреки ей, Салтыковъ придавалъ огромное значеніе самому факту наличности общественнаго идеала въ человѣческомъ сознаніи. И чѣмъ меньше данныхъ предоставляла ему русская дѣйствительность для того, чтобъ разобраться въ ней и опредѣлить направленіе пути ея историческаго развитія, тѣмъ дороже казались ему общіе, не теряющіеся въ подробностяхъ, контуры утопій.

Точно также, какъ и Ничше, онъ всей душою презиралъ тѣхъ «умѣренныхъ и аккуратныхъ» людей добродѣтели, которые живутъ исключительно интересами текущаго дня, «похожіе на часы съ ежедневнымъ заводомъ; они тикаютъ и хотятъ, чтобъ тикъ-такъ называли добродѣтелью». Наиболѣе ядовитыя стрѣлы сатиръ Салтыкова направлялись всегда въ эту именно добродѣтель, а для него самого, подобно Заратустрѣ, оставалось «лишь любить неоткрытую, въ далекомъ морѣ, страну дѣтей своихъ; къ ней направлять свои паруса, искать ее и искать

*) Е. И. Утинъ. „Изъ литературы и жизни“, т. I, стр. 175. Спб. 1896 г

безъ конца». Дѣйствительность была для него только «клочками будущаго», и не было у него «иной мечты и мысли, какъ, свести и слить воедино то, что есть обломокъ, загадка и слѣпой случай». Такъ говорилъ Заратустра, но развѣ не тѣми же самыми словами писалъ и Салтыковъ въ приведенныхъ нами выше цитатахъ? И развѣ въ одухотворенной «утопіей» сатирѣ его не ясно слышатся какъ будто имъ же самимъ и произнесенныя слова Заратустры: «Современное и прошлое на землѣ—ахъ, друзья мои!—они невыносимы для меня. И я не могъ бы жить, если бы я не былъ прорицателемъ того, что нѣкогда должно наступить!» *).

XII.

Отраженіе французскаго утопизма въ отношеніяхъ Салтыкова къ соціальнымъ и политическимъ „новшествамъ“.

Какъ ни характерно для Салтыкова постоянное подчеркиваніе того факта, что онъ выше всего цѣнитъ эти общія положенія «расплывающейся мысли», что съ чистыхъ снѣговыхъ вершинъ ея онъ и разсматриваетъ русскую дѣйствительность, но все же и въ его произведеніяхъ можно отыскать нѣкоторыя «подробности», которыя еще ярче освѣщаютъ его духовное родство черезъ петрашевцевъ съ французскими утопистами. Остановимся на этихъ подробностяхъ.

Хотя въ письмѣ къ Утину, въ числѣ тѣхъ общихъ идеаловъ, которые онъ считаетъ поставленными на своемъ писательскомъ знамени, онъ прежде всего отмѣчаетъ свободу, но, когда вы захотите опредѣлить, какое же содержаніе вкладываетъ самъ авторъ въ это понятіе, то вы не замедлите натолкнуться на его же вопросъ, отвѣтъ на который дается самой его постановкой. «Что такое свобода,—говоритъ онъ,—безъ участія въ благахъ жизни?» **).

Въ другомъ мѣстѣ Салтыковъ, подробно останавливаясь на сравнительной оцѣнкѣ соціальныхъ и политическихъ «новшествъ», высказываетъ свое отношеніе и къ тѣмъ и другимъ еще болѣе опредѣленно. Онъ утверждаетъ здѣсь, что политическія новшества, не затрагивая коренныхъ основъ, на которыхъ зиждутся общество и государство, столько скользятъ по поверхности, перемѣщая центръ власти изъ однихъ рукъ въ другія (отъ Баттенберга къ Меренбергу и т. д.)» и лишь отчасти, «очень умѣренно», расширяя кадры правящихъ классовъ. Сравнительно бѣдныя результатами, они почти всегда настигаютъ общество внезапно, и возбуждая страсти уязвленіемъ личныхъ самолюбій и интересовъ, въ массы народныя они проникаютъ въ формѣ отдаленнаго гула, не измѣняя ни одной черты ни въ ихъ бытѣ, ни

*) „Also sprach Zarathustra“ von F. Nietzche.
**) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 445.

въ ихъ благосостояніи. Поэтому, утверждаетъ сатирикъ, «массы относятся къ подобнымъ новшествамъ не только съ равнодушіемъ, но и съ удивленіемъ, не понимая, почему у кормила правленія понадобился въ данную минуту Гизо, а Тьеръ оказался ненужнымъ» *).

Уже въ самомъ опредѣленіи понятія «государство», опредѣленіи, которое,—пишетъ Салтыковъ,—онъ вынесъ во время своихъ скитаній за границей, въ южной Германіи, въ Парижѣ и въ южной Франціи, чувствуется, какъ прочно укрѣпились въ его сознаніи старыя, воспринятыя имъ въ юношескіе годы теоріи. Онъ утверждаетъ, что идея государства даже въ западно-европейскомъ обществѣ не содержитъ въ себѣ сколько-нибудь прочныхъ и устойчивыхъ элементовъ, которые открывали бы ей въ будущемъ болѣе или менѣе надежныя перспективы. Люди культуры, резюмируетъ онъ свои заграничныя наблюденія, видятъ въ идеѣ государственности только базисъ для извѣстнаго рода профессіи, дающей или прямыя выгоды въ видѣ жалованья, или выгоды косвенныя въ видѣ премій за принадлежность къ той или другой политической партіи. Салтыкова не удивляетъ поэтому, что у буржуа государство не сходитъ съ языка, и сразу чувствуется, что этотъ человѣкъ даже мыслить себя не способенъ внѣ государства, ибо слишкомъ хорошо понимаетъ, что это единственное его убѣжище, ограждающее тысячи разнообразнѣйшихъ удобствъ, которыхъ онъ никакъ не могъ бы имѣть, предоставленный самому себѣ. Что же касается массъ, то онѣ либо совсѣмъ игнорируютъ эту идею, либо относятся къ ней робко и безалаберно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ въ нихъ сказывается увѣренность, что формы правленія безразличны и что всѣ онѣ имѣютъ въ виду только вящее утучнѣніе и безъ того тучнаго буржуа. Правда, Салтыковъ тутъ же добавляетъ, что эта «увѣренность печальная и даже неосновательная» **), но отношеніе его къ «свободѣ безъ участія въ благахъ жизни» выясняется здѣсь тѣмъ не менѣе съ достаточною опредѣленностью.

Совсѣмъ иное отношеніе проявляетъ Салтыковъ къ «новшествамъ» соціальнымъ. Онъ подходитъ къ нимъ съ разныхъ сторонъ и прежде всего пытается защитить ихъ отъ тѣхъ «политикановъ», по мнѣнію которыхъ соціальныя новшества, проникая въ самую глубь народныхъ массъ, «порождаютъ въ нихъ озлобленіе, будятъ инстинкты зависти и алчности и, наконецъ, вызываютъ на открытую борьбу». Нѣтъ, утверждаетъ Салтыковъ, подобное мнѣніе не имѣетъ подъ собой почвы,—«во-первыхъ, потому, что въ основаніи соціологическихъ изысканій лежитъ предусмотрительность, которая всегда была главнымъ и существеннымъ основаніемъ развитія человѣческихъ обществъ, и, во-вторыхъ, потому, что ежели и справедливо, что утопіи производили въ

*) Ibid, стр. 55—57.

**) „Благонамѣренныя рѣчи“, т. IV, стр. 602—609.

массахъ извѣстный переполохъ, то причину этого нужно искать не въ открытомъ обсужденіи идеаловъ будущаго, а скорѣе въ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыми постоянно сопровождалось это обсужденіе».

Для правильной оцѣнки соціальныхъ новшествъ Салтыковъ приводитъ и защищаетъ положеніе, что одну изъ неизбѣжныхъ принадлежностей человѣческой природы составляетъ развитіе и повышеніе уровня нравственныхъ и матеріальныхъ потребностей, и съ этой точки зрѣнія законность требованія, чтобы общественные вопросы стояли всегда на очереди и постоянно подвергались разработкѣ, представляется ему фактомъ «самой наглядной очевидности». Если же соціальныя новшества и не влекутъ за собой прямого освобожденія массъ отъ удручающихъ мелочей, то представляютъ собою непрерывную подготовку къ такому освобожденію *).

Выставляя на первый планъ необходимость соціальныхъ новшествъ, Салтыковъ считалъ это дѣло тѣмъ болѣе безотлагательнымъ, что «намъ людямъ, живущимъ особнякомъ отъ массъ, даже трудно себѣ представить, до какой наглости можетъ доходить это вѣчное притязаніе желудка, изъ-подъ гнета котораго ни на минуту не освобождается жизнь мужика, но тѣмъ не менѣе оно не выдумка, а одинъ изъ тѣхъ безспорныхъ и всѣмъ видимыхъ фактовъ, для подтвержденія которыхъ не требуется ссылаться на статистическія изслѣдованія» **).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Салтыковъ, какъ это онъ и самъ признаетъ въ «Мелочахъ жизни», имѣлъ «слегка соціалистическую окраску» (стр. 404). Слегка,—потому что соціализмъ Салтыкова, весьма неопредѣленный въ подробностяхъ, не идетъ дальше признанія основныхъ общихъ положеніи своего первоисточника—французскаго утопическаго соціализма. Подробности сливались въ его сознаніи съ регламентаціей, а регламентація вызывала въ немъ двойственное представленіе, въ которомъ и соціализмъ, и «аракчеевщина» какъ-то перепутывались и даже сливались другъ съ другомъ.

Эта неопредѣленность, вмѣстѣ съ отвлеченною высотою предъявляемыхъ имъ требованій, которыя не могли, разумѣется, претендовать на немедленное и полное осуществленіе, въ свое время вызывали со стороны и читателей, и критиковъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ о партійныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ сатирика. И не разъ вопрошавшіе должны были отходить ни съ чѣмъ, такъ и не выяснивъ себѣ, кто же собственно по своему направленію этотъ человѣкъ, какъ будто бы безъ цѣли разбрасывающій свои ядовитыя отточенныя стрѣлы, попадающія иногда, казалось, даже въ друзей его, и какъ, наконецъ, онъ вѣруетъ? Отвѣта не находилось, и, скрѣпя сердце, современники мирились съ этимъ страннымъ и загадочнымъ

*) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 56—57.
**) „Письма о провинціи“, т. X, стр. 492.

титаномъ, оправдывая его тѣмъ, что, какъ человѣкъ огромного таланта, онъ имѣетъ право стоять внѣ партій, потому что онъ стоитъ выше ихъ.

Но теперь, разсматривая эти особенности щедринской сатиры въ исторической перспективѣ, нельзя не признать за ними одного несомнѣннаго достоинства, которое дало ей силы, съ одной стороны, рѣзко отмежевать себя отъ умѣреннаго буржуазнаго либерализма, а съ другой—отойти далеко въ сторону и отъ той народнической литературы, которая назойливо и упрямо носилась со своими соціальными построеніями, совершенно игнорируя общія условія русской дѣйствительности.

Не надо забывать къ тому же, что Салтыковъ, ясно видѣвшій коренной недостатокъ лучшей части нашей литературы въ ея «недоконченности и невысказанности», если самъ и впадалъ нерѣдко въ этотъ грѣхъ, то, помимо общихъ условій литературной работы, которыя служатъ достаточнымъ для него оправданіемъ, въ немъ было прямотаки физическое отвращеніе, гадливость къ той ликующей литературѣ, которая опредѣленность своихъ мнѣній доводила до наглости, а наглость до разврата.

Придавая огромное значеніе «новшествамъ» соціальнымъ, выдвигая ихъ на первый планъ не только въ формѣ путеводной звѣзды идеала, но и въ видѣ очередныхъ практическихъ задачъ, Салтыковъ тѣмъ не менѣе очень рѣзко расходился со своимъ первоучителемъ и даже осуждалъ его за то, что тотъ допускалъ существованіе комбинированныхъ имъ формъ общежитія во всякой политической средѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по убѣжденію сатирика, характеръ этой среды, та или иная ея подготовка играетъ здѣсь рѣшающую роль («Мелочи жизни», стр. 52). Съ этой именно точки зрѣнія, сравнивая Вержболово съ Эйдткуненомъ, гдѣ, казалось бы, многія общественныя явленія почти или вполнѣ равноцѣнны («въ Эйдткуненѣ кнехты и въ Вержболовѣ кнехты; въ Эйдткуненѣ—господинъ Гехтъ, въ Вержболовѣ—господинъ Колупаевъ; въ Эйдткуненѣ нѣтъ распредѣленія, но есть накопленіе; въ Вержболовѣ тоже нѣтъ распредѣленія, но нѣтъ и накопленія»), Салтыковъ не можетъ, однако, не признать за Эйдткуненомъ одного важнаго преимущества.

Тамъ именно, на сторонѣ Эйдткунена, есть «общее признаніе, что человѣку свойственно человѣческое». Правда, замѣчаетъ сатирикъ, признаніе это еще робкое и неполное, и, конечно, господинъ Гехтъ употребитъ все отъ него зависящее, чтобы не допустить его чрезмѣрнаго распространенія, но—сознается онъ—«несомнѣнно, что просвѣтъ уже существуетъ, и что кнехтамъ отъ этого хоть капельку да веселѣе» *).

Признаніе соотвѣтствующей политической среды, какъ необходи-

*) „За рубежомъ“, т. VIII, стр. 411.

маго условія для осуществленія мыслимыхъ соціальныхъ идеаловъ, составляетъ въ высшей степени важный моментъ для Салтыкова, какъ сатирика, потому что именно эта среда—во всѣхъ ея существенныхъ проявленіяхъ въ значительной мѣрѣ и опредѣляла содержаніе его сатиры. Далеко впереди, какъ огни маяка, сіяли для него тѣ идеалы общечеловѣческаго счастья, которые властно завладѣли имъ въ дни молодого идейнаго энтузіазма, и, расчищая дорогу къ этимъ огнямъ, онъ неутомимо боролся, по собственной его формулировкѣ (въ «Письмахъ къ тетенькѣ»), «противъ произвола, двоедушія, лганья, хищничества, предательства, пустомыслія». Сатира его, «въ провидѣніи законовъ будущаго», зорко слѣдитъ за настоящимъ, проникаетъ въ прошедшее, чтобы и оттуда извлечь нужныя для ея высокой цѣли элементы, которые надлежитъ подчеркнуть и заклеймить. Она захватываетъ въ свой обширный кругъ не только нравы, но и учрежденія,—становится сатирой политической. И—что въ высшей степени характерно для Салтыкова,—даже въ этой политической своей роли его сатира прежде всего беретъ подъ свою защиту.. «утопіи». «Я выражаю здѣсь—пишетъ онъ въ «Мелочахъ жизни»,—свое убѣжденіе, не желая ни прать противъ рожна, ни тѣмъ менѣе дразнить кого бы то ни было. И сущность этого убѣжденія заключается въ томъ, что человѣчество, безсрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели заблаговременно не получится полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго. Только одно это средство и можетъ дать ощутительные результаты» (стр. 54).

Но возвратимся опять къ прерванному по необходимости хронологическому порядку изложенія нашей темы.

XIII.

Начало литературной дѣятельности Салтыкова.—Рецензіи и первыя три повѣсти: „Противорѣчія“, „Запутанное дѣло“ и „Брусинъ“.

Много работая надъ собственнымъ развитіемъ, Салтыковъ не переставалъ тяготѣть къ литературѣ, въ которой онъ, теперь двадцатилѣтній юноша, принимаетъ постоянное участіе, пока еще небольшими рецензіями въ библіографическихъ хроникахъ частью «Современника», а главнымъ образомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Не случайнымъ совпаденіемъ было то, что въ это же время и въ этихъ же журналахъ съ большимъ блескомъ выступили два другихъ высокоодаренныхъ юноши, состоявшихъ въ тѣсномъ духовномъ родствѣ съ нашимъ пока еще анонимнымъ и незамѣтнымъ рецензентомъ. Это были: Валеріанъ Николаевичъ Майковъ—сотрудникъ «Карманнаго Словаря», начавшій свою кратковременную литературную карьеру убѣжденной проповѣдью сближенія искусства съ живой дѣйствительностью, и Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ, первый русскій позитивистъ,

очень послѣдовательно проводившій въ русской журналистикѣ идеи контовскаго «Курса положительной философіи». И тотъ и другой сыграли огромную роль въ нашей литературѣ, явившись сильно вооруженными противниками метафизической мысли, которой до нихъ принадлежало безраздѣльное господство, одинаково, какъ въ славянофильскомъ, такъ и въ западническомъ лагеряхъ.

Салтыковъ не разъ вспоминалъ о нихъ впослѣдствіи, когда заходила рѣчь объ этомъ времени, а въ частности къ Милютину относился съ чувствомъ самаго искренняго расположенія. И это чувство было настолько сильно, что, поборовъ свойственную ему сдержанность въ проявленіи своихъ симпатій къ людямъ, онъ публично засвидѣтельствовалъ о немъ, посвятивъ Милютину свою первую повѣсть «Противорѣчія».

Несомнѣнно, что дружескія отношенія этихъ двухъ сверстниковъ возникли и развивались, главнымъ образомъ, на почвѣ одинаковыхъ убѣжденій и настроеній. И мы не можемъ не отмѣтить здѣсь, что Милютинъ, человѣкъ съ обширной эрудиціей и острымъ аналитическимъ умомъ, послѣдовательный позитивистъ, проповѣдывалъ въ своихъ статьяхъ такое же отношеніе къ утопическимъ построеніямъ французскихъ соціалистовъ, какое на всю свою жизнь усвоилъ себѣ, какъ мы видѣли, и художникъ Салтыковъ. Въ своемъ анализѣ политико-экономическихъ системъ, осуждая описательный методъ экономистовъ, признающихъ все существующее разумнымъ, онъ одинаково отрицательно отнесся и къ утопистамъ за то, что тѣ, напротивъ, игнорируя законы, по которымъ совершается матеріальное развитіе обществъ, принимаютъ обыкновенно справедливое за единственный критерій возможнаго. И тѣмъ не менѣе онъ же выступаетъ съ горячей защитой утопій, «потому что въ нихъ заключается вѣрный залогъ для будущаго усовершенствованія науки и для исцѣленія тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдаютъ современныя общества».

Рядомъ со статьями этихъ двухъ литературныхъ новаторовъ скромныя рецензіи анонимнаго автора сами по себѣ не могли представлять, конечно, ничего выдающагося. Достаточно, что онѣ не портили ансамбля и что высказывавшіяся въ нихъ мысли и настроенія даже какъ бы дополняли и иллюстрировали боевыя статьи его товарищей, вытекая изъ одного общаго всѣмъ имъ источника. Для начинающаго автора это было тѣмъ болѣе достаточно, что, взявшись за рецензіи, за дѣло, находившееся внѣ сферы его дарованія, Салтыковъ могъ здѣсь только осторожно намѣчать себѣ тотъ широкій путь, на который онъ впослѣдствіи вышелъ. Къ тому же и рецензіи того времени, какъ это подтверждаетъ въ «Похоронахъ» и самъ Салтыковъ, были своего рода руководящими статьями, въ которыхъ авторъ имѣлъ въ виду не столько разбираемую книгу, сколько «высказъ по ея поводу совершенно самостоятельныхъ мыслей... Краткость не была въ числѣ

достоинствъ этихъ статей, но зато въ нихъ всегда что-нибудь «проводилось» *). Имѣя дѣло, главнымъ образомъ, съ учебниками и съ книгами для дѣтскаго чтенія, Салтыковъ широко пользовался этимъ обычаемъ говорить не столько о книгахъ, сколько по поводу нихъ, то и дѣло предпринимая болѣе или менѣе серьезныя вылазки въ область широкихъ вопросовъ современной ему общественной жизни.

Вотъ, напримѣръ, подлежащая его оцѣнкѣ «Логика» профессора могилевской семинаріи Зубовскаго **). Рецензентъ зло вышучиваетъ поставленную себѣ почтеннымъ профессоромъ задачу научить людей мыслить по учебнику, смѣется надъ той преувеличенной ролью, какую авторъ отводитъ въ нашемъ мышленіи силлогизмамъ, и, пользуясь случаемъ, незамѣтно, фуксомъ, дѣлаетъ вылазку уже не противъ «Логики» Зубовскаго, а противъ господствующей крѣпостнической логики своего времени. «Намъ случилось слышать, — пишетъ Салтыковъ,—какъ одинъ господинъ весьма серьезно увѣрялъ другого, весьма почтенной наружности, но посмирнѣе, что тотъ долженъ ему повиноваться, дѣлая слѣдующій силлогизмъ: «Я человѣкъ, ты человѣкъ; слѣдовательно ты рабъ мой». И смирный господинъ повѣрилъ (такова ошеломляющая сила силлогизма!) и отдалъ тому господину все, что у него было: и жену, и дѣтей, и самого себя, и вдобавокъ остался даже очень доволенъ судьбой».

Не менѣе рѣзко и зло касается юный рецензентъ и вопросовъ воспитанія и образованія. Эти вопросы, которыми онъ только что переболѣлъ, испытавъ на самомъ себѣ всѣ пріятности лицейскаго воспитанія, особенно волнуютъ Салтыкова, и онъ возвращается къ нимъ не разъ въ своихъ рецензіяхъ, анализируя всѣ слабыя стороны современной ему педагогической теоріи и практики. Въ нихъ онъ видитъ не что иное, какъ «систему постепеннаго ошеломленія», и юноши— утверждаетъ онъ—въ которыхъ она «не совсѣмъ еще утушила энергію пытливаго духа, обыкновенно начинаютъ, по выходѣ изъ школы, образованіе совершенно сызнова... Что касается до остальныхъ, — а этихъ остальныхъ болѣе девяти десятыхъ,—то они, разъ подвергнутые разслабляющей ваннѣ энциклопедическаго образованія, уже навсегда пребываютъ въ состояніи совершеннаго нравственнаго одурѣнія» ***).

Касаясь этой «системы постепеннаго ошеломленія» въ другихъ рецензіяхъ, Салтыковъ ставитъ ей въ вину то, что она загромождаетъ память ребенка массою ненужныхъ подробностей и сухихъ фактовъ; что, вмѣсто научной обработки знанія, она предлагаетъ какія-то верхушки и ничѣмъ другъ съ другомъ не связанные обрывки; что она

*) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 549.

**) „Отечественныя Записки“, т. 55, 1847 г.

***) „Отечественныя Записки“ 1848 г., т. 56. Рецензія на книгу: „Руководство къ первоначальному изученію всеобщей исторіи“ Фолькера.

культивируетъ наклонность къ безсильной мечтательности, отрывая учащихся отъ задачъ и интересовъ дѣйствительной жизни и т. д. И въ тѣхъ же книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ Майковъ и Милютинъ проповѣдывали сближеніе искусства и науки съ живой дѣйствительностью, Салтыковъ настойчиво требовалъ того же отъ школы.

Въ сферѣ этихъ же вопросовъ вращается, главнымъ образомъ, и основная тема его первой и, надобно сказать, мало значительной повѣсти, въ которой Салтыковъ проводилъ все ту же мысль о необходимости сближенія школы съ жизнью, а жизни—съ природою. «Natura duce utendum est; hanc ratio observat, hanc conculit; idem est ergo beate vivere, et secundum naturam» *)—таковъ былъ заимствованный имъ изъ Сенеки эпиграфъ «Противорѣчій», напечатанныхъ въ 55 т. «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г.

Герой повѣсти Нагибинъ—одинъ изъ первыхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, «лишнихъ людей», которые потомъ, какъ грибы послѣ дождя, въ изобиліи расплодились въ русской литературѣ. Безвольный, неприспособленный къ жизни мечтатель, отравленный ядомъ сомнѣній, которыя наполняютъ все его существованіе, Нагибинъ оказывается банкротомъ каждый разъ, когда голосъ природы требуетъ съ его стороны опредѣленной активности. Даже въ отношенія свои къ любимой дѣвушкѣ онъ неспособенъ внести какой бы то ни было опредѣленности. Онъ весь ушелъ въ рефлексію и самъ хорошо сознаетъ, что уже стоитъ на порогѣ «умѣренности и акуратности,—двухъ большихъ добродѣтелей, коли хотите, но въ которыхъ скорѣе слышится отрицаніе жизни, нежели жизнь». Таня первая должна была заговорить съ нимъ о любви, первая—звать его на свиданіе, но и это не устраиваетъ дѣла, такъ какъ и теперь Нагибинъ чувствуетъ себя неспособнымъ ни пойти за любимой дѣвушкой, ни оставить ее.

Нагибинъ, и на этотъ разъ въ полномъ, конечно, согласіи съ авторомъ, объясняетъ свою нравственную дряхлость все той же «системой постепеннаго ошеломленія»,—воспитаніемъ, которое «совершенно губитъ насъ», которое «истощаетъ человѣка умственнымъ развратомъ» и лишаетъ его смѣлости глядѣть прямо въ лицо дѣйствительности.

Этотъ свой первый опытъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности Салтыковъ осудилъ потомъ безповоротно, ни разу не повторивъ его въ изданіяхъ своихъ сочиненій. Не включена эта повѣсть и въ посмертное изданіе, составъ котораго былъ точно опредѣленъ имъ самимъ.

Гораздо значительнѣе захватъ и ярче выполненіе второй его по-

*) Вождемъ человѣка должна быть природа; ей слѣдуетъ, съ ней совѣтуется разумъ; жить блаженно—значитъ жить согласно съ требованіями природы.

вѣсти—«Запутанное Дѣло»,—впервые появившейся въ 57 т. «Отечественныхъ Записокъ» за 1848 г. и повторяющейся въ собраніи сочиненій подъ общимъ названіемъ «Невинныхъ разсказовъ» (т. 3). Здѣсь точно также, въ роли центральной фигуры выступаетъ «лишній человѣкъ», но на этотъ разъ авторъ заинтересованъ не столько имъ самимъ, не столько его индивидуальной психологіей, въ область которой онъ охотно дѣлалъ не совсѣмъ удачныя экскурсіи въ первой своей повѣсти, сколько той соціальной средой, въ которой возможно или даже необходимо существованіе побѣдителей и побѣжденныхъ. Ни мало не стараясь даже заинтересовать читателя своимъ героемъ, слишкомъ для этого ординарнымъ и ничтожнымъ, авторъ во имя его призываетъ къ отвѣту весь установившійся строй соціальныхъ отношеній.

Иванъ Самойловичъ Мичулинъ, сынъ бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина, является въ столицу съ надеждою пристроиться къ какому-нибудь хлѣбному мѣстечку. Снабженный въ родительскомъ домѣ напутственными завѣтами на тему о смиреніи и покорности, Иванъ Самойловичъ терпѣливо, но безнадежно ищетъ подходящей для его скромныхъ способностей работы. Безрезультатныя попытки внушаютъ привыкшему къ послушанію юношѣ мысль, что отцовскій кодексъ мудрости требуетъ радикальнаго исправленія, что «въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы», а въ то же время холодный петербургскій вѣтеръ насвистываетъ ему и другія мысли, «мысли черныя и неблагонамѣренныя». «Россія,—думалъ Иванъ Самойловичъ,—государство обширное, обильное и богатое, да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ». Пытался онъ иногда успокаивать себя афоризмами изъ отцовскаго кодекса мудрости: «жизнь—лотерея! смиряйся, терпи!», но какой - то другой, недоброжелательный голосъ тотчасъ же находилъ возраженіе: «да почему же она лотерея, почему-жъ бы не быть ей просто жизнью?»

Разбитый неудачами, онъ сваливается, и въ больной, лихорадочно работающей головѣ его изъ всѣхъ этихъ обуревавшихъ его вопросовъ и сомнѣній складывается одна огромная картина. Ему чудится безчисленное множество колоннъ, принимающихъ кверху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, такъ что въ общемъ онѣ составляютъ совершенно правильную пирамиду. Каждая изъ колоннъ состояла изъ безчисленнаго множества насаженныхъ другъ на друга людей, и въ самомъ низу одного необыкновенно объемистаго столба Иванъ Самойловичъ съ ужасомъ увидѣлъ самого себя. «Голова его была такъ изуродована тяготѣвшей надъ ней тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообще во всей фигурѣ этого страннаго, мифическаго Мичулина выражался такой умственный пауперизмъ, такое нравственное нищенство, что настоящему, издали наблюдающему

Мичулину сдѣлалось и тѣсно и тяжко, и онъ съ силою устремился, чтобы вырвать своего страждущаго двойника изъ подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ обратилъ взоръ свой выше. И чѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ оконченнѣе казались Ивану Самойлычу люди» *).

Разумѣется, настоящій Иванъ Самойлычъ погибъ, и погибъ точь въ-точь такимъ же образомъ, какъ и его двойникъ, раздавленный тяжестью одной изъ колоннъ огромной соціальной пирамиды. Съ точки зрѣнія исповѣдуемыхъ Салтыковымъ ученій, и эта пирамида, и эпилогъ личной драмы Ивана Самойловича вполнѣ естественны и понятны. Недоумѣніе могутъ вызывать другіе эпизоды повѣсти, гдѣ авторъ, на много лѣтъ предупреждая обвиненія, которыя преслѣдовали его впослѣдствіи, въ теченіе всей его дальнѣйшей литературной карьеры, выступаетъ съ сатирическимъ смѣхомъ «противъ своихъ». Изъ-за любви къ ближнему, котораго онъ неожиданно взялъ подъ свою защиту, онъ какъ будто бы обрушивается на дальнее, на тѣ утопіи, которыми самъ же онъ теперь живетъ, которыми увлекается.

Утопіи привлечены имъ къ отвѣту, въ лицѣ двухъ, не безъ живого юмора зарисованныхъ фигуръ, олицетворяющихъ систему въ двухъ ея крайнихъ, и односторонніхъ проявленіяхъ. Одною изъ этихъ фигуръ былъ кандидатъ философіи Беобахтеръ, упростившій систему до лаконическаго требованія «ррразррруш енія». Произносилъ онъ свои лаконическія формулы самымъ пріятнымъ и вкрадчивымъ теноромъ, сопровождая ихъ едва замѣтнымъ граціознымъ движеніемъ разжатою ручонкою сверху внизъ. Напротивъ, обольстительный, но нѣсколько апатичный сожитель Беобахтера Алексисъ Звонскій, безотчетно размахивающій руками во всѣ стороны, «готовъ былъ положить голову на плаху, чтобы доказать, что періодъ разрушенія миновался и что теперь нужно создавать, создавать, и создавать»... Такъ вотъ къ этимъ-то лицамъ и направилъ Салтыковъ затравленнаго жизнью Ивана Самойловича за совѣтомъ и помощью. Друзья внимательно выслушали неудачника и тутъ же поспѣшили къ нему на помощь... Беобахтеръ—крохотной французской книжонкой, одною изъ тѣхъ, «которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами», и тѣмъ своимъ обычнымъ «самымъ крошечнымъ движеніемъ» руки, которое должно было изображать паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины». Алексисъ, возражая пріятелю, отозвался, что «никакъ не можетъ понять этого ригоризма, и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія».

Конечно, «запутанное дѣло» Ивана Самойлыча ни на шагъ не

*) „Невинные разсказы“, т. 3, стр. 673—674.

подвинулось впередъ отъ доброжелательныхъ совѣтовъ пріятелей, но вся отвѣтственность за это и падаетъ на нихъ самихъ, а не на представляемыя ими системы. Въ задачу этихъ послѣднихъ совсѣмъ и не можетъ входить распутываніе частныхъ дѣлъ Мичулиныхъ, такъ какъ отъ этого ни въ малой степени не пошатнется та соціальная пирамида, на которую и устремлено все ихъ вниманіе. Эти очень хорошо понималъ и самъ авторъ. И смѣхъ его относится отнюдь не къ утопіямъ, а къ утопистамъ, не умѣющимъ проложить мостъ отъ своихъ идеаловъ къ жизни. Для дѣятельной натуры Салтыкова это неумѣніе, которое онъ замѣчалъ, конечно, не только въ близкихъ ему по убѣжденіямъ людяхъ, но и въ самомъ себѣ, составляло, очевидно, очень больное мѣсто въ этотъ періодъ его жизни. Объ этомъ неумѣніи идетъ рѣчь въ первой его повѣсти *), за него высмѣиваетъ онъ Беобахтера и Алексиса въ «Запутанномъ Дѣлѣ», о немъ же онъ, еще съ большею категоричностью, высказывается и черезъ годъ, уже въ Вяткѣ, въ третьей своей повѣсти: «Брусинъ» **).

Здѣсь, въ характеристикѣ самого Брусина, мы встрѣчаемъ слѣдующее любопытное мѣсто. «Какъ и всѣ мы,—сказано здѣсь,—онъ мечталъ про какія-то отдаленныя времена, которыя должны были придти послѣ скончанія вѣковъ, съ удивительной легкостью устраивалъ счастье и будущія судьбы человѣчества и между тѣмъ не могъ предложить ни одного средства, какимъ образомъ нужно бы вести человѣка къ этимъ «будущимъ судьбамъ». А безъ этого всякая утопія — нелѣпость».

Утопистъ, желавшій осмыслить жизнь текущаго дня построеніемъ идеальной картины будущаго, и дѣятельный реалистъ, жаждущій непосредственнаго примѣненія своей энергіи въ сферѣ осужденной имъ дѣйствительности, страстно боролись въ немъ, не уступая другъ другу, но и не находя пока почвы для примиренія. Таковъ, въ конечномъ итогѣ, смыслъ перваго періода литературной дѣятельности Салтыкова.

XIV.

Дѣло о „Запутанномъ Дѣлѣ“.

По словамъ Головачевой-Панаевой, Салтыковъ предназначалъ «Запутанное Дѣло» для «Современника», но Панаевъ возвратилъ руко-

*) Въ „Противорѣчіяхъ“ Нагибинъ сокрушается о томъ, что, познавъ настоящую дѣйствительность и нарисовавъ себѣ образъ иной, будущей дѣйствительности, „не только возможной, но непремѣнно имѣющей быть, онъ одинаково неспособенъ найти утѣшеніе ни въ той, ни въ другой“.

**) Эта повѣсть написана Салтыковымъ въ первый же годъ его пребыванія въ Вяткѣ, но появилась въ печати только въ посмертныхъ изданіяхъ его сочиненій.

пись, опасаясь, что цензура его журнала не только запретитъ такую повѣсть, «но еще гвалтъ подыметъ». Цензура «Отечественныхъ Записокъ» оказалась снисходительнѣе; здѣсь повѣсть была пропущена и напечатана, но опасенія Панаева все-таки оправдались: повѣсть вызвала «гвалтъ», окончившійся для молодого автора очень печально.

Появленіе «Запутаннаго Дѣла» (въ мартѣ 1848 г.) совпало съ моментомъ, когда только что совершившаяся февральская революція во Франціи и первыя вспышки мартовскаго революціоннаго движенія въ Германіи успѣли уже наэлектризовать и нашу политическую атмосферу.

О томъ, какъ были встрѣчены въ Петербургѣ февральскіе дни той интеллигентной средой, къ которой принадлежалъ нашъ сатирикъ, мы можемъ судить по его же собственному разсказу. «Я помню,—пишетъ онъ,—это случилось на масляной 1848 года. Я былъ утромъ въ итальянской оперѣ, какъ вдругъ, словно электрическая искра, всю публику пронизала вѣсть: министерство Гизо пало. Какое-то неясное, но жуткое чувство овладѣло всѣми... Молодежь едва сдерживала безкорыстные восторги. Помнится, къ концу спектакля пало уже и министерство Тьера (тогда подобнаго рода извѣстія доходили до публики какъ-то неправильно и по секрету). Затѣмъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней, пало регентство, оказалось несостоятельнымъ эфемерное министерство Одиллона Баро и, въ заключеніе, бѣжалъ самъ Луи-Филиппъ. Провозглашена была республика съ временнымъ правительствомъ во главѣ... Громадность событія скрадывала фальшь отдѣльныхъ подробностей и на все набрасывала покровъ волшебства. Франція казалась страною чудесъ. Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этой неистощимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось все дальше и дальше? И точно, мы не только плѣнялись, но даже не особенно искусно скрывали свои восторги отъ глазъ бодрствующаго начальства. И вотъ, вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи, произошло соотвѣтствующее движеніе у насъ: учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы»... *).

Дѣло происходило такъ. Въ послѣднихъ числахъ февраля 1848 г., подъ впечатлѣніемъ получаемыхъ изъ Парижа извѣстій, въ Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію, организованъ былъ временный негласный комитетъ, на который была возложена задача, «разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы». О всѣхъ замѣченныхъ «упущеніяхъ цензуры и ея начальства, т.-е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы», комитетъ долженъ былъ донести «съ доказательствами» шефу жандармовъ

*) „За рубежомъ“, т. 8, стр. 541—42.

А. Ѳ. Орлову *). Этотъ временный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г.-а. князя Меньшикова, приступилъ къ своимъ работамъ съ такой энергіей, обнаружилъ въ русской литературѣ столь предосудительное направленіе, что уже черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ онъ превращенъ былъ, почти въ томъ же составѣ членовъ, но съ новымъ предсѣдателемъ во главѣ (Бутурлинымъ), въ учрежденіе постоянное. Такимъ образомъ, меньшиковскій комитетъ непосредственно перешелъ въ бутурлиновскій, который, подъ именемъ «Комитета 2-го апрѣля 1848 г.», въ теченіе восьми лѣтъ, названныхъ впослѣдствіи даже въ оффиціальной запискѣ «эпохою цензурнаго террора», господствовалъ надъ только что встрепенувшейся было литературой, вытравляя изъ нея всякую живую мысль.

Вопросъ о «Запутанномъ дѣлѣ» поднятъ былъ въ комитетѣ Меньшикова, но окончательное рѣшеніе судьбы молодого автора состоялось уже во времена всесильнаго бутурлиновскаго ареопага. Слѣпой случайности, какъ это сплошь и рядомъ имѣетъ мѣсто въ подобныхъ, оперирующихъ подъ покровомъ глубокой тайны, учрежденіяхъ, привелось сыграть въ судьбѣ Салтыкова едва ли не первенствующую роль. Дѣло въ томъ, что въ качествѣ первой жертвы меньшиковскаго комитета былъ намѣченъ, «за неотысканіемъ чего-нибудь болѣе вѣскаго», начальникъ статистическаго отдѣленія департамента сельскаго хозяйства К. Веселовскій за его статью о жилищахъ рабочаго люда въ Петербургѣ, напечатанную въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ». Въ комитетѣ изготовлялся уже всеподданнѣйшій докладъ, какъ вдругъ,—разсказываетъ Веселовскій,—«въ засѣданіе комитета является одинъ изъ членовъ, кажется П. И. Дегай, съ радостнымъ *эврика! эврика!* и заявляетъ что въ томъ же томѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ которомъ напечатана статья Веселовскаго, онъ нашелъ нѣчто еще лучшее или худшее,—не знаю какъ сказать,—а именно повѣсть подъ заглавіемъ «Запутанное Дѣло», подписанную буквами М. С., подъ которыми скрылся авторъ ея Михаилъ Салтыковъ... По выслушаніи этого сообщенія члены комитета нашли, что въ этомъ снѣ (Мичулина) нельзя не видѣть дерзкаго умысла изобразить въ аллегорической формѣ Россію и что о повѣсти Салтыкова должно быть внесено въ изготовляемый докладъ о вредныхъ направленіяхъ журналовъ. Тогда князь Меньшиковъ, согласившись съ этимъ, замѣтилъ, что нельзя обременять вниманіе Государя мелочами и предложилъ исключить изъ приготовляемаго доклада то, что тамъ было сказано о моей статьѣ, а ограничиться въ немъ одною лишь повѣстью Салтыкова, какъ болѣе подходящею къ цѣли доклада, съ чѣмъ прочіе члены комитета и согласились» **).

---

*) „Записки бар. М. А. Корфа". „Русская Старина" 1900 г., II, стр. 573.

**) К. Веселовскій. „Отголоски старой памяти". „Русская Старина" 1899 г., т. X.

Замѣтимъ здѣсь, что А. М. Скабичевскій, а за нимъ и всѣ остальные біографы Салтыкова: гг. Кривенко, Бѣлоголовый и Арсеньевъ (послѣдній, впрочемъ, съ большими оговорками) даютъ иное объясненіе ссылкѣ сатирика. По этому разсказу, иниціаторомъ доклада о необходимости литературной дѣятельности Салтыкова является военный министръ гр. Чернышевъ, докладчикомъ—Н. Кукольникъ, а бутурлиновскій комитетъ выступаетъ лишь въ качествѣ рѣшающей судебной инстанціи. Но весь этотъ разсказъ полонъ такой невообразимой путаницы (въ немъ, напримѣръ, дѣло пріурочено къ рождественскимъ праздникамъ, тогда какъ повѣсть появилась въ мартѣ), что его цѣликомъ надо отвергнуть, тѣмъ болѣе, что даже въ біографическомъ очеркѣ «Русской Библіотеки», просмотрѣнномъ, какъ мы знаемъ, самимъ сатирикомъ, иниціаторомъ дѣла прямо названъ комитетъ. Названъ, правда, комитетъ бутурлиновскій, но эта послѣдняя неточность вполнѣ объясняется тѣмъ, что именно черезъ этотъ комитетъ и было проведено постановленіе о ссылкѣ Салтыкова и что о роли меньшиковскаго комитета до послѣдняго времени имѣлись въ литературѣ только весьма неясныя указанія *).

XV.

Жизнь Салтыкова въ Вяткѣ.

28-го апрѣля 1848 г. Салтыковъ былъ высланъ въ Вятку на службу, подъ непосредственное наблюденіе губернатора.

Вятскимъ губернаторомъ былъ въ то время Середа, прямо въ домъ котораго и привезенъ былъ жандармами Салтыковъ. Губернаторъ не вышелъ къ нему, а отправилъ его къ полицеймейстеру, который и принялъ вновь прибывшаго подъ расписку. Вскорѣ (3-го іюня 1848 г.) онъ былъ зачисленъ въ штатъ канцелярскихъ чиновниковъ при губернскомъ правленіи, т.-е. поставленъ въ самые послѣдніе ряды губернской административной іерархіи. Такое значительное пониженіе по службѣ, далеко при этомъ выходившее за предѣлы назначенной Салтыкову кары, не могло не задѣть его, и онъ поспѣшилъ написать объ этомъ случаѣ въ Петербургъ своимъ вліятельнымъ знакомымъ, а пока, по совѣту вятскаго вице-губернатора, также бывшаго лицеиста, не сталъ ходить на службу. Петербургъ откликнулся на жалобы Салтыкова, и когда Середа получилъ письма отъ Н. А. Милютина, бывшаго тогда директоромъ хозяйственнаго департамента, и отъ извѣстнаго географа Ханыкова, рекомендовавшихъ молодого изгнанника съ наилучшей стороны, то онъ немедленно же, въ ноябрѣ того же года,

*) О меньшиковскомъ комитетѣ см. „Очерки по исторіи цензуры“ г. М. Лемке въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1903 г. кн. I, стр. 224—232.

назначилъ Салтыкова старшимъ при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій.

Послѣ полной интеллектуальнаго возбужденія жизни въ столицѣ, однообразная и безцвѣтная обстановка заброшеннаго провинціальнаго захолустья, какимъ была тогда Вятка, должна была особенно удручающе подѣйствовать на Салтыкова.

Ему не хватало здѣсь прежде всего интеллигентной среды, которая могла бы хоть сколько-нибудь замѣнить ему петербургскихъ друзей. Правда, мѣстное общество относилось къ нему очень хорошо. Его всюду приглашали, начиная съ высшихъ административныхъ лицъ, вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ, но по «Губернскимъ Очеркамъ», по данной въ нихъ портретной галлереѣ, мы можемъ судить, могъ ли Салтыковъ найти удовлетвореніе въ близости съ чиновнымъ міркомъ Крутогорска. Жило здѣсь нѣсколько сосланныхъ поляковъ, Салтыковъ былъ знакомъ съ ними, но далѣе простого знакомства ихъ отношенія не пошли. Приходилось ограничиваться немногими лицами, съ которыми можно было, по крайней мѣрѣ, по человѣчески переговорить. Къ этимъ немногимъ принадлежали, между прочимъ, А. П. Тиховидовъ, котораго Салтыковъ изъ учителей гимназіи убѣдилъ перейти на гражданскую службу, и семья вятскаго вице-губернатора Болтина, гдѣ онъ бывалъ чаще, чѣмъ у другихъ, любилъ шутить и бесѣдовать съ юными дочерями хозяина, одна изъ которыхъ, Елизавета Аполлоновна, стала впослѣдствіи его женой.

Каковы бы, однако, ни были эти немногія лица, съ которыми Салтыковъ успѣлъ сблизиться въ Вяткѣ, во всякомъ случаѣ общеніе съ ними могло быть только одностороннимъ. Салтыковъ многое могъ дать и дѣйствительно давалъ имъ изъ своего богатаго духовнаго запаса, взамѣнъ же ничего отъ нихъ не получалъ. Импульсовъ, которые поддерживали бы его энергію и настроеніе на одной опредѣленной высотѣ, вятская жизнь не давала, и Салтыковъ впервые познакомился здѣсь съ тѣмъ отвратительнымъ состояніемъ духа, которое называется скукой. Образной характеристикой скуки, «чрезвычайно скромной, съ потупленными глазками, дамой», которая вдругъ «дѣлается неизмѣнной подругою вашей жизни», онъ начинаетъ повѣсть («Брусинъ»), написанную имъ въ первый же годъ своего пребыванія въ Вяткѣ; скукѣ посвящаетъ онъ отдѣльную главу «Губернскихъ Очерковъ», не говоря уже о многихъ на эту тему лирическаго характера отступленіяхъ, которыми изобилуетъ эта ароматомъ вятской жизни пропитанная сатира.

«О, провинція!—пишетъ онъ:—ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!.. Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно суживается?

Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль?» *).

Въ такихъ условіяхъ жизни вполнѣ понятной становится точка зрѣнія крутогорскихъ обывателей, по мнѣнію которыхъ сонъ и водка признаются «истинными друзьями человѣчества». Не упомянуты въ числѣ друзей человѣчества карты, но о нихъ и безъ этого хорошо помнятъ въ Крутогорскѣ. Познакомился съ этими «друзьями» и Салтыковъ. Отъ скуки и слѣдуя общему обыкновенію, онъ, по его собственному признанію, проводилъ вечера въ карточной игрѣ и даже пристрастился было къ употребленію водки. Никакой литературной работы, кромѣ разсказа «Брусинъ», онъ въ періодъ всего своего вятскаго плѣненія не задумывалъ и не начиналъ. «Даже подобной мысли въ голову не приходило—говорилъ онъ,—до того заѣдала эта тупая и пошлая среда; я только видѣлъ всѣ безобразія провинціальной жизни, но не вдумывался, а какъ бы впитывалъ ихъ тѣломъ, и только по возвращеніи въ Петербургъ, когда я снова очутился въ литературномъ кругу, я рѣшился изобразить пережитое въ «Губернскихъ Очеркахъ» **).

Какъ, однако, ни клеймилъ Салтыковъ впослѣдствіи свою личную жизнь въ Вяткѣ, называя ее безсодержательной, пустой, дремотная обстановка захолустья не усыпила его энергіи. Достаточно сильной оказалась къ тому же и та нравственная поддержка, какую онъ черпалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о недавнемъ прошломъ. «Были у меня иныя времена,—пишетъ онъ въ «Губернскихъ Очеркахъ», противопоставляя вятской скукѣ немногіе годы напряженной жизни въ Петербургѣ:—окружали меня иные люди, все иное. Были глубокія вѣрованія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру!.. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единодушіе надеждъ и мысли оживляло всѣхъ насъ! Помню и тебя, многолюбивый, незабвенный другъ и учитель нашъ! Гдѣ ты теперь? Какая желѣзная рука сковала твои уста, изъ которыхъ лились на насъ слова любви и упованія?»

Опираясь на эти воспоминанія, Салтыковъ и въ Вяткѣ продолжаетъ начатую имъ въ столицѣ серьезную работу надъ собой, какъ это видно даже изъ тѣхъ сохранившихся клочковъ и обрывковъ, которые найдены были въ бумагахъ сатирика послѣ его смерти. Таковы, между прочимъ, замѣтки «Объ идеѣ права», написанныя на бланкахъ «совѣтника вятскаго губернскаго правленія» и внушенныя, очевидно, чтеніемъ Беккаріи. Здѣсь Салтыковъ проводитъ мысль, что уголовный кодексъ каждой страны, отнюдь не являясь чѣмъ-то случайнымъ, внѣшнимъ, примѣненнымъ къ народу безъ всякой живой съ нимъ

---

* „Губернскіе Очерки“, т. I, стр. 380.

**) Н. А. Бѣлоголовый, стр. 232.

связи, составляетъ скорѣе продуктъ народной жизни. Иначе «рано или поздно народъ разобьетъ это Прокустово ложе, которое лишь безполезно мучило его. Какъ бы ни былъ младенчески неразвитъ народъ (а гдѣ же онъ развитъ?), онъ все-таки никогда не хочетъ улечься въ тѣсныя рамки искусственно задуманной административной формы».

Вмѣстѣ съ этими замѣтками, на бланкахъ «совѣтника» сохранилась начатая біографія Беккаріи и выписки изъ этого писателя, съ замѣчаніями Салтыкова. Вотъ, напримѣръ, одна изъ этихъ выписокъ. «Люди,—говоритъ Беккарія,—согласились молчаливымъ контрактомъ пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальнымъ спокойно и чтобы воздерживать постоянныя усилія отдѣльныхъ лицъ къ возстановленію полной свободы». Послѣ этой выписки идетъ характерное для подневольнаго вятскаго чиновника возраженіе. «Нельзя себѣ представить,—замѣчаетъ Салтыковъ,—чтобы человѣкъ могъ добровольно отказаться отъ части свободы, да и нѣтъ въ томъ никакой необходимости».

Изъ сохранившихся другихъ выписокъ видно, что вниманіе Салтыкова привлекали кромѣ того сочиненія Вивьена («Etudes administratives»), Шерюэля («Histoire de l'administration monarchique»), Токвиля («De la démocratie en Amerique»), причемъ вотъ на какихъ положеніяхъ названныхъ писателей, главнымъ образомъ, останавливалась его мысль: «Центральная власть, какъ бы ни была просвѣщенна, не можетъ обнять всѣ подробности жизни великаго народа; когда она хочетъ своими средствами управлять многоразличными пружинами народной жизни, она истощается въ безплодныхъ усиліяхъ»... «Предупредительный элементъ ослабляетъ правительство. Оно дѣлается отвѣтственнымъ за все, дѣлается причиною всѣхъ золъ и порождаетъ къ себѣ ненависть. Съ другой стороны, граждане теряютъ всякую самодѣятельность»... *).

Одна изъ замѣтокъ Салтыкова сопровождается, между прочимъ, припиской: «развить это». Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ бѣгло, какъ бы мимоходомъ, для памяти набросанными на бумагу мыслями, къ которымъ Салтыковъ имѣлъ въ виду еще не разъ возвратиться и разработать ихъ. И дѣйствительно, многія изъ этихъ бѣглыхъ набросковъ были впослѣдствіи «развиты» и легли въ основу его будущей сатирической оцѣнки русской дѣйствительности.

Къ иной категоріи сохранившихся отъ вятской жизни сатирика бумагъ относится большая въ сорокъ довольно мелко исписанныхъ листовъ, тетрадь: «Краткая Исторія Россіи». Составленная, какъ сказано въ заглавіи, «по разнымъ источникамъ» и доведенная до Петра

*) Всѣ выписки изъ бумагъ Салтыкова, относящіяся къ вятскому періоду его жизни, взяты нами изъ собранныхъ К. К. Арсеньевымъ „Матеріаловъ для біографіи М. Е. Салтыкова“, приложенныхъ къ I тому его сочиненій.

Великаго, она имѣла спеціальное назначеніе—служить учебникомъ для молодыхъ сестеръ Е. А. и А. А. Болтиныхъ. Работа эта, потребовавшая отъ автора не мало труда, ничего оригинальнаго въ себѣ не заключаетъ. Недостаточно къ ней подготовленный, авторъ часто вынужденъ слѣпо довѣряться тѣмъ «разнымъ источникамъ», которые служили для него матеріаломъ. Точки зрѣнія различныхъ авторовъ, отъ Карамзина и до Кавелина включительно, чередуются механически другъ съ другомъ связанныя, въ зависимости отъ того, откуда авторъ черпалъ свои свѣдѣнія, и такимъ образомъ автобіографическая цѣнность этой большой и кропотливой работы сводится развѣ къ тому, что свидѣтельствуетъ о рѣдкой добросовѣстности, съ какою Салтыковъ берется за всякое дѣло, будь это, какъ въ данномъ случаѣ, забота объ умственномъ развитіи двухъ дѣвочекъ изъ знакомой ему семьи.

XVI.

Служебная дѣятельность Салтыкова.

Съ тою же добросовѣстностью отдается Салтыковъ и новымъ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Хотя въ частныхъ разговорахъ онъ отзывался впослѣдствіи о своей службѣ въ Вяткѣ съ ироніей, подчеркивая свою будто бы полную бездѣятельность по службѣ, но въ дѣйствительности это было далеко не такъ.

Очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ, получая въ дополненіе къ жалованію еще 500 рублей за составленіе городскихъ инвентарей и имѣя для этого дѣла двухъ помощниковъ, Салтыковъ, какъ самъ онъ разсказывалъ г. Пантелѣеву *), ни одного инвентаря не составилъ. Если такой фактъ и былъ, то судить о томъ, насколько законны были причины манкировки Салтыкова въ этомъ именно дѣлѣ, невозможно, потому что въ его формулярномъ спискѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, какъ выполнены были или почему не были выполнены эти и другія возлагавшіяся на него болѣе или менѣе отвѣтственныя порученія. А такихъ порученій приходилось ему исполнять не мало. Онъ назначается дѣлопроизводителемъ трехъ комитетовъ. На него, какъ лѣтъ за пятнадцать передъ этимъ на А. И. Герцена, возлагается распоряженіе вятской выставкой сельскихъ произведеній. Онъ получаетъ порученія и командировки по разнымъ слѣдственнымъ и судебнымъ дѣламъ и для ревизіи подвѣдомственныхъ губернскому правленію учрежденій и т. д. И уже тотъ фактъ, что онъ, въ своемъ исключительномъ положеніи опальнаго чиновника, не застрялъ на отведенной ему по пріѣздѣ въ Вятку, ступени іерархической лѣстницѣ, а

*) „Изъ воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ“ Л. Пантелѣева.

подвинулся выше, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о его служебной энергіи.

Старшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, онъ два раза (въ 1849 и 1850 г.) исправляетъ должность правителя губернаторской канцеляріи и въ августѣ 1850 г. назначается совѣтникомъ губернскаго правленія. Другимъ, еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ незаурядной энергіи и добросовѣстности Салтыкова въ служебной дѣятельности служитъ сохранившаяся въ его бумагахъ копія съ донесенія его губернатору по дѣлу о прекращеніи въ 1852 г. крестьянскихъ безпорядковъ въ Трушниковской волости. Дѣло это заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Въ сосѣдствѣ съ землей путейскаго и нелѣсовскаго сельскихъ обществъ (Трушниковской волости) находилась казенная оброчная статья, называемая *камской*. Крестьяне (государственные) названныхъ обществъ, надѣлы которыхъ были недостаточны, до крайности нуждались въ землѣ и поэтому въ теченіе ряда лѣтъ естественно тяготѣли къ смежной съ ихъ землями камской статьѣ. Они арендовали ее иногда непосредственно у казны, а большею частью черезъ посредство третьихъ лицъ, которымъ за ничтожную приплату въ казну, а можетъ быть и въ карманы чиновниковъ, удавалось получать эту оброчную статью въ частную аренду. Такъ какъ размѣры камской статьи никому въ точности не были извѣстны (въ ней числилось въ разные годы то 1.846, то 720, то 991 десят.), а содержатели ея претендовали на полученіе съ крестьянъ арендной платы и за такіе участки, которые фактически находились во владѣніи крестьянъ, то между этими послѣдними и содержателями камской статьи возникали постоянные конфликты. Одинъ изъ такихъ конфликтовъ принялъ настолько острыя формы, что на мѣсто дѣйствія командировано было временное отдѣленіе суда. Крестьяне, однако, не только отказались отъ платежа взыскиваемыхъ денегъ, но и вынудили станового, помощника окружного начальника и самого арендатора дать подписку, оправдывающую ихъ образъ дѣйствій. Дѣло принимало размѣръ «бунта», и вотъ въ этотъ-то моментъ, когда была вытребована на мѣсто уже военная команда, и былъ командированъ Салтыковъ вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ для принятія мѣръ къ прекращенію безпорядковъ.

Порученіе было весьма щекотливое. Никакіе доводы не могли склонить крестьянъ исполнить предъявляемыя къ нимъ требованія. И только послѣ того, какъ были арестованы и отправлены въ уѣздный городъ трое зачинщиковъ и какъ арендаторъ, съ своей стороны, согласился разсрочить взысканіе и даже вовсе отказаться отъ своихъ претензій къ бѣднѣйшимъ крестьянамъ, безпорядки затихли, и дѣло было улажено до прибытія военной команды. Этимъ внѣшнимъ эффектомъ достигнутаго «замиренія» Салтыковъ не удовлетворился. Онъ

произвелъ внимательное разслѣдованіе причинъ крестьянскихъ волненій, выяснилъ всю безвыходность экономическаго положенія крестьянъ данной мѣстности, запутанность ихъ юридическихъ правъ на спорную землю, запутанность, вытекающую изъ чисто чиновничьяго, бумажнаго отношенія къ дѣлу со стороны палаты государственныхъ имуществъ, и настаивалъ на необходимости отдать крестьянамъ эту злополучную камскую статью, изъ-за которой именно и произошли безпорядки.

«Хотя, — заканчивалъ онъ свой докладъ, — безпорядки прекращены и бунтовщики приведены въ надлежащее повиновеніе, я не могу, однако же, не сказать, что, по моему мнѣнію, единственный способъ водворить между крестьянами прочный порядокъ и тишину заключается въ скорѣйшемъ надѣленіи ихъ землею по числу душъ восьмой ревизіи, причемъ, такъ какъ почти всѣ казенныя земли этого края таковы, что нарѣзка ихъ крестьянамъ нисколько не послужитъ къ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ того, потребуетъ отъ нихъ же значительнаго труда и издержекъ, которые могутъ вознаградиться развѣ черезъ весьма долгое время, то я полагалъ бы въ число земель, предполагаемыхъ къ надѣлу крестьянамъ по восьмой ревизіи, включить и камскую статью въ полномъ ея составѣ».

Этотъ интересный документъ чиновничьей дѣятельности Салтыкова, при всей его несомнѣнной благожелательности, оставляетъ непріятное впечатлѣніе какой-то насквозь пропитывающей его двойственности. Тутъ и «бунтовщики», законность притязаній которыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ, признается самимъ же докладчикомъ, тутъ и арестуемые «зачинщики», т.-е. люди, наиболѣе горячо отстаивавшіе тѣ попранные мірскіе интересы, энергической и убѣдительной защитѣ которыхъ собственно и посвященъ весь докладъ, и чувствуется, какъ здѣсь человѣкъ, искренно болѣющій невзгодами обездоленной массы, робко прячется въ вицъ-мундиръ усмиряющаго бунтовщиковъ чиновника. Это былъ маскарадъ,—маскарадъ вынужденный и непріятный для самого Салтыкова, но въ то время оправдывавшійся и даже идеализировавшійся имъ, потому что онъ, этотъ послѣдовательный реалистъ въ своей дѣятельности, былъ и остался до конца дней неисправимымъ идеалистомъ, желавшимъ каждый свой шагъ въ области практической работы осмыслить и освѣтить лучами озарившаго его идеала.

Такъ было и въ данномъ случаѣ, о чемъ намъ свидѣтельствуетъ біографія Имярека, полностью, какъ мы знаемъ, сливающаяся съ біографіей сатирика.

Когда Имярекъ «по обстоятельствамъ долженъ былъ оставить среду, которая воспитала его радужныя сновидѣнія», и поселиться «вглубь провинціи», гдѣ его прежде всего встрѣтило отсутствіе сновидѣній, то, чтобы облегчить обязательную теперь для него бюрокра-

тическую дѣятельность, онъ создалъ себѣ цѣлую своеобразную теорію. «Сущность этой теоріи заключалась въ томъ, чтобы практиковать либерализмъ въ самомъ капищѣ антилиберализма. Съ этою цѣлью предполагалось намѣтить покладистое вліятельное лицо, прикинуться сочувствующимъ его предначертаніямъ и начинаніямъ, сообщить послѣднимъ легкій либеральный оттѣнокъ, какъ бы исходящій изъ нѣдръ начальства (всякій мало-мальски учтивый начальникъ не прочь отъ либерализма), и затѣмъ, взявъ облюбованный предметъ за носъ, водить его за оный. Теорія эта, въ шутливомъ русскомъ тонѣ, такъ и называлась теоріей вожденія вліятельнаго человѣка за носъ, или, учтивѣе, теоріей приведенія вліятельнаго человѣка на правый путь».

«Въ оправданіе этой теоріи приводилось то соображеніе, что вся исторія русскаго прогресса шла именно такимъ путемъ...»

Имярекъ соблазнился этой теоріей тѣмъ болѣе, что она была какъ разъ по плечу провинціи. И только мало-по-малу для него выяснились всѣ деффекты ея. Онъ понялъ, что путь, на который толкаетъ эта теорія, есть путь уступокъ, улаживаній и урѣзываній; что вся дѣятельность, опредѣляемая такой теоріей, сводится къ личностямъ, къ замѣнѣ станового Зябликова становымъ Синицынымъ, потому что становой Синицынъ менѣе нахаленъ. «Вообще предпріятіе было скучное, хлопотливое, тяжелое. Приходилось слушать неумныя рѣчи, намеки, укоры, приходилось сознавать, что въ сущности господиномъ положенія остается все-таки «носъ», а вожакъ состоитъ при немъ лишь въ роли приспѣшника, чуть не лакея. Но тяжелѣе всего было то, что какъ ни своди дѣло къ личностямъ—изъ-за послѣднихъ все-таки выскакивалъ» порядокъ вещей», а тутъ уже прямо выказывалась несостоятельность усвоеннаго идеала» *).

Эти строки, въ которыхъ дана полная критическая оцѣнка «теоріи вожденія вліятельнаго человѣка за носъ», написаны сатирикомъ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Но въ вятскій періодъ его жизни теорія еще прочно держалась, хотя, быть можетъ, въ ней уже и были пробиты болѣе или менѣе значительныя бреши. Во всякомъ случаѣ о перемѣнѣ карьеры Салтыковъ въ это время и не мечталъ, а просто всѣми силами своей души рвался изъ опостылѣвшей ему Вятки. Онъ охотно промѣнялъ бы Вятку на какой-нибудь другой губернскій городъ; въ этомъ смыслѣ не разъ за него хлопотали, но безуспѣшно. Такъ, генералъ Середа, назначенный командиромъ мещерякскаго войска, ходатайствовалъ о переводѣ Салтыкова въ оренбургскій край, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій), случайно познакомившись съ Салтыковымъ при проѣздѣ своемъ черезъ Вятку, просилъ у государя о

*) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 441—444.

назначеніи его въ число состоявшихъ при немъ чиновниковъ, но въ отвѣтъ на эти ходатайства получался одинъ и тотъ же короткій отвѣтъ: «рано». И только въ новое царствованіе, послѣ того, какъ Севастополь былъ взятъ союзными войсками и въ реакціонной атмосферѣ почувствовалось вѣяніе иныхъ настроеній, Салтыкову удалось, наконецъ, разстаться съ Вяткой и возвратиться въ Петербургъ. Освобожденіемъ своимъ онъ обязанъ былъ новому вятскому губернатору, П. П. Ланскому, который рекомендовалъ его своему родственнику С. С. Ланскому, только что, назначенному на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Высочайшее разрѣшеніе на снятіе опалы съ Салтыкова на этотъ разъ, наконецъ, состоялось, и въ ноябрѣ 1855 г. онъ оставляетъ Вятку, временно еще продолжая, однако, числиться все въ той же должности совѣтника вятскаго губернскаго правленія.

По странной прихоти судьбы, въ которой, впрочемъ, на этотъ разъ чувствуется и логическое сплетеніе зависимыхъ другъ отъ друга событій, случилось такъ, что возвращеніе Салтыкова въ столицу совпало съ упраздненіемъ (6-го декабря 1855 г.) того самого «комитета 2-го апрѣля», первый жертвой котораго онъ именно и былъ. Русской литературѣ, влачившей жалкое существованіе въ тяжелые годы восмилѣтняго «цензурнаго террора», улыбнулись лучшіе дни. Инымъ, болѣе смѣлымъ и сильнымъ языкомъ заговорила журналистика, но даже и въ этомъ оживленномъ теперь хорѣ ея голосовъ не могли не выдѣлиться рѣчи разрѣшившаго себя отъ узъ молчанія Салтыкова.

Вл. Кранихфельдъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка).

(*Продолженіе* *).

Глава третья.

Устройство общества въ вольныхъ городахъ удѣльной Руси.

Были ли въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ экономическіе классы, или общество здѣсь дѣлилось также и на юридическія сословія, а также совпадало ли экономическое расчлененіе общества съ юридическимъ,—вотъ два основныхъ вопроса, которые должна разрѣшить исторія новгородскаго и псковскаго общественнаго строя. Для рѣшенія этихъ вопросовъ, равно какъ и другихъ, съ ними связанныхъ, удобнѣе всего разсмотрѣть сначала отдѣльные слои общества вольныхъ городовъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи съ хозяйственной и правовой точекъ зрѣнія, чтобы потомъ сдѣлать общій выводъ.

Высшій слой общества въ Новгородѣ и Псковѣ назывался, какъ и въ другихъ областяхъ древней Руси, *боярами*. Въ другихъ областяхъ еще и въ кіевскій періодъ, какъ и въ удѣльный, этимъ терминомъ обозначались, какъ извѣстно, «княжіе мужи», военные слуги князя, его дружина. Существуетъ мнѣніе, что въ Новгородѣ и Псковѣ боярство произошло внѣ связи съ княжеской властью, совершенно независимо отъ нея, было остаткомъ существовавшихъ еще до князей какихъ-то земскихъ бояръ. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неясностяхъ этого взгляда,—о томъ, напр., что совершенно непонятно, кто такіе были эти земскіе бояре,—существуютъ очень серьезныя основанія сомнѣваться въ его справедливости. Основанія эти формулированы въ ученой литературѣ слѣдующимъ образомъ: 1) о *земскихъ* боярахъ не говоритъ ни одинъ источникъ ни кіевскаго, ни удѣльнаго времени: земскіе бояре были только позднѣе, у Ивана Грознаго послѣ учреж-

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май 1904 г.

денія имъ опричнины, да еще въ договорахъ Новгорода и Пскова съ Ливонскимъ орденомъ въ XV вѣкѣ этимъ выраженіемъ переводится нѣмецкій терминъ Landesherren; 2) псковской лѣтописецъ XV вѣка, которому, конечно, хорошо извѣстно было боярство вольныхъ городовъ, однако, плохо понимаетъ выраженіе «земскій бояринъ»; слѣдовательно, земскихъ бояръ во Псковѣ не было; 3) указываютъ, что ростовскіе бояре, боровшіеся съ братьями Андрея Боголюбскаго послѣ его смерти, были земскими боярами; но, во-первыхъ, лѣтописецъ говоритъ о борьбѣ не «ростовскихъ бояръ», а «ростовцевъ и бояръ», считая бояръ членами княжеской дружины, а во-вторыхъ, нѣкоторые изъ этихъ бояръ были не только княжескими дружинниками, но даже и происходили изъ южной Руси, не были мѣстными боярами: таковъ былъ, напр., Борисъ Жидиславичъ, внукъ Славяты, бывшаго на югѣ въ Переяславлѣ дружинникомъ Владиміра Мономаха. Итакъ, и въ Новгородѣ и Псковѣ терминъ «бояре» былъ примѣненъ къ высшему слою населенія только въ силу того, что этотъ слой вошелъ въ составъ княжескихъ мужей, княжеской дружины. Этотъ выводъ можно подтвердить и еще однимъ наблюденіемъ: высшій слой новгородскаго общества на первыхъ страницахъ новгородскихъ лѣтописей, до 1118 года, ни разу не называется боярами, обычными же терминами, служащими для его обозначенія, являются выраженія «нарочитые», «лучшіе», «вячшіе мужи», «огнищане». Такимъ образомъ, выраженіе «земскіе бояре» есть не болѣе, какъ неосновательная выдумка.

Но передъ нами все-таки стоитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что наступилъ моментъ, когда «нарочитые, лучшіе, вячшіе мужи» или «огнищане» стали называться боярами. Причина этого заключается въ томъ, что, тогда какъ въ другихъ древнерусскихъ городахъ высшій слой городского населенія былъ мало-по-малу оттѣсненъ отъ политическихъ дѣлъ княжеской дружиной, въ Новгородѣ онъ уцѣлѣлъ, сохранилъ вліяніе, не далъ оттѣснить себя дружинѣ. Это произошло подъ вліяніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: во-первыхъ, новгородская колонизація отличалась всенароднымъ характеромъ, производилась самимъ обществомъ, внѣ всякаго вліянія княжеской власти, и такимъ образомъ не давала матеріала для усиленія князя и его дружинниковъ; въ числѣ другихъ слоевъ общества колонизовали страну и огнищане, которые занимали довольно много земель, чѣмъ и закрѣплялось ихъ самостоятельное положеніе; во-вторыхъ, развитію княжескаго и дружиннаго землевладѣнія препятствовало еще то, что, какъ намъ уже извѣстно, видную роль въ хозяйствѣ новгородской области играла добывающая промышленность, а вовсе не земледѣліе. Такое самостоятельное экономическое положеніе огнищанъ на ряду съ невозможностью для княжеской дружины прочнѣе утвердиться въ Новгородской области путемъ земельныхъ пріобрѣтеній и повело къ тому, что князья стали назначать на разныя правительственныя должности

не своихъ дружинниковъ, а новгородцевъ изъ высшаго слоя мѣстнаго общества, а такія назначенія давали имъ значеніе служилыхъ людей и содѣйствовали примѣненію къ нимъ термина «бояре», которымъ обозначались именно только служилые княжескіе люди: такъ, въ разсказѣ о вызовѣ Мономахомъ въ 1118 году въ Кіевъ всѣхъ новгородскихъ нарочитыхъ мужей новгородская лѣтопись уже прямо называетъ ихъ боярами; въ церковномъ уставѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича 1135 года въ числѣ совѣтниковъ князя упомянуты сотскіе — выборные новгородскіе начальники изъ нарочитыхъ мужей,—и князь называетъ ихъ при этомъ *своими мужами*.

Итакъ, въ теченіе всего времени до XIII вѣка древніе новгородскіе нарочитые, лучшіе, вячшіе мужи или огнищане мало-по-малу обращались въ бояръ, участниковъ въ управленіи городомъ и его областью по назначенію князя, пріобрѣтали право на занятіе высшихъ государственныхъ должностей, — вотъ первый важный выводъ, который можно сдѣлать изъ наблюденій за соціальнымъ значеніемъ этого слоя новгородскаго общества. Несомнѣнно, это было уже зародышемъ извѣстнаго спеціальнаго, сословнаго политическаго права.

Въ то же время вырабатывалось другое право новгородскаго боярства — право участія въ правительственномъ совѣтѣ. И въ другихъ городахъ древнѣйшей Руси послѣ призванія князей выборная городовая старшина участвовала въ княжеской думѣ наряду съ дружинниками князя, — то же было и въ Новгородѣ, и все различіе между послѣднимъ и другими древнерусскими городскими общинами сводилось въ этомъ отношеніи къ тому, что тогда какъ въ другихъ мѣстахъ выборные городскіе начальники исчезли изъ думы, въ Новгородѣ они удержались въ ней и пріобрѣли господствующее значеніе; это пріобрѣтеніе такъ же упрочилось за новгородскимъ боярствомъ къ началу XIII вѣка, — мы встрѣтимся еще съ нимъ и познакомимся подробнѣе при изученіи исторіи правительственнаго совѣта.

Итакъ, до XIII вѣка мы можемъ наблюдать только постепенную выработку двухъ спеціальныхъ правъ новгородскаго боярства: права исключительнаго занятія высшихъ государственныхъ должностей и права исключительнаго участія въ правительственномъ совѣтѣ. Слѣдовательно, въ это время еще не можетъ быть рѣчи о боярствѣ какъ сословіи; какъ сословіе, новгородское боярство только еще слагается.

Спрашивается теперь, были ли новгородскіе бояре до XIII вѣка, опредѣленнымъ экономическимъ классомъ? И въ этомъ отношеніи можно наблюдать значительную неопредѣленность, броженіе элементовъ. Большинство изслѣдователей склонны считать важнѣйшимъ экономическимъ признакомъ боярства уже тогда землевладѣніе. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что землевладѣльцы-огнищане, на ряду съ другими слоями населенія, колонизовали страну и захватывали землю, но все-таки предполагать особенную концентрацію земельной собственности

въ рукахъ боярства до XIII вѣка мы не имѣемъ никакого права. Есть признаки, которые указываютъ, что, на ряду съ землевладѣніемъ, были и другіе хозяйственные источники, изъ которыхъ новгородскіе бояре почерпали матеріальныя средства: это была торговля, хотя она и не была еще тогда обширна, или, точнѣе, именно потому, что она была еще необширна и не требовала спеціализаціи, не захватывала еще всего человѣка, давала ему возможность посвящать свои силы и другимъ занятіямъ. Что бояре, дѣйствительно, торговали,—объ этомъ свидѣтельствуетъ одна новгородская былина, разсказывающая о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу—купцу богатому, ко боярину»: купецъ и боринъ здѣсь отожествляются. Такимъ образомъ, и какъ классъ, боярство не отличалось опредѣленностью; хозяйственныя, классовыя его особенности еще не сложились.

Съ XIII вѣка и особенно въ XIV и XV столѣтіяхъ картина совершенно мѣняется и въ политическомъ, и въ экономической отношеніяхъ. Когда мы знакомились съ исторіей народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, то было замѣчено, что земельныя богатства бояръ, въ силу сцѣпленія неотвратимыхъ условій, возросли до громадныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ боярство колонизовало области по Двинѣ и Вагѣ и снаряжало отряды повольниковъ для опасныхъ, но выгодныхъ экспедицій на Печору и Югру по преимуществу за мѣхами. Продукты, получаемые съ этихъ обширныхъ владѣній въ видѣ натуральнаго оброка и дани, служили боярамъ для ихъ домашняго обихода, а избытки ихъ сбывались купцамъ. Этотъ сбытъ давалъ возможность составлять денежный капиталъ, но для образованія послѣдняго послужили и другіе источники, не менѣе обильные, — именно доходы съ занимаемыхъ боярами должностей и особенно проценты съ денежныхъ суммъ, ссужаемыхъ боярами купцамъ и другимъ лицамъ. Банкирская дѣятельность бояръ развилась, по всѣмъ признакамъ, уже въ XIII вѣкѣ: въ 1209 году народъ подвергнулъ конфискаціи («разграбленію») домъ посадника Дмитра Мирошкинича и нашелъ у него множество долговыхъ «досокъ», домашнихъ расписокъ съ обозначеніемъ должныхъ ему разными лицами суммъ; намъ уже извѣстно сказаніе о богатомъ посадникѣ Щилѣ, дававшемъ деньги въ ростъ за небольшіе проценты.

Сдѣлавшись въ экономическомъ отношеніи крупными землевладѣльцами и банкирами-капиталистами, новгородскіе бояре перестали заниматься торговлей, требовавшей уже спеціализаціи вслѣдствіе своего развитія,—спеціализаціи, невозможной для бояръ, такъ какъ они были заняты въ это время усиленной политической дѣятельностью. Какъ политическое сословіе, боярство XIII, XIV и XV вѣковъ является также законченнымъ, совершенно сложившимся цѣлымъ: за нимъ, во-первыхъ, окончательно утвердилось исключительное право на занятіе высшихъ должностей,—посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ, при-

городныхъ посадниковъ,—во-вторыхъ, боярство вытѣсняетъ изъ правительственнаго совѣта еще въ XIII вѣкѣ княжескихъ дружинниковъ, а въ слѣдующемъ XIV столѣтіи, быть можетъ даже и раньше, той-же участи подвергаются и купеческіе старосты, до тѣхъ поръ сидѣвшіе въ совѣтѣ на правахъ равноправныхъ членовъ. Такъ образовались два основныхъ спеціальныхъ права боярскаго сословія въ Великомъ Новгородѣ. Оба явились естественнымъ послѣдствіемъ экономическаго господства боярства, какъ класса: въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, бояре держали въ своихъ рукахъ жившихъ на ихъ землѣ смердовъ; какъ капиталисты-банкиры, они подчиняли себѣ купцовъ; и то и другое стало основой политическихъ привилегій боярства, какъ сословія.

Такъ какъ новгородскіе бояре были крупными землевладѣльцами, то своевременно сказать теперь о тѣхъ преимуществахъ, которыя вытекали въ Новгородѣ для землевладѣльцевъ изъ права собственности на землю. Эти преимущества касались исключительно суда: во-первыхъ, по свидѣтельству договоровъ Новгорода съ князьями, въ отсутствіе землевладѣльца княжескіе судьи не могли судить въ области подчиненныхъ ему людей,—старостъ, половниковъ и холоповъ,—судъ надъ ними въ такомъ случаѣ переносился въ Новгородъ; во-вторыхъ, иногда землевладѣльцы путемъ откупа освобождались отъ всякаго вмѣшательства новгородскаго правительства въ судъ надъ крестьянами; въ-третьихъ, по Судной Новгородской грамотѣ 1471 года, землевладѣлецъ имѣлъ право и былъ обязанъ ставить на судъ виновнаго «своего человѣка». Но эти землевладѣльческія права могли быть—по крайней мѣрѣ отчасти—и у землевладѣльцевъ не бояръ и не составляли въ сущности спеціальнаго сословнаго преимущества боярства. Существуетъ, впрочемъ, предположеніе, что у бояръ, какъ землевладѣльцевъ, было еще особое преимущество: они будто бы участвовали въ административныхъ дѣйствіяхъ областныхъ властей; въ доказательство ссылаются на одну неизданную грамоту начала XV вѣка объ отдачѣ нѣкоторыхъ земель на Онежскомъ озерѣ въ Толвойскомъ краю Богородицкому монастырю: въ этомъ актѣ, на ряду съ посадникомъ и тысяцкимъ, значатся какіе-то «скотники» и «помужники», которыхъ и считаютъ—безъ всякихъ, впрочемъ, основаній—мѣстными землевладѣльцами-боярами. Помужники больше не встрѣчаются ни въ одномъ источникѣ; что касается скотниковъ, то о нихъ говорится еще въ грамотѣ великаго князя Андрея Александровича на Двину, относящейся къ концу XIII или началу XIV вѣка, о кормахъ и подводахъ тремъ великокняжескимъ ватагамъ, т.-е. артелямъ, ходящимъ на промыселъ; эта грамота адресована «къ посадникамъ, и къ скотникамъ, и къ старостамъ»; и надписаніе, и содержаніе грамоты какъ будто указываютъ на должностное, а не сословно-землевладѣльческое значеніе скотниковъ. Быть можетъ, скотники—это откупщики суда, тоже, что̀ «бо̀рцы», упоми-

наемые въ откупной обонежской грамотѣ 1434 года, по которой два «бо̀рца», Якимъ Гурѣевъ и Матвѣй Петровъ, «покупаютъ» (т.-е берутъ на откупъ) обонежскій судъ князя великаго; имъ идетъ половина улова осетровъ, кормъ, подводы, «а кто сгонитъ или замѣшаетъ, дастъ князю великому гривну золота, а борцамъ серебро вдвое»: «борцы» отъ глагола «брать», а «скотники»—отъ «скотъ»=деньги. Такимъ образомъ, едва ли есть основаніе предполагать особыя землевладѣльческія привилегіи—спеціально-боярскія.

Новгородскіе и псковскіе бояре имѣли, конечно, право участвовать въ вѣчевой сходкѣ; но это политическое право было достояніемъ всѣхъ свободныхъ людей и не принадлежало, слѣдовательно, къ сословнымъ преимуществамъ. То же надо сказать и о всѣхъ гражданскихъ—личныхъ и имущественныхъ—правахъ, которыми обладали, вмѣстѣ съ другими свободными людьми, и бояре. Поэтому о гражданскихъ правахъ рѣчь пойдетъ у насъ тогда, когда мы будемъ характеризовать юридическое положеніе черныхъ людей.

Временемъ паденія боярства въ Великомъ Новгородѣ надо считать 70-ые годы XV вѣка, когда великій князь Иванъ III двумя послѣдовательными ударами 1470 и 1478 годовъ съ корнемъ вырвалъ новгородскую аристократію, оторвалъ ее отъ родной почвы, лишивъ земель и капиталовъ и переселивъ въ Московскую Русь, гдѣ этотъ нѣкогда могучій соціальный слой, руководившій всей государственной и общественной жизнью новгородской общины, обезсилѣлъ и растворился въ общей массѣ великорусскаго населенія. Ни одинъ чужеземный завоеватель не совершалъ такого коренного потрясенія владѣльческихъ правъ и отношеній, какое совершилъ дѣдъ Ивана Грознаго и повторилъ во Псковѣ отецъ его въ 1510 году. Но оба они были правы со своей точки зрѣнія: только такимъ способомъ можно было сломить грозное могущество боярства вольныхъ городовъ.

Второй соціальный слой составляли въ Новгородѣ такъ называемые житьи люди. Изслѣдователи весьма существеннымъ образомъ расходятся между собою въ пониманіи этого термина: по мнѣнію однихъ, это — лица, имѣвшія осѣдлость и дворы въ городѣ, ремесленники-домовладѣльцы; другіе считаютъ житьихъ людей богатыми купцами. Вѣрно именно это второе объясненіе: житьи люди—это древнѣйшіе купцы вячшіе. Въ такомъ пониманіи термина убѣждаетъ цѣлый рядъ наблюденій надъ нашими источниками: во-первыхъ, въ лѣтописяхъ, когда идетъ рѣчь о всѣхъ новгородскихъ гражданахъ въ совокупности, часто о житьихъ людяхъ упоминается, а о купцахъ при этомъ не говорится: очевидно, между этими терминами существеннаго различія по смыслу не было; въ 1385 г. на вѣчѣ присутствовали посадникъ, тысяцкій, всѣ бояре и дѣти боярскіе, житьи и черные люди,—всѣ пять концовъ; въ 1395 г.—бояре и дѣти боярскія, и житьи люди и купецкія дѣти; подобные же явленіе наблюдается и въ договорѣ

Новгорода съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ 1317 г.; во-вторыхъ, если бы житьи люди были простыми ремесленниками, то они занимали бы въ новгородскомъ обществѣ низшее мѣсто, чѣмъ купцы; между тѣмъ во всѣхъ новгородскихъ грамотахъ они ставятся выше купцовъ; въ-третьихъ—и это самое важное—по грамотѣ князя Всеволода Мстиславича 1135 г. церкви св. Ивана на Опокахъ въ товариществѣ *купцовъ*-торговцевъ воскомъ выбирались трое старостъ отъ *житьихъ людей* на ряду съ двоими старостами отъ купцовъ; и всѣ они, и житьи люди и купцы, называются *купечествомъ* Иванскимъ; Нельзя при этомъ думать, что житьи люди были боярами или огнищанами, потому что въ той же грамотѣ содержится такая оговорка: «а Мирославу посаднику въ то не вступаться и инымъ посадникамъ въ Иванское ни во что же, *ни боярамъ* новгородскимъ». Итакъ житьи люди — богатые купцы. Значитъ, отдѣлять ихъ отъ купцовъ вообще нельзя, почему мы и будемъ теперь говорить о тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Оставляя разсмотрѣніе гражданскихъ правъ купечества до изученія положенія простыхъ свободныхъ людей въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода, потому что въ этомъ отношеніи всѣ въ Новгородѣ и Псковѣ были равны между собою, мы обратимъ теперь вниманіе на политическія права купцовъ—личныя и корпоративныя, въ связи съ экономическимъ ихъ положеніемъ.

Намъ уже извѣстно, что до XIII вѣка купцы не сосредоточивали въ своихъ рукахъ всей торговли, что тогда торговали также и бояре: да и землями купцы владѣли: еще въ Новгородской Судной грамотѣ говорится о земляхъ житьихъ людей и купцовъ; купеческія имѣнія попадаются и въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Понятно, что и въ качествѣ политическаго сословія житьи люди и купцы были въ то время слабо выдѣлены изъ новгородскаго общества; какъ и всѣ, купцы участвовали въ вѣчѣ; ихъ старосты принимали участіе въ правительственномъ совѣтѣ вмѣстѣ съ боярами. Зато въ XIII, XIV и XV вѣкахъ наблюдается экономическая спеціализація; число купцовъ растетъ; бояре покидаютъ торговлю, купцы всю ее захватываютъ въ свои руки. Соотвѣтственно этому купечество организуется и какъ сословіе. Оно отвлекается отъ политической дѣятельности и утрачиваетъ право участія въ правительственномъ совѣтѣ. Впрочемъ, за нимъ сохраняется и теперь право участія въ посольствахъ и переговорахъ: въ 1215 году для призыва князя, кромѣ посадника и тысяцкаго, были посланы 10 старѣйшихъ купцовъ; въ 1391 г. купцы вмѣстѣ съ боярами заключили договоръ съ нѣмцами въ Изборскѣ; въ 1446 г. на съѣздъ съ ливонскимъ магистромъ посланы были бояре и купцы. Но главной основой спеціальныхъ политическихъ правъ купечества была его корпоративная связь. У насъ уже была рѣчь о купеческихъ товариществахъ въ Новгородѣ, былъ указанъ ихъ общій характеръ и перечислены главныя изъ нихъ. Теперь остается добавить нѣсколько

подробностей, характерныхъ именно съ соціальной точки зрѣнія. Извѣстно, напримѣръ, что псковское товарищество купцовъ, организовавшееся около храма св. Софіи во Псковѣ, выбирало двухъ старостъ. Основныя черты внутренняго устройства Иванскаго товарищества сводились къ слѣдующему: взносъ 50 гривенъ серебра въ товарищество и $29^1/_2$ гривенъ въ пользу церкви давалъ званіе «пошлаго» купца, полноправнаго члена товарищества; во главѣ компаніи стояли 5 старость: 3 отъ житьихъ людей и 2 отъ купцовъ. Такая корпоративная связь купечества послужила основой для образованія его спеціальныхъ сословныхъ правъ: прежде всего въ 1135 году иванское купечество получило право торговаго суда въ Новгородѣ. Эта жа корпорація вѣдала еще орудія мѣры—вѣсъ (вощаныя скальвы, медовые пуды или безмѣны гривенку рублевую для взвѣшиванья благородныхъ металловъ), и мѣры длины (иванскій локоть). По договору съ нѣмцами 1270 года, судъ по всѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ между новгородцами и нѣмцами былъ сосредоточенъ въ рукахъ коллегіи изъ новгородскихъ купеческихъ старостъ и нѣмецкихъ ольдерменовъ подъ пресѣдательствомъ тысяцкаго. Эти спеціальныя политическія права новгородскаго купечества чрезвычайно характерны для всего новгородскаго соціальнаго строя: они указываютъ на крайній сословный эгоизмъ, на узость и исключительность классовыхъ интересовъ: купцы дорожили не общими политическими правами, а спеціальными торгово-политическими привилегіями.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ купеческихъ корпораціяхъ вольныхъ городовъ не замѣтно никакихъ родовыхъ элементовъ. Нѣкоторые приписываютъ имъ также еще финансовое и судебное значеніе на такихъ основаніяхъ: на купцовъ, по договорамъ Новгорода съ князьями, не падали ни чрезвычайные налоги, выпадавшіе на долю мѣстности, гдѣ они временно прибывали (напр., черный сборъ), ни обыкновенныя повинности (повозная, т.-е. поставка подводъ для должностныхъ лицъ); затѣмъ, по тѣмъ же документамъ, проѣзжій княжескій судъ на нихъ не распространялся; наконецъ, въ Новгородской судной грамотѣ содержится постановленіе о такъ называемыхъ «ятцахъ», поручителяхъ отъ «сотенъ», являвшихся на судъ въ знакъ того, что со стороны сотенъ не будетъ совершено насилія, незаконнаго противодѣйствія суду или судебному рѣшенію. Всѣ эти основанія не выдерживаютъ критики: свобода отъ податей и проѣзжаго суда—слѣдствіе не принадлежности къ купеческой корпораціи, а отчасти сословнаго положенія, главнымъ же образомъ того, что купцы были временными посѣтителями, а не постоянными жителями извѣстной мѣстности; «ятцы»—учрежденіе, относящееся къ территоріальнымъ, всесословнымъ сотнямъ, на которыя дѣлился Новгородъ, а вовсе не къ купеческимъ корпораціямъ; это всего лучше видно изъ того, что ятцами могли быть и бояринъ, и житій, и молодшій человѣкъ: если

бы дѣло шло о чистосословномъ купеческомъ учрежденіи, кромѣ житьихъ людей и купцовъ никто не могъ бы въ немъ участвовать. Итакъ предполагать какое-либо судебное и финансовое значеніе купеческихъ корпорацій, какую-либо ихъ автономію въ этихъ отношеніяхъ никакъ нельзя.

Чтобы закончить обзоръ свободныхъ общественныхъ состояній въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси, намъ остается еще разсмотрѣть положеніе *черныхъ людей*. Подъ это общее названіе подходило много разрядовъ населенія: сюда относились прежде всего такъ называемые городчане, городскіе жители, занимавшіеся ремеслами и мелкой торговлей, затѣмъ своеземцы или земцы—черные люди, обладавшіе землей въ уѣздахъ на правѣ полной собственности; смерды, сироты, крестьяне, изорники, огородники, котечники—арендаторы чужой земли; половники—нѣчто среднее между арендаторами и наемными рабочими; поземщики—непашенные люди,—рыболовы и сельскіе ремесленники. Изъ этого перечня видно, какъ пестръ былъ составъ черныхъ людей въ экономическомъ отношеніи: здѣсь совершенно не было цѣльности и единства, отдѣльные элементы изучаемаго соціальнаго слоя играли различную роль въ производствѣ и обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ. Итакъ, это не былъ единый экономическій классъ. Отсутствію экономическаго единства соотвѣтствовала и другая черта—матеріальная слабость черныхъ людей, выясненная нами раньше, при изученіи вопроса о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Понятно, что результатомъ всего этого была сравнительная слабость политическихъ правъ черныхъ людей. Въ сущности единственнымъ ихъ политическимъ правомъ было право участія въ вѣчѣ, засвидѣтельствованное лѣтописями и актами для всего изучаемаго періода. О корпоративныхъ связяхъ едва ли можно говорить, какъ о чемъ-либо вліятельномъ въ политическомъ отношеніи; въ сущности городская сотня и деревенскій погостъ, вѣдь, и не были организаціями однихъ черныхъ людей: это были территоріальныя дѣленія, охватывавшія всѣ слои общества сверху до низу, такъ что о нихъ удобнѣе говорить при изученіи областного дѣленія и управленія. Но, характеризуя политическое положеніе черныхъ людей, нельзя ограничиваться указаніями на ихъ права,—необходимо отмѣтить еще, сверхъ того, и обязанности. Новгородская финансовая система была, вообще говоря, развита довольно слабо: большинсто полноправныхъ новгородскихъ гражданъ не несло постоянныхъ прямыхъ податей, а облагало себя въ случаѣ нужды экстренными сборами сообразно имущественной состоятельности; для примѣра можно указать на складчину новгородцевъ въ XI вѣкѣ для доставки помощи Ярославу. Единственнымъ общимъ прямымъ налогомъ, падавшимъ на все населеніе, была введенная около половины XIII вѣка татарская дань. При этомъ, по словамъ лѣтописи, «вятшіе творили себѣ добро, а меньшимъ зло», т.-е. облагали данью простыхъ

черныхъ людей гораздо сильнѣе, чѣмъ себя. Это и былъ единственный налогъ, платимый боярами. На купцахъ лежали, конечно, торговыя и проѣзжія пошлины: гостиное, подъѣздное, побережное, помѣрное и проч. Но цѣлый рядъ другихъ прямыхъ налоговъ и повинностей лежалъ на черныхъ людяхъ: во-первыхъ, они платили «черный боръ», поступавшій съ извѣстныхъ волостей новгородскому князю; отъ XV вѣка до насъ дошла очень любопытная грамота Новгорода на черный боръ великому князю Василію Васильевичу: размѣръ чернаго бора опредѣленъ здѣсь по 1 гривнѣ съ сохи, и указано, что этому налогу не подлежатъ заѣзжіе новгородцы-купцы, боярскіе дворы и одерноватые или полные холопы, получающіе мѣсячину; во-вторыхъ, черные люди вносили «поралье посадниче и тысяцкаго»—особый налогъ въ пользу новгородской выборной администраціи; въ-третьихъ, они обязаны были повозной повинностью, т.-е. доставкой кормовъ и подводъ ѣздившимъ по области должностнымъ лицамъ; въ четвертыхъ, наконецъ, на нихъ лежало городовое дѣло—постройка и починка укрѣпленій; такъ, подъ 1430 годомъ читаемъ въ лѣтописи: «пригонъ былъ христіаномъ къ Новугороду городъ ставити, а покручалъ четвертый пятаго», т.-е. повинности подлежалъ изъ каждыхъ 5-ти домохозяевъ одинъ. Итакъ, главная тяжесть повинностей и налоговъ лежала на населеніи наименѣе обезпеченномъ матеріальными средствами. Политическая и экономическая приниженность черныхъ людей идутъ рука объ руку и выступаютъ очень ясно на видъ.

Зато въ отношеніи гражданскихъ правъ свободное черное населеніе ничѣмъ не уступало боярамъ, житьимъ людямъ и купцамъ. Мы и должны теперь характеризовать гражданско-правовое положеніе свободныхъ членовъ новгородскаго и псковскаго общества. Наши источники не оставляютъ прежде всего сомнѣнія, что *личныя* гражданскія права всѣхъ новгородскихъ и псковскихъ гражданъ—ихъ жизнь, здоровье, свобода и честь—ограждались одинаково, безъ всякихъ различій и привилегій. Псковская и Новгородская грамоты, назначая наказаніе за убійство («головшину», «душегубство») или за «бой» (побои, вообще причиненіе вреда здоровью), подвергаютъ совершенно одинаковой карѣ всѣхъ виновныхъ, не обращая вниманія, къ какому сословію принадлежалъ потерпѣвшій. Свобода сильно ограждалась псковскимъ народнымъ обычаемъ или, какъ тогда говорили, «пошлиной»: когда въ 1477 году Иванъ III, по разсказу лѣтописи, потребовалъ отъ Пскова выдачи ему головой тѣхъ людей, которыхъ великокняжескіе намѣстники «*безсудно* поковали, а Псковъ расковалъ», то псковичи отвѣчали, что не могутъ ихъ выдать «по пошлинѣ и старинѣ съ нашими прежними осподари, то люди правіи»; ясно, что псковская пошлина и старина заключалась въ томъ, чтобы никого не лишать свободы безъ суда. Наймитъ дворный и наемный плотникъ могли оставить хозяина даже до срока, по Псковской судной грамотѣ. По тому

же источнику, изорникъ, котечникъ и огородникъ могли «отречися», уйти отъ землевладѣльца. Новгородская судная грамота повелѣваетъ истцу при искѣ о холопствѣ, т.-е. при объявленіи кого-либо своимъ рабомъ, «до суда надъ нимъ (отвѣтчикомъ) силы не дѣять, а кто силу доспѣеть, ино тымъ его и обинить». Честь всякаго псковича и новгородца ограждалась одинаково: по Псковской судной грамотѣ, кому бы ни вырвана была борода или на кого бы ни сдѣлали «находъ», кара не мѣнялась; Новгородская судная грамота, опредѣляя наказаніе за «наѣздъ», не обращаетъ вниманія на сословное положеніе потерпѣвшаго, а ставитъ размѣръ пени въ зависимость отъ соціальнаго положенія виновнаго: боярину платитъ 50 руб., житій 20 р., молодшій 10 р., тутъ не только нѣтъ привилегій, но лица, принадлежащія къ высшему соціальному слою, наказываются сильнѣе, чѣмъ тѣ, кто стоитъ на общественной лѣстницѣ ниже: очевидно, принимается во вниманіе степень состоятельности лица. Но и *имущественныя*, вещныя права всѣхъ новгородцевъ и псковичей, безъ различія сословій, были вполнѣ равны и, что не менѣе важно, подверглись весьма значительной эволюціи сравнительно съ тѣмъ, что намъ извѣстно о кіевской Руси: не только сгладилась соціальная разница въ этомъ отношеніи, но точнѣе и подробнѣе опредѣлились оттѣнки права, гораздо болѣе обезпечены стали въ своей прочности и безспорности гражданскія отношенія по имуществу и, наконецъ, выдѣлилась изъ-подъ гнета семейнаго, кровнаго союза личность. На этихъ трехъ новыхъ чертахъ гражданскаго права вольныхъ городовъ удѣльной Руси мы и должны теперь остановить ненадолго свое вниманіе. Выясненіе оттѣнковъ и подробностей вещныхъ правъ выразилось въ цѣломъ рядѣ новыхъ юридическихъ понятій, совершенно чуждыхъ кіевскому періоду: прежде всего Псковская судная грамота отличаетъ отъ полной и наслѣдственной собственности—«чиста», «чисто отморшины», «чисто рощеного», «своего рощеного» — временное пользованіе, юридически обоснованное, — такъ называемую «кормлю»; соотвѣтственно этому Новгородская судная грамота защищаетъ не только собственность, но и владѣніе, хотя бы юридическая обоснованность послѣдняго и подвергалась спору: мы встрѣчаемъ въ грамотѣ постановленіе, по которому запрещается наѣздъ на оспариваемую землю до судебнаго рѣшенія спора; далѣе: Псковская грамота устанавливаетъ 4-хъ или 5-ти-лѣтнюю давность владѣнія, обращающую послѣднее въ собственность; тамъ же встрѣчаемъ довольно тонкое различіе между правами наслѣдниковъ по завѣщанію и правами наслѣдниковъ по закону: наслѣдники по завѣщанію отвѣчаютъ только по тѣмъ обязательствамъ наслѣдодателя, которыя основаны на формальномъ актѣ («записи») или обезпечены закладомъ; наслѣдники по закону отвѣчаютъ и при искахъ, не основанныхъ на записи и не обезпеченныхъ закладомъ; уяснены впервые точно и опредѣленно вещныя права государства и ихъ отношеніе къ вещнымъ

правамъ отдѣльныхъ лицъ: именно вещное право государя Великаго Новгорода исключало права частныхъ лицъ, не признававшихъ власти городской общины, что выразилось въ постановленіяхъ договоровъ Новгорода съ князьями, по которымъ не новгородскіе граждане не могли владѣть землей въ новгородскихъ владѣніяхъ, и лица, оставившія новгородское подданство, лишались земли; наконецъ, возникли и новыя понятія объ обязательствахъ, возникавшихъ изъ договоровъ; такъ понятія займа, поклажи и найма существовали и раньше, но теперь они расчленились и опредѣлились точнѣе: заемъ могъ быть или устной сдѣлкой—при мелкомъ займѣ до рубля, или, если онъ былъ выше рубля, долженъ былъ сопровождаться составленіемъ записи или обезпечивался закладомъ; при поклажѣ также иногда уже требовалась запись; различались два понятія о наймѣ: наемъ на извѣстную одну опредѣленную работу, соотвѣтствовавшій римскому locatio-conductio operis, и наемъ не для цѣлаго дѣла, а для многихъ, разнообразныхъ работъ,—то же, что́ римское locatio-conductio operarum. Бо́льшая прочность вещныхъ правъ также видна по цѣлому ряду признаковъ: имущество уже не дѣлалось выморочнымъ такъ скоро, какъ въ кіевской Руси: по закону наслѣдовали не только ближніе, но и дальніе родственники умершаго; установлены были точныя формы актовъ гражданскаго права, обезпечивавшія ихъ безспорность: появилось письменное завѣщаніе—«рукописаніе»; опредѣлена форма предсмертнаго даренія: личная передача вещи въ присутствіи священника и сторонніхъ людей, различены неформальные («доски») и формальные договоры («записи»); наконецъ введено укрѣпленіе гражданскихъ актовъ посредствомъ сохраненія копій въ архивѣ,—такъ называемомъ «ларѣ св. Троицы» въ Псковѣ. Что личность выдѣлилась уже въ очень значительной мѣрѣ изъ семейнаго союза въ отношеніи вещныхъ правъ,—это явствуетъ прежде всего изъ того, что наслѣдованіе по закону имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда нѣтъ завѣщанія, причемъ завѣщаніе не является уже «рядомъ», договоромъ членовъ семьи между собою, какъ то было въ кіевскій періодъ, а служитъ выраженіемъ личной воли наслѣдодателя; эта воля не ограничивается закономъ: завѣщатель вовсе не распредѣляетъ только имущество между готовыми, законными наслѣдниками, какъ прежде, а воленъ передать его кому угодно, помимо близкихъ родственниковъ, дальнимъ и даже постороннимъ; допускается выдѣлъ сына при жизни отца, причемъ такой отдѣлившійся сынъ уже не наслѣдуетъ отцу послѣ смерти послѣдняго,—разумѣется, если отецъ ему ничего не завѣщаетъ.

Чтобы закончить характеристику гражданскихъ правъ новгородскихъ гражданъ, остается отмѣтить еще полноправность женщинъ, ихъ полное равенство въ гражданско-правовомъ отношеніи съ мужчинами: женщина можетъ вести процессъ, даже участвовать въ судебномъ поединкѣ противъ женщины, выставляя противъ мужчины наймита;

она имѣетъ всѣ права по обязательствамъ, напр., заключаетъ отъ своего имени заемъ; имущество супруговъ признавалось Псковской судной граматой ихъ общимъ достояніемъ, но если кто-либо изъ нихъ умиралъ безъ завѣщанія, то оставшійся въ живыхъ,—безразлично, былъ ли то мужъ или жена,—пользовался пожизненно имуществомъ умершаго до вступленія во второй бракъ; жена при жизни мужа могла даже завѣщать свое имущество стороннему лицу.

Но полное гражданское равенство черныхъ людей съ боярами и купцами не было постояннымъ явленіемъ въ соціальномъ строѣ вольныхъ городскихъ общинъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалась хозяйственная роль земледѣлія и стала расти внутренняя торговля, подготовлявшая переходъ къ денежному хозяйству,—задолженность крестьянъ увеличивалась, и въ результатѣ появились ограниченія ихъ личной свободы, которыя становятся замѣтными въ XIV и XV вѣкахъ. Эти ограниченія сводятся къ слѣдующему: во-первыхъ, въ договорахъ съ Новгородомъ князья обязываются выдавать бѣжавшихъ къ нимъ изъ новгородскихъ владѣній крестьянъ на ряду съ холопами; во-вторыхъ, по тѣмъ же договорамъ, нельзя было судить не только холопа, но и половника на мѣстѣ, въ области, въ отсутствіе хозяина; въ-третьихъ, Новгородская судная грамота обязала землевладѣльцевъ доставлять къ суду не однихъ холоповъ, но тоже и крестьянъ, что̀ указываетъ на зависимое положеніе послѣднихъ.

Въ результатѣ нельзя не признать значительной юридической приниженности черныхъ людей въ Новгородѣ и Псковѣ; это было естественнымъ слѣдствіемъ ихъ экономической слабости. Особенно ограничены были политическія права чернаго населенія, тяжелы были его государственныя обязанности, но и въ отношеніи гражданскихъ правъ наблюдается постепенное ограниченіе и приниженіе.

Изъ полусвободныхъ состояній въ Новгородѣ и Псковѣ обращаютъ на себя вниманіе два,—«закупни» и «закладни». Первые—не что иное, какъ остатки закуповъ кіевскаго періода; такъ какъ намъ уже извѣстно ихъ юридическое и хозяйственное положеніе изъ исторіи кіевской Руси, то остается характеризовать закладней, съ которыми намъ не разъ еще придется встрѣтиться и позднѣе, почему мы теперь же воспользуемся для ихъ характеристики и позднимъ матеріаломъ. Слово «закладень» или «закладчикъ» происходитъ отъ глагола «заложиться», что значитъ «задаться», «отдаться подъ покровительство», а вовсе не «отдаться въ залогъ». Люди, отдавшіеся въ залогъ, назывались въ изучаемое время въ Новгородѣ и Псковѣ закупнями, а позднѣе, въ XVII вѣкѣ, были извѣстны подъ именемъ «закладныхъ людей». Такимъ образомъ закладень или закладникъ—то же, что commendatus ранняго средневѣковья на западѣ Европы. Сходство увеличивается еще, во-первыхъ, тѣмъ, что и закладни, и коммендаты, «жили во льготѣ», т.-е. не платили государству налоговъ—за нихъ платили патроны ихъ, и

подчинялись по суду не государственной власти, а своимъ патронамъ, и во-вторыхъ, тѣмъ, что у насъ, какъ и въ западной Европѣ, возможна была и существовала въ дѣйствительности и земельная коммендація, отдача себя подъ покровительство сильнаго человѣка вмѣстѣ съ землей. Не трудно понять, какими тѣсными, неразрывными узами связано было закладничество съ той стадіей развитія натуральнаго хозяйства, когда земледѣліе начало постепенно возвышаться: нужда въ капиталѣ для земледѣльческаго производства и въ помощи на судѣ и въ уплатѣ податей заставляли свободныхъ людей искать себѣ покровителей, которые оказывали матеріальную поддержку не въ видѣ займа, а въ видѣ безвозратнаго пособія, которое могло даваться и не разъ, если того требовали обстоятельства.

Послѣдній, низшій слой общества вольныхъ городовъ составляли холопы, прежде называвшіеся обельными, а теперь усвоившіе наименованіе «одерноватыхъ» отъ акта передачи дерна, сопровождавшаго и символизовавшаго обращеніе свободнаго человѣка въ рабство. Акты гражданскаго права показываютъ, что одерноватые холопы отчуждались, какъ всякая движимость: продавались, закладывались, дарились, передавались по завѣщанію. Естественно, что ни о какихъ политическихъ правахъ холоповъ рѣчи быть не можетъ. Не было у нихъ и правъ вещныхъ, почему они и не несли податей, напр., не подлежали «черному бору». Но мы видѣли при изученіи холопства въ кіевской Руси, что уже тогда слабо мелькалъ зародышъ признанія личности несвободнаго человѣка. Это же и даже въ нѣсколько большей степени наблюдается и въ изучаемое время въ Новгородѣ и Псковѣ: правда, Новгородская судная грамота и договоры Новгорода съ князьями не признаютъ за холопомъ права выступать свидѣтелемъ на судѣ: «почнетъ холопъ вàдити на госпóду, вѣры ему не яти»; но свидѣтельства холопа противъ холопа же имѣетъ значеніе, по той же Новгородской судной грамотѣ; затѣмъ холопъ, какъ и свободный крестьянинъ, былъ подсуденъ государственному суду: подлежалъ проѣзжему суду князя, его людей или лицъ, откупившихъ княжескій судъ, и, подобно крестьянину, его можно было судить только въ присутствіи господина.

Сводя теперь въ одно цѣлое все сказанное о соціальномъ строѣ Новгорода и Пскова въ удѣльное время, мы получаемъ слѣдующіе общіе выводы: первой отличительной чертой устройства новгородскаго и псковскаго общества является его *сословность*, сильное юридическое расчлененіе общества; эта сословность сопровождается—далѣе—преобладаніемъ высшихъ сословій, купечества и особенно боярства, которое можно назвать въ полномъ смыслѣ слова привилегированнымъ соціальнымъ слоемъ; иными словами, общество отличается *аристократическимъ характеромъ*; при всемъ томъ, однако,—и это составляетъ третій главный выводъ—общество построено было не на принципѣ обязан-

ности, а на началѣ права; новгородскія и псковскія сословія были, вообще говоря, не крѣпостными, а *свободными*.

Предшествующее изложеніе ясно намѣтило, наконецъ, тѣсную зависимость соціальнаго строя отъ экономическихъ отношеній. Здѣсь прежде всего сказалось вліяніе относительнаго значенія разныхъ отраслей промышленности: добывающая промышленность обезпечила нарочитымъ людямъ ихъ прочное политическое положеніе въ началѣ періода и сохранила массѣ населенія политическую и гражданскую свободу; внѣшняя торговля возвысила купцовъ и, создавъ потребность въ кредитѣ и возможность прибрать землю посредствомъ скопленнаго капитала, дала соціальное господство боярству; постепенно, хотя и медленно, росшее земледѣліе создало полусвободныя состоянія. Затѣмъ можно наблюдать очень ясно выраженное воздѣйствіе распредѣленія хозяйственныхъ благъ: неравенство въ этомъ распредѣленіи еще сильнѣе подчеркнуло аристократическій складъ общественныхъ отношеній. Въ томъ же смыслѣ повліяли господствующія формы землевладѣнія, а формы хозяйства содѣйствовали сохраненію гражданской свободы личности, потому что сколько-нибудь широкое развитіе крѣпостничества и рабства не вызывалось хозяйственными потребностями времени.

Остается замѣтить, что всѣ три основныя черты соціальнаго строя вольныхъ городовъ удѣльной Руси — сословность, аристократизмъ и господство принципа права—свойственны были и тѣмъ общественнымъ союзамъ древности и средневѣковой Европы, которые имѣли такъ много общаго въ экономическомъ отношеніи съ Новгородомъ и Псковомъ: такова древняя Эллада VII и VI вѣковъ до Р. Х., когда наблюдался перевѣсъ знати, сводившійся къ привилегіямъ по занятію высшихъ должностей и по участію въ совѣтѣ (βουλή, γερουσία); таковы средневѣковыя итальянскія республики,—Генуя, Венеція, Флоренція: достаточно напомнить, что флорентійскіе Медичи были такими же всемогущими банкирами въ своемъ родномъ городѣ, какъ бояре въ Новгородѣ. Значитъ, и въ соціальномъ отношеніи древнерусскія вольныя городскія общины не были раритетомъ, исключеніемъ: изучая ихъ, мы знакомимся съ общими соціологическими законами, выражающимися одинаково въ жизни разныхъ народовъ.

Глава четвертая.

Политическій строй Новгорода и Пскова въ XIII, XIV и XV вв.

Переходя къ изученію политическаго строя Великаго Новгорода и Пскова, мы будемъ держаться слѣдующаго плана изложенія: прежде всего познакомимся съ отдѣльными политическими силами, со средствами управленія, чтобы рѣшить вопросъ, образовались ли въ вольныхъ городахъ настоящія, правильныя учрежденія съ постояннымъ

составомъ, опредѣленнымъ вѣдомствомъ и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, имъ предоставленныхъ, и выдѣлилось ли управленіе верховное и подчиненное, а въ послѣднемъ центральное и областное; затѣмъ разсмотримъ, представляли ли собою новгородское и псковское государства союзы личнаго или общественнаго господства, т.-е. имѣли ли они въ виду сознательно цѣли личнаго интереса или общаго блага; наконецъ, въ качествѣ перехода къ послѣднему, подлежащему нашему рѣшенію, вопросу — о связи политическихъ явленій съ соціальными и экономическими — будетъ изслѣдованъ ходъ борьбы политическихъ партій въ Великомъ Новгородѣ.

Главной политической силой, — по крайней мѣрѣ юридически, по закону или обычаю,—было въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльнаго періода *вѣче*. Говоря о *составѣ* вѣча, приходится въ общемъ повторить то же, что намъ извѣстно уже изъ исторіи кіевской Руси: вѣче было собраніемъ всѣхъ свободныхъ гражданъ безъ различія сословій — бояръ, житьихъ людей, купцовъ, черныхъ людей, — причемъ право рѣшающаго голоса принадлежало лишь тѣмъ, кто занималъ самостоятельное семейное положеніе, былъ главой семьи. Что не одни жители главнаго города, но и жители его волости могли присутствовать на вѣчѣ и рѣшать дѣла, какъ то было и въ кіевскій періодъ,— это всего лучше видно изъ участія въ вѣчевыхъ сходкахъ пригородянъ: такъ, въ 1136 г. псковичи и ладожане вмѣстѣ съ новгородцами изгнали на вѣчѣ князя Всеволода; въ 1270 г. въ Новгородъ на вѣче собрались ладожане, корела, ижера, псковичи; въ 1343 году въ псковскомъ вѣчѣ принимали участіе жители Изборска; въ 1384 году новгородскіе пригорожане, недовольные княземъ Патрикіемъ, собрались въ Новгородъ и подняли на этого князя полгорода. Неосновательнымъ, совершенно не имѣющимъ опоры въ источникахъ и прямо невѣроятнымъ надо признать предположеніе одного изслѣдователя, что на вѣчѣ присутствовали *выборные* отъ горожанъ: принципъ представительства былъ совершенно чуждъ вѣчевому строю. Невѣрно также мнѣніе, что духовенство не участвовало въ вѣчѣ. Это опровергается цѣлымъ рядомъ фактовъ: въ 1186 г. новгородцы на вѣчѣ выбрали архіепископа Гаврилу «и съ игумены и съ попы сдумавше»; въ 1193 г. новгородцы съ княземъ «съ игумены и съ софіяны и съ попы сдумавше изволиша Богомъ избрана Мартурія»; въ 1308 г. новгородцы всѣ «съ игумены и со всѣмъ іерейскимъ чиномъ» выбрали Давыда; въ 1324 г. «сдумавше новгородцы и игумены и попове и черньцы и весь Новгородъ, возлюбиша вси Богомъ назначенана Моисія»; тоже «игумени и попове» встрѣчаются и на вѣчѣ 1330 года при избраніи владыки Василія. Псковская судная грамота «выписана» «по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ, и священноиноковъ, и діаконовъ, и священниковъ и всего Божія священства всѣмъ Псковомъ на вѣчи».

Внѣшняя обстановка и порядокъ созыва и дѣйствія вѣчевыхъ сходокъ въ Новгородѣ и Псковѣ отличаются тѣми же чертами, какія намъ знакомы по изученію организаціи вѣча въ кіевскій періодъ. Въ Новгородѣ вѣче собиралось или на Ярославомъ дворѣ на Торговой сторонѣ, или на площади у собора св. Софіи—на Софійской сторонѣ; псковское вѣче сходилось въ мѣстности, находившейся между кромомъ (кремлемъ) и самымъ городомъ, огражденной со стороны города такъ называемой Довмонтовой стѣной. Обыкновенно сборъ на вѣчевую сходку производился посредствомъ звона въ колоколъ, называвшійся во Псковѣ «большимъ вѣчникомъ»; но иногда власти собирали вѣче, разсылая биричей и подвойскихъ кликать на улицахъ и площадяхъ. Существовала на мѣстѣ, предназначенномъ для сходки, степень—помостъ, на которомъ засѣдали власти, и съ котораго говорили ораторы. Рядомъ со степенью находилась канцелярія вѣча или вѣчевая изба, помѣщавшаяся въ Новгородѣ въ особой башнѣ, а въ Псковѣ въ сѣняхъ собора св. Троицы. Для письмоводства существовалъ въ Новгородѣ «вѣчный», т.-е. вѣчевой, дьякъ, называвшійся въ Псковѣ городскимъ дьякомъ. Въ Псковѣ въ сѣняхъ св. Троицы находился еще государственный архивъ или *ларь*, которымъ завѣдывалъ особый чиновникъ — ларникъ. Рѣшеніе постановлялось единогласно, почему при разногласіи происходили усобицы, нерѣдко кончавшіяся кровопролитіемъ. Въ Новгородѣ иногда собиралось два вѣча—одно на Ярославовомъ дворѣ, другое у св. Софіи, которыя принимали разныя рѣшенія и вступали между собой въ борьбу на «великомъ мосту» черезъ Волховъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи состава вѣча и способа рѣшенія на немъ дѣлъ перемѣнъ не наблюдается или наблюдается очень мало, такъ что съ этой точки зрѣнія вѣче было далеко отъ идеала правильноустроеннаго учрежденія.

Зато *вѣдомство* вѣча было гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ прежде. Прежде всего вѣче признавалось единственнымъ и неограниченнымъ носителемъ *законодательной* власти. Такъ, Новгородскую судную грамоту составили «бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ». Псковская судная грамота составлена «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ». Въ этомъ памятникѣ права прямо сказано: «а которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ да тая строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ нелюба будетъ господину Пскову, ино та строка вольно выписать вонъ изъ грамоты». Въ 1469 г., по лѣтописи, псковское вѣче утвердило церковные законы,—выписки изъ «Номоканона». Къ числу неотъемлемыхъ правъ вѣча вольныхъ городовъ принадлежало далѣе руководство *финансами*. Сюда принадлежало прежде всего установленіе налоговъ: новгородцы на вѣчѣ дали великому князю Василію Васильевичу «черный боръ»; здѣсь же происходили назначеніе и раскладка экстренныхъ прямыхъ сборовъ.

Затѣмъ на вѣчѣ происходило опредѣленіе монеты: извѣстное уже намъ введеніе чеканной монеты въ Новгородѣ и Псковѣ XV вѣка произошло путемъ вѣчевого рѣшенія; въ 1447 году «посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати». Далѣе *объявленіе войны и заключеніе мира и вообще договоровъ* съ иностранными державами входило также въ вѣдомство вѣча: такъ, уже договоръ съ нѣмцами 1195 года заключенъ княземъ и «всѣми новгородцы»; то же надо сказать о договорѣ съ Казимиромъ IV, относящемся къ 1440 году. Мы не будемъ теперь говорить подробно о правѣ вѣча *избирать и смѣнять должностныхъ лицъ*,—князя, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ, владыки и пр., потому что объ этомъ пойдетъ рѣчь при изученіи правительственнаго значенія этихъ лицъ; теперь достаточно констатировать наличность этого права. Наконецъ, *судъ по политическимъ и должностнымъ преступленіямъ* также входилъ въ сферу компетенціи вѣча: въ 1209 г. новгородское вѣче судило посадника Дмитра Мирошкинича, въ 1218 году князя Святослава съ Твердиславомъ, въ 1228 г. Судоміра, въ 1230 году Степана Твердиславича, въ 1318 г. Игната Бѣска, въ 1384 году князя Патрикія; въ 1484 г. въ Псковѣ вѣче судило посадниковъ, которые «грамоту новую списали и въ ларь (т.-е. въ архивъ) вложили на сѣнѣхъ съ княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ». Въ Псковѣ на вѣчѣ иногда судились и важнѣйшія уголовныя преступленія: измѣна, подлогъ, кража въ крому, конокрадство и волхвованіе. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что вѣче узурпировало себѣ всю верховную судебную власть; напротивъ,—и это заслуживаетъ особаго вниманія—и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ верховный судъ принадлежалъ не вѣчу, а особому учрежденію: въ Псковѣ «господѣ»—изъ князя, посадника и сотскихъ, а въ Новгородѣ, по Новгородской судной грамотѣ, установлено было «докладу быти во владычнѣ комнатѣ, а у докладу быти изъ конца по боярину да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ, а иному никому у докладу не быть».

Вообще такимъ образомъ вѣчевое собраніе въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси юридически являлось носителемъ верховной власти. Верховныя права вѣча не подвергались сомнѣнію и были основнымъ положеніемъ новгородскаго и псковскаго государственнаго права. О двоевластіи вѣча съ княземъ можно говорить только для времени до XIII вѣка, но потомъ у князя совершенно не остается элементовъ верховной власти.

Но если таково было юридическое положеніе новгородскаго и псковскаго вѣча, то остается еще рѣшить вопросъ о фактическомъ, дѣйствительномъ значеніи этого учрежденія. Мы не можемъ игнорировать дѣйствительное положеніе дѣлъ, должны за отвлеченными юридическими схемами разсмотрѣть конкретную, дѣйствительную жизнь

во всей ея сложности и разнообразіи. Для выясненія этой стороны дѣла необходимо обратиться къ изученію правительственнаго совѣта и княжеской власти: и тотъ и другая могли, вѣдь, и юридически, и фактически дѣлить власть съ вѣчемъ и даже совершенно подавлять послѣднее.

Новгородскій правительственный совѣтъ первоначально былъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при князѣ съ неопредѣленнымъ, непостояннымъ составомъ и неяснымъ, случайнымъ вѣдомствомъ. Чаще всего въ этотъ совѣтъ князь призывалъ, какъ то намъ извѣстно изъ исторіи кіевской Руси, княжихъ мужей и старцевъ градскихъ: такъ было въ Новгородѣ XII вѣка, напр., по церковному уставу Всеволода Мстиславича 1135 года.

Но съ XIII вѣка наблюдаются весьма важныя перемѣны въ составѣ новгородскаго правительственнаго совѣта. Прежде всего исчезаетъ прежнее непостоянство, колебаніе въ составѣ; появляется опредѣленный, неизмѣнный кругъ лицъ, засѣдающихъ въ совѣтѣ. Затѣмъ этотъ кругъ значительно отличается отъ того, который привлекался въ боярскую думу кіевскаго періода. Совѣтъ XIII вѣка и позднѣе состоялъ прежде всего изъ степенныхъ посадника и тысяцкаго и сотскихъ. Затѣмъ сюда-же входили кончанскіе старосты, т.-е. старосты городскихъ концовъ; это доказывается цѣлымъ рядомъ соображеній и наблюденій: во-первыхъ, въ совѣтѣ были сотскіе, а они—ниже кончанскихъ старостъ; во-вторыхъ по нѣмецкимъ донесеніямъ, въ началѣ XV вѣка нѣмецкое посольство обращалось не только къ архіепископу, посадникамъ, тысяцкимъ, но и къ пяти старостамъ отъ пяти концовъ; въ-третьихъ, на грамотѣ Соловецкому монастырю отъ Новгорода въ половинѣ XV в. было 8 печатей: владыки, посадника, тысяцкаго и 5 печатей отъ пяти концовъ по печати; въ четвертыхъ, наконецъ, въ 1478 г., по волѣ Ивана III, къ присяжной записи ему на подданство были приложены печати отъ пяти концовъ. Далѣе въ качествѣ совершенно новаго элемента въ совѣтѣ появились старые, т.-е. отбывшіе уже службу, посадники и тысяцкіе; ближайшимъ поводомъ къ появленію этого элемента послужилъ обычай оканчивать послѣ оставленія посадничьей должности разборъ судебныхъ дѣлъ, начатый посадникомъ во время посадничества; впрочемъ, тутъ сказались и вліяніе бывшихъ посадниковъ въ своемъ концѣ, и необходимость привлечь къ практической политической дѣятельности возможно большее число лицъ, умудренныхъ въ этомъ отношеніи опытомъ. Въ 1476 году въ Новгородѣ было 20 старыхъ посадниковъ и 5 старыхъ тысяцкихъ; значитъ, старые посадники и тысяцкіе были очень виднымъ элементомъ въ составѣ новгородскаго правительственнаго совѣта. Наконецъ, въ совѣтѣ присутствовали также биричи. Сравнивая этотъ совѣтъ съ боярской думой XII вѣка, мы наблюдаемъ исчезновеніе двухъ весьма важныхъ элементовъ этой послѣдней: нѣтъ, во-первыхъ, княжескаго

боярства, во-вторыхъ, исчезли купеческіе старосты; послѣдніе, можетъ быть, еще были въ совѣтѣ XIII столѣтія, но въ XIV были оттуда вытѣснены; недаромъ въ 1412 г. купеческіе старосты жаловались, что совѣтъ скрылъ отъ нихъ жалобы нѣмецкихъ купцовъ.

Правительственный совѣтъ вольныхъ городовъ удѣльной Руси представлялъ собою учрежденіе очень внушительное по числу членовъ: въ половинѣ XV вѣка въ немъ засѣдало до 50-ти человѣкъ; въ 1478 году новгородцы выдали московскимъ боярамъ грамоту, въ которой обязались между собою раньше всѣмъ городомъ стоять противъ великаго князя: на этой грамотѣ было 58 печатей членовъ совѣта. Иногда въ особыхъ и торжественныхъ случаяхъ въ совѣтъ вводились еще бояре отъ концовъ: такъ было, напр., при закладкахъ укрѣпленій, при встрѣчѣ и проводахъ владыки или князя, при дипломатическихъ переговорахъ и проч.

Вѣдомство правительственнаго совѣта всего лучше видно изъ отношенія его къ другимъ органамъ управленія. Что касается отношеній къ князю, то съ XIII вѣка совѣтъ оказывается совершенно независимымъ отъ него: князь былъ только предсѣдателемъ совѣта, и совѣтъ собирался у него на Городищѣ, въ загородномъ дворцѣ; насколько безсиленъ былъ князь передъ совѣтомъ, это всего лучше видно изъ одного факта конца XIII вѣка: новгородскіе сановники отняли у нѣмцевъ ихъ товары, и князь не могъ имъ помочь, несмотря на все желаніе: онъ совѣтовалъ имъ употребить силу. Отношенія совѣта къ владыкѣ или архіепископу новгородскому во многомъ напоминаютъ описанныя сейчасъ отношенія къ князю: владыка, при отсутствіи князя, является первенствующимъ членомъ совѣта, почему совѣтъ въ такомъ случаѣ собирается у владыки въ палатѣ; по житію св. Зосимы, святой жаловался владыкѣ на обиды основанному имъ монастырю, и владыка собралъ «бояръ, содержащихъ градъ», которые и дали монастырю грамоту; въ XIV вѣкѣ нѣмецкое посольство жаловалось на обиды владыкѣ, тотъ отослалъ нѣмцевъ съ приставомъ къ посаднику, а этотъ послѣдній созвалъ «господъ». Посадникъ и тысяцкій были въ своей дѣятельности подчинены совѣту, потому что совѣту принадлежало общее руководство администраціей, да и по сложности своихъ обязанностей посадникъ часто нуждался въ помощникахъ, которые назначались членами совѣта изъ своей среды: такъ, въ 1441 г. въ Псковѣ совѣтъ послалъ стараго посадника Тимоѳея ставить городъ Опочку,—степеннымъ было другое лицо, Иванъ Сидоровичъ. Иногда совѣтъ прямо вмѣшивался въ дѣятельность посадника и дѣлалъ ему предписанія: въ 1331 году совѣтъ запретилъ посаднику брать деньги отъ нѣмцевъ. Нѣмцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ апеллировали на рѣшеніе суда, находившагося подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго, къ совѣту; иногда тысяцкіе сами запрашивали совѣтъ. Совѣтъ подчинялъ себѣ и другіе органы управленія и дѣйствовалъ черезъ нихъ: такъ,

въ XV вѣкѣ св. Саввѣ Вишерскому старые посадники и тысяцкіе, т.-е. правительственный совѣтъ, пожаловали землю; по смерти Саввы, совѣтъ предоставилъ практическое осуществленіе своего рѣшенія вѣчу Славянскаго конца и старымъ посадникамъ этого конца. Остается рѣшить самый важный вопросъ,—объ отношеніяхъ боярскаго совѣта къ вѣчу. Нѣтъ сомнѣнія, что юридически совѣтъ всецѣло подчинялся вѣчу, зависѣлъ отъ него: во-первыхъ, всѣ члены совѣта попадали въ совѣтъ только въ силу избранія вѣчемъ—въ посадники, тысяцкіе, кончанскіе старосты, сотскіе, биричи; во-вторыхъ, совѣту принадлежало лишь право предварительнаго разсмотрѣнія вопросовъ, которые для окончательнаго рѣшенія передавались, по общему правилу, на вѣче: напр., при переговорахъ съ Иваномъ III въ 1478 году владыка съ властями, выслушавъ требованія великаго князя, отвѣчалъ: «скажемъ то, господине, Новугороду»; обсудивъ заявленіе иностраннаго посла, совѣтъ обыкновенно объявлялъ, что обратится къ Новгороду; въ-третьихъ, члены совѣта судились и наказывались вѣчемъ и ему были обязаны отчетомъ.

Итакъ, *юридически* совѣтъ былъ совершенно подчиненъ вѣчу, вполнѣ самостоятеленъ по отношенію къ князю и владыкѣ, хотя и не подчинялъ ихъ себѣ, и держалъ въ повиновеніи себѣ посадника, тысяцкаго и органы кончанскаго управленія. Носителемъ верховной власти совѣтъ не былъ,—она по праву принадлежала вѣчу. На долю совѣта выпадала лишь совѣщательная роль при носителѣ верховной власти. Но *фактически* вѣче подпадало весьма сильному вліянію правительственнаго совѣта. Прежде всего право предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ до внесенія въ вѣчевую сходку давало совѣту важное преимущество: совѣтъ состоялъ изъ лицъ политически-опытныхъ, связанныхъ къ тому же общими сословными и хозяйственными интересами, согласныхъ между собою: умѣлость и единство взглядовъ давали возможность членамъ совѣта подсказывать вѣчу его рѣшенія. Какъ мало значило рѣшеніе вѣча послѣ совѣтскаго постановленія,—видно изъ того, что совѣтъ, повидимому, иногда рѣшалъ даже дѣло, не доводя его до вѣча: въ началѣ XV вѣка купцы жаловались, что совѣтъ не все доводилъ до свѣдѣнія народа; въ 1478 году Иванъ III заставилъ совѣтъ безъ вѣча утвердить запись, по которой Новгородъ долженъ былъ цѣловать ему крестъ. Какъ много значилъ голосъ членовъ совѣта на вѣчѣ,—видно изъ того, что въ 1331 году совѣтъ былъ посредникомъ между вѣчемъ и нѣмцами въ ихъ ссорѣ. Причина такого фактическаго господства совѣта надъ вѣчемъ, при юридическомъ, фиктивномъ подчиненіи совѣта вѣчу, коренится въ извѣстныхъ уже намъ явленіяхъ соціально-экономической жизни Великаго Новгорода и Пскова: боярство, сословнымъ учрежденіемъ котораго является совѣтъ, сосредоточивало въ своихъ рукахъ и земельный, и денежный капиталъ; какъ земле-

владѣльцы, бояре подчиняли себѣ черныхъ людей, жившихъ въ большинствѣ на ихъ земляхъ; какъ капиталисты-банкиры, они держали въ повиновеніи купцовъ, нуждавшихся въ кредитѣ вслѣдствіе широкихъ оборотовъ внѣшней торговли. Не надо забывать, что административный навыкъ и политическая традиція были также исключительнымъ достояніемъ новгородскаго правящаго класса, и это давало ему тоже немаловажное преимущество передъ другими общественными слоями, а слѣдовательно перевѣсъ и въ управленіи. Наконецъ, правительственный совѣтъ, съ точки зрѣнія административно-технической, имѣлъ важныя преимущества передъ вѣчемъ: онъ былъ стройнымъ учрежденіемъ съ постояннымъ составомъ, опредѣленнымъ вѣдомствомъ и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, ему предоставленныхъ.

Положеніе *княжеской власти* въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ заслуживаетъ большого вниманія: съ одной стороны, ни одно учрежденіе этихъ вольныхъ городскихъ общинъ не пережило ряда такихъ измѣненій, какъ эта власть, съ другой—положеніе князя въ Новгородѣ и Псковѣ было совершенно исключительнымъ, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что можно наблюдать въ другихъ областяхъ древней Руси; болѣе того: княжеская власть здѣсь развивалась въ направленіи прямо-противоположномъ развитію власти великаго князя московскаго. Новгородскій князь первоначально былъ тѣмъ же, чѣмъ были князья въ другихъ областяхъ кіевской Руси: верховнымъ судьей и военачальникомъ; удовлетворяя двумъ основнымъ потребностямъ того времени—потребности во внѣшней защитѣ и во внутренней справедливости,—князь получалъ за это дань и судебныя пошлины отъ гражданъ, кормился на счетъ своей волости. Онъ, несомнѣнно, являлся въ то время органомъ верховной власти, дѣлилъ эту власть съ вѣчемъ. Къ этому именно времени—къ кіевскому періоду—и относится то понятіе о двоевластіи, которое нѣкоторые изслѣдователи ошибочно считаютъ своеобразной чертой государственаго строя древняго Новгорода за все время его самостоятельнаго существованія. Вѣче до конца XII вѣка дѣйствительно, не могло обходиться безъ князя или его намѣстника, функціи верховной власти парализовались за отсутствіемъ этого важнаго колеса въ этой первобытной, плохо устроенной государственной машинѣ. Вотъ почему, когда Святославъ, уходя изъ Кіева во второй разъ въ Болгарію, дѣлилъ Русскую землю между своими сыновьями, и сначала не находилось князя для Новгорода, то новгородцы сами потребовали себѣ князя и получили Владиміра, которымъ за его малолѣтствомъ долженъ былъ руководить его дядя Добрыня. Важное экономическое значеніе Новгорода, находившагося въ началѣ великаго воднаго пути изъ варягъ въ греки, обусловливало особое положеніе Новгорода по отношенію къ кіевскому князю: кіевскіе князья старались удержать за собой Новгородъ, посылая туда обыкновенно или

старшаго своего сына, или своего посадника изъ бояръ. Такъ, Ярославъ посадилъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Владиміра. По смерти послѣдняго въ Новгородѣ княжилъ оставшійся старшимъ Изяславъ Ярославичъ. Когда этотъ князь сѣлъ на кіевскомъ столѣ послѣ смерти отца, — онъ отправилъ въ Новгородъ своимъ намѣстникомъ (посадникомъ) извѣстнаго Остромира, для котораго въ 1073 г. было написано знаменитое Евангеліе, оставшееся до сихъ поръ древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ въ подлинникѣ памятникомъ русской письменности. Далѣе: когда въ Кіевѣ утвердился Святославъ Ярославичъ, прогнавшій брата Изяслава, то въ Новгородѣ посадникъ Изяслава замѣненъ былъ Святославовымъ сыномъ Глѣбомъ. Когда по смерти Святослава а потомъ Изяслава, на кіевскомъ столѣ сѣль Всеволодъ, то старшій въ родѣ послѣ него, наслѣдникъ кіевскаго стола, Святополкъ Изяславичъ сталъ княжить въ Новгородѣ. Наконецъ, во время княженія въ Кіевѣ Владиміра Мономаха Новгородомъ правилъ его старшій сынъ Мстиславъ. Этотъ рядъ фактовъ убѣдительно доказываетъ подчиненіе Новгорода кіевскому князю въ XI и начала XII вѣка, и попытки нѣкоторыхъ изслѣдователей истолковать эти факты въ смыслѣ, противоположномъ, въ смыслѣ самостоятельности Новгорода, остаются неудачными.

Первое ограниченіе княжеской власти въ Новгородѣ, по мнѣнію большинства изслѣдователей, было самоограниченіемъ Ярослава, благодарнаго новгородцамъ за услуги, ему оказанныя съ ихъ стороны; онъ, по словамъ лѣтописи, далъ новгородцамъ «грамоту и уставъ», сказавъ имъ: «по сей грамотѣ ходите и держите, яко же писахъ вамъ». Эти «грамоты Ярославли», на которыхъ потомъ должны были цѣловать Новгороду крестъ всѣ князья, къ сожалѣнію, до насъ не дошли, и даже въ самой лѣтописи, изъ которой взяты только что приведенныя слова Ярослава, вслѣдъ за ними помѣщены не эти грамоты, а пространная редакція «Русской Правды», текстъ которой, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія. Содержаніе Ярославовыхъ грамотъ остается такимъ образомъ загадкой, которую изслѣдователи исторіи Новгорода и пытались разгадать на основаніи косвенныхъ данныхъ. Одни полагали, что Ярославовы грамоты обезпечивали Новгороду самостоятельность, именно, во-первыхъ, право самоуправленія и самосуда, во-вторыхъ, свободу отъ дани кіевскому князю, платившейся раньше, по лѣтописи, въ размѣрѣ 2.000 гривенъ въ годъ. Это мнѣніе опирается на мало-подходящее къ данному случаю основаніе,—на тѣ черты позднѣйшихъ договоровъ Новгорода съ князьями, которыя являются общими всѣмъ этимъ договорамъ: основное ядро договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями будто бы и служило содержаніемъ Ярославовыхъ грамотъ. Самоуправленіе и самосудъ — это, очевидно, право новгородцевъ выбирать посадника и предоставленіе послѣднему власти, самостоятельной по отношенію къ князю. Но справедливо

замѣчено, что никакой перемѣны въ пользу такихъ порядковъ мы не наблюдаемъ въ Новгородѣ ни при Ярославѣ, ни послѣ него въ XI и началѣ XII вѣка. Поэтому, чтобы составить надлежащее понятіе о содержаніи Ярославовыхъ грамотъ, разбираютъ всѣ отдѣльные случаи, когда онѣ упоминаются въ лѣтописяхъ. Въ 1228 г. новгородцы поссорились съ княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ изъ-за того, что онъ поступилъ не по грамотамъ Ярославовымъ. Въ чемъ-же заключалось нарушеніе грамотъ княземъ? Въ томъ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, что онъ наложилъ новую пошлину и посылалъ судей по волостямъ. На слѣдующій годъ въ Новгородъ прибылъ новый князь и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ; первымъ его распоряженіемъ была финансовая мѣра: онъ далъ смердамъ свободу отъ дани на 5 лѣтъ. Въ 1339 г. великій князь московскій Иванъ Даниловичъ Калита прислалъ требовать отъ новгородцевъ «ханскаго запроса» т.-е. татарской дани; новгородцы отвѣчали: «того у насъ не бывало отъ начала міра, и ты, князь цѣловалъ крестъ Новгороду по старой пошлинѣ (т.-е. обычаю) и по Ярославовымъ грамотамъ». Изъ всего этого видно, что Ярославовы грамоты имѣли чисто финансовое содержаніе, давали новгородцамъ льготы въ платежахъ, не то, что ограничивали, а регулировали княжескіе поборы и отмѣнили развѣ только кіевскую дань. Придавать имъ большее значеніе мы не имѣемъ права. Да и было бы вообще странно рисовать себѣ картину происхожденія самостоятельныхъ политическихъ правъ новгородцевъ, ограничивавшихъ власть князя, на фонѣ сентиментальной благодарности Ярослава, добровольно отказавшагося будто бы отъ верховныхъ правъ. Несомнѣнно, и финансовыя уступки были слѣдствіемъ договора Ярослава съ новгородцами, договора,—на который Ярославъ былъ вынужденъ согласиться вслѣдствіе своего труднаго положенія во время борьбы со старшимъ братомъ и отказаться отъ котораго впослѣдствіи этотъ князь, не даромъ прозванный Мудрымъ, не считалъ благоразумнымъ.

Изслѣдователи обыкновенно думаютъ, что въ 1126 г. введено было серьезное ограниченіе княжеской власти: посадникъ, до тѣхъ поръ всегда назначавшійся княземъ, сталъ выбираться на вѣчѣ. Но лѣтопись говоритъ о выборѣ Мирослава въ 1126 г., не придавая этому особаго значенія, какъ о явленіи обычномъ; притомъ же есть слѣды существованія еще во второмъ десятилѣтіи XII вѣка въ Новгородѣ одновременно двухъ посадниковъ: одинъ, несомнѣнно, назначался княземъ, другой ужъ тогда могъ быть выборнымъ. Какъ бы то ни было, когда бы посадникъ ни сталъ выборнымъ, понятно само собой, что этотъ его выборный характеръ сдѣлалъ его независимымъ отъ князя и тѣмъ ограничилъ княжескую власть.

Дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи сдѣланы были въ княженіе Всеволода Мстиславича, приблизительно въ 1135 г. Прежде

всего Всеволодъ отказался отъ права торговаго суда, который сосредоточился теперь въ рукахъ пяти старостъ иванскаго купечества,—трехъ отъ житьихъ людей и двухъ отъ купцовъ,—подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго; князь удовольствовался полученіемъ опредѣленной денежной суммы,—25-ти гривенъ серебра. До насъ, какъ извѣстно, дошелъ и текстъ документа, внесшаго также важное ограниченіе княжеской власти; это уже упоминавшаяся нами неоднократно уставная грамота церкви св. Ивана на Опокахъ. Но еще важнѣе другой новый фактъ, случившійся также въ княженіе Всеволода: этотъ князь былъ изгнанъ новгородцами, и фактъ изгнанія создалъ прецедентъ, окончательно лишившій новгородскаго князя верховной власти. Этимъ фактомъ вѣче было поставлено выше князя, вѣчу стало потомъ принадлежать право выбора и изгнанія князей, оно сдѣлалось такимъ образомъ постепенно единственнымъ носителемъ суверенитета.

Тѣмъ не менѣе за княземъ въ теченіе всего XII вѣка оставались еще важныя права: право проѣзжаго суда, т.-е. рѣшенія всѣхъ судебныхъ дѣлъ при объѣздѣ волости помимо всѣхъ областныхъ судей и безъ всякихъ ограниченій—на основаніи презумпціи, что князь—единственный самостоятельный органъ судебной власти; затѣмъ обширныя финансовыя права: право совершать два раза въ годъ—весной и осенью—поѣздки въ новгородскую область на полюдье, сбирать дары на себя, и право получать опредѣленную денежную сумму съ иностранныхъ купеческихъ каравановъ, прибывавшихъ въ Новгородъ.

Въ такомъ положеніи перешла власть новгородскаго князя въ XIII вѣкъ. Но процессъ ея ограниченія, разъ начавшись, уже не могъ остановиться: въ XIII вѣкѣ князь теряетъ право и проѣзжаго суда, и полюдья, и сборовъ съ иностранныхъ купцовъ. Постепенно входитъ въ обычай, чтобы князь отдавалъ на откупъ свои сборы и свой судъ, т.-е. за опредѣленную сумму отказывался отъ того и другого въ пользу Новгорода, а Новгородъ уже отъ себя отдавалъ на откупъ эти статьи дохода кому-либо изъ желавшихъ ихъ эксплуатировать въ свою пользу. Тамъ, гдѣ право полюдья сохранилось,—именно въ Заволочьѣ или Двинской землѣ,—оно было обставлено теперь особыми условіями: было опредѣлено количество лицъ, сопровождавшихъ князя, а также характеръ и направленіе пути: князь долженъ былъ ѣздить лишь на двухъ насадахъ (лодкахъ) и въ обѣ стороны черезъ Новгородъ. Наконецъ, въ 1218 г. встрѣчаемъ лѣтописное извѣстіе, что новгородскіе князья присягали не лишать должности выборныхъ новгородскихъ сановниковъ безъ суда и вины. Въ этомъ году князь заявилъ, что онъ безъ вины смѣняетъ посадника Твердислава. Вѣче на это отвѣтило: «княже, оже нѣту вины его, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тебѣ ся кланяемъ. а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ».

Изъ всего сказаннаго о перемѣнахъ, пережитыхъ княжескою властью

въ Новгородѣ въ теченіе XII и XIII вѣковъ, можно сдѣлать тотъ важный выводъ, что ограниченія княжеской власти произошли постепенно, главнымъ образомъ путемъ прецедентовъ и отдѣльныхъ уступокъ. Не одна какая-нибудь рѣзкая катастрофа, а длинный рядъ мелкихъ измѣненій и частныхъ отступленій создалъ положеніе князя въ болѣе позднее время, во второй половинѣ XIII и въ XIV вѣкѣ. Это положеніе характеризуется началомъ *договора*. До насъ дошелъ цѣлый рядъ договоровъ Новгорода съ князьями конца XII, XIV и XV вѣковъ. Руководясь ими, можно составить себѣ ясную и полную картину отношеній между княземъ и другими органами управленія въ Великомъ Новгородѣ. Къ изображенію этихъ отношеній мы теперь и переходимъ.

Изучая договоры XII и XIV вѣковъ, не трудно придти къ заключенію о той неподвижности, какой достигла въ это время княжеская власть въ Новгородѣ и которую она сохраняла за весь этотъ періодъ. Очевидно, власть князя вошла въ рамки новгородскаго строя, приспособилась къ нему, и дальше идти по пути приспособленія было некуда. Это одинаково ясно, будемъ ли мы обращать вниманіе на административное, судебное или финансовое вѣдомство князя.

Въ административномъ отношеніи князь прежде всего обязывался держать новгородскія волости не своими, а новгородскими мужами. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила является право князя назначать своего тіуна въ одной половинѣ Торжка и Волока Ламскаго. Это условіе часто спеціализируется въ договорахъ по отношенію къ отдѣльнымъ новгородскимъ областямъ; напр.: «а за Волокъ (т.-е. въ Заволочье, Двинскую землю) ти, княже, своего мужа не слати, слати новгородца», причемъ иногда прибавляется: «а тобѣ серебро емати»; или: «въ Вологдѣ тіуна не держати». Иногда то же обязательство держать новгородскія области новгородскими мужами осложняется еще оговоркой: «продаяти ти дань своя новгородцу». Очень часто встрѣчаемъ важную прибавку: «какъ пошло по новгородской пошлинѣ», т.-е. по обычаю. Второе условіе, ограничивавшее административную власть князя, состояло въ томъ, что онъ обязывался безъ вины мужа волости не лишать. Это условіе еще больше связывало князя, чѣмъ первое: понятіе вины—относительно, и каждый можетъ толковать его по своему; но не князю принадлежало право судить о томъ, была ли вина у того или иного должностнаго лица: это было дѣломъ вѣча, какъ о томъ убѣдительно свидѣтельствуетъ извѣстная уже намъ исторія несогласій князя Святослава съ посадникомъ Твердиславомъ въ 1218 г. Но князь XII и XIV вѣковъ не только обязанъ былъ раздавать волости въ управленіе новгородцамъ и не могъ смѣнять должностныхъ лицъ безъ признанія вины ихъ вѣчемъ,—онъ былъ стѣсненъ въ выборѣ и изъ числа новгородцевъ, не могъ единоличной своей властью назначить того, кого хотѣлъ: во всѣ договоры внесено усло-

віе—«безъ посадниковъ тебѣ, князь, волостей не раздавать и грамотъ не давать». Здѣсь посадникъ поставленъ на одну ступень съ княземъ: оба—выборные органы вѣча, не болѣе, не могутъ другъ другу ничего предписывать, а должны дѣйствовать по обоюдному согласію, уравновѣшивать другъ друга. Наконецъ, четвертое условіе, относящееся къ дѣйствіямъ князя въ порядкѣ управленія, формулировалось такъ: «безъ новгородскаго слова войны не замышляти»; только вѣче могло объявить войну, князь является лишь его послушнымъ орудіемъ. Изъ всего этого видно, что самостоятельная административная дѣятельность князя была парализована, элементовъ верховной власти у него въ этомъ отношеніи уже не оставалось, онъ былъ исполнительнымъ, подчиненнымъ органомъ и притомъ съ довольно узкой компетенціей и съ равноправнымъ конкурентомъ въ лицѣ посадника.

Къ тому же результату приводятъ наблюденія надъ *судебной* властью князя: основное условіе здѣсь — «безъ посадника суда не судить»; участіе посадника было непремѣннымъ условіемъ законности княжескаго суда. Конечно, оно стѣсняло судейское усмотрѣніе князя, обезпечивало и на судѣ сохраненіе новгородской «пошлины», тѣхъ юридическихъ обычаевъ, которые впослѣдствіи нашли себѣ выраженіе въ такихъ памятникахъ, какъ Новгородская и Псковская судныя грамоты. Отсюда же, изъ необходимости участія посадника въ княжескомъ судѣ, вытекало и другое условіе, вносившееся въ договоры Новгорода съ «низовскими» или сѣверо-восточными князьями областей бассейна Волги и Оки съ ихъ притоками, когда эти князья признавались новгородскими князьями: «а на Низу, княже, новгородца не судити, ни даней ти раздавати, ни приставовъ въ Новгородскую землю съ Низу не всылати». Далѣе: если судъ совершился при соблюденіи этихъ основныхъ законныхъ условій, т.-е. въ Новгородѣ и съ участіемъ посадника, то князь долженъ былъ уважать chose jugée, не могъ отмѣнить прежній приговоръ: «а грамотъ ти, княже, не посуживати». У князя оставалось еще иногда право чинить проѣзжій судъ, т.-е. судить областныхъ жителей, объѣзжая волости или посылая своихъ судей. Но и въ этомъ отношеніи судебная власть князя, по договорамъ, подверглась крайнему стѣсненію: во-первыхъ, точно опредѣленъ былъ одинъ срокъ въ году для такого суда: «а куда пошло судіи твоему ѣздити по волости, ѣхати имъ межень по Петровѣ дни»; или: «а судье сласти на Петровъ день, тако пошло»; во-вторыхъ, подобно тому, какъ самъ князь въ Новгородѣ не могъ судить безъ посадника, такъ и его судьи въ новгородской области не могли судить безъ землевладѣльцевъ: старосты, холопа, рабы, половника «безъ господаря твоимъ судіямъ не судити». Опять-таки въ глазахъ новгородцевъ такое присутствіе на судѣ господаря-землевладѣльца обезпечивало безпристрастіе судей и юридическую обоснованность судебнаго рѣшенія. Наконецъ, въ-третьихъ, и тутъ выговаривалось слѣдующее

требованіе: «а за рубежъ изъ Новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити, ни судити»: внѣ Новгородской области княжескіе судьи не могли судить никого, такъ какъ этимъ нарушилось бы основное правило о присутствіи на судѣ господаря подсудимаго, и уничтожилось бы самое понятіе о новгородской автономіи. Потомъ проѣзжій судъ и совсѣмъ сталъ отдаваться на откупъ.

Всего больше князья должны были дорожить, разумѣется, своими финансовыми правами, доходами, которые они получали съ Новгорода и его владѣній. Новгородцы, конечно, не могли отказать князю въ доходахъ, такъ какъ не могли обойтись безъ князя. Но они постарались возможно болѣе ограничить и здѣсь княжескую власть. Князь сохранилъ право получать даръ съ новгородскихъ волостей. Онъ сохранялъ также и право охоты въ Русѣ и на 60 верстъ вокругъ Новгорода, но не далѣе. Въ Ладогу князь посылалъ своихъ осетрника и медовара, имѣя право тамъ ловить на себя рыбу и варить медъ. Затѣмъ онъ могъ торговать съ иноземными купцами, однако, не иначе, какъ черезъ посредство новгородскихъ купцовъ, желавшихъ, очевидно, монополизировать всю торговлю въ своихъ рукахъ. Княжескіе дворяне и тіуны имѣли право брать во время проѣзда по Новгородской землѣ «погонъ» и «повозы» только въ размѣрахъ, установленныхъ обычаемъ. Къ условіямъ, ограничивающимъ финансовыя права князя и его слугъ, слѣдуетъ еще причислить обязательство князя и его бояръ и дворянъ не пріобрѣтать селъ, слободъ, холоповъ и закладней въ Новгородской землѣ. Если бы это условіе не вносилось въ договоры съ князьями, то князь, особенно, если онъ былъ богатъ, легко могъ бы сдѣлаться крупнымъ новгородскимъ землевладѣльцемъ, путемъ имущественныхъ, владѣльческихъ отношеній привязать къ себѣ значительную часть населенія своихъ вотчинъ и такимъ образомъ усилить свою власть. Совершенно естественно поэтому стремленіе новгородцевъ связать князя и въ этомъ отношеніи. Новгородъ предоставлялъ князю пользоваться только такъ называемыми «княжчинами», т.-е. имѣніями, спеціально назначенными въ пользованіе князю.

Представленный очеркъ административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ правъ новгородскаго князя въ XIII и XIV вѣкахъ, по договорамъ князей съ Новгородомъ, свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ отношеніяхъ князь утратилъ тѣ прерогативы, которыя давали ему прежде право на участіе въ верховной власти. Изъ обладателя этой власти, только дѣлившаго ее съ вѣчемъ, князь сдѣлался простымъ наемнымъ новгородскимъ слугой. Онъ необходимъ былъ въ Новгородѣ лишь въ качествѣ военачальника, защитника отъ внѣшнихъ враговъ. Право предводительствовать надъ новгородскимъ войскомъ—вотъ что сохранилъ князь неприкосновеннымъ изъ старины, да и тутъ его нерѣдко сопровождалъ посадникъ. Притомъ же это право было скорѣе обязанностью, видомъ службы князя Новгороду, его повинностью, за

исполненіе которой Новгородъ и поступался въ пользу князя нѣкоторыми доходами.

Таково же было положеніе и псковскаго князя. Князь въ Псковѣ былъ простой слуга вѣча, судилъ лишь съ участіемъ госпо́ды, получалъ довольно ограниченные доходы, слагавшіеся изъ дани со смердовъ и судебныхъ пошлинъ, назначался вѣчемъ въ посольства для переговоровъ съ иностранными державами и, наконецъ, обязанъ былъ начальствовать надъ войскомъ и руководить военными операціями. Псковскій лѣтописецъ XV вѣка очень удачно называетъ его «воеводою, княземъ кормленымъ, о которомъ было псковичамъ стояти и боронитися».

Но таково было положеніе княжеской власти въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода лишь до тѣхъ поръ, пока московскіе великіе князья, усилившись благодаря успѣхамъ въ процессѣ собиранія Руси, не сдѣлались, по общему правилу, и князьями Новгорода и Пскова. Когда это случилось, положеніе княжеской власти въ вольныхъ городахъ существенно измѣнилось. Однимъ изъ основныхъ политическихъ правъ вѣча было, какъ извѣстно, право свободнаго выбора князя. Вѣче не было въ этомъ отношеніи ничѣмъ ограничено, не было стѣснено никакими условіями. Но на дѣлѣ княжескій столъ въ Новгородѣ занималъ обыкновенно такой князь, выборъ котораго сулилъ Новгороду особенно много выгодъ. Такимъ княземъ былъ, конечно, великій князь всея Руси, потому что онъ былъ самымъ сильнымъ русскимъ княземъ и, опираясь на татаръ, имѣлъ возможность причинить своимъ врагамъ много вреда. Въ интересахъ новгородцевъ было не ссориться съ такимъ могущественнымъ лицомъ, которое было въ состояніи нанести труднопоправимый вредъ ихъ коммерческимъ предпріятіямъ и всего лучше могло защитить отъ внѣшнихъ нападеній и даже отъ татарскихъ покушеній. Вотъ почему довольно рано у новгородцевъ вошло въ обычай выбирать своимъ княземъ того, кто занималъ великокняжескій столъ всея Руси. Еще въ третьемъ договорѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, заключенномъ въ 1307 — 1308 г., находимъ условіе, что Михаилъ будетъ княземъ въ Новгородѣ только въ томъ случаѣ, если будетъ утвержденъ въ Ордѣ, какъ великій князь. Вотъ почему, когда возвысились московскіе князья и стали неизмѣнными обладателями великокняжескаго стола, то и князь въ Новгородѣ сталъ всегда великій князь московскій. Чувствуя свою силу, московскіе великіе князья стали вносить въ договоры свои съ Новгородомъ условія, прежде небывалыя. Этихъ условій въ XV вѣкѣ было три: одно касалось внѣшнихъ сношеній, другое отношеній новгородскаго владыки къ митрополиту московскому, третье — суда.

Въ договорахъ великаго князя Ивана III и его сына Ивана съ Новгородомъ 1471 года всѣ эти условія формулированы весьма ясно и точно, къ большой невыгодѣ для Новгорода. «Быти намъ отъ васъ,

великихъ князей, неотступнымъ ни къ кому»; это первое условіе спеціализируется еще оговоркой, что новгородцы обязуются не признавать власти польскаго короля и не принимать къ себѣ князей Ивана можайскаго, Ивана Шемячича, Василія Ярославича, бѣжавшихъ въ то время въ Литву. Изложенное обязательство новгородцевъ включено было въ договоръ, очевидно, подъ вліяніемъ недавней попытки ихъ отдаться подъ власть Казимира. Такое же практическое происхожденіе нужно приписать и второму условію: владыку избирать по старинѣ, а посвящается владыка митрополитомъ въ Москвѣ, причемъ великій князь и митрополитъ имѣютъ право брать съ владыки пошлины по старинѣ. Это второе обязательство—слѣдствіе попытки новгородцевъ въ XIV в. добиться церковной самостоятельности, автокефальности; мы еще будемъ имѣть случай познакомиться ближе съ этой попыткой. Было внесено, наконецъ, и условіе о судѣ, точнѣе—нѣсколько условій: во-первыхъ, въ договорѣ 1471 г. читаемъ: «повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ,—отъ великихъ князей боярин судьею, а отъ Великаго Новгорода боярин; судити имъ князей великихъ человѣка съ новгородцемъ, а судити имъ, какъ право, по крестному цѣлованію». Это, очевидно, такъ называемый «смѣстный» судъ, т.-е. судъ между людьми разныхъ юрисдикцій; второе судебное обязательство новгородцевъ—суда у великихъ князей намѣстниковъ не отнимать и «вѣчнымъ грамотамъ не быти», т.-е. вѣче не имѣетъ права узурпировать судебную власть великокняжескаго намѣстника; наконецъ, третье условіе, относящееся къ суду,—«а сотскимъ и рядовичамъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ». Сотскіе судили, какъ увидимъ въ свое время, въ сотняхъ, топографическихъ дѣленіяхъ Новгорода какъ города, а рядовичи судили въ рядкахъ. Очевидно, раньше судебный иммунитетъ сотенъ и рядковъ былъ явленіемъ безспорнымъ. Теперь онъ былъ уничтоженъ.

Таковы были особенныя условія, выговоренныя Иваномъ III у Новгорода во второй половинѣ XV вѣка. Не трудно видѣть, что всѣ эти условія во многомъ возвращали новгородскому князю, какимъ былъ въ это время великій князь московскій, положеніе государя, участника верховной власти, если не ея исключительнаго обладателя. Нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ по этой дорогѣ, и Новгородъ, какъ государь, какъ самостоятельная вольная община, долженъ былъ прекратить свое существованіе.

Мы познакомились такимъ образомъ съ тремя основными моментами въ развитіи власти новгородскаго князя: сначала онъ былъ военнымъ охранителемъ и судебнымъ посредникомъ, за что́ и получалъ кормъ отъ Новгорода; потомъ онъ сталъ просто наемнымъ военачальникомъ, ограниченнымъ въ своей власти и въ военномъ отношеніи и почти безъ всякаго вліянія на остальныя отрасли управленія, во всякомъ случаѣ безъ доли въ верховной власти; наконецъ, въ XV в.

князь снова усиливается. Чтобы заключить рѣчь о князѣ, надо познакомиться съ положеніемъ особаго рода князей въ Новгородѣ, такъ называемыхъ служебныхъ князей. Знакомство съ ними покажетъ намъ, куда пришла бы въ конечномъ результатѣ княжеская власть въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, если бы ея развитіе было предоставлено ея естественному теченію, безъ воздѣйствія на это развитіе элементовъ постороннихъ въ родѣ московскаго вліянія.

Въ періодъ своего расцвѣта Новгородъ, кромѣ главнаго князя, сидѣвшаго въ столицѣ, принималъ къ себѣ на службу еще другихъ, выходцевъ изъ сѣверо-восточной и западной Руси. Таковы были, напр., западно-русскій князь Патрикій Норимунтовичъ, внукъ Гедимина, Юрій Святославичъ смоленскій и другіе. Положеніе этихъ князей характеризовалось тѣмъ, что очень рѣдко достояніемъ ихъ былъ судъ, большею же частью они призывались лишь для военной защиты, а для гражданскаго управленія существовали въ областяхъ, отданныхъ въ кормленіе служебнымъ князьямъ, посадники, назначавшіеся изъ Новгорода. Князь обыкновенно получалъ въ кормленіе одинъ или два новгородскихъ пригорода, но иногда и больше: Юрій Святославичъ въ 1404 г. получилъ цѣлыхъ 13. Служебный князь получалъ въ награду за военную защиту области коробейщину, т.-е. хлѣбъ натурой, и деньги и подлежалъ суду и наказанію новгородскаго вѣча, которое было высшей инстанціей для жителей подчиненныхъ такому князю пригородовъ. Выражаясь позднѣйшимъ московскимъ языкомъ, можно сказать, что служебный князь былъ служилымъ человѣкомъ Великаго Новгорода, обязаннымъ военной службой за временное пользованіе землей и получавшимъ за это жалованье—денежное и хлѣбное, точь-въ-точь какъ позднѣйшіе московскіе помѣщики. Сходство увеличивается еще тѣмъ, что это временное владѣніе было очень непрочнымъ: верховный распорядитель земли—вѣче, какъ въ Москвѣ государь, могло всегда взять обратно данное въ пользованіе владѣніе, не особенно стѣсняясь мотивами такого поступка. Наконецъ, какъ помѣщики въ Московской Руси разоряли свои земли, такъ и служебные князья были бичомъ для своихъ областей: и тѣ и другіе знали о временномъ и условномъ характерѣ своего владѣнія и, со дня на день ожидая лишенія того, чѣмъ пользовались, спѣшили нагрѣть себѣ руки, насколько то было возможно.

Не рискуя впасть въ ошибку, можно утверждать, что, если бы новгородскій строй шелъ въ своемъ развитіи все время по тому направленію, которое окончательно установилось съ половины XIII в., т.-е. если бы онъ не встрѣтился и не столкнулся съ Москвой,—князь въ Новгородѣ сдѣлался бы именно такимъ служилымъ помѣщикомъ, къ положенію котораго онъ и такъ уже былъ очень близокъ во второй половинѣ XIII и во все теченіе XIV вѣка.

Уяснивъ себѣ значеніе и взаимныя отношенія трехъ основныхъ политическихъ силъ, существовавшихъ въ вольныхъ городскихъ общи-

нахъ удѣльной Руси,—вѣча, правительственнаго совѣта и князя,—мы должны теперь перейти къ органамъ выборной администраціи. Важнѣйшимъ изъ этихъ органовъ былъ посадникъ,—одинъ въ Новгородѣ и два въ Псковѣ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время. Посадники выбирались вѣчемъ непремѣнно изъ бояръ и притомъ на неопредѣленный срокъ,—до тѣхъ поръ, пока не нарушалось довѣріе къ нимъ вѣча. Это дѣлало, конечно, посадничью должность очень чуткой къ перипетіямъ политической борьбы, производило весьма частую смѣну посадниковъ. Такая частая смѣна, вѣроятно, и ввела француза Лянну, бывшаго въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ, въ ошибку: онъ увѣряетъ, что новгородскій посадникъ выбирался на годъ. По лѣтописямъ видно, что посадники оставались въ должности и по нѣсколько мѣсяцевъ, и по году, и по два, и даже иногда очень долго: такъ, Мирошка Нездиничъ былъ посадникомъ съ 1189 по 1203 г., а Степанъ Твердиславичъ въ половинѣ XIII вѣка посадничалъ 13 лѣтъ. Но причина замѣны одного посадника другимъ коренилась не всегда въ борьбѣ политическихъ партій и въ побѣдѣ одной изъ нихъ надъ другою: иногда одинъ боярин уступалъ посадничество другому, принадлежавшему къ той же партіи, по совершенно особому поводу, именно потому, что этотъ послѣдній былъ старше его въ извѣстной партіи, старше не по возрасту, а, такъ сказать, по наслѣдственному служебному положенію или «по отечеству», какъ слѣдовало бы выразиться на московскомъ мѣстническомъ языкѣ. Такъ, въ 1211 г. Твердиславъ Михалковичъ уступилъ посадничество Дмитру Якуничу «старѣйшему себя», потому что отецъ Дмитра Якунъ былъ посадникомъ гораздо раньше, нежели отецъ Твердислава Михалко.

По своей компетенціи посадникъ былъ чисто исполнительнымъ органомъ вѣча и совѣта. Посадникъ прежде всего былъ представителемъ народной воли и власти во всѣхъ судебныхъ, административныхъ и военныхъ дѣйствіяхъ князя: во всѣхъ договорахъ съ князьями встрѣчаемъ условіе, которымъ князь обязывался не чинить суда безъ посадника; посадникъ же участвовалъ и въ назначеніи княземъ областныхъ правителей изъ числа новгородскихъ бояръ; нерѣдко также посадникъ сопровождалъ князя въ военныхъ походахъ. Итакъ, первая отрасль вѣдѣнія посадника заключалась въ его ограничительной дѣятельности по отношенію къ князю, въ чемъ-то подобномъ римской intercessio, свойственной каждому изъ двухъ консуловъ. Но вѣдомство посадника было шире этой сферы дѣятельности совмѣстной съ княземъ: посаднику принадлежало еще право предсѣдательствовать на вѣчѣ, гдѣ онъ помѣщался на вѣчевой степени, отчего и именовался степеннымъ посадникомъ въ отличіе отъ посадниковъ старыхъ, уже отбывшихъ свой чередъ исправленія этой важной должности. Кромѣ того посадникъ былъ непремѣннымъ членомъ правительственнаго совѣта и распоряжался о его созывѣ. Руководящее участіе въ высшихъ нов-

городскихъ учрежденіяхъ—вѣчѣ и совѣтѣ—является, слѣдовательно, второй отраслью компетенціи посадника. Наконецъ, была еще третья сфера, въ которой посадникъ имѣлъ первостепенное значеніе,—сфера военныхъ и дипломатическихъ дѣлъ. Когда князя въ Новгородѣ или Псковѣ не было, посадникъ усваивалъ себѣ княжеское право предводительствовать войскомъ: такъ въ 1167 г. Якунъ отправился походомъ на Русу, гдѣ засѣлъ враждебный Новгороду князь Святославъ; въ 1169 г. тотъ же Якунъ защищалъ Новгородъ отъ нашествія полчищъ, посланныхъ Андреемъ Боголюбскимъ; въ 1270 г. Павша предводительствовалъ войскомъ, отправленнымъ противъ Ярослава Ярославича тверского. Это—примѣры военной власти посадниковъ, а вотъ нѣсколько случаевъ, когда посадники ставились во главѣ посольствъ: въ 1215 г. для призыва князя были посланы посадникъ, тысяцкій и 10 старѣйшихъ купцовъ; въ переговорахъ 1471 года съ Иваномъ III степенный посадникъ также игралъ видную роль.

Нѣсколько ниже посадника стоялъ другой органъ новгородской выборной администраціи, *тысяцкій*. Въ Псковѣ ему соотвѣтствовалъ, вѣроятно, другой посадникъ. Тысяцкій выбирался вѣчемъ изъ бояръ и на такой же неопредѣленный срокъ, какъ и посадникъ. Подобно посаднику, тысяцкій участвовалъ въ вѣчѣ и въ правительственномъ совѣтѣ и, какъ видно изъ только что приведеннаго свидѣтельства лѣтописи о посольствѣ 1215 г., тысяцкіе играли роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ Новгорода съ князьями и сосѣдями. Но у тысяцкаго были и свои спеціальныя обязанности, весьма притомъ важныя: прежде всего тысяцкій, какъ это намъ извѣстно уже изъ исторіи кіевской Руси, были начальникомъ тысячи, т.-е. новгородскаго городского военнаго ополченія. Когда начиналась война, общее предводительство войскомъ принадлежало новгородскому князю, при которомъ находился и посадникъ, за отсутствіемъ князя самъ становившійся главнокомандующимъ; князь же сохранялъ за собой и право непосреднаго предводительства своей дружиной. Второй элементъ новгородскаго войска составлялъ владычень стягъ или полкъ, находившійся подъ начальствомъ подчиненнаго главнокомандующему—князю или посаднику—владычня боярина. Третьимъ элементомъ было новгородское народное ополченіе, которымъ руководилъ тысяцкій, подчиненный также, разумѣется, главному начальнику арміи. Еще важнѣе были судебныя обязанности тысяцкаго, начало развитія которыхъ относится ко второй четверти XII вѣка, а завершилось это развитіе во второй половинѣ XIII столѣтія. Въ 1135 г. новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ, какъ намъ уже извѣстно, былъ вынужденъ уступить Новгороду право торговаго суда; судъ по торговымъ дѣламъ былъ переданъ общинѣ купцовъ, учрежденной при церкви св. Ивана на Опокахъ; коммерческія тяжбы стали разбираться коллегіей изъ трехъ старостъ отъ житьихъ людей, двухъ отъ купцовъ и предсѣдателя-тысяц-

каго, который, по словамъ грамоты, являлся представителемъ черныхъ людей,—разумѣется, въ томъ смыслѣ, что выбирался вѣчемъ, а не сословной группой, какъ житьи и купеческіе старосты. По договору 1270 г. между Новгородомъ и ганзейскими городами, тысяцкій сдѣлался предсѣдателемъ суда, разбиравшаго всѣ дѣла безъ различія между новгородцами и нѣмецкимъ купечествомъ; въ этомъ судѣ подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго засѣдали новгородскіе купеческіе старосты и два нѣмецкихъ альдермена.

За исполненіе судебныхъ функцій посадникъ и тысяцкій получали судебныя пошлины, но, кромѣ того, существовалъ еще особый прямой сборъ въ пользу этихъ органовъ новгородской выборной администраціи, налагавшійся на все черное населеніе новгородскихъ областей. Сборъ этотъ носилъ названіе поральской бѣлки или поралья посаднича и тысяцкаго. По нѣкоторымъ актамъ, онъ равнялся 1 алтыну съ сохи.

Великій Новгородъ, какъ извѣстно, дѣлился на двѣ стороны,—Софійскую по лѣвому берегу Волхова и Торговую по правому его берегу. На Софійской сторонѣ было три конца: Неревскій, Загородный и Людинъ или Гончарскій, на Торговой два конца: Плотницкій и Славянскій. Концы дѣлились на сотни, а сотни на улицы. Такое же дѣленіе на концы, сотни и улицы существовало и въ Псковѣ. Что такое были конецъ, сотня и улица? Представляли ли они изъ себя простыя топографическія дѣленія или въ основу ихъ положена была юридическая связь? Всѣ изслѣдователи признаютъ несомнѣнной юридическую связь, и нельзя не признать этой связи, потому что факты слишкомъ громко говорятъ за ея существованіе. Разногласіе начинается лишь при опредѣленіи основы этой юридической связи: по мнѣнію однихъ, въ основѣ концовъ лежало кровное начало, единство происхожденія; другіе приписываютъ концамъ и улицамъ политическое происхожденіе; по взгляду третьихъ, это—хозяйственные организмы. Совершенно несостоятельнымъ надо признать второе мнѣніе, потому что оно сводится къ мысли, будто концы были созданы правительствомъ путемъ введенія круговой поруки для доставленія преступниковъ на судъ, а мы уже видѣли въ исторіи кіевской Руси, насколько невѣроятнымъ представляется такое предположеніе по отношенію къ верви. То же приходится повторить и въ данномъ случаѣ. Что касается кровной связи, то, если можно и даже должно предполагать ея наличность въ древнѣйшее время, то во всякомъ случаѣ не приходится распространять это предположеніе на время съ XIII вѣка. Въ столь позднюю эпоху первоначальная кровная основа, несомнѣнно, осложнилась уже другими примѣсями, между которыми главное значеніе принадлежало хозяйственнымъ явленіямъ, различію занятій, промысловъ и торговли. Многіе признаки указываютъ на эту экономическую по преимуществу основу дѣленія Новгорода и Пскова на мелкіе топографическіе союзы. Прежде всего на это указываютъ названія нѣкоторыхъ концовъ, напр., Плотницкій, Гончарскій: очевидно, здѣсь были жилища ремесленниковъ,—

плотниковъ и гончаровъ. Затѣмъ сотни въ Новгородѣ и Псковѣ соотвѣтствуютъ московскимъ чернымъ сотнямъ, которыя были, какъ извѣстно, ремесленными корпораціями. Далѣе: при изученіи политической борьбы мы увидимъ, что три софійскихъ конца и улицы, въ нихъ находившіяся, имѣли демократическій, ремесленный характеръ, а два остальныхъ были аристократическими, населенными крупными капиталистами. Наконецъ, недавно издана любопытная книга—донесеніе шведскаго военнаго агента въ Москвѣ въ 70-хъ годахъ XVII вѣка Эрика Пальмквиста своему правительству; изъ этой книги видно, что еще въ концѣ XVII вѣка въ Новгородѣ населеніе Софійской стороны состояло изъ ремесленниковъ, тогда какъ на Торговой сторонѣ жили бояре и купцы. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ изучаемое время придѣленія Новгорода на мелкіе союзы главное значеніе принадлежало экономическому принципу. Этимъ вполнѣ удовлетворительно объясняются и всѣ особенности во внутреннемъ устройствѣ концовъ, сотенъ и улицъ.

Во главѣ конца стоялъ кончанскій староста, выбиравшійся кончанскимъ вѣчемъ непремѣнно изъ бояръ конца. Староста въ своемъ концѣ игралъ такую же роль, какую посадникъ въ городѣ. Весьма возможно, что старостѣ подсудны были всѣ члены конца въ ихъ дѣлахъ между собою. Кончанскіе старосты выдавали, по рѣшенію кончанскаго вѣча, грамоты съ печатями: такова, напр., грамота Славянскаго конца св. Зосимѣ или грамота 1477 года Троицкому-Сергіеву монастырю. Вообще вся исполнительная дѣятельность—дѣло кончанскаго старосты. Кромѣ старостъ, важное значеніе имѣли еще посылаемые временами депутаты отъ концовъ, напр., для участія въ посольствахъ. Концы строили укрѣпленія, заготовляли военные снаряды, набирали и снаряжали войско, заботились о благосостояніи города. Далѣе: концы имѣли очень важное значеніе въ судебномъ отношеніи: они представляли на судъ по два боярина и по два житьяго, если кто-либо изъ членовъ конца являлся истцомъ или отвѣтчикомъ,—для защиты его интересовъ; на высшемъ судѣ—«у докладу во владычнѣ комнатѣ» присутствовали въ качествѣ засѣдателей по боярину да по житьему отъ конца; кончане обязаны были ставить къ суду преступниковъ—своихъ людей, т.-е. холоповъ и крестьянъ, жившихъ на кончанскихъ земляхъ. Изъ этого уже видно, что у концовъ были свои земли и свои люди. Это приводитъ насъ къ обсужденію одного спорнаго вопроса въ исторіи новгородскихъ концовъ, именно вопроса объ ихъ отношеніи къ новгородскимъ областямъ или пятинамъ. Въ сочиненіи извѣстнаго барона Герберштейна, посла германскаго императора, бывшаго въ Москвѣ въ 1526 г., читаемъ слѣдующее любопытное извѣстіе о Новгородѣ: «у этой общины во время ея процвѣтанія и самостоятельности обширнѣйшая ея волость (ditio) была раздѣлена на пять частей, изъ которыхъ не только каждая часть обращалась къ обычному и соотвѣтственному должностному лицу своей части при изслѣдованіи общественныхъ и частныхъ дѣлъ, но и каждый гражданинъ могъ въ своей только об-

ласти общины улаживать и надлежащимъ образомъ порѣшать дѣла съ другими согражданами: никому нельзя было апеллировать ни въ какомъ дѣлѣ къ какому-либо другому должностному лицу той же самой общины». Объясняя это свидѣтельство Герберштейна, изслѣдователи раздѣлились на двѣ группы: одни утверждаютъ, что Герберштейнъ говоритъ только о концахъ, т.-е. что подъ «частями общины» надо разумѣть концы; по мнѣнію другихъ, «части общины»—это пятины. Но мы уже знаемъ, что у концовъ были земли въ пятинахъ. Съ другой стороны, ditio—значитъ «волость», а такъ называться можетъ только новгородская область, а не городъ. Наконецъ, извѣстно, что въ Псковѣ концы имѣли въ своемъ вѣдѣніи части псковской области. Итакъ, кончанское управленіе имѣло въ значительной степени областной характеръ.

Болѣе мелкимъ, нежели концы, дѣленіемъ были сотни. Сотенъ въ Новгородѣ было десять, столько же, вѣроятно, и въ Псковѣ. Во главѣ сотенъ стояли выбиравшіеся изъ бояръ сотскіе. Въ Псковѣ сотскіе участвовали въ судѣ, составляя вмѣстѣ съ княземъ и посадниками «господу». И новгородскіе сотскіе пользовались судебной властью. Сотскіе были, кромѣ того, предводителями военнаго ополченія сотни. Они вѣдали также торговую полицію, наблюдали за мѣрами и вѣсомъ. Наконецъ, сотскимъ же принадлежала обязанность мостить улицы, какъ указываетъ извѣстный «уставъ Ярослава о мостахъ», изданный въ 1265 году. Въ свое время было уже сказано, что сотскіе были членами правительственнаго совѣта.

Наконецъ, самымъ мелкимъ топографическимъ дѣленіемъ были улицы. Во главѣ улицы стоялъ уличанскій староста, выбиравшійся уличанами изъ бояръ и, повидимому, судившій уличанъ по дѣламъ, возникавшимъ между ними. Мы вообще мало знаемъ о внутреннемъ устройствѣ уличанскаго управленія и о значеніи улицы, какъ юридическаго цѣлаго. Извѣстно только, что уличане пользовались правомъ судебной защиты со стороны своихъ сочленовъ: именно уличане посылали на судъ, гдѣ разбиралось дѣло ихъ сочлена, двухъ представителей - защитниковъ или «ятцевъ».

Кромѣ всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ, въ Новгородѣ и Псковѣ существовалъ еще рядъ чиновниковъ съ исполнительной властью, выбиравшихся вѣчемъ. Таковы были биричи и подвойскіе, посылавшіеся для объявленія чего-либо народу, напр., для созыва на вѣчевую сходку; пристава, вызывавшіе тяжущихся, производившіе слѣдствіе, ставившіе отвѣтчика на судъ, исполнявшіе судебныя рѣшенія; подверники, наблюдавшіе за соблюденіемъ порядка на судѣ; извѣстный уже намъ «вѣчный» или городской дьякъ, вѣдавшій вѣчевое дѣлопроизводство, и т. д.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОДИНОКІЕ.

Въ сторонѣ отъ толпы, далеко другъ отъ друга
Эти люди безмолвно идутъ;
И житейскихъ невзгодъ только холодъ и вьюга
Ихъ встрѣчаютъ и ждутъ.

Впереди нѣтъ для нихъ ни привѣта, ни ласки,
Позади—сумракъ будничныхъ дней...
И дарятъ только звѣзды имъ чудныя сказки
Въ переливахъ огней...

Ихъ языкъ имъ понятенъ, отрадно сіянье,
Эти звѣзды къ себѣ ихъ зовутъ...
Одинокіе!.. Тамъ—позабудутъ страданья,
Тамъ—они отдохнутъ.

П. П. Гайдебуровъ.

ФИЗІОЛОГІЯ И „ЖИЗНЕННАЯ СИЛА“.

Проф. **Б. Ф. Вериго.**

Физіологія животныхъ составляетъ одну изъ вѣтвей тѣхъ біологическихъ наукъ, которыя занимаются вопросами о животной жизни. Въ ихъ ряду она занимаетъ, однако, довольно рѣзко ограниченное положеніе. Тогда какъ большинство біологическихъ наукъ (анатомія, макро и микроскопическая, эмбріологія, зоологія и т. п.) смотритъ на явленія жизни преимущественно съ ихъ внѣшней морфологической стороны, физіологія стремится проникнуть въ явленія гораздо глубже, она старается выяснить тѣ интимные процессы, которые протекаютъ скрытымъ для насъ образомъ внутри тѣла животнаго; она стремится къ возможно полному выясненію явленій жизни, къ нахожденію, такъ сказать, тѣхъ таинственныхъ пружинъ, которыя лежатъ въ основѣ протекающихъ въ организмѣ животныхъ процессовъ. Однимъ словомъ, физіологія, не ограничиваясь исключительно описательными задачами, которыми въ большинствѣ случаевъ вполнѣ удовлетворяются другія біологическія дисциплины, стремится стать наукой объяснительной.

Такое опредѣленіе физіологіи, какъ науки, старающейся объяснить явленія жизни, представляется, однако, слишкомъ обширнымъ и выходитъ далеко за предѣлы того матеріала, которымъ располагаетъ современная физіологія. Дѣйствительно, подъ это опредѣленіе подходитъ цѣлый рядъ задачъ, которыя, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, относятся къ другимъ отраслямъ біологіи. Такъ, постепенное измѣненіе животнаго міра, поведшее къ тому громадному разнообразію животныхъ формъ, которое мы находимъ въ настоящее время на землѣ, представляетъ собою чрезвычайно интересное явленіе жизни, требующее своего объясненія и нашедшее его въ геніальной теоріи Дарвина. А между тѣмъ этотъ прогрессъ въ мірѣ животныхъ и интимные механизмы его происхожденія трактуются въ настоящее время не въ физіологіи, а въ общей зоологіи. Это находитъ себѣ достаточное оправданіе въ томъ, что изслѣдованныя до сихъ поръ стороны прогресса въ мірѣ животныхъ касаются преимущественно, если даже не исключительно, внѣшнихъ морфологическихъ признаковъ, которыми и занимается, главнымъ образомъ, зоологія.

Не занимаясь почти явленіями жизни, поскольку они проявляются въ послѣдовательномъ измѣненіи отправленій различныхъ представителей животнаго царства, т.-е. оставляя въ сторонѣ вопросы, касающіеся филогенетическаго развитія отправленій животнаго тѣла, современная физіологія оставляетъ также въ сторонѣ и изслѣдованіе отправленій развивающагося животнаго индивидуума, поскольку они обнаруживаются въ его онтогенетическомъ развитіи. Какъ извѣстно, изслѣдованіемъ различныхъ стадій, продѣлываемыхъ каждымъ развивающимся организмомъ, начиная отъ яйца и кончая взрослымъ индивидуумомъ, занимается особенная отрасль біологическихъ наукъ — эмбріологія. Подлежащіе ея изученію вопросы до сихъ поръ имѣютъ почти исключительно морфологическій характеръ; вопросы же, касающіеся постепеннаго развитія отправленій возникающихъ органовъ до сихъ поръ почти не затронуты научнымъ изслѣдованіемъ, такъ что въ настоящее время еще совершенно не существуетъ физіологіи зародыша, созданіе которой принадлежитъ цѣликомъ будущему.

Вводя эти ограниченія въ предметъ, подлежащій изученію современной физіологіи, мы можемъ сказать, что физіологія есть наука, старающаяся изучить и по возможности объяснить жизненные процессы, протекающіе въ организмѣ нынѣ живущихъ взрослыхъ представителей животнаго царства.

Но и въ этомъ видѣ опредѣленіе современной физіологіи слишкомъ обширно и охватываетъ то, чего наука, въ ея нынѣшнемъ состояніи, еще дать не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, число различныхъ представителей животнаго царства, начиная съ самыхъ низшихъ и кончая высшими формами, представляется чрезвычайно большимъ. Сообразно приведенному только что опредѣленію, мы должны были бы требовать отъ физіологіи, чтобы она дала намъ вѣрную и ясную картину жизненныхъ отправленій всѣхъ животныхъ и выяснила отличительныя черты, которыя характеризуютъ отправленія каждаго изъ нихъ. Другими словами, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, физіологія должна была бы неизбѣжно представляться въ видѣ сравнительной физіологіи. Однако, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній, можно сказать, что сравнительная физіологія находится еще въ самомъ зачаткѣ, ограничиваясь лишь нѣкоторыми, хотя зачастую и очень интересными, но отрывочными и не связанными между собою свѣдѣніями объ отправленіяхъ представителей различныхъ типовъ животнаго царства. Всѣ эти отрывочныя свѣдѣнія, не будучи еще связаны въ одно органическое цѣлое, находятъ до поры до времени свое мѣсто въ курсахъ зоологіи, гдѣ они приводятся параллельно съ описаніемъ относящихся къ даннымъ животнымъ морфологическихъ фактовъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое положеніе дѣла представляется лишь переходнымъ. Съ каждымъ днемъ фактическій матеріалъ, относящійся къ области сравнительной физіологіи, все растетъ и растетъ, и раньше или позже

наступитъ время, когда физіологія, какъ наука, превратится дѣйствительно въ сравнительную физіологію. Въ ожиданіи же этого времени мы въ современной физіологіи, должны ограничиваться пока, главнымъ образомъ, изученіемъ отправленій высшихъ животныхъ.

Ограниченіе предмета физіологіи изученіемъ отправленій высшихъ животныхъ совершенно искусственно. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній утверждать, что они представляются, съ научной точки зрѣнія, болѣе интересными, чѣмъ соотвѣтствующія отправленія животныхъ ниже организованныхъ. Скорѣе можно думать, что изученіе этихъ послѣднихъ, какъ болѣе простыхъ, могло бы насъ скорѣе и легче привести къ главной преслѣдуемой нами въ физіологіи цѣли, т.-е. къ болѣе основательному изученію жизни. Если физіологія ограничивается въ настоящее время отправленіями высшихъ животныхъ, то это опредѣляется исключительно практическими соображеніями, а именно той непосредственной практической связью, которая издавна установилась между физіологіей и медициной. Желая помогать больнымъ людямъ, мы должны, очевидно, знать возможно лучше отправленія человѣческаго тѣла, разстройство которыхъ и характеризуетъ разнообразныя заболѣванія. А такъ какъ изученіе отправленій требуетъ такихъ формъ опыта, при которыхъ мы должны часто жертвовать жизнью или, во всякомъ случаѣ, здоровьемъ изучаемаго животнаго, поэтому изученіе физіологіи человѣка, вмѣсто того, чтобы вестись непосредственно на людяхъ, должно было неизбѣжно обратиться къ высшимъ животнымъ, стоящимъ ближе къ человѣку по своей организаціи и своимъ отправленіямъ.

Я остановился столь подробно на выясненіи предмета современной физіологіи съ цѣлью показать, насколько узка еще та дорожка, по которой идетъ въ настоящее время наука, по сравненію съ той торной дорогой, которая предстоитъ ей въ будущемъ. Ясное представленіе этого необходимо, чтобы умѣрить требованія, которыя мы можемъ законнымъ образомъ предъявлять уже теперь къ нашей наукѣ: подвергая подробному изученію лишь маленькую часть того обширнаго матеріала, изъ котораго она должна черпать свои свѣдѣнія, она должна приводить, очевидно, къ результатамъ, далеко еще не полнымъ и не совершеннымъ.

Выше я указалъ на то, что физіологія есть наука по преимуществу объяснительная, имѣющая цѣлью проникнуть возможно глубже въ явленія жизни. По этому поводу я считаю необходимымъ вдаться въ нѣкоторыя разсужденія.

Что значитъ объяснить какое-либо явленіе? Многіе склонны были бы отвѣтить на этотъ вопросъ, что объяснить явленіе значитъ проникнуть въ его истинную сущность, выяснить дѣйствительный способъ его происхожденія. Принимая, однако, во вниманіе, что все содержаніе нашей психической дѣятельности сводится лишь къ вызываемымъ въ

насъ подъ вліяніемъ воздѣйствій со стороны внѣшняго міра ощущеніямъ, принимая далѣе во вниманіе, что характеръ нашихъ ощущеній (какъ ощущеніе свѣта, звука, прикосновенія, вкуса, запаха, температуры и т. п.) обусловливается по преимуществу не свойствами внѣшняго предмета, а своеобразными особенностями нашей нервной организаціи, мы должны отвергнуть приведенное выше опредѣленіе: проникнуть въ «истинную сущность», выяснить дѣйствительный способъ происхожденія явленія для насъ абсолютно невозможно. Поэтому всякое наше объясненіе есть не что иное, какъ попытка подвести объясняемое явленіе подъ извѣстную, созданную нами схему, въ рамкахъ которой находится уже рядъ другихъ явленій, введенныхъ туда заранѣе и поэтому кажущихся намъ объясненными. Съ этой точки зрѣнія всѣ попытки человѣческаго ума, обращенныя на оріентировку среди предметовъ и явленій внѣшняго міра, могутъ считаться съ одинаковымъ правомъ попытками ихъ объясненія. Такъ, различныя религіозныя и философскія системы, стремящіяся подвести извѣстныя явленія подъ опредѣленную точку зрѣнія, всѣ попытки выработать себѣ то или другое міросозерцаніе представляются вмѣстѣ съ тѣмъ попытками объясненія явленій. Съ точки зрѣнія такого опредѣленія казалось бы, что между научнымъ объясненіемъ какого-либо факта между объясненіемъ, которое даетъ метафизикъ-философъ, создавшій себѣ самую странную систему міросозерцанія, и между объясненіемъ, даваемымъ явленію обыкновеннымъ профаномъ, не существуетъ въ сущности никакой принципіальной разницы: во всѣхъ трехъ случаяхъ явленіе пріурочивается къ той или иной готовой схемѣ, которую ученый, философъ или обыкновенный профанъ выработали себѣ сами или получили отъ другихъ готовой и которой они пользуются, какъ средствомъ для объединенія явленій.

На самомъ же дѣлѣ между научнымъ объясненіемъ и всѣми остальными существуетъ огромная разница. Оставляя въ сторонѣ всѣ прочіе виды объясненія явленій природы, я постараюсь здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать существенныя стороны научнаго ихъ объясненія.

Въ основу научнаго объясненія явленій, т.-е. въ основу построенія той схемы, которая должна обнять всю окружающую насъ природу, положено, съ одной стороны, недовѣріе къ нашему уму, какъ единственному средству познанія природы, а съ другой стороны, столь же полное довѣріе къ фактамъ, которымъ однимъ только и приписывается во всѣхъ спорныхъ случаяхъ рѣшающее значеніе. Такимъ образомъ, при постепенной выработкѣ научнаго міросозерцанія, стараются принимать факты такъ, какъ они нами наблюдаются, не уродовать ихъ, втискивая насильно въ совершенно готовую и неизмѣнную схему, а наоборотъ, постоянно измѣнять и передѣлывать схему, согласно съ имѣющимся въ распоряженіи фактическимъ матеріаломъ, въ надеждѣ,

что мало-по-малу выработается схема, которая окажется въ соотвѣтствіи не только съ извѣстными, но и съ новыми, пока намъ неизвѣстными фактами. Изъ такого характера научныхъ объясненій видно, что двигателемъ научной мысли являются не сложныя и остроумныя построенія нашего ума, которыя сами по себѣ, поскольку они не основаны на фактахъ, признаются наукой совершенно безплодными, а изобрѣтеніе способовъ обогащенія нашихъ знаній все большимъ и большимъ количествомъ тщательно провѣреннаго фактическаго матеріала. Другими словами, наблюденіе, съ одной стороны, и опытъ, расширяющій неизмѣримо сферу приложенія наблюденій съ другой—вотъ могущественные рычаги научнаго прогресса.

Но рядомъ съ этимъ огромное значеніе должно быть приписано и умственной дѣятельности изслѣдователя. Сами по себѣ факты, какъ бы ни были они многочисленны и какъ тщательно ни были бы наблюдены, составляютъ лишь сырой матеріалъ для науки, а не самую науку: вслѣдствіе своей разнородности и вслѣдствіе отсутствія между ними видимой связи, они не даютъ еще возможности оріентироваться среди явленій внѣшняго міра. Для полученія такой возможности требуется привести ихъ въ извѣстную систему, въ которой каждый изъ нихъ могъ бы легко занять соотвѣтствующее ему мѣсто. Иначе говоря, требуется построить ту схему, о которой мы говорили выше. Вотъ тутъ то и находитъ творческая научная мысль обширную арену для своего приложенія. Она творитъ, она постоянно вводитъ измѣненія и поправки въ уже сотворенное ею. Но все это она дѣлаетъ подъ строгимъ контролемъ и руководствомъ фактовъ, добытыхъ и постоянно добываемыхъ при помощи наблюденія и опыта. Необходимость подчинять дѣятельность ума контролю фактовъ нисколько, конечно, не умаляетъ значенія этой дѣятельности, а наоборотъ, дѣлаетъ ее особенно плодотворной. Это и есть та область, гдѣ съ особенной яркостью обнаруживается дарованіе изслѣдователя, оказывающаго иногда при помощи одной оригинальной теоріи или гипотезы, объединяющей болѣе или менѣе обширную группу фактовъ, вліяніе на цѣлый рядъ поколѣній изслѣдователей. Такимъ образомъ, на ряду съ наблюденіемъ и опытомъ нужно поставить другой важный рычагъ прогресса науки—это научныя, т.-е. созданныя подъ контролемъ фактовъ теоріи и гипотезы.

Все движеніе науки впередъ есть не что иное, какъ слѣдствіе постояннаго живого взаимодѣйствія между продуктами творческой дѣятельности ума, теоріями и гипотезами, и фактическими данными, результатами наблюденія и опыта. При этомъ то теорія опережаетъ опытъ, поскольку она создаетъ широкія схемы, въ которыхъ рядомъ съ извѣстными уже фактами остается болѣе или менѣе обширное мѣсто для новыхъ предвидимыхъ теоріей явленій, и такимъ образомъ ведетъ къ новымъ опытамъ, ставящимъ себѣ задачей открытіе этихъ явленій, то, наоборотъ, факты опережаютъ теорію, поскольку они

оказываются не въ состояніи помѣститься въ рамки существующихъ уже теорій, и такимъ образомъ побуждаютъ изслѣдователя передѣлывать и расширять свои схемы. Результатъ такого взаимодѣйствія и долженъ состоять въ приведеніи фактовъ и теорій во взаимное все болѣе и болѣе полное соотвѣтствіе. Тамъ, гдѣ такое соотвѣтствіе достигнуто, говорятъ уже о законахъ природы.

Какую же схему мы должны положить въ основу попытки научнаго объясненія природы? Строго говоря, выборъ схемы въ значительной степени безразличенъ, важно лишь, чтобы она была возможно наглядиѣе и привычнѣе нашему уму, чтобы мы могли легко оперировать съ нею. Такой схемой для современной науки служитъ механическая схема, стремящаяся свести всѣ явленія къ механическимъ воздѣйствіямъ и оперирующая съ двумя абстракціями, непосредственно выведенными изъ наблюденія и опыта, а именно съ матеріей и энергіей или движеніемъ.

У насъ можетъ, однако, явиться вопросъ: возможно ли такимъ образомъ достигнуть сколько-нибудь полнаго соглашенія между фактами и теоріями и не представляется ли вся очерченная выше работа совершенно безполезной, при которой мы сегодня разрушаемъ то, что создали вчера, съ тѣмъ, чтобы придти въ концѣ концовъ къ убѣжденію, что и здѣсь намъ не дано сдѣлать что-либо болѣе или менѣе прочное? Строго обоснованнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы пока не имѣемъ. Поэтому-то научный способъ изученія явленій, который, можно сказать, начался еще съ глубокой древности, не выдѣлялся сколько-нибудь рѣзко среди остальныхъ попытокъ объясненія природы и далеко не имѣлъ того ореола особенной достовѣрности, какой онъ пріобрѣлъ въ настоящее время.

Откуда же проистекаетъ эта достовѣрность? Какъ извѣстно, всѣ попытки обосновать философски достовѣрность нашихъ знаній терпѣли до сихъ поръ постоянныя неудачи, и поэтому намъ пока не остается ничего другого, какъ смотрѣть и на этотъ вопросъ съ той же научной, т.-е. опытной точки зрѣнія, съ какой смотримъ мы на всѣ явленія природы, иначе говоря, поставить рѣшеніе его въ зависимости отъ того, какимъ успѣхомъ сопровождалось приложеніе научнаго метода изученія въ дѣлѣ расширенія нашей способности оріентироваться среди окружающаго насъ міра. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы можемъ удовольствоваться ссылкой на извѣстные каждому поистинѣ грандіозные успѣхи, которыми сопровождалось побѣдоносное шествіе науки въ теченіе предшествовавшаго XIX столѣтія, для того, чтобы оправдать вѣру научныхъ дѣятелей въ плодотворность научнаго метода изученія и въ будущемъ.

Обращаясь теперь къ интересующимъ насъ по преимуществу явленіямъ жизни, зададимся прежде всего вопросомъ, въ какомъ отношеніи долженъ стоять способъ ихъ объясненія къ тому, который мы

прилагаемъ къ явленіямъ міра неорганическаго. Можемъ ли мы смотрѣть на явленія жизни съ той же точки зрѣнія, какъ и на всѣ прочія явленія природы, или же органическому міру и происходящимъ въ немъ явленіямъ должно быть отведено совершенно особое мѣсто? Какова доступность ихъ для научнаго пониманія? Такая же, какъ и явленій неорганическаго міра, или же она болѣе или менѣе ограничена сравнительно съ этими послѣдними? Достаточно ли для ихъ объясненія тѣхъ основныхъ абстракцій, матеріи и энергіи, которыя лежатъ въ основѣ всего нашего научнаго міропониманія, или же требуется еще введеніе какого либо новаго, неизвѣстнаго для неорганическаго міра принципа?

Въ прежнее время, т.-е. приблизительно до начала XIX столѣтія, всѣ эти вопросы считались окончательно рѣшенными. А именно считалось несомнѣннымъ, что явленія жизни представляютъ собою нѣчто совершенно отличное отъ явленій окружающей насъ мертвой природы. При тѣхъ еще чрезвычайно скудныхъ свѣдѣніяхъ, какими обладали тогда ученые и философы какъ по отношенію къ явленіямъ, происходящимъ внутри организма, такъ и по отношенію къ внѣшней природѣ, такое рѣшеніе занимающихъ насъ вопросовъ представлялось не только совершенно естественнымъ, но даже, можно сказать, единственно возможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ несомнѣнныхъ фактовъ, хорошо извѣстныхъ изъ ежедневнаго наблюденія, показывалъ, повидимому, съ полною ясностью, что живыя тѣла не подчиняются тѣмъ законамъ, которые уже тогда были извѣстны для неорганизованнаго міра, и во многихъ случаяхъ представляютъ какъ бы арену приложенія силъ, дѣйствующихъ прямо наперекоръ силамъ внѣшней природы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Первый примѣръ. Организованныя тѣла составлены изъ такихъ химическихъ соединеній, какія не встрѣчаются во внѣшнемъ неорганизованномъ мірѣ. Такимъ образомъ можно было думать, что законы сочетаній химическихъ элементовъ въ тѣлѣ животнаго совершенно отличаются отъ законовъ ихъ сочетанія въ неорганической природѣ. Такой выводъ казался тогда тѣмъ болѣе обязательнымъ, что органическія вещества, не найденныя среди веществъ неорганизованной природы, не могли быть получаемы искусственно при тѣхъ средствахъ, какими располагали въ то время химики.

Второй примѣръ. Извѣстно, что всякое нагрѣтое тѣло, будучи помѣщено въ пространствѣ, имѣющемъ болѣе низкую температуру, неизбѣжно охлаждается до тѣхъ поръ, пока не установится полное равенство температуры тѣла и окружающей его среды. Въ этомъ отношеніи живыя тѣла, а именно лучше всего извѣстныя человѣку теплокровныя животныя, представляютъ самое разительное исключеніе: они сохраняютъ въ теченіе всей жизни, т.-е. много десятковъ лѣтъ, не-

измѣнною свою сравнительно высокую температуру и не обнаруживаютъ никакого видимаго стремленія къ охлажденію.

Третій примѣръ. Самое обычное наблюденіе показываетъ намъ, что тѣла внѣшней природы представляются обыкновенно совершенно пассивными: они лежатъ неподвижно на занимаемыхъ ими мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока какая-либо дѣйствующая на нихъ извнѣ сила не приведетъ ихъ въ движеніе, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ обнаруживаемое ими движеніе представляется строго соразмѣрнымъ съ величиной подѣйствовавшей силы. Въ органическомъ же мірѣ мы встрѣчаемся, повидимому, съ совершенно иными отношеніями. Здѣсь мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ самопроизвольностью движеній, причемъ совершенно не удается найти никакой видимой внѣшней причины, которая могла бы вызвать данное движеніе. Въ другихъ случаяхъ мы, хотя и видимъ ясно такую причину (состоящую по большей части въ воздѣйствіи внѣшняго міра на одинъ изъ органовъ чувствъ животнаго), встрѣчаемъ все-таки самую рѣзкую непропорціональность между нею и вызваннымъ ею движеніемъ. Такъ, зрительныя, слуховыя и обонятельныя воздѣйствія, заключающія въ себѣ лишь самое минимальное, почти неизмѣримо малое количество внѣшней энергіи, способны при случаѣ вызывать у животнаго самыя энергическія движенія (убѣганіе отъ врага, нападеніе на добычу и т. п).

Подобныхъ примѣровъ мы могли бы привести еще множество но и приведенныхъ совершенно достаточно, чтобы понять, какимъ образомъ неизбѣжно должно было у нашихъ предшественниковъ родиться убѣжденіе въ полномъ различіи между явленіями органическаго и неорганическаго міровъ. Тогда какъ для явленій неорганическаго міра считали возможнымъ прилагать приблизительно то же самое міросозерцаніе, какое примѣняемъ къ нимъ и мы, для міра органическаго полагали необходимымъ признать существованіе особаго принципа, особой, такъ называемой *жизненной* силы, которая ареной своихъ дѣйствій имѣла тѣла животныхъ и растеній. Управляя протекающими въ нихъ процессами, жизненная сила могла совершенно не считаться съ обыкновенными законами внѣшней природы и дѣйствовать имъ прямо наперекоръ. Тѣло животнаго начинало подчиняться этимъ обыкновеннымъ законамъ лишь тогда, когда его оставляла жизненная сила, т.-е. послѣ смерти, когда дѣйствительно тѣло сразу теряло свою самопроизвольность, переставало сопротивляться охлажденію и, по отношенію къ своему химическому составу, не будучи въ состояніи поддерживать элементы въ тѣхъ соединеніяхъ, которыя были обусловлены дѣйствіемъ жизненной силы, разлагалось и превращалось въ вещества, характеризующія неодушевленный міръ.

Таково было приблизительно положеніе вопроса, когда въ самомъ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія началось во всѣхъ областяхъ

быстрое научное развитіе. Это развитіе науки, поскольку оно касалось физіологіи, показало вскорѣ, что различія между явленіями, протекающими внутри тѣла живыхъ животныхъ и въ неорганическомъ мірѣ, казавшіяся раньше столь коренными, не только становились съ каждымъ новымъ открытіемъ все менѣе и менѣе рѣзкими, но во многихъ случаяхъ совершенно сглаживались. Въ результатѣ—многія физіологическія явленія оказались лишь хорошей иллюстраціей для дѣйствующихъ среди неорганическаго міра законовъ природы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно разобрать подробнѣе приведенные нами выше примѣры съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ физіологическихъ знаній.

Что касается перваго нашего примѣра, т.-е. химическаго различія веществъ, входящихъ въ составъ живыхъ организмовъ и различныхъ тѣлъ неорганизованной природы, то первый ударъ жизненной силѣ былъ нанесенъ Wöhler'омъ, который въ 1828 году получилъ въ лабораторіи синтетически, т.-е. изъ веществъ, взятыхъ изъ неорганической природы, мочевину, одну изъ главныхъ составныхъ частей мочи. Этимъ было показано впервые, что органическія вещества могутъ образовываться и помимо дѣйствія жизненной силы на основаніи тѣхъ же законовъ, которые имѣютъ приложеніе и къ неорганической химіи. Какъ вамъ извѣстно, съ тѣхъ поръ химія сдѣлала въ этомъ направленіи громадные успѣхи. Съ одной стороны, изобрѣтая все новые и новые способы синтеза органическихъ соединеній, современная химія достигла возможности получать лабораторнымъ путемъ большое количество даже довольно сложныхъ веществъ, входящихъ въ составъ тѣла животныхъ. Съ другой стороны, разлагая самыя сложныя органическія вещества, каковыми являются бѣлки, она показала, что въ составъ ихъ частицы входятъ, въ качествѣ комбинированныхъ между собою составныхъ частей, вещества сравнительно простыя, изъ которыхъ уже многія могутъ быть получаемы искусственно. Этой двойной работой синтеза болѣе простыхъ и анализа болѣе сложныхъ веществъ все болѣе и болѣе выполняется та казавшаяся прежде непроходимой пропасть, которая раздѣляла вещества неорганическаго міра отъ веществъ животнаго происхожденія. Такимъ образомъ въ настоящее время ни одинъ химикъ не станетъ сомнѣваться въ томъ, что возможность искусственнаго полученія въ лабораторіи всѣхъ органическихъ веществъ, не исключая самыхъ сложныхъ, есть лишь дѣло времени, равно какъ усердія и талантливости изслѣдователей. Однимъ словомъ, химія представляется наукой единой, и всѣ тѣ силы, которыя дѣйствуютъ при возникновеніи неорганическихъ веществъ, являются совершенно достаточными для образованія сложнѣйшихъ веществъ животнаго тѣла.

Что касается трупнаго разложенія, наступающаго вслѣдъ за смертью животнаго, то и здѣсь разгадка явленій оказалась очень простой,

Тѣло трупа разлагается не потому, что его покинула жизненная сила, сдерживавшая атомы веществъ въ опредѣленныхъ комбинаціяхъ, а просто потому, что теперь создались условія, благопріятныя для размноженія бактерій, которыя своею жизнедѣятельностью и вызываютъ разрушеніе трупа: при устраненіи размноженія бактерій, что достигается, напримѣръ, бальзамированіемъ, трупное разложеніе можетъ быть задержано на неопредѣленно долгое время.

Переходимъ теперь къ разбору второго изъ приведенныхъ нами примѣровъ, а имѣнно къ сохраненію температуры тѣла животныхъ въ неизмѣнномъ видѣ, несмотря на низкую температуру окружающей среды. Въ этомъ отношеніи разгадку явленія дали намъ знаменитыя изслѣдованія Лавуазье надъ горѣніемъ и надъ дыханіемъ животныхъ. Лавуазье впервые доказалъ, что процессъ горѣнія есть не что иное, какъ химическое соединеніе кислорода съ горючимъ тѣломъ, соединеніе, въ результатѣ котораго получается рядъ продуктовъ окисленія и въ то же самое время освобождается въ видѣ тепла значительное количество той энергіи, которая раньше была заключена какъ въ горючемъ тѣлѣ, такъ и въ кислородѣ въ скрытомъ состояніи, въ видѣ быстрыхъ движеній ихъ атомовъ. Процессъ дыханія по существу оказался тожественнымъ съ процессомъ горѣнія, такъ какъ и при немъ происходитъ фиксированіе кислорода вдыхаемаго воздуха и выдѣленіе въ выдыхаемомъ воздухѣ взамѣнъ него угольной кислоты и воды, т. е. продуктовъ горѣнія углерода и водорода. Такимъ образомъ было выяснено, что въ тѣлѣ животнаго протекаютъ постоянно окислительные процессы, происходитъ непрерывное медленное горѣніе входящихъ въ составъ его и содержащихъ въ себѣ углеродъ и водородъ веществъ. При этомъ медленномъ горѣніи, точно также какъ и при всякомъ горѣніи, должна постоянно освобождаться энергія въ видѣ тепла, которое и служитъ причиной того, что организмъ сохраняетъ свою температуру неизмѣнной. Животный организмъ, находясь въ холодной средѣ, теряетъ тепло совершенно такъже, какъ и всякое другое нагрѣтое тѣло, и не охлаждается только потому, что потерянное тепло сейчасъ же замѣняется такимъ же количествомъ новаго, возникающаго какъ результатъ непрерывно продолжающагося дыхательнаго процесса. По отношенію къ температурнымъ условіямъ мы можемъ сравнить организмъ животнаго съ какой-либо печью на заводахъ, которая можетъ оставаться въ нагрѣтомъ состояніи неопредѣленно долгое время, при условіи постояннаго поддерживанія въ ней процессовъ горѣнія. Въ печи это достигается постояннымъ подбрасываніемъ въ топку новаго горючаго матеріала, по мѣрѣ выгоранія стараго; въ организмѣ такую же роль играетъ введеніе пищи, которая и составляетъ горючій матеріалъ, утилизируемый организмомъ какъ для постояннаго развитія тепла, такъ и для развитія всѣхъ другихъ обнаруживаемыхъ имъ видовъ энергіи.

Относительно нашего третьяго примѣра мы должны указать на громадное значеніе, которое имѣло въ этомъ отношеніи выясненіе дѣятельности нервной и мышечной системы животныхъ. Оказалось, что въ нервно-мышечной системѣ организмъ имѣетъ аппаратъ, который, будучи построенъ изъ очень сложныхъ веществъ, заключаетъ въ себѣ громадное количество скрытой внутренней энергіи, способной, при распаденіи этихъ сложныхъ веществъ на болѣе простыя, легко освобождаться и превращаться въ механическую работу. Желая провести аналогію по отношенію къ какому-либо явленію міра, мы удобнѣе всего можемъ сравнить нашу нервно-мышечную систему со складомъ взрывчатыхъ веществъ, которыя заключаютъ въ себѣ также громадное количество скрытой внутренней энергіи. Для того чтобы эта энергія стала явной, требуется въ этомъ послѣднемъ случаѣ лишь какое-либо слабое внѣшнее воздѣйствіе, въ родѣ искры или механическаго сотрясенія, которыя и оказываются совершенно достаточными для того, чтобы вызвать самый сильный взрывъ. Совершенно подобно этому для полученія нервнаго разряда и вызываемаго имъ движенія животнаго достаточно лишь самаго слабаго толчка, доставляемаго центральной нервной системѣ раздраженіемъ одного изъ органовъ чувствъ. Этимъ объясняется въ совершенно достаточной степени отсутствіе пропорціональности между движеніемъ животнаго и вызвавшей это движеніе причиной. Такъ какъ во многихъ случаяхъ первоначальное воздѣйствіе на органы чувствъ совершенно ускользаетъ отъ нашего наблюденія или потому, что оно слишкомъ слабо, или же потому, что оно отдѣлено отъ момента движенія болѣе или менѣе продолжительнымъ временемъ (время, ушедшее на внутреннюю переработку полученнаго ощущенія), это мы получаемъ возможность легко объяснить и ту кажущуюся самопроизвольность движеній животнаго, которая намъ представляется, на первый взглядъ, столь для него характерной.

Благодаря этимъ результатамъ, равно и многимъ другимъ, позволившимъ частью пролить свѣтъ на многія явленія жизни, до тѣхъ поръ совершенно непонятныя, частью проникнуть глубже въ явленія уже болѣе или менѣе объясненныя, у физіологовъ зародилась и все болѣе болѣе укрѣплялась мысль, что явленія жизни представляются для нашего пониманія столь же доступными, какъ и всякія другія явленія природы, и что допущеніе жизненной силы для ихъ объясненія совершенно излишне. Стали вѣрить, что всѣ явленія жизни могутъ быть сведены на тѣ же самые законы, которые лежатъ въ основѣ всѣхъ явленій неорганическаго міра, только распутаться въ дѣйствіи этихъ законовъ здѣсь гораздо труднѣе, вслѣдствіе значительно большей сложности условій ихъ проявленія. Эта вѣра оказалась въ высшей степени плодотворной по тѣмъ результатамъ, къ которымъ она привела. Будучи привлекаемы заманчивой перспективой получить разгадку явленій жизни и будучи убѣждены въ возможности дости-

женія этой задачи, ученые съ большимъ рвеніемъ направили свои усилія къ изслѣдованію физіологическихъ явленій. Открытія слѣдовали за открытіями и въ теченіе сравнительно очень короткаго времени, въ теченіе какого либо полстолѣтія, изъ того, такъ сказать, зародышеваго состоянія, въ которомъ находилась тогда наука о жизни, создалось грандіозное зданіе современной физіологіи. Дѣйствительно, такого научнаго одушевленія, такой научной продуктивности мы не встрѣчаемъ ни въ какомъ другомъ періодѣ развитія нашей науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ жизненная сила казалась окончательно погребенной и не способной болѣе воскреснуть въ умахъ ученыхъ изслѣдователей.

Однако за періодомъ страстнаго увлеченія научнымъ изслѣдованіемъ жизненныхъ явленій, періодомъ, который еще продолжается и въ настоящее время, начала появляться и пріобрѣтать все болѣе и болѣе ясный характеръ реакція. Вѣра въ возможность механической разгадки явленій жизни начинаетъ ослабѣвать. Правда, продолжающіяся научныя изслѣдованія обогащаютъ насъ все новыми и новыми свѣдѣніями, но въ то же время начинаетъ мало-по-малу выясняться, что всѣ научныя пріобрѣтенія, представляясь весьма интересными и важными въ смыслѣ разъясненія тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ, очень мало, а иногда даже и совсѣмъ не приближаютъ насъ къ пониманію того, что такое жизнь. Дѣло въ томъ, что мы, при объясненіи дѣятельности какого-либо сложнаго органа или системы органовъ, справляемся сравнительно легко со всѣми затрудненіями до тѣхъ поръ, пока при нашемъ анализѣ не дойдемъ до дѣятельности тѣхъ элементарныхъ составныхъ частей животнаго тѣла, которыя получили общее названіе клѣточекъ и колонію которыхъ, какъ извѣстно, представляетъ каждый организмъ. Дойдя до дѣятельности клѣточекъ, мы должны, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, останавливаться въ нашемъ анализѣ явленій и ограничиваться лишь приписываемымъ клѣточкамъ тѣхъ или другихъ свойствъ, происхожденіе которыхъ для насъ совершенно непонятно и проявленіе которыхъ кажется намъ зачастую противорѣчащимъ хорошо изученнымъ физическимъ и химическимъ законамъ.

Такая ограниченная объяснимость жизненныхъ явленій и невозможность проникнуть за этотъ барьеръ, который создается дѣятельностью отдѣльныхъ клѣточекъ животнаго тѣла, заставили въ послѣднее время многихъ даже очень выдающихся физіологовъ придти къ убѣжденію, что законы физики и химіи, т.-е. законы, лежащіе въ основѣ неорганическаго міра, совершенно не достаточны для пониманія жизненныхъ процессовъ, и что здѣсь должно быть признано существованіе особаго, присущаго лишь живымъ тѣламъ, агента, т.-е. той самой жизненной силы, которая, казалось, была окончательно погребена, благодаря колоссальнымъ успѣхамъ, выпавшимъ на долю физіологическаго изслѣдованія въ теченіе предыдущаго XIX столѣтія.

Такимъ-то образомъ и создалось ученіе такъ называемаго *неовиталиэма*, привлекшее къ себѣ не мало адептовъ. По этому ученію, жизненная сила, которая прежде считалась главнымъ агентомъ всѣхъ рѣшительно процессовъ въ живомъ тѣлѣ и которой приписывалась способность дѣйствовать совершенно независимо отъ законовъ неорганической природы, получаетъ значительно болѣе ограниченное значеніе. Дѣйствительно, нео-виталисты совершенно такъ же, какъ и ихъ противники, убѣждены въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ кооперації клѣточныхъ элементовъ нашего тѣла эта кооперація происходитъ исключительно на основаніи физико-химическихъ законовъ. Напр., при сокращеніи большого количества мышечныхъ волоконъ, развитая сила всегда равняется суммѣ элементарныхъ, развиваемыхъ каждымъ мышечнымъ волокномъ, силъ; эта сила, дѣйствуя на сочленяющіяся другъ съ другомъ кости, производитъ эффектъ, точно соотвѣтствующій закону рычаговъ и т. п. Но зато, по ихъ взгляду, дѣятельность каждаго отдѣльнаго мышечнаго волокна, самый актъ его сокращенія не можетъ быть сведенъ полностью на физико-химическіе законы и обусловливается, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, дѣятельностью жизненной силы. Точно также выдѣленія различныхъ железъ, составляющія результатъ совокупной дѣятельности собранныхъ въ особые органы железистыхъ клѣтокъ, обладаютъ химическимъ дѣйствіемъ, которое принципіально ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ обыкновенныхъ изучаемыхъ въ химіи химическихъ реакцій, но самый актъ выработки и выдѣленія этихъ жидкостей клѣточными элементами железъ не можетъ быть выясненъ на основаніи законовъ физики и химіи и т. д., и т. д. Другими словами, ученіемъ неовиталистовъ жизненная сила, которая раньше являлась полнымъ и самовластнымъ господиномъ надъ всѣми рѣшительно процессами всего тѣла животнаго, переносится теперь въ отдѣльные его клѣточные элементы.

Положеніе, въ которое стали неовиталисты, представляется для нихъ весьма удачнымъ и дѣлаетъ ихъ ученіе трудно уязвимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, наши знанія относительно процессовъ, происходящихъ въ отдѣльныхъ клѣточныхъ элементахъ, еще весьма ограничены. Намъ удалось до сихъ поръ въ этомъ отношеніи констатировать лишь наличность нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ, но ближайшій анализъ ихъ, съ точки зрѣнія физико-химическихъ законовъ, представляется еще невозможнымъ. А разъ этотъ анализъ невозможенъ, открывается, очевидно, широкій просторъ для какихъ угодно предположеній, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто.

Если, такимъ образомъ, прямая провѣрка ученія неовиталистовъ представляется для насъ пока невозможной, мы все-таки можемъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ косвеннымъ способамъ изслѣдованія, которые способны склонить насъ стать болѣе или менѣе рѣшительно на ту или другую точку зрѣнія.

Всѣмъ намъ, конечно, хорошо извѣстно, что изученіе неорганической природы привело къ констатированію двухъ главныхъ законовъ, обнаруживающихся яснымъ образомъ при всѣхъ явленіяхъ внѣшняго міра. Это суть законы сохраненія вещества и сохраненія энергіи. На основаніи ихъ, всѣ явленія сводятся на постоянное измѣненіе сочетаній разъ даннаго количества вещества и на постоянное превращеніе изъ одной формы въ другую той энергіи, которая имѣется на землѣ и постоянно приносится туда солнечными лучами. Въ научной механической схемѣ, въ рамки которой мы и стараемся ввести всѣ явленія, указаннымъ законамъ отводится главное мѣсто: почти все наше изученіе внѣшняго міра и такъ называемое пониманіе его явленій есть не что иное, какъ выясненіе законовъ, лежащихъ въ основѣ превращенія вещества и энергіи. Поэтому если мы хотимъ выяснить, дѣйствительно ли явленія жизни могутъ быть поставлены рядомъ съ явленіями окружающей насъ мертвой природы, мы должны прежде всего рѣшить вопросъ, насколько законы сохраненія вещества и энергіи находятъ себѣ приложенія во всѣхъ физіологическихъ явленіяхъ.

Въ виду того, что главнѣйшія физіологическія явленія протекаютъ внутри клѣточныхъ элементовъ, гдѣ мы, какъ на это было указано выше, слѣдить за ними не въ состояніи, казалось бы, что рѣшеніе поставленнаго нами вопроса совершенно невозможно: если мы не знаемъ самихъ процессовъ, въ клѣткахъ протекающихъ, то мы и не можемъ судить, соблюдаются ли при нихъ указанные основные законы природы. Къ счастью, это затрудненіе представляется только кажущимся. Не будучи въ состояніи слѣдить за приложимостью нашихъ законовъ къ явленіямъ въ каждомъ отдѣльномъ клѣточномъ элементѣ, мы оказываемся зато вполнѣ въ состояніи слѣдить за ихъ приложимостью къ организму, взятому какъ одно нераздѣльное цѣлое.

Я не могу вдаваться здѣсь въ изложеніе опытовъ, часто очень сложныхъ и трудныхъ, при помощи которыхъ физіологамъ удалось провѣрить приложимость законовъ сохраненія вещества и энергіи къ явленіямъ въ тѣлѣ живого животнаго; скажу лишь, что всѣ изслѣдованія, какъ надъ различными животными, такъ и надъ человѣкомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что по отношенію къ законамъ превращенія вещества и энергіи органическій и неорганическій міра не обнаруживаютъ никакихъ существенныхъ различій.

Такъ, по отношенію къ веществу, изъ котораго построено животное тѣло, мы имѣемъ полное право утверждать, что въ немъ нѣтъ ни одного атома, который не входилъ бы прежде въ составъ какого-либо тѣла мертвой природы и которому не предстояло бы раньше или позже вернуться туда же. Другими словами, всѣ вещества, изъ которыхъ состоитъ тѣло животныхъ и человѣка, представляютъ собою лишь одну и притомъ скоропреходящую стадію въ общемъ круговоротѣ веществъ на нашей планетѣ: при переходѣ веществъ изъ внѣшняго міра въ тѣло

животнаго и при возвращеніи ихъ во внѣшній міръ, ни одинъ атомъ не создается и не исчезаетъ.

То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ энергіи. Вся энергія, которую проявляетъ животный организмъ, происходитъ несомнѣнно изъ внѣшняго міра и туда же постоянно возвращается. Растенія, строя свои сложныя вещества изъ простыхъ неорганическихъ соединеній, встрѣчаемыхъ ими въ почвѣ и воздухѣ, а именно изъ неорганическихъ солей, воды и угольной кислоты, поглощаютъ, какъ показываетъ опытъ, значительное количество солнечной энергіи, которая и переходитъ теперь въ невидимую для насъ внутреннюю химическую энергію усиленныхъ атомныхъ колебаній внутри частицъ вновь возникшихъ веществъ. Эта энергія остается въ скрытомъ, такъ называемомъ потенціальномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока происшедшее сложное вещество не претерпѣваетъ никакихъ дальнѣйшихъ измѣненій. Но какъ только наступаетъ его разложеніе на болѣе простыя составныя части, какъ сейчасъ же скрытая до тѣхъ поръ энергія превращается опять въ одну изъ явныхъ формъ ея проявленія. Наглядный примѣръ такого превращенія мы видимъ ежедневно въ нашихъ печахъ, когда сгорающія тамъ дрова, т.-е. сложныя вещества растительнаго происхожденія, соединяясь съ кислородомъ и распадаясь на простые продукты горѣнія, возвращаютъ намъ въ видѣ тепла и свѣта ту же самую солнечную энергію, которую поглотили во время своего роста срубленныя на топливо деревья. Но растительныя вещества, вмѣсто того, чтобы отдавать непосредственно внѣшнему міру скопленную въ нихъ энергію, могутъ поступать и дѣйствительно поступаютъ въ видѣ пищи въ тѣло животныхъ, гдѣ и утилизируются для построенія всѣхъ ихъ тканей и органовъ. Другими словами, скопленная растеніями энергія становится теперь достояніемъ животнаго тѣла. Тамъ она и оставалась бы въ скрытомъ состояніи, если бы содержащія ее вещества не подвергались дальнѣйшимъ химическимъ превращеніямъ. Но такія превращенія совершаются въ тѣлѣ животнаго непрерывно: подъ вліяніемъ дыханія внутрь тѣла поступаетъ непрерывно кислородъ атмосфернаго воздуха, происходитъ процессъ медленнаго окисленія и въ результатѣ сложныя вещества тканей животнаго распадаются на тѣ же простыя неорганическія вещества, воду, угольную кислоту и соли, изъ которыхъ они раньше были построены жизнедѣятельностью растеній насчетъ солнечной энергіи. Вслѣдствіе этого, эта послѣдняя, освобождаясь изъ скрытаго состоянія, въ какомъ она до тѣхъ поръ находилась, получаетъ возможность проявиться во внѣ въ той или другой изъ видимыхъ ея формъ. Разрушеніе сложныхъ веществъ животнаго тѣла и превращеніе ихъ въ болѣе простыя соединенія—вотъ источникъ различныхъ видовъ энергіи—обнаруживаемой живыми существами. Такимъ образомъ тепловая энергія, которую обнаруживаютъ всѣ животныя какъ въ видѣ высокой температуры ихъ тѣла, такъ и въ видѣ по-

стоянно теряемаго ими въ окружающій міръ тепла, механическая энергія, которая проявляется въ движеніи какъ всего тѣла въ пространствѣ, такъ и въ движеніи отдѣльныхъ его частей по отношенію другъ къ другу, электрическая энергія, возникающая въ слабой степени у всѣхъ животныхъ при мышечно-нервныхъ процессахъ и достигающая у нѣкоторыхъ (электрическихъ рыбъ) особенной интенсивности, свѣтовая энергія у самосвѣтящихся животныхъ—всѣ эти виды энергіи суть стадіи превращенія солнечной энергіи.

Теряя ежеминутно свою энергію во внѣшній міръ въ видѣ той или другой изъ указанныхъ формъ, животное нуждается въ непрерывномъ пополненіи растрачиваемаго имъ запаса, пополненіи, которое и достигается періодическимъ введеніемъ пищи, состоящей всегда изъ веществъ, заключающихъ въ себѣ большой запасъ внутренней энергіи. На всю жизнь животнаго мы и можемъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія, какъ на результатъ непрерывно происходящихъ и постоянно уравновѣшивающихъ другъ друга потерь энергіи и ея пополненій.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ выводу, что органическая жизнь можетъ быть съ полнымъ правомъ поставлена на ряду съ остальными явленіями природы, отъ которыхъ она отличается лишь большею сложностью наблюдаемыхъ при ней превращеній вещества и энергіи. Правда, все то, что сказано, относится къ организму, какъ цѣлому. Но, очевидно, что дѣятельность цѣлаго организма, слагаясь изъ дѣятельностей отдѣльныхъ его клѣточныхъ элементовъ, не можетъ отличаться принципіально отъ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ совершенно неизбѣженъ выводъ, что клѣточная дѣятельность, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась и какъ бы ни казалась противорѣчащей всему, наблюдаемому нами въ неорганической природѣ, во всякомъ случаѣ, должна быть доступна разложенію на рядъ элементарныхъ актовъ, связанныхъ между собою охватывающими всю природу законами сохраненія вещества и энергіи.

На основаніи того, что примѣнимость законовъ сохраненія вещества и энергіи къ органическому міру я привелъ, какъ доказательство противъ ученія неовиталистовъ, вы могли бы подумать, что неовиталисты ее отрицаютъ. На это они едва ли бы рѣшились, по крайней мѣрѣ въ сколько-нибудь категорической формѣ, такъ что по отношенію къ этому вопросу между всѣми физіологами существуетъ полнѣйшее согласіе. Тѣмъ не менѣе я думаю, что фактъ приложимости указанныхъ законовъ къ жизненнымъ явленіямъ наноситъ жестокій ударъ всему ученію неовиталистовъ, которые, по моему мнѣнію, недостаточно оцѣнили его значеніе и недостаточно вникли въ тѣ выводы, которые изъ него непосредственно вытекаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ быть жизненная сила, разъ всѣ протекающіе въ тѣлѣ животнаго процессы обнаруживаютъ намъ лишь ту энергію, которую тѣло получило извнѣ? Здѣсь возможны лишь два

предположенія. Во-первыхъ, мы можемъ допустить, что внѣшняя энергія, поступая въ тѣло животныхъ, превращается тамъ въ особую форму, соотвѣтствующую ихъ жизненной силѣ, съ тѣмъ, чтобы, при оставленіи организма и при выдѣленіи во внѣ, опять перейти въ обычныя формы энергіи. При такомъ пониманіи жизненная сила была бы ничѣмъ инымъ, какъ лишь особой формой проявленія міровой энергіи. Съ такимъ пониманіемъ дѣла могъ бы согласиться всякій, такъ какъ никто не станетъ отрицать, что форма, въ которой проявляется энергія въ жизненныхъ явленіяхъ, представляетъ весьма много своеобразнаго. Но тогда не могло бы быть и рѣчи о какомъ-либо противопоставленіи ученія неовиталистовъ обычному физіологическому ученію, по которому жизнь представляетъ собою лишь одно изъ явленій природы. Наоборотъ, мы пользовались бы въ такомъ случаѣ словомъ «жизненная сила» совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ въ настоящее время слова: «геологическія силы», «вулканическія силы», «метеорологическія силы» и т. п., т.-е. лишь въ качествѣ средства для краткаго обозначенія опредѣленныхъ комбинацій одно и той же міровой энергіи.

Отсюда очевидно, что не такое пониманіе имѣютъ въ виду неовиталисты. Тогда остается лишь второе предположеніе, на основаніи котораго жизненная сила есть нѣчто совершенно отличное отъ міровой энергіи, въ которую она не въ состояніи превращаться и изъ которой она не можетъ произойти. Но въ такомъ случаѣ жизненная сила есть нѣчто недоступное нашему воспріятію и существованіе чего не можетъ быть ничѣмъ доказано.

Да, могли бы отвѣтить и, дѣйствительно, отвѣчаютъ на это неовиталисты, доказать ощутимымъ образомъ существованіе жизненной силы, конечно, невозможно, такъ какъ наши органы чувствъ, являющіеся единственными посредниками между нами и внѣшнимъ міромъ, способны реагировать лишь на различнаго рода движенія. Но кромѣ органовъ чувствъ, способныхъ знакомить насъ только съ матеріальной стороной явленій, мы имѣемъ сознательный разумъ, и этотъ послѣдній говоритъ намъ, что въ явленіяхъ жизни дѣло не ограничивается одной матеріальной стороной. Наоборотъ, присматриваясь ближе даже къ простѣйшимъ жизненнымъ явленіямъ, мы замѣчаемъ въ нихъ особенный порядокъ въ послѣдовательной смѣнѣ отдѣльныхъ процессовъ, особенное цѣлесообразное приспособленіе ихъ другъ къ другу, невольно заставляющіе насъ отводить имъ совершенно особенное мѣсто среди явленій мертвой природы и предполагать здѣсь существованіе нематеріальнаго принципа, играющаго роль руководителя матеріальныхъ явленій: явленія міра неорганическаго объяснимы легко на основаніи физико-химическихъ законовъ, тогда какъ явленія жизни должны оставаться совершенно непонятными, если мы не допустимъ, что они направляются особеннымъ руководящимъ принципомъ. Этимъ принципомъ и является жизненная сила.

Въ такомъ отвѣтѣ есть много справедливаго, но и много такого, что совершенно не можетъ быть допущено.

Совершенно не допустимо то, что здѣсь перепутываются другъ съ другомъ два различныхъ объяснительныхъ принципа, — научный и чисто метафизическій. Мы видѣли уже раньше, что наука не стремится и не можетъ стремиться къ объясненію «сущности» явленій, которую она считаетъ для себя недостижимой, и вся ея задача сводится лишь къ размѣщенію наблюдаемыхъ фактовъ въ такую схему, въ которой бы они стали въ тѣсную взаимную связь, позволяющую на основаніи имѣющихся въ данный моментъ на лицо фактовъ предугадывать появленіе другихъ. Неовиталисты уже со своею жизненной силой, очевидно, стремятся идти дальше того, куда насъ въ состояніи вести наука: они стараются постигнуть явленія жизни въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ «въ дѣйствительности», а не въ томъ, въ какомъ они намъ представляются, и стараются добиться этого при помощи разсужденій разума, совершенно недоступныхъ какой-либо опытной провѣркѣ и поэтому съ точки зрѣнія науки совершенно безплодныхъ. А это есть чисто метафизическій пріемъ, не имѣющій никакого отношенія къ наукѣ.

Введенію метафизическаго принципа слѣдуетъ приписать также указаніе неовиталистовъ на какую-то бо̀льшую загадочность явленій жизни сравнительно съ остальными явленіями внѣшней природы. Въ самомъ дѣлѣ, и за этимъ указаніемъ кроется метафизическое убѣжденіе въ томъ, что для насъ доступно познаніе «дѣйствительной сущности» внѣшнихъ явленій. При этомъ предполагается, что научное механическое представленіе процессовъ, протекающихъ въ мертвой природѣ, даетъ намъ познаніе ихъ истинной сущности, тогда какъ то же самое механическое представленіе не достаточно для выясненія истинной сущности явленій жизни. По этому поводу мы должны опять напомнить, что «истинная сущность» ни тѣхъ, ни другихъ для насъ совершенно недоступна, и мы въ обоихъ случаяхъ обречены лишь на изобрѣтеніе схемъ, позволяющихъ группировать результаты нашихъ воспріятій въ видѣ болѣе и менѣе простыхъ и ясныхъ для насъ образовъ, которые для насъ самихъ имѣютъ огромное значеніе, но совершенно не могутъ быть отожествляемы съ недоступною для насъ «сущностью вещей».

Однако, какъ я замѣтилъ выше, въ разсужденіи нео-виталистовъ есть много и справедливаго. А именно, они мѣтко указываютъ на одно изъ самыхъ большихъ затрудненій, какія встрѣчаетъ наука при изученіи біологическихъ явленій. Пользуясь законами сохраненія вещества и энергіи, мы можемъ надѣяться распутаться со временемъ во внутриклѣточныхъ процессахъ настолько, что будемъ въ состояніи прослѣдить шагъ за шагомъ за всѣми совершающимися здѣсь превращеніями вещества и энергіи. Но этимъ все-таки не будетъ еще достиг-

нуто полное пониманіе протекающихъ въ клѣточкахъ явленій: останется еще объяснить, почему они слѣдуютъ другъ за другомъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Дѣйствительно, законы сохраненія вещества и энергіи говорятъ намъ только то, что при переходѣ одного явленія, напр., явленія *A* въ другое явленіе *B*, количество вещества и энергіи должно сохраняться въ неизмѣнномъ видѣ. Поэтому законы эти предвидятъ совершенно одинаково какъ переходъ перваго явленія во второе, т.-е. *A* въ *B*, такъ и обратный переходъ второго въ первое, т.-е. *B* въ *A*. Между тѣмъ наблюденія надъ органическимъ міромъ показываютъ намъ, что переходъ однихъ явленій въ другія совершается въ строго опредѣленномъ направленіи. Если изъ оплодотвореннаго сѣменной нитью яйца развивается мало-по-малу, при посредствѣ сложнаго ряда процессовъ, подчиненныхъ вполнѣ законамъ сохраненія вещества и энергіи, взрослый организмъ, то обратный переходъ взрослаго организма, при помощи тѣхъ же самыхъ процессовъ, но слѣдующихъ другъ за другомъ въ обратномъ порядкѣ, въ одну изъ болѣе раннихъ стадій его развитія оказывается невозможнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наше незнаніе того, чѣмъ опредѣляется возможность превращенія вещества и энергіи въ одномъ направленіи и невозможность ихъ совершенія въ другомъ, представляетъ собою огромный пробѣлъ, къ пополненію котораго всѣми силами должна стремиться наука. Но этотъ пробѣлъ не относится лишь къ однимъ біологическимъ наукамъ, онъ даетъ себя чувствовать въ равной степени и въ наукахъ, относящихся къ неорганическому міру, а именно въ физикѣ и химіи. Здѣсь, на ряду съ процессами, могущими происходить совершенно одинаково въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ и носящихъ поэтому названіе обратимыхъ процессовъ, мы встрѣчаемся также на каждомъ шагу и съ процессами необратимыми, причемъ физикъ и химикъ во многихъ случаяхъ, не прибѣгая къ непосредственному опыту, не имѣетъ возможности рѣшить, какой изъ процессовъ обратимъ и какой имѣетъ необратимый характеръ. Возможность выясненія этого составляетъ задачу, надъ которой трудятся, и не безъ успѣха, современные изслѣдователи неорганической природы, и мы можемъ надѣяться, что современная научная механическая схема объясненія явленій будетъ раньше или позже измѣнена въ большей или меньшей степени съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи охватить и тѣ явленія, которыя пока въ ней не находятъ мѣста. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній допускать спеціально для жизненныхъ явленій какую-то особенную, имъ однимъ присущую силу и представляется гораздо болѣе цѣлесообразнымъ выждать, пока аналогичныя явленія во внѣшнемъ мірѣ не получатъ должнаго объясненія, и тогда лишь пытаться примѣнить это объясненіе и къ міру органическому. Принятіе такого выжидательнаго положенія тѣмъ болѣе естественно, что выработка научныхъ схемъ должна быть во всякомъ случаѣ легче для науки о

неорганическомъ мірѣ: явленія, съ которыми имѣетъ дѣло послѣдняя, несравненно проще явленій біологическихъ.

Итакъ, не имѣется никакихъ положительныхъ основаній для признанія жизненной силы и эта послѣдняя, въ томъ видѣ, какъ ее представляютъ себѣ неовиталисты, могла бы быть разсматриваема лишь какъ какая-то неуловимая метафизическая сущность, реальность которой не можетъ быть обнаружена. Въ виду чисто схематическаго характера нашихъ знаній, мы могли бы примириться и съ этимъ и допустить жизненную силу въ качествѣ вспомогательной гипотезы, если бы только она была въ состояніи разъяснить намъ хоть что-либо въ явленіяхъ жизни и вообще способствовала бы въ какомъ-либо отношеніи успѣхамъ нашего изслѣдованія въ области біологическихъ явленій. Но она не дала намъ ничего въ этомъ отношеніи. Мало того, легко показать, что признаніе жизненной силы является не только безполезнымъ въ смыслѣ прогресса нашихъ свѣдѣній по вопросамъ жизни, но что оно способно ввести сюда такую путаницу, которая должна сдѣлать всякое изслѣдованіе совершенно невозможнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ допустимъ, что мы признаемъ присутствіе жизненной силы какъ особаго, присущаго лишь живымъ образованіямъ агента, отличнаго отъ всѣхъ другихъ агентовъ внѣшней природы и дающаго своеобразное направленіе всѣмъ біологическимъ процессамъ. Если мы пожелаемъ воспользоваться этимъ признаніемъ такъ или иначе для цѣлей изслѣдованія, мы должны допустить, что жизненная сила представляетъ собою нѣчто подлежащее хотя бы самому элементарному измѣренію. Такъ, жизненная сила, проявляющаяся въ цѣломъ организмѣ, должна представляться суммой такихъ же силъ отдѣльныхъ его клѣточныхъ элементовъ, общая сумма жизненныхъ силъ нѣсколькихъ организмовъ должна быть больше жизненной силы каждаго отдѣльнаго организма и т. п. Но даже при провѣркѣ такихъ простыхъ количественныхъ отношеній, мы встрѣчаемся съ такими затрудненіями, которыя должны сдѣлать не только всякое изслѣдованіе, но и всякія гипотезы совершенно невозможными. Разберемъ для поясненія сказаннаго нѣсколько примѣровъ.

Каждый высшій организмъ развивается, какъ вамъ извѣстно, изъ яйца, оплодотвореннаго сѣменной нитью. Каждый такой организмъ можетъ сдѣлаться родоначальникомъ чрезвычайно многочисленнаго поколѣнія, такъ что изъ двухъ спарившихся между собою животныхъ можетъ произойти, по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній, тысячи, а можетъ быть даже милліоны животныхъ. Точно также одно сѣмя какого-либо новаго для данной страны растенія, попавъ на плодородную почву, можетъ стать источникомъ развитія со временемъ несчетнаго количества растеній этого рода. Такимъ образомъ жизненная сила, насколько по крайней мѣрѣ можно судить по ея проявленіямъ, возросла въ тысячи и милліоны разъ. Изъ какого источника произошло это наростаніе?

Если будемъ принимать вмѣстѣ съ неовиталистами, что жизненная сила не имѣетъ ничего общаго съ силами неорганизованной природы и не можетъ изъ нихъ возникнуть, то источникъ столь громаднаго возрастанія жизненной силы долженъ оставаться для насъ покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Единственный выходъ изъ подобнаго затрудненія состоялъ бы въ предположеніи, что первоначальное яйцо и сѣмя, взятыхъ нами для примѣра животнаго и растенія заключали въ себѣ съ самаго начала въ скрытомъ состояніи то громадное количество жизненной силы, которая проявлялась лишь постепенно въ цѣломъ рядѣ поколѣній.

Но едва ли кто-либо могъ бы признать такой выходъ особенно удачнымъ. Его полная недопустимость обнаруживается еще нагляднѣе, если мы, вмѣсто того, чтобы слѣдить за судьбою послѣдовательныхъ поколѣній одного какого-либо растенія и животнаго, бросимъ взглядъ на то, что мы знаемъ относительно послѣдовательнаго развитія органическаго міра во всемъ его цѣломъ. Когда и какъ бы ни появилась жизнь на землѣ, она должна была зародиться въ видѣ ограниченнаго числа простѣйшихъ представителей, сравнительно съ которыми самые низшіе изъ извѣстныхъ намъ въ настоящее время организмовъ, въ родѣ амебъ и инфузорій, должны считаться существами чрезвычайно высокоорганизованными. И вотъ эти-то простѣйшія существа сдѣлались родоначальниками всего органическаго міра, т.-е. съ точки зрѣнія витализма они должны были уже сразу заключать въ себѣ всю ту жизненную силу, которая проявляется въ настоящее время во всемъ многочисленномъ и высокоорганизованномъ живомъ населеніи нашей планеты!

Если, на основаніи приведенныхъ примѣровъ, мы, съ точки зрѣнія витализма, могли бы охарактеризировать жизненную силу, какъ нѣчто способное къ самопроизвольному безконечному наростанію и осложненію, то можно привести примѣры и обратнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что яйцо животнаго и и сѣмя растенія, которыя при благопріятныхъ условіяхъ могли бы стать источникомъ развитія неисчислимаго количества животныхъ и растительныхъ организмовъ. попавъ въ неблагопріятныя условія, погибаютъ. Эта гибель, какъ показываетъ опытъ, бываетъ всегда окончательной, т.-е. изъ погибшаго яйца и изъ погибшаго растительнаго сѣмени не можетъ уже ни при какихъ условіяхъ развиться ни одинъ животный или растительный организмъ. Итакъ тотъ предполагавшійся нами громадный запасъ жизненной силы, который долженъ былъ скрываться въ яйцѣ или сѣмени, исчезъ теперь безъ слѣда.

Приведенныхъ примѣровъ я думаю, совершенно достаточно для того, чтобы убѣдить насъ насколько, при признаніи жизненной силы, всѣ біологическія явленія должны пріобрѣсти совершенно случайный и не поддающійся никакому анализу характеръ. Изъ нихъ же съ

особенной наглядностью вытекаетъ необходимость признанія того, что органическій и неорганическій міры способны претворяться взаимно другъ въ друга и не могутъ быть отдѣлены одинъ отъ другого никакой рѣзкой чертой: жизнь и живая матерія со всѣми ея свойствами должна составлять продуктъ той же самой матеріи и тѣхъ же силъ, которыя мы встрѣчаемъ въ мертвой природѣ. Поэтому, въ случаѣ, если бы при дальнѣйшемъ развитіи науки оказалось необходимымъ измѣнить въ значительной степени нынѣшнюю механическую схему представленія явленій, вводя въ нее новые факторы немеханическаго характера, или даже оставить ее окончательно, замѣнивъ новой, покоющейся на иныхъ основаніяхъ, схемой, всѣ эти измѣненія должны касаться совершенно одинаково нашихъ научныхъ представленій какъ объ органическомъ, такъ и о неорганическомъ мірѣ.

До сихъ поръ, при разборѣ отношенія явленій жизни къ прочимъ явленіямъ природы, я намѣренно избѣгалъ упоминанія о психическихъ явленіяхъ. Каждому навѣрно уже приходило на умъ, что психическія явленія отличаютъ кореннымъ образомъ живые организмы отъ мертвой матеріи.

Дѣйствительно, при отождествленіи явленій жизни съ остальными явленіями природы мы встрѣчаемъ наибольшее затрудненіе со стороны психическихъ процессовъ, которые стоятъ совершенно особнякомъ и не могутъ быть никоимъ образомъ введены въ рамки чисто механическихъ схемъ. Можно даже утверждать, что присутствіе въ насъ психическихъ явленій и послужило главнымъ мотивомъ, заставившимъ неовиталистовъ допускать особенную жизненную силу. Будучи единственными явленіями, присутствіе которыхъ въ насъ самихъ мы ощущаемъ съ такой неопровержимой ясностью, въ то время, какъ на ихъ присутствіе въ мертвой природѣ, мы не имѣемъ никакихъ даже слабыхъ указаній, психическія явленія могли бы быть разсматриваемы какъ реальное воплощеніе самой жизненной силы. Другими словами, можно было бы думать, что жизненная сила есть не что иное, какъ дѣйствующія въ живыхъ тѣлахъ психическія явленія.

Но очевидно, что при такомъ отожествленіи жизненной силы съ психическими явленіями, мы не подвигаемся ни на шагъ впередъ ни въ пониманіи явленій жизни вообще, ни въ пониманіи психическихъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, никто никогда не выражалъ сомнѣнія въ существованіи психическихъ явленій. При отожествленіи ихъ съ жизненной силой, мы для нихъ лишь вмѣсто одного названія предлагаемъ другое, что, очевидно, нисколько не измѣняетъ общаго положенія дѣла. Въ то же самое время всѣ тѣ затрудненія, съ которыми связано допущеніе жизненной силы и которыя были очерчены нами выше, остаются попрежнему неустранимыми.

Поэтому мнѣ кажется несравненно болѣе раціональнымъ прямо и откровенно сознаться въ томъ, что происхожденіе психическихъ явле-

ній, равно какъ отношеніе, связывающее ихъ съ остальными явленіями природы, остаются для насъ непонятными, чѣмъ пользоваться ими, какъ до нельзя сомнительнымъ доказательствомъ существованія другого, уже намъ совершенно неизвѣстнаго и совершенно неуловимаго агента—жизненной силы.

Я не могу вдаваться здѣсь въ детальное изложенія того положенія, которое занимаетъ въ настоящее время наука по отношенію къ психическимъ явленіямъ, такъ какъ для этого было бы необходимо ознакомиться предварительно съ результатами физіологическихъ изслѣдованій центральной нервной системы, этого сѣдалища всѣхъ происходящихъ внутри насъ психическихъ явленій; укажу лишь на то, что та неизмѣримая пропасть, которая отдѣляетъ для насъ психическія явленія отъ всѣхъ механическихъ явленій природы, зависитъ, можетъ быть, отъ различія способовъ, при посредствѣ которыхъ тѣ и другія доходятъ до нашего сознанія, т.-е. отъ особенностей нашей организаціи: въ то время какъ для познанія окружающаго міра требуется воздѣйствіе его извнѣ на наши органы чувствъ, познаніе психическаго міра открывается передъ нами лишь какъ непосредственный результатъ нашего внутренняго самонаблюденія. Поэтому-то для каждаго изъ насъ доступенъ исключительно лишь свой собственный психическій міръ, а о существованіи психическихъ явленій у другихъ людей и животныхъ мы заключаемъ лишь по аналогіи. Если такимъ образомъ мы не имѣемъ возможности воспринимать непосредственно даже тѣхъ психическихъ явленій, которыя происходятъ у окружающихъ насъ людей, то очевидно, что отсутствіе указаній на что-либо во внѣшней природѣ, соотвѣтствующее или могущее служить источникомъ развитія психическихъ явленій у животныхъ, не можетъ никоимъ образомъ служить доказательствомъ коренного различія міровъ органическаго и неорганическаго.

Подводя итоги всему сказанному, мы приходимъ къ выводу, что воскресшая жизненная сила неовиталистовъ появилась на свѣтъ уже мертворожденной. Не только она не была въ состояніи объяснить что-либо новое, но оказалось, что она не могла даже вдохновить ея авторовъ на какія-либо новыя изслѣдованія, которыя руководились бы ея признаніемъ. Такъ, *Бунге*, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ адептовъ неовитализма, говоритъ прямо, что признаніе жизненной силы не можетъ пока оказать никакого вліянія на ходъ физіологическаго изслѣдованія, которое должно продолжать идти по тѣмъ же путямъ, по которымъ оно шло до сихъ поръ. Выражая это иными словами, мы можемъ сказать, что физіологическое изслѣдованіе, для того, чтобы быть плодотворнымъ, должно совершенно игнорировать жизненную силу. Трудно найти болѣе ясное доказательство полной безплодности признанія жизненной силы, доказательство, которое представляется

особенно многознаменательнымъ въ устахъ одного изъ наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ неовитализма!

Поэтому мы не только можемъ, но и должны оставить въ сторонѣ всѣ метафизическія попытки воскрешенія жизненной силы и спокойно идти по тому пути, который завѣщала намъ біологическая наука прошлаго столѣтія и который въ рукахъ шедшихъ по немъ изслѣдователей далъ столь блестящіе результаты. До сихъ поръ только этотъ путь оказался плодотворнымъ въ смыслѣ все большаго и большаго обогащенія нашихъ знаній насчетъ жизненныхъ явленій и въ смыслѣ полученія нами все большей и большей возможности вторгаться активно въ жизненные процессы больного организма съ цѣлью возвращенія ихъ къ нормальному состоянію. Вся та польза, которая до сихъ поръ была принесена медициной страждущему человѣчеству, обязана исключительно такому направленію біологическихъ наукъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что дальнѣйшее систематическое его приложеніе не окажется столь же, а можетъ быть и значительно болѣе полезнымъ въ будущемъ.

Заканчивая свою статью, я считаю необходимымъ, въ видахъ избѣжанія могущихъ возникнуть недоразумѣній, сказать еще нѣсколько словъ о томъ положеніи, которое мы должны отвести научнымъ даннымъ по отношенію къ самымъ разнообразнымъ другимъ продуктамъ человѣческой духовной дѣятельности (къ даннымъ философскимъ, метафизическимъ, теологическимъ и другимъ).

Въ этомъ отношеніи высказываются самые разнообразные взгляды. Одни, питая слѣпое довѣріе къ опытной наукѣ, считаютъ лишь ея данныя строго достовѣрными и имѣющими исключительную цѣнность, тогда какъ на всѣ остальные продукты духовной дѣятельности человѣка смотрятъ лишь какъ на достойныя сожалѣнія отклоненія ума въ ложную сторону и потому обреченныя раньше или позже на полное забвеніе. Другіе же, наоборотъ, отводя наукѣ лишь узко практическія задачи, считаютъ ее неспособной удовлетворить высшимъ требованіямъ человѣческаго ума, и поэтому въ ряду другихъ продуктовъ умственной дѣятельности отводятъ ей самое второстепенное мѣсто.

Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, также какъ и въ большинствѣ другихъ, когда сталкиваются между собою два взаимно другъ другу противорѣчащихъ взгляда, истина должна лежать гдѣ-либо по срединѣ между обѣими крайностями.

Съ одной стороны, мы не имѣемъ основанія относиться къ научнымъ даннымъ со слѣпымъ довѣріемъ и считать науку непогрѣшимой. Въ этомъ мы можемъ легко убѣдиться, если вдумаемся въ тотъ способъ, какимъ добываются научныя истины. У науки нѣтъ средствъ, при помощи которыхъ она могла бы непосредственно раскрывать «тайны» природы. При ихъ раскрытіи наука должна идти путемъ окольнымъ и

притомъ часто весьма сложнымъ. Языкъ природы, толковательницей котораго является наука,—это языкъ явленій, языкъ настолько сложный и для насъ непонятный, что мы можемъ истолковывать его лишь при помощи подбиранія къ нему особеннаго ключа. Такимъ ключомъ служатъ изобрѣтаемыя нами схемы, т.-е. наши гипотезы и теоріи. Отвѣтомъ на то, вѣрно ли подобранъ ключъ, служитъ успѣшность, съ которой мы оріентируемся среди явленій природы. Поэтому единственная достовѣрность какой-нибудь научной теоріи—это возможность съ ея помощью охватить возможно большій кругъ явленій и въ особенности возможность предугадывать и открывать новыя явленія. Хотя современная наука и выдержала блестяще это испытаніе и вслѣдствіе этого заняла совершенно исключительное положеніе сравнительно съ другими продуктами духовной дѣятельности, тѣмъ не менѣе очевидно, что ея достовѣрность все-таки лишь только относительна; мы должны признать это тѣмъ болѣе, что сомнѣніе въ достовѣрности добытыхъ уже наукою данныхъ служило и продолжаетъ служить главнымъ факторомъ побѣдоноснаго ея шествія впередъ.

Отрицая полную непогрѣшимость науки, мы не должны въ то же самое время относиться слишкомъ легко къ остальнымъ продуктамъ духовной дѣятельности человѣка. Хотя всѣ эти продукты, при ихъ испытаніи на явленіяхъ природы, не были въ состояніи выдержать той провѣрки, какую выдержала точная наука, тѣмъ не менѣе и они имѣютъ громадное значеніе въ томъ смыслѣ, что они способны для многихъ дать нравственное удовлетвореніе и способствовать счастью часто въ значительно большей степени, чѣмъ на это оказывается способной наука. Значеніе всѣхъ, такъ сказать, ненаучныхъ продуктовъ духовной дѣятельности человѣка должно особенно возрасти въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что они до сихъ поръ сохраняютъ за собою почти исключительную компетенцію въ такихъ важныхъ и пока почти совершенно недоступныхъ наукѣ областяхъ, какъ область нравственныхъ идеаловъ, оставляющихъ частью глубокіе слѣды въ исторіи цѣлыхъ эпохъ. Поэтому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ они имѣютъ полное право на существованіе рядомъ съ точной наукой. Единственное, чего мы должны требовать, это точнаго разграниченія указанныхъ двухъ различныхъ сферъ духовной дѣятельности, такъ какъ ихъ смѣшеніе способно вести лишь и не разъ вело къ печальнымъ заблужденіямъ.

НА РИВЬЕРѢ.

— Сеньёрэ Марчелли! Давно ли вы купили эту виллу?

— Эту... Да-а, послѣ поѣздки въ городъ Ростовъ-на-Дону,—ваша Россія...

Смуглый, низкорослый и приземистый итальянецъ повернулся ко мнѣ отъ апельсиноваго дерева, густую листву котораго пудрилъ известью... Онъ говорилъ на хорошемъ французскомъ языкѣ и скалилъ бѣлые зубы.

— Ну, а та вилла, гдѣ вы живете, тоже собственная?

— Ахъ, конечно! Какой же домовладѣлецъ будетъ жить въ чужой...

— А ее когда купили?

— Черезъ шесть мѣсяцевъ... Послѣ поѣздки въ Ригу—это тоже Россія!

— Но у васъ, кажется, есть еще одна вилла по Strada a San-Martino?

— Какъ же... Такъ, небольшая... Эта досталась мнѣ послѣ поѣздки въ Москву...

— Однако! Что ни поѣздка въ Россію, то сейчасъ же и вилла, точно грибъ послѣ дождя! Да развѣ вы говорите по-русски?

— Ни звука! Нѣтъ, впрочемъ, три слова знаю: я не понимайу, кутуска и кнуутъ....

— Что же вы дѣлали въ Россіи?

Онъ оглянулся кругомъ.

— Я ѣздилъ туда по своей спеціальности... Я вожу въ Россію покойниковъ...

— Неужели?!

— Да-а... Эти умные русскіе доктора присылаютъ на Ривьеру совершенно безнадежныхъ. Каждую весну и осень у насъ въ Санъ-Ремо столько покойниковъ, что кажется, будто это не курортъ, а какое-то кладбище... Понятно, богатые родные желаютъ похоронить любимаго человѣка на родинѣ и не жалѣютъ денегъ. Во всемъ Санъ-Ремо я одинъ берусь сопровождать гробъ. На Ривьерѣ такихъ, какъ я, очень много, особенно на французской.

Въ Ментонѣ—четыре, а въ Ниццѣ они скоро поѣдятъ другъ друга... Только здѣсь, слава Богу, у меня монополія!..

— Какъ вы рѣшаетесь ѣздить въ Россію, не зная русскаго языка?

— Въ этомъ-то и проявилась моя иниціатива. На мое счастье тутъ никто не знаетъ его. И потому всѣ боятся Россіи. Они думаютъ, что тамъ по улицамъ бѣгаютъ бѣлые медвѣди, которые въ любой моментъ могутъ сожрать прохожаго, что тамъ повсюду устроены каменные мѣшки, куда полиція безнаказанно сажаетъ всякаго, кто ей кажется недозволенной личностью и не съумѣетъ во-время откупиться... Всѣ люди вообще жалкіе трусы и безсильны найти свою собственную дорогу въ жизни. Я самостоятельно рѣшилъ заняться этимъ дѣломъ, и оно оказалось очень простымъ. Я берусь объѣхать весь свѣтъ безъ языка! Люди болѣе понятливы, чѣмъ о нихъ думаютъ. Разъ, въ Кіевѣ, при мнѣ мальчишки напали на какого-то малютку и начали тузить ему бока. Я шелъ мимо, увидалъ, остановился и принялся по-итальянски уговаривать ихъ оставить бѣднягу въ покоѣ. И они все поняли. Они по-русски начали оправдываться! Мы поговорили по душѣ, каждый на своемъ языкѣ, а малюка они больше не трогали... Прежде чѣмъ заняться своей профессіей, я служилъ кельнеромъ въ отелѣ, научился говорить по-нѣмецки и французски... Для того, чтобъ изучить англійскій языкъ, я ѣздилъ лакеемъ въ Лондонъ. Въ Hôtel «Roma» я много разговаривалъ съ однимъ русскимъ... У него не было знакомыхъ и онъ очень тосковалъ. Отъ него я и наслышался о Россіи. Она ему казалась чудной страной поэтовъ и онъ увѣрялъ, будто малороссійскіе соловьи поютъ лучше итальянскихъ, а что русскій сѣнокосъ пахнетъ нѣжнѣе горныхъ фіалокъ... Его перваго я и повезъ въ Россію... И это было такъ горько...—Марчелли замолчалъ и уже не скалилъ бѣлыхъ зубовъ.

— Почему же здѣсь у васъ нѣтъ конкурентовъ, вѣдь всѣ видятъ, что медвѣди не трогаютъ васъ?..

— Почему?..—Марчелли самодовольно засмѣялся и внимательно оглядѣлся кругомъ. — Каждый разъ, возвращаясь изъ Россіи, я разсказываю, будто сидѣлъ въ «кутуска», что вся моя спина болитъ отъ «кнуутъ'а», и какъ это ужасно. У васъ, дѣйствительно, можно услышать такіе разсказы. Я выбираю позанимательнѣе и сообщаю «о своемъ позорѣ» подъ большимъ секретомъ знакомымъ... Тогда объ этомъ приключеніи говоритъ весь городъ, и никто не рѣшается ѣхать. Всѣмъ «кутуска» кажется страшнѣе даже бѣлыхъ медвѣдей, и моя монополія остается неприкосновенной...

Это былъ самый обыкновенный европейскій «книжный магазинъ». Витрины его пестрѣли не только книгами, но и невѣроятнымъ количествомъ почтовыхъ открытыхъ писемъ съ картинками и видами. Какъ всегда, посреди комнаты стоялъ, точно билліардъ, громадный столъ, замѣняющій прилавокъ и заваленный позднѣйшими изданіями, а въ уголкѣ ютилось небольшое канцелярское бюро. У стола, по обыкновенію, возился приказчикъ, а у бюро—хозяинъ... Но было нѣчто, выдѣляющее этотъ магазинъ среди другихъ: надъ его дверьми красовалась изрядная вывѣска, заманчиво манящая родными словами: «Русской библіотеки»...

Помню, попавъ въ Санъ-Ремо, я скоро натолкнулся на эту неграмотную надпись, и она привела меня въ «патріотическій» восторгъ.—Я поторопился сдѣлаться подписчикомъ библіотеки. Хозяинъ магазина, сеньеръ Крамеръ, оказался длиннымъ, тощимъ нѣмцемъ. Его угрюмое лицо и впалая грудь дышали усталостью, томящимъ недовольствомъ... Я записался, внесъ десятифранковый залогъ и попросилъ каталогъ библіотеки.

— Какой вамъ каталогъ?!—рѣзко и даже грубо заворчалъ хозяинъ.—Вотъ вамъ вся библіотека, смотрите сами!

И онъ указалъ мнѣ на полкѣ, шириною въ полтора аршина, два ряда книгъ.

Я подошелъ къ этой рѣдкостной «библіотекѣ» и началъ рыться. Тутъ были исключительно брошюрки заграничнаго изданія.

— Нѣтъ ли у васъ сочиненій Горькаго?—спросилъ я.

— Это какія: толстыя или тонкія? — недовольно отозвался Крамеръ, едва отрываясь отъ бюро.

Я не понялъ.

— Книга-то какая на видъ: толстая или тонкая?—сердито обратился ко мнѣ владѣлецъ библіотеки.

Я отвѣтилъ, что средняя.

— У меня *среднихъ* нѣтъ,—объяснилъ Крамеръ,—тонкія—на нижней полкѣ, а толстыя—на верхней, смотрите сами!

На верхней полкѣ было нѣсколько книгъ и средней величины. Но Горького не оказалось.

— Отчего вы не выпишите его сочиненій?—не унывалъ я.

—У меня сейчасъ сорокъ подписчиковъ! Развѣ можно при такомъ количествѣ еще выписывать книги?! Ваше правительство дѣлаетъ все, чтобъ въ заграничныхъ библіотекахъ были исключительно заграничныя изданія: нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой дорогой почты для книгъ! Подайте ему вотумъ объ удешевленіи почты, и я куплю для васъ Горькаго!..

Какъ-то я зашелъ въ «библіотеку». У широкаго стола копошился приказчикъ—молодой еще юноша. Крамера не было.

— Гдѣ хозяинъ?—полюбопытствовалъ я.

— Пошелъ обѣдать, а потомъ отправится гулять въ Буссану-Веккіа,—отвѣтилъ приказчикъ, весело улыбаясь и съ такимъ блаженнымъ видомъ, точно самъ собирался въ прибрежныя горы Средиземного моря.

— Что вы такъ?—спросилъ я его.

Ничего не говоря, онъ бодро тряхнулъ своимъ гордо торчащимъ кверху чубомъ и засмѣялся.

— Мой хозяинъ, словно, старая баба: все—бу-бу-бу, да бу-бу-бу!.. У-у! Невозможный субъектъ, слава Богу, пошелъ провѣтриться,—произнесъ онъ и снова засмѣялся.

— Вотъ какъ?—спросилъ я и самъ улыбнулся, вспомнивъ, какъ постоянно рычитъ Крамеръ и на меня.

— Онъ страдаетъ легкими и потому думаетъ, что всѣ окружающіе люди тоже должны кряхтѣть. Но подумайте: если у меня болитъ животъ, неужели онъ долженъ болѣть у всѣхъ? Прослуживъ у хозяина годъ я намучился за десять. Сегодня—первый отдыхъ отъ непрерывной воркотни... Невозможный субъектъ!..

Я взялъ одну изъ «тонкихъ» книгъ и вышелъ.

На слѣдующій день я снова былъ въ «библіотекѣ». Крамеръ попрежнему сидѣлъ за своимъ бюро. Но во всемъ согбенномъ и тощемъ тѣлѣ его было что-то глубоко трагическое. Я не выдержалъ и подошелъ къ нему.

— А вы все въ работѣ,—обратился я къ Крамеру.—Добрый день!

Онъ едва поднялъ голову отъ своей бухгалтерской книги.

— Ничего въ этомъ днѣ нѣтъ хорошаго,—рѣзко отвѣтилъ Крамеръ.

— Что вы все такъ недовольны,—не унимался я.—Когда къ вамъ ни обратишься, вы либо обрываете, либо все ворчите: бу-бу-бу, да бу-бу-бу!—промолвилъ я...

Но тутъ я чуть не расхохотался, увидѣвъ искаженное испугомъ лицо приказчика. Бѣдняга, очевидно, не слышалъ нашего разговора, но послѣднія слова донеслись до него и облили ушатомъ горячей воды. Онъ напряженно слушалъ, весь багровый, пряча лицо въ большомъ переплетѣ.

Крамеръ засмѣялся и всталъ.

— Ахъ, господинъ,—отвѣчалъ онъ,—вамъ хорошо говорить такъ, когда вы здоровы. Я тоже былъ когда-то здоровъ и тогда могъ шутить... Но теперь моя жизнь разбита. Я сильно тоскую по Германіи. Здѣсь—чудная страна. Ахъ, эта вѣчная, сказочная

весна... Вчера я былъ въ горахъ и бродилъ по оливковымъ рощамъ. Вездѣ, на терассахъ, среди яркой травы, цвѣтутъ дикіе гіацинты и пьянятъ своимъ сладкимъ запахомъ. Крупныя фіалки покрываютъ землю темно-синими коврами, и руки устаютъ ихъ рвать... А вѣдь сейчасъ въ Европѣ зима... Подъ полотняной шляпой, въ лѣтнемъ пиджакѣ мнѣ было жарко. Какъ эта природа встряхиваетъ, молодитъ. Я прыгалъ съ терассы на терассу, точно тирольская коза. Мнѣ хотѣлось пѣть. Вѣдь и я умѣю пѣть: не голосомъ, а самому себѣ... И всетаки меня тянетъ въ мой родной Шарлоттенбургъ съ его тающимъ снѣгомъ, слякотью... Но я не могу... Вотъ что сдѣлали доктора!.. У меня открылась чахотка, и они сразу послали меня въ Каиръ. Тамъ еще теплѣе, чѣмъ здѣсь. А ночи! Температура, какъ днемъ. Послѣ того всюду и всегда всѣ ночи казались мнѣ сырыми и холодными. Я изнѣжился. Понимаете ли, они не послали меня раньше попробовать счастье на снѣжныхъ горахъ Швейцаріи, а сразу же въ Африку... И я пропалъ—не могу больше вернуться въ родные края. Не гожусь... Понимаете?!. — Онъ смолкъ и началъ шагать по комнатѣ. Его всего дергало. Очевидно Крамеръ отвыкъ говорить по многу и разволновался...

Я очень хорошо понималъ его, потому что самъ пережилъ этотъ проклятый вопросъ... Легкія успѣшно лечатъ и холоднымъ и теплымъ воздухомъ. Но ни одинъ докторъ не можетъ сказать заранѣе, какой именно воздухъ скорѣе и лучше поможетъ больному. Это бываетъ видно только на мѣстѣ. А между ними, большая разница. Изъ холоднаго воздуха въ теплый больной имѣетъ полную возможность переѣхать каждый любой моментъ: 18 часовъ вагона и предъ его глазами—тропическая зелень, вмѣсто зыбучихъ снѣговъ... Изъ теплаго же воздуха въ холодный такъ перекинуться уже немыслимо: для этого нуженъ цѣлый рядъ, цѣлая лѣстница промежуточныхъ климатическихъ станцій... Многіе и русскіе и западно-европейскіе врачи, благодаря незнанію «горъ», боятся посылать больныхъ «въ снѣга» Швейцаріи и, «спасая», навсегда губятъ ихъ непосредственной отправкой въ парники юга... А между тѣмъ, что можетъ быть лучше горъ Швейцаріи... Ароза, Монтана!.. На высотѣ двухъ верстъ— безбрежное море легкаго, прозрачнаго воздуха... Безконечный, фантастичный горизонтъ. Одинъ громадный пятиэтажный домъ санаторіи, въ отдаленіи—нѣсколько чистенькихъ хижинъ для здоровыхъ. Все мѣсто защищено съ трехъ сторонъ цѣпью скалъ... Облака медленно, точно клочья ваты, плывутъ «*внизу*», не рѣшаясь подняться выше середины горы; тамъ «внизу» бываютъ пасмурные, сѣрые, «зимніе» дни, а здѣсь, «вверху»—вѣчное

*

солнце! Яркое, слѣпящее, живительное солнце! Снѣгъ, безъ одной пылинки, стелясь непрерывной, густой пеленой, отливаетъ его, будто лучшій атласъ. Въ воздухѣ *тепло,* настолько тепло, что даже больные ходятъ гулять по дорожкамъ, среди толстаго снѣга, въ лѣтнихъ пальто и соломенныхъ шляпахъ. Окна домовъ цѣлый день открыты настежъ. И минутами, когда не смотришь подъ ноги да не видишь англичанъ, лихо катающихся съ горъ на дѣтскихъ саночкахъ, кажется, будто надъ тобою благодатное небо Ривьеры... Зато въ тѣни—холодно и, можетъ быть, только потому снѣгъ не таетъ...

— Вотъ какъ,—заговорилъ опять Крамеръ,—я поправился, словъ нѣтъ, я могу работать, но вѣдь у меня въ Шарлоттенбургѣ семья, дѣти, друзья, знакомые, наша улица, нашъ народъ, я оторванъ отъ всего, оторванъ отъ родного языка... И теперь я долженъ работать, работать, какъ ломовая кляча, чтобъ забыться, чтобъ «благородно» расплатиться поскорѣй съ долгами... И это дома было бы такъ просто и незамѣтно... О, я понялъ, какъ тяжело здѣсь жить иностранцу. И потому я устроилъ для всѣхъ національностей по библіотекѣ. Вонъ тамъ—испанская, это—русская, есть даже полка японской. Я купилъ ее послѣ одного очень интеллигентнаго студента японца... Для всѣхъ понемножку. Вѣдь сюда съѣзжаются со всѣхъ концовъ міра... Только дѣла мои идутъ плохо, подписчиковъ мало, они все требуютъ толстыхъ книгъ.

Съ того дня я сдѣлался своимъ человѣкомъ въ «русской библіотеки». Если я шелъ по улицѣ мимо магазина, не завернувъ хотя бы на минуту, и Крамеръ замѣчалъ это,—онъ каждый разъ зазывалъ «въ гости». И я заходилъ. Всѣ литературныя новинки были къ моимъ услугамъ; я рылся на большомъ столѣ, точно приказчикъ. Зато я показалъ Крамеру русскій алфавитъ, и онъ черезъ недѣлю—полторы могъ уже разобрать заглавія книгъ.

Однажды я сидѣлъ въ уголкѣ магазина и пересматривалъ кучу новыхъ гравюръ... Дверь распахнулась и въ комнату быстро вошла красивая дама, съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ. Она небрежно положила свою книгу на столъ и направилась къ полкѣ съ библіотеками всѣхъ національностей. «Кто она?—подумалъ я.—Должно быть англичанка: черезчуръ у нея порывистыя движенія!» А она, не обращая ни на кого вниманія и даже не кивнувъ головой Крамеру—взяла первую же книгу изъ ряда русскихъ, взглянула на заглавіе и поставила книгу на мѣсто. Вынула слѣдующую и опять вдвинула ее. И такъ постепенно книгу за книгой... Я пересталъ смотрѣть на нее и занялся своимъ дѣломъ...

— Боже мой!—раздался вдругъ какой-то вопль.—Я прочла всѣ книги!..

«Фу ты, Господи,—подумалъ я,—изъ за такого пустяка такая мелодрама». Но на лицѣ молодой женщины было столько горя, столько искренняго отчаянія, растерянности...

— Сударыня,—обратился я къ ней по-русски,—вотъ здѣсь, около меня, еще цѣлая куча библіотечныхъ книгъ, посмотрите ихъ.

Она быстро подошла и стала перебирать заголовки.

— Читала...—тихо шептала она.—Знаю... читала... да, читала...—И по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ концу кучи, ея руки все больше и больше дрожали. На щекахъ у нея выступилъ яркій румянецъ. Она взглянула на послѣднюю книгу и съ отчаяніемъ бросила ее на столъ.—Все!—сказала она. И въ этомъ возгласѣ я почуялъ что-то роковое. Это было не спроста...

— Что вы такъ волнуетесь?—спросилъ я.—Вѣдь это пустяки...

— Почему?—нервно обратилась она ко мнѣ, точно ловя собесѣдника, которому можно излить душу. Четыре мѣсяца назадъ я привезла сюда мужа. Въ первый же день докторъ объявилъ мнѣ, что мужъ не выживетъ и двухъ сутокъ. И такъ мнѣ говорятъ каждый день... Четыре мѣсяца я не отхожу отъ его постели... У меня здѣсь ни души знакомыхъ. Только и вижу этого противнаго, давящаго хозяина магазина... Впрочемъ, мужъ все равно боится оставаться безъ меня. И я могу отлучаться отъ него лишь на полчаса, послѣ обѣда, когда онъ спитъ. Тогда я опрометью бѣгу сюда, въ библіотеку, взять книгу... Четыре мѣсяца онъ умираетъ и мы все молчимъ и молчимъ. А я читаю и читаю. И вотъ, теперь я все прочла! Что же будетъ дальше, что же мнѣ читать?!..

— Видали ли вы новое русское изданіе «Размышленье»? Вотъ оно—цѣлая кипа...

Она купила всѣ появившіеся номера.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ я.

— Въ виллѣ Натта.

— Ну, такъ мнѣ по дорогѣ, я помогу вамъ донести журналъ.

Мы вышли на улицу и быстро направились по чудной аллеѣ платановъ Виктора Эммануила. На встрѣчу намъ летѣли звуки бойкаго вальса, слышались какіе-то веселые возгласы, въ ушахъ отдавался топотъ ногъ. Мы очутились на площади фонтана. Посреди нея стояло маленькое «механическое пьяно», прижавшееся на уродливой двухколескѣ съ запряженнымъ микроскопическимъ осликомъ. Какой-то старичокъ, въ высокомъ красномъ колпакѣ, съ одушевленіемъ крутилъ рукоятку своего драгоцѣннаго музыкальнаго инструмента, а прохожіе и выскочившіе изъ мастер-

скихъ и дворовъ рабочіе, прислуга носились въ ухарскомъ вальсѣ по всей площади...

— Посмотрите,—сказалъ я моей спутницѣ,—какъ молодецки забрасываетъ ноги тотъ долговязый господинъ—это одинъ изъ лучшихъ портныхъ города, видно и онъ не выдержалъ...

Она удивленно подняла глаза.

— Какъ танцуютъ?! Балъ на улицѣ?..

— Ну, конечно.

— А полиція—ничего?

— Да развѣ вы не видали раньше? Вѣдь это—каждый день, на каждомъ шагу... У нихъ такіе порядки!

— Представьте себѣ, я часто слышала музыку, но никогда не смотрѣла... Это сегодня я такъ запоздала... Вѣдь я всегда бѣгу и потому гляжу подъ ноги...

— Вы говорите—полиція. Вонъ—городовой, видите тамъ, въ сторонѣ, важно прохаживается господинъ, тотъ, что даже не глядитъ сюда...

— Ну что вы?! Неужели это полисмэнъ?

— Конечно, вѣдь онъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ кантиками на рукавахъ...

— Но гдѣ же его оружіе?

— А желтая палка въ рукахъ!

— Вотъ тебѣ и на! Въ первый разъ вижу такого городового...

Мы шли уже по открытой улицѣ. Сбоку, налѣво, безконечной вереницей тянулись сады, то прячась за высокіе каменные заборы, то перекидываясь черезъ болѣе низкіе на улицу, точно юныя сеньорины, заглядѣвшіяся на берсальеровъ... На право, по сторонамъ желѣзныхъ штакетовъ изгородей и стволовъ деревъ просвѣчивало дивное Средиземное море... Не смотря на январь мѣсяцъ, все утопало въ цвѣтахъ. Розы, разросшіяся не только кустами, но и громадными деревьями покрывали своими огненными, яркими шапками, на зеленой подкладкѣ, крыши двухъэтажныхъ и трехъэтажныхъ домовъ. Густые, какъ темный боръ, эвкалипты, засыпанные дозрѣвающими нефли, этой удивительной породой сливы, пестрили изумрудовую зелень; колоссальные кактусы громоздились своими колючками на заборахъ, пробирались на улицу. Лимоновыя, мандариновыя и апельсиновыя деревья, со сбившейся въ кучу листвой, иныя, цвѣтя, бѣлѣли, точно облѣпленныя снѣгомъ, другія клонили вѣтви къ землѣ отъ тяжести созрѣвающихъ плодовъ... Гордыя пальмы на высокихъ, зубчатыхъ стволахъ раскидывали во всѣ стороны свои иглистыя вѣтви... Всѣ тѣ цвѣты, которые мы привыкли видѣть въ оранжереяхъ или въ дорогихъ магазинахъ за зеркальными стеклами, привольно,

могуче росли на открытомъ воздухѣ. И казалось, весна, лѣто и осень спутались здѣсь воедино, и природа брала отъ нихъ все, что есть лучшаго въ нихъ... А надо всѣмъ сіяло горячее солнце и простиралось необъятное темно-голубое, безоблачное небо. .

— Посмотрите, — заговорилъ я, — вчера еще эта финиковая пальма стояла съ желтыми лопастями у стволовъ, а сегодня всѣ онѣ уже раскрылись, и изъ нихъ вылѣзли вѣтви съ плодами. Взгляните, какая прелесть, точно декорація въ волшебной фееріи— вѣрить не хочется...

— Гдѣ финики?! Неужели настоящіе?—удивилась она...

— Какъ, вы до сихъ поръ не видѣли финиковыхъ пальмъ? Вонъ, цѣлая аллея—къ морю... Только плоды ихъ скверны; не то что алжирскихъ—малы и терпки. Я пробовалъ...

— А я и не знала,—промолвила она...

— Ну, а замѣтили ли вы вездѣ на стѣнахъ эти красныя афиши съ узорчатымъ словомъ: «muratori»? Знаете ли, что это такое?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила она, и мы замолчали...

Мимо, пыхтя и стуча, промчался запыленный автомобиль съ такими же запыленными сѣдоками въ сѣрыхъ балахонахъ, очкахъ и маскахъ. Насъ обдало гарью бензина и густой, жесткой пылью... Она вздрогнула.

— Въ первый же день, когда я везла мужа съ вокзала, тоже проѣхалъ автомобиль, и мужъ чуть не задохнулся—кровь хлынула горломъ,—тихо сказала она...

Мы молча шли...

— Скажите,—обратился я къ ней,—были ли вы хоть разъ на берегу этого изумительнаго моря, вѣдь около вашего отеля—чудесная набережная, туда вамъ легче всего сходить...

— Нѣтъ...

— Ну такъ зайдите поскорѣе: вчера, во время бури, весь берегъ засыпало молюсками, и теперь камни и песокъ словно разрисованы въ разныя цвѣта — синіе, фіолетовые, розовые... Черезъ день къ берегу невозможно будетъ подступиться: они начнутъ гнить и тогда...

— Нѣтъ, нѣтъ я не была тамъ—это все не для меня, не для меня...—Не договоривъ, она замолчала и безпокойно взглянула на часы.—Пойдемъ скорѣе, я боюсь,—тихо промолвила моя спутница, и на лицѣ ея опять появились растерянность и страданіе. .

И мы снова замолчали...

На душѣ у меня поднималась тревога. Она здѣсь одна и одинока. Когда онъ умретъ, ей будетъ нужна помощь. Предло-

жить бы ей прислать тогда за мною? Но я не рѣшился заговорить объ этомъ. Слово «скончается» замирало на устахъ... Я не нашелся... Мы быстро пожали другъ другу руки, она вбѣжала въ ворота, и я пошелъ дальше...

Теперь я не смотрѣлъ кругомъ. Мнѣ не хотѣлось глядѣть на эти декораціи природы, на эти театральныя пальмы, на эти розы, густо покрывающія и виллу Натту, точно гробъ молодой, загубленной жизни.. «Сколько же тамъ—за кулисами природы,—въ этой ужасной вереницѣ колоссальныхъ домовъ «для пріѣзжихъ» скрывается страшнаго горя», думалъ я, а въ головѣ неяснымъ мотивомъ выплывала гдѣ-то и когда-то слышанная пѣснь—«не для меня, не для меня придетъ весна»...

— Да, да, не для нея, не для нея, не для нихъ,—повторялъ я и шагалъ дальше...

Какъ-то, спустя недѣлю—полторы, я брелъ въ городъ. Вдругъ у воротъ виллы Натта я увидѣлъ сеньора Марчелли. Онъ былъ одѣтъ необыкновенно торжественно: длинный черный сюртукъ, застегнутый доверху на всѣ пуговицы, черный галстухъ, черныя перчатки, черный же матовый цилиндръ, овитый крепомъ... Въ такомъ облаченіи за границей бываютъ только на похоронахъ. И тѣмъ не менѣе Марчелли весь сіялъ.

— Поздравьте меня!—закричалъ онъ еще издали.—Я ѣду въ Россію. Договоръ подписанъ. Дама уже уѣхала и предоставила мнѣ распоряжаться. Да, на этотъ разъ сеньору Марчелли можетъ позавидовать самый практичный человѣкъ Ривьеры!..

Владиміръ Беренштамъ.

ИЗЪ ДРЕВНЕРИМСКИХЪ БЫТОВЫХЪ ОТНОШЕНІЙ.

I.

«Panem et circenses»—«хлѣба и зрѣлищъ»—таковы были, по словамъ римскаго сатирика, объ оси, вокругъ которыхъ вращались всѣ колеса мыслей и чувствъ обыкновеннаго римскаго гражданина... и его ли одного? Другой сатирикъ, писавшій сатиру уже не на одинъ только Римъ, а на человѣчество и даже міръ, Шопенгауеръ, видѣлъ въ этихъ двухъ словахъ содержаніе всей жизни человѣка, поочередно бичуемаго обоими врагами своего существованія, нуждой и скукой. Обратимся, однако, къ Риму. Отвѣтъ на первое, самое насущное требованіе уже къ концу второго вѣка до Р. Х. послѣдовалъ въ формѣ, поражающей насъ на первый взглядъ, а именно, что всякій римскій гражданинъ, какъ таковой, имѣетъ право на извѣстный минимумъ хлѣба; доставлять ему этотъ минимумъ обязана была казна, т.-е., другими словами, провинціалы, такъ какъ поборами съ нихъ пополнялась казна. Стали появляться одинъ за другимъ такъ называемые фрументарные законы, имѣвшіе цѣлью регулировать то, что позднѣе стали называть фрументаціями, т.-е. обезпеченіе хлѣбомъ римской городской толпы. Не намъ осуждать это скороспѣлое рѣшеніе соціальнаго вопроса: его осудила исторія, свидѣтельствующая о вредномъ вліяніи взрощеннаго и развращеннаго даровымъ хлѣбомъ городского пролетаріата на римскую жизнь послѣднихъ временъ республики; ея наслѣдіе досталось принципату, а съ нимъ и вопросъ, что дѣлать съ привыкшей къ государственной помощи столичной толпой. Отвѣтъ вышелъ ни особенно героическій, ни особенно гуманный, но умный и ласковый, какъ и все, что выходило изъ рукъ Августа: было рѣшено, что государственную помощь по части пропитанія будутъ получать не римскіе граждане вообще, а наиболѣе бѣдные среди нихъ, число которыхъ достигало, впрочемъ, почтенной цифры 200.000. Это были знаменитые отнынѣ aerie incisi, счастливые обладатели пенсіоннаго билета—по-римски «фрументарной тессеры»—обезпечивающаго за ним право на полученіе извѣстной мѣрки зерна въ мѣсяцъ, билета, который они, впрочемъ, имѣли право не только завѣщать, но и продать. Несмотря на эту послѣднюю вольность, подры-

вающую практическую цѣлесообразность нововведенія, но послѣдовательно вытекающую изъ либеральнаго характера римскихъ политико-экономическихъ институтовъ,—можно будетъ сказать, что съ императорской реформой фрументацій элементъ благотворительности былъ введенъ въ государственную администрацію; отсюда былъ только одинъ шагъ до того разумнаго и гуманнаго принципа, который впервые провозгласила христіанская община и далѣе котораго и современная культурная жизнь не пошла — принципа: «трудоспособному — трудъ, нетрудоспособному—подаяніе» (τεχνίτῃ ἔργον, ἀδρανεῖ ἔλεος), какъ гласитъ одно очень замѣчательное мѣсто въ восьмомъ изъ приписываемыхъ Клименту—римскому посланій.

Изложенные факты были намъ извѣстны лишь въ общихъ чертахъ, но детальная организація этого дѣла впервые раскрыта въ обстоятельномъ изслѣдованіи пр. М. И. Ростовцева, вышедшемъ въ прошломъ году*). Нашъ молодой ученый обратилъ вниманіе на своеобразный памятникъ древнеримскаго быта, остававшійся долгое время въ неправильномъ пренебреженіи у нумизматовъ и коллекціонеровъ античныхъ вещей. Это—небольшіе, вылитые изъ свинца, круглые, на подобіе нашихъ «пломбъ», значки, съ различными на нихъ изображеніями животныхъ, фигуръ и разныхъ предметовъ. Рельефъ представляется порой настолько стертымъ или неяснымъ, что возбуждалъ вопросъ относительно какого-нибудь изображенія—что именно оно представляетъ: не то собаку, не то кошку, не то мышь. Проф. Ростовцевъ весьма тщательно изучилъ всѣ эти памятники, которые онъ называетъ «тессерами» (отъ греческаго τεσσαρα—четыре: четвероугольная табличка), распредѣлилъ по серіямъ, объѣздилъ многія страны—не только европейскія государства, но въ сѣверной Африкѣ и въ Малой Азіи, чтобы собрать въ снимкахъ или въ слѣпкахъ весь доступный изслѣдователю матеріалъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ заключалось назначеніе этихъ «тессеръ», какъ объясняется самый терминъ и къ какимъ результатамъ привело насъ изслѣдованіе проф. Ростовцева.

Представимъ себѣ, прежде всего, эпоху Августа или Тиберія. Нашъ пенсіонеръ желаетъ получить свою ежемѣсячную порцію; получитъ онъ ее въ опредѣленномъ мѣстѣ города, но какъ? Нужно передать завѣдующему чиновнику какой-нибудь документъ взамѣнъ получаемой порціи,—не можетъ же онъ, по предъявляемымъ для удостовѣренія свидѣтельствамъ, записывать имя, родъ и трибу каждаго, въ то время, какъ тысячи другихъ ждутъ очереди. И вотъ пенсіонеръ отправляется предварительно, по нашему, къ участковому приставу, а по-

*) М. И. Ростовцевъ. „Римскія свинцовыя тессеры“, съ фототипическимъ атласомъ и латинскимъ описаніемъ—„Tesserarum urbis Romae et suburbi plumbearum sylloga“, 3 чч., Спб., 1903.

римски, къ викомагистру (или—амъ): тамъ онъ получаетъ мѣдную монету, носящую на лицевой сторонѣ изображеніе головы императора, а на оборотѣ—цифру (отъ I до XIX) въ лавровомъ вѣнкѣ. И то и другое подобрано съ умысломъ: голова императора говоритъ нашему пролетарію, что то, что онъ имѣетъ получить, есть подарокъ ему отъ императора; пусть онъ знаетъ, что онъ на иждивеніи у главы государства,—это сознаніе поведетъ къ укрѣпленію его вѣрноподданническихъ чувствъ, а стало быть и къ упроченію монархіи и [спеціально правящей династіи. Что касается цифры, то ея значеніе, если не считать лавроваго вѣнка, менѣе идеологическое; это просто номеръ того магазина, гдѣ будетъ производиться раздача. Понятно, что при значительномъ количествѣ пенсіонеровъ—вспомнимъ, что ихъ было 200.000—одного магазина было мало; вѣроятнѣе всего ихъ было одно время 20, по одному на каждыя 10.000. Разумѣется, былъ возможенъ и другой способъ: прикрѣпить каждаго обитателя данной части заранѣе къ данному магазину и выдать ему марки за годъ впередъ, по одной на каждый мѣсяцъ; тогда наоборотъ, вмѣсто ненужной цифры, придется изобразить имя каждаго мѣсяца. Нѣтъ, не имя, какъ это принято у насъ, а, соотвѣтственно болѣе конкретному мышленію античнаго человѣка, символъ, т.-е. знаки зодіака, соотвѣтствующіе отдѣльнымъ мѣсяцамъ. При широкой популярности астрологіи, эти знаки были извѣстны всѣмъ грамотнымъ людямъ: разъ на оборотѣ знакъ Рыбъ—ясно, что это февральская марка.—Перенесемся въ правленіе Нерона: продовольственное дѣло централизовано, каждому пенсіонеру приходится ежемѣсячно въ опредѣленный день отправляться въ хлѣбную биржу (такъ называемую porticus Minucia), но въ прочемъ перемѣнъ не произошло; только марки въ участкѣ выдаются уже не бронзовыя, а ради дешевизны свинцовыя: видно, императоръ уже не такъ интересуется хлѣбнымъ дѣломъ.—Спустимся еще на полстолѣтіе ниже: та же хлѣбная биржа, тѣ же свинцовыя марки, но только головы императора на нихъ уже нѣтъ. Дѣло сдѣлано, ученіе принесло свои плоды; пролетаріатъ настолько свыкся съ мыслью, что его кормилецъ—императоръ, что уже нѣтъ надобности постоянно ему о немъ напоминать—скорѣе могло показаться профанаціей отливать голову императора на такой незначительной вещи, какъ свинцовая кругляшка. Ее замѣнили другія эмблемы, довольно интересныя: то колосья или хлѣбная мѣрка, на содержаніе которой указываютъ торчащіе изъ нея колосья; то, взамѣнъ этихъ разсчитанныхъ на аппетитъ проголодавшихся пролетаріевъ изображеній, или же противъ нихъ на оборотѣ—символы хлѣбородныхъ провинцій: змѣя, какъ намекъ на Египетъ; носорогъ, какъ символъ Африки; кроликъ, какъ представитель Испаніи; то увѣщаніе бережно обращаться съ императорскимъ хлѣбомъ въ видѣ изображенія добродѣтельнаго и домовитаго звѣрька, какъ улитки или муравья. На ряду съ ними г. Ростовцевъ (стр. 75) называетъ и кузнечика, но эзоповская

басня, передѣланная Крыловымъ, этого толкованія не рекомендуетъ, и я думаю скорѣе, что кузнечикъ имѣетъ здѣсь другое символическое значеніе, напоминая получателю лѣтнее время, когда солнце печетъ и хлѣбъ наливается. Ну, а затѣмъ, разумѣется, боги-покровители удачи и достатка, Abundantia Bonus Eventus, Felicitas и другіе.

Итакъ, «тессерами» назывались въ Римѣ знаки, соотвѣтствующіе нашимъ контрольнымъ маркамъ или билетамъ. Вообще одной изъ главныхъ причинъ различія матеріальной культуры въ древности и у насъ была сравнительная дороговизна тамъ такихъ матеріаловъ, которые у насъ принадлежатъ къ самымъ малоцѣннымъ: въ нашемъ случаѣ дороговизной бумаги объясняется употребленіе иныхъ, къ счастью для насъ, болѣе прочныхъ матеріаловъ для свидѣтельствъ и тому подобныхъ документовъ. Египетъ сохранилъ намъ сотнями податныя и другія расписки на глиняныхъ черепкахъ («остракахъ») и далъ лишь этимъ возможность возстановить точную картину податного дѣла по крайней мѣрѣ для одной провинціи римской имперіи; такую же службу сослужили намъ свинцовыя тессеры для фрументаціоннаго дѣла, а также для тѣхъ сторонъ римской жизни, о которыхъ рѣчь будетъ впослѣдствіи. Здѣсь умѣстно напомнить, въ связи съ первоначальнымъ значеніемъ tessera—прямоугольная табличка, что, при заключеніи союза гостепріимства хозяинъ и гость ломали такую табличку пополамъ; каждая сторона оставляла себѣ свою половину какъ наслѣдственный «символъ» союза, по которому даже потомки могли признать въ себѣ «гостепріимцевъ», прилаживая обѣ половины одна къ другой по пролому. То была tessera hospitalis; отсюда слово tessera распространилось и на другія удостовѣренія, безотносительно къ ихъ внѣшней (круглой или овальной) формѣ.

II.

Послѣ средства отъ голода—средство отъ скуки, послѣ «хлѣба»—«зрѣлища», а съ ними и другія увеселенія. Уже съ давнихъ поръ римскій сенатъ въ лицѣ своихъ эдиловъ и преторовъ окупалъ ими довольство римской черни, а съ нимъ и безопасность свою и безоружной Италіи отъ вспышекъ народнаго гнѣва; римскіе цезари, какъ правительствующій органъ, въ этомъ отношеніи стали сначала рядомъ съ сенатомъ, а затѣмъ и на его мѣсто. Они не жалѣли средствъ для того, чтобы заставить столичную толпу долго говорить о блескѣ своихъ игръ; положимъ, въ этомъ отношеніи эдилы и преторы эпохи сенатскаго режима были ихъ достойными предшественниками, но императорская пышность превзошла республиканскую настолько, насколько огромный и въ своемъ разрушеніи Колоссей превзошелъ сравнительно скромныя постройки временъ Суллы и Помпея. Игры были различныхъ родовъ: выше всѣхъ по своему культурному вліянію стояли игры въ

театрѣ, сценическія представленія трагедій и комедій; атлетическій характеръ носили игры въ стадіи, перенесенныя въ Римъ изъ Греціи и никогда особенно не привившіяся; зато широкой популярностью пользовались игры въ амфитеатрѣ, т.-е. гладіаторскія представленія, и въ циркѣ, т.-е. ристанія колесницъ. Эти двѣ послѣднихъ категоріи преимущественно имѣются въ виду тамъ, гдѣ говорится объ увеселеніяхъ римской толпы; гладіаторы-побѣдители и возницы-побѣдители—таковы любимые герои Рима. Впрочемъ, въ амфитеатръ приходили не только для того, чтобы видѣть бой гладіаторовъ между собою: особой приманкой были такъ называемые venationes, т.-е. бой звѣрей, преимущественно дикихъ, какъ между собой, такъ и съ людьми. А иногда съ помощью особыхъ приспособленій вся арена погружалась въ воду; въ образовавшійся такимъ образомъ бассейнъ въѣзжали корабли съ командой и дессантомъ, на глазахъ зрителей происходило подобіе морского сраженія (naumachia). Все это вмѣстѣ взятое образовало одну изъ самыхъ блестящихъ и захватывающихъ, но, конечно, далеко не самыхъ почетныхъ страницъ исторіи императорскаго Рима; интересная для историка-моралиста, она еще болѣе интересна для историка-психолога, для того, кто выяснилъ себѣ, что все это соединеніе пышности и жестокости было не прихотью высшей власти, а необходимымъ двигателемъ общественнаго организма. Да, необходимымъ нѣкогда, а вотъ теперь его нѣтъ, а организмъ все-таки живетъ и движется. Видно, что-то заняло его мѣсто, но что именно?...

Не будемъ, однако, отвлекаться. Разъ игры были императорской милостью, подобно фрументаціямъ, то и каналы, посредствомъ которыхъ эта милость могла проникать въ народъ, должны были быть аналогичные; другими словами, марочная система, умѣстная тамъ, была умѣстна и здѣсь. И дѣйствительно, намъ сохранено очень много тессеръ, отношеніе которыхъ къ зрѣлищамъ очевидно по вылитымъ на нихъ изображеніямъ... Да, изображеніямъ; любовь античнаго человѣка ко всему конкретному сказалась и здѣсь. Наши театральные билеты, безъ сомнѣнія, очень цѣлесообразный и полезный институтъ; но можно ли представить себѣ болѣе тоскливую коллекцію, чѣмъ коллекцію старыхъ театральныхъ билетовъ! Про тессеры, напротивъ, никто этого не скажетъ; какъ ни грубы ихъ изображенія, а все же это нѣчто большее, чѣмъ сухое удостовѣреніе: это—символъ также и въ нашемъ смыслѣ слова. Можно даже сказать: въ качествѣ удостовѣренія они уступали нашимъ. Получившіе ихъ бѣдняки знали, что мѣсто въ театрѣ или амфитеатрѣ имъ обезпечено, но какое—это будетъ зависѣть отъ собственной выносливости. И вотъ за много часовъ до спектакля, вѣроятно даже съ вечера, осаждали зданіе; у каждаго входа — ихъ же было множество—толпятся жаждущіе зрѣлищъ квириты, вновь прибывающій сначала обходитъ зданіе, чтобы убѣдиться, въ какой «клинъ» ему легче будетъ попасть, и облюбовавъ ту или другую

кучку, пристаетъ къ ней и терпѣливо ждетъ очереди. Начинается впускъ; приставленный ко входу «диссигнаторъ» отбираетъ у посѣтителей ихъ тессеры—онъ знаетъ, сколько ему можно впустить народу. Положенное число онъ впускаетъ, остальнымъ отказываетъ, предоставляя имъ искать себѣ пристанища въ другомъ «клинѣ». И конечно, они его найдутъ—вѣдь тессеръ выдано не больше, чѣмъ зданіе можетъ вмѣстить публики—но только придется поискать, и мѣста имъ достанутся уже не изъ лучшихъ: тѣ давнымъ давно уже заняты болѣе предусмотрительными людьми.

Всей этой процедурѣ насъ научили сохраненныя тессеры... не столько, впрочемъ, тѣмъ, что на нихъ изображено, сколько тѣмъ, чего на нихъ нѣтъ. Нѣтъ же на нихъ того, что мы сочли бы главнымъ: обозначенія мѣста, или, по крайней мѣрѣ, «клина» (читатель, конечно, догадался, что подъ клиномъ (cuneus) римляне разумѣли клинообразное отдѣленіе амфитеатрально расположенныхъ мѣстъ, т.-е. промежутокъ между двумя радіусами, соотвѣтствующій одному входу). А разъ этого обозначенія нѣтъ—описанный порядокъ является единственно возможнымъ.—А по самимъ изображеніямъ мы узнаемъ гораздо больше. Прежде всего, голова императора играетъ на нашихъ тессерахъ приблизительно такую же роль, какъ и на фрументаціонныхъ; другими словами, городскую толпу сначала нужно было пріучить къ мысли, что и panem и circenses даритъ имъ императоръ, а затѣмъ, когда урокъ былъ надлежащимъ образомъ затверженъ, его повторять перестали. Затѣмъ, изъ трехсотъ свыше типовъ зрѣлищныхъ марокъ только четыре можно было отнести къ театральнымъ представленіямъ, остальные почти всѣ относятся къ амфитеатру или цирку, т.-е. либо къ кровавымъ боямъ на аренѣ, либо къ бѣгамъ колесницъ. Результатъ этотъ никакъ нельзя назвать отраднымъ: видно, въ театрахъ особенной тѣсноты не было. Тщетно Сенека громилъ жестокія зрѣлища въ амфитеатрахъ, съ которыхъ «люди возвращаются безчеловѣчнѣе вслѣдствіе того, что были среди людей»; тщетно Плиній Младшій издѣвался надъ безсмысленностью цирковыхъ ристалищъ съ ихъ партіями и партійными симпатіями—публика болѣе жаждала опьянѣнія, вызываемаго видомъ крови или игрой фортуны, чѣмъ умственныхъ наслажденій. Это знали и изготовители тессеръ: эти послѣднія также должны были возбуждать въ обладателяхъ сладкое предчувствіе того, что имъ предстояло увидѣть. На многихъ изображены гладіаторы; но, конечно, при маломъ калибрѣ тессеры и грубости работы нельзя было передать того, что было всего дороже для публики—индивидуальныхъ чертъ ея любимцевъ. На другихъ красуется корабль—это значитъ, что предстоитъ «наумахія», морское сраженіе. Но особенно много мотивовъ дали venationes... въ буквальномъ переводѣ «охоты», а на дѣлѣ не совсѣмъ. «Изображенія,—говоритъ нашъ авторъ (стр. 104),—распадаются на двѣ серіи: изображаются либо «охотники» въ схваткѣ съ различными звѣрями (львомъ,

кабаномъ, медвѣдемъ), либо бой звѣрей между собою. Особаго вниманія заслуживаетъ изъ первой серіи тессера № 580: на одной сторонѣ ея изображенъ бой охотника со львомъ, на другой—съ кабаномъ. На лицевой сторонѣ находится контрамарка: SOT Θ...» Надобно знать, что это Θ, какъ иниціалъ греческаго слова ΘΑΝΑΤΟΣ (= «смерть»), у именъ собственныхъ соотвѣтствовало нашему +; такимъ образомъ выписанныя буквы означали: «Сотіонъ умеръ», или вѣрнѣе, «убитъ». «Тессера,—продолжаетъ авторъ,—очевидно, дважды служила маркой: во второй разъ выпускался вторично левъ, отъ котораго погибъ небезызвѣстный, повидимому, охотникъ. Такъ-то входный билетъ служилъ до нѣкоторой степени и программой, указывая на pièce de résistance даннаго дня игръ». Такъ представляется дѣло если взглянуть на него глазами публики; къ счастью мы для дополненія картины, можемъ взглянуть на нее также и глазами ея героевъ, т.-е. «охотниковъ»—на нее, и заодно на самую публику: она, вѣдь не послѣдняя часть картины. «...Но Тотъ, Кто сказалъ: просите и дастся вамъ—далъ просящимъ тотъ исходъ, котораго каждый желалъ. Вѣдь когда они говорили между собой о своемъ вожделѣнномъ мученичествѣ, Сатурнинъ высказывалъ желаніе, чтобы его ставили противъ всѣхъ звѣрей, дабы ему достался самый славный вѣнецъ; согласно этому въ самомъ началѣ зрѣлища онъ и Ревокатъ подверглись укушеніямъ леопарда, а потомъ ихъ на подмосткахъ ломалъ медвѣдь. Сатуру же медвѣдь былъ противнѣе всѣхъ, онъ надѣялся, что его прикончитъ леопардъ однимъ укушеніемъ. Когда онъ, поэтому, былъ сопоставленъ съ кабаномъ, то не онъ, а охотникъ, который его привязывалъ, былъ заколотъ этимъ звѣремъ и скончался на слѣдующій день, Сатуръ же былъ только сшибленъ съ ногъ. Когда же его привязали къ подмосткамъ для встрѣчи съ медвѣдемъ, медвѣдь не пожелалъ выйти изъ клѣтки, такъ-что онъ вторично остался невредимъ. Молодымъ же женщинамъ (патриціанкѣ Перпетуѣ и рабынѣ Фелицитатѣ) діаволъ приготовилъ свирѣпую корову, выдержавъ для посмѣшища соотвѣтствіе и въ отношеніи пола; ихъ раздѣли и въ сѣтчатыхъ накидкахъ привели на арену. Возропталъ народъ, видя, что одна—нѣжная дѣвушка, другая—родильница съ капающимъ изъ грудей молокомъ. Ихъ увели и въ рубашкахъ привели опять. Первая была сшиблена Перпетуя; упавъ, она прикрыла туникой обнаженное бедро болѣе заботясь о стыдѣ, чѣмъ о боли; затѣмъ, найдя свою шпильку, она приколола волосы: не подобало, вѣдь, мученицѣ принять смерть съ распущенной косой, чтобы не казаться скорбящей въ минуту своей славы. Послѣ этого она встала, и увидѣвъ, что Фелицитата, сшибленная, лежитъ на землѣ, подошла къ ней, протянула ей руку и подняла ее. Обѣ стояли рядомъ; но тутъ жестокость народа была побѣждена, и ихъ увели. Оставался Сатуръ; когда къ нему, уже къ концу зрѣлища, выпустили леопарда, онъ отъ одного его укушенія былъ облитъ

такимъ обильнымъ потокомъ крови, что это было какъ бы вторымъ крещеніемъ ему: такъ, хотя и по своему, понялъ это и народъ, который сталъ ему кричать: «съ легкой банькой, съ легкой банькой!» *(salvum lotum, salvum lotum!* «Passio S. Perpetuae», 19 сл.).

Да, картина интересна во всѣхъ своихъ частяхъ: не безполезно помнить ее, перебирая относящіяся сюда свинцовыя тессеры г. Ростовцева, описанныя начиная съ № 579 его Sylloge и изображенныя въ атласѣ на стр. табл. IV. Это сопоставленіе человѣка со львомъ или кабаномъ заранѣе настраивало фантазію обладателя, предваряя жестокосладострастное опьянѣніе при видѣ алой крови, ключомъ бьющей изъ бѣлаго тѣла живого человѣка.

III.

Будетъ, однако, о panem et circenses; обратимся къ другимъ сторонамъ императорской политики, болѣе безобиднымъ съ точки зрѣнія политической нравственности, на которыя тѣже свинцовыя тессеры проливаютъ новый свѣтъ.

Италія была безповоротно аристократической страной. Недаромъ институтъ кліентовъ получилъ здѣсь наибольшее распространеніе и вылился въ самыя характерныя, самыя отчетливыя формы: немногіе сравнительно роды держали въ своихъ рукахъ и муниципальную землю и населеніе, преуспѣяніе котораго тысячью нитей было связано съ преуспѣяніемъ своихъ синьоровъ. И таковой Италія, какъ извѣстно, осталась и въ средніе вѣка и въ новыя времена почти до нашихъ дней, когда объединѣніе синьоріи силою наталкиваетъ націю на новые пути. Намъ не совсѣмъ понятно то обаяніе, та святость, можно сказать, которой окружало древнее имя своего носителя въ глазахъ римлянъ и италійцевъ вообще. «Я все же почтеннѣе своего коллеги - отпущенника», говоритъ одна личность у Горація. «Ну и что же?—насмѣшливо отвѣчалъ ему *народъ*, «уже не вообразилъ ли ты, чего добраго, что сталъ Павломъ или Мессалой?» Немного спустя друзья порядка попрекали мятежные легіоны именами ихъ главарей: «Что это? какіе-нибудь Перценній или Вибуленъ будутъ править Римомъ вмѣсто Нероновъ и Друзовъ?» Да, Эмиліи Павлы, Валеріи Мессалы, Клавдіи Нероны, Ливіи Друзы,—изъ этихъ именъ состоитъ вѣнецъ славы римскаго народа; чтобы удержать его въ своихъ рукахъ, нужно было завладѣть ихъ носителями. И вотъ для этой цѣли учреждается корпоративная организація римской знатной молодежи. Каждый сенаторскій сынъ поступаетъ въ эту корпорацію, во главѣ которой стоитъ самъ предполагаемый престолонаслѣдникъ, какъ «начальникъ молодежи»—princeps juventutis... Не такъ давно этотъ титулъ былъ присвоенъ знаменитому Бруту до его сенаторства, но теперь времена уже не тѣ, и ужъ конечно не Брутовъ должна была воспитывать организація, имѣющая престолонаслѣдника своимъ главой.

Воспитательнымъ средствомъ должны были служить всякаго рода физическія упражненія, дѣлающія человѣка крѣпкимъ и выносливымъ; это—школа для будущихъ побѣдителей страшнаго врага на евфратской границѣ, парѳянъ а пока наши юнцы рѣзвятся на Марсовомъ полѣ и въ опредѣленные дни приглашаютъ весь Римъ любоваться на свою ловкость, исполняя передъ приглашенными свойственную ихъ возрасту игру. Такъ нѣкогда и сынъ основателя императорскаго рода, Іулъ, во главѣ троянской молодежи исполнялъ передъ своимъ родителемъ игру, описанную Вергиліемъ въ V книгѣ «Энеиды» то оттого; говоритъ услужливая легенда—эти игры и понынѣ носятъ имя троянскихъ. Напрасно Горацій, сынъ земли и питомецъ греческой философіи, предостерегалъ своего государя противъ возстановленія древней Трои: она возстановлялась сама собой, императорская Италія готовилась стать такой же аристократической, какой была и республиканская; нужно было только нобилитетъ превратить въ дворянство. Такъ-то монархическій идеалъ заключаетъ союзъ съ древнѣйшей сакральной легендой Рима: молодая гвардія императора группируется вокругъ троянскихъ святынь.

Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія по организаціи молодежи въ древнемъ Римѣ мы получаемъ, благодаря тессерамъ. Такъ мы изъ нихъ узнаемъ, что отдѣльные отряды юношества стояли подъ начальствомъ особыхъ магистровъ, коихъ они нѣсколько намъ называютъ; но главное, что на игры «юношей» народъ приглашался съ помощью тѣхъ же марокъ. Что же касается иллюстрацій... какъ ни какъ, а интересно на тессерѣ вокругъ увѣнчанной головы Нерона, прочесть надпись «непобѣдимаго Нерона» (Neronis invicti), съ именами магистровъ на оборотѣ. Непобѣдимымъ былъ онъ, увы, не на войнѣ, которой онъ никогда не видалъ, а въ тѣхъ же играхъ, въ которыхъ онъ командовалъ своей молодой ратью какъ princeps juventutis, и въ которыхъ побѣждать его, понятно, нельзя было. Страстное увлеченіе этими состязаніями легко объясняется тѣмъ, что Неронъ еще въ возрастѣ исполнителя «троянскихъ игръ» сталъ римскимъ императоромъ; твореніе Августа было по злой ироніи судьбы жестоко извращено этимъ его праправнукомъ, послѣднимъ потомкомъ Іула на римскомъ престолѣ.

Но вотъ мы цѣликомъ поручаемъ себя тессерамъ и они уводятъ насъ за предѣлы города Рима: въ Ланувій, Тускулъ, Тибуръ, въ другіе муниципіи ближней и дальней Италіи. Интересны надписи, еще интереснѣе порой изображенія. Вотъ, для примѣра, ланувинскія тессеры: на лицевой сторонѣ голова грозной «Юноны Ланувинской», вокругъ припись: «ланувинскіе товарищи», а на оборотѣ—взвивающійся змѣй, рядомъ съ нимъ кормящая его дѣвушка. Смыслъ изображенія не сразу понятенъ; его поясняетъ свидѣтельство писателя III вѣка, Эліана: «Въ рощѣ Ланувинской Юноны есть широкая и глубокая пещера: это логовище змѣя. Туда въ опредѣленные дни отправляются священныя дѣвы, неся въ рукахъ хлѣбъ, съ глазами завязанными поясомъ; ведетъ же

ихъ прямымъ путемъ къ логовищу змѣя божій духъ, и онѣ шествуютъ не спотыкаясь, шагъ за шагомъ и спокойно, точно съ незакрытыми глазами. И если приносительница дѣвственна, то змѣй принимаетъ отъ нея пищу, какъ чистую и подобающую звѣрю-любимцу боговъ; если же нѣтъ, то онъ, зная своимъ вѣщимъ духомъ объ ея паденіи, оставляетъ приношеніе нетронутымъ, и муравьи, раскрошивъ предварительно для своего удобства хлѣбъ совращенной, выносятъ его изъ рощи, очищая святое мѣсто. По этой примѣтѣ жители узнаютъ о случившемся, дѣвушки допрашиваются, и та, что опозорила свою дѣвственность, подвергается установленной карѣ» (hist. anim. XI 16). Слѣдуетъ прибавить, что этихъ муравьевъ ланувійскій змѣй завелъ лишь сравнительно поздно, какъ своихъ помощниковъ въ дѣлѣ нравственнаго оздоровленія своего муниципія; первоначально онъ со своей задачей справлялся самъ. Какъ—на это мы имѣемъ намекъ въ зловѣще краткихъ стихахъ Проперція, записавшаго ланувійскую легенду двумя столѣтіями раньше (IV элег. 8 3 сл.).

Змѣй долговѣчный издревле святой охраняетъ Ланувій;
Будетъ доволенъ судьбой, кто этотъ край навѣститъ.
Тамъ въ безпросвѣтномъ ущельи глубокая пропасть зіяетъ;
Дѣва нисходитъ туда (охъ, ненадеженъ ей путь!)
Въ день, когда змѣй многочтимый годичнаго ждетъ приношенья
И копошится, крутясь съ шипомъ голоднымъ на днѣ.
Страшно дѣвицѣ въ пещеру къ такому обряду спускаться,
Страшно ей нѣжную длань пасти змѣиной ввѣрять...
Вотъ онъ взвился, вотъ изъ рукъ принесенную выхватилъ пищу...
Коробъ трясется, дрожитъ въ бѣдной дѣвичьей рукѣ...
Та что себя соблюла возвратится къ своимъ невредимой.
„Быть урожаю!“ кричитъ въ слѣдъ ей ликуя народъ.

Таково ланувійское чудо; какое отношеніе однако, имѣютъ къ нему «ланувійскіе товарищи», о которыхъ говоритъ припись тессеры? Отвѣтъ одинъ: сакральнымъ центромъ союза былъ древній культъ ланувійской Юноны. А принимая во вниманіе другіе моменты, которые у нашего автора тщательно перечислены и взвѣшены,—мы ихъ повторять не будемъ,—мы приходимъ къ убѣжденію, что этими «ланувійскими товарищами» были именно юноши, предлагавшіе ежегодныя игры (juvenalia) въ честь и своей богини, и императора, и что они набирались изъ лучшихъ семей муниципія; то же самое приходится допустить и о другихъ муниципальныхъ и провинціальныхъ городахъ. Повсюду знатная молодежь корпоративно организуется; организація преслѣдуетъ троякую цѣль, воспитательную, религіозную, политическую. Воспитательная состоитъ въ томъ, чтобы развить въ молодежи физическую силу и нравственную выдержку; религіозная въ томъ, чтобы воскресить интересъ къ роднымъ культамъ; политическая въ томъ, чтобы вездѣ насадить питомники будущихъ слугъ императора, проникнутыхъ вѣрноподданническимъ духомъ. Образцомъ служили, какъ видно, столичные

пажи: какъ они, чтобы придать себѣ обаяніе религіознаго института, воскресили старинныя троянскія преданія, связанныя съ легендой объ основаніи Рима, такъ точно и ихъ муниципальные собратья группировались вокругъ старинныхъ муниципальныхъ культовъ. Такимъ образомъ италійская аристократія смолоду воспитывалась въ монархическихъ чувствахъ.

Много интереснаго даютъ намъ наши тессеры также къ иллюстраціи внутренней политики римскихъ императоровъ; но вотъ, перебирая ихъ одну за другой, мы наталкиваемся на очень оригинальный типъ. Происходилъ онъ изъ Тускула, т.-е. изъ римскаго Версаля или Царскаго Села; его надпись гласитъ: «sodales Tusculane»—т.-е., какъ поясняетъ авторъ: Tusculanae; прошу обратить вниманіе на окончаніе—«около головы юноши, по всей вѣроятности императора или члена императорскаго дома I в., на оборотѣ орелъ въ вѣнкѣ» (стр. 134). Эмблемы, такимъ образомъ, самыя монархическія: тѣмъ болѣе насъ озадачиваетъ припись. Откуда взялись эти тускуланскія «пажики?» Съ перваго взгляда хотѣлось бы допустить ошибку въ толкованіи надписи; но, быть можетъ, авторъ правъ, настаивая на своемъ. Дѣйствительно, Горацій свои пѣсни объ обновленномъ Римѣ — тѣ же, въ которыхъ онъ привѣтствуетъ организацію молодежи, протестуя однако, противъ, ея аристократическаго характера,—посвящаетъ отрокамъ и дѣвамъ: virginibus puerisque canto; дѣйствительно, политика дельфійскаго Аполлона, выдвинутаго Августомъ, состояла, между прочимъ, въ организаціи молодежи обоего пола въ отдѣльные «θίασы», какъ по-гречески назывались эти кружки... Да, это возможно; къ сожалѣнію, для болѣе прочныхъ комбинацій у насъ матеріала не хватаетъ. Что дѣлать! Будемъ ждать дальнѣйшихъ откровеній.

IV.

Передъ нами прошли три интересныхъ и важныхъ картины императорскаго Рима: фрументаціи—императорскія игры—организація молодежи. Объединялись эти картины прежде всего—и для насъ это единство имѣло рѣшающее значеніе, находясь въ ближайшемъ отношеніи къ нашей темѣ, — однимъ внѣшнимъ признакомъ: тѣмъ, что онѣ подали поводъ всѣ три къ выпуску свинцовыхъ тессеръ, которыя были въ первомъ случаѣ контрольными марками, регулировавшими раздачу даровaго хлѣба, во-второмъ и третьемъ—входными билетами на императорскіе или «юношескіе» спектакли. Но кромѣ этого внѣшняго критерія, о важности котораго никто въ тѣ времена не думалъ, указанные три института объединялись также и общей идеей: всѣ три были въ рукахъ императоровъ средствомъ воспитанія Рима и римскаго гражданства въ монархическомъ духѣ. Отсюда и оффиціальный характеръ относящихся сюда тессеръ: голова императора или вообще

высочайшихъ особъ украшаетъ, хотя бы на первыя времена, ихъ лицевую сторону—на первыя времена, т.-е. до тѣхъ поръ, пока воспитаніе въ монархическомъ духѣ не могло считаться законченнымъ. А закончено оно было именно при Флавіяхъ къ концу I вѣка: дѣйствительно, послѣднимъ проблескомъ республиканскихъ идей была междоусобная война послѣ смерти Нерона, спеціально насколько она связала съ личностью Бергинія Руфа; съ нимъ и она была похоронена навсегда.

Оффиціальныя и полуоффиціальныя тессеры составляютъ только меньшую часть среди всѣхъ сохранившихся; значительное большинство ихъ заводитъ насъ въ другія области, открываютъ передъ нами другія картины. Изъ массы этихъ «частныхъ тессеръ», какъ ихъ называетъ авторъ, первое мѣсто принадлежитъ тѣмъ, которыя связаны съ дѣятельностью такъ называемыхъ *коллегій*.

Коллегія—это преинтересная единица древнеримской общественной жизни, зародышъ средневѣковаго корпораціоннаго строя—не то братство, не то артель, не то клубъ. Съ братствомъ ее сближало то, что ея идейнымъ центромъ былъ обыкновенно, а можетъ быть и всегда, культъ какого-нибудь божества, и ея члены часто гарантировали другъ другу приличное погребеніе; съ артелью или правильнѣе, цехомъ—то, что сплошь и рядомъ членами были люди, занимавшіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, по которому они и давали себѣ имя; съ клубомъ, наконецъ, — то, что очень часто первый и второй смыслъ ея существованія ступевывался передъ третьимъ: вмѣстѣ попировать и повеселиться. Въ сущности, тѣ корпораціи юношей, о которыхъ рѣчь была въ предыдущей главѣ, были тоже своего рода коллегіями; но то были коллегіи аристократическія, состоявшія подъ особымъ покровительствомъ самого императора; здѣсь же мы имѣемъ дѣло чаще всего съ пролетаріатомъ, съ отпущенниками и даже рабами. Характерное для италійской жизни меценатство давало себя знать и здѣсь: кто поважнѣе да потароватѣе, тѣхъ охотно избирали въ «магистры» коллегіи; если же благодѣтель не считалъ это магистерство достаточнымъ удовлетвореніемъ своего честолюбія, а по своей щедрости такового заслуживалъ, то его провозглашали «отцомъ» или, если то была женщина, «матерью» коллегіи. А случаевъ проявить свою щедрость было не мало: благодѣтель могъ, напр., построитъ или подаритъ коллегіи зданіе для ея собраній; тогда коллегія опредѣляла поставить въ этомъ зданіи на видномъ мѣстѣ его статую, и почтенный благодѣтель бралъ расходы на эту статую на свой счетъ—honore contentus impensam remisit, какъ значится въ соотвѣтственныхъ надписяхъ. Или онъ, умирая, оставлялъ коллегіи сумму денегъ на торжественное обхожденіе его годовщинъ и другія заупокойныя пирушки: и ему почетно, и коллегіаламъ пріятно. А впрочемъ, къ чему было ждать смерти? Кол-

легіалы рады были и живыхъ чествовать, только бы не на свой счетъ. Такъ-то коллегія стала одной изъ формъ, въ которую вылилась исконно-италійская кліентела; она прекрасно иллюстрируетъ сказанное выше о естественномъ аристократизмѣ италійскаго общественнаго строя.

Къ этой-то коллегіальной жизни нашъ авторъ справедливо относитъ значительное число изданныхъ имъ тессеръ. Для нѣкоторыхъ это отношеніе засвидѣтельствовано приписями, но это ничтожное меньшинство: тѣ маленькіе люди, о которыхъ идетъ рѣчь, предпочитали абстрактнымъ письменамъ конкретный символъ. Коллегіи чисто сакральнаго характера могли пользоваться, какъ символомъ, изображеніемъ своего божества, но намъ отъ этого не легче: мало ли какое значеніе можетъ имѣть на тессерѣ изображеніе Меркурія или Фортуны. Другое дѣло—ремесленныя коллегіи: эмблема ремесла прозрачна и удобопонятна. А такихъ эмблемъ много. Вотъ тессеры съ фигурой человѣка, несущаго на спинѣ полный куль: это — эмблема коллегіи носильщиковъ, bajuli et catabolenses. Они играли важную роль при выгрузкѣ кораблей съ зерномъ, слѣдовавшихъ вверхъ по Тибру въ Римъ, и благодарный Тибръ сохранилъ намъ много ихъ тессеръ. Вотъ пастухъ, окруженный своимъ стадомъ—какимъ, объ этомъ при зоологической туманности изображенія лучше не спрашивать; это—тессеры римскихъ мясниковъ. Вотъ—рыба, а на оборотѣ якорь: ясно, что передъ нами тессера рыбацкой артели. Такъ, затѣмъ, молотъ и щипцы характеризуютъ кузнецовъ, лѣстница — плотниковъ, стулъ—столяровъ, гребень и зеркало—пирюльниковъ или людей родственныхъ профессій и т. д. Положительно пріятно бываетъ перебирать эти тессеры. Намъ такъ много говорятъ о праздной лѣни, въ которой жители столицы міра проводили свой вѣкъ, объ ихъ пренебреженіи къ работѣ и т. д.; а тутъ мы не только видимъ свидѣтельство кипучей трудовой жизни императорскаго Рима—мы видимъ также уваженіе къ этому труду, символы котораго красуются въ качествѣ гербовъ коллегій на ихъ тессерахъ.

На ихъ тессерахъ, да; но на что имъ были эти тессеры? Какую роль играли онѣ въ ихъ жизни?

Послѣ сказаннаго выше отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ: аналогія оффиціальныхъ тессеръ напрашивается сама собою. Тѣ служили для регулировки императорскихъ и другихъ щедротъ, такія же щедроты встрѣчаются и въ коллегіальной жизни—все равно исходили ли онѣ отъ самой коллегіи, или отъ ея магистровъ, или отъ ея «отца» или «матери». Намъ сохранена любопытная надпись—правда, не столичная, а муниципальная, но предполагающая обстановку, которая и въ столицѣ не могла быть иной; гласитъ она такъ: «Меланѳъ, рабъ Публія Деція, и его коллеги-магистры возвели вновь трибуналъ

Геракла, перестроили театръ со сценой и освятили его двухдневными сценическими играми за собственный счетъ». А впрочемъ, чтобы не было сомнѣнія, писатель эпохи первыхъ императоровъ Асконій намъ ясно свидѣтельствуетъ, что «магистры коллегій нерѣдко давали игры». Коллегія, магистромъ которой былъ рабъ, безъ сомнѣнія и сама состояла въ значительной степени изъ рабовъ; ея особое благоговѣніе передъ Геракломъ понятно—этотъ человѣкъ-богъ и самъ при жизни былъ человѣкомъ подневольнымъ, будучи посылаемъ на подвиги своимъ повелителемъ Еврисѳеемъ, а одно время и взаправду служилъ рабомъ у лидіянки Омфалы. И вотъ нашъ разбогатѣвшій рабъ (таковыхъ было не мало), польщенный въ своемъ честолюбіи избраніемъ въ магистры коллегіи «почитателей Геракла» своего муниципія, жертвуетъ сумму на перестройку нѣкоторыхъ частей коллегіальнаго зданія и, сверхъ этого, справляетъ въ ознаменованіе своихъ щедротъ «двухдневныя сценическія игры», т.-е. приглашаетъ пріѣзжую труппу поставить нѣсколько разсчитанныхъ на вкусъ невзыскательной публики фарсовъ въ родѣ тѣхъ, которые у нынѣшнихъ итальянцевъ называются «пульчинеллатами». Входъ для членовъ коллегіи былъ, разумѣется, даровой, а таковыхъ въ людныхъ коллегіяхъ могло быть по нѣскольку тысячъ; и вотъ, чтобы не затерся какой-нибудь посторонній человѣкъ, имъ раздавались заблаговременно входные билеты, т.-е. именно наши тессеры, съ изображеніемъ коллегіальныхъ эмблемъ: статуи Геркулеса, если игры устраивала коллегія его «почитателей», или какихъ-нибудь другихъ.

Но это—не все и даже, повидимому, не главное. Главное—это раздачи и угощенія, регулярныя и иррегулярныя, о которыхъ мы знаемъ очень хорошо, благодаря сохранившимся коллегіальнымъ уставамъ—уставу коллегіи «почитателей Эскулапа и Гигіеи» и др. Такъ раздачи происходили въ день рожденія императора, но также и въ день рожденія (т.-е годовщину учрежденія) коллегіи; затѣмъ — подъ новый годъ и въ поминальные дни. Средства на эти раздачи выдаются иногда изъ процентовъ на тѣ капиталы, которые имѣются у коллегіи; такъ, одна интересная надпись постановляетъ, «чтобы изъ доходовъ съ вышеозначенныхъ имѣній происходили жертвоприношенія въ день новаго года, 12 февраля въ день рожденія императрицы Домиціи, 28 іюня въ храмовой праздникъ Сильвана, 21 іюня въ день розы (заупокойный день) и 25 октября въ день рожденія императора Домиціана, и что бы въ эти дни члены коллегіи сходились для совмѣстной пирушки». Теперь понятны приписи коллегіальныхъ тессеръ въ родѣ «да здравствуетъ императрица Сабина» (Sabinae Augustae feliciter) и т. п. но понятны также и тѣ тессеры, которые упоминаютъ окраинныя мѣстности Рима въ родѣ «у храма Марса», «у Орѣха» и т. д. Вышеупомянутая коллегія почитателей Эскулапа и Гигіеи устраивала свои угоще-

нія въ своемъ коллегіальномъ зданіи у храма Марса, очевидно руководясь тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь, внѣ таможенной черты, продукты были дешевле. «И теперь», продолжаетъ авторъ (стр. 163), «Римъ въ этомъ отношеніи остался тѣмъ же. Въ воскресный день, при хорошей погодѣ въ многочисленныхъ загородныхъ трактріяхъ fuori porta, гдѣ воздухъ чистъ и благодаря отсутствію dazio consumo, все дешево, непремѣнно пируютъ de suo члены какой-нибудь ремесленной ассоціаціи или кружка. Вся картина интимной жизни римскихъ коллегій становится ясной и рельефной для каждаго, кто хоть разъ побывалъ на одномъ изъ такихъ banchetti».

А теперь оглянемся назадъ: какую цѣль имѣли наши коллегіальныя тессеры? Да все ту же: panem et circenses. Оно и не удивительно. Императорскія щедроты касались только бѣдныхъ римскихъ гражданъ: они были «вписаны на казенный хлѣбъ», какъ гласила офиціальная формула, имъ же выдавались даровыя марки на посѣщеніе. Но эта бѣднота все же, въ силу своего гражданства, составляла аристократію въ населеніи не только римской имперіи, но и города Рима; гордое civis Romanus sum не потеряло своего магическаго значенія даже и въ эпоху императоровъ. Ниже этой бѣдноты было настоящее дно римскаго общества, глубокое и мрачное, недоступное для императорской милости: здѣсь жили, работали, страдали и умирали бѣдные «перегрины» и бѣдные рабы. Оно не входитъ въ государственную организацію; но зато для него есть организація общественная, единицей которой была, согласно сказанному, коллегія. И вотъ коллегія, будучи по своему устройству сколкомъ съ государства, подражаетъ ему также и въ его каритативномъ началѣ; вводятся, по аналогіи государственныхъ, и коллегіальныя щедроты,—раздача хлѣба, вина, денегъ. А въ качествѣ вещественныхъ свидѣтельствъ этой коллегіальной благотворительности, дополнявшей государственную, намъ остались опять таки наши скромные памятники, свинцовыя тессеры, съ ихъ коллегіальными эмблемами и не всегда вразумительными приписями.

Впрочемъ, насмѣшливое слово римскаго сатирика мелькнуло передъ нами въ послѣдній разъ; тѣ картины, которыми мы займемся на слѣдующихъ страницахъ, введутъ насъ уже въ настоящую трудовую жизнь римскаго населенія. А потому, прощаясь съ panem et circenses, нелишнимъ будетъ и здѣсь сослаться на очень удачную аналогію, приведенную авторомъ на стр. 169 изъ новыхъ временъ для тессеръ римскихъ коллегій. Это—бронзовыя и свинцовыя марки mereaux и jetons Парижа и penningen голландскихъ городовъ, идущія съ XV в. и до XVIII в. и регулировавшія внутреннюю жизнь городскихъ корпорацій. И здѣсь мы имѣемъ эмблемы ремесла, или же изображенія того святого, который въ корпораціи пользовался особымъ почитаніемъ—полнѣйшая аналогія къ «почитателямъ Геракла» или «почитателямъ

Эскулапа и Гигіеи» И здѣсь свинцовыя марки были нерѣдко средствомъ контроля; «изъ серіи послѣднихъ,—говоритъ авторъ—особенно любопытна серія пригласительныхъ билетовъ (1599 въ Утрехтѣ) на vinum honorarum, украшенная изображеніемъ виноградной кисти». Такъ то по необходимости участіе однихъ и тѣхъ же элементовъ производитъ время отъ времени однѣ и тѣ же фигуры въ пестромъ калейдоскопѣ общественной жизни.

V.

Изъ предыдущаго выяснилось, что тессера по своему значенію и своей роли въ римскомъ бытѣ скорѣе всего можетъ быть сопоставлена съ нашимъ билетомъ. Что такое билетъ? Суррогатъ денегъ, точно также какъ деньги—суррогатъ мѣнового товара въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. При переходѣ отъ мѣновой торговли къ денежной, деньги играютъ первоначально лишь роль посредствующаго элемента, необходимость котораго вызвана тѣмъ, что обмѣнъ происходитъ уже не между двумя лицами, а между тремя или большимъ числомъ. Пока каждая изъ торгующихъ сторонъ была продавцомъ и покупателемъ въ одномъ и томъ же лицѣ, деньги были ненужны: если А имѣвшій лишняго барана, нуждался въ хлѣбѣ, а В, накопившій хлѣба, достаточно желалъ пріобрѣсть барана, то обмѣнъ между ними совершался непосредственно. Но если у В хлѣба не было, а былъ таковой у С, который въ баранѣ не нуждался, то былъ необходимымъ какой-нибудь посредствующій знакъ, символъ извѣстной, соотвѣтствующей цѣнности барана, платежной силы, который, переходя отъ В къ А при продажѣ послѣдняго первому барана, могъ въ свою очередь дать А возможность пріобрѣсть отъ С соотвѣтственное количество хлѣба. Этимъ символомъ и стали деньги. А при развитіи денежной торговли деньги стали и сами товаромъ: вмѣсто первоначальной символической цѣнности, они получили цѣнность абсолютную. Пусть дѣтямъ значеніе рубля выясняется уравненіемъ, согласно которому онъ соотвѣтствуетъ двадцати французскимъ булкамъ — для взрослаго человѣка рубль есть рубль, вызывающій въ немъ совершенно опредѣленную интенсивность чувства, независимо отъ всякихъ булокъ или другихъ побочныхъ представленій. А разъ деньги стали товаромъ, то и всякій торгъ на деньги сталъ мѣной; и въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ торгующихъ сторонъ (В) раздваивалась на В—получающую деньги и С—выдающую товаръ, сталъ необходимымъ посредствующій знакъ, символъ, имѣющій опредѣленную, условную цѣнность для сношеній между В и С, но не далѣе: вотъ этимъ-то символомъ и сталъ билетъ, или по-римски тессера. Въ театрѣ товаромъ является мѣсто, съ котораго можно смотрѣть представленіе; выдаетъ это мѣсто капельдинеръ, или по-

римски диссигнаторъ. Если это въ то же время и владѣлецъ театра, и уплата денегъ не сопряжена ни съ какой потерей времени, то ни въ какихъ тессерахъ надобности нѣтъ. При менѣе патріархальной обстановкѣ, однако, желаніе избѣгнуть проволочки, обычной при уплатѣ денегъ, а также и недовѣріе къ честности диссигнатора должны были повести къ раздвоенію этой послѣдней личности на личность кассира, принимающаго деньги, и диссигнатора, назначающаго мѣсто; а результатомъ этого раздвоенія явилась необходимость учредить символическій знакъ, цѣнный только для сношеній между кассиромъ и диссигнаторомъ. Этимъ знакомъ и была древняя тессера; она была, такимъ образомъ, суррогатомъ монеты, цѣннымъ исключительно въ предѣлахъ того предпріятія, для котораго она была выпущена.

А разъ это такъ, то встрѣчаемость тессеры въ промышленно-торговыхъ предпріятіяхъ можетъ быть опредѣлена чисто апріорнымъ путемъ: мы можемъ предполагать ее вездѣ тамъ, гдѣ полученіе денегъ и выдача товара не совмѣщены въ одномъ и томъ же лицѣ. Сюда относятся, согласно замѣченному только что, театры и т. п.: мы говорили о нихъ выше съ точки зрѣнія благотворительности, но несомнѣнно, что были и платные билеты-тессеры, которые, однако, по внѣшнему виду не отличались отъ даровыхъ. А затѣмъ, вторую крупную категорію должны были составить, какъ и у насъ, билеты пассажирскіе, и притомъ двухъ родовъ, для сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній. Тессеры перваго рода несомнѣнно существовали, и очень вѣроятно, что извѣстное ихъ число сохранено и намъ, но ихъ отличить отъ тессеръ состязаній въ циркѣ довольно трудно.

Итакъ: билеты театральные, билеты пассажирскіе—вотъ уже двѣ категоріи. Можно прибавить и третью: билеты для входа въ баню, безъ которыхъ и у насъ не обходятся этого рода заведенія. У насъ—жестяныя бляхи, у римлянъ—свинцовыя тессеры, часто съ надписями, не оставляющими никакого сомнѣнія относительно ихъ назначенія: Balineum Germani («бани Германа»), balineum novum и т. д.; а затѣмъ, разумѣется, эмблемы: Меркурій на своемъ баранѣ, съ жезломъ и мошной—на то это «торговыя бани». Труднѣе сказать, на что владѣльцу Субуранскихъ бань понадобилась Викторія, которая къ банному промыслу, повидимому, никакого касательства не имѣетъ; но это уже дѣло личнаго вкуса или благочестія хозяина. Символомъ же Викторіи была пальма, которая тоже появляется на несомнѣнно банныхъ тессерахъ... настаиваемъ на этомъ, чтобы читатель не подумалъ, что эта пальма соотвѣтствуетъ нашему вѣнику. Кстати, эти тессеры съ пальмой и равнозначущимъ вѣнкомъ отмѣчены буквой *S*: можно рискнуть предположеніе, что онѣ тоже принадлежали Субуранскимъ банямъ. Естественнѣе было привлечь Нептуна, стихіей котораго жили бани: и его мы встрѣчаемъ на двухъ тессерахъ съ его трезубцемъ и дельфи-

номъ. Очень соблазнительнымъ было тоже изображеніе раздѣтаго мужчины, прыгающаго въ воду: это значило, что въ баняхъ имѣлась такъ называемая писцина, т.-е. бассейнъ для плаванія. И такъ далѣе: страсть античнаго человѣка къ конкретнымъ представленіямъ, къ наглядности и символизму сказалась и здѣсь; благодаря ей, даже коллекція банныхъ тессеръ представляетъ интересъ для коллекціонера и изслѣдователя. Представьте себѣ для сравненія, соотвѣтственную коллекцію нашихъ банныхъ бляхъ—и вы оцѣните это свойство античнаго человѣка.

Такова третья категорія; сказать ли и о четвертой, тоже несомнѣнно установленной авторомъ? Она относится къ такимъ «домамъ», о которыхъ принято говорить подъ дымкой; но разъ эти заведенія пользовались тессерами, и ихъ тессеры намъ сохранились, обойти ихъ молчаніемъ нельзя. Отсутствіемъ откровенности эти тессеры не грѣшатъ: символы то соблазнительно грубые, то просто грубые, приписи въ родѣ amor, amica отвѣчаютъ со всей желательной ясностью на вопросъ объ ихъ назначеніи. Но вотъ изображеніе, приковывающее наше вниманіе: на оборотѣ тессеры, дающей на лицевой сторонѣ слово amor, совершенно явственно изображена рука, держащая большимъ и указательнымъ пальцами человѣческое ухо. Что бы это могло значить? Былъ у римлянъ символическій обычай, призывая человѣка въ свидѣтели видѣннаго и услышаннаго (antestari), брать его за ухо: это значило «помни!» А теперь позволительно будетъ сослаться на конецъ прекраснаго юношескаго стихотворенія Вергилія «Трактирщица» («Сора»), посвященнаго—къ слову сказать—особѣ, которой уже недалеко до нашихъ тессеръ:

Кубокъ и кости сюда—и прокляты будутъ заботы!
За ухо щиплетъ насъ Смерть, молвя: „Живи! я иду“.

Лучъ красоты попалъ въ лужу и озарилъ ее. Что дѣлать—таковъ античный міръ.

VII.

Теоретическое разсужденіе въ началѣ предыдущей главы дало намъ возможность опредѣлить экономическое значеніе тессеръ; согласно сказанному тамъ, тессера — суррогатъ монеты, имѣющій цѣнность исключительно въ предѣлахъ того предпріятія, для котораго она была выпущена. Таковымъ было, однако, въ античномъ мірѣ не только торгово-промышленное предпріятіе въ родѣ названныхъ только что: имъ былъ каждый, болѣе или менѣе значительный частный домъ: мы приближаемся тутъ къ очень любопытной теоріи, которую ярче всего развилъ извѣстный экономистъ Бюхеръ въ своей надѣлавшей столько шуму книжкѣ «Die Entstehung der Volkswirtschaft»,—теоріи о

самодовлѣющемъ домѣ, какъ основной единицѣ античнаго хозяйства. Бюхеру возражалъ въ свое время Эд. Мейеръ въ своей брошюрѣ: «Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums»; у насъ споръ этотъ возобновленъ между И. М. Гревсомъ («Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія», I) принявшимъ съ нѣкоторыми ограниченіями экономическую теорію Бюхера, и Н. И. Карѣевымъ, оспаривавшимъ эту теорію въ своей рецензіи не только что упомянутую книгу («Русское Богатство» 1900 г.). Полагаю, что и тессерамъ г. Ростовцева суждено сказать свое слово въ этомъ спорѣ, который никакъ не можетъ еще считаться рѣшеннымъ; все же возбуждать его здѣсь я не буду. Самъ я скорѣе стою на сторонѣ Эд. Мейера и Н. И. Карѣева; все же считаю несомнѣннымъ, что частный домъ былъ въ древности гораздо болѣе самодовлѣющей единицей, чѣмъ когда-либо въ новое время: прекрасно иллюстрируютъ это положеніе дѣлъ между прочимъ и наши тессеры.

Дѣйствительно, вникнемъ, ради примѣра, въ домовое хозяйство того крупнаго кулака-помѣщика, котораго намъ изобразилъ такъ безподобно римскій сатирикъ Петроній (Трималхіона),—домъ ли это, или государство? «Ничего онъ не покупаетъ,—говорятъ про него его добрые знакомые,—все растетъ у него *дома* (domi): и шерсть, и апельсины, и перецъ—захочешь птичьяго молока, такъ и того найдешь». На то у него помѣстья и въ Италіи, и въ Сициліи, и въ Африкѣ и еще гдѣ угодно. Огромности хозяйства соотвѣтствуютъ штаты прислуги: «не наберется и десятой части, которая бы знала своего господина». А прислуга—это все маленькія хозяйства: мужъ, жена, дѣти; и всѣ эти хозяйства находятся въ экономической зависимости отъ центральнаго очага дома и въ экономическихъ сношеніяхъ между собой. Допустимъ, что рабы получали свое пропитаніе и прочіе предметы потребленія натурой—бережливые охотно уменьшали свою порцію, чтобы изъ такихъ маленькихъ экономій составлять себѣ свое частное состояньице, свое peculium... Впрочемъ, это еще довольно примитивный способъ, практиковавшійся въ эпоху Теренція, но въ нашу только въ очень скромныхъ хозяйствахъ: тотъ Меланѳъ, рабъ Публія Дедія, который, какъ мы видѣли выше, былъ магистромъ коллегіи и перестроилъ на свой счетъ ея зданіе, нажилъ свое peculium, конечно, не такимъ образомъ. Духъ спекуляціи и барышничества отъ господъ перешелъ и къ рабамъ: денежное хозяйство было въ ходу внутри каждаго отдѣльнаго, болѣе или менѣе крупнаго дома. А для такового требовались деньги—и притомъ, для внутреннихъ оборотовъ, деньги свои, домашнія, но такія, которыя можно бы было во всякую минуту размѣнять на государственныя въ центральной домашней кассѣ. Такими деньгами были именно наши тессеры, выпускаемыя отъ имени хозяина и такъ или иначе имъ гарантированныя. Теперь намъ

понятно, почему въ императорскую эпоху такъ мало чеканилось мелкой размѣнной монеты: римскіе маленькіе люди, будь то рабы или кліенты, естественно группировались вокругъ крупныхъ богатыхъ домовъ и пользовались, поэтому, ихъ денежными знаками. Конечно, эти знаки юридически имѣли цѣнность только въ домашнемъ хозяйствѣ того дома, который ихъ выпускалъ; но само собою разумѣется, что ихъ принимали и во всемъ томъ районѣ, который зохватывала его слава. Отчего было торговцу мясного или овощнаго ряда не принимать отъ рабовъ и кліентовъ хорошо аккредитованнаго дома его тессеры, которыя онъ могъ во всякую минуту размѣнять въ домашней конторѣ на государственную монету? Откажется—тѣмъ хуже для него, онѣ перейдутъ къ его конкуренту. Положимъ, дѣло было сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ: стоитъ хорошо аккредитованному дому прогорѣть—и его тессеры придется продавать на вѣсъ. Но такъ какъ ихъ цѣнность, какъ монеты, была и такъ не Богъ вѣсть какая, то кризисы могли быть самые незначительные; можно быть увѣреннымъ, что наши тессеры никого по міру не пустили.

Да, это очень интересная страница изъ экономическаго быта древняго Рима, которую намъ раскрываютъ наши тессеры. и притомъ, замѣтьте, только онѣ; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ предыдущей главѣ, тессеры являются нашимъ основнымъ и исключительнымъ источникомъ. Но какъ же распознать наши частныя домовыя тессеры и выдѣлить ихъ изъ числа прочихъ? Вполнѣ естественно прежде всего, что, будучи выпущены отъ имени частнаго лица, онѣ должны носить на себѣ его имя; вотъ это имя, при отсутствіи всего, что могло бы указывать на какое-нибудь другое назначеніе, и будетъ характеризовать наши тессеры, какъ таковыя. Стоитъ пробѣжать эту очень многочисленную серію, описаніе которой начинается у автора съ № 1103 и идетъ до 1572; не думайте, что насъ тутъ встрѣтятъ одни только голыя имена. Конечно, есть и такія; если нѣкая Азинія Тираннида сочла свое выписанное полностью имя достаточнымъ украшеніемъ своей тессеры, то это вполнѣ простительно. Когда-то, будучи еще просто Тираннидой и слѣдовательно рабой, она была хозяйкой извознаго предпріятія и носила эмблемой свою кормилицу, лошадь; теперь, разбогатѣвъ и получивъ со свободой гражданство, она болѣе всего дорожила тѣмъ, чтобы ее знали какъ Азинію Тиранниду, благородную римскую гражданку, «гентилку» знаменитыхъ Азиніевъ Полліоновъ и Азиніевъ Галловъ. У другихъ фантазія болѣе плодовита. Такъ, нерѣдко встрѣчающіяся имена Fortunatus, Fortunata такъ и напрашивались на символъ; ихъ носители охотно изображаютъ Фортуну на оборотѣ своихъ тессеръ. По такой же причинѣ и нѣкто Аквилій изобразилъ на своихъ тессерахъ орла; положимъ, онъ имѣлъ бы такое же точно право производить свое имя

отъ aqua, какъ и отъ aquila, но мы вполнѣ понимаемъ, что онъ предпочелъ послѣднее. Хорошаго знатока греческой миѳологіи должны мы признать въ Лихасѣ, хотя онъ и былъ, повидимому, рабомъ. Онъ читалъ или видѣлъ на сценѣ «Геракла Этейскаго» Сенеки и зналъ поэтому, что его героическій тезка былъ нѣкогда брошенъ Геракломъ объ евбейскую скалу; на этомъ основаніи онъ и воспроизвелъ голову этого популярнаго героя на оборотѣ своей тессеры. Публій Глитій Галлъ далъ намъ свой собственный портретъ, которымъ теперь можно любоваться на табл. IV атласа подъ № 33 (нельзя сказать, чтобы онъ вышелъ въ особенно авантажномъ видѣ), а затѣмъ на оборотѣ свой символъ: пѣтуха съ вѣнкомъ въ клювѣ; видно, онъ предпочиталъ производить себя отъ пѣтуха (gallus), чѣмъ отъ галловъ. Но особенно отличился Г. Юлій Катъ: обладая однимъ изъ самыхъ древнихъ и аристократическихъ римскихъ прозвищъ, онъ позорно забылъ объ его прекрасномъ значеніи (catus — умный) и, сблизивъ его невпопадъ съ простонароднымъ catus — котъ, изобразилъ на оборотѣ своей тессеры, вмѣсто Минервы, это четвероногое съ характерно приподнятымъ хвостомъ.

А впрочемъ, такъ какъ во главѣ хозяйства стоятъ двое, мужъ и жена, Gaius et Gaia, то и тессеры издаются иногда отъ имени обоихъ: особенно ясна тутъ писанная подъ № 1195, дающая на лицевой сторонѣ женскій портретъ съ приписью «Curtia Flacci» (т.-е. Курція, жена Флакка), а на оборотѣ—мужской портретъ съ приписью «Flaccus». Впрочемъ, читатель не долженъ видѣть тутъ признакъ особой галантности Флакка въ томъ, что его супругѣ предоставлена «лицевая» сторона; это—фантазія не то г. Ростовцева, не то безымяннаго перваго издателя тессеры, описаніемъ котораго онъ воспользовался. «Мужа и жену,—продолжаетъ нашъ авторъ (стр. 193),—имѣютъ въ виду и тессеры съ изображеніемъ двухъ змѣй на одной сторонѣ», причемъ я долженъ замѣтить, что для знакомаго съ древнимъ міромъ человѣка это замѣчаніе звучитъ не такъ дико, какъ для обыкновеннаго читателя: змѣй былъ, дѣйствительно, у древнихъ римлянъ символомъ «генія» человѣка, того загадочнаго божественнаго начала въ его натурѣ, о значеніи котораго я прошу сравнить свою статью о римской религіи («Вѣстникъ Европы» 1903 г., январь, стр. 19). А съ этимъ мы приближаемся къ довольно обширной категоріи частныхъ тессеръ, дающихъ вмѣстѣ съ невразумительными для насъ буквами изображеніе этого генія либо въ видѣ змѣя, согласно только что сказанному, либо въ человѣческомъ видѣ.

Но это еще не все. Можно было ограничиться именемъ хозяина, можно было снабдить его извлеченнымъ изъ имени символомъ, этимъ зародышемъ нашего герба, можно было изобразить хозяйскаго генія, но можно было также, и это было самое лучшее, отдать тессеры подъ

покровительство того божества, которое пользовалось особымъ почитаніемъ хозяина и, стало быть, его челяди. Такихъ тессеръ намъ сохранилось довольно много; но наше уваженіе къ благочестію ихъ эмиссіонеровъ нѣсколько расхолаживается при обозрѣніи тѣхъ божествъ, которыя на нихъ изображены. Нѣтъ или почти нѣтъ тѣхъ старинныхъ римскихъ боговъ, которые взростили молодое государство—Марса, Яна, Цереры, Юноны; самъ Юпитеръ почти что забытъ—что дѣлать! громовержецъ въ столицѣ не особенно страшенъ; нѣсколько популярнѣе Аполлонъ и Діана, культъ которыхъ былъ особенно выдвинутъ Августомъ, но и ихъ затмили боги матеріальной удачи, Меркурій и Викторія, особенно же коллективное божество позднѣйшей римской религіи, Фортуна, встрѣчающаяся такъ же часто, какъ всѣ другія божества вмѣстѣ взятыя. Не будемъ, однако, несправедливы: должно принять въ разсчетъ также и назначеніе тессеръ. Онѣ былъ суррогатомъ денегъ, а деньги сами по себѣ вещь матеріальная. Неудивительно, поэтому, что и божества къ этому дѣлу подбирались такія же матеріальныя. Юпитеръ съ высоты Капитолія охранялъ величіе римской державы; въ покровители крупнаго и мелкаго барышничества онъ бы не пошелъ и, пожалуй, послалъ бы infortunium тѣмъ, кто сталъ бы призывать его всуе.

Такимъ образомъ, наши частныя тессеры, помимо своего экономическаго значенія, знакомятъ насъ также и съ нѣкоторыми интимными сторонами домашней жизни древнихъ римлянъ: та же откровенность, что и выше, проявляется и здѣсь. Но главное ихъ значеніе все-таки экономическое, и то, чему онѣ насъ здѣсь учатъ, это—гораздо большая важность частнаго почина въ древности сравнительно съ нашей эпохой. Это явленіе вполнѣ аналогичное тѣмъ, которыя давно уже были извѣстны: домъ-государство, такъ рельефно обрисовывающійся въ своей религіозной, административной, судебной, воспитательной и т. д. роли, вполнѣ естественно представляется намъ теперь самобытной единицей и въ области денежнаго хозяйства; открытіе г. Ростовцева вполнѣ вяжется со всей прочей физіономіей древнеримскаго дома, и въ этомъ заключается, разумѣется, лишній залогъ его убѣдительности. Но онъ имъ не удовольствовался, или, вѣрнѣе, онъ искалъ подтвержденія не въ прочихъ чертахъ древнеримскаго дома, а въ аналогичныхъ институтахъ болѣе новыхъ временъ. Какъ въ древнемъ Римѣ, такъ и въ Парижѣ и Лондонѣ XV и XVI в. недостатокъ государственной размѣнной монеты повелъ къ тому, что частные дома стали издавать серіи свинцовыхъ и другихъ méreaux или tokens, снабжая ихъ, для удостовѣренія подлинности, своими гербами или портретами своихъ главъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ нашъ авторъ (стр. 200)—наши тессеры привели насъ абсолютно къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ привела цѣлый рядъ ученыхъ несравненно болѣе богатая

серія памятниковъ, относящаяся къ временамъ, внутренняя жизнь которыхъ извѣстна намъ гораздо лучше, чѣмъ жизнь I—II вв. по Р. Х.». Конечно, этому сближенію можно только порадоваться; оно лишній разъ подтверждаетъ то, что было выведено изъ вполнѣ надежныхъ основаній.

VIII.

Дальнѣйшее насъ не касается. Вполнѣ естественно, что авторъ, желая всесторонне использовать свой матеріалъ, занялся въ слѣдующей главѣ своей книги «изображеніями на тессерахъ съ художественной точки зрѣнія» (стр. 201 сл.), изучая зависимость тессерныхъ типовъ отъ монетъ съ одной стороны и рѣзныхъ камней съ другой; естественно также, что онъ, посвящая свою «Sylloge» почти исключительно столичнымъ тессерамъ, пожелалъ дать въ видѣ приложенія къ своему изслѣдованію опись италійскихъ и провинціальныхъ тессеръ (стр. 241—302). Все это будетъ съ благодарностью принято спеціалистами, но къ нашей темѣ оно отношенія не имѣетъ: насъ интересовали тессеры исключительно какъ источникъ древнеримскаго быта.

Скорѣе насъ могли бы касаться тѣ многочисленныя тессеры, которыя у автора въ «Sylloge» помѣщены подъ унылымъ заголовкомъ tesserae incertae (неразгаданныя тессеры); составляютъ онѣ, къ сожалѣнію, большую половину всего числа. Содержаніе ихъ довольно разнообразное: изображенія боговъ, листья, вѣнки, пальмовыя вѣтви, масса непонятныхъ для насъ сокращеній, но о назначеніи ихъ невозможно сказать что-либо опредѣленное. Положимъ, авторъ смотритъ на дѣло не очень пессимистически: его успѣхъ внушаетъ ему надежду, что другимъ удастся, пользуясь его методомъ, выдѣлить еще нѣсколько однородныхъ серій. Присоединяемся къ этой надеждѣ, но пока дѣло не сдѣлано, источникомъ древнеримскаго быта эти тессеры служить не могутъ. Такъ-что и съ этой точки зрѣнія нашъ обзоръ пока конченъ.

Многому ли онъ насъ научилъ? Передъ читателемъ прошло нѣсколько картинъ, охватывающихъ въ своей совокупности не малую часть римской общественной жизни: даровая раздача хлѣба бѣднымъ римскимъ гражданамъ, даровые билеты имъ же на игры и зрѣлища, организація римской знатной молодежи, какъ столичной, такъ и муниципальной, жизнь римскихъ коллегій маленькихъ людей съ ихъ спектаклями и пирушками, торгово-промышленныя предпріятія, наконецъ, сложное хозяйство крупныхъ частныхъ домовъ... Но, можно спросить, могутъ ли наши тессеры считаться единственнымъ источникомъ для всего этого? Нѣтъ, конечно. За исключеніемъ послѣдней картины, матеріалъ которой мы, слѣдуя примѣру автора, цѣликомъ заимствовали изъ тессеръ, онѣ, какъ источникъ, конкуррируютъ съ другими источниками, какъ лите-

ратурнаго, такъ и эпиграфическаго и другого характера. Но и тамъ они сохраняютъ свое значеніе, какъ самостоятельные, хотя и не самодовлѣющіе источники: нигдѣ онѣ не ограничиваются повтореніемъ того, что намъ уже было извѣстно и такъ: вездѣ онѣ дополняютъ наши свѣдѣнія, помогаютъ намъ дорисовывать свои картины то въ болѣе, то въ менѣе существенныхъ частяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, притворимъ на минуту окно, которое онѣ намъ открыли въ римское прошлое; насколько сузится нашъ горизонтъ! Конечно о римскихъ фрументаціяхъ и играхъ, о panis et circenses мы знали бы и такъ; но пропали бы нетолько тѣ наглядныя свѣдѣнія объ организаціи этого дѣла, которымъ мы обязаны имъ, но и то тонкое оттѣненіе императорской политики по отношенію къ нему, которое сказывается въ большемъ или меньшемъ привлеченіи къ нему личности правящаго императора. Равнымъ образомъ мы не изъ тессеръ узнали объ организаціи римской молодежи; но безъ нихъ мы не знали бы объ ея участіи во всенародныхъ играхъ и о покровительствѣ этому дѣлу императоровъ, а главное—не знали бы о томъ, насколько примѣръ столицы нашелъ себѣ подражаніе со стороны муниципальной и провинціальной знати. Дѣятельность коллегіи намъ извѣстна почти исключительно по надписямъ; тессеры дополняютъ лишь нѣкоторыя частности, возстановляя, главнымъ образомъ, параллель между государственной и общественной благотворительностью. Гораздо самостоятельнѣе ихъ роль по отношенію къ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ, — прошу вспомнить хотя бы сказанное о пассажирскихъ билетахъ для легкаго судоходства по Тибру, не говоря уже о частныхъ хозяйствахъ, которыя только благодаря имъ намъ стали извѣстны въ своей финансовой самобытности. Этого, полагаю я, достаточно для выясненія важности разсмотрѣннаго памятника, тѣмъ болѣе если сообразить, что г. Ростовцевъ имѣетъ полное право называть себя его первымъ изслѣдователемъ, и что его преемники, пользуясь собраннымъ имъ матеріаломъ, несомнѣнно прибавятъ не мало новаго къ тому, что нашелъ онъ.

Проф. **Ѳ. Зѣлинскій**

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Франанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Окончаніе* *).

ЧАСТЬ V.

Іозефина Еленѣ.

Милая и дорогая Лени .

«Твое письмо получено мною уже три мѣсяца тому назадъ, но осталось безъ отвѣта. Прости!

«Ты спрашиваешь, что произошло у насъ за послѣдніе четыре года, — неужели прошло уже четыре года, съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала отъ насъ? Моя жизнь точно водоворотъ, я едва могу уловить теченіе дней, а годы совершенно проходятъ для меня незамѣтно. Только, когда я гляжу на дѣтей, я вижу, что время идетъ, а то я наблюдаю только часы, указывающіе мнѣ, что я должна дѣлать.

«Милая Лени, мой Ули прогостилъ у меня цѣлую недѣлю. Тебѣ бы онъ навѣрное понравился; онъ такъ прекрасно развивается и вылитый мой отецъ, отъ котораго наслѣдовалъ свѣжесть и прямоту. Онъ и лицомъ похожъ на него. Моя Ресли пролежала цѣлый годъ, подумай только! Она слишкомъ быстро выросла и кости у нея слишкомъ мягки. Она такъ тонка, какъ плющъ, и мнѣ, по временамъ, ужасно страшно за нее. Она изъ такихъ, которыя не въ состояніи проложить себѣ дорогу, развѣ только при помощи таланта. Она пишетъ стихи, у нея есть темпераментъ и фантазія, но точно изъ другого міра, насквозь пропитанная сладкими сантиментальными глупостями! Какъ часто ты меня упрекала и говорила, что у меня нѣтъ чувства дѣйствительности! Ну, это еще нуждалось въ подтвержденіи, но что у Ресли нѣтъ такого чувства, то это вполнѣ справедливо.

«Германнъ изучаетъ богословіе. Это его желаніе и желаніе его отца... Ахъ, Лени, эти дѣти, надъ которыми тяготѣетъ рокъ Георга... но это тебя не интересуетъ.

---

*) См. „Міръ Божій, № 5, май 1904 г.

«Вотъ это все, что произошло у насъ, а о мелочахъ не стоитъ говорить. Милая Лени, меня очень порадовало твое сообщеніе. Ты здорова, работаешь, стараешься для женщинъ, и я чувствую вмѣстѣ съ тобой и желаю тебѣ всего хорошаго. Видишь ли, ты не можешь рѣшиться на союзъ съ Лотаромъ на томъ основаніи, что онъ горбатъ. Ты говоришь, что твой долгъ, какъ женщины, оставлять здоровое потомство, а не больныхъ. Но, голубчикъ, вспомни, что ты мнѣ совѣтывала однажды? Мнѣ пришло это въ голову теперь и я невольно разсмѣялась. Правда, ты была немного глупа тогда, сознаешь теперь? Во всякомъ случаѣ, горбъ вѣдь не передается по наслѣдству, объ этомъ ты могла бы не безпокоиться. Если ты любишь Лотара... Впрочемъ, что я? Моя разумница Лени не можетъ любить ни одного мужчины, все это вздоръ.

«Лени, я сообщу тебѣ нѣчто хорошее. Уже цѣлыхъ пять лѣтъ я мечтаю о томъ, чтобы говорить публично и наконецъ, наконецъ, я попробую это!

«Завтра вечеромъ я сдѣлаю свой первый опытъ. У меня просто голова кружится отъ этой мысли, и я чувствую себя такой счастливой, какъ передъ своимъ первымъ баломъ или, пожалуй, передъ своею свадьбой.

«Ты хочешь знать мою программу? О, она и очень длинна и вмѣстѣ съ тѣмъ очень коротка. Борьба противъ устарѣвшихъ и окаменѣвшихъ авторитетовъ въ жизни и въ наукѣ, больше ничего! Мы на каждомъ шагу окружены этими идолами, которые безсмертны только потому, что они созданы изъ камня, окружены туманомъ и поддерживаются нашею лѣнью, и еще потому, что жрицами ихъ служатъ глупость и жестокость. Но они должны быть свергнуты, эти идолы, они должны упасть и разбиться, и да благословенъ будетъ каждый, кто приложитъ свою руку къ этому!

«Ты видишь, я довольно отважна, я хочу, прежде всего, дѣйствовать противъ авторитета въ семьѣ, тамъ, гдѣ онъ развивается всего сильнѣе и вредитъ всего больше. Какъ врачъ, я вижу очень многое. Еслибъ ты была здѣсь, то я бы все тебѣ выболтала и ты бы, по обыкновенію, стала бы критиковать и бранить меня. Это было бы прекрасно.

«Такъ ли другіе себя чувствуютъ передъ своею первою публичною работою? Описалъ ли кто-нибудь свои ощущенія насчетъ этого пункта? Тутъ такъ много скопляется всего, и внутри и снаружи. Я нашла, напримѣръ, что у меня волосы слишкомъ длинны и остригла ихъ. Я хотѣла надѣть красный галстучекъ, но Рёсли требуетъ, чтобы я приколола вѣтку красной гвоздики—это я-то, не носившая цвѣтовъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять! Будетъ ли слушаться меня мой голосъ? Не застрянутъ ли у меня въ горлѣ слова? Съумѣю ли я создать ту связь, которая должна существовать между ораторомъ и слушателями, для того, чтобы его рѣчь не была мертвымъ звукомъ! Мои слуша-

тели—это лучшая аудиторія, какую только можно себѣ представить. Я хорошо знаю этихъ рабочихъ и работницъ; мнѣ знакомы ихъ лица, выражающія напряженное ожиданіе, ихъ блестящіе глаза и благоговѣйное вниманіе, съ которымъ они слушаютъ. Они такъ жадно вбираютъ въ себя все, точно растенія благодатную росу, освѣжающую ихъ листья.

«Милая Лени, я связала въ узелъ всѣ свои заботы и забросила ихъ въ уголъ. Я выпью крѣпкаго чаю передъ своею лекціей и прогуляюсь по солнцу, чтобы мнѣ стало тепло и свѣтло, и тогда я буду привѣтствовать своихъ друзей звучнымъ и теплымъ голосомъ.

«Отвѣтятъ ли они мнѣ? Нѣкоторыя изъ моихъ прежнихъ паціентокъ также придутъ послушать мою лекцію. Онѣ радуются, какъ онѣ выражаются, всѣмъ хорошимъ вещамъ. Пожелай же мнѣ счастья!

«Твоя Іози».

Елена Іозефинѣ.

«Милый другъ мой!

«Твое письмо, полное юношескаго пыла, уже не нашло меня въ Берлинѣ; его переслали мнѣ сюда, въ милый Мюнхенъ, гдѣ я провожу лѣто у матери Лотара.

Я должна прежде всего сообщить тебѣ, что я дала слово Лотару. Въ принципѣ я уже давно была согласна, и если насъ не соединяетъ съ нимъ вулканическая страсть, то, во всякомъ случаѣ, намъ очень пріятно быть вмѣстѣ и думать, что наши новыя отношенія нисколько не могутъ повліять на нашу старую дружбу.

«Свадьба наша будетъ въ Цюрихѣ и ты должна быть на ней. Мы поселимся гдѣ-нибудь недалеко и я съ удовольствіемъ думаю о томъ, какъ я буду посѣщать въ сопровожденіи Лотара, всѣ наши прежнія мѣста, въ особенности же твой домъ, гдѣ я нашла такую вѣрную дружбу. Ты простишь мнѣ, конечно, что я посвятила Лотара въ твою исторію. Этого нельзя было избѣжать. Но, во всякомъ случаѣ, ты можешь быть увѣрена въ его сочувствіи. Въ общемъ, должна тебѣ сознаться, что онъ смотритъ на тебя, какъ на Донъ-Кихота въ юбкѣ. Удивительно! Я, вѣдь, часто посмѣивалась и даже просто смѣялась надъ твоимъ стараніемъ какъ можно болѣе увеличить горечь своей жизни тамъ, гдѣ другіе постарались бы усладить ее. Когда все у меня идетъ обычнымъ путемъ, то я не думаю о тебѣ, Іози. Видишь, я вполнѣ искренна съ тобой. Но когда моя жизнь складывается или очень худо, или очень хорошо, какъ въ данную минуту, то я начинаю испытывать настоящую тоску по тебѣ и тогда я прихожу въ уныніе оттого, что не могу быть съ тобой.

«Видишь ли, я еще никому и никогда не дѣлала такого объясненія въ любви. Это на меня совсѣмъ не похоже, какъ ты думаешь?

«Слышала ли ты что-нибудь о Бернштейнѣ? Писалъ ли тебѣ Цвики и Логиновичъ?

«Вся моя юность покоится тамъ, въ этомъ домѣ «Zum grauen Ackerstein, въ незабвенномъ Цюрихѣ! Я пріѣду туда съ Лотаромъ и хочу снова пережить ее. Въ столицѣ все время кипишь какъ въ котлѣ и все-таки не живешь. Я обожаю Берлинъ и въ то же время ненавижу его.

«Милая Іозефина, укрѣпи меня твоею силой Я часто чувствую себя такою усталой, такою зачерствѣлой, такою сухой. И это невѣста! По счастью, Лотаръ еще болѣе меня усталъ и зачерствѣлъ. Но онъ прекрасный филологъ и очень искусенъ въ діалектикѣ, такъ что мнѣ приходится пасовать передъ нимъ. Мы думаемъ основать пансіонъ для мальчиковъ иностранцевъ, которые хорошо платятъ. Я беру на на себя математику. Съ мальчиками я съумѣю справиться. Но гдѣ это будетъ—неизвѣстно; можетъ быть, въ Цюрихѣ.

«Мы радуемся, что услышимъ тебя. Ахъ ты, единственная моя Іози! Конечно, ты приколола красную гвоздику, ярко-красную, подходящую для твоего собранія. Одно меня все-таки безпокоитъ, что ты перешла въ лагерь крайнихъ радикаловъ, а вѣдь ты изъ хорошей бюргерской семьи! Но спорить съ тобою не стоитъ, такъ какъ ты всегда будешь поступать только по своему. Но не приводи съ собою своего мужа, потому что тогда, вмѣсто «согласія», произойдетъ «разногласіе», ибо мы оба ненавидимъ другъ друга, твой мужъ и я.

«Напиши, однако, все же, что онъ дѣлаетъ. Мнѣ больше всего хотѣлось бы узнать что-нибудь о немъ. Ты понимаешь почему?

«Кланяйся ему и дѣтямъ. Но Рёсли надо все-таки удерживать, понимаешь ли ты это, влюбленная мать! Она должна быть нашею дочерью. Сердечно обнимаю тебя. Твоя Елена Бегасъ.

«Искренній привѣтъ шлетъ вамъ, глубокоуважаемая фрау Іозефина преданный вамъ

«Лотаръ Брёкеръ
старшій преподаватель гимназіи».

Платтнеръ своей дочери Іозефинѣ.

«Мое милое дитя!

«Къ сожалѣнію, я долженъ подтвердить свое краткое извѣстіе, посланное тебѣ вчера. Леонъ разорился и—я долженъ сейчасъ же сообщить это тебѣ—весь мой капиталъ погибъ. И подѣломъ мнѣ! Меня прельстили, какъ и другихъ, большіе проценты. Но я все мечталъ о томъ, чтобы оставить тебѣ хорошее состояніе, поэтому и попался на удочку. Все пошло прахомъ. Г. директоръ банка, какъ видно, ничѣмъ не руководилъ, г. ревизоръ, очевидно, не наблюдалъ ни за чѣмъ. Большая часть состоянія Альберта также погибла! Возмутительно! Я взбѣшенъ, право, ужасно взбѣшенъ!

«Но ты, пожалуйста, не безпокойся ни обо мнѣ, ни объ Ули. Пока я способенъ работать, хватитъ на все. Меня только мучаетъ мысль, что ты не получишь того, что отецъ скопилъ для тебя; меня это огорчаетъ до послѣдней степени!

«Видишь, Іози, что тотъ капиталъ, который былъ затраченъ мною на твое ученье, оказывается самымъ разумнымъ вкладомъ, сдѣланнымъ мною. Ты теперь самостоятельна, имѣешь хорошую практику, можешь прокормить мужа и дѣтей. Да благословитъ тебя Богъ, мое дитя!

«Всѣ удивляются тому, что ты дѣлаешь. Я прочелъ о твоихъ лекціяхъ, которыя ты читаешь рабочимъ. Это все прекрасно,, Іози, но умоляю тебя, не напрягайся слишкомъ, вѣдь человѣкъ не лошадь. Я готовъ просто ревѣть, какъ старая баба, оттого, что ты не получишь отъ меня больше ни одного сантима. Но если Господь пошлетъ мнѣ еще десять рабочихъ лѣтъ, то я наверстаю потерянное.

«Однако, хороши же мои зятья, всѣ до одного! Я ужъ не знаю, который изъ нихъ лучше. Молодцы, нечего сказать! Впрочемъ, относительно Альберта пока ничего не знаютъ, кромѣ того, что онъ постарался обойти ревизіонный совѣтъ такъ, чтобы онъ не вмѣшивался ни во что. Однако, и этого довольно. Притомъ же и Альбертъ не нажилъ вполнѣ правильными путями своего милліоннаго состоянія. Вѣдь онъ имѣетъ четыре виллы: одну во Флюхленѣ, одну въ Менаджіо, одну въ Лаутербруненѣ и одну въ Цюрихѣ. Впрочемъ, надо сказать: имѣлъ. Кто знаетъ, есть ли у него гдѣ преклонить голову теперь?

«Леонъ, конечно, поспѣшилъ скрыться. Однако, говорятъ, что его не въ чемъ обвинить. Теперь все, что въ состояніи будетъ изобрѣсти такой бѣглый директоръ банка, Леонъ непремѣнно изобрѣтетъ, а г. ревизіонный совѣтникъ подскажетъ ему, гдѣ надо искать убѣжища, чтобы не быть захваченнымъ. Смотри въ оба: все это очень подозрительно.

«Твой удрученный отецъ».

Адель своей сестрѣ Іозефинѣ.

«(Весьма нужное).

«Любимая и дорогая Физи!

«Въ дѣлахъ Леона произошли очень непріятныя осложненія и потому намъ предстоятъ большія трудности. Моему мужу нужно скрыться на нѣкоторое время въ неизвѣстномъ мѣстѣ. У васъ же его не станутъ искать, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что между нами прерваны всякія сношенія. Скрыться надо только на нѣсколько дней, потомъ все объяснится. Напиши мнѣ тотчасъ же, можешь ли ты спрятать Леона? Я, во всякомъ случаѣ, буду тебѣ очень признательна.

«Адель».

Марія своей сестрѣ Іозефинѣ.

«Единственная и любимая Іозефина!

«Къ тебѣ прибѣгаю я въ своемъ горѣ и страхѣ, потому что я никому не могу такъ довѣриться, какъ тебѣ, дорогая сестра. Съ Альбертомъ что-то случилось и его разыскиваютъ, но онъ не хочетъ, чтобы его нашли. Онъ говоритъ, пусть лучше это будетъ позднѣе. Онъ хотѣлъ бы отправиться къ вамъ, такъ какъ всему городу извѣстно,

что мы никогда не встрѣчаемся, и меня очень часто даже спрашивали объ этомъ. Но нужда разрушаетъ преграды, а мы, вѣдь, сестры, не правда ли? О, Іозефина, еслибъ отъ меня зависѣло, то никогда бы между нами не произошло такого отчужденія! Дѣло идетъ лишь о нѣсколькихъ дняхъ. Альбертъ все выяснитъ; онъ долженъ только успокоиться сначала и, какъ онъ говоритъ, не чувствовать за собою этой своры. Онъ всѣмъ доволенъ и вамъ нечего съ нимъ особенно стѣсняться. Умоляю тебя, дорогая, помоги намъ, объ этомъ проситъ тебя горячо любящая Марія.

«PS. Сегодня вечеромъ онъ проѣдетъ мимо васъ въ закрытомъ экипажѣ, ровно въ три четверти двѣнадцатаго. Онъ можетъ спать на диванѣ. Онъ всѣми будетъ доволенъ. Только бы не возбуждать ничьего вниманія и сохранить полнѣйшую тайну! Прошу, пришли отвѣтъ черезъ кого-нибудь изъ дѣтей, но только запечатанный».

Іозефина Адели.

«Милая сестра!

«Я не знаю, извѣстно ли Леону, что Альбертъ обратился къ намъ съ такою же просьбою, какъ и твой мужъ. Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ вы поискали другого убѣжища. Дай Рёсли, которая принесетъ тебѣ это письмо, отвѣтъ. Если ваши мужья все-таки настаиваютъ на своемъ планѣ, то мнѣ надо многое подготовить.

«Іозефина».

Іозефина Маріи.

«Милая бѣдняжка Мари!

«Я не знаю, хочетъ ли твой Альбертъ встрѣтиться здѣсь съ Леономъ или онъ хочетъ отъ него спрятаться? Дѣло въ томъ, что Леонъ также извѣстилъ насъ о своемъ визитѣ.

«Какъ же быть теперь? Не можетъ ли Альбертъ спрятаться въ другомъ мѣстѣ? Все это мнѣ очень непріятно.

«Передай дѣвушкѣ отвѣтъ.

«Твоя Іози».

Адель Іозефинѣ.

«Дорогая сестра!

«Не будь такъ сурова! Иначе нельзя. Двое преслѣдуемыхъ должны переговорить между собою, а это можно сдѣлать только у васъ. Они пріѣдутъ къ вамъ сегодня вечеромъ вмѣстѣ, въ закрытомъ экипажѣ, въ три четверти двѣнадцатаго. Мы знаемъ, что ты на многое смотришь гораздо шире, чѣмъ наше бездушное и холодное общество. Къ тому же у тебя нѣтъ такихъ строгихъ нравственныхъ правилъ, я думаю, принимая во вниманіе твой грустный опытъ, дорогая сестра. Пусть онъ принесетъ намъ пользу! Не отвергай же насъ; отъ всей души прошу тебя.

«Твоя Адель».

Марія Іозефинѣ.

«Единственная и любимая Іози!

«Что же дѣлать Альберту, если ты не соглашаешься? Мы думали ты не такая жестокая, какъ другіе; къ тому же мы, вѣдь, сестры и послѣ этого, между нами уже никогда больше не произойдетъ недоразумѣній; объ этомъ ужъ я позабочусь. Свиданіе у тебя было заранѣе условлено, дорогая Іози, оно необходимо. Ты сама говорила: преступниковъ нѣтъ, а есть только больные! Быть можетъ, это современная болѣзнь, такъ какъ мы постоянно слышимъ о такихъ фактахъ. Твоя бѣдная Мари очень несчастна, а ты хочешь ее оттолкнуть? Нѣтъ! Іозефина не такая недобрая, она не можетъ отказать! Они пріѣдутъ сегодня вечеромъ въ три четверти двѣнадцатаго. Умоляю тебя! Они могутъ спать на диванѣ и абсолютно не требовательны. Я разсчитываю на твою сестринскую любовь.

«Твоя Мія».

Іозефина Адели.

«Милая Адель!

«Прилагаю ключъ отъ дома «Zum grauen Ackerstein». Мы, т.-е. вся наша семья, уѣзжаемъ сегодня, въ восемь часовъ вечера въ Куръ, къ отцу. Леонъ и Альбертъ должны уже сами о себѣ заботиться и готовить для себя кушанье, такъ какъ дѣвушку мы, ради предосторожности, увозимъ съ собой. Мы останемся тамъ цѣлую недѣлю; надѣюсь, что этого времени будетъ достаточно для Леона и Альберта, чтобы сговориться между собою.

«Я должна еще позаботиться о замѣстительницѣ и потому кончаю. Въ отношеніи проступковъ, вызванныхъ алчностью, мои принципы, милая Адель, очень строги.

«І».

«PS. Пожалуйста отошли эту записку Мари. У меня нѣтъ времени писать два раза одно и то же. Вы не должны забывать, что мнѣ приходится внезапно покидать свою практику, дѣти. Скажи Міи, что она права, но есть нѣкоторыя формы болѣзни, которыя меня особенно отталкиваютъ, а именно: алчность къ деньгамъ. Желаю всего хорошаго.

«Іозефина».

Іозефина предсѣдателю рабочаго союза.

«Милостивый государь!

«Къ сожалѣнію, я должна отложить свою публичную лекцію, назначенную на послѣзавтра, потому что вынуждена уѣхать. Будьте такъ добры назначить какой-нибудь другой день послѣ 12-го іюля.

«Съ почтеніемъ

«Іозефина Гейеръ».

Іозефина одной изъ своихъ паціентокъ.

«Милостивая государыня, прошу васъ, не пугайтесь, если завтра къ вамъ явится, вмѣсто меня, докторъ фрейлейнъ Лаутереръ. Она

уже замѣняла меня одинъ разъ, во время моего недѣльнаго отсутствія изъ Цюриха и вы можете вполнѣ ей довѣриться. Къ тому времени, когда нужно будетъ сдѣлать вамъ маленькую операцію, я уже вернусь. Будьте же мужественны и не теряйте надежды.

«Ваша д-ръ Іозефина Гейеръ».

Іозефина сестрѣ краснаго креста въ операціонномъ отдѣленіи.

«Милая сестра Эрна!

«Назначенную на завтра, въ 11 часовъ, операцію я, къ сожалѣнію, произвести не могу—должна неожиданно уѣхать. Фрейлейнъ д-ръ Лаутереръ меня замѣнитъ. Приготовьте паціентку и скажите ей, что фрейлейнъ д-ръ Лаутереръ, не только не хуже, но даже лучше меня оперируетъ. Такъ какъ я пробуду въ отсутствіи съ недѣлю, то мнѣ придется, вѣроятно, отказаться и отъ паціентки Аллейнштейнъ, что мнѣ особенно непріятно, такъ какъ она очень нервна. Вашъ же случай можетъ быть отложенъ. Если она согласна ждать, то я могу сдѣлать ей операцію 12-го іюля въ три часа пополудни. Прошу васъ присылать мнѣ ежедневно донесенія по нижеслѣдующему адресу.

«Шлю сердечный привѣтъ

«Д-ръ Іозефина Гейеръ.

«Куръ. Сельскохозяйственная школа. Профессору Платтнеру».

Іозефина въ высшую женскую школу въ Гросмюнстерѣ.

«Многоуважаемый г. директоръ!

«Прошу васъ о разрѣшеніи отпустить мою дочь Рёсли уже теперь, т.-е. за недѣлю раньше начала лѣтнихъ каникулъ. Неожиданный отъѣздъ всей семьи въ Куръ вынуждаютъ меня обратиться къ вамъ съ этою просьбой.

«Съ почтеніемъ

«Д-ръ Іозефина Гейеръ».

Письмо миссіонерскаго управленія въ Базелѣ къ д-ру медицины Іозефинѣ Гейеръ.

«Милостивая государыня!

«Мы обращаемся къ вамъ съ нашимъ отвѣтомъ на предложеніе, сдѣланное намъ около мѣсяца тому назадъ, лицомъ, близко стоящимъ къ вамъ. Вашъ супругъ, Георгъ Гейеръ, обратился къ намъ съ изъявленіемъ своего желанія сдѣлаться миссіонеромъ и быть посланнымъ для проповѣди евангелія язычникамъ.

«Мы не знаемъ, извѣстно ли вамъ это намѣреніе вашего мужа, но имѣемъ нѣкоторыя основанія сомнѣваться въ этомъ. Намъ кажется, что вы бы отговорили его по причинамъ, вамъ достаточно извѣстнымъ и о которыхъ мы считаемъ лишнимъ тутъ распространяться. Нашъ Спаситель нуждается въ чистыхъ посланникахъ, какъ же можетъ къ намъ обращаться и предлагать свои услуги бывшій каторжникъ? Мы предпочитаемъ сообщить г. Георгу Гейеру окольнымъ путемъ отвѣтъ,

который имъ заслуженъ. Просимъ передать его и избавить насъ отъ непріятности личныхъ сношеній съ названнымъ господиномъ.

«Да просвѣтитъ васъ Господь и пошлетъ вамъ миръ! Amen!

«Дирекція».

Іозефина изъ Цюриха Георгу въ Куръ.

«Милый Георгъ!

«Хотя ты завтра возвращаешься, но то, что я хочу тебѣ сказать, лучше передать письменно. Видишь ли, когда ты со мною позволяешь себѣ дурныя шутки, то это еще не бѣда, но у такихъ людей, какъ эти миссіонеры, шкура слишкомъ щекотливая; тебѣ бы слѣдовало оставить ихъ въ покоѣ! Ты позволилъ себѣ дурную шутку, обратившись къ нимъ съ вопросомъ, не хотятъ ли они образовать изъ тебя миссіонера и, они, конечно, отвѣчали: нѣтъ. Отвѣтъ былъ присланъ мнѣ; онъ написанъ въ грубой формѣ и потому я не посылаю его тебѣ. Но какъ ты могъ рѣшиться дразнить подобныхъ людей?

«Нравится ли тебѣ дѣятельность на сельскохозяйственной опытной станціи? Развѣ нѣтъ? До свиданія. Шлю привѣтъ.

«Іозефина».

«Моя несравненная Зефина!

«Я очень несчастный человѣкъ. Самое лучшее было бы для меня привязать себѣ камень на шею и утопиться въ морѣ.

«Но это вовсе не было дурною шуткой съ моей стороны; я серьезно хочу сдѣлаться миссіонеромъ и надѣюсь все-таки привести въ исполненіе мой планъ.

«Развѣ же не безконечно легче проповѣдывать другимъ, какими они должны быть, нежели самому быть вполнѣ хорошимъ? Ты, вѣдь, знаешь, Зефина, что у меня есть даръ слова и даже я не лишенъ краснорѣчія. Но даромъ хорошаго поведенія я не обладаю и поэтому я долженъ держаться того, что имѣю. Надо за все быть благодарнымъ Богу! Кто былъ св. Августинъ, а? Я отожествляю себя съ нимъ, я имѣю такія же видѣнія, какія были у него, и чувствую такое же влеченіе поучать. Базельцы просто дураки, отвергая такого генія, какъ я. Они раскаятся въ этомъ, когда я, безъ ихъ помощи, достигну святости. А ужъ я достигну этого, именно потому, что я обладаю даромъ слова. Я утверждаю, что именно вслѣдствіе обладанія этимъ даромъ и отсутствія другихъ даровъ я и предназначенъ самою судьбой быть миссіонеромъ. Бѣда не обрушилась бы на меня, еслибъ я раньше понялъ свое призваніе. Я бы могъ дѣлать то, что я сдѣлалъ, это бы ничему не повредило; миссіонеру это бы не могло повредить.

«Они поступаютъ гораздо хуже и это имъ не вредитъ. Я чувствую въ себѣ призваніе взывать къ покаянію. Всѣ эти чернокожіе, мѣдноликіе и желтоликіе, для которыхъ я открою небеса, будутъ за меня молиться. Словомъ, это занятіе, и хорошее занятіе, и я все-таки буду тѣмъ, чѣмъ хочу быть. Научиться этому дѣлу не трудно и притомъ у

меня уже есть необходимыя познанія. Развѣ и ты не занимаешся проповѣдями, несравненная Зефина? Развѣ у тебя нашлось для меня что-нибудь, кромѣ прекрасныхъ словъ? Въ твоемъ вопросѣ, нравится ли мнѣ крестьянская дѣятельность, я даже вижу нѣчто для себя унизительное. Ты бы хотѣла навсегда засадить меня туда, Зефина, но я, я все-таки хочу подняться и буду миссіонеромъ. Я знаю грѣхъ и могу, слѣдовательно, предостеречь отъ него. Я радуюсь, что буду находиться среди грѣшниковъ. Изъ нѣкоторыхъ намековъ твоего старика я заключилъ, что могу Леона и Альберта включить въ свои молитвы. Прелестная семейка! Поистинѣ нужно, чтобы одинъ изъ насъ сталъ бы призывать трубнымъ звукомъ къ покаянію и этимъ однимъ будетъ

твой покорный слуга Георгъ.

«Ps. Возможно, что я сдѣлаюсь католикомъ, если этого потребуютъ обстоятельства; креститься я уже умѣю».

Рёсли своей матери Іозефинѣ.

«Моя единственная мамочка!

«Благодарю тебя, что ты привезла меня въ Веггисъ и я могу пожить у Лауры-Анаизы. Лаура-Анаиза красивая женщина, но ея мужъ не такъ красивъ, потому что онъ слишкомъ малъ. Я бы тоже хотѣла имѣть такого мужа; онъ такой ласковый съ Лаурой-Анаизой, а ихъ малютка просто визжитъ отъ радости, когда видитъ своего папу. Но я все-таки хотѣла бы, чтобъ мой мужъ былъ нѣсколько выше ростомъ. Однако это еще будетъ не скоро, и я часто думаю, что, пожалуй, предпочла бы оставаться маленькой и сдѣлаться русалкой въ Фирвальштетскомъ озерѣ. Еслибъ только у меня были свѣтлые волосы, мама! Вѣдь русалки не бываютъ съ черными волосами или бываютъ? Тогда бы я выходила на голубыя скалы, когда свѣтитъ луна. Она какъ разъ свѣтитъ теперь и это такое наслажденіе писать тебѣ при лунномъ свѣтѣ, безъ лампы! Противъ меня возвышается голубая скала; тамъ и будетъ мое мѣсто. Эта скала вовсе не такъ хороша, когда она пустынна.

«Если бы я была русалкой, я бы могла пѣть, и я знаю одну пѣсню, моя несравненная мамочка, и оттого я такъ грустна. Въ саду Лауры-Анаизы много розовыхъ кустовъ, но одинъ былъ особенно хорошъ и и онъ погибъ! Я не знаю, отчего это произошло, и никто этого не знаетъ. Утромъ я увидала, что полуоткрытыя, большія, большія розы спокойно, какъ всегда, висятъ на вѣткѣ, но маленькіе, молодые бутоны и самые маленькіе коричневые листочки стали такіе мягкіе и повисли, какъ безжизненные. Сначала мнѣ припомнились спящіе цвѣты, которые ты намъ показывала прежде, акаціи, складывающія ночью свои листочки, точно на молитву. Развѣ же розовый кустъ не могъ тоже заснуть? Быть можетъ, онъ усталъ всю ночь любоваться луной или слушать то, что разсказываетъ вѣтеръ, или его утомило жужжаніе

большихъ шмелей? Я хотѣла разбудить бутончики, но они склонились на сторону такъ безсильно. «Сонъ ли это?» подумала я и мнѣ стало страшно.

«Вечеромъ большія, бѣлыя розы повисли внизъ, точно тяжелые колокольчики, а маленькія вѣточки потеряли всякую силу. Я принесла ему воды, но онъ былъ слишкомъ слабъ и уже не могъ пить; вода растекалась по поверхности почвы, но не пропитывала ее. «Онъ хочетъ умереть», сказала я Лаурѣ-Анаизѣ, и Лаура-Анаиза, ея мужъ и я, мы бы не стали даже ѣсть въ этотъ день, но малютка, вѣдь, ничего не понимаетъ! Къ утру кустъ былъ уже мертвъ, такъ холоденъ и спокоенъ, но ни одинъ листокъ не упалъ съ него. Листочки шуршали точно бумага и стали такіе маленькіе и потемнѣли, и бѣлыя розы пожелтѣли, но продолжали еще издавать ароматъ. Кругомъ же другіе розовые кусты образовали точно вѣнокъ, а то мѣсто, гдѣ стоялъ мертвый кустъ, казалось темною могилой...

«Милая моя мамочка, прошу тебя, пришли мнѣ блѣдно-голубое покрывало, но такое большое, чтобы я могла вся въ него закутаться, тогда мнѣ не нужны платья, а то жара просто убиваетъ меня. Она-то и убила розовый кустъ! Я хочу завернуться въ голубое покрывало и ждать тебя, моя ненаглядная. Пріѣдешь ты и возмешь меня съ собой. Но не бери меня такъ скоро, тутъ такъ хорошо. Можно подумать, что это солнце встаетъ, такое огромное и пламенно-красное, а между тѣмъ это встаетъ луна.

«Твоя утомленная Рёсли».

«Рёсли своей матери Іозефинѣ.

«Моя дорогая мамочка!

«Знаешь ли ты, гдѣ я нахожусь? Можешь ли ты меня видѣть? О, я влѣзла на орѣховое дерево и меня окружаютъ зеленыя вѣтви и солнце кажется мнѣ золотисто-зеленаго цвѣта, а я словно птичка на деревѣ. Я ни о чемъ не думаю цѣлый день, но ты всегда со мною, въ моемъ сердцѣ и я тебя люблю еще въ тысячу разъ больше! А наверху, сквозь маленькіе промежутки въ листвѣ, смотритъ на меня и на тебя голубое небо.

«Когда я получаю твои прекрасныя письма, то сердце у меня начинаетъ биться и я хочу дѣлать все, все, что ты захочешь, моя мама. Только отъ тебя я хочу всему учиться, такъ какъ люди вовсе не такъ хороши, какъ ты говоришь, мама; они такъ странно смотрятъ на меня и пугаютъ меня постоянными вопросами о тебѣ и о папѣ.

«Я внутренно зажимаю себѣ уши. Тутъ всѣ дѣвушки имѣютъ любовныя исторіи, а это мнѣ кажется отвратительнымъ. Я постоянно твержу стихи, которые ты для меня написала и за которые я тебѣ тысячу разъ благодарю. Нѣтъ, нѣтъ, не надо женскихъ слезъ! Я тоже хочу, какъ ты, облегчать горе, моя милая, милая мама. Мы много страдаемъ отъ страданія другихъ, говоришь ты. Это правда, но я

вижу такіе прекрасные сны и я мало страдаю, мама! Во снѣ это голубое покрывало, которое ты прислала мнѣ, представляется мнѣ длиннымъ, длиннымъ, какъ дорога, по которой я могла летѣть на небо. Но я не полетѣла, а шла такъ спокойно, скользила по горамъ и надъ озеромъ и видѣла золотую залу съ бѣлыми богами и видѣла бога Одина, который пѣлъ, и звуки падали въ голубое озеро, точно золотой дождь. А я была русалкой и держала свои руки раскрытыми, точно двѣ бѣлыя раковины, освѣщенныя луной, и золотыя зерна дождя падали мнѣ на руки и изъ нихъ выходили маленькіе, дрожащіе корешки, а сверху выросталъ цѣлый лѣсъ бѣлыхъ лилій и онъ росъ все выше и сомкнулся надъ моею головой, такъ что я потерялась и теперь не знаю, гдѣ я осталась. Отыщи же меня, моя дорогая мамочка!

«Рёсли».

Германъ своей матери Іозефинѣ.

«Милая мать!

«Ты находишь, что я такъ удивительно лѣнивъ писать, поэтому я и хочу воспользоваться дождливымъ днемъ сегодня, чтобы хорошенько отвѣтить тебѣ на все.

«Это было очень хорошо, что я уѣхалъ въ Базель, во многихъ отношеніяхъ. Мнѣ тутъ чрезвычайно нравится и я, вѣроятно, останусь тутъ одинъ или два семестра. Тетка Людмила, которую мы такъ боялись, оказалась, хотя и отвратительной на видъ, но весьма полезной дамой, благодаря стараніямъ которой я попалъ теперь въ лучшій кругъ. Этому въ значительной степени помогаетъ также и избранная мною профессія, оттого я и не хочу ее бросать. Въ самомъ дѣлѣ, это большая бѣда, что у насъ нѣтъ способныхъ, знающихъ богослововъ; это недостатокъ нашего времени и хотя я совсѣмъ не святоша, но думаю все же, что нашей профессіи предстоитъ блестящее будущее и было бы глупо не воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Во всякомъ случаѣ, я намѣренъ переселиться въ Германію, тамъ нашъ братъ можетъ достигнуть гораздо большаго, чѣмъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ можетъ, какъ крестьянскій пасторъ, читать проповѣди только глупцамъ. Я знаю, что ты совсѣмъ иначе смотришь на всѣ эти вопросы, но вѣдь я же молодъ и долженъ найти себѣ мѣстечко, не слишкомъ удаленное отъ солнца. Къ сожалѣнію на это у насъ нельзя надѣяться; у насъ становятся знаменитыми только такіе проповѣдники, которые выдаютъ себя за народныхъ представителей, а этой чести я не добиваюсь. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, значитъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, я все болѣе и болѣе становлюсь аристократомъ; это, вѣроятно, у меня въ натурѣ. Притомъ же, на родинѣ, отцовское прошлое непремѣнно помѣшаетъ моей карьерѣ, это я вижу ясно. Ты съ нами обращалась, въ этомъ отношеніи, какъ со слѣпыми курицами, милая мама. Родители почему-то воображаютъ, что ихъ дѣти должны слышать и видѣть всегда только то, что желательно родителямъ.

«О моихъ дядяхъ Альбертѣ и Леонѣ вѣдь также говорятъ постоянно и пересуживаютъ ихъ поступки на всѣ лады, но хитрость, съ которою они съумѣли припрятать свои милліоны въ безопасное мѣсто, такъ геніальна, что это не можетъ не вызывать удивленія. Говорятъ, что они теперь отправились со своими женами путешествовать вокругъ свѣта. Такого рода поступки всегда поражаютъ, хотя въ сущности это не болѣе, какъ адскій фейерверкъ. Тетка Людмила все это знала; она, несмотря на свои 90 лѣтъ и свою страсть къ алкоголю, прямотаки достойна удивленія. Она, съ бѣшенымъ хохотомъ, увѣряла меня, что свиданіе нашихъ дядей въ нашемъ домѣ въ Цюрихѣ, въ то время, когда мы ѣхали въ Куръ, принесло отцу пятьсотъ тысячъ! Когда же я сказалъ ей, что она ошибается и что мы могли допустить это лишь вслѣдствіе безвыходности положенія, то она такъ толкнула меня въ грудь своимъ жесткимъ пальцемъ, что я потомъ цѣлый день ощущалъ это, и начала неистово ругать тебя. Тетка Людмила ввела меня въ нѣкоторыя семьи, гдѣ, разумѣется, нѣтъ недостатка въ хорошенькихъ дочеряхъ. Недавно она даже намекнула на то, что имѣетъ намѣреніе меня усыновить. Тогда я бы сдѣлался ея пріемнымъ сыномъ и всѣ бы безполезные вопросы сами собой сошли бы со сцены. Какъ ты думаешь объ этомъ, милая мама? Я не могу вѣдь иначе выбраться на дорогу, вѣдь надо же сдѣлать что-нибудь и для моего будущаго. Я хочу жить, я не аскетъ. Ты должна, наконецъ, понять, милая мама, что я совсѣмъ другой!

«Твой покорный сынъ Германъ».

Прочтя письмо Германа, Іозефина рѣшила тотчасъ же ѣхать въ Базель.

Сильное волненіе, охватившее ее, не улеглось даже во время пріема больныхъ; оно мѣшало ей сосредоточиться и она должна была даже нѣсколько разъ повторять одинъ и тотъ же вопросъ, потому что не слыхала отвѣта паціентки.

«Я поѣду съ послѣднимъ поѣздомъ, ночью переговорю съ сыномъ и вернусь рано утромъ», рѣшила она.

Былъ ноябрь, но вечеръ былъ теплый и свѣтила луна.

«Я высплюсь въ вагонѣ,—подумала она, но сейчасъ же ей пришла въ голову другая мысль:—развѣ я въ состояніи буду заснуть? Неужели я родила этого мальчика для того, чтобы онъ обманывалъ людей?

Мрачнѣе тучи прошла она въ комнату, гдѣ за столомъ, у газоваго рожка сидѣла Рёсли и что-то записывала въ маленькую книжечку съ золотымъ обрѣзомъ.

— Ахъ ты, съ твоимъ вѣчнымъ стихоплетствомъ, ты также доставляешь мнѣ заботы!—вскричала Іозефина и съ гнѣвомъ вырвала изъ рукъ испуганной дѣвочки книжку. Рёсли вскочила и съ раздувающимися ноздрями и широко раскрытыми темными глазами посмотрѣла на мать и тоже закричала.

— Что ты кричишь! сердито и съ раздраженіемъ замѣтила ей мать.

— Отдай мнѣ мою записную книжку, мою! Мое единственное, единственное счастье! молила Рёсли съ рыданіемъ въ голосѣ.

— Вотъ она. Не плачь, ты, глупая дѣвочка! Точно рѣжутъ!—Іозефина бросила книжечку на столъ и прибавила:—я уѣзжаю въ Базель. Что папа дома?

— Не знаю,—прошептала дѣвочка, тихо плача.

— Видишь! Ты ничего не знаешь! Ты какъ будто глуха и слѣпа. Ахъ, я бы хотѣла имѣть дочь, которая бы жила и была бы сильна, какъ настоящій человѣкъ,—вскричала Іозефина внѣ себя.

Рёсли вскочила. Она смертельно поблѣднѣла и, вся дрожа, сказала:—Ты больше меня не любишь, мама. Ты такъ холодно писала мнѣ въ Веггисъ, писала что все, что я ни дѣлаю—дурно, но...

Она вдругъ бросила тетрадку на полъ и начала топтать ее ногами, громко рыдая.

— Рёсли! Дитя мое! Что же это такое!

Іозефина вдругъ поняла все и сердце у нея растаяло. Она бросилась къ Рёсли, крѣпко обняла ее и принялась горячо цѣловать ея мокрыя щечки и глаза. Ея сердце сильно билось.

— Прости! Прости!—шептали обѣ, мать и дочь. Онѣ цѣловались и плакали вмѣстѣ, затѣмъ, крѣпко обнявшись, присѣли на диванъ.

— Посмотри, моя голубушка, какъ я несчастна съ твоимъ братомъ! — сказала мать.—Его первый шагъ на свободѣ—это прыжокъ въ болото. Онъ хочетъ играть роль, быть богатымъ и все ставитъ на карту, свою мать, свое отечество, свою науку! Отвратительное, старое чудовище въ Базелѣ хочетъ его усыновить, и онъ видитъ въ этомъ нѣчто хорошее, такъ какъ это принесетъ ему выгоду. И я, я родила этого мальчика, чтобы онъ былъ такимъ обманщикомъ!

— Но мама, мама, я, вѣдь, никогда ничего подобнаго не сдѣлаю, я, вѣдь, твоя дочь... или ты хочешь имѣть другую? вскричала дѣвочка, обнимая мать, и слезы ручьемъ хлынули изъ ея глазъ.

Іозефина принялась страстно цѣловать ее:—Ахъ дитя, дитя, еслибъ ты знала, какъ я разстроена! Я такъ устала за это лѣто! Прости, прости меня! Чего только ни случилось въ это лѣто! А теперь еще Германъ...

Она вдругъ вскочила, что-то вспомнивъ, и прибавила:—Рёсли, дитя, помоги мнѣ. Мой ватерпруфъ еще не высохъ, а надо взять мои ботинки отъ сапожника, притомъ я должна еще поговорить съ папой, а поѣздъ отходитъ въ половинѣ восьмого.

Дѣвочка встрепенулась. Она все, все готова была сдѣлать для матери, все! И быть такой какъ она!

Георгъ вернулся домой и Іозефина тотчасъ же отправилась къ нему.

— Я привезу мальчика домой,—сказала она послѣ того, какъ сообщила ему содержаніе письма Германа,—а тамъ мы увидимъ. Цинизмъ—

ядъ для Германа, а эта старая тетка Людмила такъ цинична! Онъ долженъ вернуться на правый путь. Не годится ему изучать богословіе, Георгъ. Прошу тебя, воспротивься этому и посовѣтуй ему что-нибудь другое. Онъ слушаетъ тебя, онъ только со мною такъ поступаетъ, а ты, ты можешь уговорить его, могу я на тебя разсчитывать, скажи

— Ты можетъ быть хочешь сдѣлать изъ него директора банка? И эта профессія вѣдь можетъ приносить выгоды,—замѣтилъ онъ, язвительно улыбаясь.

Измученная женщина взглянула на него, и въ этотъ моментъ онъ представился ей воплощеніемъ всего самаго отвратительнаго въ жизни, порочнаго, достойнаго презрѣнія. Въ его усмѣхающемся желтомъ, покрытомъ морщинами лицѣ, въ его тусклыхъ, покраснѣвшихъ глазахъ она видѣла отраженіе своего безнадежнаго положенія, своей безнадежной муки.

— Да, да,—прибавилъ Георгъ, тяжело вздыхая.—Жизнь вѣдь тяжела.

Она подняла голову. Отчаяніе овладѣло ею. Искать у него помощи? Она протянула ему руку: — Потому-то, что жизнь тяжела, Георгъ, ты и помоги мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Не дѣйствуй противъ меня!

Его желтыя щеки чуть-чуть закраснѣлись. Онъ слегка прикоснулся къ ея рукѣ и пробормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Вѣдь ты его отецъ, Георгъ.

— Къ сожалѣнію.

— Считаешь ли ты его потеряннымъ?

— Нѣтъ, но ты, Зефина?

— Я привезу его,—сказала она рѣшительно, и пожавъ холодную руку мужа, словно боявшагося ея прикосновенія, Іозефина отправилась. Георгъ предложилъ ей проводить ее, но она смущенно отказалась и уѣхала одна.

Дождь начался уже, когда она выѣхала изъ Цюриха. Въ вагонѣ было жарко и душно и ей хотѣлось спать, но когда она вышла на мокрую платформу въ Базелѣ, то ею снова овладѣло безпокойство, все усиливавшееся въ тишинѣ города, погруженнаго въ сонъ. На Рейнскомъ мосту порывъ вѣтра такъ закрутилъ ей платье, что она съ трудомъ могла двинуться впередъ. Рейнъ тихо журчалъ внизу и слышенъ былъ шумъ падающаго дождя. Она остановилась на минуту и посмотрѣла на рѣку, которая протекала внизу, словно таинственный потокъ подземнаго міра, тусклый и блѣдный.

Ей вспомнились лѣтніе дни, сверкающіе и пропитанные ароматомъ цвѣты, когда она любовалась, проходя по мосту, красивою, пѣнящеюся, мощною рѣкой, катившею свои зеленыя волны тамъ далеко внизу.

«Лучше бы я не родилась никогда!» подумала она съ горечью.

Пробило одиннадцать, когда она подошла къ дому, гдѣ Германъ

нанималъ комнату. Это былъ маленькій отель. Внизу была пивная и оттуда доносились голоса, визгливый женскій голосъ бранился и ему отвѣчалъ чей-то плаксивый, глухой голосъ. Потомъ послышалась возня и звонъ посуды.

Іозефина дернула звонокъ, и тотчасъ же на порогѣ показалась женщина, съ покраснѣвшимъ, сердитымъ лицомъ. Она подозрительно поглядѣла на незнакомку, которая спросила ее о своемъ сынѣ.

— Не знаю, дома ли онъ.

Въ эту минуту подошла группа посѣтителей съ раскрытыми дождевыми зонтиками, съ которыхъ капала вода. Хозяйка тотчасъ же повернулась къ нимъ и лицо ея выразило удовольствіе. Она позвала дѣвушку небрежнымъ тономъ и велѣла ей проводить незнакомую даму наверхъ.

Комната Германа была заперта; очевидно его не было дома.

— Онъ еще не вернулся,—сказала дѣвушка, хорошенькое, молоденькое существо, съ заплаканными глазами и упрямымъ ротикомъ. Безъ всякой церемоніи, она поставила подсвѣчникъ на полукруглый столикъ и, пробормотавъ: «Извините», побѣжала внизъ услуживать гостямъ.

Іозефина спросила себѣ комнату, но все оказалось занятымъ, вплоть до мансарды, находившейся наверху, возлѣ комнаты Германа.

— Тѣмъ лучше,—сказала мать.—По крайней мѣрѣ, я буду слышать, когда онъ вернется. Что онъ часто такъ поздно возвращается?

Дѣвушка слегка прищурила свои покраснѣвшія вѣки.

— Право, не могу сказать,—отвѣтила она.—Вѣдь онъ молодой человѣкъ. Угодно вамъ что-нибудь?

Усѣвшись на стулѣ возлѣ стола, на которомъ горѣла стеариновая свѣча, Іозефина стала ждать. Она сняла шляпу, мокрый ватерпруфъ и положила часы передъ собою. Время шло медленно. Ей было холодно и она плотнѣе прижимала руки къ тѣлу, чтобы согрѣться. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась она ко всякому звуку и временами ей казалось, что скрипитъ лѣстница и отворяется дверь. Тогда она вскакивала и бросалась къ двери, но въ сосѣднюю комнату по-прежнему никто не входилъ.

Дождь лилъ, стекая широкими, грязными струями по маленькимъ стекламъ окошечка, а свѣчка, сломанная по срединѣ, постоянно склонялась то на одну, то на другую сторону, стеаринъ капалъ на столъ, и скоро около свѣчки образовалось цѣлое стеариновое море...

— Я поступила необдуманно. Надо было написать ему раньше,— сказала себѣ Іозефина.

Была уже половина второго.

«Богъ вѣсть, гдѣ онъ шатается!.. Но только не надо терять спокойствія... Раздраженіе тутъ ничего не поможетъ. Я буду спокойна».

Пламя свѣчи стало какъ будто колебаться въ ея глазахъ, то

уменьшаясь, то увеличиваясь, и, наконецъ, сдѣлалось едва замѣтнымъ. Она уже не могла ничего различить въ комнатѣ.

— А-а-а-а!

Іозефина вскочила страшно испуганная. Она слышала крикъ, шумъ голосовъ и визгъ.

Гдѣ она? Какъ она сюда попала, въ эту темноту? Что значитъ этотъ крикъ?

Черезъ стѣну, около которой она сидѣла, она слышала грубый, хриплый голосъ, кричавшій:

— Вонъ! Пьяное животное! Вонъ!

Іозефина ощупью пробралась къ двери. Въ комнатѣ было совсѣмъ темно. Свѣчка сгорѣла и погасла.

Рядомъ визжалъ женскій голосъ: «Дай мнѣ поспать! Теперь холодно. Мнѣ некуда дѣваться ночью. Умоляю, еще хоть полчаса!»

И затѣмъ снова:

— Убирайся! Вонъ! Я тоже хочу спать, ты...

Послышался потокъ ругательствъ. Іозефина, наконецъ, нашла дверную ручку и нерѣшительно открыла дверь...

Передъ нею, на порогѣ комнаты, стоялъ Германъ, въ рубашкѣ, босой. Свѣча, которую онъ держалъ въ рукахъ, освѣщала его блѣдное, тупое лицо, съ отвислою мокрою нижнею губой... Онъ вытиралъ ротъ рукой и, запинаясь, говорилъ:

— Хаибъ! Пьяница! Проклятый!..

Мать отступила. Въ ужасѣ она не хотѣла вѣрить, не хотѣла понимать... Паническій страхъ сковывалъ ея члены, языкъ... Но когда онъ повернулся и хотѣлъ снова войти въ комнату, то она вдругъ бросилась къ нему и внѣ себя крикнула:—Самъ ты проклятый! Безстыдная собака!

Онъ отскочилъ, пораженный. Свѣча выпала у него изъ рукъ, и онъ моментально захлопнулъ двери и заперъ задвижку.

Іозефина стучала, угрожала, но онъ не отвѣчалъ ни слова, не отворялъ дверей.

«Онъ представляется, что ничего не слышитъ, — подумала она. — Трусъ! У него только хватаетъ храбрости для грубости. Жестокій, трусливый, пошлый, вредная гадина! И это мой подарокъ человѣчеству.

Она принесла стулъ и сѣла у его дверей.

«Онъ отъ меня не уйдетъ,—рѣшила она. — Еслибъ у меня было оружіе, я бы его застрѣлила. Да и почему нѣтъ? Это мой подарокъ человѣчеству!»

Она сидѣла съ открытыми глазами и ждала наступленія дня.

Онъ, конечно, проснется не скоро,—подумала она.—Но я позову слесаря... Онъ долженъ отвѣтить мнѣ. Я не буду больше браниться Я выбранилась также, какъ онъ, и унизила себя. Еслибъ у меня былъ револьверъ, я бы его застрѣлила! Онъ вѣдь всегда плевалъ на свои

игрушки, когда былъ маленькимъ мальчикомъ. Плевалъ на нихъ и топталъ ихъ ногами, когда онѣ достаточно послужили ему. И это мой подарокъ человѣчеству! Хорошо, что у меня нѣтъ оружія. Я еще должна жить для Ресли. У меня были планы, большіе планы... Я хотѣла сдѣлать что-нибудь полезное, хорошее... послужить для жизни...»

Ея мысли путались, возвращаясь все къ одному и тому же пункту: «Какая польза! Какое можетъ имѣть значеніе все, что бы я ни сдѣлала хорошаго, въ сравненіи съ этимъ моимъ подаркомъ человѣчеству! Вотъ тутъ самое ужасное, неотразимое, неизмѣримое»...

Услышавъ шаги на лѣстницѣ, она испугалась: «Они придутъ сюда и увидятъ меня, они, которые все знаютъ, весь нашъ позоръ!»

Склонивъ голову, словно ожидая удара, она продолжала сидѣть на стулѣ долго, долго.

Снова послышались шаги. Она взглянула на грязную, пустынную лѣстницу, слабо освѣщенную унылымъ свѣтомъ луны, и ей стало безконечно грустно. Ахъ, еслибъ этого не было! Еслибъ ничего этого не случилось! Еслибъ она увидѣла своего сына идущаго по этой лѣстницѣ твердыми, эластичными шагами, свойственными его двадцатилѣтнему возрасту! Еслибъ она увидѣла его, перепрыгивающаго черезъ ступени, еще полнаго оживленія, съ блестящими глазами, послѣ длиннаго, горячаго, воодушевленнаго разговора съ товарищами! Еслибъ онъ шелъ, безпечно насвистывая, полный веселья, юношескаго задора и, какъ нѣкогда Цвики, говорилъ бы: «Ну вотъ, теперь должно быть по другому! Теперь мы, молодежь, попробуемъ свои силы! «Ахъ, еслибъ даже онъ пришелъ, заломивъ шляпу на бекрень, самодовольно хихикая, увѣшанный котильонными орденами и съ букетикомъ цвѣтовъ въ петлицѣ, то все же и это было бы хорошо, да, было бы хорошо! Только не такъ, не такъ!..

Она видѣла его, идущаго по лѣстницѣ вмѣстѣ съ тою, которую бросила ему въ объятія минутная вспышка страсти. Краснѣя отъ стыда, гордости и страсти, онъ привезъ ее къ себѣ и они оба были только орудіемъ природы, слѣпой, равнодушной, созидающей природы... И все это было бы ничего! Но только не такъ! Только бы не было этого послѣдняго.

Она не могла больше ждать и снова начала стучать въ двери:

— Германъ! Отвори! Это я!

Ничего, ни одного звука не было слышно. Она нагнулась къ замочной скважинѣ и прислушалась, но даже не могла различить дыханія. «Могила!—подумала она.—Хуже, чѣмъ могила, гораздо хуже!»

И она начала плакать. Жгучія, тяжелыя слезы капали изъ ея глазъ на руки. «Я подарила жизни ядъ! Я подарила человѣчеству эту разъѣдающую язву!» Она посмотрѣла на мокрыя стекла окна на лѣстницѣ, освѣщеннаго желтоватымъ свѣтомъ луны.

«Нравственное помѣшательство! Moral insanity! У насъ есть, по

крайней мѣрѣ, названіе для этого. Можетъ быть, еслибъ я его убила, то это было бы лучшее, что только я могу сдѣлать. И я бы сдѣлала это, еслибъ я его любила. Ахъ, я недостаточно люблю его, чтобы погубить и себя вмѣстѣ съ нимъ».

Она подумала о своихъ планахъ, о своихъ стремленіяхъ и ей показалось, что все это превратилось въ груду пепла.

«Развѣ все это не служитъ для меня только средствомъ, чтобы забыться? Вѣдь и это также опіумъ, мѣшающій мнѣ видѣть ту бездну, откуда явилась жизнь и куда она опять вернется! Если мой собственный сынъ, котораго я такъ старалась наставить на хорошую, честную дорогу, такъ опустился теперь, то на что же годится воспитаніе; какая польза въ примѣрахъ, привычкахъ. Какая польза говорить все это?»

Ей вдругъ стало страшно и она почувствовала, что теряетъ почву подъ своими ногами. Окружающіе предметы какъ будто стали расплываться передъ ея глазами, и ей показалось, что она летитъ куда-то въ бездну...

— Молодой человѣкъ! Господинъ Гейеръ! Ваша мать пріѣхала!— кричала хозяйка и принялась кулаками стучать въ дверь. Было совсѣмъ свѣтло.

Іозефина стояла возлѣ нея, глубоко чувствуя свое униженіе.

— Моя мать!.. Сейчасъ!—послышался изъ комнаты голосъ Германа.—Я иду.

Дверь отворилась.

— Ну вотъ и молодой господинъ!—сказала, улыбаясь, хозяйка. Германъ стоялъ на порогѣ.

— Милая мама! Вотъ сюрпризъ!—говорилъ онъ.—Ты развѣ не хочешь присѣсть? Должно быть, ты рано выѣхала изъ Цюриха? Дома ничего не случилось? Прости, у меня безпорядокъ; я вчера долго работалъ. Или ты дала себѣ отдыхъ? Что же случилось?

Германъ былъ умытъ, завитъ и одѣтъ безукоризненно. Въ комнатѣ его пахло фіалковымъ мыломъ и все было прибрано, кровать была покрыта одѣяломъ. На овальномъ столѣ передъ диваномъ лежало много книгъ, въ новыхъ, красивыхъ переплетахъ, съ золотыми надписями на корешкахъ. Раскрытою была только большая, отдѣланная въ серебро библія, пожелтѣлыя страницы которой были украшены пестрыми литерами.

Германъ ходилъ по комнатѣ, не глядя на мать. Его движенія были мягкія и гибкія и онъ точно скользилъ по полу. Онъ взялъ съ комода бинтъ для усовъ и отнесъ его на умывальникъ, завернувъ его въ розовую шелковую бумажку, которая зашуршала въ его рукахъ. При этомъ онъ, не переставая, говорилъ:

— Фамильная библія тетки Людмилы. Тебѣ бы надо посмотрѣть ее, мама. Ну, какъ у насъ дома? Какъ это ты освободилась?

На его блѣдныхъ щекахъ виднѣлись чахоточныя пятна и нервность его движеній все возрастала. Однако, мать не говорила ни слова.

— Ну и погода! Дождь идетъ!—сказалъ онъ, безпечно заглянувъ въ окно.

Іозефина не могла вымолвить ни слова, а онъ продолжалъ говорить; щеки у него краснѣли все больше и движенія становились все безпокойнѣе. Онъ искоса поглядывалъ на мать, на ея осунувшееся лицо, ея мокрую одежду. Наконецъ она съ трудомъ проговорила:

— Довольно. Укладывайся. Домой.

Онъ вскочилъ, дѣлая видъ, что не понимаетъ. Тогда она сказала ему. Но онъ отъ всего отрекся.

— Несправедливое подозрѣніе, совершенно несправедливое! Наконецъ, зачѣмъ бы я сталъ отказываться, еслибъ это была правда? Всѣ такъ дѣлаютъ; я не исключеніе. Молодой человѣкъ долженъ же узнать жизнь. Женщины, я хочу сказать: порядочныя женщины этого не знаютъ и имъ не надо знать...! Ну, а мужчина—дѣло другое! Я сидѣлъ тутъ и работалъ. Я не выходилъ изъ комнаты цѣлый день. Возможно, что ты видѣла кого-нибудь другого и приняла его за меня—вѣдь тутъ много живетъ людей, въ этомъ домѣ. И каждый находитъ, что надо познакомиться съ жизнью. Быть святошей, ханжой—зачѣмъ? Ни одна мать не потребуетъ отъ своего сына, чтобы онъ жилъ какъ аскетъ. И вообще, развѣ порядочныя женщины-матери обращаютъ на это вниманіе? Вѣдь это темныя стороны жизни. Можно даже напиваться до безчувствія, что-жъ такое? И это надо также испытать. И за то, что говоришь или дѣлаешь въ пьяномъ видѣ нельзя нести отвѣтственность. Даже судъ признаетъ это. Я ничего не знаю и ничего не помню. Ты, мама, исключеніе, а я вѣдь нормальный человѣкъ, самый обыкновенный, нормальный человѣкъ, слава Богу! Ты сейчасъ же подумала, что я испорченъ, что я погибъ, но это несправедливо. Ты должна видѣть жизнь такою, какова она на самомъ дѣлѣ... Какъ? Я не долженъ презирать продажное существо, которое отдается за нѣсколько сантимовъ? По твоему, я не смѣю презирать его? Но ты, мама, вѣдь ты сама съ презрѣніемъ отзывалась даже о дядѣ Леонѣ и дядѣ Альбертѣ только потому, что они такъ привязаны къ деньгамъ!

Но на всѣ его оправданія Іозефина отвѣчала только одно:

— Укладывайся! Сейчасъ же.

Онъ повиновался ей механически, но продолжалъ ворчать и говорить:

— Ты самая ужасная деспотка, мама, какая только существуетъ на свѣтѣ! Ты со мною сдѣлаешь то же самое, что сдѣлала съ папой. Ты превращаешь людей въ куколъ, въ мумій! Ахъ, ты даже и Рёсли не щадишь,—прибавилъ онъ угрюмо и злобно.—Она пишетъ мнѣ, что ты недовольна, что она пишетъ стихи. Всѣхъ, всѣхъ ты насъ хочешь раздавить! Но я хочу вырваться на волю. Пусть тетка Людмила усы-

новитъ меня и тогда я уѣду въ Германію и сдѣлаюсь германскимъ гражданиномъ. Имѣть положеніе и состояніе—это вовсе не дурно. Ты все иначе истолковываешь. Если такъ, то ты должна видѣть вездѣ только дурныхъ людей, такъ какъ всѣ стремятся къ тому, чтобы имѣть положеніе и деньги. Нигдѣ, ни въ одной семьѣ нѣтъ такой матери, какъ ты!

Когда они пріѣхали въ Цюрихъ, то Іозефина должна была немедленно лечь въ постель и одна изъ ея коллегъ, приглашенная къ ней, констатировала у нея сильное нервное разстройство и упадокъ силъ. Она пролежала три недѣли; ею овладѣвало полное изнеможеніе, такъ что она даже говорить не могла. Когда ей стало лучше, то она снова взялась за книги и вернулась къ практикѣ. Ея паціентки принесли ей много цвѣтовъ, а Рёсли написала стихи въ честь ея выздоровленія.

Но Іозефина не находила спокойствія; работа ужъ не дѣйствовала на нее такъ, какъ прежде и не отвлекала ее отъ ея мучительныхъ мыслей. Она отложила нѣсколько лекцій, которыя должна была прочесть, и сама себя упрекала за это, обвиняя себя въ лѣности, въ недостаткѣ воли.

«Кто знаетъ, долго ли я протяну еще, долго ли я въ состояніи буду говорить!» думала она и ей казалось, что какія-то тяжелыя, мрачныя тучи надвигаются на нее и обволакиваютъ ее. Она наблюдала за собою и находила у себя неисчезнувшіе еще слѣды только что перенесенной болѣзни. Грустное чувство овладѣвало ею при этомъ. Громкая музыка приводила ее въ содроганіе, и въ театрѣ, во время представленія оперы «Летающій голландецъ», съ нею вдругъ сдѣлался обморокъ. Послѣ того она должна была пролежать цѣлый день, чтобы оправиться. Потомъ какъ-то разъ при видѣ раны или при снятіи повязки, ее внезапно охватило непреодолимое отвращеніе, которое она съ трудомъ могла скрыть, а въ другой разъ она страшно испугалась при видѣ изображенія самаго обыкновеннаго скорпіона «Сравнительной анатоміи» Ланга, которую она начала перелистывать, отыскивая заложенный туда рецептъ. Дрожь охватила ее и она поспѣшно бросила книгу, но ей вдругъ показалось, что она видитъ отвратительное насѣкомое, ползущее по ея письменному столу. Съ крикомъ она вскочила, схватилась за голову и усиліемъ воли принудила себя опомниться. Но дрожь не прекращалась и она ощущала какой-то странный, сладковатый, опьяняющій запахъ, который какъ будто распространялся въ воздухѣ.

— Глупо! Это глупо!—пробормотала она и пересиливъ себя, снова раскрыла книгу, отыскала рисунокъ скорпіона и начала со вниманіемъ въ него вглядываться.—Я не хочу быть смѣшной въ собственныхъ глазахъ.—И дѣйствительно, мало-по-малу, впечатлѣніе сглаживалось и она могла уже безъ ужаса и отвращенія не только разсматривать рисунокъ, но даже сравнивать его съ тѣмъ экземпляромъ, который со-

хранялся у нея въ банкѣ со спиртомъ въ шкафу. Сначала все шло хорошо, пока она не увидѣла на хитоновомъ панцырѣ скорпіона желтоватое пятно, изъ котораго выступала какая-то бахромистая желтоватая масса. Тутъ она снова почувствовала такой приступъ отвращенія и тошноты, что должна была прекратить опытъ.

Но всего непріятнѣе ей былъ случай, который произошелъ съ нею въ психіатрическомъ отдѣленіи. Она получила послѣ вскрытія тѣла одного умершаго его мозгъ, сильно измѣненный вслѣдствіе пьянства. Но какъ только она взяла этотъ препаратъ, какъ вдругъ почувствовала слабость, и окровавленный стекляный сосудъ, въ которомъ лежалъ мозгъ, выскользнулъ у нея изъ рукъ, и она вмѣстѣ съ нимъ упала на полъ. Это было ужасно непріятно; драгоцѣнный препаратъ былъ совсѣмъ испорченъ, смѣшавшись съ пылью и осколками стекла, а бѣдная Іозефина пролежала нѣсколько часовъ въ обморокѣ и потомъ долго чувствовала себя глубоко сконфуженной всѣмъ происшедшимъ.

Послѣ всѣхъ этихъ случаевъ Іозефина начала нѣсколько трусить за себя, и, что всего замѣчательнѣе, ея мужъ, Георгъ Гейеръ, тоже началъ побаиваться за нее и сталъ оказывать ей вниманіе и заботливость, которыя были ему совсѣмъ несвойственны.

— Твоя болѣзнь лежитъ на совѣсти у Германа. Материнское сердце все-таки самое чувствительное мѣсто,—говорилъ онъ нѣсколько разъ съ сожалѣніемъ.

Но Іозефина избѣгала его сочувственныхъ взоровъ, его словъ, полныхъ участія, такъ какъ они были, въ ея глазахъ, только подтвержденіемъ ея слабости.

«Это пройдетъ,—думала она.—Вѣдь въ самомъ началѣ было же со мною дурно, въ препаровочной, когда мнѣ пришлось анатомировать руку швеи. А потомъ все прошло. Но ему бы хотѣлось, чтобы я ослабѣла, я знаю это!

И она дѣлала надъ собою неимовѣрныя усилія, чтобы не дать замѣтить свое состояніе, когда поблизости находился Георгъ. Эти старанія казаться веселой и спокойной въ свою очередь оказывали на нее свое дѣйствіе и пріободряли ее.

Она отыскивала для себя разные отвлекающіе способы. Случайно, при посѣщеніи зубного врача, она убѣдилась, что физическая боль дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ на ея нравственное состояніе. Тогда она начала самымъ усерднымъ образомъ посѣщать зубного врача, дала себѣ удалить пару корней, пломбировала и подпиливала зубы, и боль, которую она ощущала при этомъ, доставляла ей почти наслажденіе; она служила ей отвлеченіемъ. Потомъ ей вдругъ стало до ужаса ясно, что это служитъ лишь преддверіемъ тѣхъ истязаній и пораненій, которымъ подвергаютъ себя порою душевно-больные.

Этой мысли было достаточно, чтобы заставить Іозефину прекра-

тить посѣщенія зубного врача. Она прописала себѣ успокоительныя средства и укрѣпляющую діэту.

— Надо прибавить себѣ немного крови!—успокоивала она себя и совершенно такъ же, какъ она дѣлала это со своими паціентками.— Пока я повинуюсь своей волѣ и могу преодолѣвать чувство отвращенія, до тѣхъ поръ еще не все погибло.

Она старалась напрягать свои силы и даже прочла нѣсколько лекцій. Но она чувствовала, что то, что наполняло прежде ея душу, выраженное въ словахъ, точно теряло свою силу. Ею овладѣвало какое-то оцѣпенѣніе и ей казалось, что говоритъ не она, а какой-то автоматъ, произносящій фразы и такъ похожій на нее, что ее охватывалъ ужасъ при этой мысли.

Однажды на одной изъ ея лекцій присутствовалъ Георгъ, но безъ ея вѣдома. У выхода, когда ее окружила заинтересованная ея лекціей публика и благодарила ее, къ ней присоединился какой-то болѣзненнаго вида, сгорбленный человѣкъ и, отстранивъ движеніемъ руки тѣснившихся людей, громко сказалъ хриплымъ голосомъ: «Великолѣпно! Браво, Зефина. Вотъ это была лекція!»

Іозефина, пораженная ужасомъ, остановилась точно вкопанная и пролепетала: «Что такое это было? Что я говорила?»

Въ полномъ изнеможеніи и охваченная страхомъ, она позволила ему увести себя, а онъ, проходя съ нею подъ руку, смотрѣлъ на толпу торжествующимъ взглядомъ, между тѣмъ какъ на его лысомъ лбу, покрытомъ морщинами, выступали крупныя капли пота.

Его рука и его голосъ дрожали.

— Хочешь ты ѣхать, Зефина? Можетъ быть, ты хочешь чего нибудь выпить?—спросилъ онъ ее нѣжно, нагибаясь къ ней.

Она взялась рукою за лобъ и прошептала:

— Что я говорила? Еслибъ только я знала...

Она все забыла и прислонившись къ мужу, ощущала только его нѣжность, въ которой было что-то успокоительное, доброе, подкрѣпляющее.

— Зефина, дорогая жена, я буду теперь работать,—сказалъ Георгъ, идя съ нею медленно домой.—Я все сдѣлаю, только бы снова... прежняя любовь между нами...

Онъ дрожалъ отъ головы до ногъ, шатался, всхлипывалъ и крѣпко прижималъ ея руку.

— Да, да,—бормотала Іозефина, все еще держась рукой за лобъ.— Еслибъ только я могла знать...

Въ сѣняхъ дома онъ ее обнялъ и поцѣловалъ.

— Ахъ, нѣтъ! Ахъ, нѣтъ!—отстранялась она и начала плакать, но тихо, точно во снѣ. Видъ у нея былъ совершенно растерянный, когда она вошла въ комнату.

— Сегодня другой читалъ лекцію,—сказала она испуганной Рёсли. Меня тамъ не было.

Она засмѣялась и, осматриваясь, искала глазами Георга, который, сильно взволнованный, ощупывалъ шляпу Іозефины, висѣвшую у него на рукѣ.

— Мы ее сняли. Съ нею ничего не сдѣлалось, — сказалъ онъ и положилъ шляпу на столъ.—Чаю! Скорѣе! Развѣ ты не видишь, что она совсѣмъ изнемогаетъ? — крикнулъ онъ дочери и началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Я вижу, что долженъ взять бразды правленія въ свои руки. Такъ нельзя дальше! — сказалъ онъ и, удерживая испуганную дѣвочку въ дверяхъ, прибавилъ:—Рёсли! Я полагаюсь на тебя. Ты слишкомъ распустила себя. Да и мы всѣ тутъ слишкомъ дали себѣ волю!

Когда Рёсли ушла, Георгъ усѣлся на диванъ возлѣ Іозефины и, нѣжно обнявъ ее, положилъ ея голову себѣ на плечо.

— Дорогая! Усни! Успокойся!—проговорилъ онъ нѣжно. — Я все приведу здѣсь въ порядокъ.

Іозефина тихо уснула.

На другой день она ничего не помнила изъ того, что было; свою лекцію, впрочемъ, она припомнила довольно хорошо, но все остальное изгладилось изъ ея памяти.

«Вотъ такимъ-то образомъ и возникаютъ разные разсказы про двойниковъ,—думала она.—Раздѣленіе личности! Интересно все это наблюдать на себѣ».

Она спросила Рёсли:

— Кто-то позаботился обо мнѣ, поддержалъ меня и привелъ домой. Это былъ отецъ?

Она покраснѣла при этомъ вопросѣ и увидѣла, что Рёсли также покраснѣла и кивнула головой.

— Ну, развѣ мы люди, не удивительныя созданія! Какъ думаешь Рёсли? Что мы знаемъ о себѣ или другъ о другѣ?.. Скажи, ты пишешь стихи?

— Да,—отвѣтила робко дѣвочка.

— О чемъ же? Или о комъ, Рёсли?

— О тебѣ, мама,—съ чувствомъ сказала дѣвочка и застыдилась.

— Обо мнѣ? спросила Іозефина съ удивленіемъ и вздохнула.— Такъ это былъ отецъ, который привелъ меня домой?—повторила она задумчиво, словно во снѣ.

— Онъ такъ тревожился за тебя, мама,—прошептала Рёсли.

— Правда?

Іозефина разсѣянно смотрѣла на освѣщенный лучами февральскаго солнца столъ, на которомъ лежали приготовленные для завтрака хлѣбцы, желтое масло и въ высокомъ длинномъ бокалѣ красовался букетъ пахучихъ цвѣтовъ жасмина. Она чувствовала себя растроганной и слабой.

Около нея билась, точно въ заключеніи, жаждущая свѣта и любви жизнь. Она поникла головой и закрыла глаза, чувствуя себя безсильной и безславно побѣжденной.

Точно вѣстникомъ съ неба, принесшимъ ей облегченіе, показалось ей письмо, доставленное ей съ почты и написанное незнакомымъ почеркомъ синимъ чернильнымъ карандашомъ. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Деревня Глаттъ. Кантонъ Цюрихъ.

«Многоуважаемая госпожа Іозефина Гейеръ.

«Хотя я никогда не видалъ васъ, но вашъ образъ такъ запечатлѣлся въ моей душѣ, что въ трудныхъ и ужасныхъ обстоятельствахъ своей жизни я обращаюсь именно къ вамъ, какъ къ единственному человѣку, который можетъ помочь мнѣ.

«Я питаю къ вамъ большое довѣріе. Ваше заступничество за невинно страдающихъ дѣтей мнѣ хорошо извѣстно. Съ чувствомъ искренней, сердечной благодарности, я слѣдилъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ за вашими усиліями. Да, міръ не погибнетъ, если въ немъ будутъ всегда находиться такія добрыя силы. Я радуюсь при мысли, что вамъ неизвѣстны ни колебанія, ни утомленія.

«Дѣло, насчетъ котораго я прошу вашей помощи, требуетъ личныхъ переговоровъ. Къ величайшему моему сожалѣнію, я не могу къ вамъ пріѣхать; я лишенъ этой возможности. Не будете ли вы такъ добры и не пріѣдете ли вы ко мнѣ? Я прошу васъ объ этомъ во имя человѣчества, которому вы служите, во имя невинно страдающихъ дѣтей, за права которыхъ вы заступаетесь.

«Только вы можете мнѣ помочь, только на васъ возлагаю я свою надежду. Вы должны будете потратить время на это, но такъ какъ вы хотите спасать, то, значитъ время жизни не играетъ для васъ никакой роли. Наша деревня находится на разстояніи четырехъ станцій отъ Цюриха. Пріѣзжайте, когда вамъ это будетъ удобно, безъ предувѣдомленія. Но не спрашивайте ничего въ деревнѣ, я прилагаю вамъ планъ, по которому вы легко можете видѣть, какъ вамъ надо идти, чтобы найти мой домъ. Отъ церкви налѣво, къ колодцу, потомъ черезъ мостъ, у котораго растетъ большая липа. Оттуда уже недалеко; каменоломня будетъ справа, а за нашими домами прямо начинаются поля.

«Я ожидаю васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ и съ глубокимъ почтеніемъ кланяюсь вамъ.

«Вашъ Рудольфъ Фишеръ».

Іозефина довольно часто получала подобныя письма отъ своего неизвѣстнаго пріятеля, который интересовался ея лекціями. Она знала, что ея брошюры всюду распространены, и эта мысль согрѣвала ее сердце и воодушевляла ее, но такъ было только до послѣдняго тяжелаго испытанія. Въ своемъ горѣ, униженіи и отчаяніи она забыла

о своемъ неизвѣстномъ другѣ и вотъ онъ снова написалъ ей, и его письмо дышало довѣріемъ и сочувствіемъ, и онъ обращался къ ней за помощью и поддержкой.

Кто же былъ этотъ Рудольфъ Фишеръ? Отчего онъ не могъ пріѣхать къ ней? Что ему нужно?

«Какъ онъ можетъ вѣрить въ меня, въ мои силы, когда я сама въ себя не вѣрю!» думала она.

Теплый тонъ письма этого незнакомца согрѣвалъ ея душу. «Фіалки снова расцвѣтаютъ и снова будетъ весна, да, я чувствую, что солнце грѣетъ, согрѣваетъ меня и придаетъ мнѣ силы,—говорила она себѣ.—Теперь я уже не обману никого, кто только считаетъ меня сильной. И я поѣду сегодня же—сегодня воскресенье и я свободна—въ деревню Глаттъ, къ этому Рудольфу Фишеру. Этого откладывать нельзя».

Она позвала Рёсли и предложила ей ѣхать съ собою въ деревню.

— Въ деревню я поѣду, но къ больному—нѣтъ,—сказала дѣвочка въ смущеніи.

— Это не больной, Рёсли. Это сильный человѣкъ, который заботится о другихъ.

Рёсли завертѣлась по комнатѣ.

— Ну да,—воскликнула она.—Еслибъ онъ былъ здоровъ, то ты бы къ нему не поѣхала. Ты только ходишь къ больнымъ, мама.

— Но я тебѣ говорю... Впрочемъ, развѣ это тебѣ такъ непріятно навѣщать больныхъ.

Дѣвочка кивнула съ смущеннымъ видомъ головкой, и на ея нѣжномъ личикѣ выразилось сильное отвращеніе.

— Я не могу, мама,—проговорила она и ея темные глазки сверкнули гнѣвомъ.—Оставь меня дома. На нихъ смотрѣть непріятно, они всѣ такіе некрасивые! А ты даже въ воскресенье отправляешься къ нимъ!

Іозефина отвернулась отъ нея и сурово сказала:

— Ну такъ оставайся. Современемъ никто не повѣритъ, что ты—мой ребенокъ. Некрасивые и скучные—другихъ словъ отъ тебя не слышишь. Стыдись.

Рёсли нагнула голову. Лицо ея густо покраснѣло и изъ глазъ закапали слезы на крѣпко стиснутыя руки.

— Всегда ты говоришь это, всегда, всегда!—вскричала она.

Іозефина разсердилась:

— Ахъ, опять ты визжишь! Собирайся и поѣдемъ! Къ обѣду мы вернемся, но папа съ Германномъ во всякомъ случаѣ пообѣдаютъ раньше.

Но Рёсли ничего не хотѣла.

— Сегодня послѣ обѣда представленіе въ театрѣ. Я лучше пойду туда. Я такъ люблю «Потонувшій колоколъ». Тамъ эльфы и лѣсные духи... Развѣ ты не пойдешь со мной.

— Не знаю, вернусь ли я. Вѣдь «Потонувшій колоколъ» идетъ не послѣдній разъ, дитя.

Рёсли начала громко плакать и вдругъ потомъ закричала внѣ себя:

— Я ненавижу больныхъ! О, какъ я ихъ ненавижу!

Она топала ногами, какъ упрямый ребенокъ, тряся головой, и затѣмъ внезапно убѣжала, даже не сказавъ своей матери: «Прости!»

Іозефина уѣхала. Но она чувствовала себя до такой степени подавленной, что по временамъ забывала, куда ѣдетъ и зачѣмъ.

«Всѣ они ускользнули отъ меня, одинъ за другимъ,—думала она.—Нина, мой маленькій бутончикъ, который покоится тамъ, между глетчерами въ Камишоласѣ! Германъ, пресмыкающійся въ грязи и тамъ ищущій низменныхъ наслажденій, и моя Рёсли—ничтожество, маленькая, безмозглая и ревнивая голубка!.. Какова будетъ ея судьба?»

Поѣздъ шелъ медленно по ярко освѣщенной солнцемъ холмистой мѣстности. Между синѣвшими лѣсами виднѣлись ровныя, бѣлыя полосы, долины, слегка покрытыя снѣгомъ, таявшимъ въ лучахъ солнца. Но то здѣсь, то тамъ попадались уже свободныя отъ снѣга мѣста, на которыхъ пробивалась весенняя зелень. На деревьяхъ еще не было листьевъ, но вѣтви ихъ краснѣли въ яркихъ лучахъ солнца и въ нихъ разливались соки, приносящіе имъ новую жизнь. Выйдя изъ вагона, Іозефина съ радостью привѣтствовала золотисто-желтые цвѣточки, пробивающіеся между камнями и смѣло поднимавшіе свои головки къ солнцу.

— Еслибъ моя Рёсли была здѣсь со мною!—подумала она и глубоко вдохнула въ себя свѣжій ароматъ влажной земли. Она нагнулась къ первымъ весеннимъ цвѣточкамъ, растущимъ по краю дороги, но не сорвала ихъ.

И снова ей удалось преодолѣть свою боязнь и внушить себѣ надежду, что у Рёсли разовьется музыкальный и поэтическій талантъ.

«Вѣдь она еще дитя,—утѣшала она себя,—а всѣ дѣти эгоисты! Она вырастетъ и мало-по-малу въ ея стихахъ появится душа... Мой бѣлый гіацинтъ, расцвѣтшій въ погребѣ, мой рѣдкій цвѣточекъ!» думала она съ нѣжностью.

Она вышла на деревенскую дорогу и свѣжесть весенняго дня повѣяла на нее прохладой. Точно мирный уголокъ, лежала передъ нею чистенькая, богатая деревня, со своими большими домами, выкрашенными въ бѣлую и розовую краску и окруженными обширными полями, между которыми извивалась тропинка. Вездѣ виднѣлись уже зеленые ростки, высовывавшіеся изъ земли. Влѣво вела хорошенькая, заманчивая тропинка прямо въ буковый лѣсъ, почва котораго была покрыта зазеленѣвшимъ плющемъ, также какъ и сѣровато-бѣлые стволы деревьевъ, вокругъ которыхъ онъ обвивался.

Іозефина держала въ рукахъ маленькій планъ, который былъ присланъ ей въ письмѣ Фишера. По временамъ она взглядывала на него

и изумлялась его точности: каждый домикъ, каждый кустикъ были на немъ обозначены.

Какая-то торжественная тишина господствовала кругомъ. Дома, съ рядами сверкающихъ на солнцѣ оконъ, за стеклами которыхъ можно было разглядѣть цвѣтущія гераніи и покрытые бутонами лакфіоли. Хлѣбные амбары были заперты и на дорогѣ не видно было ни одного воза, навозъ тщательно прибранъ и только двери коровниковъ и конюшенъ были наполовину открыты, для того, чтобы свѣжій воздухъ и солнечные лучи проникали къ мирно жующимъ свою жвачку животнымъ.

Изъ маленькой выкрашенной красной краской церкви, мимо которой прошла Іозефина, донесся къ ней голосъ пастора, скандирующаго слова, а на чистенькомъ, каменномъ домѣ, гдѣ помѣщалась школа, красовалась надпись большими бѣлыми буквами по красному фону: «Знаніе есть сила!»

Іозефина прошла мимо гостинницы «Zum Hirschen», окна которой блестѣли, окаймленные свѣжевыкрашенными въ красный цвѣтъ рамами. На порогѣ дверей, украшенныхъ рогами оленя, показался хозяинъ, очевидно заинтересованный пріѣзжей и ожидавшій, что она посѣтитъ его гостинницу.

Дальше виднѣлась хорошенькая, быстрая, зеленая рѣчонка, на берегу которой играли ребятишки. Увидя проходящую Іозефину, они удивленно посмотрѣли на нее и, сдѣлавъ знакъ своими грязными ручонками, робко пробормотали привѣтствіе.

Іозефина дошла до липы, наверху толстаго, короткаго ствола которой красовалась, точно шапка, густая крона вѣтвей, лишенныхъ пока листьевъ, но бросающихъ все-таки тѣнь на землю и на гладкую, зеленую воду рѣчки, на поверхности которой солнечные лучи, проникая сквозь сѣть безлиственныхъ вѣтвей дерева, рисовали причудливые блики.

Налѣво стоялъ низенькій домикъ съ зелеными ставнями и темнымъ коричневымъ деревяннымъ переплетомъ на бѣлой стѣнѣ. Узкая, потертая отъ времени дверь надъ тремя также потертыми каменными ступенями была чуть-чуть приперта.

Іозефина посмотрѣла на планъ, набросанный карандашомъ. Да, это былъ тотъ самый домъ.

Она толкнула дверь, отпирающуюся внутрь и очутилась въ узкомъ проходѣ, въ которомъ сильно пахло сѣномъ и, какъ ей показалось, было совсѣмъ темно, но это былъ только контрастъ съ яркимъ освѣщеніемъ весенняго утра, такъ какъ въ дверяхъ было небольшое окошко, черезъ которое свѣтъ проникалъ въ узкій корридоръ.

Іозефина нащупала дверь и постучала. Голосъ изнутри отвѣтилъ ей: «Войдите».

Комнатка, въ которую она вошла, была съ низкимъ потолкомъ,

но ярко залита солнечнымъ свѣтомъ. Лучи весенняго солнца падали на бѣлую кровать и на темную голову, лежащую на подушкахъ, глубоко и неподвижно, между тѣмъ какъ чей-то голосъ, доносившійся какъ будто издалека, проговорилъ: «Добро пожаловать!»

Смущенная и пораженная Іозефина остановилась на порогѣ:

— Извините, что я вошла сюда,—сказала она.—Я ищу того, кто называется Рудольфъ Фишеръ.

Темная голова все такъ же неподвижно лежала на подушкѣ, но щеки блѣднаго лица чуть-чуть покраснѣли, и особенный, захватывающій душу голосъ проговорилъ: «Это здѣсь!» Потомъ вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Ахъ, да вѣдь вы пріѣхали изъ Цюриха? Вы—госпожа Іозефина Гейеръ? О мать, мать! Какъ это меня радуетъ!

— Вы—Рудольфъ Фишеръ, писавшій мнѣ?—спросила Іозефина, подходя къ кровати.

Онъ слегка пошевелилъ рукой, лежащей на одѣялѣ, но это было слабое, дрожащее движеніе. Іозефина взяла его руку. Это была горячая, истощенная, почти прозрачная рука тяжело больного.

— Это я написалъ вамъ,—сказалъ онъ.—И вы такъ скоро пріѣхали къ совершенно неизвѣстному вамъ человѣку!—сказалъ онъ.

Онъ лежалъ на спинѣ все такъ же неподвижно. Его тонкое, красивое лицо съ широкимъ лбомъ и глубоко провалившимися глазами покраснѣло отъ возбужденія. Желтоватая блѣдность лица освѣщалась какимъ-то внутреннимъ огнемъ, словно прозрачный мраморъ, позади котораго горитъ заря.

— О благодарю васъ, благодарю васъ за то, что вы пріѣхали! — говорилъ онъ. Потомъ вдругъ, возвысивъ голосъ, позвалъ: Мать! Мать!—

— Вы больны? Въ вашемъ письмѣ ничего объ этомъ не говорится. Вы лежите уже давно?

— О, да! Уже двадцать два года... Мать! Мать!

Откуда-то, словно изъ стѣны, вышла маленькая старушка. Ея лицо было совсѣмъ темно-коричневаго цвѣта, сморщенное, глаза красные отъ многихъ пролитыхъ слезъ, но въ нихъ свѣтилась глубокая сердечная доброта. Она держала въ одной рукѣ свѣжеиспеченный хлѣбъ, который прижимала къ своей широкой голубой ситцевой кофтѣ, а другую протянула Іозефинѣ. Это была сморщенная, огрубѣвшая отъ работы рука, сохранившая, однако, свою красивую форму.

— Ахъ, какъ это радуетъ меня! — повторила она слова сына.— Садитесь пожалуйста, нѣтъ, не на скамью, сядьте сюда, въ кресло, чтобы мой сынъ могъ видѣть васъ!

Іозефина сѣла. Она смотрѣла на мать и на сына; они были похожи другъ на друга и въ то же время такъ различны. Мать, по костюму и по своему виду, была скромною крестьянкой, но сынъ, со своимъ одухотвореннымъ лицомъ и тонкими, нѣжными руками не принадлежалъ, повидимому, ни къ какому классу и сословію. Впрочемъ, и въ разго-

ворѣ матери было что-то благородное, свободное и возвышенное, чего Іозефина еще не встрѣчала у обыкновенныхъ крестьянокъ. Съ безконечною любовью смотрѣла она на своего сына и говорила:

— Онъ такъ желалъ увидѣть васъ, поговорить съ вами.... У него есть что-то на сердцѣ. Это мучаетъ его по ночамъ.

— Да, это мучаетъ меня,—повторилъ сынъ.—Но вы—моя надежда.—Онъ взялъ правою рукой маленькое овальное зеркальце, лежащее у него на одѣялѣ, и повернулъ его къ своимъ глазамъ:—О, я хорошо теперь вижу васъ!—воскликнулъ онъ.—Какъ вы еще молоды! Это чудесно! Съ помощью этого маленькаго зеркальца, которое я двигаю, я возмѣщаю то, что лишенъ возможности двигать глазами, нѣтъ, я не могу двигать шеей; шейные позвонки у меня срослись, самое незначительное движеніе, даже однихъ только глазъ, вызываетъ у меня судороги.—Онъ повернулъ зеркало.—Трава зеленѣетъ; воробьи уже собираются вить гнѣзда. Но для меня уже миновало хорошее время... Впрочемъ, что же дѣлать!

— Когда же было для васъ хорошее время?—спросила Іозефина, затаивъ дыханіе.

— Зимой; тогда мать бываетъ со мной,—улыбнулся больной.—Лѣтомъ я много бываю въ одиночествѣ. Мать идетъ въ поле. Но дверь открыта и иногда ко мнѣ заходятъ посѣтители. Они всѣ входятъ сюда, то одинъ, то другой, и здороваются со мной. Вся деревня приходитъ, даже тѣ, которыхъ бы я и не желалъ никогда видѣть,—сказалъ онъ подавленнымъ голосомъ.

Мать вышла изъ комнаты, чтобы приготовить кофе для посѣтительницы.

— Какъ могли вы мнѣ нарисовать путь? Вѣдь вы такъ давно уже не проходили его!—удивилась Іозефина.

— Онъ у меня всегда въ головѣ. Память—это удивительная сила! Я никогда не думалъ раньше, что у меня въ памяти съ такою точностью сохранилось положеніе нашего дома въ деревнѣ и сама деревня. Но когда я подумалъ, что дорога вамъ неизвѣстна и что надо бы васъ оградить отъ необходимости разспрашивать людей, то я взялъ карандашъ и сразу начертилъ вамъ планъ, безъ всякаго труда, только по одному воспоминанію. Вотъ въ такія-то мгновенія чувствуешь себя такъ хорошо. Вы нашли дорогу? Ошибки не было?

Было такъ трогательно видѣть его довольное выраженіе лица, когда Іозефина подтвердила, что сразу нашла дорогу по плану. Онъ гордился своею памятью.

— Часто, даже гораздо чаще, чѣмъ я сознавалъ это, я пробѣгалъ въ своемъ воображеніи эту дорогу, отъ станціи къ нашему дому, въ то время, какъ я лежалъ здѣсь неподвижно. И она запечатлѣвалась въ моей памяти. Но тамъ выстроены дома, которыхъ я никогда не

видалъ, многое, быть можетъ, измѣнилось, но фантазія, эта необходимая богиня, помогла мнѣ создать картину, близкую къ дѣйствительности. Какъ много поводовъ имѣю я быть благодарнымъ!

На лицѣ этого страдальца съ неподвижною шеей, но съ живою, возвышенною душой появилось счастливое выраженіе. Члены его были лишены силы, но умъ оставался побѣдителемъ. И эта дѣтская радость по поводу того, что онъ могъ выполнить! Іозефина чувствовала себя глубоко растроганной.

Она заговорила съ нимъ о его болѣзни. Онъ отвѣчалъ ей такъ, какъ будто дѣло шло о комъ-то постороннемъ, не о немъ. Ее поражала его объективность, его возвышенное спокойствіе, безъ всякой надежды.

— У меня воспаленіе и сращеніе шейнаго позвонка, сказалъ онъ.— Отъ этого произошло поврежденіе продолговатаго мозга. Началось безъ всякой видимой причины, когда я былъ въ семинаріи. Мнѣ шелъ семнадцатый годъ... Парализованъ? Нѣтъ, пока еще нѣтъ, но силъ у меня нѣтъ совершенно... Я былъ бы такъ радъ, еслибъ все такъ оставалось, какъ теперь, но я знаю, что это не можетъ быть. Уже у меня былъ временный параличъ правой руки. Я былъ слѣпъ, также временно, но эта опасность продолжаетъ мнѣ угрожать. Я еще могу читать и писать, какъ вы видѣли. Мнѣ ставятъ тогда пюпитръ на одѣяло. Я читаю много, а иногда пасторъ приходитъ почитать мнѣ вслухъ. Относительно ѣды—все очень просто. Я уже много лѣтъ не видалъ своей тарелки, и мое меню, конечно, очень незамысловато. Не легко вѣдь пролежать больнымъ двадцать два года, когда не имѣешь никакого состоянія.

Іозефина все еще не знала, зачѣмъ Рудольфъ Фишеръ позвалъ ее «Можетъ быть, онъ надѣется, что я могу его вылѣчить» подумала она и у нея сжалось сердце. Если бы это было такъ, то у кого бы хватило безсердечія обвинить несчастнаго больного за это? Но мы такъ созданы, что всегда мечтаемъ о чемъ-нибудь необыкновенномъ, сверхчеловѣческомъ, на что мы сами, пожалуй, и не были бы способны, но что охотно требуемъ отъ другихъ.

Іозефина, душа которой давно уже прислушивалась къ стону страдающаго человѣчества и столько разъ слышала заглушенный крикъ истязуемой плоти, теперь, дрожа, внимала словамъ страдальца въ маленькой, низкой комнаткѣ крестьянскаго домика. И ей хотѣлось, чтобы онъ просилъ ее не за себя, а за кого-нибудь другого. Въ этомъ желаніи было что-то безжалостное, почти жестокое, но она не могла отъ него отдѣлаться. Ей такъ хотѣлось снова повѣрить въ человѣка, въ его возвышенную душу, послѣ того какъ она такъ долго видѣла только низменныя стороны человѣческой души.

Больной какъ будто понялъ ея желаніе и снова заговорилъ такимъ бодрымъ, оживленнымъ голосомъ, что можно было позабыть о его болѣзни.

— Пока моя добрая мать возится тамъ съ кофе, я поскорѣе разскажу вамъ, зачѣмъ я васъ вызвалъ. Лучше, что матери здѣсь нѣтъ. Она боится за меня, дорогая моя мама, и отчасти не безъ основанія, но тутъ бояться не надо, такъ какъ дѣло идетъ о двухъ человѣческихъ жизняхъ. Замѣтьте это. Недалеко отсюда, у сосѣдей, помѣщены двое чужихъ дѣтей, мальчуганы, одинъ четырехъ, другой двухъ съ половиною лѣтъ. Они отданы на воспитаніе и за нихъ платитъ деревенская община другого кантона. Но пріемные родители—самые безсовѣстные люди. Дѣти выносятъ голодъ, побои, содержатся въ нечистотѣ и совершенно заброшены. Имъ даютъ молоко отъ больной коровы, а когда они кричатъ, то ихъ запираютъ въ свиной хлѣвъ. Таковы ихъ родители. Безъ всякаго попеченія, въ ужасной грязи растутъ эти дѣти, не знающіе и тѣни ласки. А развѣ можетъ ребенокъ жить безъ любви.

Его голосъ пресѣкся, губы поблѣднѣли и на лбу выступили крупныя капли пота.

Іозефина встала. Она едва сдерживала себя.

— Ихъ надо взять тотчасъ же. Я увезу ихъ съ собой. Это надо сдѣлать!—воскликнула она въ сильномъ возбужденіи.

— Подождите! Подождите!—сказалъ больной.—Выслушайте сперва все. Отецъ этихъ дѣтей не отсюда; онъ совершилъ кражу и посаженъ въ тюрьму на долгіе годы. Мать развелась съ нимъ. Состоянія у него нѣтъ; ну, слѣдовательно, община должна была сдѣлать что-нибудь съ дѣтьми. Я слышу ихъ отчаянные крики постоянно, такъ какъ ихъ истязаютъ ежечасно. Они приходятъ сюда къ матери, выпрашивать кусочекъ хлѣба или рѣпку, но мать ихъ всегда зазываетъ въ домъ или въ сарай, такъ какъ въ домѣ ихъ родителей не должны знать этого. Тамъ не позволяютъ дѣтямъ ходить къ сосѣдямъ. Если же кто-нибудь изъ сосѣдей осмѣлится замѣтить что-нибудь, то выслушиваетъ кучу дерзостей. Только и слышно: «Эти пострѣленки испорчены до мозга костей; изъ нихъ также выйдутъ каторжники современемъ. Дурную кровь надо изъ нихъ выбить во что бы то ни стало!»

— Безчеловѣчные, грубые люди!—прервала его Іозефина въ сильномъ волненіи.—Да, да, они всѣ такъ говорятъ! Это очень типично: всегда, безъ исключеній, всѣ такъ разсуждаютъ! Всегда свои собственныя преступленія они сваливаютъ на дѣтей. Дѣти, молъ, дурныя! И что всего возмутительнѣе,—всѣ этому вѣрятъ. Двухлѣтніе, четырехлѣтніе дѣти дурны! Они терпятъ за это жестокое обращеніе, ихъ угнетаютъ нравственно и физически и запираютъ въ хлѣвъ, со свиньями, потому что они испорченныя! Я знала одного парня, онъ былъ слесарь, родомъ изъ Баваріи, такъ онъ своему девятилѣтнему мальчику жегъ спину каленымъ желѣзомъ, чтобы пріучить его быть внимательнымъ. Бываютъ учителя, которые наказываютъ учениковъ за то, что они близоруки или туги на ухо. Находятся даже такіе, которые убиваютъ ради наказанія. Вѣдь въ Шёнсбергѣ учитель убилъ десятилѣт-

няго ученика за то только, что онъ не рѣшилъ задачи! И этого учителя даже не называютъ убійцей, а только вспыльчивымъ человѣкомъ! О, какъ я ненавижу всю эту грубую банду!

— Да,—сказалъ больной, глубоко вздыхая.—Я тоже ее ненавижу. Но тутъ много значитъ недостатокъ фантазіи, какъ вы думаете? Этимъ людямъ не слѣдовало бы даже оставлять собственныхъ дѣтей, они вѣдь никуда ни годятся, какъ воспитатели.

Іозефина встала и начала въ волненіи ходить по комнатѣ.—Мнѣ причиняетъ просто физическое страданіе мысль о томъ, что выносятъ бѣдныя дѣти тамъ, въ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ, сказала она. Пустите меня туда. Я вынесу ихъ оттуда на рукахъ. Вѣдь эти мучители всегда бываютъ трусами. Мнѣ бы не хотѣлось оставлять ихъ тамъ ни одного часа болѣе. Одинъ часъ—это такъ безконечно долго, когда терпишь мученія—запирать въ хлѣвъ со свиньями. Вѣдь съ ними, отъ страха, можетъ сдѣлаться падучая.

Іозефина сняла съ гвоздя свою маленькую, простенькую фетровую шляпу. Но больной испуганно позвалъ ее: О нѣтъ! нѣтъ! Вы не можете идти туда сейчасъ, иначе вы причините моей матери огромныя непріятности. Да, еслибъ такъ было легко помочь дѣлу! Но надо дѣйствовать по закону и хорошенько все обдумать. Они не отдадутъ такъ легко дѣтей; вѣдь имъ не хочется терять деньги, которыя уплачиваются за ихъ содержаніе. И не надо, чтобы они узнали, что я ихъ выдалъ. Ради матери, надо остерегаться этого. Я долго боролся, не рѣшался писать. Въ деревнѣ, вѣдь, всѣ зависятъ другъ отъ друга, не такъ, какъ въ городѣ. Если кому-нибудь нужна телѣга, то онъ идетъ ко мнѣ и безъ всякаго разговора идетъ прямо въ мой сарай и беретъ, что ему нужно, когда меня нѣтъ дома. Даже если кому-нибудь нуженъ листокъ бумаги, то онъ безъ церемоніи идетъ въ домъ, и если нѣтъ хозяевъ, то беретъ ключъ, отпираетъ ящики, достаетъ то, что ему надо, и затѣмъ увѣдомляетъ хозяевъ о томъ, что онъ взялъ у нихъ. Мы всѣ держимся вмѣстѣ, всѣ зависятъ другъ отъ друга. Но такія взаимныя отношенія имѣютъ и свою дурную сторону, приходится по неволѣ щадить другъ друга и закрывать глаза на поступки сосѣдей. Очень трудно сказать сосѣду: «Ты поступаешь безсовѣстно и нарушаешь оказанное тебѣ довѣріе». Моя добрая мать на это не рѣшится, да это бы ни къ чему не привело. Грубые люди не годятся быть воспитателями, я ужъ это говорилъ, они не должны воспитывать даже собственныхъ дѣтей. Грубость, такимъ образомъ, разсаживается и далѣе... И вотъ, въ одинъ прекрасный день, я не могъ больше выдержать и написалъ вамъ, о которой я слышалъ столько хорошаго и вотъ вы сейчасъ же пріѣхали. Я не въ состояніи вознаградить васъ за вашу любовь. Да благословитъ Богъ все, что вы дѣлаете!

Онъ умолкъ, совершенно изнеможенный. Старуха вошла и своими

заплаканными глазами боязливо взглянула сначала на сына, а потомъ на посѣтительницу.

— Ну, вы знаете теперь въ чемъ дѣло, сказала она. — Это не давало покоя моему Рудольфу ни днемъ, ни ночью. Онъ все думалъ о бѣдныхъ мальчуганахъ. Но я такъ боюсь за моего Рудольфа. Эти бесердечные люди, которые такъ дурно обращаются съ невинными дѣтьми, могутъ и съ моимъ Рудольфомъ...

Она вдругъ оборвала рѣчь, тяжело вздохнувъ, и начала торопливо накрывать столъ скатертью. Поберегите моего Рудольфа,—обратилась она съ мольбою къ Іозефинѣ.—Онъ ничего не боится, но я страшно боюсь за него въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь если начнутъ допрашивать этихъ людей, взявшихъ дѣтей на воспитаніе, они узнаютъ, что это Рудольфъ...—Она сложила съ мольбою свои сморщенныя рабочія руки.—они нападутъ на него—онъ, вѣдь, всегда одинъ!—придутъ сюда, наговорятъ ему грубостей, пожалуй будутъ ему угрожать и даже...

Она закрыла руками свои заплаканные глаза, словно боясь увидѣть то, что могло произойти въ этой уютной, привѣтливой комнаткѣ.

Съ кровати послышался добродушный смѣхъ.—Ну, мать, это ужъ не такъ опасно!—сказалъ больной.—Но, видите ли, фрау Іозефина, бѣдняжка такъ много уже плакала обо мнѣ, что ради нея надо быть осторожнымъ. Вы ужъ придумаете, какъ поступить, мы же совершенно не знаемъ, что тутъ надо дѣлать.

— Я найду выходъ. Вы и ваша мать должны совершенно остаться въ сторонѣ. Это навѣрное удастся, будьте спокойны проговорила Іозефина горячо.

Глубоко потрясенная всѣмъ, что она тутъ видѣла и слышала, Іозефина думала, что она найдетъ выходъ. Она пойдетъ въ тюрьму, будетъ говорить съ ихъ отцомъ и съ директоромъ и отъ его имени возьметъ отсюда дѣтей. Да, да, она съумѣетъ это сдѣлать. Но что значитъ все, что бы она ни сдѣлала тутъ, передъ поступкомъ этого беззащитнаго, безпомощнаго человѣка, который находитъ возможнымъ въ своемъ положеніи, еще думать о другихъ, о несчастныхъ дѣтяхъ, за которыхъ некому заступиться! Его образъ былъ окруженъ въ ея глазахъ такимъ чистымъ, яркимъ сіяніемъ. Ни страхъ за себя, ни тревога за единственное любимое существо—мать не могла остановить его и помѣшать ему сдѣлать то, что онъ считалъ своимъ долгомъ.

— Неужели не нашлось ни одного здороваго?—невольно высказала вслухъ свою мысль Іозефина.

— У нихъ нѣтъ времени,—возразилъ больной кротко.—Да они и не думаютъ объ этомъ. Вотъ, когда лежишь такъ безъ движенія, то мысли бываютъ живѣе, чѣмъ тогда, когда работаешь руками. У меня на все есть время и фантазія для всего.

Онъ проговорилъ это безъ всякой горечи и грусти, но его слова пронизали ее насквозь.

«Мужество, сила, надежда, все это исходитъ отъ безнадежнаго. Сила, чудная, спасительная сила исходитъ отъ этого немощнаго, подумала Іозефина.

— Они часто приходятъ сюда спрашивать у него совѣта,—сказала мать.—Мой Рудольфъ, это голова всей деревни,—говорю вамъ.

— Да, я увѣрена въ этомъ,—замѣтила Іозефина, крѣпко пожимая ей руки.

Она была сильно взволнована и въ ея воображеніи пронеслись странныя картины. Деревня представлялась ей единымъ организмомъ, имѣющимъ много рукъ, много мускуловъ, которые двигались, но только тутъ, въ этомъ мѣстѣ, она могла наблюдать таинственную жизнь мозга, придававшаго смыслъ и цѣль всѣмъ этимъ неяснымъ стремленіямъ и дѣйствіямъ.

И чѣмъ болѣе она думала объ этомъ, тѣмъ яснѣе представлялось ей, что по всей землѣ безголовыя существа въ какомъ-то дикомъ безпорядкѣ нападаютъ другъ на друга, стараясь кулаками и оружіемъ уничтожить другъ друга. Но мѣстами, среди этого хаоса, вдругъ появляется сіяніе, такое самое сіяніе, какое окружаетъ блѣдный лобъ Рудольфа Фишера. Каждая такая свѣтлая точка соотвѣтствуетъ чувствующему уму, и хотя вся эта картина жизни земли пронеслась съ быстротою молніи передъ умственными взорами Іозефины, но она все-таки, къ великой своей радости, успѣла замѣтить, что тонкія свѣтлыя нити соединяютъ между собой яркія точки, кажущіяся изолированными среди всеобщаго хаоса, и всѣ эти нити, вмѣстѣ съ блестящими звѣздами, которыя соединяются ими, образуютъ гармоническое, прекрасное цѣлое, откуда раздаются слова любви и мира, разносящіяся надъ мрачнымъ, зловѣщимъ, отвратительнымъ хаосомъ...

— Вы молчите, фрау Іозефина?—сказалъ больной.—Но, вѣдь, вы же поможете бѣднымъ мальчуганамъ, спасете ихъ? Съ той минуты, какъ вы вошли сюда, вы принесли мнѣ спокойствіе. Отъ васъ исходитъ какая-то сила, мужество и надежда... Не правда ли, мать? О, какъ это чудесно! Вы счастливая женщина.

— Я постараюсь, чтобы бѣдняжки не оставались и недѣли здѣсь. Это будетъ сдѣлано безъ всякаго безпокойства для васъ,—сказала Іозефина рѣшительно и при этомъ подумала: «Вотъ какія чудныя минуты мнѣ здѣсь пришлось пережить! Какъ великъ человѣкъ! И какое это счастье, что я пріѣхала сюда. Какъ благотворно дѣйствуетъ встрѣча съ такимъ человѣкомъ».

— Да, вы счастливы,—повторилъ больной, тихо вздыхая.—Вы сами можете дѣйствовать, вамъ не надо прибѣгать къ другимъ. Какъ это должно быть пріятно. Когда я только подумаю,—прибавилъ онъ мечтательнымъ тономъ,—что вотъ вы двигаетесь, свободно, легко и совершенно самостоятельно идете по избранному пути, повинуясь только велѣніямъ своего свободнаго, сильнаго сердца, и, какъ мужчина,—хотя

вы не мужчина, а женщина, съ женскимъ сердцемъ!—отправляетесь въ міръ, который въ васъ нуждается! Я давно уже слышалъ о васъ, о вашихъ лекціяхъ, читалъ ваши статьи о правѣ ребенка, который нигдѣ не имѣетъ никакого права. Мнѣ всегда становилось тепло послѣ такого чтенія и матери также. Не правда ли, мама? «Ахъ,—сказалъ я ей въ первый же разъ,—вотъ я нашелъ друга». Простите мою дерзость: вы для меня другъ. И теперь, что бы я могъ сдѣлать безъ васъ? Я, такой безпомощный...

Іозефина склонила голову и ей показалось, что на нее посыпался дождь цвѣтовъ. Голова у нея слегка кружилась. Кругомъ на нее сыпались цвѣты и ароматъ ихъ былъ такой сладкій, опьяняющій... Значитъ, она не была одна, она стяжала любовь, благодарность, дружбу, далеко за предѣлами своей дѣятельности.

И вдругъ, подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, ей припомнились муки, которыя она претерпѣла за послѣдніе мѣсяцы. Тихія слезы полились изъ ея глазъ, и хотя она старалась заглушить свои рыданія, но больной все-таки услышалъ ея легкія всхлипыванія.

— О! о!—вскричалъ онъ съ увѣренностью ясновидящаго.—Я не угадалъ. Я не спрашивалъ васъ ни о чемъ, но я чувствую, что вы страдаете. Да, да, вы страдаете! Я наговорилъ глупостей.

Его лицо стало грустнымъ и серьезнымъ.

— Скажите, что съ вами случилось? Кто могъ причинить вамъ страданіе, такое, что вы должны плакать?—спрашивалъ онъ.

Іозефина испугалась его тона. Она хотѣла удержаться, но мучительная потребность раздѣлить свою тяжесть съ другимъ заставила ее говорить:

— Я здорова и могу свободно двигаться, но у меня есть сынъ.. и онъ... О нѣтъ! Не называйте меня счастливой! Даже вы счастливѣе меня!—вскричала она со страстью.

— Онъ, можетъ быть, боленъ, вашъ сынъ?—спросила старуха съ состраданіемъ и посмотрѣла на дрожащія руки Рудольфа.

— Ахъ, еслибъ онъ былъ такъ же здоровъ, какъ вашъ Рудольфъ, вскричала Іозефина съ тоскою.—Я была бы тогда счастлива!

Заплаканные глаза старухи съ удивленіемъ и упрекомъ посмотрѣла на нее. Слова Іозефины были ей непонятны, но Іозефина поняла свою жестокость; больной дышалъ тяжело, какъ будто передъ нимъ было что-то угрожающее.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—слабо прошепталъ онъ.

Мать подошла къ его кровати, положила ему на лобъ руку. Казалось, будто она просила сжалиться надъ ея сыномъ.

Прошли мучительные четверть часа. Стѣнные часы тикали, а съ улицы доносились шаги прохожихъ, голоса дѣтей и нѣжное воркованье голубей, сидящихъ на подоконникѣ.

— Голуби хотятъ ѣсть!—сказалъ Рудольфъ, точно пробуждаясь отъ сна.—Мать покорми ихъ.

Іозефина сидѣла, охваченная глубокимъ раскаяніемъ и безпокойствомъ, и почувствовала большое облегченіе, когда старуха подошла къ окну и открыла его. Два голубя тотчасъ же сѣли ей на руку и принялись клевать зерна, которыя она держала на ладони. Она принесла довѣрчивыхъ птичекъ своему сыну, который слегка ихъ погладилъ. Птички нисколько не испугались; онѣ похлопали крыльями и соскочили къ нему на одѣяло, чтобы тамъ поклевать разбросанныя зерна.

— Простите мнѣ мою слабость,—сказалъ онъ, съ мольбою глядя на Іозефину.—Такой приступъ всегда очень непріятенъ. Все кружится передо мной, какъ будто я стою на головѣ или кровать поворачивается и я падаю въ бездну. Иногда это продолжается всю ночь: я лежу неподвижно и въ то же время падаю, не переставая, какъ мнѣ кажется...

— Я слишкомъ долго пробыла у васъ, простите,—сказала Іозефина вставая, чтобы уйти.—Боюсь, что я вамъ повредила.

Но мать и сынъ начали просить ее остаться до слѣдующаго поѣзда.

— Меня часто навѣщаютъ, но вашъ визитъ, это для меня большая радость. Не лишайте же меня ея, не укорачивайте своего визита только потому, что я оказался слабымъ, больше этого не будетъ,—просилъ больной.

Мать начала съ гордостью говорить Іозефинѣ, какъ много писемъ карточекъ и привѣтствій получаетъ ежедневно ея Рудольфъ со всѣхъ концовъ міра.

— Тяжело больные и неизлѣчимые составляютъ вѣдь также нѣчто въ родѣ братства, усмѣхнулся Рудольфъ. — Мы пишемъ другъ другу, по-нѣмецки и по—французски. Это служитъ и утѣшеніемъ и удовольствіемъ. Можетъ быть и вы, какъ врачъ, слышали объ этомъ учрежденіи. Оно вѣдь распространено по всей землѣ, такъ что, несмотря ни на что, мы все-таки живемъ вмѣстѣ, и здоровые иногда пишутъ мнѣ, у меня есть очень хорошіе друзья.

Онъ взялъ правою рукой лежащую на низенькой полочкѣ, придѣланной къ кровати, пачку писемъ и карточекъ. «Да, да, у меня много друзей,—повторилъ онъ,—но самый любимый вотъ этотъ.

Онъ переложилъ изъ правой руки въ лѣвую фотографическую карточку и подвинулъ ее Іозефинѣ. Она взяла портретъ и вздрогнула. Нагнувшись, чтобы лучше видѣть, она впилась глазами въ карточку. Это былъ Хованессіанъ.

— Его имя Хованессіанъ,—сказалъ больной съ нѣжностью,—и эту карточку онъ прислалъ изъ Персіи. Подумайте только! Армянинъ и мой пріятель, какъ же это можетъ быть? Но шесть лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ Цюрихѣ и два раза былъ у меня. Мой врачъ разсказалъ ему про меня и онъ пріѣхалъ. Милый, милый другъ мой Хованессіанъ!

Мать Рудольфа подошла сзади и, ласково обнявъ плечи Іозефины, взглянула на портретъ.

— Я также охотно смотрю на него, потому что люблю его,—сказала она.—Да, онъ тутъ запрятанъ у насъ въ сердцѣ, не правда ли

Рудольфъ? Онъ живетъ въ Тавризѣ, такъ я выговариваю? Ахъ, какъ много онъ намъ разсказывалъ, когда пріѣзжалъ сюда. Вотъ тутъ онъ сидѣлъ, на такомъ же стулѣ, и мы не уставали слушать его, ни Рудольфъ, ни я. Онъ разсказывалъ намъ, какъ тамъ, въ чужихъ краяхъ приготовляютъ хлѣбъ, вино, ковры, какъ танцуютъ, а женщины ходятъ закутанныя въ покрывала и не имѣютъ никакихъ правъ и взрослые люди разсказываютъ другъ другу сказки, точно маленькіе, подумайте только!

Она засмѣялась по-дѣтски, добродушно.

— Сказки хороши и мы ихъ слушали съ удовольствіемъ, не правда ли, Рудольфъ, продолжала она.—Ну а теперь онъ сталъ великимъ, какъ пишетъ его другъ, который также иногда пишетъ Рудольфу. Онъ основываетъ тамъ школы, въ Персіи, для армянъ, подумайте только. Но онъ остался такимъ же простымъ и бѣднымъ и такъ же, попрежнему ходитъ въ русской рубашкѣ. Посмотрите-ка хорошенько на эту карточку,—прибавила старуха съ жаромъ.

— И, кромѣ того, онъ поэтъ,—сказалъ больной восторженно.—Да, вотъ это человѣкъ! Другого такого я не знаю. Онъ разсказываетъ въ стихахъ страданія народа притѣсняемаго турками, которые избиваютъ беззащитныхъ.

— Ахъ, еслибъ можно было прочесть эти стихи!—сказала мать, и ея красные отъ многихъ пролитыхъ слезъ глаза вдругъ заблестѣли.

— Къ сожалѣнію, мы бы ихъ не поняли, — сказалъ больной и вздохнулъ.—О, еслибъ мнѣ еще хоть разъ въ жизни увидѣть моего милаго, милаго Хованессіана! Я бы не уставалъ слушать его, день и ночь.

— Нравится онъ вамъ?—спросила старуха Іозефину возбужденнымъ голосомъ. — О, онъ такой благородный человѣкъ. Я никогда, никогда не забуду, хотя бы прожила еще сто лѣтъ, какъ онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ и разсказывалъ и былъ такъ добръ къ Рудольфу.

Больной сложилъ руки, словно на молитву.

— Онъ живъ и въ немъ Господь проявляетъ свою силу,—проговорилъ онъ растроганнымъ голосомъ. — И я знаю, что онъ приноситъ міру утѣшеніе... Ахъ, какъ жаль, что вы его не знаете, фрау Іозефина! Вы бы поняли другъ друга. Въ васъ такъ много общаго; вы такъ похожи другъ на друга!

Но ни мать, ни сынъ, взволнованные своими воспоминаніями, не замѣчали, что Іозефина не говорила ни слова.

Она сидѣла на томъ же самомъ стулѣ, на которомъ онъ когда-то сидѣлъ, и слушала изъ устъ этихъ чистыхъ душою людей разсказы о немъ, повтореніе того, что онъ когда-то говорилъ ей. Она чувствовала его присутствіе въ этой комнатѣ такъ ясно, что ее даже пронизала дрожь.

— Вы должны прочесть его письма,—сказалъ ей Рудольфъ. — Я дамъ вамъ ихъ, когда вы опять пріѣдете.—Въ его голосѣ слышались нѣжность и торжество.—Я чувствую, что вы уже принимаете въ немъ участіе. Да, да, вы тоже его полюбили!

— Я люблю его,—выговорила, наконецъ, Іозефина. Она закрыла глаза. И снова ей показалось, что комната наполняется цвѣтами и тонкій ароматъ распространяется въ воздухѣ. О, какой чудный сонъ!

Спустя нѣсколько минутъ она встала и начала прощаться. Рудольфъ крѣпко держалъ ее за руку.

— Вы спасете дѣтей, — сказалъ онъ. — О, благодарю васъ! Вы принесли мнѣ съ собою столько хорошаго. Я никогда этого не позабуду. Я успокоился теперь. Я вѣрю въ васъ и спокоенъ за малютокъ. И еще... Когда вы заплакали, я не могъ сказать вамъ ни слова. Я слишкомъ глубоко страдалъ вмѣстѣ съ вами. Но теперь мнѣ вдругъ вспомнились—простите меня — слова Августина: «Сынъ, за котораго проливаются такія слезы, не пропадетъ». Помните это и да благословитъ васъ Богъ и все, что вы дѣлаете!

Сопровождаемая благословеніями и изъявленіями благодарности, старухи, Іозефина вышла изъ маленькаго домика и пошла по дорогѣ на станцію.

— Пріѣзжайте къ намъ опять! Пріѣзжайте!—просила ее старуха и ея руки, казалось, не хотѣли отпускать Іозефину. Еще долго Іозефина видѣла старуху, стоявшую у дверей и смотрѣвшую ей вслѣдъ, заслонивъ глаза рукой отъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Іозефина шла по пустынной деревенской дорожкѣ быстрыми, легкими шагами. Въ душѣ она чувствовала такой подъемъ и міръ ей казался такимъ прекраснымъ. Развѣ земля не богата сокровищами! Іозефина оглядывалась и съ удивленіемъ замѣчала, какъ все кругомъ красиво, молодо и полно свѣжихъ силъ.

Она пошла черезъ мостикъ и съ восхищеніемъ любовалась гладкою, зеленоватою поверхностью рѣки, по которой играли солнечные блики.

Она пошла мимо полей и мечтательными глазами смотрѣла на молодые зеленѣющіе посѣвы, такіе яркіе въ солнечныхъ лучахъ. Все кругомъ блистало, искрилось, все свѣтилось, и ея сердце билось такъ порывисто и она все ускоряла шаги.

«Это возрожденіе, возрожденіе къ новой жизни!» подумала она и вздрогнула точно отъ живительнаго поцѣлуя. Она была въ темной могилѣ, съ закрытыми глазами, со сложенными руками, и теперь встаетъ изъ гроба, къ свѣту, къ залитой весеннимъ солнцемъ землѣ. Ее окружаетъ воздухъ, пропитанный ароматомъ фіалокъ, и она слышитъ возгласъ радости со всѣхъ сторонъ!

— Тутъ мой міръ! — сказала она себѣ. — Тутъ всѣ мои и я имъ принадлежу. Наконецъ, наконецъ, я нашла ихъ...

— Хованессіанъ! — шептала она, и ея губы словно цѣловали его имя, и сердце готово было вырваться изъ груди, когда она подумала, что тамъ сказала: Я люблю его! Да! да! Вѣчно! Вѣчно! Онъ живъ и Богъ силенъ въ немъ! — повторила она слова Рудольфа.—Я люблю его и въ немъ люблю жизнь, со всѣмъ ея богатствомъ, полнотой... Да,

я снова живу. Я боролась, страдала, я мыслила вмѣстѣ съ остальнымъ человѣчествомъ, вѣдь я человѣкъ! Но развѣ у меня была надежда? Развѣ трудъ не служилъ для меня только наркотическимъ средствомъ, чтобы затушить страданія, чтобы я не могла чувствовать пустоты и безнадежности своего бытія! Но теперь... теперь я увидѣла обѣтованную землю и надо мною разстилается такое чудное, сверкающее небо, богатое утѣшеніями. Величайшее благо, источникъ вѣчной красоты въ человѣческой природѣ, это истина, дѣйствительность, а не мечта, и этою истиной когда нибудь будетъ обладать міръ!

Идя быстрыми шагами по тропинкѣ, между зеленѣющими полями, она начинала припоминать все, что пережила до сихъ поръ; думала о людяхъ, которыхъ ей пришлось узнать, и старалась во всемъ, вездѣ отыскать доброе. И вездѣ, вездѣ она находила его. Правда, оно иногда стыдливо скрывалось отъ взоровъ, какъ будто люди стѣснялись показать добрыя стороны своей души. Но повсюду можно было отыскать ихъ, и ей казалось, что это доброе господствуетъ въ человѣчествѣ и все исправляетъ.

Со дна бѣдствій, нужды, несправедливостей, позора это доброе въ человѣчествѣ пробиваетъ слой покрывающей его тины и свѣтится всѣми цвѣтами радуги. Даже самое худшее, сила, власть, богатство, привилегированное положеніе, раздольное житье, все то, что, главнымъ образомъ, служитъ разсадникомъ зла, все это представляетъ лишь твердую кору, черезъ которую добро можетъ пробиться наружу. И все чаще и чаще образуются трещины въ этой корѣ и на самыхъ, повидимому, засохшихъ стволахъ вырастаютъ тонкіе, нѣжные цвѣты дружбы.

Іозефинѣ казалось, что только теперь она получила способность всюду отыскивать добро, и она чувствовала себя бодрой и сильной. Снова передъ ея умственными взорами появилась та самая картина, которую она видѣла въ комнаткѣ больного. Надъ дикимъ, страшнымъ, отвратительнымъ хаосомъ поднятыхъ кулаковъ и мечей, она видѣла мѣжное сіяніе, предшествующее утренней зарѣ, и это сіяніе, слабое и дрожащее, изливалось изъ множества невидимыхъ источниковъ, и войско звѣздъ, возвышающихся надъ отвратительнымъ хаосомъ, становилось все ярче, все замѣтнѣе, превращаясь въ безграничное море свѣта.

— Всѣ связаны вмѣстѣ! Больше свѣта въ одномъ, меньше въ другомъ но все сравнивается потомъ. Какъ прекрасенъ, прекрасенъ міръ.

И Іозефина, окрыленная радостью и надеждой, шла прямо навстрѣчу сіянію, которое манило ее вдали...

Конецъ.

ПРИРОДА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **А. М. Ѳедорова.**

ЧАСТЬ I.

Глава I.

Вѣтвицкій понялъ, что не уснетъ. Онъ открылъ глаза и томительно закинувъ за голову руки, нѣкоторое время пролежалъ на спинѣ неподвижно.

Раздраженное безсонницей, все тѣло, даже самая кожа, казалось, пріобрѣли чуткость зрѣнія и слуха.

Онъ освѣтилъ электричествомъ высокую, просторную спальню и опустилъ ноги съ постели.

Въ большомъ зеркалѣ противъ кровати призрачно отразилась его худощавая, молодая, но слабая фигура.

Слегка освѣживъ лицо и руки водой съ одеколономъ, онъ сталъ одѣваться медленно, съ обычнымъ вниманіемъ къ своему костюму: тщательно и красиво повязалъ галстухъ передъ зеркаломъ, повторявшимъ каждое движеніе его тонкихъ пальцевъ и усталые повороты головы.

Отъ электрическаго свѣта и безсонницы его лицо съ бѣлокурой острой бородкой казалось восковымъ и мало подвижнымъ, а глаза какъ бы пропитанными этимъ холоднымъ безжизненнымъ свѣтомъ.

Гдѣ-то два раза пробили часы; ихъ нѣжный серебристый звонъ особенно ясно слышался въ спальнѣ у зеркала и долго трепеталъ въ тишинѣ, ища гдѣ ему спрятаться.

Вѣтвицкій, какъ художникъ, дорожилъ дневнымъ свѣтомъ и ложился ровно въ одиннадцать, чтобы встать въ семь.

Онъ напрасно протомился цѣлыхъ три часа. Лучше повременить часъ, даже два, но не въ постели. Можетъ быть тогда придетъ сонъ; такъ ему иногда удавалось обмануть безсонницу.

Но, разъ поднявшись, онъ долженъ былъ одѣться съ обычной изысканностью, потому что терпѣть не могъ такъ называемыхъ домашнихъ костюмовъ, до которыхъ падки художники и вообще артисты.

Не вынося распущенности, онъ даже работалъ, одѣтый, какъ

для пріема и по обычной аккуратности никогда не портилъ своего костюма ни красками, ни масломъ.

Привычка къ чистотѣ и порядку, разъ навсегда заведенному, доходила у него до педантизма. Когда онъ переѣхалъ съ наемной квартиры въ свой домъ, на приморскомъ бульварѣ, недавно выстроенный, по его собственнымъ планамъ и вкусу, вся обстановка его, всѣ вещи, картины, бездѣлушки находились въ томъ же порядкѣ, что и раньше.

Покончивъ со своимъ туалетомъ, онъ отворилъ дверь спальни, и широкая полоса свѣта, бѣлѣя, какъ вода, упала на гладкій паркетъ площадки и на дубовыя перила лѣстницы; лѣстница спускаясь внизъ, примыкала къ стѣнѣ увѣшанной картинами. Золоченыя рамы на которыя падалъ свѣтъ, слегка блестѣли.

Онъ остановился, обманутый оживленіемъ, которое придавалъ одной картинѣ электрическій свѣтъ изъ спальни. Это была картина его товарища Полозова: «Изъ окна». Сквозь стекло виднѣлись мокрыя крыши, блестѣвшія въ лунномъ свѣтѣ, какъ голубыя зеркала, и церковная колокольня.

Когда онъ закрылъ за собой дверь спальни, погасли рамы, исчезла картина, но съ другой стороны лѣстницы вырисовался четыреугольникъ противоположной двери; она была открыта и тамъ виднѣлась большая неосвѣщенная комната, наполненная голубовато-сизой мглой, которая, не проливалась дальше порога.

Заложивъ назадъ руки и слегка поднявъ голову, казавшуюся тяжелой для его тонкой шеи, съ этимъ широкимъ, сильно приподнятымъ, вяло очерченнымъ затылкомъ, онъ направился въ залу, вѣрнѣе картинную галлерею.

Стѣны ея были увѣшаны работами русскихъ и иностранныхъ художниковъ, а на столахъ и тумбахъ выдѣлялась силуэтами бронза Карлеса Танагра. Мебели было очень мало. Справа въ углу чернѣлъ эрраровскій рояль и его закрытая лакированная крышка отливала сѣдиной.

Все въ этой комнатѣ обнаруживало вниманіе, любовь къ искусству.

Потолокъ былъ изъ матоваго стекла и по бокамъ его, какъ рѣдкія гирлянды лилій, шли электрическія лампочки. Сквозь этотъ стекляный потолокъ проникалъ голубовато-блѣдный полумракъ лунной апрѣльской ночи и разсѣивался здѣсь ровнымъ сумеречнымъ свѣтомъ. Казалось, что вся эта комната подъ водой. И это сходство еще болѣе дополнялось бзжизненной тишиной: тишиной нежилыхъ комнатъ, не знакомыхъ съ искреннымъ смѣхомъ, шумомъ, голосами и воздухомъ настоящей жизни, которая, даже когда она отсутствуетъ, сообщаетъ всѣмъ предметамъ, самымъ стѣнамъ, необъяснимую привлекательность и одушевленность.

Даже картины, красочные кусочки живой творческой мысли и души, какъ будто замирали и холодѣли здѣсь.

Все такъ же заложивъ руки за спину, слегка скосивъ узкія плечи, онъ сталъ медленно ходить взадъ и впередъ вдоль залы, скользя по паркету и при поворотахъ поднимаясь чуть-чуть на носки узкихъ длинныхъ ботинокъ.

Въ этомъ пустынномъ залѣ, подъ стекляннымъ потолкомъ, холодившимъ лунный свѣтъ, его одинокая, тонкая фигура съ безкровнымъ, длиннымъ лицомъ, которой только недоставало рыцарскаго одѣянія и шлема, чтобы походить на призракъ рыцаря-крестоносца, являлась какъ бы воплощеніемъ этого свѣта, тишины и холодности.

Такъ бродилъ онъ здѣсь довольно часто, особенно въ послѣднее время.

Безсонница бывала у него и раньше, но рѣдко. Съ переѣздомъ въ собственный домъ, она стала посѣщать его чаще, хотя для этого, повидимому, не было никакихъ внѣшнихъ причинъ.

Богатство ограждало его отъ безпокойствъ и заботъ; живопись придавала его жизни смыслъ и значительность. Независимый художникъ, онъ отказывался отъ заказовъ бывшихъ ему не по душѣ и писалъ портреты только съ лицъ, которыя ему нравились.

Ему было всего тридцать четыре года, онъ былъ свободенъ, холостъ и имѣлъ порядочную извѣстность.

Причина безсонницы, можетъ быть, заключалась въ его слабомъ здоровьѣ. Посовѣтоваться съ докторами? Но докторъ пропишетъ какой-нибудь наркозъ. А онъ разъ навсегда далъ себѣ слово не прибѣгать къ этому. Путешествія? Они слишкомъ утомляли его и отравлялись неизбѣжнымъ безпорядкомъ и нечистотой.

Часы близко пробили три, и ихъ звукъ, безпомощный, короткій и слабый, какъ дѣтскій голосъ, прозвенѣлъ и замеръ, и только ровное тиканье звучало въ тишинѣ.

Онъ остановился, прислушиваясь, нѣтъ ли позыва ко сну, даже попытался зѣвнуть, но зѣвокъ не вышелъ, тогда онъ подошелъ къ окну и раздвинулъ тяжелыя занавѣси.

Тотъ же блѣдно-зеленый полусвѣтъ, но только глубже, яснѣе, чѣмъ въ комнатѣ, обливалъ окно. Высоко въ небѣ блестѣла луна, и, мокрыя отъ росы, крыши зданій за бульваромъ, казались стеклянными, какъ на картинѣ Полозова.

Въ небѣ кое-гдѣ мутными пятнами разлились облака, точно оно отсырѣло отъ весенней влаги, слегка заволакивавшей туманомъ море и портъ. Круглыми жирными пятнами просачивались тамъ огни электрическихъ фонарей, и по смутнымъ пространствамъ, темнѣвшимъ, какъ заплаты на бѣлесоватомъ пологѣ, угадывались трубы и мачты судовъ.

Вѣтвицкій ощутилъ во всемъ тѣлѣ непріятный сырой холодокъ; казалось, этотъ липкій, болѣзненный туманъ забирался въ его кровь. Онъ опустилъ занавѣси, и онѣ, какъ живыя, сонно, мягко и устало прильнули одна къ другой.

Вѣтвицкій сжалъ ладонями виски и долго стоялъ неподвижно, чувствуя себя въ первый разъ такъ ясно чужимъ этой комнатѣ и одинокимъ, одинокимъ до того, что хотѣлось закрыть глаза и окаменѣть.

Онъ прошелъ изъ залы въ мастерскую, какъ лунатикъ, глядя впередъ остановившимися глазами, и только очутившись посреди мастерской, въ недоумѣніи подумалъ: «Зачѣмъ я пришелъ сюда?»

Въ мастерской, несмотря на большое окно, было темнѣе, чѣмъ въ залѣ, и высокій мольбертъ среди комнаты чернѣлъ, какъ привидѣніе, разставивъ ноги и прижимая что-то бѣлое къ своей груди.

Это былъ—женскій портретъ во весь ростъ съ красивой борзой собакой.

Разсѣянно остановивъ на минуту глаза на немъ, онъ освѣтилъ комнату электричествомъ и, сдернувъ коленкоръ, поставилъ мольбертъ такъ, чтобы краски не отсвѣчивали, а самъ отошелъ въ сторону и сталъ пристально всматриваться, то наклоняя, то поднимая голову и иногда прищуривая глаза.

Портретъ нравился товарищамъ художника, но самъ онъ имъ былъ ужасно недоволенъ. Сходство поразительное, но отсутствовало главное, неуловимо малое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое важное,—то, что французы называютъ petit rien,—что далось ему при первыхъ сеансахъ, а потомъ было убито черезчуръ старательными педантичными ударами кисти.

И чѣмъ больше онъ работалъ, тѣмъ досаднѣе представлялся этотъ недостатокъ.

А между тѣмъ, ни одну натуру онъ не чувствовалъ такъ ясно и глубоко, ни одинъ портретъ не хотѣлось ему написать такъ, какъ этотъ.

Позировала она превосходно, понимала его съ намека, и эта неудача тѣмъ болѣе его раздражала.

Онъ уже писалъ портретъ двѣнадцать сеансовъ и, наконецъ, признался, что замучилъ работу, что надо сдѣлать перерывъ и освѣжить впечатлѣніе.

Вотъ уже три дня она не являлась, а онъ не глядѣлъ на портретъ. Въ субботу, ровно въ часъ, то-есть черезъ десять часовъ, она придетъ.

При этой мысли ему улыбнулись веселые, сѣрые глаза, надъ которыми чернѣли высоко поставленныя, тонкія, округленныя брови; лѣвая была приподнята выше правой. Онъ понялъ, что эти дни ему недоставало ея глазъ.

Немного изумленный и озабоченный своимъ выяснившимся сознаніемъ, онъ подумалъ: «Да, на ней смѣло можно жениться».

Эта мысль, несмотря на всю свою важность и значительность, не только не взволновала его, а наоборотъ—успокоила. Онъ сладко зѣвнулъ и, обрадованный этимъ зѣвкомъ, направился въ спальню.

Снизу глухо донеслось хлопанье входной двери, стукъ трости и шаги. Это его двоюродный братъ и товарищъ Полозовъ вернулся изъ клуба и, судя по стуку палки, вѣроятно, проигрался.

Еслибы Вѣтвицкій не боялся всколыхнуть сонъ, онъ побесѣдовалъ бы съ пріятелемъ о своемъ намѣреніи, но теперь рѣшилъ отложить разговоръ до завтра.

«Тогда придется дать ему квартиру во флигелѣ», подумалъ онъ, между прочимъ, раздѣлся, легъ въ постель и скоро заснулъ.

Глава II.

Проснувшись довольно поздно, едва открывъ глаза, онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи и не измѣнилъ ему. Затѣмъ прислушался, не болитъ ли у него голова, что всегда случалось послѣ не совсѣмъ удачнаго сна: голова была въ порядкѣ.

Тогда онъ отворилъ двери изъ спальни въ ванную, выкупался и, совсѣмъ освѣженный и бодрый, какимъ не чувствовалъ себя давно, сошелъ внизъ въ столовую.

Чисто одѣтая, миловидная горничная налила ему кофе изъ серебрянаго кофейника, только что снятаго съ спиртовой лампочки.

Полозовъ былъ уже тутъ; читая газету, онъ грызъ сухарь, обнаруживая свои пожелтѣлые отъ сигарнаго дыма крупные зубы.

Его широкое, пухлое лицо съ масляными, калмыцкими, заплывшими глазками было довольно меланхолично. Онъ поднялъ глаза на товарища, кивнулъ ему и процѣдилъ сквозь зубы:

— А у тебя сегодня хорошій видъ.

— Зато о тебѣ нельзя сказать того же.

Вѣтвицкій, не замочивъ усовъ, отхлебнулъ съ удовольствіемъ кофе и съ улыбкой добавилъ:

— Проигрался?

— Нн... немного, — небрежно отвѣтилъ Полозовъ, не любившій сознаваться въ своихъ проигрышахъ и выигрышахъ.

Помолчавъ, онъ передалъ ему газету и серьезно продолжалъ:

— Придется перемѣнить систему. Я кое-что подмѣтилъ любопытное. Понимаешь ли, когда бьютъ семь разъ черезъ карту, можно смѣло разсчитывать изъ десяти случаевъ восемь, что дальше будетъ сбой и столько же картъ дадутъ подрядъ.

Вѣтвицкій пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Самая лучшая система...

— Не играть, — перебилъ его Полозовъ.—Знаю. Но пойми Борисъ, мой выводъ теперь—математика.

— А желаешь, я объясню твою математику?

— Ну?

— У тебя вчера убили семь разъ черезъ карту.

— Положимъ.

— А потомъ дали столько же картъ подрядъ. Но...

— Что «но»?..

— Но ты въ это время пережидалъ на основаніи прежней системы.

— Чортъ побери!

— А въ слѣдующій разъ ты воспользуешься этой системой и, проигравъ, откроешь третью.

Но тотъ не дослушалъ его и воскликнулъ съ раздраженіемъ:

— Нелѣпѣе всего, что дьявольски везло человѣку, который и картъ-то держать въ рукахъ не умѣетъ... Ахъ, да!.. — спохватился Полозовъ.—Я вѣдь тебѣ ни звука не сказалъ о немъ. Это—Лосьевъ. Онъ только что вернулся изъ Парижа и попалъ въ клубъ случайно. Ты помнишь его по школѣ? Такой живой, черный.

— Да, немного помню. Скульпторъ?

— Скульпторъ. Въ послѣднемъ салонѣ его работа «Природа» имѣла успѣхъ. Ты не въ претензіи, что я его сегодня пригласилъ на нашъ товарищескій обѣдъ?

— Нѣтъ.

— Этотъ парень такъ хохоталъ, загребая выигранныя деньги, точно онѣ щекотали его. Какъ былъ мальчишкой, такъ имъ и остался.

Вѣтвицкій, разсѣянно слушавшій своего пріятеля, сдѣлалъ послѣдній глотокъ кофе и спросилъ его:

— Ты кончилъ?

— О Лосьевѣ?

— Нѣтъ, кофе.

— Давно.

— Я хотѣлъ поговорить съ тобой о дѣлѣ.

— О покупкѣ земли? Знаю. Я отказалъ. Это горячка временная. Я убѣжденъ, что не нынче—завтра будетъ кризисъ.

Талантливый художникъ и артистъ по натурѣ, Полозовъ соединялъ съ этимъ чуткость и ловкость дѣльца, знающаго, откуда дуетъ вѣтеръ, и руководилъ Вѣтвицкимъ въ нѣкоторыхъ денежныхъ дѣлахъ.

— Я не о томъ. Ты знаешь, я въ этомъ случаѣ вполнѣ полагаюсь на тебя. Дѣло гораздо важнѣе.

— Я слушаю.

— Идемъ.

Онъ обнялъ товарища за талію, замѣтивъ вскользь.

— Однако, у тебя начинаетъ расти брюшко.

— Да, чортъ возьми, мнѣ не везетъ въ послѣднее время: уменьшаются деньги и увеличивается животъ. Я бы предпочелъ обратное.

Они пошли наверхъ

На лѣстницѣ Полозовъ спросилъ его:

— Ты сегодня работаешь?

— Да, Ирина Михайловна черезъ часъ придетъ.

Вѣтвицкій особенно отчетливо и не безъ новаго чувства выговорилъ ея имя. Это не ускользнуло отъ товарища.

Переступая порогъ мастерской, Вѣтвицкій продолжалъ:

— Сегодня ночью я посмотрѣлъ на этотъ портретъ при электрическомъ освѣщеніи, и онъ мнѣ показался еще хуже, чѣмъ раньше.

— Я нахожу въ немъ много хорошаго.

Художникъ сосредоточенно глядя на портретъ и представляя себѣ оригиналъ, говорилъ:

— Подъ этими персиковыми щеками тамъ, въ натурѣ, чувствуется движеніе теплой, чистой крови; глаза у нея такъ согласованы съ губами и съ этой ямочкой на подбородкѣ, какъ будто они глядятъ и свѣтятся оттуда.

— Мнѣ кажется, я сегодня кое-что сдѣлаю,—неожиданно прервалъ онъ самъ себя, вглядываясь въ работу съ прозрѣніемъ художника, чувствующаго мерцаніе настоящей правды, требующей воплощенія, доступнаго и возможнаго тамъ, гдѣ все казалось неуловимымъ, ускользающимъ.

Вѣтвицкій снова обнялъ пріятеля и повелъ его въ залу.

— Видишь ли, — съ нѣкоторымъ волненіемъ, отъ котораго слегка вибрировалъ его голосъ, тихо и задумчиво продолжалъ онъ, не глядя на товарища, точно говорилъ самъ съ собой,— нынче ночью я опять бродилъ подъ этимъ сводомъ. Мнѣ казалось, я ни о чемъ не думалъ, но мысль, важная мысль, разъ она зародилась, хотя бы безсознательно, продолжаетъ развиваться самостоятельно и самостоятельно приходитъ къ выводу. Словомъ, когда я сегодня ночью вошелъ въ мастерскую и взглянулъ на ея портретъ, я рѣшилъ на ней жениться.

— А-а...—спокойно протянулъ Полозовъ, какъ будто это извѣстіе не было новостью для него. Въ эту минуту онъ занятъ былъ мыслью, что если бы купилъ къ пятеркѣ, большая послѣдняя карта его взяла бы: слѣдующая карта была двойка.

— Конечно, въ этомъ я могъ обойтись безъ твоего совѣта, но привыкъ съ тобой совѣтоваться во всѣхъ важныхъ дѣлахъ.

— Что-жъ, я одобряю, — сочувственно отозвался Полозовъ, словно дѣло шло о какой-нибудь новой денежной операціи. «У меня было бы семь», гвоздило досадное воспоминаніе.

— Ты понимаешь, мнѣ уже тридцать четыре года. Кое въ чемъ я разочаровался, кое-что надоѣло. Я бы хотѣлъ освѣжить жизнь. Для другого тридцать четыре года почти юность, для меня близость заката. Я родился семимѣсячнымъ и выношенъ въ ватѣ, какъ бабочка въ коконѣ, оттого нити, оставшіяся на моихъ крыльяхъ, не позволяютъ мнѣ летать, какъ всѣмъ.

— Она будетъ отличной женой, — серьезно кивнувъ головой, вставилъ Полозовъ. Онъ еще хотѣлъ что-то добавить, но нашелъ это несвоевременнымъ.

У Вѣтвицкаго сжившагося со своимъ пріятелемъ до того, что часто оба думали объ одномъ и томъ же, его настроеніе нашло свой отзвукъ. Онъ называлъ это «думать въ рифму».

— Наши отношенія съ тобой, конечно, останутся тѣ же. Только тебѣ придется перебраться во флигель. Можно пробить въ стѣнѣ дверь и соединить ее съ лѣстницей къ твоей мастерской.

— Да, это будетъ недурно.—И затѣмъ, возвращаясь къ прежнему, онъ заговорилъ на своемъ языкѣ художника.—Гм... Положительно тебѣ пришла въ голову хорошая мысль. Вы въ тонѣ и Ирина Михайловна вполнѣ вяжется съ этимъ домомъ.

Но, почувствовавъ, что слова его недостаточно серьезны при такихъ обстоятельствахъ, перемѣнилъ тонъ.

— Ты можешь быть съ ней совершенно спокоенъ: она изъ хорошей семьи и вообще...

Онъ совсѣмъ не умѣлъ говорить о такихъ вещахъ и закончилъ:

— Я поздравляю тебя.

— Да, я могу быть спокоенъ... И съ ней, и за нее. Положимъ, я на пятнадцать лѣтъ старше, но это такая обычная пропорція въ бракѣ, что не рѣжетъ глаза. Не правда ли?

— Разумѣется.

— Эта пропорція немного усиливается моей природной слабостью, а Ирина Михайловна свѣжа и сильна.

— Тѣмъ лучше для тебя: здоровье въ бракѣ заразительно, какъ и болѣзнь. Когда же ты думаешь вѣнчаться?

— Я не хотѣлъ бы откладывать...

Они бесѣдовали объ этомъ событіи, какъ о дѣлѣ вполнѣ рѣшенномъ, и ни тому, ни другому не приходило въ голову, что предложеніе богатаго, извѣстнаго художника можетъ быть не принято.

Слабый звонокъ донесся снизу.

Пріятели замолкли и переглянулись. Полозовъ, собираясь уходить, немного актерскимъ жестомъ простился съ товарищемъ и,

заложивъ большіе пальцы въ карманы широкихъ модныхъ брюкъ, направился внизъ.

На лѣстницѣ слышалось легкое постукиванье каблучковъ о ступеньки и безпокойный шелестъ шелка, который такъ похожъ на шуршаніе морской волны по мелкому прибрежному гравію.

Молодая женская фигура, слегка наклонясь впередъ и не держась за перила лѣстницы, поднималась по ступенькамъ, ловко поддерживая край своего вяло—лиловаго платья изъ шелковаго фуляра, легкими складками падавшаго книзу. Почти красный пышный бантъ ложился ей воздушнымъ пятномъ на невысокую грудь и удивительно гармонировалъ со свѣтлыми волосами, на которыхъ колебались широкія поля точно выросшей изъ нихъ свѣтлой весенней шляпы.

Великолѣпная борзая собака слѣдовала за своей госпожой. Тонкое граціозное туловище собаки было покрыто палевой шелковистой короткой шерстью. Выставивъ большую, широкую, точно выкованную изъ стальныхъ пружинъ грудь, слегка вытянувъ красивую острую морду съ поджатыми губами, она граціозно и легко переставляла со ступеньки на ступеньку свои сильныя сухія ноги, на которыхъ обозначался ясно каждый мускулъ.

При видѣ идущаго навстрѣчу художника, подымавшаяся на верхъ фигура остановилась на средней площадкѣ въ нѣсколько неувѣренной позѣ и въ отвѣтъ на его сдержанную привѣтственную улыбку и взглядъ, въ которомъ проскальзывало естественное любопытство и новая почтительность, кивнула ему головой.

Онъ немного ускорилъ движеніе и, слегка склонивъ на бокъ круглую голову съ просвѣчивающей сквозь стриженную щетину волосъ кожей, расшаркался передъ ней.

Она протянула ему руку, которую онъ поднесъ къ губамъ, не безъ претензіи на изящество и галантность, не вполнѣ вязавшіяся съ его пухлымъ, на короткихъ ногахъ тѣломъ.

Отъ нея пахло весеннимъ воздухомъ и тонкой нѣжностью духовъ, которые, казалось, исходили изъ ея молодого, еще не вполнѣ расцвѣтшаго тѣла.

— Борисъ васъ ждетъ,—произнесъ онъ и оглянулся назадъ.

Тотъ стоялъ наверху у перилъ лѣстницы и спокойно смотрѣлъ внизъ, заложивъ за спину руки.

Полозовъ посторонился вправо, чтобы дать ей дорогу, она какъ разъ въ это время сдѣлала движеніе въ туже сторону, онъ двинулся влѣво,—они опять встрѣтились. Тогда она звонко разсмѣялась, и въ смѣхѣ ея было что-то похожее на коротенькую руладу иволги въ весеннее солнечное утро.

Полозовъ съ улыбкой оттопырилъ верхнюю губу съ подстриженными бѣлокурыми усами погладилъ подвернувшуюся ему подъ

руку собаку и, несмотря на свою полноту, легко ступая, сталъ спускаться по лѣстницѣ все съ тою же улыбкой.

Приближаясь къ Вѣтвицкому, она заговорила, довѣрчиво-лукаво глядя на него:

— Вотъ видите, я исполнила свое обѣщаніе: пришла одна... съ Сартомъ.

— Благодарю васъ. Но Сартъ можетъ уже не позировать.

Сартъ услышавъ свое имя, поднялъ острую морду и поглядѣлъ на госпожу влажными умными глазами.

— Ты свободенъ, Сартъ,—обратилась она къ собакѣ.—Можешь читать газету.

Сартъ нюхнулъ протянутый ему газетный листъ и пошелъ въ сторону.

Вѣтвицкій улыбнулся. Теперь она ему показалась совсѣмъ иной, чѣмъ раньше, но то новое, что прибавило къ ней его намѣреніе, придавало ей еще болѣе привлекательности и значенія въ его глазахъ.

Она быстрымъ, красивымъ движеніемъ, взявъ двумя пальцами края длинной замшевой палевой перчатки, сдернула ее съ правой руки, оставивъ невывернутыми пять пальцевъ перчатки, изъ которыхъ, какъ изъ темныхъ норокъ, выскользнули нѣжные розовые пальчики.

Она протянула ему руку, на которой еще были слѣды отъ рубцовъ перчатки. Онъ поцѣловалъ эту руку пушистую отъ замши и ощутилъ отъ ея теплой кожи запахъ пудры, духовъ и тѣла.

Ирина первая направилась въ мастерскую, освобождая по дорогѣ другую руку отъ перчатки, а онъ шелъ вслѣдъ за ней, вглядываясь внимательно въ малѣйшее ея движеніе, желая проникнуть за ту неосязаемую оболочку, которая окружаетъ невыразимой тайной каждую привлекающую насъ женщину. Онъ замѣчалъ теперь то, что раньше ускользало отъ его вниманія, но всѣ эти мелочи еще болѣе увеличивали эту тайну. И когда она, войдя въ мастерскую, прямо направилась къ зеркалу, плавнымъ движеніемъ рукъ снимая легкую шляпу, онъ уловилъ въ зеркалѣ брошенный на него взглядъ, еще болѣе подтвердившій его увѣренность, что она ему не откажетъ.

Она, между тѣмъ, говорила своимъ переливчатымъ журчащимъ голосомъ:

— Вы думаете кто-нибудь дома былъ противъ этого tête-à-tête? О, нѣтъ. Я вполнѣ самостоятельна.—Затѣмъ она улыбаясь повернулась къ нему и шутливо замѣтила, шевельнувъ своей приподнятой бровью:

— И притомъ, быть у художника... Здѣсь даже нѣтъ того Shoking, который такъ естественъ въ отношеніи къ другимъ мужчинамъ.

Слушая ея голосъ, слѣдя за движеніемъ ея губъ, блескомъ глазъ, онъ машинально далъ реплику.

— Вы думаете?

— О да. Священникъ, король и артистъ, будь онъ художникъ, поэтъ, музыкантъ, на особомъ положеніи. Вѣдь это же необыкновенные люди.

— Вы, пожалуй, до нѣкоторой степени правы. И нѣтъ ничего удивительнаго, что общество уничтожаетъ здѣсь условныя преграды между мужчиной и женщиной. Искусство равняетъ художниковъ со всѣми существами въ мірѣ, потому что они сами заключаютъ въ себѣ и женщину, и ребенка, и всю природу.

То, что онъ сказалъ, показалось ей не совсѣмъ справедливымъ. Она отвѣтила:

— Это такъ. Но, мнѣ кажется тутъ есть еще одна сторона, не психологическая, а...—она какъ-то по-дѣтски причмокнула языкомъ,—вотъ я не знаю, какъ бы это сказать...

— Общественная?

— Да, пожалуй. На артистовъ смотрятъ, какъ на высшихъ существъ. Они обязаны стоять...—Она слегка замялась и, покраснѣвъ, закончила:—какъ свѣтъ на горѣ...

Онъ улыбнулся этой красивой наивности въ ея тонѣ. Внутренно онъ побаивался, что послѣ своего рѣшенія отнесется къ ней строже и требовательнѣе, но она показалась ему еще болѣе привлекательной и интересной.

— Незавидное положеніе. Такимъ образомъ оно лишаетъ насъ тѣхъ радостей, которыя доступны всѣмъ людямъ...

— Вы говорите о любви?

— Если хотите, о любви. Позвольте вашу шляпу...—перебилъ онъ на минуту себя.—Не будемъ тратить хорошихъ минутъ и примемся за дѣло. Это не помѣшаетъ намъ бесѣдовать. Сегодня славный свѣтъ, ровный и спокойный.

Онъ задернулъ половину окна, облитаго воздухомъ, пропитаннымъ солнечнымъ свѣтомъ; разогрѣтое стекло дышало теплomъ. Изъ свинцовыхъ тюбиковъ разноцвѣтными змѣйками выскользнули на полированное дерево палитры краски.

Она сразу приняла необходимую позу и, стараясь меньше двигаться, вернулась къ прежнему разговору.

Сартъ улегся у ея ногъ.

— Мнѣ кажется, любовь не считается ни съ чѣмъ такимъ... Она видитъ только человѣка.

Онъ пристально впился въ нее глазами, вбирая въ себя все то, что должно было перейти въ краски.

На ея щекахъ уже не было теперь того легкаго румянца, съ которымъ она пришла съ воздуха, но въ ея персиковой кожѣ

таилась еще золотистость весеннихъ лучей и дыханіе свѣжаго, душистаго вѣтра.

— Ахъ, это потому вы такъ говорите, что не переживали всего этого.

— Но, однако, это чистая правда. Видите ли,—она съ нѣкоторымъ усиліемъ шевельнула бровью и нѣсколько сентенціозно проговорила,—мнѣ кажется, все, что сердце добываетъ собственнымъ опытомъ, можетъ оказаться ошибкой.

Онъ разсѣянно дослушалъ ее и машинально спросилъ:

— Почему вы такъ думаете?

— Если сердце заблуждалось,—оно не въ правѣ основываться на заблужденіяхъ, а если обошлось безъ заблужденій, тѣмъ болѣе оно пристрастный судья.

Не спуская съ нея глазъ, художникъ сдѣлалъ легкое и красивое движеніе къ полотну, держа кисть, какъ держитъ палочку дирижеръ, готовый дать знакъ для начала музыки. Для него эти краски и кисти были своего рода музыкальными инструментами; и самыя краски располагались по музыкальной гаммѣ—свѣтлыя—высокіе тона, темныя—низкіе.

Два-три удачныхъ удара кисти сразу отвлекли его отъ разговора. Онъ переводилъ глаза съ натуры на работу, то обнимая лицо и его отраженіе на полотнѣ, то вглядываясь въ детали,—эти неуловимыя трепетанья свѣта и тѣней въ уголкахъ губъ, въ глазахъ, въ ямочкахъ на слегка приподнятомъ подбородкѣ. И опять ему казалось, что ея глаза въ натурѣ глядятъ изъ этой ямочки, изъ этихъ нѣвучихъ линій губъ. Онъ прикрылъ верхнюю половину лица,—поразительно похоже; вдругъ закрылъ нижнюю, прищурился, потомъ широко открылъ глаза, и кисть его смѣло опустилась на палитру и опять коснулась полотна.

Потомъ онъ попятился отъ портрета, не сводя съ него глазъ, и почувствовалъ, что сейчасъ сдѣлаетъ то, что дается такъ рѣдко даже крупнымъ художникамъ. Это артистическое прозрѣніе слилось въ немъ съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ по отношенію къ тому, что онъ задумалъ. И не то, чтобы это было такъ фатально ясно: «если удастся—да», но все же странная зависимость одного отъ другого была здѣсь.

Она съ любопытствомъ слѣдила за его движеніями, за измѣненіями его блѣднаго, вытянутаго лица, и онъ казался ей въ эту минуту почти волшебникомъ, совершающимъ колдовство.

Такъ работалъ онъ не болѣе получаса. Его возбужденное лицо поблѣднѣло. На спокойномъ лбу съ небольшой вертикальной складкой, идущей отъ носа, выступила легкая испарина.

Онъ сразу повеселѣлъ и заговорилъ, разсѣянно обращаясь то

къ оригиналу, то къ портрету, какъ будто путая ихъ или считая за одно.

— Я предчувствовалъ, что сегодня сдѣлаю, что надо... Да... да... Такъ оно и должно быть .. Ну-съ... вы не устали?..—съ ласковой заботливостью спросилъ онъ.

— О, нѣтъ. Я готова позировать вамъ еще столько же. Вѣдь я сижу такъ мало.

— О!..—удивился онъ.—А мнѣ казалось, что прошло много времени. По крайней мѣрѣ, часъ.

— Вы устали?

— Да,—отвѣтилъ онъ, вкладывая кисти въ отверстіе палитры и опуская ее на столъ. Онъ еще разъ взглянулъ въ ея лицо и сказалъ себѣ: «пора».

И вдругъ то, что представлялось ему за минуту передъ этимъ столь естественнымъ и легкимъ, встало передъ нимъ громаднымъ, какъ каменная гора. Энергія покинула его... Онъ ощутилъ такую неловкость, какъ будто его умъ и сердце сразу подмѣнили. Это не было сомнѣніе въ успѣхѣ или боязнь за свое будущее. И то и другое онъ обсудилъ спокойно и ясно. Онъ просто не зналъ, какъ приступить.

— Угодно вамъ чаю, Ирина Михайловна?—обратился онъ къ ней.

— Да. Можно мнѣ взглянуть на портретъ?

— Пожалуйста.

Горничная внесла чай и удалилась.

Вѣтвицкій взялъ чашку и сдѣлалъ глотокъ, растерянный и внутренно смущенный необычнымъ для него безпокойствомъ. Какъ солдатъ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ чувствовалъ себя храбрѣе, когда держалъ въ рукахъ палитру и кисть.

Она глядѣла на свое изображеніе и улыбалась.

— Право... Мнѣ кажется, что я смотрюсь въ зеркало. Какое счастье обладать такой способностью!

— Вы думаете, это счастье?

— Огромное счастье! Взять, у природы мгновеніе, и оставить это для себя, для людей надолго... навсегда... Вѣдь вотъ я никогда... никогда уже не буду такой, какая я сейчасъ... Такъ же и въ природѣ... Я люблю природу! Въ ней никогда не повторятся ни эти вотъ облака, точно выстрѣленныя изъ пушки, ни это небо... А вы можете во всемъ этомъ жить,—быстро обернулась она къ нему, обливая его горячимъ свѣтомъ широко открытыхъ глазъ.— Вы можете взять у природы эти облака и вдохнуть въ нихъ свою душу, и въ море, и въ небо... и въ землю...

Она съ завистью, смѣшанной съ восторгомъ, глядѣла на него.

Въ немъ еще настойчивѣе заговорило желаніе скорѣе объясниться.

Не отрицая, не оспаривая ея восторженныхъ и немного наивныхъ словъ, онъ сказалъ:

— Счастье. Быть можетъ, геній чувствуетъ себя счастливымъ въ своемъ могуществѣ, но нѣтъ. Развѣ счастливо зеркало, что отражаетъ васъ?... А мы... мы слабые осколки этого зеркала. Правда, бываютъ минуты, когда и насъ озаряютъ искорки счастья; это—когда искусство сближаетъ насъ съ природой, съ людьми. Иногда долго знакомъ съ человѣкомъ, но не знаешь его, а станешь его писать и въ какой-нибудь мигъ сразу почувствуешь близость съ нимъ. Счастье! Вотъ подъ этими стеклянными сводами я цѣлыя ночи напролетъ хожу въ темнотѣ... я... счастливецъ,—съ горькой ироніей выговорилъ онъ послѣднее слово.

Съ ея лица сразу схлынула заливавшая его волна радостнаго свѣта и она съ участіемъ и сожалѣніемъ взглянула на него.

Тогда онъ подошелъ къ ней и взялъ ея за руку. Къ нему вернулось прежнее спокойствіе; онъ просто и серьезно заговорилъ, глядя ей въ глаза:

— Видите ли... Въ эту ночь я долго не могъ уснуть и блуждалъ тамъ... по этой залѣ, какъ тѣнь. Я дожилъ до такихъ лѣтъ, когда одиночество теряетъ всю свою привлекательность, товарищество наскучаетъ и утомляетъ, и хочется близости милаго и нѣжнаго существа, семьи. И я подумалъ о васъ.

Она слушала его, опустивъ глаза, машинально поглаживая рукой собаку, которая, казалось, дремала у ея ногъ. И онъ видѣлъ, какъ въ голубой жилкѣ на ея искѣ трепетала, переливаясь кровь.

— Я не юнкеръ, не падаю передъ вами на колѣни, не говорю, что застрѣлюсь, если вы мнѣ откажете, но вы мнѣ нравитесь и, я увѣренъ, будете хорошей женой. Остальное все зависитъ отъ васъ.

Тогда она, какъ будто не вѣря себѣ, такъ это было для нея неожиданно,—подняла на него глаза, и въ нихъ онъ увидѣлъ смятеніе, сквозь которое, однако, проблескивала радость. Точно въ бассейнъ съ водой пустили свѣжую струю и все заволновалось въ немъ, чтобы, затѣмъ, успокоиться и стать еще глубже и свѣтлѣе. Вмѣсто того, чтобы двинуться навстрѣчу этой робкой, не опредѣлившейся надеждѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ сказать ей нѣсколько словъ:

— Вы не дитя, вы умны и понимаете, насколько важенъ этотъ шагъ. Я не требую отъ васъ ни страсти, ни поклоненія. Я хочу ласки и покоя. Можетъ быть, прежде всего—покоя около

близкаго человѣка, и, въ свою очередь, обѣщаю вамъ и покой, и все, что могутъ дать мои небольшія средства.

Тихій голосъ, ровно и спокойно изливавшаяся рѣчь, которой аккомпанировалъ однообразный стукъ маятника, — все это такъ не похоже было на объясненіе въ любви, такъ не соотвѣтствовало ея смутному представленію о такомъ событіи, что въ душу ея пахнуло холодкомъ и она чего-то вдругъ испугалась, но тотчасъ подумала, что вѣдь и у нея нѣтъ такой пылкой любви къ нему, о какой пишутъ въ романахъ, но онъ ей нравился, она поклонялась ему, ей, наконецъ, стало жаль его въ этомъ большомъ, немного холодномъ и неуютномъ домѣ, гдѣ такъ чувствуется отсутствіе женской ласки.

Не былъ ли онъ самымъ интереснымъ изъ мужчинъ въ томъ кругу, въ которомъ она до сихъ поръ жила? Да.

Не представлялась ли ей перемѣна жизни болѣе привлекательной и интересной, чѣмъ въ родительскомъ домѣ? Да.

Слабый, спокойный голосъ, тихіе сѣрые глаза, вопросительно и безъ тревоги на нее глядѣвшіе, какъ-то странно подчиняли ее себѣ и заставляли сказать «да». И она сказала.

Сказала и испугалась. Ей казалось, что она потеряла сразу съ этимъ «да» что-то яркое, легкое, свободное... И стало еще тревожнѣе, когда онъ тихо поднялъ ея руку къ своимъ губамъ и поцѣловалъ ее. Сартъ поднялъ морду, раскрылъ глаза и съ удивленіемъ на него взглянулъ.

Если бы вмѣсто этого почтительнаго поцѣлуя онъ схватилъ ее на руки и закружился съ ней по комнатѣ, обнявъ ее и покрывая поцѣлуями ея лицо, губы... словомъ, сдѣлалъ какую-нибудь безумную выходку,—это ощущеніе страха тотчасъ бы разсѣялось и она стала бы хохотать, вырываться и бѣгать отъ него по этимъ большимъ, свѣтлымъ, звонкимъ комнатамъ, чтобы потомъ, задыхаясь отъ смѣха и усталости, затихнуть у него на груди и, можетъ быть, заплакать веселыми, счастливыми слезами.

Но, безъ сомнѣнія, это было ребяческое желаніе. Вѣдь этотъ моментъ былъ огромной серьезности, значитъ приличествуетъ также серьезное отношеніе къ нему.

Но эта послѣдняя мысль не проникала ее глубоко, а скользнула, какъ тѣнь, по ея взволнованнымъ чувствамъ. Жизнь только начиналась, впереди лежало что-то свѣтлое, огромное, но казалось бы такое простое, что для этого страха не было причины.

Онъ, между тѣмъ, говорилъ:

— Я думаю, намъ нечего медлить со свадьбой. Сегодня—завтра я переговорю съ вашими родителями, а черезъ недѣлю—двѣ — конецъ—всему дѣлу вѣнецъ!—съ улыбкой закончилъ онъ.

Она обрадовалась этой первой за все время ихъ разговора улыбкѣ и засмѣялась.

— Вотъ мама будетъ удивлена! Она никакъ не ожидаетъ ничего подобнаго. Да и отецъ тоже.

— Полагаю, они ничего не будутъ имѣть противъ меня.

— О, конечно, нѣтъ. А если бы и имѣли? Когда меня что-нибудь влечетъ по настоящему,—мнѣ кажется—я не посмотрю ни на что.

Онъ внимательно на нее взглянулъ и мягко замѣтилъ:

— Ну, все же лучше избѣжать непріятностей.

— Разумѣется.

— Это отравляетъ покой.

— Разумѣется.

— Признаюсь, я самъ такъ подумалъ. Ну-съ... А теперь не желаете ли осмотрѣть ваши будущія владѣнія?

— О, съ радостью! Знаете, мнѣ теперь весь вашъ домъ представляется совсѣмъ другимъ, чѣмъ раньше... вчера... даже часъ тому назадъ...

— И мнѣ.

Сартъ, чуя, что произошло что-то важное, поднялся, посмотрѣлъ на свою госпожу, потомъ на Вѣтвицкаго и попробовалъ подольститься къ нему.

Но Вѣтвицкій избѣгалъ гладить собаку; ему казалось, что на рукахъ его долженъ послѣ этого остаться слѣдъ ея кожи и запахъ ея.

Тогда Ирина взяла морду Сарта и, поднявъ ее кверху, сказала только два слова:

— Сартъ! Мой Сартъ!

Вѣтвицкій подалъ ей руку.

Она направилась съ нимъ впередъ, и когда проходила мимо трюмо, ей хотѣлось остановиться передъ нимъ, состроить себѣ смѣшную гримасу, сдѣлать книксенъ и съ комической почтительностью проговорить:

— Поздравляю васъ, будущая м-me Вѣтвицкая.

Но она взглянула на него и, встрѣтивъ спокойную улыбку, сама не узнавая себя, также тихо улыбнулась.

Глава III.

«Рыцари ордена тринадцати журавлей», какъ въ шутку называли свою компанію художники, стали сходиться къ пяти часамъ. Явился маленькій Кичъ, прозванный маркизомъ, со своимъ неразлучнымъ товарищемъ, грекомъ Апостоли. Еще молодой, но съ большой блестѣвшей, лысиной, маркизъ былъ подвиженъ, горячъ

и добръ, какъ ребенокъ. Ребяческій видъ придавало ему и пристрастіе къ большимъ вещамъ. Онъ носилъ огромныя шляпы, закрывавшія его, какъ зонтъ, галстухи, концы которыхъ развѣвались по плечамъ, запонки, величиною съ блюдечки.

Поставивъ въ уголъ огромную китайскую палку, привезенную ему изъ самаго Пекина пріятелемъ, онъ воскликнулъ:

— Sapriоti! Каждый разъ, какъ я вхожу сюда, недоумѣваю, почему не я живу здѣсь, а Вѣтвицкій?

Апостоли засмѣялся, поглаживая свою курчавую, точно нагофренную бороду.

— Что смѣешься! Глупо! У моего отца былъ капиталъ разъ въ десять больше, чѣмъ у Бориса, слѣдовательно и домъ я могъ имѣть въ десять разъ больше.

— И шляпу въ десять разъ больше,—добавилъ, входя за нимъ слѣдомъ, Симоновъ, слегка взбивая свои черные кудрявые волосы и расправляя красиво подстриженные усы.

— И галстухи въ десять разъ больше.

— И запонки!

— И палку!

На перебой добавляли они съ веселымъ смѣхомъ.

— Идіоты!

— А! ты еще браниться!

И не успѣлъ Кичъ опомниться, какъ ловкій и сильный Симоновъ схватилъ его на руки, взбѣжалъ по ступенькамъ и поставилъ его на площадку, какъ куклу.

— Не хочешь ли и меня донести?—предложилъ Плотниковъ, появляясь въ дверяхъ съ этюдникомъ.

— Двугривенный конецъ!

— Получай!

Симоновъ схватилъ его и при общемъ смѣхѣ втащилъ на площадку.

— Покажи этюдъ!—обратился онъ къ товарищу, получивъ двугривенный.

— Ну, что тамъ!..

— Не ломайся... Показывай!

Онъ безъ церемоніи взялъ изъ рукъ Плотникова ящичекъ и раскрылъ.

Запахло краской и свѣжимъ масломъ. Апостоли и Кичъ подошли также и глядѣли на маленькую дощечку.

— Чудо!—воскликнулъ восторженный Симоновъ.—Прямо поцѣловалъ бы эту волну, если бы губы не боялся испачкать. Дай я тебя за это поцѣлую!

И онъ чмокнулъ Плотникова въ его топорщившіеся усы.

— Дѣйствительно славно!—подтвердили Кичъ и Апостоли.

— Чудо! Чудо!..

— Ну, пошелъ!..

Плотниковъ застѣнчиво улыбнулся и искоса взглянулъ на картинку.

— Давай мѣняться! Я тебѣ дамъ великолѣпную чучелу орла... Недавно сдѣлалъ. А ты мнѣ этотъ этюдъ. Или продай... — Не унимался Симоновъ.

Апостоли хлопнулъ его по плечу.

— Вотъ цыганъ!

— Да возьми такъ, чортъ съ тобой!

У Симонова загорѣлись глаза. Онъ еще разъ бросился на шею Плотникову и расцѣловалъ его.

— Милый! Спасибо! Въ золотую раму вставлю!

Апостоли покрутилъ свою курчавую бороду и укоризненно посмотрѣлъ на Плотникова.

— Да вѣдь тебѣ за эту вещь любой оселъ, лавочникъ, четвертную бы далъ.

Плотниковъ пренебрежительно махнулъ рукой.

— А-а...

Онъ весьма щедро раздавалъ свои вещи направо и налѣво, а въ глубинѣ души удивлялся, за что это люди платятъ ему такія большія деньги. Для него лично эти кусочки холста, правда, имѣли огромную цѣну, но совсѣмъ не денежную. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ пришелъ сюда изъ деревни, гдѣ зналъ настоящій трудъ, который оплачивался грошами. А это развѣ трудъ? Хотя, тутъ было меньше пота, но больше мученій. Зато и счастье ни съ чѣмъ не сравнимое, и это счастье давала природа, съ которой онъ сжился. Едва почувствуетъ новую черточку въ ней, новое броженіе, и пошелъ съ этюдникомъ. Плутаетъ, высматриваетъ, и счастливъ отъ этихъ скитаній. Рѣдко, рѣдко напишетъ что-нибудь и самъ подсмѣивается надъ мимолетными мазками, а потомъ мучится, воспроизводя въ картинѣ, стараясь передать ту радость, которую онъ переживалъ, когда любовался этимъ въ природѣ.

Схвативъ этюдъ, Симоновъ затанцовалъ съ нимъ отъ восторга.

Горничная, привыкшая ко всякаго рода дурачествамъ художниковъ, безъ удивленія, но съ улыбкой смотрѣла на эту суету, то и дѣло отворяя двери вновь и вновь входящимъ.

Переступая порогъ, они приносили съ собой смѣхъ, шутки и отличный аппетитъ.

— Ну, что же твой скульпторъ запоздалъ?—обратился Вѣтвицкій къ Полозову, когда всѣ уже были въ сборѣ.

— Какой скульпторъ!?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Лосьевъ. Онъ только что вернулся изъ Парижа.

— Лосьевъ!
— Лосьевъ здѣсь!
— Интересно повидать его!
— Онъ былъ славный малый.
— И хорошій товарищъ.
— И талантъ.
— Надолго онъ?
— Говорятъ — до осени.

Большинство училось вмѣстѣ съ Лосьевымъ. Гурьбой спускаясь внизъ, они продолжали о немъ бесѣдовать, когда навстрѣчу имъ, прыгая черезъ нѣсколько ступенекъ, поднималась невысокая, но сильная, будто литая фигура новаго гостя.

При видѣ ихъ, онъ внезапно остановилъ ногу на ступенькѣ и, выпятивъ грудь и уперевъ руку въ бокъ, поднялъ гордо и крѣпко поставленную голову, на минуту прищурясь, окинулъ ихъ быстрымъ, горячимъ взглядомъ и сразу узналъ всѣхъ. Что-то вспыхнуло съ обѣихъ сторонъ, переплелось, улыбнулось изъ далекаго прошлаго и оживило ихъ очарованіемъ и нѣжностью дѣтства и ранней юности. Глаза его засмѣялись раньше, чѣмъ онъ самъ воскликнулъ со смѣхомъ:

— О, какъ вы всѣ постарѣли! Какъ вы постарѣли! Но я васъ узналъ! Всѣхъ узналъ! Стойте.

И свободными движеніями руки, указывая то на одного, то на другого, онъ сталъ называть ихъ по фамиліямъ и прозвищамъ.

— Ты, хмурый, — Соловковъ. Ты—лукавый Апостоли. Ты, вѣчно задумчивый—Перовскій. Влюбчивый Бугай. Дитя природы—Плотниковъ. Маркизъ... Марченко! Баронъ! Вѣтвицкій!..

Увидѣвъ незнакомую ему худощавую фигуру поэта Полунина, онъ на минуту осѣкся. Ихъ представили. Лосьевъ сдержанно протянулъ ему руку. Поэтъ подалъ свою съ нѣсколько старомоднымъ, но идущимъ къ нему поклономъ.

— А это кто? Симонеско! «Милая чайка! Какъ бы хорошо изъ нея чучело набить!» вдругъ воскликнулъ онъ мечтательно пѣвучимъ голосомъ, подражая Симонову, у котораго помимо живописи, была страсть набивать чучелы, и разразился радостнымъ сильнымъ смѣхомъ, отъ котораго чуть-чуть кривился его ровный прямой носъ.

Онъ переходилъ изъ однихъ объятій въ другія, опять повторяя:

— Какъ вы постарѣли! Какъ вы постарѣли!

— Ну, и ты не помолодѣлъ,—отвѣтилъ ему Соловковъ!

— Нѣтъ, я молодъ! Я молодъ! Мнѣ все еще восемнадцать лѣтъ, а не тридцать четыре. Только восемнадцать. Я чувствую это всѣмъ своимъ тѣломъ. Ну, какъ я радъ, что вижу васъ,—

сыпалъ онъ слова, и въ легкихъ морщинкахъ его около глазъ, дѣйствительно дрожала свѣжесть и сила молодости.

Тринадцать лѣтъ разлуки точно волна смыла. Онъ сразу почувствовалъ, что попалъ въ свою среду и они узнали въ немъ своего.

— Перовскій!.. Ты женатъ... У тебя пять дѣтенятъ... Ракета!— обратился онъ къ высокому худому Вирту, который и въ школѣ былъ уже такъ прозванъ за ростъ, а за необыкновенную деликатность—барономъ.

— А ты холостъ?

— Я? Да! Разумѣется. Жениться, это то же, что купить себѣ клочокъ земли и посадить на немъ себя и помидоры. Зачѣмъ я буду обзаводиться такой собственностью, когда есть огромная земля... вся природа!..

— Эка, у тебя какая жадность!—замѣтилъ Соловковъ.

— Да, жадность!—глаза его снова съузились при этомъ, какъ глаза охотника во время прицѣла.—Жизнь такъ мала, такъ страшно мала, а у меня всего только пара глазъ, пара губъ, рукъ, одно сердце и одна молодость. А у тебя хорошо! Ты со вкусомъ устроился,—неожиданно перепрыгнулъ онъ къ другому, заглядывая въ залу, и, случайно коснувшись рукой бронзовой статуэтки, еще не взглянувъ на нее какъ слѣдуетъ, вскользь замѣтилъ:

— Танагра. Недурная вещь. А покажи мнѣ твои работы.

Вѣтвицкій, немного ошеломленный этимъ потокомъ словъ и этимъ «ты» послѣ многолѣтняго перерыва, тѣмъ не менѣе согласился.

— Хорошо. Вы голодны и идите въ столовую. Мы сейчасъ, я только покажу свою послѣднюю работу,—обратился онъ къ товарищамъ.

Ему интересно было показать новому и свѣжему человѣку портретъ Ирины. Онъ повелъ его въ мастерскую и, открывая полотно, почувствовалъ волненіе ожиданія.

Скульпторъ какъ-то втянулъ голову въ плечи и впился въ портретъ глазами.

— Кто она такая?—не отрывая глазъ спросилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, пробормоталъ:

— Славная голова! Эти глаза... губы... Они никогда не лгутъ!

Чтобы предупредить какое-нибудь легкомысленное замѣчаніе Вѣтвицкій значительно, но не совсѣмъ спокойно поспѣшилъ сказать.

— Это моя невѣста.

— А-а... Поздравляю...—протянулъ тотъ, во всѣ глаза глядя на художника.—Портретъ очень похожъ.

— А вы съ ней знакомы?

Это «вы» сорвалось у него случайно, онъ даже хотѣлъ исправить, но оно опредѣляло сразу тонъ ихъ дальнѣйшихъ отношеній.

— Нѣтъ... Но... Вамъ удалось... Сходство съ оригиналомъ всегда чувствуется...

Онъ продолжалъ вглядываться въ портретъ, а лицо его сразу какъ будто погасло и оттого постарѣло.

Вѣтвицкій уловилъ выраженіе его глазъ и странныя, невольныя движенія, которыя тотъ дѣлалъ пальцами.

— Мнѣ кажется портретъ немного вяло вылѣпленъ,—спокойно замѣтилъ онъ, угадывая значеніе этихъ движеній.

— Да... да!—облегченно подхватилъ Лосьевъ.—Этому лицу нужна болѣе сильная лѣпка. Вотъ какъ у Родена. Тутъ должна быть... какъ бы это сказать?.. завершенность, но не законченность. Въ этомъ лицѣ много... много... съ особеннымъ удареніемъ произнесъ онъ послѣднее слово.—Какъ ея фамилія?

— Падарина.

— Сестра Николая Падарина?

— Да.

— Вѣтвицкій задернулъ портретъ и они направились внизъ.

Тамъ стоялъ отлично сервированный столъ съ цвѣтущими гіацинтами по срединѣ. Солнце плескалось въ окна сильными струями свѣта, дрожало въ хрусталѣ и цвѣты впивали въ себя его струи, которыя какъ-то особнякомъ держались отъ запаха закусокъ и винъ.

Художники всѣ сидѣли вокругъ стола. Хозяинъ предложилъ Лосьеву мѣсто рядомъ съ собою. Онъ заговорилъ съ нимъ о Парижѣ, о послѣднемъ салонѣ.

— Вотъ Андрей,—указалъ онъ на Полозова,—на чемъ свѣтъ бранитъ нынче Парижъ.

— Дрянь!—лаконически отозвался тотъ.—Въ салонѣ нечего смотрѣть. Полный упадокъ.

— Ну, что бы тамъ ни говорили объ упадкѣ, въ искусствѣ Франція все же останется впереди другихъ странъ.

— Именно, «останется впереди»,—подчеркнулъ его выраженіе Полозовъ и пренебрежительно добавилъ:—французская живопись извихлялась. Всѣ новшества теперь не идутъ далѣе мебельныхъ лавокъ и фронтонныхъ украшеній.

— Ну, это ты черезчуръ. Одинъ Гастонъ Ла-Тушъ чего стоитъ.

— А—Симонъ!

— А—Бенаръ!

— А—Котя, Менаръ!

— Чепуху онъ несетъ, чертъ его подери.

Лосьевъ не особенно отстаивалъ живопись; втайнѣ онъ глядѣлъ на живописцевъ, какъ на выдумщиковъ, костюмеровъ при-

роды, украшающихъ ее сообразно съ своимъ вкусомъ, но о скульптурѣ онъ говорилъ съ жаромъ. Вообще онъ былъ убѣжденъ, что скульптура меньше подвержена колебаніямъ, чѣмъ живопись, потому что тѣснѣй связана съ природой, можно сказать, нераздѣльно слита съ ней.

— Вы очень часто повторяете слово «природа»,—вскользь замѣтилъ Вѣтвицкій.

— Да!—подтвердилъ тотъ, и въ глазахъ его вспыхнуло что-то фанатическое.

— Это, повидимому, ваше любимое слово—природа?

— Не только слово. Природа!—повторилъ онъ, какъ будто это было самое дорогое для него имя. И, глядя куда-то впередъ, улыбаясь всѣмъ лицомъ, отчего морщинки около его глазъ снова задрожали молодостью, продолжалъ:—природа! Это единственный источникъ всякаго творчества, художникъ долженъ сливаться съ ней, какъ съ любимой женщиной и, вмѣстѣ съ ней, творить ея подобіе.

Всѣ ожидали, что Вѣтвицкій вступитъ съ нимъ въ споръ. Отъ него ждали оригинальныхъ мыслей, тонкихъ замѣчаній. Онъ не любилъ говорить лишнихъ словъ, говорилъ спокойными короткими фразами, за которыми чувствовался аристократическій, немного холодный умъ. Онъ разсѣянно цѣдилъ вино сквозь зубы, не касаясь влагой тонкихъ приподнятыхъ усовъ и скульпторъ, видимо, слегка задѣтый его молчаніемъ, продолжалъ страстно говорить:

— Для любящаго и преданнаго природѣ художника, въ ней все откровеніе. Я не могу видѣть дерева, камня, краснаго лица, чтобы у меня не явилось неудержимаго желанія коснуться его вотъ этими руками.

— Ахъ, у меня относительно красивыхъ лицъ, женскихъ конечно, то же самое!—раздался въ дверяхъ голосъ.

Это сказалъ Падаринъ, братъ Ирины, очень на нее похожій, но съ близорукими глазами и маленькими, какъ у женщины, руками.

Лосьевъ съ особенной живостью поднялся навстрѣчу и расцѣловался съ нимъ. Онъ мелькомъ только слышалъ, какъ Плотниковъ возражалъ ему съ раздувающимися ноздрями.

— Позвольте! Я не согласенъ! Природа прескверная учительница и никакихъ откровеній въ ней нѣтъ. Это только матеріалъ, которымъ мы пользуемся, совсѣмъ нисколько не подражая ей.

— Вотъ еще, затѣяли канительный споръ о природѣ,—прервалъ ихъ Падаринъ.—Бросьте къ шуту эту философію. Раскажи мнѣ лучше, какъ ты и что?—живо обратился онъ къ Лосьеву.—Потолстѣлъ... Здоровый сталъ какой... Читалъ, братъ, читалъ о твоемъ успѣхѣ. Ну, давай чокнемся!

— Я не пью водки. Чокнусь виномъ.

— Ну-у?.. Пей водку. Дойдемъ до вина.

— Отвыкъ въ Парижѣ отъ водки.

— У насъ будешь пить. Мы всѣ пьемъ. Это хорошо... я радъ, что вижу тебя... Ты, конечно, будешь на нашихъ субботахъ? Вступишь въ нашъ орденъ?

— Съ наслажденіемъ.

— Къ сожалѣнію, у меня эта суббота послѣдняя,—неожиданно заявилъ Вѣтвицкій, и, несмотря на то, что онъ сказалъ эту фразу негромко, всѣ услышали ее и вопросительно, даже тревожно на него взглянули.

— Есть обстоятельства, господа... Вы ихъ узнаете завтра—послѣзавтра, которыя меня заставляютъ отмѣнить субботы. Мы перенесемъ ихъ куда-нибудь въ ресторанъ и это, конечно, нисколько не нарушитъ ни ихъ характера, ни нашихъ отношеній.

Заявленіе его ошеломило ихъ. Они не стали разспрашивать о причинѣ. Но, повидимому, догадывались о ней, а у нѣкоторыхъ скоро эта догадка превратилась въ увѣренность. Лосьевъ былъ удивленъ тѣмъ, что онъ, скрывая причину отъ нихъ, сообщилъ ему. Всѣмъ сразу стало обидно и грустно. Они подливали и подливали въ свои стаканы вино, но и оно какъ-то мало возбуждало ихъ. Всѣ будто боялись замолчать, хоть на минуту, и когда нѣсколько напряженный разговоръ сталъ глохнуть, самый неразговорчивый изъ художниковъ Бугаевъ неожиданно пробасилъ:

— Н-да-а...

Чувствовалась явная потребность какъ-нибудь разрядить атмосферу, и потому въ концѣ обѣда Перовскій, поднялся и сказалъ, касаясь рукой стакана:

— Товарищи!

Онъ наклонилъ свою крупную тяжелую голову, прищурясь посмотрѣлъ въ вино, помолчалъ и обвелъ всѣхъ тусклымъ, печальнымъ взглядомъ.

— Шесть лѣтъ мы каждую субботу собирались тутъ... Ну-у!.. Въ эти шесть лѣтъ мы жили... кто—какъ... Успѣли жениться... наплодить дѣтей. Что толковать, невеселая у многихъ изъ насъ жизнь: учительство... уроки... служба... но здѣсь какъ-то забывалось все. Мы всѣ чуть не съ дѣтства знаемъ другъ друга, и эти встрѣчи наши объединяли насъ воспоминаніями прошлаго, поэзіей молодого веселья, которое право, мнѣ кажется, какъ вино, съ годами становилось крѣпче и опьяняло насъ.

Онъ улыбнулся своей застѣнчивой, трогательной улыбкой, какъ бы сконфуженный самъ своимъ неожиданнымъ сравненіемъ, и, тряхнувъ головой, продолжалъ:

— Ну... Право... Сейчасъ вотъ... я точно въ первый разъ почувствовалъ, что у меня уже есть морщины и сѣдые волосы.

Вѣроятно, и вы всѣ тоже. Поблагодаримъ же, товарищи, Бориса за то, что онъ далъ намъ возможность столько лѣтъ не чувствовать или, по крайней мѣрѣ, забывать здѣсь объ этомъ.

Онъ неловко потянулся къ Вѣтвицкому со стаканомъ, который замѣтно дрожалъ въ его рукѣ. За нимъ всѣ встали, тяжело отодвигая стулья. Вѣтвицкій, поблѣднѣвшій отъ волненія, расцѣловался съ нимъ. Задребезжали и жалобно зазвенѣли бокалы.

— Н-да-а...—опять мрачно пробасилъ Бугаевъ.

Затѣмъ сталъ говорить быстроглазый, восторженный Симоновъ. Онъ высоко поднялъ свой бокалъ и со своей мальчишеской улыбкой весело возгласилъ высокимъ тономъ:

— Господа!

— Ну, и здѣсь обрадовался!—проворчалъ Соловковъ.

— Я не вижу причины приходить въ уныніе отъ того, что намъ приходится перемѣнить мѣсто, но тѣмъ не менѣе съ глубокой благодарностью присоединяю свой тостъ къ тосту Перовскаго. А затѣмъ... Господа! Пока орденъ тринадцати журавлей будетъ вѣренъ своему девизу: «лучше журавль въ небѣ, чѣмъ синица въ рукахъ», ни сѣдина, ни морщины не состарятъ насъ. Тотъ, кого молодитъ искусство, не зависитъ отъ времени. Дружно слѣдуя одинъ за другимъ, мы полетимъ, разсѣкая воздухъ, противъ вѣтра и непогодъ къ теплу и свѣту, которыми питается наше искусство. За единодушную и нераздѣльную молодость! За Бориса, который былъ нашимъ передовымъ журавлемъ!

Онъ такъ рѣшительно поднялъ стаканъ, что плеснулъ виномъ на волосы Лосьева и находчиво замѣтилъ вскользъ.

— Пусть будетъ это для тебя посвященіемъ въ нашъ орденъ.

Его тостъ подхватили съ оживленіемъ и опять стали чокаться съ Вѣтвицкимъ.

Полунинъ также поднялся съ спокойнымъ, значительнымъ, нѣсколько топорнымъ лицомъ и отрывистыми, отточенными фразами сказалъ свою рѣчь: это была благодарность «журавлямъ» за то, что они приняли его, человѣка, сторонняго живописи, въ свой орденъ.

— Я много обязанъ вамъ. Вы научили меня по своему разбираться въ краскахъ, видѣть особенно тонко и ясно цвѣтъ лица природы. Я не забуду той радости, которая охватила меня, когда я въ первый разъ замѣтилъ, какъ прозрачно лилово-золотиста была тѣнь отъ боченка на пескѣ. Помнишь, Перовскій,—обратился онъ къ сосѣду, опустивъ ему худую руку на плечо,—это ты открылъ мнѣ, и это меня такъ обрадовало, какъ будто у меня катаракту сняли съ глазъ.

— Да, чудакъ!—тронутый этимъ воспоминаніемъ, подхватилъ Перовскій. — Знаете, господа, онъ сталъ улыбаться, какъ будто глядѣлъ въ глаза любимой женщинѣ.

— О, я чувствовалъ себя счастливымъ!

— И, наконецъ, чудакъ! Съ своей торжественной фигурой всталъ на колѣни и поцѣловалъ эту тѣнь на пескѣ.

— Браво!—вырвалось у Лосьева.

— Браво!—подхватили художники.

Плотниковъ, возбужденный виномъ и рѣчами, давно ужъ теръ переносицу и хмурилъ брови, повидимому, тоже собираясь сказать свое. Ему было что сказать Вѣтвицкому и всѣмъ товарищамъ. Не они ли поддержали его, когда онъ чуть не босой явился сюда изъ деревни учиться живописи!

И Плотниковъ неловко поднялся, ни на кого не глядя, дергая длинную кисточку волосъ подъ нижней губой. Но когда Симоновъ зазвенѣлъ ложечкой о стаканъ, призывая къ вниманію, и всѣ умолкли, глядя на Плотникова, тотъ сразу растерялся, даже поблѣднѣлъ и у него не только усы стали еще болѣе топорщиться, но даже и вихры на темени.

— Братцы!—началъ онъ и самъ не узналъ своего голоса.— Я тоже хотѣлъ сказать два слова Борису и вамъ.

Онъ облизалъ губы сухимъ языкомъ.

Тишина, наступившая вслѣдъ за его фразой, обязывала, какъ ему представлялось, къ особенно торжественной рѣчи, и это такъ его напугало, что онъ сразу забылъ всѣ нужныя слова.

Кисточка нервно задергалась надъ губой. Глаза товарищей, вопросительно на него устремленные, пугали его диковатую застѣнчивость.

Онъ покраснѣлъ до самыхъ глазъ и поспѣшно забормоталъ книжнымъ языкомъ:

— Я хотѣлъ выразить тѣ чувства...

Во рту у него стало сухо, какъ въ Сахарѣ, и языкъ прилипалъ къ небу.

Онъ опять замялся. Пауза окончательно задушила его рѣчь... «Навѣрное, меня теперь всѣ они считаютъ за идіота!» подумалъ онъ, забывъ, что все это были пріятели, которые знали его со всѣмъ его чуткимъ, благороднымъ умомъ и ребяческой застѣнчивостью.

Онъ жалко улыбнулся, безнадежно махнулъ рукой и хриплымъ, осѣвшимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, васъ, черти... Ничего не могу сказать... всѣ слова утонули.

Взрывъ хохота и криковъ привѣтствовалъ Плотникова. Самъ Вѣтвицкій, смѣясь, подошелъ къ нему чокаться... Скоро эта милая исторія была забыта, но Плотниковъ долго не могъ успокоиться и, сторонясь отъ товарищей, мысленно говорилъ самыя трогательныя и смѣлыя рѣчи, въ то же время проклиная себя за свою дикость.

Другіе говорили рѣчи и тосты, трогательные и смѣшные, остроумные и сердечные.

Была одна минута, когда Вѣтвицкій едва не прослезился размякшій отъ вина и этихъ дружескихъ рѣчей, но взглянувъ на Лосьева, замѣтилъ странно насмѣшливое выраженіе въ его глазахъ и, вмѣсто отвѣтной рѣчи, коротко поблагодарилъ товарищей и сталъ обниматься съ ними.

Виртъ вдругъ затянулъ: «Hoch soll er leben!»

Остальные подхватили и нестройно, но громко и съ большимъ воодушевленіемъ трижды пропѣли хозяину это нѣмецкое привѣтствіе, потомъ армянское «мравалжаміе» и, наконецъ, «многія лѣта».

Обыкновенно послѣ обѣда они оставались у него долго, нерѣдко до разсвѣта, не обращая вниманія на то, что, вѣрный своему режиму, онъ шелъ ровно въ одиннадцать часовъ спать, но тутъ какъ-то настроеніе не клеилось. Не одушевляли и анекдоты, на которые были такіе мастера Симоновъ и Виртъ. Даже сцены изъ кошачьей жизни, которыя съ поразительнымъ мастерствомъ и наблюдательностью изображалъ Соловковъ, не такъ смѣшили, какъ всегда.

Простодушный и искренній Бугаевъ первый высказался въ сторонѣ со своей почти дѣтской наивностью:

— Н-да-а... Собирались, собирались шесть лѣтъ подрядъ каждую субботу и вдругъ отставка.

— Что ты вздоръ городишь, какая тамъ отставка!—остановилъ его Плотниковъ.

— А что же? Женится, такъ товарищей всѣхъ гонитъ.— съ горькимъ разочарованіемъ произнесъ онъ.

— Кто женится? На комъ?—вступился Николай.

— Ну, будто ты не знаешь?

— Ей-Богу не знаю.

— Да на сестрѣ твоей—Борисъ.

Николай даже подпрыгнулъ отъ удивленія.

— Ловко! Ай-да Инка! Ха-ха-ха!—разразился онъ смѣхомъ.— Неужели это правда?

— Тс...—остановилъ его маркизъ, завидѣвъ въ другой комнатѣ Вѣтвицкаго.

— П... позвольте господа!—заикаясь, обрушился на нихъ баронъ. Если хотите, собственно говоря, неловко объ этомъ толковать, разъ онъ самъ находитъ нужнымъ молчать покуда.

— Нѣтъ, я пойду сейчасъ спрошу его.

— Но его остановили.

— У всѣхъ на душѣ было въ родѣ того, какъ у Бугаева. Всѣ какъ будто считали себя чѣмъ-то обманутыми.

— Послушайте, господа,—обратился къ нимъ Лосьевъ.—Вмѣ-

сто того, чтобы обѣдать въ слѣдующую субботу въ какомъ-нибудь, трактирѣ, предлагаю вамъ собраться у меня. Я еще не вполнѣ устроился и потому приглашаю васъ не завтра и не послѣзавтра. Черезъ недѣлю, надѣюсь, моя квартира будетъ болѣе или менѣе готова.

— Что жъ, отлично...—отозвались нѣкоторые голоса. Но барону, Перовскому и Полунину это показалось чѣмъ-то вродѣ измѣны. Они нерѣшительно мялись, не давая опредѣленнаго отвѣта.

— Какого чорта ломаетесь! — напрямки обратился къ нимъ Николай. — Онъ первый намъ измѣнилъ. Его бы, собственно говоря, судить за это слѣдовало.

Орденъ журавлей имѣлъ свой судъ. Провинившагося ставили въ кругу посреди журавлей, а тѣ, держась другъ за друга, окружали его, стоя на одной ногѣ. Прокуроръ и защитникъ должны были обмѣняться рѣчами за время, которое судьи могли выстоять такимъ образомъ. Виновный обыкновенно присуждался къ денежному штрафу, который шелъ на угощеніе товарищей.

Лосьевъ былъ нѣсколько смущенъ возраженіями барона и другихъ. Недаромъ онъ воздержался отъ этого предложенія тотчасъ послѣ заявленія Вѣтвицкаго о прекращеніи у него субботъ.

— Да что вы, индійскія вдовы, что ли?—бросилъ имъ въ насмѣшку Симоновъ.

— Въ чемъ дѣло?—обратился къ нимъ Вѣтвицкій, появляясь въ дверяхъ.

— Да, вотъ, Лосьевъ предлагаетъ въ слѣдующую субботу собраться у него.

— Д-а... Ну, что же?

— Конечно, мы согласились. По крайней мѣрѣ, не сразу въ кабакъ изъ этой обстановки.

Онъ взглянулъ на Лосьева, они встрѣтились глазами, и Вѣтвицкій не выдержалъ его взгляда. Онъ ничего не сказалъ на эти слова, повернулся и, заложивъ за спину руки, отошелъ отъ нихъ.

Всѣмъ стало неловко. Даже Бугаевъ растерянно началъ потирать руки.

— Знаете, господа, не двинуть ли намъ на воздухъ? — вывелъ ихъ изъ этого напряженнаго состоянія Плотниковъ.—Вечеръ славный! Пойдемте шататься.

Всѣ встрѣтили это предложеніе съ единодушной готовностью.

Вѣтвицкій отказался.

— Я утомленъ. Спасибо.

— Но прогулка освѣжитъ тебя.

— Нѣтъ, я долженъ отдохнуть. Вѣдь я не вы.

И онъ повторилъ то, что сказалъ утромъ Полозову:

— Я родился, какъ бабочка, въ коконѣ, въ ватѣ, и нити, оставшіяся на моихъ крыльяхъ, мѣшаютъ мнѣ летать, какъ летаете вы.

Глава IV.

Когда тяжелая дубовая дверь затворилась за ними, и свѣжій воздухъ яснаго апрѣльскаго вечера облилъ всю эту разгоряченную толпу веселой, хмельной волной, всѣмъ сразу стало какъ-то легче.

Зеленовато-блѣдное влажное небо казалось совсѣмъ близко и первая звѣзда точно вылилась изъ его глубины. Тонкія сухія льдинки покрывали кое-гдѣ лужицы и на нихъ весело было наступать и слышать ихъ легкій фарфоровый трескъ. Слѣдки по грязи остеклянѣли, мокрые камни мостовой поблескивали отъ свѣта фонарей, и стукъ лошадиныхъ копытъ по нимъ звучалъ по весеннему, полнозвучно и бодро.

Вобравъ въ себя широкой богатырской грудью цѣлую волну воздуха, Бугаевъ глубокимъ, шумнымъ вздохомъ выпустилъ ее обратно и, съ розмаха стукнувъ себя ладонью въ грудь, первый воскликнулъ:

— Можно еще жить на свѣтѣ!

— Можно еще жить на свѣтѣ! – съ чувствомъ подхватили товарищи, горячо и весело обмѣниваясь восклицаніями, расправляя свои руки и почти инстинктивно дѣлая движенія, вызванныя весенней истомой и раздраженіемъ, которое носилось въ воздухѣ.

Подмѣтивъ это въ себѣ и другихъ, Лосьевъ сказалъ:

— Не напоминаемъ ли мы сейчасъ птицъ, домашнихъ птицъ. Онѣ давно разучились летать, но въ иныя минуты чувствуютъ безпокойство въ крыльяхъ, шевелятъ ими и вытягиваютъ шеи... Такъ бы и полетѣли!

— А что-жъ, это вѣрно!—подтвердилъ Перовскій.—Мы еще молоды и, значитъ, немножко дики.

— Не сыграть ли намъ по этому случаю въ гуси-лебеди?—смѣясь, предложилъ Николай.

— Ты и безъ того гусь лапчатый.

Полунинъ взялъ Перовскаго подъ руку и тихо сказалъ ему:

— А вѣдь хорошо, братъ.

— Хорошо, братъ!—растроганно повторилъ Перовскій.

Худощавое, вдумчивое лицо Полунина сдѣлалось серьезнымъ, почти строгимъ, и онъ глуховатымъ голосомъ, какъ бы про себя сталъ декламировать свои новые стихи:

Мнѣ грустно въ эти вечера, родная.
Весенній трепетъ чувствуя во всемъ,

Моя душа, усталая, больная,
Какъ птица, бьетъ надломленнымъ крыломъ.
Летѣть бы вдаль, гдѣ не было страданья,
Гдѣ стаи птицъ порхаютъ и поютъ.
Пусть счастья нѣтъ, живутъ воспоминанья,
Пусть нѣтъ любви,—мечты о ней живутъ.

Бугаевъ, по обыкновенію опережая всѣхъ въ своей старенькой крылаткѣ съ развѣвающимися полами, постукивая простой палкой о панель, остановился и крикнулъ:

— Куда же мы двинемъ теперь?

— Пойдемте къ Марченко, господа. Марченко! Приглашаешь въ свой погребокъ?—обратился къ нему Симоновъ.

— Ну, само собой.

— У Марченко великолѣпное вино! — пояснилъ Лосьеву Николай.

— Къ чорту вино!—остановилъ его Плотниковъ.—Этотъ воздухъ лучше всякаго вина.

— Наконецъ, собственно говоря, если хотите, свинство злоупотреблять любезностью Марченко, — поддержалъ Плотникова щепетильный баронъ.—П-по... нимаете...—заикаясь, пустился онъ пояснять Лосьеву,—Марченко открылъ погребъ винъ для продажи, а мы повадились къ нему чуть не каждый день и опиваемъ его. Н...неудобно!

— Всѣхъ посѣтителей разогнали! — со смѣхомъ прибавилъ Николай.

— А кто ему велѣлъ открывать винный погребъ? Точно онъ не зналъ, что орденъ тринадцати журавлей приверженъ къ вину.

— Это онъ изъ любви къ искусству!

Марченко только добродушно ухмылялся въ свои хохлацкіе усы.

— Видите ли,—не то подсмѣиваясь надъ собой, не то серьезно объяснилъ Лосьеву Марченко,— я такъ думалъ: скверно, когда приходится видѣть въ искусствѣ средство для существованія...

— И Марченко хотѣлъ разбогатѣть отъ вина, чтобы работать на свободѣ. Затратилъ на винный погребъ свои десять тысячъ.

— Молчи, цыганъ!—шутливо прикрикнулъ тотъ на него.

— Господа!—предложилъ Николай. Давайте, сдѣлаемъ рекламу вину Марченко. Будемъ шататься по всѣмъ ресторанамъ и требовать:

— Вина Марченко!

— Нѣтъ вина Марченко!—Я уже спрашивалъ у Маевскаго и у Кольцова,—басомъ отозвался Бугаевъ.

— Знаю, что нѣтъ. А ты бы сейчасъ кулачищемъ объ столъ двинулъ и разыгралъ сцену: «Какъ нѣтъ вина Марченко? У всѣхъ

есть, а у васъ нѣтъ! Нога моя больше у васъ не будетъ!..» схватилъ шапку и въ другой.

— И въ другомъ нѣтъ вина Марченко. Ни въ какихъ ресторанахъ нѣтъ вина Марченко!—стоялъ на своемъ Бугаевъ.

— Тьфу!—возмутился Николай.—Ну, вотъ и говори съ нимъ! Бугай, такъ Бугай и есть!

Эта сцена вызвала веселый смѣхъ. Товарищи нашли рекламу Николая остроумной и рѣшили какъ-нибудь, сговорившись заранѣе, обойти всѣ мѣстные рестораны и поочередно эту сцену разыграть вездѣ.

— За это васъ стоитъ угостить виномъ Марченко!—отозвался хохолъ.

Но всѣ рѣшительно запротестовали.

— Въ такой вечеръ, да лѣзть въ погребъ!

— Какіе же мы художники, если такъ!

— Еще успѣемъ подъ землю попасть, а нынче и земля хороша.

— Въ паркъ, джентльмены!

— Въ паркъ, синьоры!

— Въ паркъ, сэры!

— И шумная гурьба двинулась къ парку, занимая весь тротуаръ, такъ что топотъ тринадцати паръ ногъ гулко раздавался въ воздухѣ, заставляя надрываться собакъ, выскакивавшихъ изъ воротъ и мгновенно скрывавшихся отъ веселыхъ криковъ и свистковъ.

Они перебрасывались восклицаніями и шутками, останавливались среди улицы къ удивленію прохожихъ; спорили и толкали другъ друга.

У Лосьева не выходилъ изъ головы портретъ Ирины. Онъ не безъ умысла держался около Николая, заговаривая съ нимъ о томъ, о семъ, явно ища сближенія. Перескакивая въ бесѣдѣ съ одного предмета на другой, они заговорили о прошломъ.

— Николай, я забылъ, за что тебя турнули изъ гимназіи? — обратился къ нему Лосьевъ.

— Э! За что! Развѣ ты не помнишь. Директоръ оставилъ меня безъ обѣда и я былъ запертъ въ зоологическій кабинетъ.

— Да, да... Ну!..

— Ну, и я ободралъ надписи со всѣхъ птицъ и звѣрей...

— А вмѣсто нихъ наклеилъ свои собственныя...

— Да... На зайца—«надзиратель Куролѣсовъ», на обезьяну «инспекторъ», на попугая—«учитель латинскаго языка, чехъ Брешко», а на крокодила—«директоръ 3-й гимназіи Берманъ». Крокодила я кромѣ того изуродовалъ...

Лосьевъ заливался смѣхомъ.

— Да, да... Теперь помню... А помнишь ты нашего нѣмца Гессе? И Лосьевъ сталъ ловко передразнивать нѣмца:

— «О Патаринъ! Мои волесы встаютъ на дыбы отъ вашихъ шалесть...»

— Ха-ха-ха!.. Онъ все просилъ поправлять его, когда ошибается... Ну и поправляли же мы его!

— Бѣдный нѣмецъ! Онъ былъ славный малый...

— Помню, онъ одинъ разъ говоритъ: «Патаринъ... задверите дверь», я говорю: «Надо сказать: затворите, а не задверите, Богданъ Васильевичъ», а онъ мнѣ на это: «Нѣтъ, плютишка, теперь вы меня не обманійтъ. Дверь,—значитъ за-двер-ите».

И они опять смѣялись, глядя другъ на друга и узнавая въ возмужавшихъ лицахъ дѣтскія черты, освѣженныя воспоминаніями.

Но вотъ Лосьевъ насторожился, поймавъ имена Вѣтвицкаго и его невѣсты.

— Какъ хотите, неожиданно,—сказалъ Апостоли,—а вѣдь онъ все скрылъ отъ насъ.

— А что же, тебя спрашивать объ этомъ?

— Молодецъ Борисъ! Красивая натура чортъ побери!

— Ничего я не нахожу въ ней красиваго,—возсталъ братъ. Дѣвчонка и больше ничего.

— Вотъ тебѣ разъ! — со смѣхомъ откликнулся Полозовъ.— Всѣ рѣшительно юбки у тебя красавицы и умницы, а сестра твоя не красива!

Николай ахнулъ при упоминаніи о красавицахъ и умницахъ, взглянулъ на гостей и, спохватившись, воскликнулъ:

— Чортъ меня побери! Девять уже! Прощайте!

— Опять свиданіе!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Новая красавица и умница!

— Когда ты, наконецъ, бросишь это занятіе? Хоть бы женился, что ли?!

— Пошли къ чорту!—крикнулъ онъ имъ на прощанье и закричалъ:—Извозчикъ!

Къ нему, гремя, полетѣли двѣ пролетки. Извозчики хлестали лошадей, перегоняя другъ друга.

— Не могу же я сразу на двоихъ ѣхать! Заходи, Лосьевъ!— крикнулъ онъ, садясь въ экипажъ.

— А когда тебя можно застать?

— Да завтра приходи завтракать!—крикнулъ онъ, торопя въ то же самое время извозчика.—Къ двѣнадцати!

— Приду!—поспѣшно отозвался Лосьевъ.

Въ догонку Николаю полетѣли насмѣшки и шутливыя напутствія.

— Вѣдь везетъ же чорту!—позавидовалъ ему Бугаевъ и сердито опередилъ товарищей снова, дѣлая огромные шаги и стуча палкой о тротуаръ.

Такъ они незамѣтно подошли къ большому приморскому парку. Деревья темнѣли, какъ свалившіяся на землю тучи, и оттуда тянуло весенней тишиной, сочнымъ ароматомъ почекъ и сыростью, смѣшанною съ запахомъ старыхъ перегнившихъ листьевъ, такъ напоминающимъ запахъ молодого вина! Звѣзды, сіявшія точно въ пуху, въ влажныхъ волокнахъ еле замѣтнаго тумана, спускались къ горизонту и исчезали за голыми еще вѣтвями деревьевъ, путаясь въ нихъ, какъ свѣтляки въ густой черной сѣти. Мѣсяцъ, изогнутый на подобіе лука, казался нарисованнымъ на небѣ, или вкованнымъ въ него. Съ тремя ближайшими звѣздами онъ составлялъ мистическую фигуру, символъ, загадку, въ которой таился намекъ... можетъ быть на счастье. И казалось, что стоитъ попристальнѣе вдуматься, вглядѣться въ этотъ звѣздный символъ и разгадаешь его. И отъ мѣсяца и отъ звѣздъ и отъ деревьевъ парка и отъ всей земли, шло какъ бы предчувствіе возрожденія.

— Слушайте... Что это такое? — вступивъ въ паркъ, обратился къ товарищамъ Бугаевъ.

Разговоры сразу умолкли.

Издали, изъ глубины этой тишины, пойманной цѣпкими черными вѣтвями деревьевъ, доносился молодой, волнующій женскій смѣхъ, отъ котораго становилось почти жутко.

— Эка разбираетъ. Точно щекочутъ ее!—въ странномъ раздраженіи проворчалъ Бугаевъ.

— Не лю-у-бишь?..—насмѣшливо протянулъ Симоновъ и невольно попалъ въ самое больное мѣсто товарища. Сколько разъ тому приходилось слышать смѣхъ въ отвѣтъ на свои признанія, смѣхъ безъ тѣни злорадства, но удивленный веселый смѣхъ, самый страшный, самый унизительный для уязвленнаго любовью сердца.

Здѣсь былъ не тотъ смѣхъ. Въ этомъ смѣхѣ звенѣло что-то страстное, дразнящее и раздраженное, побѣжденное и побѣждающее.

Смѣхъ на минуту замолкъ, потомъ вдругъ вспыхнулъ, задрожалъ и заметался, какъ болотный огонекъ.

Всѣ, какъ одинъ, внимательно и напряженно глядѣли туда, откуда онъ доносился, и каждый представлялъ красоту, молодость, счастье.

— Точно русалка смѣется!—тихо сказалъ Полунинъ.

— Да, да... Точно русалка,—повторилъ за нимъ скульпторъ.— Какъ это хорошо. Замѣтьте... Такъ никогда не смѣется ни мужчина, ни ребенокъ. Это смѣхъ особеннаго существа, смѣхъ птицы, смѣхъ молодой природы, заключенной въ сильное, чувственное женское тѣло!

Лосьевъ продолжалъ своимъ глубокимъ, волнующимъ голосомъ:

— Развѣ не такъ же смѣются звѣзды, смѣется эта упругая, переливающаяся синева неба? Ихъ тоже точно щекочетъ чье-то

страстное дыханіе, прикосновеніе .. О-о!—крикнулъ онъ, хватая руку поэта и инстинктивно сжимая ее.—Все это удивительно! Удивительно! Здѣсь... въ землѣ...—Онъ сильно стукнулъ ногой въ землю. — Здѣсь теперь идетъ такая жизнь, зрѣетъ такая сила и страсть, о которой давно забыли люди! Земля въ такія ночи зоветъ насъ... зоветъ къ такой же жизни, какою живетъ сама. Но люди уже плохо слышатъ ее, и въ этомъ ихъ проклятіе! Они лишены величайшихъ радостей земли, радостей животнаго! Они скоро совсѣмъ разучатся любить. Съ нихъ довольно гримасъ любви. Разучатся и разучатъ женщинъ. Ложь жизни, ложь культуры, какъ спрутъ, высасываетъ даже изъ женщинъ соки, общіе съ природой.

Онъ говорилъ страстно, отрывисто, точно ковалъ рѣчь, и слова сыпались, какъ искры.

Бугаевъ слушалъ его и съ завистью думалъ: «Это животное, должно быть, здорово нравится женщинамъ».

Поэтъ сказалъ:

— Вы какъ будто отдѣляете женщинъ отъ людей?

— Да. Женщина совсѣмъ особенное существо. Она должна рожать, какъ рожаетъ земля.

— Что же изъ того?

— Это все объясняетъ. Въ ней больше земли, больше природы. Вся поэзія жизни погибнетъ, когда погибнетъ это.

— Вы язычникъ.

— Я люблю природу, люблю землю.

Его почти никто не слушалъ, кромѣ поэта и Перовскаго, который иногда взглядывалъ на него умными грустными глазами и неопредѣленно улыбался. Но Лосьевъ, повидимому, мало заботился о томъ, чтобы его слушали. Послѣ замѣчанія Полунина, онъ опять какъ бы погасъ и выпустилъ его руку.

Остальные шли впереди, колеблясь въ темнотѣ, какъ тѣни, и сдержанно между собой переговаривались.

Смѣхъ изрѣдка вспышками доносился до нихъ, все больше и больше похожій на переливающійся голосъ птицы.

Въ темныхъ кустахъ сбоку что-то зашуршало. Всѣ невольно насторожились. Лосьевъ вздрогнулъ.

Дорогу имъ пересѣкла кравшаяся впереди фигура. Она юркнула на боковую тропинку и исчезла.

— Ахъ, чортъ! Я думалъ привидѣніе, а это всего только сторожъ. Будь онъ проклятъ!—выругался Плотниковъ.

— А знаете, вѣдь это онъ крадется туда, гдѣ слышался смѣхъ,—убѣжденно заявилъ маркизъ.—Навѣрное накроетъ парочку и тѣмъ придется откупаться.

— Весною это для нихъ доходная статья,—поддержалъ его Апостоли.

— Вотъ тебѣ и природа!

Всѣ ясно представили сцену «накрыванія», унизительную и гнусную, и имъ стало гадко.

— Фу, мерзость какая! — съ отвращеніемъ пробормоталъ Лосьевъ.

Это сразу испортило ему настроеніе.

— Давайте, поколотимъ это животное,—предложилъ Симоновъ.—У меня есть тоже противъ него зубъ, и я съ удовольствіемъ вымстилъ бы на его шеѣ одно такое воспоминаніе.

Но никто не поддержалъ его. У нихъ прошла охота къ дурачествамъ и неожиданнымъ выходкамъ. Большинство снова вернулось къ бесѣдѣ о Вѣтвицкомъ и его невѣстѣ.

— А по моему, они будутъ счастливы!—слышался голосъ Полозова.—По крайней мѣрѣ, у нихъ все есть для счастья.

— Все есть для счастья!—передразнилъ его Соловковъ.—Точно все есть для обѣда. Счастье не цыпленокъ, его соусомъ не сдобришь.

— А по твоему, это будетъ несчастный бракъ?

— Я этого не говорю.

Лосьевъ опять сталъ со вниманіемъ прислушиваться къ этимъ разговорамъ. Какое, въ сущности, ему было дѣло, будетъ или не будетъ счастливъ этотъ бракъ? Онъ видѣлъ ее только на портретѣ. Можетъ быть, она даже совсѣмъ не то, что онъ представлялъ себѣ.

Но ему стало непріятно, когда Плотниковъ остановилъ ихъ споръ.

— Вотъ еще болтовня! «Счастливый—несчастливый». Точно попадьи гадаютъ. Вы бы лучше смотрѣли передъ собою, чѣмъ бабьими пересудами заниматься. Художники, чортъ васъ подери!

Солоноватая влажность моря какъ-то сразу дохнула на всѣхъ, перемѣшиваясь съ теплымъ дыханіемъ земли, отдававшей тепло, полученное ею отъ настойчивыхъ лучей апрѣльскаго дня.

Аллея, неожиданно расширяясь здѣсь, выходила къ морю, и оно сверкало недалеко отъ нихъ голубыми огнями электрическихъ фонарей и красными, желтыми и зелеными огнями судовъ, выступавшихъ темными пятнами на морѣ. Вертящійся глазъ маяка загадочно мигалъ надъ ними, точно великанъ осматривалъ свое войско, готовое двинуться въ черную даль, куда узорными линіями спускались созвѣздія. На большой верандѣ заколоченнаго лѣтняго ресторана съ опрокинутыми скамейками, въ тѣни, сидѣла парочка, и два голоса тихо напѣвали народную итальянскую канцонету.

Sull mare luccica Plácidadè l'onda?
L'astro d'argento, Prospero il vento.

— Везетъ же людямъ!—не выдержалъ Бугаевъ.

— А вѣдь это Падаринъ. Я по голосу слышу, что это онъ,—продолжалъ Полозовъ.

Точно въ подтвержденіе этого предположенія, мужской голосъ вдругъ замолкъ, а затѣмъ замолкъ и женскій.

— Онъ! — рѣшилъ Соловковъ. — Успѣлъ уже.

— Увидѣлъ насъ и замолчалъ. Хотите, окликну его,—предложилъ Симоновъ. Но всѣ единодушно возстали противъ этого. Зачѣмъ мѣшать человѣку пользоваться удовольствіомъ, да и неделикатно передъ его дамой.

— Надо попросить его попозировать мнѣ съ нею, — замѣтилъ Полозовъ.—Вотъ именно такъ: у заколоченнаго зданія... Передъ моремъ.

— Да, какъ же!—со смѣхомъ отозвался Соловковъ.—Если бы ты въ одинъ сеансъ успѣлъ написать ихъ, это было бы возможно, а то, вѣдь, нынче онъ съ одной, а завтра, можетъ быть, уже съ другой.

— Надоѣли всѣ эти парочки днемъ и ночью,—возразилъ Плотниковъ, задумчиво переводя взглядъ съ моря на городъ, который слѣва темнѣлъ подъ звѣздами своими башнями, дворцами и желѣзными крышами зданій, отвѣчая имъ сотнями разбросанныхъ въ разныхъ направленіяхъ огней.

— Нѣтъ, вотъ что надо написать,—продолжалъ онъ. — Тамъ вонъ, въ той полосѣ свѣта, падающаго отъ маяка, немного въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ желѣзныхъ громадинъ, вооруженныхъ пушками, лодка, простая лодка и въ ней одна фигура, кроткая, печальная. Онъ согнулся, опустилъ голову на руки, опираясь локтями о колѣни, и смотритъ на городъ. И такъ надо Его написать, чтобы всѣ узнали, кто это! — значительно закончилъ онъ.

— А ты вѣнчикомъ окружи Его голову, вотъ и узнаютъ, — посовѣтовалъ Симоновъ.

— Беллетристика!—презрительно отозвался Полозовъ, попыхивая дорогой сигарой.

— Поди ты къ чорту!—разсердился Плотниковъ.—Беллетристика! Почему тутъ беллетристика, а у тебя, съ твоей обнявшейся парой, не беллетристика?

— У меня дѣло не въ фигурахъ.

— А кто тебѣ мѣшаетъ здѣсь также передать всѣ эти эффекты ночныхъ огней и отраженія ихъ?

— И жаденъ ты на работу, Нилъ! Что ни увидишь, все бы тебѣ написать.

Плотниковъ расхохотался.

— Это вѣрно. Я еще никогда не глядѣлъ на природу безъ того, чтобы не подумать объ этомъ. Какъ что мало-мальски произведетъ впечатлѣніе, я уже думаю: «вотъ бы здорово написать!» И ужъ я сейчасъ мысленно вижу краски.

— Какое счастье, что я не живописецъ! — вырвалось у Лосьева.

— Но, однако, и вы, когда видите, скажемъ, красивую женскую фигуру, навѣрное тоже думаете: «вотъ бы вылѣпить».

— О, нѣтъ!—смѣясь возразилъ скульпторъ.—Я думаю прежде всего: вотъ бы хорошо обнять ее. Кстати, господа, не можете ли вы рекомендовать мнѣ хорошую натурщицу?

— Чтобы обнимать?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я пошутилъ.

— Фью! — свистнулъ Кичъ. — Хорошую натурщицу трудно здѣсь достать, какъ звѣзду съ неба. Это не Парижъ, гдѣ даже на бульварѣ или въ кабачкѣ можно найти великолѣпное тѣло.

— Какъ бы тебѣ не пришлось здѣсь жениться для этого, какъ это сдѣлалъ Сабателли. У него всегда жена позируетъ, — сказалъ Симоновъ. — Вотъ отбейте у Бориса невѣсту,—смѣясь посовѣтовалъ онъ.

— У ней хорошая фигура?

— Изумительная!

— Да, какъ же, узнаешь ее подъ платьемъ! А можетъ быть у нея ноги, какъ у японки.

— Младенецъ! Стройны ноги или нѣтъ, всегда можно по походкѣ узнать. А когда Ирина Михайловна идетъ, наслажденіе смотрѣть. Да вотъ вы завтра съ нею познакомитесь. А относительно натурщицы—вернусь я къ прежнему. Если бы въ платьѣ, можно было бы рекомендовать Елену Ивановну. У насъ только у одного Падарина хорошія натурщицы, да и то потому, что онъ въ этомъ случаѣ придерживается вашей системы.

— Сначала обнимать?

— Да.

— Ну, это себѣ дороже стоитъ. Я никогда не поцѣловалъ ни одной женщины, которую не любилъ,—искренно отвѣтилъ Лосьевъ и, зѣвнувъ, добавилъ:

— Однако, пора домой.

Онъ еще разъ напомнилъ имъ о субботѣ и пошелъ черезъ паркъ къ себѣ.

Проходя мимо того мѣста, гдѣ за минуту передъ тѣмъ звучало пѣніе, онъ уже не увидѣлъ парочки. Но на одномъ изъ поворотовъ хорошо узналъ фигуру Николая и рядомъ съ нимъ, подъ руку, высокую женскую фигуру Они шли окутанные сумракомъ, все глубже и глубже погружаясь въ него и становясь все смутнѣе и смутнѣе съ каждымъ шагомъ.

А. Ѳедоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАРИНЪ.

Сказка о человѣкѣ **Бернгарда Келлермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Е. Лазаревской.**

Карину вышелъ срокъ. Онъ могъ идти, куда хотѣлъ. На востокъ и на западъ, на югъ, на сѣверъ, повсюду. Онъ былъ свободенъ, какъ птица въ воздухѣ.

Кариномъ звали человѣка, у котораго была жена съ золотыми волосами. Никто изъ тѣхъ, которые работали тамъ внизу, въ рудникахъ, никогда не видалъ ея, такъ какъ она жила далеко, далеко на юго-западѣ, за триста дневныхъ переходовъ. Но каждый зналъ ее, зналъ ея золотые волосы, зналъ, какъ они блестѣли на солнцѣ и отражались въ ручьѣ, зналъ, что они доходили до колѣнъ, когда были распущены, что въ годъ сламывалось за расчесываньемъ ихъ пять гребней. Каждый зналъ, какъ чудно и ясно звучалъ голосъ Кариновой жены, зналъ, какая у нея походка, какъ она улыбается, какъ танцуетъ, какія матеріи она предпочитаетъ, какія кушанья ей больше нравятся. Они всѣ очень хорошо знали жену Карина. Жена Карина жила съ ними въ черныхъ, какъ ночь, подземныхъ коридорахъ рудниковъ, жена Карина по вечерамъ сидѣла съ ними у огня; и когда они пѣли, то нерѣдко смолкали, прислушиваясь, не раздастся ли ея звучный, чистый, какъ хрусталь, голосъ. Это было оттого, что Каринъ каждый вечеръ разсказывалъ о своей женѣ, часто разсказывалъ и днемъ, въ то время, какъ они копали тамъ внизу, во мракѣ. Разсказывалъ онъ долгіе годы. Цѣлыхъ десять лѣтъ. Каринъ десять лѣтъ долженъ былъ провести тамъ внизу, въ рудникѣ. Каринъ за женщину съ золотыми волосами совершилъ убійство.

Что касается золотыхъ волосъ Кариновой жены, то ихъ-то ужъ они видѣли; они видѣли ихъ каждый вечеръ. У Карина была плетенка изъ этихъ волосъ. Онъ клалъ на нее голову, когда ложился спать. Онъ не могъ бы заснуть безъ этой плетенки. Одинъ изъ его товарищей, однажды, чтобы въ этомъ убѣдиться, утащилъ у него плетенку. Но Каринъ, дѣйствительно, не могъ заснуть. Онъ проходилъ всю ночь напролетъ; и слѣдующую также. Потомъ онъ сталъ говорить, какъ бе-

зумный; тогда товарищъ отдалъ ему плетенку и попросилъ у него прощенія.

Карину вышелъ срокъ. Онъ могъ идти, куда хотѣлъ. Онъ еще разъ притащилъ въ хижину полный ушатъ воды, накололъ дровъ для печи, потомъ собралъ свой узелъ. Онъ положилъ туда плетенку, которую заботливо завернулъ въ тряпки, скамейку, на которой просидѣлъ десять лѣтъ, нѣсколько кристалловъ и рѣдкихъ камней, которые онъ хотѣлъ снести женѣ. Его товарищи стояли вокругъ него и молчали. Имъ было грустно, что Каринъ покидаетъ ихъ, а съ нимъ и его жена, бывшая единственной ихъ радостью. Наконецъ они протянули ему руки, и каждый, одинъ за другимъ, сказалъ: «поклонись ей», «поклонись ей», «поклонись ей».

Ему пришлось развязать свой мѣшокъ, такъ какъ всякій хотѣлъ дать ему подарокъ для женщины съ золотыми волосами. Кто далъ маленькую деревянную трубку, кто блестящій камешекъ, кто рѣзной крестикъ; одинъ, у котораго ничего не было, далъ пуговицу, а другой взялъ маленькую деревяшку и вырѣзалъ на ней свое имя.

Мѣшокъ сталъ отъ этого тяжелѣе, но Каринъ принялъ подарки со слезами на глазахъ.

— Я скажу ей—и про тебя тоже я ей разскажу—все.

И онъ далъ каждому изъ товарищей по два золотыхъ волоса, вынувъ ихъ изъ плетенки. Онъ поцѣловалъ каждый отдѣльный волосокъ и положилъ ихъ въ ихъ грубыя, растрескавшіяся руки.

Затѣмъ онъ перекинулъ мѣшокъ за спину и пошелъ вглубь долины, по направленію на юго-западъ.

Онъ часто оборачивался назадъ. Товарищи его все еще стояли тамъ въ рядъ, кивали ему и кричали. Скоро онъ уже пересталъ слышать ихъ голоса, но все еще видѣлъ, какъ они махали платками, а наконецъ, они уже только еле виднѣлись вдали,—точно полуразвалившійся короткій заборъ стоялъ на равнинѣ.

Каринъ бодро шелъ. Ему надо было пройти добрыхъ триста дней, слѣдовательно некогда было терять времени.

На десятый день онъ пришелъ въ одно село и тутъ спросилъ о томъ, какъ идти дальше.

— Какъ мнѣ идти?—спросилъ онъ.—Мнѣ надо въ стобашенный городъ.

Никто не зналъ этого города. Но нѣкоторые о немъ слышали. Тогда позвали съ поля пастуха, который служилъ въ войскѣ и бывалъ въ стобашенномъ городѣ.

— Иди все вверхъ по этой горѣ, старичокъ. Это далекій путь. Осень наступитъ, пока ты дойдешь до мѣста.

— Стобашенный городъ еще не конецъ моего пути, другъ. Я приду домой только тогда, когда ужъ вы снова выйдете въ поле, чтобы сѣять,—возразилъ Каринъ.—Я иду къ моей женѣ.

Тогда всѣ разразились громкимъ смѣхомъ. Онъ идетъ къ своей женѣ! Ему полъ-земли надо обойти до нея! Слыхали вы?

Каринъ взялъ свой мѣшокъ на плечи и пошелъ дальше, къ горѣ.

Въ слѣдующемъ селѣ съ нимъ случилось то же самое. Снова всѣ смѣялись, когда онъ сказалъ, что идетъ къ своей женѣ и будетъ дома въ то время, когда они снова станутъ сѣять.

— Человѣкъ, идущій за полъ-свѣта къ своей женѣ. Ничего подобнаго еще никогда не бывало.

— Эхъ ты, старый дурачина!

Каринъ удивлялся, что они называли его старымъ. Ему, вѣдь, не было еще и сорока лѣтъ.

Когда онъ подходилъ къ пятнадцатому селу, всѣ жители выбѣжали ему навстрѣчу, со смѣхомъ спрашивая:

— Это ты идешь къ своей женѣ? За полъ-свѣта?

— Что такое несетъ онъ въ своемъ мѣшкѣ?

— Сокровище, что ли, у тебя въ мѣшкѣ, дурачина?

Каринъ не обращалъ вниманія на ихъ насмѣшки.

Онъ бодро шелъ своей дорогой и все вполголоса разговаривалъ, разговаривалъ съ женой. Онъ разсказывалъ ей о рудникѣ, о своихъ товарищахъ. День за днемъ разсказывалъ онъ ей о времени своего заключенія. Разсказывалъ о кучѣ камней, служившей имъ календаремъ. Они складывали въ уголъ сотню камней, и каждый день одинъ камень перекладывали въ другой уголъ. Когда вся сотня была переложена изъ одного угла въ другой, у нихъ бывалъ праздникъ съ пѣніемъ, танцами и веселыми разсказами. Тридцать шесть такихъ праздниковъ пережилъ онъ.

Онъ разсказывалъ женѣ о томъ, какъ всѣ ее почитали, какъ разспрашивали о ней, говорили о ней; разсказывалъ, что, когда въ хижинѣ было мрачно и печально, они просили его протанцовать такъ, какъ танцуетъ она.

Все это разсказывалъ онъ ей. Матеріала у него было достаточно. И когда онъ кончалъ, то начиналъ снова. И все больше и больше приходило ему на память, и онъ сильно возбуждался и радовался, что въ дѣйствительности разскажетъ все это женѣ, въ то время какъ она будетъ сидѣть передъ нимъ, и ея золотые волосы будутъ сіять, и она будетъ улыбаться.

Такія мечты несли его, какъ на крыльяхъ, и онъ часто шелъ отъ нетерпѣнія даже и глубокой ночью, пока не растягивался въ изнеможеніи гдѣ-нибудь у края дороги.

Слухъ о человѣкѣ, который идетъ за полъ-свѣта къ своей женѣ, распространялся по всей странѣ. Повсюду, гдѣ онъ шелъ, стояли любопытные, и всѣ окна были наполнены лицами, когда онъ шелъ по улицамъ со своимъ мѣшкомъ за спиной. Люди встрѣчали его смѣхомъ и смѣхомъ его провожали.

— Вотъ дурачина! У него ужъ и ноги скривились отъ ходьбы.

Въ концѣ концовъ они стали даже спускать своихъ собакъ, которыя лаяли на него, забѣгая по бокамъ и сзади, и пугали его своими острыми зубами. Дѣти преслѣдовали его крикомъ и дергали его мѣшокъ. Вокругъ его головы летали каменья.

А старые люди держались за животы и хохотали.

Ему указывали невѣрныя дороги, которыя приводили къ безконечнымъ болотамъ и непроходимымъ лѣсамъ, такъ что ему приходилось возвращаться обратно.

Человѣкъ, который идетъ за полъ-свѣта къ своей женѣ! Видали вы подобнаго глупца?

Но Каринъ не обращалъ вниманія на ихъ насмѣшки и на ихъ злобность.

Съ каждымъ днемъ сердце его билось быстрѣе, ноги его, казалось, не знали усталости. Глаза его сіяли яснымъ свѣтомъ, и часто, шагая, онъ начиналъ пѣть.

Мѣшокъ со скамеечкой, подарками и блестящими камешками, который сначала давилъ его и заставлялъ его пригибаться, лежалъ теперь, легкій, какъ перышко, на его плечахъ. Когда его начинала одолѣвать усталость или голодъ, онъ вынималъ изъ мѣшка плетенку изъ золотыхъ волосъ и прижимался къ ней лицомъ. Отъ этого новая сила приливала въ его тѣло.

Люди, работавшіе въ поляхъ, нерѣдко выпрямлялись и смотрѣли на него, какъ онъ шелъ съ мѣшкомъ за спиной своей дорогой и при этомъ пѣлъ. Они окликали тогда другъ друга и смѣялись. Но смѣхъ ихъ, казалось Карину, уже не звучалъ больше издѣвательствомъ.

Когда онъ пришелъ въ пятидесятое село, люди стояли на улицѣ и улыбались. Тѣ немногіе, которые хотѣли было начать обычныя насмѣшливыя рѣчи, сейчасъ же смолкли.

Глаза Карина сіяли; онъ кивалъ имъ головой.

Въ шестидесятомъ селѣ нѣкоторые сняли шапки, когда онъ проходилъ мимо нихъ.

— Этотъ человѣкъ идетъ за полъ-свѣта къ своей женѣ,—говорили они и качали головами и смотрѣли другъ на друга.

Случалось даже, что люди обращались къ Карину съ дружелюбнымъ словомъ. Они предлагали ему пищу и пріютъ.

Казалось, что люди издалека стекались, чтобы посмотрѣть на него, на Карина, такъ ихъ было много. И глаза ихъ такъ удивительно свѣтились, словно въ нихъ переходилъ блескъ изъ его глазъ.

Ему посылали навстрѣчу гонцовъ, чтобы они указывали ему кратчайшіе пути.

— Пройди здѣсь, полемъ,—говорили они.—Здѣсь будетъ мягко и пріятно твоимъ ногамъ, которыя идутъ такъ издалека.

Одинъ, который предложилъ ему ночлегъ, сказалъ, когда онъ уходилъ:

— На этой скамьѣ спалъ Каринъ, шедшій за полъ-свѣта къ своей женѣ. Это будутъ помнить и внуки мои.

Однажды одинъ сѣдой человѣкъ привелъ къ Карину старушку и сказалъ:

— И мы тоже,—видишь ли, другъ!—и мы тоже душевно любили и посейчасъ любимъ другъ друга. Если бы на свѣтѣ не было любви, что было бы изъ жизни?

Въ сотомъ селѣ его встрѣтилъ такой гулъ, что отъ него воздухъ дрожалъ.

— Каринъ,—кричали они,—Каринъ!

Каринъ поставилъ свой мѣшокъ на землю и низко поклонился.

И дальше спѣшилъ онъ. Люди сопровождали его.

— Позволь мнѣ идти съ тобой, Каринъ, мнѣ съ тобой одна дорога.

Каринъ не имѣлъ ничего противъ.

Когда Каринъ пѣлъ, всѣ молчали и слушали. Каринъ пѣлъ громкимъ, звучнымъ голосомъ и шелъ такъ скоро, что за нимъ никто не могъ поспѣвать.

Каринъ пѣлъ пѣсни своей женѣ.

«Видишь, жена моя, я иду къ тебѣ,—пѣлъ онъ.—Мраченъ былъ нашъ рудникъ и холодна хижина, и безконечно было время. Многіе дни не хотѣли кончаться, многія ночи неподвижно останавливались. Жена моя! Утромъ и вечеромъ я смотрѣлъ на юго-западъ и кричалъ твое имя. «Отнеси ей, вѣтеръ, этотъ поцѣлуй,—кричалъ я,—небо, отрази эту улыбку въ ея хижину». Ярко сіяетъ теперь солнце, и позади меня уносятся горы.

Видишь, жена моя, я иду къ тебѣ!»

Такъ пѣлъ Каринъ, и всѣ молчали и слушали. И сердца ихъ трепетали, словно оживленныя новой жизнью; и вдали по полямъ виднѣлись люди, которые внимали пѣснѣ Карина и содрогались.

Когда Каринъ приблизился къ стобашенному городу, онъ увидѣлъ, что на стѣнахъ развѣвались знамена. Ворота были украшены пестрыми вѣнками. Дѣвушки, одѣтыя въ бѣлое, выбѣжали ему навстрѣчу, восклицая:

— Это ты—Каринъ, идущій за полъ-свѣта къ своей женѣ?

У воротъ его встрѣтилъ совѣтъ города, и старикъ съ золотой цѣпью на шеѣ заговорилъ съ нимъ на непонятномъ ему языкѣ. Всѣ люди сняли шляпы. И старикъ сказалъ:

— Благослови тебя Богъ, Каринъ!

И Каринъ поставилъ свой мѣшокъ на землю и трижды глубоко поклонился.

Онъ смѣялся. Все это удивляло его.

— Видишь ли, жена моя,—сказалъ онъ,—какъ весь свѣтъ тебя любитъ и почитаетъ?

Улицы города были усыпаны вѣтвями и цвѣтами, изъ оконъ ви-

сѣли ковры. Въ окнахъ стояли прекрасныя женщины и махали цвѣтными платками и осыпали Карина цвѣтами. Онъ собиралъ ихъ и клалъ ихъ въ свой мѣшокъ.

Они сыпятъ для тебя цвѣты, жена моя! Такъ пѣлъ онъ и шелъ по улицамъ стобашеннаго города.

— Позволь понести тебѣ мѣшокъ, Каринъ,—просили нѣкоторые.

Но Каринъ не выпускалъ мѣшка изъ своихъ рукъ.

— Я самъ долженъ нести мѣшокъ, другъ. Благодарю тебя. Да онъ и не тяжелъ, а кости мои стали вдвое толще за это долгое время.

Такъ оно и было. Онъ ужъ не чувствовалъ мѣшка. И какъ онъ радовался, думая о томъ, что отдастъ женѣ всѣ подарки, камни, кристаллы, трубки, пуговицу и всѣ прочія вещицы, говорившія о томъ, какъ сильно любили ее его товарищи.

Съ этого времени путешествіе Карина стало похоже на шествіе властелина или пророка.

Звонили въ колокола, ликовали. Вся страна превратилась, казалось, въ единый колоколъ для его пріема, весь свѣтъ въ одно единое ликованіе.

Вѣсть о Каринѣ, который идетъ черезъ полъ-свѣта къ своей женѣ, пролетѣла изъ устъ въ уста, изъ села въ село, черезъ безконечные лѣса, черезъ широкія рѣки, изъ города въ городъ. Весь свѣтъ содрогался отъ этого событія и чувствовалъ въ себѣ расцвѣтъ новыхъ силъ.

Воздухъ дрожалъ отъ пѣнія и ликованія; казалось, что поютъ милліоны голосовъ и что слышны голоса всѣхъ тѣхъ, кто жилъ за безконечными лѣсами, всѣхъ, жившихъ на сѣверѣ и западѣ, и югѣ, и востокѣ.

Каринъ приблизился къ своему отечеству.

Тамъ былъ холмъ, онъ взошелъ на него. Съ него онъ увидѣлъ могучую рѣку своей родины, серебряной лентой опоясывавшую небо. Онъ простеръ руки и воскликнулъ имя своей жены.

Въ долинѣ по направленію къ холму двинулось шествіе. Шествіе, не имѣвшее конца, точно змѣя извивавшееся по всей землѣ. Вѣяли знамена, и до слуха Карина донеслись звуки музыки.

Каринъ ускорилъ шаги. Невыразимая радость, похожая на боязнь, нашла на него. Вотъ ужъ онъ могъ различать людей впереди шествія. Они несли балдахинъ, и подъ нимъ шла женщина.

У женщины были бѣлые, какъ снѣгъ, волосы, но походка у нея была прежняя.

Каринъ бросилъ мѣшокъ на землю и упалъ на колѣни.

Изъ глазъ его полились слезы. Онъ громко зарыдалъ.

И женщина съ бѣлыми волосами тоже опустилась на колѣни и рыдала.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ, КАКЪ ПУБЛИЦИСТЪ.

Слава таланту! Конечно, слава. Но вящшая слава человѣку, работнику, служителю свѣта и правды!

Михайловскій.

I.

Есть рядъ именъ въ исторіи нашей мысли, рядъ «рыцарей духа», справедливо названныхъ «властителями думъ». Это не просто люди своего времени; это—учителя, съ учительствомъ которыхъ связаны цѣлыя общественныя теченія. Среди такихъ именъ одно изъ первыхъ, безъ сомнѣнія, имя Николая Константиновича Михайловскаго, доблестнаго бойца за «правду-истину и правду-справедливость», утрата котораго еще такъ чувствительна.

Писатель, о которомъ идетъ рѣчь, заключалъ въ себѣ разныя стороны: онъ былъ философъ борьбы за индивидуальность, соціологъ, не знавшій сдѣлокъ съ «честью и совѣстью», критикъ, публицистъ.

Но глубоко ошибся бы тотъ, кто, подобно ученикамъ покойнаго, увидѣлъ бы значеніе Михайловскаго въ области теоріи. Его соціологія не результатъ изученія общественныхъ явленій. Это, какъ уже было высказано на страницахъ нашего журнала *), произведеніе публициста: точно также какъ произведеніе публициста его критика, его немногочисленные беллетрическіе опыты. Онъ исходилъ изъ опредѣленной теоретической концепціи, — она сложилась частью подъ вліяніемъ утопистовъ, частью подъ вліяніемъ Конта, Спенсера, Дарвина,—но все, что сказалъ этотъ мыслитель, было прежде всего учительство, проповѣдь. «Потребность теоретическаго творчества требовала себѣ удовлетворенія, и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но тутъ же, иногда среди самого процесса этой теоретической работы, привлекала къ себѣ меня своей яркостью и шумной пестротой, всей своей плотью и кровью житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить. Но все это росло изъ одного и того же корня» **). Дѣло не въ «житейской практикѣ сегодняшняго дня», даже не въ томъ, что покойный не работалъ надъ источниками, не входилъ детально въ «литературу вопроса»,

*) См. „Міръ Божій“, 1904 г., апрѣль, 32.

**) Михайловскій. „Сочиненія“, I, предисловіе.

что нѣкоторыя области общественной науки были ему вовсе недоступны—нѣтъ, вся исторія общественной науки показываетъ, что попытки, подобныя «системѣ правды», въ научномъ отношеніи совершенно безплодны. Михайловскій войдетъ въ исторію науки, какъ авторъ «Героевъ и толпы», «Патологической магіи», «Научныхъ писемъ», не лишенныхъ оригинальности, талантливо написанныхъ очерковъ, но крупную величину составляетъ не теоретикъ - Михайловскій. Тѣмъ, конечно, ошибочнѣе мнѣніе тѣхъ, кто, подобно г. П. Г., находитъ «въ многочисленныхъ статьяхъ г. Михайловскаго очень мало публицистики».

«Публицистомъ,—пишетъ г. П. Г.,—мы назовемъ писателя, который не только не избѣгаетъ, но, наоборотъ, стремится дать и провести въ сознаніе читателей ясныя и точныя формулы очередныхъ общественно-политическихъ задачъ времени. Публицистъ прежде всего и, главнымъ образомъ, политикъ» *). Очень странно слышать это изъ устъ г. П. Г. Внушать публицисту: «ты прежде всего и, главнымъ образомъ, политикъ» столь же исторично, какъ разглагольствовать о «вѣчныхъ законахъ» искусства. Если васъ и послушаютъ, то лишь до поры до времени. «Я все основываю на непосредственномъ чувствѣ, я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалы; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собой» **)—въ этомъ теченіи не было ни капли того, о чемъ говоритъ г. П. Г., но развѣ вслѣдствіе этого Писаревъ не былъ «властителемъ думъ» своего поколѣнія, трибуномъ новаго общественнаго слоя, публицистомъ въ «точномъ смыслѣ слова»? Развѣ Бѣлинскій, говоря: «не суйся въ дѣла, которыя тебя не касаются, но будь вѣренъ своему дѣлу, а новое дѣло—любовь къ истинѣ», переставалъ быть публицистомъ? Нѣтъ, во время Бѣлинскаго путь къ общественному счастью почти вся Европа искала въ философіи. Теперь, когда путь къ счастью указываетъ не естествознаніе, не философія, положеніе публицистики иное. Что бы ни говорилъ публицистъ, что бы ни проповѣдывалъ—сама жизнь подскажетъ ему, куда идти—въ область ли права, въ область ли экономики, даже критики, даже художественнаго творчества. Исторія русской публицистики подтверждаетъ это весьма наглядно.

Какъ публицистъ, Михайловскій завершаетъ рядъ «властителей думъ» сороковыхъ - шестидесятыхъ годовъ—Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева. Съѣздъ фабрикантовъ и мысли г. Скальковскаго, великолѣпный князь Тавриды и Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, оффиціальная благонамѣренность и вѣнская всемірная выставка, отвлеченные литераторы и трудное положеніе русскаго читателя, отечественный патріотизмъ и новыя мозговыя линіи—обо всемъ сказалъ онъ слово, призывающее къ широкой общественной

*) „Проблемы идеализма“. П. Г. „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, стр. 75—76.

**) „Сочиненія Писарева“, I, стр. 368—9.

дѣятельности. «Литературныя и журнальныя замѣтки» и «Записки профана», «Записки современника» и «Письма посторонняго», «Дневникъ читателя» и «Литература и жизнь» представляютъ коллекцію «іудушекъ», «гамлетизированныхъ поросятъ», «мѣдныхъ лбовъ и вареныхъ душъ»: по нимъ можно было бы написать рядъ блестящихъ страницъ исторіи нашей «общественности». Припомните характеристики Маркова, Меньшикова, Буренина, Ивановъ Непомнящихъ и Иванушекъ Дурачковъ съ одной стороны, характеристики Елисеева, Шелгунова, Успенскаго, Толстого, Достоевскаго, Тургенева—съ другой. Чуткость ко всякой общественной лжи, темпераментъ, духъ активности, реагирующій на все глубокое, интересное, били въ каждой строчкѣ покойнаго—отъ крупныхъ теоретическихъ статей до мелкихъ текущихъ замѣтокъ. Если русскія общественныя условія будятъ въ каждомъ писателѣ публицистическую ноту, примѣшивая ее къ самымъ абстрактнымъ вопросамъ мысли и эстетики, то въ литературной средѣ, въ которой складывалась литературная физіономія Михайловскаго, особенно слышалась эта безпокойная нота. Не говоря объ Успенскомъ и Салтыковѣ, черта эта отразилась и на Некрасовѣ. «Всегдашняя моя бѣда, какъ писателя, состояла и доселѣ состоитъ въ томъ, что я никогда не могъ оградить свой сюжетъ отъ вторженій текущей жизни съ ея пестрымъ шумомъ сегодняшняго дня», писалъ Михайловскій *). Эта текущая жизнь, этотъ сегодняшній день неотразимо влекли къ себѣ писателя, и этимъ опредѣлился самый характеръ его работы. Всю страсть, всю остроту мысли, всю силу общенія онъ отдалъ насущнымъ злобамъ русской современности. Были минуты, когда другой писатель, обладающій столь крупнымъ образованіемъ, столь оригинальнымъ умомъ, можетъ быть, ушелъ бы въ область чистой теоріи. И научная репутація его выиграла бы. Но какъ быть ученымъ, если бьющая черезъ край общественная жизнь волей-неволей заставляетъ реагировать, стыдить праздноболтающихъ, клеймить негодяевъ, если такія минуты и суть трижды ненавистныя? «Брызги крови развѣ только по какой-нибудь особенно счастливой случайности могутъ расположиться симметрично или вообще съ той правильностью, какая нужна для законченности формы» **).

Ему мало было кипѣть въ собственныхъ статьяхъ; ему надо было видѣть, что отвѣтъ дается на все, на каждый вопросъ, поставленный жизнью. Когда Михайловскій оставался только писателемъ, приступы ѣдкой тоски овладѣвали имъ безъ видимой причины. Правда, русская жизнь не скупится на причины этого рода, но и за всѣмъ тѣмъ былъ мотивъ, замѣчаетъ В. Г. Короленко ***): ему нуженъ собственный журналъ.

Михайловскимъ мало каѳедры: имъ нужно направленіе, идейное цѣлое. Ловить каждый моментъ современности, объединять, «направлять мысли» второстепенныхъ и третьестепенныхъ силъ, создавать «общее дѣло»—«да, здѣсь,

---

*) Михайловскій. „Литературныя воспоминанія и современная смута“, I, стр. 50.

**) Михайловскій. „Сочиненія“. „Г. И. Успенскій“, VI, стр. 96.

***) „Русское Богатство“, 1904 г., февраль, стр. II.

на этихъ страницахъ, мы создаемъ людей по образу своему, людей, намъ подобныхъ, страдающихъ, плачущихъ, наслаждающихся, радующихся» *). Какъ оцѣнить иначе дѣятельность Писарева, Чернышевскаго, Салтыкова?

II.

Принятое дѣленіе исторіи нашей общественной мысли по десятилѣтіямъ, въ сущности, лишь приблизительно выражаетъ смѣну направленій: напр., такъ называемые семидесятые годы начинаются съ 1872—1873 гг., замираютъ около 1882—1883 гг., съ которыми наступаютъ «восьмидесятые годы» и т. д. Точно такъ же общественное теченіе, выдвинувшее Михайловскаго, не совсѣмъ правильно называется шестидесятыми годами. Оно представляетъ двѣ волны.

Первая, наиболѣе яркая, идетъ съ того памятнаго 1855 года, когда Чернышевскій выступилъ въ петербургскомъ университетѣ съ защитой своей диссертаціи «Объ эстетическихъ отношеніяхъ къ дѣйствительности». «Старый порядокъ» еще существовалъ, но онъ, казалось, отходилъ уже въ область невозвратнаго—впереди видѣлось солнце, которое все должно озарить улыбкой и привѣтомъ. Часть идейной интеллигенціи сосредоточилась на ликвидаціи крестьянскаго вопроса, другая намѣчала пути дальнѣйшаго его развитія, вырабатывала міросозерцаніе, въ основу котораго клались интересы освобожденнаго народа. Первыя статьи «Современника» были чисто популярныя, отвѣчали потребностямъ самообразованія; теперь выдвигаются общественно-политическія темы, постепенно, шагъ за шагомъ, «направляющія» мысли читателя. Всѣ измѣненія, какія только предпринимались, были измѣненіями учрежденій и являлись лишь иллюстраціей того, что развивалось теоретически. Направленіе извѣстнаго оттѣнка давало «Современнику» тотъ цвѣтъ, который привлекалъ къ себѣ не только молодежь. «Мнѣ случалось видѣть семидесятилѣтнихъ стариковъ,—пишетъ Шелгуновъ,—для которыхъ «Современникъ» былъ «учебникомъ жизни» и руководителемъ для правильнаго пониманія разрѣшавшихся тогда вопросовъ» **). Журналъ велъ полемику съ «Экономическимъ Указателемъ», переводилъ Стюарта Милля съ тѣми дополненіями, которыя получили столь широкую извѣстность, знакомилъ читателей съ изслѣдованіемъ Гакстгаузена.

Это была пора Чернышевскаго и Добролюбова. Какую колоссальную работу выполнили эти два человѣка, каждый въ своей области! «Положительное дѣло человѣкъ найдетъ лишь въ томъ случаѣ, если сольетъ свою жизнь и свои интересы съ жизнью и интересами народа», училъ Рахметовъ. «Азіатство»—вотъ корень золъ. «Для произведенія общественныхъ бѣдъ,—читаемъ мы,—типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Если, напримѣръ, нѣтъ людямъ достаточныхъ причинъ быть недовольными, то и не внушить имъ недовольства никакими словами, изустными ли, печатными ли. Наоборотъ, если есть доста-

*) Михайловскій. „Сочиненія“, IV, стр. 578.

**) П. В. Шелгуновъ. „Сочиненія“. II. „Изъ прошлагои настоящаго“.

точныя причины, то дѣйствіе произойдетъ, какъ тамъ ни хлопочи объ устраненіи способовъ и поводовъ произойти ему: какіе-нибудь способы и поводы все-таки представятся. Это дѣлается не словами, а фактами жизни—общественными отношеніями» *). Добролюбовъ даетъ образцы соціальной критики, для которой явленіе имѣетъ смыслъ постольку, поскольку оно вытекаетъ изъ извѣстной общественной обстановки. Отмѣчая животную тупость самодуровъ, не вѣдавшихъ, что они творятъ, такую же тупость покорныхъ своей судьбѣ, выступая на защиту этихъ покорныхъ, онъ анализируетъ прежде всего отношенія, создающія «темное царство». Сознаніе духовнаго сродства съ человѣкомъ, полное разумѣніе солидарности всѣхъ человѣческихъ отношеній—вотъ «принципъ» людей того времени. Въ своихъ сужденіяхъ люди возвышаются постольку, поскольку они желаютъ и умѣютъ приносить пользу массамъ: не тѣ событія имѣютъ особое значеніе, которыя носятъ характеръ патетическій, а тѣ, что «подвинули благосостояніе этихъ массъ». Добролюбовъ вѣрилъ въ «великія силы», таящіяся въ народѣ, въ «въ великую роль народныхъ массъ въ экономіи человѣческихъ обществъ», въ «сильный въ самомъ себѣ гулъ народной жизни»: все горе во внѣшнихъ обстоятельствахъ. «Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и съ надеждой на его добрыя расположенія,—писалъ онъ—можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія свѣжія силы и предохранить ихъ отъ того искаженія, какому онѣ такъ часто подвергаются при настоящемъ порядкѣ вещей» **). «Насущная современная задача—это законное обезпеченіе гражданскихъ правъ и матеріальнаго быта милліоновъ народа» ***).

Прекрасныя мысли, выраженныя съ такой ясностью, до сихъ поръ будятъ въ душѣ высокія чувства. Какой же увлекающей силой онѣ являлись 40 лѣтъ тому назадъ! Чернышевскій и Добролюбовъ были прежде всего глашатаи общественности, неотразимые, страстные. Всѣ силы ума, всѣ средства таланта были направлены на то, чтобы создать органъ общественно-политическій, чтобы и читателя создать общественно-политическаго, ищущаго въ журналѣ извѣстныхъ руководящихъ понятій. Но дѣятельность того и другого вскорѣ прекратилась: въ 1861 году умеръ Добролюбовъ, а въ 1862 г. исчезъ съ литературнаго горизонта Чернышевскій. Кончился первый и самый яркій періодъ шестидесятыхъ годовъ.

«Для насъ, молодыхъ читателей и почитателей,—разсказываетъ Михайловскій,—уже смерть Добролюбова и удаленіе Чернышевскаго произвели непоправимый изъянъ въ физіономіи «Современника». А рядомъ съ этими тяжкими потерями въ составѣ «Современника» поднималось значеніе «Русскаго Слова», въ особенности Писарева» ****).

---

*) „Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія". „Современникъ", 1862 г. № 3.

**) Добролюбовъ, III, стр. 429.

***) Ibid., III, стр. 365.

****) Михайловскій. „Литературныя воспоминанія и современная смута", I, стр. 46.

Чтобы понять это значеніе, надо вникнуть въ переломъ, вызванный эпохой реформъ.

«Русское Слово» явилось въ такое время, когда острый моментъ всѣхъ вопросовъ уже миновалъ. «Наканунѣ» ожидалась переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Въ зависимости отъ этого и движеніе первой волны шестидесятыхъ годовъ не могло не отличаться широтой захвата. Идейная работа не могла сосредоточиться на личности, какъ таковой, разъ дѣло шло о перестройкѣ общественныхъ отношеній. Интересы личной морали, личнаго поведенія интересовали и Чернышевскаго, и Добролюбова, но прежде всего интересовалъ «народъ», его судьбы, его интересы. Теперь начинаются «несбыточныя надежды»: «вмѣсто того, чтобы проповѣдывать гласомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчитъ изящная словесность, наша критика сдѣлала бы очень хорошо, если бы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній» *). «Наканунѣ» объединило всѣхъ лучшихъ людей, несмотря на раздѣлявшіе ихъ оттѣнки. О чемъ прежде, въ дни суроваго гнета, едва смѣли думать, о томъ «наканунѣ» говорилось вслухъ—никакія тучи не заволакивали горизонта... Теперь начинается, растетъ разладъ не только въ широкихъ кругахъ, но—что особенно характерно—въ прогрессивно настроенной интеллигенціи. Прогрессивныя теченія замедляются, понижаются, измѣняютъ свое направленіе...

«Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!..»

Индивидуалистическая писаревщина и явилась на смѣну «теоріямъ» только что пережитой эпохи. Мы видимъ вереницу романовъ и повѣстей, переполненныхъ образами молодыхъ людей, стремящихся къ личной чистотѣ. Писаревъ провѣряетъ эти образы, сравниваетъ ихъ, споритъ о томъ, кто выше по степени личной чистоты: Рудинъ или Лаврецкій, Базаровъ или Печоринъ.

Намъ не надо идеала: служеніе идеалу только давитъ свободную личность, только уродуетъ, не дастъ ей свободно проявляться,—раздается въ воздухѣ. «Разнообразіе общественныхъ интересовъ и успѣхи борьбы изъ-за нихъ опредѣляютъ развитіе литературы», говорилъ Добролюбовъ **), но онъ брался не съ того конца. Какъ говорить объ общественныхъ интересахъ, какъ слѣдить за ихъ успѣхами, когда ихъ нѣтъ? За неимѣніемъ такихъ интересовъ, критика старалась ихъ выдумать. Стремясь привить читателю общественные интересы, она истощалась «въ благородныхъ, но безполезныхъ усиліяхъ»: критика можетъ обсуждать только существующія явленія, только потребности, носящіяся въ дѣйствительности, а не будить потребности, «для которыхъ еще нѣтъ почвы». «Мыслящіе реалисты» идутъ дальше: они сознаютъ свое полное несходство съ массой и смѣло отдаляются отъ нея. «Пойдетъ ли за ними общество, до этого имъ дѣла нѣтъ». Массы, заключенныя въ подвалахъ общественнаго зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общече-

*) Писаревъ. Сочиненія. „Схоластика XIX вѣка".

**) Добролюбовъ, I, стр. 468.

ловѣческой мысли, представляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится работать много, но «который самъ помогаетъ имъ очень мало». Что же дѣлать? Покуда приходится оставить ихъ въ тѣхъ же подвалахъ. Покуда изданіе книгъ по естественнымъ наукамъ неизмѣримо полезнѣе для народа, чѣмъ «всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ». У г. Рафаилова мы находимъ любопытное сопоставленіе. «Если естествознаніе обогащаетъ наше общество мыслящими людьми,—говоритъ Писаревъ,—если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребность иного міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эта потребность совершенно сливаются между собой, поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы не будутъ уходить за границу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на безполезныя сооруженія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи» *). На ту же тему мы читаемъ у Добролюбова: «если разсмотрѣть дѣло поближе, то окажется, что межъ грубымъ произволомъ и просвѣщеннымъ капиталомъ, несмотря на ихъ видимый разладъ, существуетъ тайный, невыговоренный союзъ, вслѣдствіе котораго они дѣлаютъ другъ другу разныя деликатныя и трогательныя уступки, и щадятъ другъ друга, и прощаютъ мелкія оскорбленія, имѣя въ виду одно: общими силами противустоять рабочимъ классамъ, чтобы тѣ не вздумали потребовать своихъ правъ» **).

Таковъ былъ расцвѣтъ писаревщины. Что же должно было оказаться, когда въ ней ничего не осталось, кромѣ «личнаго совершенствованія молодыхъ русскихъ людей обоего пола»? Приливъ кончился, начался отливъ. Пришли люди, «не мучившіеся надъ вопросомъ». Пришли эти люди и подобрали предписанія «мыслящихъ реалистовъ» и пустили ихъ въ оборотъ. «Боже, что они изъ нихъ сдѣлали!» «Уединивъ ихъ отъ процесса ихъ выработки, навѣсили на нихъ всевозможныя грязныя поползновенія, всяческую низость, всякое, совсѣмъ не подходящее нравственное тряпье, подобранное ими на заднемъ дворѣ практической жизни. И эти пришлые люди лягаютъ еще вдобавокъ время отъ времени тѣхъ, кто оставилъ имъ въ наслѣдство краткія и ясныя формулы! Впрочемъ, въ тысячу разъ горше слышать, когда они пятнаютъ ихъ своимъ почтеніемъ» ***).

Возвращеніе къ проповѣди Чернышевскаго и Добролюбова, проповѣди жить и умереть за общественный идеалъ, составляло насущную задачу времени. Безъ сомнѣнія, въ научно-философскомъ отношеніи движеніе не обошлось безъ «темныхъ пятенъ»... Не было глубокаго изученія дѣйствительности... Но не теоріи

---

*) Писаревъ, III, стр. 774—5.
**) Добролюбовъ, III, стр. 181.
***) Михайловскій, IV, стр. 40—41.

были дороги. Ни для кого ни тайна, что практическая идея, назрѣвшая въ девяностыхъ годахъ, рожденная всей совокупностью пореформенныхъ отношеній Россіи, въ извѣстномъ смыслѣ виситъ надъ всѣми жизнеспособными классами. Одно дѣло—дѣло прогрессивнѣйшаго класса, сложное, имѣющее цѣлый рядъ ступеней, другое дѣло—цѣль, общая различнымъ общественнымъ группамъ, безъ достиженія которой немыслимо развитіе ни одной изъ этихъ группъ. Повторяю, я имѣю въ виду не теоретическій обликъ Михайловскаго. Нѣтъ, цѣлый циклъ *настроеній* былъ введенъ имъ въ гражданскій активъ семидесятыхъ годовъ, данъ колоссальный *практическій* толчокъ. Дальнѣйшее общественное движеніе выдвинуло новое содержаніе, противоположное по основнымъ пунктамъ, но, какъ историческій фактъ, взятый въ его идейномъ цѣломъ, движеніе это продолжаетъ работу Чернышевскаго, Добролюбова, Михайловскаго. Представитель этого теченія, г. Ильинъ въ своей статьѣ. «Отъ какого наслѣдства мы отказываемся?» слишкомъ склоненъ разрывать съ этими людьми *).

III.

Школу «мыслящихъ реалистовъ» прошелъ и Михайловскій. Онъ также занимался естествознаніемъ, операціями «надъ собой, о себѣ, въ себѣ».

«За неимѣніемъ другихъ задачъ или за неумѣніемъ найти ихъ, мы все продолжали разрабатывать вопросъ: какъ мнѣ жить свято? мнѣ, т.-е. мыслящему пролетарію. Мы накладывали на себя все новыя и новыя эпитеміи, регламентировали каждый свой шагъ, но мы заботились исключительно о себѣ. Основныя правила добропорядочнаго поведенія крайне немногосложны, и тянуть эту канитель достаточно долго можно только, вдаваясь все въ большія и большія подробности. Такъ и было. Я—тогда еще только мечтавшій о литературной дѣятельности мальчикъ,—разсказываетъ покойный,—живо помню эти безконечные словесные споры о томъ, какъ мнѣ жить свято» **). Онъ еще не прислушался къ стонамъ тѣхъ, кому некогда ждать благодѣтельныхъ результатовъ мыслящаго реализма, не замѣчалъ, какъ «формула личной жизни» становится въ такое противорѣчіе съ «формулой общественной жизни», которое отрѣзываетъ мыслящему пролетарію путь къ цѣлесообразной общественной дѣятельности, вопреки всей широтѣ его стремленій.

Въ 1868 году умеръ Писаревъ. Въ томъ же году появилась первая статья Михайловскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», главномъ органѣ общественнаго движенія семидесятыхъ годовъ, въ которомъ вылилось его литературное credo. Онъ начинаетъ съ отрицанія писаревщины.

«Наше отрицаніе вытекало изъ чистаго и свѣтлаго источника... Намъ били по глазамъ, по сердцу безобразія, и мы отдавали удары». Реализмъ же, пишетъ Михайловскій, если и служилъ народу, то «*только* въ самыхъ об-

*) Ильинъ. „Экономическіе очерки и этюды". Изд. г-жи. Водовозовой. Спб. 1899.
**) Михайловскій, I, стр. 818—819.

щихъ очертаніяхъ распространенія просвѣщенія и благосостоянія» *). Пока наука не перестанетъ быть барской роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ кускомъ хлѣба каждаго здороваго человѣка—думали тогда,—до тѣхъ поръ «бѣдность и безнравственность трудящейся массы» будутъ постоянно усиливаться, несмотря «ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ». Пусть такъ, отвѣчаетъ Михайловскій. Но какая наука? Та ли, отъ которой языкъ сохнетъ, и губы трескаются, которая не содержитъ «ни единой капли божественной влаги, несмотря на проливной дождь лекцій и книгъ»? Если для ученаго есть хотя бы малѣйшая выгода въ существованіи того или другого факта, то даже пріемы естествознанія къ его услугамъ. Если такъ въ естествознаніи, то что говорить объ общественной наукѣ... Возьмемъ Спенсера. Это ученѣйшій человѣкъ, человѣкъ, который, вдобавокъ, «не прочь щегольнуть демократизмомъ». И все же онъ исповѣдываетъ буржуазную соціальную доктрину. Почему онъ это дѣлаетъ? Потому что его «положеніе въ обществѣ» и его «обычныя занятія» не даютъ ему «нужнаго въ такомъ дѣлѣ нравственнаго чутья». Нѣтъ нужды, чтобы выгода преслѣдовалась вполнѣ сознательно: общественное положеніе человѣка подсказываетъ ему рѣшеніе, «выгодное если не для него лично, то для той соціальной группы, которой онъ состоитъ членомъ». Вотъ что пришлось выслушать отъ него одному профессору: «помните, милостивый государь, у Гете великолѣпное по простотѣ и силѣ упрека обращеніе Прометея къ Зевсу:

Ich dich ehren? Vofür?
Hast du Schmerzen gehindert
Je des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Je des Geängstäten?“ **)

Эти мысли сближали науку съ журналистикой. Припомните «Отечественныя Записки», быстрое рѣшеніе, которое получали въ нихъ всевозможные вопросы, рѣзкость, опредѣленность точекъ зрѣнія—вотъ гдѣ «наука» осушала слезы, вдохновляла, не только служила исходнымъ пунктомъ практической дѣятельности, но толкала къ такой дѣятельности, толкала крѣпко, фанатически. Наука, искусство, нравственность, каждое слово, каждая буква говорили о совѣсти, чести, цѣнѣ прогресса, долгѣ передъ народомъ. Гражданская наука, гражданское искусство, гражданская нравственность—лишь постольку печатное слово могло претендовать на признаніе, почетъ, вдумчивое къ себѣ отношеніе «Спенсеръ трактуетъ объ общественныхъ вопросахъ совершенно такъ же безстрастно, какъ о гипотезѣ туманныхъ массъ или о фазахъ раз-

*) Ibid. Стр. 819.

**) Ibid. IV, стр. 577. Мнѣ чтить тебя? За что?
Бывало-ль, чтобы скорбь ты утолилъ
Обремененнаго!
Когда ты слезы осушилъ
У угнетенаго?

витія гидры. Мы къ этому не привыкли» *). Связь понятій объ окружающемъ съ дѣятельностью Михайловскій называлъ религіозной. Недостатокъ ея объясняетъ нравственную неустойчивость, расшатанность.

Защита личности противъ тѣхъ союзовъ, которые являются источникомъ «мученій, лишеній, тѣсноты и грязи жизни», которые поддерживаются не доброй волей своихъ членовъ, а внѣшней силой, въ которыхъ личность подавляется, унижается, оскорбляется, лежала въ основѣ этого взгяда. «Цѣлостной личности» нужны и цѣлостныя формы общественности. Эти формы въ идеалѣ «двуединой правды» и составляли ту нить, которой руководился Михайловскій при обсужденіи «житейской практики сегодняшняго дня». Если онъ предпочиталъ «поселянина-собственника», то это не потому, что интересы крестьянства были ему дороже другихъ трудящихся группъ. Михайловскій вѣрилъ, что община и артель суть примитивные зачатки «двуединой правды». Если бы онъ убѣдился, что рабочій вопросъ въ Россіи не «консервативный», что правда-истина и правда-справедливость не «въ развитіи тѣхъ отношеній труда и собственности, которыя уже существуютъ въ наличности, но въ крайне грубомъ и первобытномъ видѣ», онъ, безъ сомнѣнія, измѣнилъ бы свои симпатіи. Достаточно было взглянуть на высокій крутой лобъ, на юношескій взглядъ, блестѣвшій то сочувствіемъ, то сарказмомъ, на все лицо Михайловскаго, красивое, мужественное, не увядавшее съ годами, чтобы увидѣть, что это былъ искатель, прежде всего искатель «правды».

Есть что-то положительно трогательное въ этомъ исканіи, которое наполняло помыслы цѣлаго поколѣнія, цѣлой исторической эпохи. Пусть вся публицистика того времени доказываетъ, что между интеллигентомъ и мужикомъ была пропасть, что интеллигентъ лишь путемъ насилія надъ собой можетъ «утонуть, расплыться въ этой сѣрой грубой массѣ народа, утонуть безповоротно»—исторически народничество вытекло изъ гуманно-прогрессивныхъ настроеній конца пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Капитализмъ не успѣлъ еще развить въ своихъ нѣдрахъ положительныхъ сторонъ, развитіе которыхъ составляетъ его историческую миссію. Классовая структура русскаго капиталистическаго общества выяснилась еще настолько слабо, присущія этому обществу противорѣчія до такой степени не очистились отъ всякихъ примѣсей, что всѣмъ, кому дороги были интересы «народа», народъ представлялся не иначе, какъ въ образѣ мужика. Соціальное міровоззрѣніе не строится на силахъ, которыя еще не назрѣли. «Фантазія—способность очень слабая, она не въ силахъ отдалиться отъ дѣйствительности—находимъ мы у Чернышевскаго.—Она не въ силахъ создать для своихъ картинъ, ни одного элемента, кромѣ даваемыхъ ей дѣйствительностью. Въ дѣйствительности по вопросу о пользованіи продуктомъ труда высшій элементъ, знакомый нашему воображенію,—положеніе поселянина собственника... Современемъ, конечно, дѣйствительность будетъ представлять данныя для идеаловъ, болѣе совершенныхъ, но теперь никто не въ силахъ отчетливымъ образомъ описать для другихъ или хотя бы

*) Ibid. I. „Что такое прогрессъ“?

представить себѣ иное общественное устройство, которое имѣло бы своимъ основаніемъ идеалъ болѣе высокій» *).

Публицистика народничества семидесятыхъ годовъ не могла не страдать не только отъ утопизма, но и отъ экономизма, пишетъ г. П. Г. въ вышецитированной статьѣ **). Публицистика Михайловскаго лишь отчасти подтверждаетъ мнѣніе г. П. Г.

Безспорно, отрицательныя стороны капиталистической Европы рѣзко противорѣчили идеаламъ того времени. Боязнь тѣхъ учрежденій, которыя «откроютъ двери буржуазіи и толкнутъ народъ въ пропасть», на первыхъ порахъ гонитъ нашего автора къ жгучему вопросу тогдашней дѣйствительности—экономическому. «Свобода!—иронизируетъ онъ.—Великое громкое слово, тысячи разъ кровавыми буквами записанное на скрижаляхъ исторіи! Прекрасный, но страшный сфинксъ, безжалостно пожирающій всякаго, кто не разгадалъ его хитрыхъ загадокъ! На Западѣ «возмутившаяся личность» разрушила феодальный строй—средневѣковую общину, цеховую организацію—и «при всеобщемъ ликованіи» провозгласила идеалъ свободы. Не долго длилось ликованіе. Въ концѣ концовъ восторжествовала не личность, а буржуазія. Либерализмъ не создалъ, не могъ создать такого порядка, при которомъ интересы личности нашли бы себѣ удовлетвореніе: на практикѣ «свобода личности» обозначала несвободу большинства... «Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя,—характеризуетъ Михайловскій это время впослѣдствіи.—«Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же»—вотъ такъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали: именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, причемъ опять таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной физіономіи народа... Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своей многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути» ***).

Эволюція того, чѣмъ мы обладаемъ, начиная съ законодательнаго закрѣпленія общины—вотъ, казалось, все, что нужно Россіи. Желая сохранить «возможность», интеллигенція не хотѣла правъ—«да будутъ они прокляты, если не только не дадутъ намъ возможность разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ!»

Но Михайловскій былъ чуждъ народнической маниловщины. Какъ публицистъ, онъ, безспорно, соединялъ широкій общественный идеализмъ съ трез-

---

*) „Современникъ". 1861 г. № 7, стр. 125.
**) „Проблемы идеализма".
***) Михайловскій. „Сочиненія", I, стр. 868.

вымъ практическимъ чутьемъ дѣйствительности. Уже въ 1875 г. онъ приходитъ къ заключенію, что капитализмъ порождаетъ у насъ тѣ же послѣдствія, которыя уже достаточно обнаружились на Западѣ. Цѣлые вѣка прошли, пишетъ онъ, не затронувъ духовной жизни русскаго народа, но наше время совсѣмъ не то, что тѣ вѣка замкнутости и черепашьяго хода. «Чуть не съ каждымъ годомъ» типъ экономическаго развитія Россіи приближается къ Европѣ. Въ 1878 г. покойный публицистъ писалъ: «пора бы перестать толковать о различіи путей, по которымъ идутъ Россія и Европа. У насъ, сплошь и рядомъ, можно слышать, что мы, такъ сказать, не отъ міра сего, и потому буржуазіи вырастить не можемъ. «Хорошо бы, кабы этими устами да медъ пить. Но въ то самое время, какъ медоточивыя уста разглагольствуютъ, сборная команда купцовъ, помѣщиковъ, предпринимателей и кулаковъ-крестьянъ слагается въ совершенно опредѣленную буржуазію, хотя, конечно, на нашъ отечественный солтыкъ и притомъ пока не сомкнутую еще корпоративнымъ духомъ» *).

Сообразно этому измѣняется и взглядъ.

Если между элементами, въ которые мы всю душу клали, «протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ. Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло, и въ этомъ корень вещей. Оказывается, что, если европейскія учрежденія не гарантируютъ народу его куска хлѣба и есть тамъ «милліоны голодныхъ ртовъ отверженныхъ пролетаріевъ» рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акридъ и дикаго меду для желающихъ и не желающихъ ими питаться. Грубѣе, разумѣется, у насъ все это выходитъ, наглѣе, безформеннѣе, но, спрашивается, какого добраго почина не задавитъ всемогущій братскій союзъ, пока мы только себя въ себѣ искать будемъ? Пусть-ко г. Достоевскій попробуетъ ну хоть въ сельскіе учителя поступить да тамъ поговорить, напримѣръ, о томъ, что, дескать, «не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, какъ рабомъ». Пусть попробуетъ въ этомъ направленіи поработать на родной нивѣ, а мы посмотримъ, въ какомъ видѣ онъ оттуда выскочитъ. Вотъ о себѣ, въ себѣ, надъ собой, это точно, что вездѣ и всегда можно, на виду у всякаго союза, потому что это союзу на руку» **). Такъ, вопреки мнѣнію г. П. Г., сами семидесятые годы сосредоточиваютъ вниманіе Михайловскаго на «элементарныхъ параграфахъ естественнаго права».

Разъ мы впустили къ себѣ Европу экономическую, то смѣшно запираться предъ остальной Европой ***)...

---

*) Ibid., IV, стр. 572.
**) Ibid., IV, стр. 957—58.
***) Ibid., стр. 1020.

Какія бы медоточивыя уста ни внушали вамъ фетишизма предъ «общественными союзами», доносится съ трибуны,—вы должны уклониться «отъ позорной роли идолопоклонника». Личность *никогда* не можетъ быть принесена въ жертву. Личность свята и неприкосновенна, и всѣ ваши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы слѣдить за ея судьбами, становиться на ту сторону, гдѣ она можетъ восторжествовать. «Во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а—личности». Всякій общественный союзъ—какое бы громкое или предвзято симпатичное названіе онъ ни носилъ—долженъ быть дорогъ вамъ постольку, поскольку онъ способствуетъ развитію личности, охраняетъ ее отъ страданій, расширяетъ сферу наслажденій—«таковъ конечный смыслъ всѣхъ разсужденій на политическія темы, если только разсуждающіе доводятъ разсужденіе до логическаго конца, а не сворачиваютъ по дорогѣ къ нему въ сторону» *). Одинаково далекій и отъ оптимизма П. Ч., и отъ «поступковъ» Юзова Каблица, писатель призываетъ къ дѣятельному вмѣшательству въ жизнь. У мужика есть чему поучиться, но есть и намъ, что ему передать. Только отъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть «вожделѣнный новый періодъ русской исторіи». Пониманіе народа слишкомъ часто противорѣчитъ его собственнымъ интересамъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы, искренно и честно признавъ интересы народа своей цѣлью, сохранить въ деревнѣ только то, что этимъ интересамъ соотвѣтствуетъ. «О, если бы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть насчетъ того же народа? О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти... Какая бы это вышла иллюминація, и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собой? Нѣтъ равнаго ему въ исторіи» **)...

Да, это былъ свѣточъ, именно свѣточъ... Весь ходъ нашихъ общественныхъ отношеній съ шестидесятыхъ годовъ показываетъ, что «трезвыя» программы никогда не играли крупной роли у насъ. Такую роль могъ бы играть буржуазный, такъ называемый чистый либерализмъ; но буржуазные классы, въ силу нашего историческаго прошлаго и своеобразныхъ условій настоящаго, имѣютъ меньше всего охоты быть либеральными. Идеологія, освѣщенная тенденціей «Отечественныхъ Записокъ», соотвѣтствовала духу времени, вопреки «утопическимъ прыжкамъ». Въ другомъ былъ центръ тяжести: «воздвигая памятникъ своей совѣсти, создавали тріумфъ любви къ массѣ». Чтобы имѣть вліяніе даже въ умѣренно-прогрессивныхъ слояхъ общества, необходимо было окраситься въ этотъ цвѣтъ: мы это видимъ на либерально-народническомъ «Вѣстникѣ Европы».

---

*) Ibid., стр. 405—406 и 452.

**) Ibid., III, стр. 707.

IV.

Съ прекращеніемъ «Отечественныхъ Записокъ» закончился наиболѣе блестящій періодъ дѣятельности Михайловскаго. Тогда появились его лучшія статьи, тогда достигло высшаго предѣла вліяніе Михайловскаго, какъ «властителя думъ». «Хорошее это было время. То есть, много въ немъ было, конечно, и нехорошаго, даже очень и очень нехорошаго, но лично для меня, какъ писателя,—писалъ Николай Константиновичъ,—оно остается навсегда незабвеннымъ» *).

Читатель, съ которымъ автора связывали сотни духовныхъ нитей, понималъ на полусловѣ, договаривалъ недоговоренное, въ свою очередь, начиналъ рѣчь... Ее оставалось только договорить... При такихъ условіяхъ писать легко. Кромѣ статей теоретическаго характера, въ это «хорошее время» случалось писать по два ежемѣсячныхъ обозрѣнія заразъ, напр., «Записки профана» и «Дневникъ Ивана Непомнящаго» или «Дневникъ Ивана Непомнящаго» и «Въ перемежку», но о тяжести работы и рѣчи быть не могло...

И вотъ настали восьмидесятые годы, это «медленное заворачиваніе фронта».

Ударъ былъ слишкомъ тяжелъ: русскій интеллигентъ потерялъ вѣру въ свои силы. Идейная борьба размѣнялась на мелочи. Это была полоса, когда идейная жизнь точно остановилась. Съ одной стороны, декадентство, эстетизмъ, съ другой—непротивленіе злу, бѣгство въ культурные скиты, абрамовщина, которая, «отодвигая на второй планъ вопросы общественно-политическіе, считаетъ основной задачей современной государственной жизни Россіи энергическую помощь народу въ его трудной борьбѣ съ доморощеннымъ кулачествомъ и быстро нарождающеюся, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тѣснаго общенія съ Западомъ, буржуазіей русской» **). Новыя мозговыя линіи, новыя душевныя складки, субсидіи, гарантіи—«не смущайте насъ, тѣни прошлаго, и вы, отцы, поймите своихъ дѣтей—шире дорогу: восьмидесятникъ идетъ» ***). Въ эту грустную эпоху, когда на смѣну «героямъ безъ страха и сомнѣнья» выползли—по выраженію глазовскихъ чужестранцевъ—«герои безстыдства и малодушія», одинъ за другимъ замолкли наиболѣе видные изъ друзей и товарищей Михайловскаго: замолкъ Успенскій, умеръ Салтыковъ, менѣе видные люди, работавшіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» частью разбрелись, частью измѣнились. Могла ли быть рѣчь о какомъ-либо вождѣ для широкихъ общественныхъ массъ? Удручали сѣрые тоны, но еще больше удручало «безмолвіе». «Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели» ****). Михайловскій нѣкоторое время оставался одинокимъ.

Но глубоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы искать въ его статьяхъ этого

---

*) Ibid., VI, стр. 460—461.

**) Изъ характеристики г. Абрамова въ словарѣ Венгерова.

***) Изъ письма читателя къ Шелгунову. См. „Очерки русской жизни“.

****) Салтыковъ. „Сочиненія“, IX. „Забытыя слова“.

періода слѣды унынія, чувствительности, индиферентизма. Сколько огня, сколько сарказма, сколько гражданскаго мужества! Въ трудной борьбѣ съ многочисленными противниками вырабатывается полемистъ, блещущій отрицаніемъ, гнѣвомъ, безпощадный, бьющій врага на смерть. Та высоко-талантливая защита человѣка, какъ человѣка, независимо отъ расы и національности, которая, вообще, составляла сущность статей Михайловскаго, раздается въ эту глухую пору особенно громко. Роль, сыгранную покойнымъ въ восьмидесятые годы, многіе участники его сорокалѣтняго юбилея склонны считать важнѣшей его заслугой. «Въ эту глухую пору,—писали они ему,—когда глубоко задѣтое, наболѣвшее чувство тревожно искало и, казалось, не находило выхода изъ гнетущаго состоянія подавленности и апатіи, вашъ бодрый призывъ къ борьбѣ съ окружающимъ мракомъ не далъ заглохнуть пробужденному самосознанію, усиливъ приливъ общественной энергіи и тѣмъ самымъ воскресилъ активное настроеніе». «Своей борьбой противъ проповѣдей «малыхъ дѣлъ», противъ квіетизма, толстовства, противъ общественнаго индеферентизма, во всѣхъ видахъ, вы стойко и съ честью защищали дѣло прогресса» *). Безъ сомнѣнія, и въ эту пору статьи Михайловскаго прочитывались первыми...

Если въ семидесятые годы, «когда вся пресса, за весьма малыми, совсѣмъ уже отпѣтыми исключеніями, либеральничала, очень легко, но все-таки либеральничала до назойливости», Михайловскій защищалъ интеллигенцію и ея идеалы отъ народнической маниловщины, то въ восьмидесятые онъ беретъ ее подъ свою защиту совершенно иначе. «Въ обществѣ и литературѣ,—читаемъ мы еще въ началѣ десятилѣтія,—то и дѣло, слышатся нынѣ возгласы: долой интеллигенцію и да здравствуетъ народъ! Хорошо. Я не высокаго мнѣнія о русской интеллигенціи и никому не уступлю въ искренности пожеланія: да здравствуетъ народъ! Но я боюсь данайцевъ, дары носящихъ. Боюсь, что господствующее настроеніе общественной мысли отольется и уже отливается въ схему, которую можно позаимствовать у газеты «Русь»: изъ уваженія къ требованіямъ народной совѣсти и народныхъ вѣрованій, театры въ посту должны быть закрыты... Дѣло не въ великопостныхъ спектакляхъ, конечно, и даже не въ запрещеніи служить панихиду въ память великаго поэта, составляющаго честь и красу отечества. Дѣло въ общей тенденціи—задавить, подъ предлогомъ народныхъ идеаловъ, великія международныя вещи и... и все-таки ничего не дать народу» **). Пусть садятся на землю тѣ культурные люди, которые чувствуютъ себя призванными къ этому, по настоящему ли или «съ той осторожностью, съ какой присѣлъ на землю графъ Толстой»; пусть въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ приливъ такихъ людей на землю достигнетъ огромнѣйшихъ размѣровъ, но «сейчасъ, первая стадія упорядоченія, уравновѣшенія, гармонизаціи культурныхъ людей должна не въ этомъ состоять» ***). Успенскій, напр., при всемъ своемъ увлеченіи идеалами земледѣльческаго труда, отводилъ

*) А. Пѣшехоновъ. „На очередныя темы“, 432—433. Спб. 1904 г.
**) Михайловскій. „Сочиненія“, VI, стр. 463 и 477—478.
***) Ibid., V, 135.

интеллигенціи миссію «такую высокую, что выше, пожалуй, что и не выдумаешь. Значитъ, не въ одномъ земледѣльческомъ трудѣ спасеніе. Есть и еще какіе-то виды дѣятельности, нужные, полезные, цѣнные и, быть можетъ, столь же способные установить или возстановить душевное равновѣсіе» *).

Я напомню читателю блестящую аттаку Михайловскаго противъ толстовства, блестящую по своей активной непосредственности, и ту позицію, какую Михайловскій занялъ, какъ представитель народничества.

Въ томъ видѣ, какъ сложилось у насъ толстовство, какъ оно принималось его послѣдователями, это—надо сказать—чисто русское явленіе. Въ западной Европѣ, гдѣ чтеніе свободно, открыто, гдѣ самообразованіе не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, гдѣ мысль проходитъ опредѣленную дисциплину, настроенія неизбѣжно попадаютъ въ строгое русло, рѣже всего отливаются въ такъ называемую «отсебятчину». Но у насъ, гдѣ не существуетъ дисциплины мысли, гдѣ знаніе не составляетъ привычной атмосферы, а атмосферу, которой приходится дышать, составляетъ въ лучшемъ случаѣ полузнаніе, не можетъ быть такой внѣшней или внутренней силы, которая бы удержала *интеллигента* отъ любой фантасмагоріи. И вотъ опять вопросъ сходитъ съ «интересовъ солидарности», съ интересовъ общественныхъ преобразованій на интересы личности въ духѣ «Русскаго Слова», съ той лишь разницей, что проповѣдь просвѣщенія уступаетъ мѣсто отрицанію науки, отрицанію прогресса, борьба съ авторитетами—непротивленію злу. Графъ Толстой, какъ Самсонъ, потрясалъ мощными руками колонны зданія, а «ликующіе филистимляне, продолжая поклоняться Дагону и Астартѣ, не гонятъ его, не бранятъ, а даже похваливаютъ: молодецъ Самсонъ! Должно быть, не страшна имъ мощь Самсона, должно быть, они увѣрены, что не расшатать ему колоннъ и не согнать Дагона и Астарты съ ихъ пьедесталовъ» **). Еще бы! Не противься злу, не помогай знаніемъ, не помогай деньгами, не помогай заступничествомъ—вотъ ужъ добровольное скопчество, вытравленная молодость, не знающая ничего, что и составляетъ прелесть молодой жизни, живой активности, живыхъ любящихъ стремленій. Толстовцы обречены были на чисто платоническое сочувствіе, все дальше и дальше заводившее въ тупой переулокъ. Люди становились толстовцами, «чтобы совершенно одеревенѣть и спокойно жуировать подъ прикрытіемъ великаго имени» ***). Какой ироніей надъ тогдашней жизнью была эта проповѣдь! Михайловскій ни на минуту не перестаетъ слѣдить за этой реакціей.

«Толстой такъ занятъ происходящимъ въ немъ самомъ душевнымъ процессомъ, такъ прислушивается къ шуму въ своихъ собственныхъ ушахъ,—читаемъ мы—что внѣшніе предметы теряютъ для него свое самостоятельное, живое значеніе. Завидны это спокойствіе сердца, приставшаго къ странѣ, гдѣ рѣки въ кисельныхъ берегахъ молокомъ текутъ, эта чистота совѣсти, эта ясность логики, которая говоритъ: я все понялъ! Да, это завидно. Но мы, мятущіеся,

*) Ibid., 129.
**) Ibid, VI, стр. 361.
***) Ibid., стр. 415.

мы, ищущіе, мы, не сумѣвшіе выскочить изъ водоворота жизни ни на кисельный берегъ молочной рѣки, ни на облака, вѣнчающія вершины Олимпа, мы не вѣримъ гр. Толстому! Онъ, конечно, говоритъ правду: онъ спокоенъ, счастливъ, онъ достигъ того душевнаго состоянія, которое даже не всѣмъ угодникамъ усвоиваютъ житія святыхъ. Но это только потому, что графъ прислушивается къ шуму въ собственныхъ ушахъ. Отверзи онъ ихъ на минуту для воспріятія живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, и онъ долженъ ужаснуться того страннаго противорѣчиваго положенія, въ которомъ онъ находится» *). Нѣтъ, кромѣ совѣсти, которая должна опредѣлять отношенія «таракановцевъ» къ «дуракамъ»— пишетъ Михайловскій по поводу сказки «Объ Иванѣ дуракѣ и его двухъ братьяхъ»,—есть еще голосъ чести, который опредѣляетъ отношеніе «дураковъ» къ «таракановцамъ» (см. «Сочиненія», т. VI, стр. 405, 398; т. V, стр. 166 et passim).

Въ отрезвленіи русскаго интеллигента отъ противуобщественныхъ элементовъ толстовства роль Михайловскаго была очень значительна. Не менѣе характерна позиція Михайловскаго въ компаніи народниковъ восьмидесятыхъ годовъ.

Нѣтъ спору, поставивъ впервые вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи, давъ общественному сознанію то или иное рѣшеніе этому вопросу, народничество тѣмъ самымъ заняло одно изъ первыхъ мѣстъ среди прогрессивныхъ теченій русской общественной мысли. Но рѣшеніе вопроса въ скоромъ времени даетъ себя знать и примитивностью чисто теоретическаго построенія, давно выброшеннаго за бортъ капиталистическими впередъ ушедшими странами западной Европы, и чисто практически. Чѣмъ дальше шло развитіе народничества, тѣмъ больше оно сбивалось съ толку. «Одно время «народъ» забрался было такъ высоко («выше сферы своей, словно пролетарій какой», сказалъ бы образованный гоголевскій приказчикъ), что даже въ области общей практики поднялось знамя «народной политики». Нельзя сказать, чтобы всѣ сердца были этимъ обрадованы и обнадежены, но уличная литература проворно пристроилась къ новому знамени» **). Абрамовщина и была крайнимъ выраженіемъ этого процесса, потерявшимъ всякое общественное чутье... Михайловскій не разъ негодовалъ на то, что его «смѣшиваютъ съ народниками». Конечно, одно дѣло— «смѣшивать», другое дѣло—подводить подъ одну категорію воззрѣнія, которыя, несмотря на существенные оттѣнки, солидарны по основному пункту общественной философіи; въ свое время подчеркивалось не то, чѣмъ отличается Михайловскій отъ г. В. В., а отношеніе къ процессу общественнаго развитія Россіи, пониманіе «Капитала» и г. В. В., и Михайловскаго — черты, общія всему теченію. Все же, хотя ни одинъ изъ русскихъ «учениковъ» не отрицалъ этихъ различій, Михайловскій имѣлъ основаніе быть недовольнымъ, право гражданина. И у народниковъ, какъ у другихъ общественныхъ теченій, есть правая и лѣвая, есть народники антисемиты, народники-націоналисты, народничество «малыхъ дѣлъ». И г. Б. В., и Михайловскій отрицали прогрессивную миссію капита-

*) Ibid., стр. 369—70.

**) Ibid., V, стр. 166.

лизма—въ этомъ несомнѣнно сходство. Но практическіе идеалы ихъ столь же несомнѣнно различны *). На это указывалось, но на этомъ не останавливались.

Михайловскій принадлежалъ къ той фракціи народничества, къ которой принадлежали Николай - онъ, Русановъ, авторъ «Историческихъ писемъ». Совсѣмъ не то представлялъ г. В. В., типичный народникъ восьмидесятыхъ годовъ. Это фракція практическая въ обыденномъ смыслѣ слова. Разсудочность, наклонность уходить въ мелкіе интересы, отсутствіе порыва, полета вверхъ и вширь—«рожденный ползать летать не можетъ». Для этой фракціи идеалъ общественнаго служенія не идетъ дальше сельскихъ учителей и учительницъ, крестьянскихъ банковъ, ссудосберегательныхъ товариществъ, артелей, складовъ, земской медицины, земскихъ путей сообщенія и пр. Недовѣріе г. Николая - она къ малымъ мѣрамъ, которыя, по его мнѣнію, поднимаютъ не крестьянское хозяйство, а крестьянскихъ кулаковъ, вызываетъ рѣзкое порицаніе г. В. В. Онъ прямо называетъ «практическія заключенія» г. Николай - она «утопіей». «Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной» **). Г. В. В. подчеркиваетъ, что идеалъ близокъ къ «землѣ»—къ мелкимъ дѣламъ мелкой крестьянской буржуазіи... Вспомните предисловіе къ «Судьбамъ капитализма», цитируемое въ «Русской фабрикѣ», въ которомъ онъ высказываетъ чисто оппортунистическій взглядъ...

Михайловскій, какъ народникъ, ничего общаго не имѣетъ съ этимъ оппортунизмомъ. Если фракція г. В. В. подобна Ужу Максима Горькаго, то фракція Михайловскаго была подобна Соколу «съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ»...

V.

Мы подошли къ тому десятилѣтію, на порогѣ котораго почти стоимъ, когда Михайловскій выступилъ не противъ рыцарей мрака, даривших его своимъ неотступнымъ вниманіемъ, у которыхъ онъ и теперь вырывалъ оружіе въ полемическихъ турнирахъ, а противъ прогрессивнѣйшаго ученія времени. Объ этомъ нельзя говорить безъ волненія...

Да, былъ моментъ, когда Михайловскій остался не на высотѣ своихъ дарованій. Онъ совершенно не понялъ «новаго слова». Правда, «новое слово» не могло не быть чуждымъ человѣку семидесятыхъ годовъ: вѣдь таланты блѣднѣютъ, когда нить, связывающая ихъ съ жизненнымъ явленіемъ, обрывается, но вотъ же Фридрихъ Энгельсъ, одинъ изъ отцовъ матеріалистическаго пониманія исторіи, произносилъ въ 1845 году въ Эльберфельдѣ рѣчь, въ которой доказывалъ невозможность капиталистическаго развитія. Неясность жизненныхъ отношеній и въ Германіи въ свое время восполнялась простотой теоріи...

---

*) Ср. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. *Второе* изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Глава V.

**) Горькій. Разсказы, I т. „Пѣсня о Соколѣ".

Пониманіе семидесятыхъ годовъ—сказали мы—неизбѣжно должно было отлиться въ форму антагонизма между идеаломъ и дѣйствительностью: отрицательныя стороны капиталистической эволюціи Россіи сильнѣе давали себя чувствовать. Тогда еще имѣло значеніе не столько рѣшеніе вопроса, сколько его постановка... Но эволюція шла съ головокружительной быстротой. Въ то время, какъ Михайловскій писалъ: «о наличности какой-нибудь общественной задачи, соединяющей въ себѣ грандіозность замысла съ общепризнанной возможностью немедленнаго исполненія, нечего въ наше время и говорить. Нѣтъ такой задачи. Но нѣтъ и гораздо меньшаго» *), желѣзныя дороги вносили вихрь новыхъ понятій и чувствованій, врывались, въ формѣ денежныхъ расчетовъ, въ строй деревенской жизни, разрушали традиціонныя формы хозяйствованія, дѣлали крестьянина гражданиномъ мірового рынка. Капиталистическая промышленность была пересажена въ Россію съ западно-европейской почвы. Въ ней менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой капиталистической промышленности, сохранились слѣды постепеннаго развитія: она напоминаетъ американскую. Въ самомъ дѣлѣ, земледѣльческое населеніе, стѣна таможенныхъ тарифовъ, приливъ иностранныхъ капиталовъ—надо ли удивляться, если тамъ, гдѣ въ семидесятые годы и не помышляли о промышленной дѣятельности, въ восьмидесятые выростали колоссальные заводы? Длина ежегодно открываемыхъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ составляетъ 2.812 верстъ. Въ Германіи же, въ періодъ желѣзнодорожной горячки, открывалось, въ среднемъ, 1.496 километровъ, во Франціи—873 километра, въ Англіи—931. Самимъ ходомъ вещей пробуждалось классовое сознаніе. Классовое сознаніе искало новыхъ путей. Развитіе этого сознанія, исканіе этихъ путей самыми разнородными группами въ самыхъ разнородныхъ направленіяхъ и привели къ тѣмъ ближайшимъ задачамъ, которыя поставлены Россіи современнымъ историческимъ моментомъ. Головокружительный подъемъ русской капиталистической промышленности, дифференцировавшій всю страну на совершенно опредѣленные общественные классы, и развилъ тѣ стороны, на которыя могло опереться, на которыя оперлось «новое слово».

Если Михайловскій восьмидесятыхъ годовъ не замѣтилъ этихъ сторонъ, то часть русской интеллигенціи замѣтила ихъ очень рано.

Интеллигенція становилась въ тупикъ передъ абстракностью своего идеала, передъ полнымъ неумѣніемъ связать этотъ идеалъ съ текущей практической жизнью. Такая интеллигенція, какъ извѣстно, предшествовала появленію марксистской интеллигенціи. Пока личность призывалась къ «непротивленію», малымъ дѣламъ, собиранью отрадныхъ явленій, пытливая русская мысль пробивалась едва замѣтной струйкой въ «Дѣлѣ», «Словѣ», въ научныхъ статьяхъ Зибера, Валентинова, отчасти Русанова. Въ очеркахъ самого старика Шелгунова, справедливо замѣтилъ г. Струве, уже пробивались ростки новыхъ думъ, окончательно созрѣвшихъ въ девяностые годы **). Онъ же въ своихъ «Очеркахъ» намѣтилъ нарожденіе въ Петербургѣ «молодежи будущаго». У этой мо-

*) Михайловскій, V, стр. 390.

**) Струве. „На разныя темы". „Памяти Н. В. Шелгунова". Спб. 1902 г.

лодежи, писалъ онъ, «замѣчается одна умственная особенность, которой нѣтъ совсѣмъ у восьмидесятниковъ. Восьмидесятники думали изъ себя. Они мало учились, мало читали и, растерявшись въ заключеніяхъ и выводахъ, остановились на идеѣ общественнаго индиферентизма. Теперешняя молодежь начинаетъ... съ изученія тѣхъ общественныхъ фактовъ, изъ которыхъ, какъ логическій выводъ, должно послѣдовать само собой—что дѣлать?» *).

Отъ Михайловскаго не могло ускользнуть охлажденіе этой молодежи. Въ концѣ 1886 года, когда г. В. Яковенко обратился къ Михайловскому съ письмомъ, въ которомъ, указывая на нѣкоторыя противорѣчія въ ученіи публициста-народника семидесятыхъ годовъ о «народѣ», объ отношеніи между «обществомъ» и народомъ, объ обязанностяхъ «интеллигенціи» къ народу, просилъ разъяснить эти противорѣчія: за такое-молъ разъясненіе скажутъ «горячее спасибо многія измученныя сердца» **), покойный предается грустнымъ размышленіямъ о судьбѣ того, что еще недавно сіяло всѣми лучами жизни—тогда, когда цитируемыя г. Яковенко мысли не были еще «подкошенной травой», когда «потребность руководящей нити въ этомъ направленіи была жизненнѣе, живѣе», а противорѣчія никому не кололи глазъ...

«На меня пахнуло чѣмъ-то старымъ и вмѣстѣ свѣжимъ, тѣмъ старымъ, которое было такъ свѣжо лѣтъ десять, двѣнадцать, пятнадцать тому назадъ. Какъ легко, просто, естественно было бы отвѣчать на вопросы, задаваемые теперь г. Яковенко, если бы они были предъявлены въ свое время! А между тѣмъ эти вопросы тогда не задавались, эти сомнѣнія не высказывались; не литературной только критикой,—она, какъ уже сказано, просто молчала,—а и голосами изъ публики, какимъ является теперь письмо г. Яковенко. Были вопросы, требовались разъясненія, выражались сомнѣнія, но не эти»... Тогда «драматическое положеніе должника народу, которое нынѣ такъ смущаетъ г. Яковенко и вѣроятно не его одного», переживалось всѣми. «Они въ самихъ себѣ, въ своемъ положеніи, въ своей жизни носили и всегда ощущали тѣ противорѣчія, которыя г. Яковенко великодушно предоставлялъ мнѣ одному». Г. Яковенко говоритъ: объясни. «Многочисленныя выписки г. Яковенко изъ моихъ сочиненій представляются мнѣ чѣмъ-то въ родѣ скошенной травы: когда-то все это было живо, каждая травинка имѣла свои корни въ землѣ и добывала изъ земли нужные ей соки, и росла, и цвѣла. А теперь вотъ трава подкошена, корни подрѣзаны, и г. Яковенко съ достойной всякой похвалы любознательностью разсматриваетъ и сортируетъ. Или другое сравненіе: «О поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?!» Все вѣдь это мертвыя кости, разрозненныя, лишенныя плоти и крови, и г. Яковенко роется въ костяхъ, недоумѣвая, отчего позвонокъ не приходится къ позвонку» ***).

Конечно, экономическая эволюція еще мало отражалась на идеологіи интел-

---

*) Шелгуновъ. „Очерки русской жизни“. Спб. 1895 г., стр. 1093—94.

**) См. В. Яковенко. „Письмо къ Н. К. Михайловскому“. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1886 г., № 11, стр. 195—217.

***) Михайловскій. „Сочиненія“, VI, стр. 460—461—462—472.

лигенціи. «Молодежь будущаго» обращала еще на себя мало общественнаго вниманія. Но долго не могло продолжаться такъ. Какъ уже отмѣчено полемика съ «учениками» началась значительно раньше ихъ появленія въ печати. Гг. В. В., Кривенко и проч. вступили въ борьбу съ марксизмомъ еще задолго до книгъ гг. Бельтова и Струве: направленіе носилось въ воздухѣ. Новыя времена—новыя птицы, новыя птицы—новыя пѣсни. Литература лишь отразила то, что уже бродило въ головахъ.

А бродило вотъ что. Всѣмъ ясно—«цѣпь великая», разорвавшаяся въ 1861 году, оставила неизгладимые слѣды своего существованія, цѣлый рядъ противуобщественныхъ остатковъ. Насъ мучатъ не только живущіе, не только умирающіе, но и жившіе. *Прежде всего* необходимо покончить съ этими остатками. *Прежде всего*... Но—«къ кому обращается Михайловскій со своими совѣтами, одобреніями, указаніями? къ людямъ, власть имущимъ? къ какой-нибудь общественной группѣ?» Михайловскому ставился его собственный вопросъ. Марксисты отнеслись отрицательно къ «субъективной соціологіи». Вся она построена на идеѣ однородности: общество представляется народнику не изъ группъ, возникающихъ и развивающихся на почвѣ производственныхъ отношеній, а просто изъ индивидуумовъ, личностей, которыхъ онъ и ставитъ во главу угла, обрекая себя тѣмъ самымъ на блужданіе въ области абстракцій. Въ недифференцировавшейся еще Россіи народникъ различалъ «государство», «общество», «интеллигенцію», «народъ», но и между этими группами у него не могло быть конкретныхъ границъ. Всей душой преданный прогрессу и народному благу, Михайловскій бичуетъ, обличаетъ, защищаетъ грудью святость и силу велѣній общественной совѣсти, сообщаетъ ихъ отъ лица къ лицу съ неудержимо растущей силой, но... не умѣетъ опереть ихъ на силу жизни, не знаетъ этой жизни. Можетъ ли быть иначе? Такой силы не могли найти семидесятые годы. Теперь дѣло обстоитъ иначе. Дѣйствующія лица русскаго капитализма сложились, превосходно выяснились. Отпаденіе всяческихъ формъ патріархальности, подвижность населенія, ростъ крупныхъ индустріальныхъ центровъ—именно тѣмъ дорогъ капитализмъ, что въ его нѣдрахъ вырабатывается высшій типъ общественной психологіи. Личность ростетъ, легче проникается тѣми самыми стремленіями, которыя дороги и Михайловскому.

Какъ же отнесся къ «ученикамъ» Н. К. Михайловскій? Онъ не понялъ совершившейся эволюціи,—отнесся враждебно къ движенію, не менѣе враждебно, чѣмъ гг. В. В., Кривенко и пр. Вотъ когда выступило то, что есть общаго у народниковъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ! Но... не будемъ заводить споръ...

Пусть старый боецъ за правду-истину и правду-справедливость шелъ старымъ путемъ—это все-таки путь высокихъ стремленій, основныхъ началъ личной и общественной жизни. Опять передъ нами живой общественной дѣятель, для котораго его «я» слито съ общественнымъ дѣломъ, съ интересами жизни, литературы. Ученіе Михайловскаго обнаружило новую живучесть послѣдніе годы: все тѣснѣе, все ближе смыкались около него товарищи, ученики, подъ его руководствомъ работавшіе для одной цѣли... Всѣмъ памятна та поднимающая волна, которую представляло чествованіе Михайловскаго. Не

считая мѣстъ, не отмѣченныхъ географической датой, привѣтствія получены были изъ 173 пунктовъ. По подсчету г. Пѣшехонова, общее число участниковъ привѣтствій (всего 520) достигло цифры 20.000 *). И цифра, и тотъ энтузіазмъ, даже внѣшнія условія, сопровождавшія юбилей, наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что писатель-гражданинъ до конца стоялъ «на славномъ посту», и сошелъ въ могилу такимъ же проповѣдникомъ правды-истины и правды-справедливости—завѣтовъ старшихъ товарищей, которыхъ онъ такъ трогательно чтилъ,—такимъ же крѣпкимъ и чистымъ, какимъ выступилъ въ шестидесятые годы...

Свѣтить можно, только сгорая, замѣтилъ одинъ венгерскій поэтъ. Недолговѣчны русскіе писатели. Коротка была дѣятельность Бѣлинскаго и Герцена, Добролюбовъ и Писаревъ умерли во цвѣтѣ лѣтъ, рано замолкъ авторъ «Что дѣлать?» Къ счастью русской литературы, срокъ дѣятельности Михайловскаго выразился совсѣмъ другой цифрой.

Сорокъ лѣтъ онъ вносилъ страсть мысли, проповѣдь правды, то неуловимое нѣчто, что присуще только великой индивидуальности, сорокъ лѣтъ пробуждалъ вѣру въ лучшее будущее, готовность работать для него, вызывая бурю чувствъ, отвѣчая на всѣ угнетающія явленія грустной русской дѣйствительности. Нѣсколько поколѣній воспитано имъ, вынесло благородную вѣру въ «дѣло любви». И если сорокъ лѣтъ—изъ ряду вонъ выходящая заслуга, даже для англійскаго, нѣмецкаго, французскаго писателя, то какъ цѣнить, какъ назвать кипучее, тревожное, безпрестанно требовавшее настроенія и нервовъ сорокалѣтнее творчество въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ жилъ и работалъ Михайловскій? Покойный явится однимъ изъ самыхъ гордыхъ воспоминаній нашей общественности.

Л. Клейнбортъ.

ПАМЯТИ В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Имя В. В. Верещагина для всего культурнаго человѣчества давно и навсегда связано съ представленіемъ о войнѣ: болѣе яркаго и преданнаго своему дѣлу *врага войны* и одновременно весьма *боевого* человѣка трудно найти во всей галлереѣ современныхъ дѣятелей. Это весьма любопытное психологическое явленіе. У Л. Н. Толстого—его проповѣдь противъ войны есть только частный выводъ изъ всего его ученія, отрицающаго насиліе, а не главная задача, не основная идея; а кромѣ того въ художественныхъ произведеніяхъ своихъ онъ даже и не помышляетъ о принципіальномъ отрицаніи войны... Всѣ дѣятели «лиги мира», Берта фонъ-Сутнеръ и др., далеко не столь яркія и цѣльныя фигуры, какъ покойный художникъ, и далеко не пользуются такою, какъ онъ, популяр-

---

*) А. Пѣшехоновъ. „На очередныя темы". Спб. 1904 г. См. статью „Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи".

ностью; всѣ они сантиментальные мечтатели, не безъ слащавости грустящіе на тему о военныхъ бѣдствіяхъ и взывающіе къ тому благодатному, идиллическому успокоенію, которое настанетъ съ прекращеніемъ международныхъ усобицъ и кровопролитій. В. В. Верещагинъ не столько проповѣдникъ мира, сколько врагъ войны. И по темпераменту, и по содержанію своей дѣятельности—это не мечтатель, а отрицатель; не филантропъ, а прежде всего боецъ,—боецъ противъ войны. Онъ спеціализировался на данной темѣ и посвятилъ ея разработкѣ значительнѣйшую часть своихъ произведеній.

И война, до сихъ поръ щадившая его, несмотря на многія его рискованныя, удалыя выходки, и за время туркестанскаго похода, и въ русско-турецкую кампанію,—война словно караулила его, словно поджидала, когда онъ, уже 62-хъ-лѣтнимъ старикомъ, садился на «Петропавловскъ» заготовлять новые памфлеты противъ нея,—и поглотила своего заклятаго врага. Послѣднее свѣдѣніе о покойномъ художникѣ получено отъ мичмана Яковлева, одного изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ послѣ взрыва: онъ за нѣсколько минутъ до катастрофы видѣлъ Верещагина въ рубкѣ вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ; послѣдній составлялъ телеграмму, а Верещагинъ набрасывалъ что-то въ своемъ альбомѣ...

Верещагинъ хорошо умѣлъ занимать собой міръ, поэтому внѣшняя біографія его достаточно извѣстна читающей публикѣ. Она не разъ приводилась въ газетахъ иностранныхъ и русскихъ. Довольно обстоятельный біографическій очеркъ, принадлежащій В. В. Стасову, печатался въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ» за 83 годъ, а затѣмъ вошелъ во II-ой томъ собранія его сочиненій. Г. Булгаковъ въ 96 году выпустилъ собраніе снимковъ съ рисунковъ и картинъ покойнаго художника подъ заглавіемъ «В. В. Верещагинъ и его произведенія»; собранію снимковъ предпослана біографія, написанная по канвѣ, данной г. Стасовымъ, но съ дополненіями и исправленіями, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ самого художника.

Мы ограничимся, въ виду этого, лишь самыми бѣглыми біографическими указаніями, необходимыми намъ, чтобы обрисовать эту въ высшей степени своеобразную личность, интересную не только по своей дѣятельности,—яркую и цѣльную, совершенно необычную въ нашей родной обстановкѣ, совершенно не въ нашихъ нравахъ, такъ сказать...

Родившись въ 1842 году въ семьѣ помѣщиковъ средней руки въ Новгородской губерніи, Верещагинъ былъ отданъ, восьмилѣтнимъ мальчикомъ, въ Александровскій малолѣтній корпусъ, находившійся въ Царскомъ Селѣ; а черезъ три года въ качествѣ «лучшаго кадета IV-й роты», перешелъ въ Петербургскій морской корпусъ. Здѣсь онъ въ 1860 году кончаетъ курсъ опять однимъ изъ первыхъ. Учился онъ прилежно не только изъ интереса къ предметамъ, а для того, чтобы «знать урокъ»: такъ онъ усердно занимался математикой, которую всегда не любилъ. Другимъ стимуломъ, помимо «урока», служило самолюбіе, непремѣнное желаніе быть первымъ. Чтобы не уступить своего мѣста въ классѣ, приходилось бороться съ нѣкимъ Завойко. «Бѣдный мальчикъ,—вспоминаетъ впослѣдствіи Верещагинъ—почти не спалъ изъ-за долбленія уроковъ, ложился очень поздно, вставалъ рано, но я дѣлалъ не только то

же самое, но еще больше. Слышишь, бывало, что Завойко велитъ будить себя въ четыре часа,—велишь растолкать себя въ три и два. Встанешь, посмотришь: Завойко еще спитъ—идешь потихоньку къ своему столу, зажигаешь свѣчу и начинаешь долбить.—А Завойко все спитъ—отлично—значитъ, я выучу тверже его»... Начальство было довольно и давало самыя хвалебные отзывы о немъ его роднымъ.

Самолюбіе и упорная работоспособность, зародившіяся въ юномъ кадетѣ, провожаютъ его до самой кончины. Та и другая черта, и при томъ въ своемъ крайнемъ развитіи, представляютъ основной фонъ его психики.

До сихъ поръ ничего противорѣчащаго «нашимъ нравамъ» нѣтъ: и «отдача», безъ всякихъ къ тому основаній, въ военный корпусъ, и исполненіе «уроковъ», и желаніе отличиться и заслужить одобреніе начальства—все это въ высшей степени обычно и нормально, такъ сказать. Но вотъ, тотчасъ по окончаніи корпуса, Верещагинъ, какъ говорится,—чинитъ «бунтъ» противъ этой нормальности. Онъ подаетъ въ отставку и отказывается отъ блестящей военной карьеры, которую ему всѣ предсказывали,—ради... рисованія. Да, именно, только рисованія, а не живописи, ибо онъ не притрогивался къ краскамъ за все время, что учился въ корпусѣ, да и потомъ цѣлыхъ шесть лѣтъ довольствуется однимъ карандашомъ и мечтаетъ сдѣлаться только *рисовальщикомъ*. «Рисованіе не введетъ тебя въ гостинныя, а въ эполетахъ ты всюду принятъ», уговариваетъ его мать. «Да я не желаю ходить по гостиннымъ», отвѣчаетъ молодой Верещагинъ. Отецъ оставляетъ его безъ всякой поддержки, но это не измѣняетъ его рѣшенія. Этотъ фактъ совершенно неудовлетворительно выясненъ біографами В. В. Верещагина. Они, правда, указываютъ, что способный и трудолюбивый кадетъ находилъ и въ корпусѣ время для занятія рисованіемъ, а послѣдніе годы даже усиленно посѣщалъ школу общества поощренія художествъ около биржи; но преподаватели рисованія, хотя и поощряли его, никакихъ особенно блестящихъ перспективъ ему не обѣщали; да и самое рѣшеніе Верещагина послѣ трехлѣтняго обученія въ академіи художествъ стать рисовальщикомъ и только рисовальщикомъ не указываетъ на какія нибудь самообольщенія, на увлеченіе будущей славой. Эта скромность, совершенно не знакомая многимъ и многимъ начинающимъ живописцамъ, является особенно неожиданной въ фигурѣ самолюбиваго «перваго ученика». И тѣмъ не менѣе, при всей скромности своихъ мечтаній, онъ не колеблется въ рѣшеніи промѣнять кортикъ и эполеты на карандашъ. Истинное ли призваніе тутъ сказывается, или присоединяется къ этому и протестъ противъ «гостинныхъ», противъ «уроковъ», противъ всего того, чѣмъ калѣчили его личность нормальныя, родныя условія? Надо вспомнить, что дѣло происходило въ 1860 году, т.-е. именно въ ту пору, когда изъ артиллерійскихъ офицеровъ выходили Сѣченовы и Лавровы, а изъ гусарскихъ Бекетовы;—въ пору настоящей ломки прежняго, застоявшагося уклада жизни общественной и семейной. Біографы отмѣчаютъ, что Верещагинъ еще въ послѣднихъ классахъ корпуса, во время заграничнаго плаванія въ 1857 г., вмѣстѣ съ товарищами, «зачитывался» Герценомъ. «Зная, что ихъ сундуки не подлежатъ таможенному осмотру, говоритъ г. Булгаковъ, кадеты при-

везли съ собой множество запрещенныхъ сочиненій». Позднѣе, въ 1862 году, ученикомъ академіи, онъ, несмотря на усиленныя занятія, находилъ время слушать публичныя лекціи Н. И. Костомарова въ городской думѣ. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ, вмѣстѣ съ проф. Лагоріо поѣхалъ на Кавказъ, гдѣ пробавлялся уроками рисованія, а въ промежутки между ними занимался рисунками съ натуры. Вечеромъ въ семьѣ г. Лагоріо, читались «модныя» тогда книги. Верещагинъ былъ въ восторгѣ отъ Бокля и ожесточенно спорилъ съ мѣстными консерваторами; одинъ изъ нихъ, редакторъ мѣстной оффиціальной газеты, называлъ его даже «нигилистомъ». Все это указываетъ на особный строй мыслей или, по крайней мѣрѣ, на особое настроеніе двадцатилѣтняго художника,— настроеніе, нѣкоторыя черты котораго оставались въ немъ до конца.

Одна изъ основныхъ особенностей В. В. Верещагина — это какая-то вѣчная готовность къ протесту, часто даже мелочному, какое-то постоянное желаніе сдѣлать что-нибудь наперекоръ установившимся рутиннымъ взглядамъ окружающихъ. Онъ какъ бы на всю жизнь вынесъ изъ эпохи ломки, въ которую росъ, ту склонность къ *личному* протесту, къ эффектнымъ выходкамъ, которыя были свойственны многимъ и многимъ дѣятелямъ, жившимъ въ полосу «нигилизма». Въ той средѣ, гдѣ ему приходилось впослѣдствіи вращаться, въ военныхъ сферахъ и среди товарищей по искусству, эти выходки часто истолковывались, какъ простыя чудачества, какъ оригинальничаніе самолюбивой и самовлюбленной натуры. Было тутъ, конечно, и то и другое, и самовлюбленность нѣкоторая и самолюбіе. Мы уже отмѣчали, что послѣднее всю жизнь ключомъ било въ Верещагинѣ. Но несомнѣнно, что тутъ сказывалось и нѣчто другое: пережитокъ боевой эпохи «нигилизма» (вполнѣ, впрочемъ, отвѣчавшій только что указаннымъ свойствамъ натуры Верещагина)— нѣчто, совершенно чуждое нашимъ художникамъ, выросшимъ въ затишье восьмидесятыхъ годовъ, или современной, полированной и подстриженной на европейскій ладъ, художественной молодежи.

Когда въ 1868 году онъ попалъ въ Самаркандъ и очутился однимъ изъ руководителей защиты города, осажденнаго туркменами, генералъ-губернаторъ Кауфманъ представилъ его за отличіе къ Георгіевскому кресту. Позже, встрѣтившись съ художникомъ въ Петербургѣ и не видя на немъ креста, генералъ спросилъ, почему онъ его не носитъ:

— У меня нѣтъ его,—отвѣчалъ Верещагинъ.

— Такъ я вамъ дамъ свой,—сказалъ Кауфманъ, снимая съ себя крестъ.

— У меня некуда его привѣсить.

— Въ петлю.

— Да петля не прорѣзана.

— Я прорѣжу.

— Я не дамъ рѣзать сюртука.

Несмотря на протестъ Верещагина, Кауфманъ взялъ ножикъ, прижалъ героя къ стѣнѣ и, рискуя прорѣзать кожу вмѣстѣ съ сюртукомъ, прорѣзалъ петлю, привязалъ крестъ и крѣпко пожалъ руку».

Такъ передаетъ г. Булгаковъ эту выходку художника. Прибавимъ отъ

себя, что Верещагинъ не только покорился, но затѣмъ долго не разставался съ крестомъ; этотъ крестъ красуется въ его петлицѣ на всѣхъ его многочисленныхъ фотографіяхъ вплоть до 80-го года, когда онъ снова исчезаетъ. Въ русско-турецкую войну онъ опять отличился, былъ раненъ въ бедро и представленъ къ «золотой шпагѣ»; но онъ отказался отъ шпаги и покатилъ въ Парижъ писать картины. Въ 1874 году, послѣ выставки туркестанской серіи картинъ Верещагина, Академія предложила ему званіе профессора. Художникъ въ это время уже ѣхалъ на этюды въ Индію. Получивъ въ дорогѣ извѣщеніе о пожалованномъ ему чинѣ, онъ послалъ въ редакцію «Голоса» слѣдующее письмо:

«Извѣстясь о томъ, что Императорская академія художествъ произвела меня въ профессора, я, считая всѣ чины и отличія въ искусствѣ вредными, начисто отказываюсь отъ этого званія. Бомбэй. 1—13 Августа».

Выставки свои Верещагинъ сначала устраивалъ безплатно, но позднѣе, вынужденный обстоятельствами, сталъ брать плату за входъ, однако всегда очень пониженную. Устроители роптали, говоря, что онъ идетъ противъ привычекъ публики. Одному такому устроителю въ Вѣнѣ Верещагинъ заявилъ, что желаетъ видѣть у себя на выставкѣ «не три тысячи графинь, а тридцать тысячъ народа».

Помимо эффектности, производившей шумъ и создавшей Верещагину популярность, отъ которой онъ, разумѣется, вовсе не прочь былъ, во всѣхъ этихъ выходкахъ есть и опредѣленное, и очень симпатичное, содержаніе. Хорошо уже и то, что онъ вкладывалъ свое честолюбіе именно въ такія вещи... При этомъ, какъ увидимъ ниже, никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій общественныхъ, никакихъ политическихъ теорій онъ не исповѣдывалъ. Это именно было настроеніемъ, психическимъ пережиткомъ, уцѣлѣвшимъ въ его фигурѣ отъ эпохи «нигилизма» и народническихъ идеаловъ... Кстати: онъ не разъ съ гордостью указывалъ, что, въ противоположность всѣмъ батальнымъ живописцамъ, онъ изображаетъ не эффектныя картины геройскихъ подвиговъ, якобы совершенныхъ разными военачальниками, а всегда занятъ массой, народомъ и смотритъ на войну именно съ *точки зрѣнія переживаній этой массы*... Это совершенная правда и очень характерная черта того трактованія войны, которое онъ давалъ въ своихъ картинахъ. Но мы увлеклись его характеристикой и отвлеклись отъ нити фактической его біографіи, къ которой намъ еще нужно не надолго вернуться.

Еще будучи слушателемъ академіи, Верещагинъ побывалъ вторично въ Европѣ, съѣздивъ въ Парижъ вмѣстѣ съ профессоромъ живописи Вейдеманомъ; но заболѣлъ, долженъ былъ отправиться въ Пиренеи, а затѣмъ вскорѣ вернулся въ Петербургъ, ничего почти не получивъ отъ Парижа въ смыслѣ художественной школы. Но, разумѣется, онъ и въ этотъ разъ подышалъ воздухомъ той художественной революціи, какая шла тогда въ Парижѣ, гдѣ нарождался пленъ-эръ, гдѣ дѣйствовали новаторы «Барбизонцы», Руссо, Милле. Біографы не даютъ указаній на какія-нибудь непосредственныя соприкосновенія Верещагина съ этими новаторами; но «воздухъ» былъ несомнѣнно новый,

свѣжій, и не могъ не оказать, помимо даже сознанія, извѣстнаго дѣйствія на вдыхавшія его легкія.

Въ Петербургѣ послѣдовала «программная» работа—сначала эскизъ, а затѣмъ картонъ—на тему: «Избіеніе жениховъ Пенелопы возвратившимся Улиссомъ». Академія присудила «похвалу», а Верещагинъ сжегъ свой картонъ. Дѣло тутъ было не во враждѣ къ академіи, съ ея ложно-классической рутиной, противъ которой ополчилась талантливая кучка «передвижниковъ», въ томъ же году, всего два мѣсяца послѣ верещагинскаго аудодафэ, отказавшаяся отъ экзамена на «медаль» и ставшая въ оппозицію къ академіи. «Мнѣ лично, — писалъ Верещагинъ, — академія ничего, кромѣ добра не дала, и я могу быть только благодаренъ ей». Онъ сдѣлалъ это просто «для того, чтобы ужъ навѣрное не возвращаться къ этой чепухѣ». Ясно, что парижскій воздухъ не совсѣмъ не при чемъ въ этомъ *просто*. Но къ группѣ отечественныхъ протестантовъ-передвижниковъ Верещагинъ не принадлежалъ ни тогда, ни послѣ, хотя вся его дѣятельность по духу вполнѣ была однородна съ идеями *народническаго реализма*, которыя исповѣдывались «передвижниками» и съ горячей пропагандой которыхъ они въ видѣ знаменитаго «товарищества» выступаютъ съ 1872-го года.

За поѣздкой на Кавказъ, о которой мы уже упоминали и изъ которой Верещагинъ привезъ нѣсколько альбомовъ съ рисунками (кавказскихъ типовъ, пейзажей, костюмовъ, утвари и пр.), послѣдовала поѣздка опять въ Парижъ, на этотъ разъ уже учебная: Верещагинъ, до сихъ поръ перебивавшійся съ хлѣба на квасъ рисунками, переводами съ англійскаго, уроками, теперь получилъ отъ отца 1.000 рублей и поступилъ въ ученики къ живописцу Жерому. Жеромъ заставлялъ Верещагина дѣлать копіи съ классиковъ, но онъ и здѣсь возсталъ противъ предъявленныхъ ему требованій и ни теперь, ни впослѣдствіи не сдѣлалъ ни одной копіи съ чужой картины. Онъ рисовалъ съ натуры все, что попадется, рисовалъ по своему, съ какой-то ненасытимой потребностью передавать на бумагѣ свои зрительныя впечатлѣнія, какъ бы находя удовлетвореніе въ самомъ процессѣ этой передачи карандашомъ формъ и линій... Пробывъ около года въ Парижѣ, онъ снова мчится на Кавказъ и опять «на волѣ» (его собственное выраженіе) зарисовываетъ и зарисовываетъ все интересное, что попадаетъ ему на глаза. Но ужъ и здѣсь намѣчается будущее «направленіе» живописи Верещагина. Онъ выбираетъ исключительно *народные* типы, и двѣ сложныя композиціи изображаютъ «Духоборовъ на молитвѣ» и «Религіозную процессію мусульманъ въ Шушѣ»—и тамъ и тутъ дѣйствуетъ масса, народъ; въ религіозной процессіи фигурируютъ двое изступленныхъ кающихся: они обливаются кровью отъ ранъ, которыя сами себѣ наносятъ во славу Божію, рубя саблей кожу лица... Такую же *жестокую* сцену изображаетъ и рисунокъ: «Добровольные мученики»: двое фанатиковъ стоятъ, какъ щетиной покрытые всевозможными остріями, воткнутыми въ грудь и лицо, и обвѣшанные веригами. *Народъ* и *жестокія* кровавыя сцены почти не сходятъ, начиная съ этого времени, съ произведеній Верещагина.

Кавказскіе рисунки вмѣстѣ съ литературными отрывками изъ путеше-

ствія по Закавказью Верещагинъ печатаетъ въ 1868 году въ «Le tour du monde», на французскомъ языкѣ; а затѣмъ, въ 1870 году тѣ же рисунки и тѣ же отрывки на русскомъ — во «Всемірномъ Путешественникѣ». Такимъ образомъ и тогда уже онъ выступаетъ одновременно живописцемъ и писателемъ, какъ бы не удовлетворяется одними зрительными впечатлѣніями. Это мы просимъ читателя отмѣтить.

Лѣто 1866 года онъ проводитъ съ отцомъ въ имѣніи Вологодской губ. и пишетъ свои—если не ошибаюсь—первые этюды красками для задуманной имъ картины «Бурлаки». До сихъ поръ онъ писалъ красками, главнымъ образомъ, въ классѣ—въ академіи и у Жерома. Теперь принимается за самостоятельное творчество. Картинѣ, впрочемъ, не суждено было осуществиться. Въ 1872 г. появилась извѣстная картина Рѣпина на тотъ же сюжетъ. «Бѣда моя,—говоритъ Верещагинъ въ письмѣ г. Булгакову,—было та, что, занявшись рисунками для насущнаго хлѣба, я не имѣлъ времени исполнить картину, такъ и оставшуюся въ эскизѣ и этюдахъ». И тутъ же многозначительно и не совсѣмъ незлобиво прибавляетъ: «Однако, товарищи всѣ знали, что я пишу эту картину»... Вамъ не вспоминается, читатель, раннее вставаніе Верещагина-кадета и его зубрежъ взапуски съ товарищемъ по корпусу Завойкой?.. Этюды Верещагина, дѣйствительно, до странности сходны съ фигурами рѣпинской картины; но послѣдняя гораздо ярче и живописнѣе, какъ и все, что дѣлалъ Рѣпинъ, а затѣмъ, несомнѣнно, что это лишь простое совпаденіе: видѣть этюды Верещагина Рѣпинъ не могъ... Характерно для того времени, что оба художника для «первенцевъ» своихъ избрали этотъ сюжетъ, совпали на немъ.

Слѣдующій годъ застаетъ Верещагина въ Туркестанѣ, куда онъ сопровождаетъ въ качествѣ художника, генерала Кауфмана. Здѣсь онъ опять учится «на волѣ»: пишетъ этюды, набрасываетъ карандашомъ, — въ Ташкентѣ, въ киргизской деревнѣ Букѣ; но вскорѣ, въ Самаркандѣ, изъ мирнаго художника превращается въ яраго вояку.

Ѣхалъ онъ на войну просто для того, чтобы поглядѣть на нее: она его *интересовала*. Въ его путевыхъ замѣткахъ это выраженіе «интересно», «меня интересовало» попадается на каждой страницѣ; въ «Записной книжкѣ художника», трактующей о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, отъ «реализма въ искусствѣ» до политики англичанъ въ Индіи и подробностей индійской кухни включительно, почти каждая глава начинается съ этого «интересно». Этотъ ненасытимый интересъ ко всему, отъ важнаго до мелочей, эта постоянная жажда новыхъ конкретныхъ знаній—одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей покойнаго. Есть птица козодой, летающая ночью съ широко раскрытымъ клювомъ и, словно рыбаки сѣтью, ловящая этимъ клювомъ встрѣчныхъ мошекъ. Верещагинъ, подобно этому козодою, носился по свѣту и глоталъ, глоталъ встрѣчныя впечатлѣнія, и такъ же почти безъ разбору глоталъ, что попадется...

Но поѣхавъ на войну только потому, что было «интересно», онъ въ Самаркандѣ пережилъ осаду возставшихъ туркменовъ, которые хотѣли воспользоваться удаленіемъ генералъ-губернатора во главѣ войска въ походъ на Бухару, чтобы отвоевать столицу Тамерлана. Гарнизонъ былъ ничтожный; офицеровъ было со-

всѣмъ мало, и Верещагинъ явился однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ защитниковъ города. 8 дней онъ провелъ безъ сна на стѣнахъ, въ постоянной тревогѣ; участвовалъ во многихъ стычкахъ, пока не вернулся Кауфманъ въ сопровожденіи войска. Мы минуемъ подробности боевыхъ подвиговъ Верещагина, его «нехудожественныхъ занятій», какъ онъ ихъ называлъ. Не въ нихъ суть, а кромѣ того, еще Толстой въ севастопольскихъ разсказахъ отмѣчаетъ, что сами военные очень неохотно слушаютъ разсказы о подвигахъ товарищей по той причинѣ, что разсказчики постоянно увлекаются и военные разсказы похожи въ этомъ отношеніи на разсказы охотничьи. Все, что мы знаемъ о подвигахъ Верещагина, разсказано имъ же. Все это, понятно, рисуетъ его удалымъ «воякой». Онъ, правда, отмѣчаетъ иногда, что ему приходили мысли о смерти и вообще о грозящей опасности, но эти мѣста звучатъ наивнымъ подражаніемъ «психологіи» въ военныхъ разсказахъ Толстого, которыми зачитывался Верещагинъ, и, видимо, не только не должны ослабить, а напротивъ, имѣютъ въ виду повысить значеніе подвига. Но если повѣрка въ подробностяхъ и не возможна, если и слѣдуетъ допустить нѣкоторую долю «охотничьяго» элемента въ этихъ разсказахъ Верещагина, то все же остаются на лицо неоспоримые факты: то «насильственное» награжденіе Георгіемъ со стороны Кауфмана, о которомъ мы уже говорили, и затѣмъ, впослѣдствіи—рана, полученная въ турецкую кампанію, да наконецъ, и самая смерть художника... Любовь къ риску и именно *военный* темпераментъ, несомнѣнно, были присущи Верещагину.

Не будемъ мы подробно пересказывать и всѣ перипетіи, всѣ внѣшнія перемѣщенія, которыми полна жизнь Верещагина. Короткій пересказъ ихъ просто утомляетъ вниманіе,-до того много этихъ перемѣщеній. Жизнь Верещагина—это какое-то кинематографическое представленіе, гдѣ лица движутся съ удвоенной скоростью, гдѣ одна картина ежесекундно смѣняетъ другую.

Изъ Самарканда онъ ѣдетъ въ Парижъ и обрабатываетъ нѣсколько картинъ. Затѣмъ онъ устраиваетъ вмѣстѣ съ Сѣверцевымъ этнографическую туркестанскую выставку въ Петербургѣ; затѣмъ снова отправляется въ Туркестанъ, гдѣ увлекшись отбиваніемъ стада барановъ попадаетъ въ китайскіе предѣлы и чуть не гибнетъ въ рукахъ кочевниковъ ..

Остановимся мы на туркестанской выставкѣ. На ней фигурировали рисунки и нѣсколько картинъ Верещагина, какъ «Послѣ побѣды» и «Послѣ пораженія» (обѣ находятся теперь въ музеѣ Александра III-го) и, пожалуй, самая замѣчательная, какъ художественное произведеніе, изо всѣхъ его картинъ—«Опіумоѣды». Это были первыя картины Верещагина, выставленныя для публики. Дѣло происходило въ 1869 году.

Три года Верещагинъ проводитъ въ Мюнхенѣ за усиленной работой, въ тишинѣ своей мастерской. Въ 1874 году онъ вторично выступаетъ передъ публикой въ Петербургѣ съ цѣлой серіей картинъ изъ туркестанской жизни и туркестанской войны. Эта выставка сразу завоевываетъ ему огромную популярность: десятки тысячъ посѣтителей перебывали на ней. Крамской писалъ о ней: «По моему эта выставка—событіе. Это завоеваніе гораздо большее, чѣмъ завоеваніе территоріальное». Большинство картинъ этой выставки хорошо извѣстно публикѣ.

частью по снимкамъ, а частью потому, что многіе могли познакомиться съ ними въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ. Мы перечислимъ только наиболѣе выдающіяся вещи, помѣчая въ скобкахъ годъ написанія ихъ.

«Большая героическая поэма» *Варвары* (1872 г.) (такъ писалъ въ каталогѣ самъ авторъ), состояла изъ семи картинъ. Сюда относятся: «Представляютъ трофеи», «Торжествуютъ», «Апоѳеозъ войны» и др. Двѣ картины, написанныя въ 1871 и слѣдующемъ годахъ: «Вошли» и «Окружили—преслѣдуютъ», были сняты авторомъ съ выставки и уничтожены: онѣ вызвали упреки въ непатріотичности, въ клеветѣ на войну, которые такъ раздражали Верещагина, что онъ сжегъ ихъ. Той же участи подвергся и «Забытый» (1871 г.), наравнѣ съ «Опіумоѣдами» представляющій одну изъ самыхъ художественныхъ по замыслу картинъ Верещагина. Изъ *мирныхъ* сюжетовъ назовемъ: «У дверей Тамерлана», «У дверей мечети», «У гробницы святого», подземная тюрьма — «Самаркандскій зинданъ» (1872 — 1873). Итакъ, въ теченіе трехъ лѣтъ была написана цѣлая серія картинъ, изобилующихъ техническими трудностями, архитектурными подробностями, деталями костюмовъ и вооруженія... Удивительная работоспособность Верещагина проявилась здѣсь воочію. Надо еще принять во вниманіе, что Верещагинъ ничего и никогда не писалъ безъ натуры. Ему, стало быть, для всего, для любой подробности нужны были предварительные этюды, а затѣмъ натурщики, позирующіе въ подлинныхъ костюмахъ, вывезенныхъ имъ изъ Азіи, и т. д. Такой методъ работы онъ считалъ непремѣннымъ требованіемъ реализма и не разъ иронизировалъ надъ французами, которые гримировали арабами своихъ натурщиковъ, писали талый снѣгъ, лѣпя для него модель изъ воска и посыпая ее мѣломъ и солью и т. д.

«Петербургъ съ своими сплетнями,—пишетъ Верещагинъ,—опротивѣлъ мнѣ. Надобно было уѣхать и я уѣхалъ прямо (sic!) въ Индію». Кинематографъ совершаетъ быструю смѣну картинъ. Верещагинъ вмѣстѣ съ молодой женою чуть не замерзаетъ при перевалѣ черезъ Гималаи, на высотѣ 18.000 футовъ; а затѣмъ до изнеможенія пишетъ этюды горныхъ снѣговъ на высотѣ въ 10.000 футовъ. Затѣмъ спускается съ горъ и чуть не заболѣваетъ отъ тропической жары. Въ апрѣлѣ 1876 года онъ снова въ Парижѣ, гдѣ строитъ въ Maison Lafitte двѣ мастерскія. Одна обыкновенная, а другая—стекляный павильонъ, вращающійся въ горизонтальной плоскости, такъ что можетъ слѣдовать за солнцемъ, и при этомъ открытый сверху, съ однимъ небольшимъ сегментомъ для защиты отъ дождя и солнца, вмѣсто потолка. Эта вращающая мастерская была, если не ошибаюсь, изобрѣтеніемъ самого Верещагина; осуществить изобрѣтеніе онъ могъ благодаря 79 тысячамъ, за которыя онъ продалъ Третьякову свою туркестанскую серію. «Впечатлѣнія мои,—писалъ онъ въ это время г. Стасову, складываются въ два ряда картинъ, въ двѣ поэмы: одна короткая (такъ и назову ее «коротенькая поэма»), другая длинная, въ 20 или 30 колоссальныхъ картинахъ. Придется вѣроятно еще разъ съѣздить въ Индію»... Изъ задуманныхъ картинъ осуществлены только немногія: «Процессія англійскихъ и туземныхъ властей въ Джейпурѣ»—колоссальный холстъ, изображающій «торжество тѣмъ, гдѣ недавно было униженіе», и «Великій моголъ, молящійся въ

мечети въ Дели». Кромѣ того, былъ расчерченъ pendant къ первой картинѣ—къ «торжеству»: «Послы англійскіе передъ моголомъ»—они изгибаются передъ ногою могола, которая одна виднѣется изъ ниши, гдѣ стоитъ моголъ; сюжетъ относится къ началу сношеній между Англіей и Индіей при Яковѣ I.

Но индійскія «поэмы» далеко не подвинулись. Грянула русско-турецкая война, и кинематографъ опять вступилъ въ свои права. Съ апрѣля 1877 года Верещагинъ уже идетъ походомъ на турокъ. Онъ получилъ назначеніе состоять при главнокомандующемъ, великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Въ казацкой большой папахѣ, въ короткой румынской шубѣ, съ георгіевскимъ крестомъ, съ шашкою черезъ плечо, Верещагинъ и тутъ, какъ раньше въ Туркестанѣ, вмѣшивается въ самую «гущу» войны. Есть его фотографія въ этомъ костюмѣ, очень для него характерная. При переправѣ черезъ Дунай онъ участвуетъ вмѣстѣ со Скрыдловымъ въ попыткѣ взорвать турецкій мониторъ. Подъ градомъ пуль и снарядовъ на миноносцѣ «Шутка» подбираются они къ вражескому судну, упираются въ его трапъ миной, но электрическіе проводы оказываются перебитыми, взрывъ не воспослѣдовалъ. «Шутка» возвращается: у командира ранены обѣ ноги; Верещагинъ раненъ въ бедро на вылетъ. Три мѣсяца художникъ лежитъ въ госпиталѣ, на четвертый онъ уже опять въ походѣ. Узнавъ, что «*интереснѣе* теперь идти со Скобелевымъ», онъ присоединяется къ нему, переходитъ Балканы, переживаетъ бой подъ Шипкой, входитъ въ Адріанополь. Только что кончились военныя дѣйствія, онъ уже—въ своей парижской мастерской. Въ два года готова новая серія картинъ русско-турецкой войны и еще нѣсколько новыхъ нумеровъ индійской серіи. Весной 1879 г. все это уже выставлено въ Лондонѣ, затѣмъ въ Парижѣ. Въ началѣ 1880 г. открывается третья Верещагинская выставка въ Петербургѣ и производитъ настоящую сенсацію. Въ слѣдующемъ году въ Парижѣ выставлены три новыхъ картины. Въ 1881 году—выставка въ Вѣнѣ. Часть 1884 года Верещагинъ употребляетъ на новую поѣздку въ Индію, а затѣмъ въ Сирію и Палестину; въ концѣ года «палестинская серія» выставлена въ Вѣнѣ. Затѣмъ кинематографъ на нѣсколько лѣтъ замедляетъ свой ходъ. Верещагинъ живетъ то въ Россіи, то въ Парижѣ и работаетъ надъ «наполеоновской серіей»—надъ картинами изъ войны 1812 года. Эта серія цѣликомъ куплена для музея Александра III-го; она объѣхала въ концѣ 90-хъ годовъ Европу, была выставлена и въ Петербургѣ—въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ пейзажныхъ и жанровыхъ этюдовъ Вологодской губерніи.

Въ настоящемъ году Верещагинъ только что вернулся изъ путешествія по Японіи, гдѣ по обыкновенію «ловилъ» впечатлѣнія, набрасывалъ, дѣлалъ этюды, и поселился въ Петербургѣ. Но вотъ—первый взрывъ японской мины, и ему уже опять «интересно», и онъ мчится на Дальній Востокъ. Говорятъ, что при прощаніи съ женой онъ далъ ей обѣщаніе не участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ и не ѣхать въ Портъ-Артуръ. Но не выдержалъ и очутился на «Петропавловскѣ»...

Верещагинъ, какъ мы упоминали, «случайно», изъ одного интереса къ новымъ впечатлѣніямъ, попалъ въ Туркестанъ и «случайно» участвовалъ въ самаркандскомъ боѣ. Но то, что онъ увидѣлъ тамъ во время осады, опредѣлило разъ на всю жизнь его физіономію, опредѣлило дѣло его жизни. Съ этой минуты онъ становится *врагомъ войны* и въ слѣдующихъ походахъ участвуетъ уже не случайно. Онъ мчится каждый разъ навстрѣчу своему врагу, словно для того, чтобы, лицомъ къ лицу, вблизи заглянуть ему въ самые глаза, пересмотрѣть, перещупать всѣ его язвы. Въ объясненіе своего турецкаго похода онъ говоритъ въ письмѣ къ В. В. Стасову слѣдующее: «Я оставилъ Парижъ и работы мои не для того только, чтобы высмотрѣть и воспроизвести тотъ или другой эпизодъ войны, а для того, чтобы быть ближе къ дикому и безобразному дѣлу избіенія, не для того, чтобы рисовать, а для того, чтобы смотрѣть, чувствовать, изучать людей. Я совершенно приготовился къ смерти еще въ Парижѣ, потому что рѣшился, выѣзжая въ армію, все прочувствовать, самъ съ пѣхотою пройти въ штыки, съ казаками въ атаку, съ моряками на взрывъ монитора. Неужели вы изъ числа тѣхъ, которые скажутъ, что Скрыдловъ шелъ для дѣла, а я отъ бездѣлья? Собака, дескать, бѣсится съ жиру!»

Нѣтъ, конечно, не отъ бездѣлья, не съ жиру. Пропагандисту нуженъ былъ этотъ кровавый матеріалъ, чтобы заставить толпу зрителей содрогнуться при видѣ изображенныхъ ужасовъ, въ вполнѣ реалистической передачѣ.

Верещагина часто обвиняли, что онъ слишкомъ заботится о популярности въ буквальномъ смыслѣ этого слова — о сочувствіи *массъ*. Пожалуй, художнику, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, истинному созерцателю и истолкователю жизни, подводящему ей свои художественные итоги, такое исканіе популярности и можетъ быть поставлено въ укоръ. Истинное художество всегда умнѣе, тоньше, философичнѣе толпы, и потому всегда идетъ впереди ея, стоитъ выше ея, не заботясь особенно о доступности, наглядности своихъ созданій: приспѣетъ время и толпа пойметъ и оцѣнитъ... Но для *пропагандиста*, какимъ по существу былъ Верещагинъ забота о сочувствіи толпы по меньшей мѣрѣ законна. О, конечно, тутъ примѣшивалось и самолюбіе, и честолюбіе. Но личное дѣло здѣсь сливалось съ дѣломъ общественнымъ, личный успѣхъ былъ показателемъ и общественныхъ результатовъ его дѣятельности. Это нельзя забывать при оцѣнкѣ Верещагина. Успѣхъ онъ имѣлъ дѣйствительно огромный и у насъ, и за границей. Публика, «толпа» всегда наводняла его выставки. Какъ постоянно бываетъ въ такихъ случаяхъ, критика поддалась общему настроенію, и провозглашала его новаторомъ, объявляла, что онъ произнесъ новое слово въ искусствѣ. Такъ было и у насъ, и даже за границей, гдѣ даже видавшіе виды критики, какъ Аткинсонъ или Кларети, усматривали въ немъ что-то совершенно неслыханное. Повидимому, содержаніе его пропаганды, содержаніе картинъ такъ сильно било по сердцамъ, что его смѣшивали съ пріемами творчества, признавали новымъ словомъ именно въ художественномъ творчествѣ. Просматривая многочисленные отзывы критиковъ, приведенные у гг. Стасова и Булгакова, я нигдѣ не нашелъ аргументаціи

и мотивировки, нигдѣ не могъ найти отвѣта на вопросъ: что же именно *новаго* подарилъ Верещагинъ искусству? Правда, приведены, главнымъ образомъ, хвалебные отзывы, по обычаю содержащіе массу восклицательныхъ знаковъ; среди похвалъ мелькаютъ лишь тамъ и сямъ возраженія, частью формальныя, техническія, частью по существу, указанія на отсутствіе истинно художественнаго замысла или недостатокъ экспрессіи. Но даже и у возражателей говорится о томъ «небываломъ» и «новомъ», что внесъ Верещагинъ въ живопись. Мнѣ лично думается, что новымъ было только *содержаніе*,—только горячая, упорная, боевая пропаганда противъ ужасовъ войны.

Мнѣ думается даже, что истиннаго художества, не только какого-нибудь *новаго*, но и стараго, совсѣмъ не такъ много въ картинахъ Верещагина. Недаромъ онъ писалъ и выставлялъ всегда цѣлыя *серіи* картинъ. Только хоромъ, въ совокупности, онѣ могли служить его дѣлу. Вмѣстѣ—онѣ поютъ именно хоромъ настоящій гимнъ проклятій—«дикому и безобразному дѣлу избіенія». Каждая изъ нихъ въ отдѣльности далеко не производитъ того впечатлѣнія. Мало того, даже вмѣстѣ взятыя, но выставленныя въ тишинѣ какой-нибудь галлереи, какъ, напримѣръ, у Третьякова въ Москвѣ (гдѣ стоятъ и туркестанская, и болгарская серія, а частью и индійская)—въ тишинѣ галлереи онѣ не производятъ того ошеломляющаго дѣйствія какое производили на выставкахъ. На выставкѣ, окруженныя всевозможными «подлинными документами», привезенными съ мѣста дѣйствія, образцами одеждъ, вооруженія, утвари; препровожаемыя каталогами, въ которыхъ Верещагинъ помѣщалъ свои замѣтки; снабженныя свѣженадписанными ярлыками съ боевыми памфлетами-надписями (въ родѣ надписи на «апоѳеозѣ войны»: «Посвящается всѣмъ завоевателямъ настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ»)—въ такой обстановкѣ онѣ являлись дѣйствительно наглядной пропагандой, живой публицистикой красками, и дѣйствовали неотразимо. Этому способствовала и шумная толпа, наполнявшая выставки и заражавшая васъ своимъ трагическимъ настроеніемъ. Въ тиши галлереи, безъ этого шума, безъ всякихъ аксессуаровъ, эти картины и сами какъ бы молчатъ и затмеваются окружающими, болѣе глубокими въ чисто художественномъ смыслѣ, вещами. Такъ, лично на меня, напримѣръ, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ помѣщенныя въ сосѣднемъ залѣ полѣновскіе этюды Палестины, казалось бы, совершенно невинныя по сюжету вещи, немного слащавыя, но все же очень тонкія и красивыя и живо переносящія въ эту южную природу. Я ужъ и не говорю объ находящихся тамъ-же этюдахъ головъ къ «явленію Христа въ мірѣ» А. Иванова... Такимъ образомъ, Верещагинъ былъ вполнѣ правъ и въ томъ, что снабжалъ свои «серіи» цѣлой массой аксессуаровъ и вообще заботился объ обстановкѣ для своихъ картинъ.

Истинное художество всегда говоритъ само за себя и въ аксессуарахъ не нуждается. Кромѣ того, каждое его созданіе—индивидуально. Если оно и является частнымъ итогомъ одной только стороны жизни или даже одного настроенія отъ созерцанія природы,—все же эта сторона, это настроеніе выражены въ немъ вполнѣ и каждое такое созданіе, само по себѣ, говоритъ все, что ему сказать нужно.

Есть и у Верещагина такія вещи, но ихъ очень немного. Подобная оцѣнка, разумѣется, никогда не можетъ быть свободна отъ субъективизма; другіе, можетъ быть, укажутъ и еще нѣсколько вещей или даже вовсе не согласятся съ моимъ выборомъ; но я назову только четыре такія, истинно-художественныя картины Верещагина.

Первая—«Опіумоѣды», о которой мы уже упоминали; она принадлежитъ къ первымъ и по времени произведеніямъ Верещагина (написана въ 1868 году послѣ первой поѣздки въ Туркестанъ). Сцена—истинно восточная. Группа сартовъ-бѣдняковъ въ поношеныхъ халатахъ сидитъ въ духанѣ и одуряетъ себя опіумомъ. Особенно хороша центральная фигура: наклонивъ мечтательно голову на бокъ, тусклымъ, полудремлющимъ, усталымъ взоромъ,—среднихъ лѣтъ сартъ уставился въ упоръ на зрителя... Направо—другой оперся руками на колѣни и склоняется головой и всѣмъ корпусомъ впередъ. Усталыя, безконечно-грустныя фигуры такъ и переносятъ васъ въ заброшенность, скудость и нищету восточнаго прозябанія. Оригиналъ находится въ частныхъ рукахъ, мы знаемъ картину только по снимкамъ, но и они оставляютъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Тутъ есть итогъ, есть «восточный» аккордъ, цѣльный и глубокій замыселъ.

Мы упоминали и о второй изъ выдѣляемыхъ нами въ особую категорію картинъ—о «Забытомъ». Упоминали мы и о томъ, что оригиналъ уничтоженъ художникомъ. Но остались снимки, получившіе огромное распространеніе. Долина. Поодаль высится цѣпь горъ. На первомъ планѣ распростертый на спинѣ, широко раскинувъ руки, лежитъ «забытый»—солдатъ, сраженный пулей и не убранный товарищами. Вдали за рѣчкой виднѣется удаляющійся отрядъ «своихъ», а надъ трупомъ вьются орлы и цѣлая стая воронъ окружаетъ его, смакуя предстоящую добычу. Одинъ воронъ усѣлся на груди трупа и каркаетъ. Сухое, обожженое въ походахъ лицо убитаго обращено къ небу... Весь пейзажъ кругомъ тоже обожженъ безпощаднымъ солнцемъ—сухой и безотрадный... Все вмѣстѣ—безконечно минорный, мрачный аккордъ, а черные вороны, со своимъ карканіемъ, которое невольно чудится зрителю, еще усугубляютъ это полное смертельной тоски настроеніе.

Третья картина, принадлежащая ко *второй* туркестанской серіи, какъ и «Забытый», является одной изъ немногихъ *батальныхъ* картинъ Верещагина. Онъ почти не изображалъ сраженій въ полномъ ходу, въ отличіе отъ большинства художниковъ-баталистовъ. Онъ бралъ либо моментъ, предшествующій сраженію, какъ «Т-ссъ! пусть войдутъ...», или же послѣдующій—поле сраженія, усѣянное трупами, какъ «Скобелевъ на Шипкѣ». Но картина, о которой мы говоримъ, представляетъ исключеніе. Верещагинъ какъ бы измѣнилъ себѣ на одинъ разъ, и не во вредъ себѣ. «Нападаютъ въ расплохъ» одна изъ лучшихъ батальныхъ картинъ, какія я только знаю. Солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ, сжавшіеся въ кучку и отстрѣливающіеся отъ туркменовъ, которые несутся на нихъ съ развѣвающимися знаменами, полны движенія; напряженное, жуткое ихъ настроеніе и позы, полныя силы—такъ и переносятъ васъ на мѣсто боя.

Наконецъ, «Гробница Тамерлана»—представляетъ образецъ «пейзажнаго» жанра, если можно такъ назвать изображеніе внутренности зданія. Восточная архитектура съ заостренными сводами холоднаго бѣлаго камня; свѣтъ прони-

кает лишь сверху и отражается стѣнами и поломъ; рѣзная каменная тяжелая баллюстрада и посреди нея странныя могилы изъ чернаго и бѣлаго камня—все это застыло въ прозрачномъ полусумракѣ и полно таиственности, напряженнаго ожиданія чего-то—словно ждешь, что раздастся вдругъ среди этой каменной тишины голосъ изъ тьмы давно минувшихъ вѣковъ, голосъ кого-нибудь изъ этихъ воителей-варваровъ, лежащихъ подъ камнями... Архитектурныя подробности нарисованы и написаны съ тѣмъ искусствомъ и той тщательностью, которая вообще является отличительной чертой Верещагина, главнымъ образомъ, именно въ этой архитектурной области.

Почти всѣ остальныя Верещагинскія картины—страстные памфлеты противъ войны, напряженная публицистика, часто очень сильная, всегда интересная по документальной *протокольной* правдѣ, которая въ нее вложена; но художественной индивидуальности и, стало быть, истиннаго художества, все это лишено. Итоговъ тутъ нѣтъ, а есть только аргументы, отдѣльныя посылки, которыя только совмѣстно съ другими частями «хора» даютъ сдѣлать опредѣленный силлогизмъ.

Большинство этихъ картинъ, если вы попробуете снять съ нихъ ярлыки съ эффектными надписями-памфлетами, почти ничего не скажутъ вамъ или, по крайней мѣрѣ, страшно потеряютъ въ своемъ значеніи. Попробуйте продѣлать это, напримѣръ, съ «Апофеозомъ войны», что останется?—Куча череповъ съ проломами на лобной кости, съ зазубринами, словно выброшенныхъ за ненадобностью изъ какого-нибудь анатомическаго театра и сложенныхъ какимъ-то дикимъ забавникомъ въ видѣ пирамиды. На войнѣ такихъ пирамидъ, вѣдь, и не строятъ... Но если вы прочтете надпись, которую мы уже привели: «Посвящается всѣмъ завоевателямъ, настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ», если эта пирамида вѣнчаетъ цѣлое зданіе другихъ мрачныхъ военныхъ сценъ, если она является послѣднимъ заключительнымъ гнѣвнымъ крикомъ въ цѣломъ памфлетѣ, который составляетъ вся серія, то впечатлѣніе получается сильное. Я помню на выставкѣ эту пирамиду: она ошеломляла.

То же самое надо сказать и про остальныя публицистическія картины Верещагина. Лучшія изъ нихъ, т.-е. наиболѣе сильныя, какъ сатира, какъ памфлеты:—«Скобелевъ на Шипкѣ», проѣзжающій во весь опоръ передъ полками, которые кричатъ ура и кидаютъ въ воздухъ шапки въ то время, какъ на первомъ планѣ лежатъ еще неубранные трупы; знаменитая трилогія «На Шипкѣ все спокойно», изображающая замерзающаго часового; «Главный штабъ подъ Плевной», гдѣ получается разительный контрастъ между сраженіемъ, которое идетъ вдали, и группой штаба, расположившейся на безопасной высотѣ и въ бинокли, словно театральное представленіе, созерцающей бойню... Цѣлый рядъ картинъ изображаетъ спеціально физическіе ужасы войны. Этихъ картинъ особенно много у Верещагина. Врядъ ли найдется другой художникъ въ мірѣ, который на своемъ вѣку написалъ бы столько истерзанныхъ раненыхъ, поверженныхъ на землю труповъ. «Перевязочный пунктъ», «Вошли», знаменитая «Панихида» надъ цѣлымъ полемъ обнаженныхъ труповъ и т. д.—все это кровавые «документы» войны. Нѣкоторые иностранные критики усматривали въ Верещагинѣ какую-то «холодную жестокость». Я думаю, доля правды тутъ

есть. Нельзя безнаказанно созерцать столько крови, нельзя столько усилій истратить на изображеніе ея красками, чтобы въ концѣ концовъ не закалиться, не огрубѣть немного, не утратить впечатлительности. Впечатлительная организація просто не вынесла бы этого. И натура *бойца*, военный темпераментъ былъ необходимъ Верещагину для выполненія той миссіи, которую онъ себѣ выбралъ. Попавши въ схватку, онъ дѣйствительно *увлекался* самой дракой и не разъ откровенно признается въ томъ: «Помню, я застрѣлилъ тутъ двоихъ изъ нападавшихъ, если можно такъ выразиться, *по профессорски*», пишетъ Верещагинъ объ эпизодѣ «Самаркандскаго сидѣнія»: «Не торопись стрѣлять, — говорилъ я себѣ, — вотъ положи сюда стволъ и жди»; я положилъ ружье на выступъ стѣны, какъ разъ въ это время туземецъ, ружье на перевѣсъ, перебѣжалъ дорогу, передъ самыми воротами. Я выстрѣлилъ и тотъ упалъ убитый на повалъ. Выстрѣлъ былъ на такомъ близкомъ разстояніи, что ватный халатъ на моей злополучной жертвѣ загорѣлся и она, т.-е. жертва, медленно горѣвши въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, совсѣмъ обуглилась, при чемъ рука, поднесенная въ послѣднюю минуту ко рту, такъ и осталась, застыла... Другой упалъ при тѣхъ же условіяхъ и тоже на повалъ. «Ай, да Василій Василіевичъ,—говорили солдаты,—вотъ такъ старается за насъ» .. Около стѣнъ города валялись цѣлыя груды труповъ. Они разлагались подъ палящимъ зноемъ и издавали ужасающій запахъ. Офицеръ, распоряжавшійся уборкой ихъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ приблизиться, отошелъ красный отъ слезъ. Верещагинъ взялъ на себя его обязанность и даже болѣе того: «Нечего дѣлать,—пишетъ онъ,—я всаживалъ штыкъ въ извѣстное мѣсто и проталкивалъ тѣла до большого ярыка, т.-е. канавы».

Какъ тутъ не закалиться, не правда ли? Но бывало и того хуже, т.-е., вѣрнѣе сказать, именно получившійся въ результатѣ подобныхъ «нехудожественныхъ занятій» закалъ и огрубѣніе сказывались еще болѣе выпукло. Въ Адріанополѣ были пойманы двое албанцевъ-разбойниковъ, совершившихъ всевозможныя звѣрства до прихода русскихъ войскъ. Генералъ Струковъ не хотѣлъ ихъ разстрѣливать и собирался передать ихъ Скобелеву на его усмотрѣніе. «Хорошо,—сказалъ Верещагинъ,—я попрошу Скобелева: отъ него задержки навѣрно не будетъ». Пріѣхалъ Скобелевъ и дѣйствительно распорядился: «Да, пожалуйста, чтобы ихъ повѣсить!..» «Я считалъ, что дѣло въ шляпѣ,—разсказываетъ Верещагинъ, т.-е. что до выхода нашего изъ Андріонополя я еще увижу эту экзекуцію и послѣ передамъ ее на полотнѣ. Не тутъ-то было...» Струковъ, оказывается, «упросилъ Скобелева не убивать этихъ двухъ кавалеровъ»...

Жестокая спеціальность передавать на полотнѣ такія вещи,—не правда-ли читатель? Но, повторяю, извѣстное огрубѣніе, извѣстная жестокость была необходима для того, чтобы выполнить то дѣло, которое онъ считалъ своимъ призваніемъ. Это не оправданіе, конечно, а лишь объясненіе. Пожалуй, судя только по его живописи, надо было ждать именно подобной психологіи въ авторѣ... Но психологія человѣческая вещь далеко не простая. Съ такимъ *интерессомъ* къ «экзекуціямъ» Верещагинъ умѣлъ совмѣщать и горячую ненависть къ жестокостямъ войны и даже способенъ былъ плакать... Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ признается, что не разъ проливалъ слезы, вспоминая въ тишинѣ

своей парижской мастерской иныя сцены войны,—что не однажды отвертывался отъ входившей прислуги, дабы скрыть слезы, набѣгавшія во время работы надъ той или иной изъ его картинъ.

Я думаю, что эта сложная, двойственная психологія, эта способность совмѣщать жестокость—съ искренними слезами, при воспоминаніяхъ о жестокостяхъ,—были необходимы «пропагандисту противъ войны». Мнѣ возразятъ: писали о войнѣ и другіе. Писалъ о ней Л. Толстой и такая противоположность по натурѣ Верещагину, такое вполнѣ штатское существо, такая страдальческая организація, какъ В. Гаршинъ. Они писали тоже на основаніи личныхъ переживаній, но не огрубѣли. Это справедливо. *Военная* натура Верещагина тутъ, разумѣется, играла изрядную роль; но, съ другой стороны, ни Толстой, ни Гаршинъ по войнѣ не спеціализировались, она была только эпизодами въ ихъ жизни и дѣятельности. А Верещагинъ всю жизнь либо воевалъ, либо изображалъ войну.

Упоминаніе объ этихъ двухъ художникахъ-писателяхъ наводитъ насъ на мысль объ одной очень характерной сторонѣ Верещагинскаго трактованія войны. Это трактованіе не только въ художественномъ, а и въ публицистическомъ отношеніи грѣшитъ однимъ существеннымъ недостаткомъ. Оно какое-то формальное, внѣшнее. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ крови, въ трупахъ, въ физическихъ страданіяхъ состоитъ главный ужасъ современной войны? Все это ужасно и отвратительно, разумѣется. Но представьте себѣ, что всѣ эти насилія совершаются людьми во имя ясно сознанной каждымъ изъ борцовъ задачи, во имя какого-нибудь высокаго принципа человѣчности и культуры. Представьте себѣ такой «воображаемый примѣръ», такое exemplum fictum: существуетъ орда варваровъ, во имя свой дикой религіи поставившая себѣ цѣлью истребить всѣ культурныя расы, испепелить всѣ созданія культуры, снести съ лица земли всѣ истинно человѣческіе институты... Я подчеркиваю: это exemplum fictum, такихъ, буквально такихъ, фактовъ исторія не знаетъ, но мнѣ эта «фикція» нужна для чистоты и наглядности моего разсужденія. Если противъ этихъ варваровъ возстанутъ проникшіеся культурными и человѣческими идеями люди, если они прольютъ цѣлое море крови или сами падутъ въ непосильной борьбѣ, то, при всемъ внѣшне-ужасномъ характерѣ этой борьбы, она тѣмъ не менѣе будетъ проявленіемъ высшихъ, лучшихъ, идеальнѣйшихъ сторонъ человѣка и будетъ прекрасна... Другое дѣло, когда *содержаніе* всего кроваваго факта иное. Объ этомъ содержаніи Верещагинъ нигдѣ не говоритъ; онъ видитъ только кровь, только физическіе ужасы.

Формальное отношеніе къ войнѣ, повидимому, вытекало изъ самаго существа таланта Верещагина. Это былъ талантъ главнымъ образомъ *внѣшній*. Мы уже отмѣчали выше его способность все безъ разбору зарисовывать, всѣмъ «интересоваться», подобно козодою въ погонѣ за мошками. Его глазъ и умъ какъ бы улавливали одну поверхность предметовъ, только краски и формы. Эта особенность, пожалуй, еще ярче, чѣмъ въ живописи, сказывается въ его литературныхъ произведеніяхъ. Помимо предисловій къ каталогамъ выставокъ, имъ написаны: «Очерки путешествія въ Гималаи (въ 2 част.); «Очерки наброски и воспоминанія»; «На войнѣ въ Азіи и Европѣ»; романъ «Литера-

торъ»; «Дѣтство и отрочество»; «Листки изъ записной книжки художника»; «Путешествіе по Сѣверной Двинѣ»; «Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ людей» и «Наполеонъ въ Россіи въ 1812 году». Все это описательный, конкретный матеріалъ,почти сырой, самый пестрый, гдѣ значительное трактуется такъ же подробно и обстоятельно, какъ и самые мелкіе пустяки. Идей тутъ не ищите...

Мнѣ кажется, у Верещагина было только двѣ руководящихъ мысли, которымъ онъ, впрочемъ, отдался безраздѣльно, которымъ служилъ всю жизнь. Это прежде всего общественная идея о вредѣ и жестокости войны, а затѣмъ, въ области искусства, беззавѣтная преданность реализму.

Какъ курьёзный образчикъ его разсужденій на общественныя темы, мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ его статьи «О реализмѣ», приложенной къ каталогу выставки въ Нью-Іоркѣ въ 1891 году:

«Мой другъ, покойный генералъ Скобелевъ, разъ спросилъ меня: «какъ понимаете вы движеніе соціалистовъ и анархистовъ?» Онъ признавался при этомъ, что самъ онъ не совсѣмъ понимаетъ ихъ цѣли. «Чего хотятъ они? Чего стремятся достигнуть?»

Верещагинъ, съ своей стороны, не признался, что тоже «не совсѣмъ понимаетъ ихъ цѣли», а отвѣчалъ:

«Прежде всего, люди эти являются противниками международныхъ войнъ; затѣмъ ихъ оцѣнка искусства весьма ограничена, не исключая и живописи. Такъ что, если они когда-нибудь заполучатъ власть въ свои руки, то вы съ вашими стратегическими соображеніями и я съ моими картинами, — мы оба будемъ немедленно сданы въ архивъ. Понимаете ли это?—Да, это я понимаю,— отвѣчалъ Скобелевъ,—и отнынѣ я намѣренъ бороться съ ними».

«Но у общества есть и защита, и это ничто иное, какъ *таланты* и ихъ представители въ наукѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ и во всѣхъ его развѣтвленіяхъ» и т. д. *).

Реализмъ въ искусствѣ онъ понималъ чисто формально, по обыкновенію. Для него это было прежде всего — слѣдованіе натурѣ, изученіе на мѣстѣ, воспроизведеніе сценъ, происходящихъ на воздухѣ—при надлежащемъ освѣщеніи натурщика, т.-е. въ открытой мастерской, на воздухѣ же. Мы уже упоминали, что онъ не разъ высмѣивалъ французскихъ живописцевъ, прибѣгавшихъ ко всякимъ *truc*'амъ, въ замѣнъ путешествій и работы на мѣстѣ. «Ѣхать затруднительно, тяжело, — должны ѣхать!» говорилъ онъ. И имѣлъ право говорить, ибо, мы знаемъ, какъ онъ работалъ на Гималайяхъ, напримѣръ, или подъ картечью на Шипкѣ, или какъ, экономя деньги на первую свою поѣздку на Кавказъ, больше мѣсяца питался сухарями и молокомъ...

Формальный характеръ дарованія Верещагина обусловливалъ до извѣстной степени ту легкость, съ которою ему давались самые разнообразные предметы. Германскій живописецъ Менцель говорилъ про него: «Der kann alles — этотъ все можетъ!» И дѣйствительно не было такой вещи, отъ пейзажа, утвари, сложнѣйшихъ подробностей архитектуры, до фигуръ, портретовъ, жанровыхъ и исто-

*) Булгаковъ, „В. В. Верещагинъ и его произведенія", стр. 60 и сл.

рическихъ сценъ, которыхъ бы не писалъ Верещагинъ. Но въ искусствѣ особенно важна концепція, методъ воспроизведенія. Многіе, и очень даровитые при томъ пейзажисты, должны подолгу жить въ извѣстной мѣстности, съ новой для нихъ природой, чтобы приняться за воспроизведеніе ея. Они должны выждать, пока начнутъ понимать языкъ этой новой природы. Верещагинъ пріѣзжалъ, куда угодно, хоть въ самый адъ, и тотчасъ раскрывалъ свой этюдникъ и писалъ. Одинъ тонкій критикъ доказывалъ, что Петру Великому незаслуженно приписывается геніальный государственный умъ и фактическая иниціатива въ дѣлѣ преобразованія: критикъ высчиталъ сколько дней въ году Петръ находился въ дорогѣ, въ походахъ, и отсюда пришелъ къ блестящему выводу, что Петръ не могъ лично принимать достаточнаго участія въ реформахъ. Другой критикъ, подсчитавъ число листовъ, напечатанныхъ Писаревымъ, дозазывалъ, что ему не было времени думать, разъ онъ такъ много писалъ. Нашлись подобные же критики и у Верещагина. Они увѣряли, что самъ онъ не могъ написать такой массы картинъ, что онъ «навѣрное» кого-нибудь «нанималъ»... Достаточно бѣглаго взгляда на картины Верещагина, чтобы понять всю нелѣпость этого подозрѣнія: манера у него чрезвычайно характерная, чужая кисть была бы тотчасъ замѣтна. Колоссальная, совершенно необычная продуктивность Верещагина объясняется прежде всего огромнымъ внѣшнимъ талантомъ и той выдержкой и работоспособностью, которую мы отмѣчали въ немъ еще въ юные его годы; а затѣмъ—именно формальнымъ характеромъ дарованія: тамъ, гдѣ другіе, не менѣе одаренные, ждутъ и всматриваются, Верещагинъ писалъ.

Эта формальность дарованія повела, однако, къ тому, что очень немногія изъ его картинъ не публицистическаго содержанія представляютъ сколько-нибудь значительный внутренній интересъ. Почти все это холодно, сухо, *протокольно*. Таковы и индійскіе пейзажи, и мирныя сценки, и портреты. При большой виртуозности и смѣлости, это пусто, лишено художественнаго содержанія.

По той же причинѣ совершенно не удавались Верещагину картины историческія. Здѣсь особенно нужно художественное *нутро*, способность къ творчеству, работа фантазіи. Всѣ критики согласны, что «наполеоновская серія» далеко не представляетъ интереса серій предыдущихъ. Иные видѣли въ этомъ признаки упадка, ослабленія таланта. Я полагаю, что главная причина въ томъ, что Верещагинъ взялся не за свое дѣло. Мнѣ думается, что онъ и въ 78 году написалъ бы такого же незначительнаго, ничего не говорящаго Наполеона, такъ же бы останавливался на эффектныхъ, но пустыхъ анекдотахъ, въ родѣ «постоя французской конницы въ православномъ монастырѣ» и пр. Для исторической живописи нужно по малой мѣрѣ знать человѣческое лицо. Крамской въ одномъ изъ писемъ, относящемся уже къ позднимъ годамъ его жизни, писалъ: «Мнѣ кажется, что я, наконецъ, начинаю понимать загадку человѣческой головы, съ ея леденящей тайной»... Верещагинъ никогда не понималъ этой загадки, этой тайны. Во всѣхъ серіяхъ его безчисленныхъ картинъ я не знаю ни одного лица, которое бы запомнилось, выраженіе котораго запечатлѣлось бы въ душѣ. Критики отмѣчали, что онъ какъ бы избѣгаетъ даже писать лица у своихъ фигуръ. Это вѣрно:

многія его фигуры отвертываются отъ зрителя или заслоняютъ лицо шапками и т. д. Трактуя, напримѣръ, такой трагическій сюжетъ, какъ «Показываютъ трофеи», онъ увлекался рисункомъ колоннъ и архитектурныхъ украшеній, на фонѣ ярко-синяго неба, и рядомъ съ этими колоннами почти забывалъ о небольшой группѣ «безлицыхъ» варваровъ, изъ которыхъ одни разложили на полу трофеи—человѣческія головы, а другіе ихъ разсматриваютъ. Фигуры даже по размѣрамъ теряются среди обстановки и ничего не говорятъ зрителю...

Да, внутренняго содержанія, истинно-художественнаго содержанія въ талантѣ Верещагина было не много. Я думаю, что въ этомъ виновата не публицистическая теорія искусства, господствовавшая въ то время и погубившая, напримѣръ, такую огромную силу, какъ Н. Ге; теорія только не препятствовала Верещагину остаться вѣрнымъ себѣ и употреблять всѣ силы на публицистику, на пропаганду. Главная причина лежитъ безспорно въ самой натурѣ этого неукротимаго, подвижного, яркаго «пропагандиста» и «памфлетиста красками». Это былъ настоящій *воякa* и въ жизни, и въ искусствѣ. Народническая атмосфера, окружавшая его въ годы его юности, должно быть, побудила его взглянуть на войну съ точки зрѣнія народа, массы, и онъ сталъ воевать—съ войной.

Выше мы упомянули, что не видимъ никакого «новаго слова» во внѣшнихъ пріемахъ Верещагина-живописца. Я думаю, что онъ въ этомъ отношеніи шелъ совсѣмъ не впереди своихъ современниковъ, а отъ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, отъ Рѣпина, онъ даже отставалъ. Вся выросшая въ 60-е годы плеяда «передвижниковъ» придерживалась того же реализма, горячимъ поклонникомъ коего былъ Верещагинъ. Они явились, какъ прогрессивная реакція на господствовавшій до того времени академическій ложноклассицизмъ, съ его вычурными «облагороженными» линіями, съ его холоднымъ пафосомъ, съ его «возвышающими насъ» обманами. Передвижники, въ противовѣсъ «Академіи», ударились въ *правду*, признавали только правду, причемъ подъ вліяніемъ эпохи ихъ реализмъ совращался и превращался зачастую въ тривіализмъ, въ исканіе безобразнаго, захудалаго, убогаго, въ стремленіе «подкузмить» героевъ, помѣщать нравственную красоту въ непремѣнно безобразное тѣло и пр. Подъ правдой разумѣлось буквальное, точное копированіе дѣйствительности, какъ она есть. Это сказывалось и въ содержаніи, и въ формѣ. Реализмъ носилъ до извѣстной степени характеръ *протокола* съ дѣйствительности. Верещагинъ былъ рьяный поборникъ именно *протоколовъ* — мы это уже не разъ указывали. Если онъ при этомъ настаивалъ, что эти протоколы надо составлять на мѣстѣ происшествія, такъ сказать, то въ этомъ онъ былъ, конечно правъ, это самоочевидная истина и очень полезный совѣтъ; но новаго, сколько нибудь новаго по существу,—въ этомъ нѣтъ ничего.

Пленъ-эръ, т.-е. писаніе сценъ, происходящихъ на воздухѣ, не въ искусственномъ освѣщеніи мастерской, а въ соотвѣтствующихъ условіяхъ, уже царилъ во Франціи, когда съ нимъ познакомился Верещагинъ. Кромѣ того и этотъ пленъ-эръ онъ понималъ какъ-то черезчуръ формально. Его написанныя на воздухѣ фигуры совсѣмъ не *облиты* этимъ воздухомъ, не погру-

жены въ него, такъ сказать: онъ слишкомъ мало прослѣживаетъ всю игру воздушныхъ рефлексовъ на лицахъ и фигурахъ; тѣни у него какъ-то мало прозрачны, жестки. Вообще извѣстная жесткость и фотографичность—основные, на мой взглядъ, недостатки его письма. Рѣпинъ, Сѣровъ и молодые наши живописцы, даже самые заурядные, — гораздо пристальнѣе прослѣживаютъ взаимодѣйствіе между воздухомъ и фигурами. Въ наше время манера Верещагина вообще устарѣла. Живопись не ждетъ внашу эпоху. Рядомъ съ пленэромъ появились импрессіонизмъ, и «стилизмъ», т.-е. постоянное исканіе не абсолютныхъ величинъ, а отношеній, постоянное *обобщеніе*, прослѣживаніе не подробностей линій и пятенъ, а *характера*, общаго впечатлѣнія. Здѣсь вступаетъ въ свои права субъектъ художника, вступаетъ въ свои права—даже въ области внѣшнихъ, чисто графическихъ пріемовъ. Правда понимается только какъ взаимодѣйствіе между субъектомъ-художникомъ и объектомъ его наблюденія и воспроизведенія. Я нахожу, что это и философски, и художественно говоря,—*настоящая* правда. «Стилисты», какъ Пювисъ-де-Шаванъ и Милле, съ одной стороны, импрессіонисты, какъ Монэ, Бенаръ—съ другой,—нанесли окончательный ударъ *протоколизму*. Верещагинъ могъ сталкиваться съ ними въ Парижѣ; навѣрное видѣлъ ихъ картины, но не понялъ ихъ правды и остался при своемъ протокольномъ реализмѣ. Этой правды, незнаетъ и сверстникъ его, «пленэристъ» Рѣпинъ; но она хорошо извѣстна Левитану, Сѣрову и нѣкоторымъ другимъ болѣе молодымъ художникамъ. На мой взглядъ, вся цѣнность «новой правды» имéнно въ томъ и состоитъ, что онъ является истиннымъ, углубленнымъ, самого себя понявшимъ реализмомъ... Нѣтъ, Верещагинъ совсѣмъ не былъ новаторомъ въ живописи. Главные его внѣшніе плюсы—это энергичный, смѣлый и всеобъемлющій, такъ сказать, рисунокъ; яркія, не всегда, однако, приведенныя въ гармонію, краски и поразительная точность воспроизведенія, особенно поразительная тамъ, гдѣ онъ трактуетъ архитектурные мотивы, рѣзные орнаменты, ткани и пр. Но все это, въ большей или меньшей степени, было знакомо всѣмъ его современникамъ «передвижникамъ», а тѣмъ болѣе—европейскимъ художникамъ.

Намъ пора кончать и подводить итоги. Они, впрочемъ, уже подведены въ самомъ началѣ нашей замѣтки: Верещагинъ былъ огромнаго таланта и энергіи *пропагандистъ красками*. Его война съ войной, его эффектныя публичныя лекціи красками, вездѣ и всюду оставлявшія такое сильное впечатлѣніе на слушателей-зрителей; колоссальная, едва поддающихся учету масса труда, вложеннаго имъ въ свое дѣло,—все это огромная, неоцѣнимая заслуга. Ни мы, ни тѣмъ паче потомки наши, не будемъ восхищаться его картинами, какъ чисто художественными произведеніями. Но, при совокупномъ разсмотрѣніи его дѣятельности, посвященной избранной задачѣ, какъ цѣльная, яркая и оригинаная индувидуальность, единственная въ своемъ родѣ на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ развитія искусства, онъ не будетъ забытъ ни исторіей искусства, ни исторіей вообще.

М. Невѣдомскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Ходатайство кіевскаго общества грамотности. 1-го мая состоялось экстренное общее собраніе кіевскаго общества грамотности. На этомъ собраніи, по словамъ кіевскихъ газетъ, между прочимъ г. Осадчимъ сдѣланъ былъ докладъ о вечернихъ классахъ для взрослыхъ.

Поводомъ для такого доклада, послужили личныя наблюденія докладчика, убѣдившія его въ насущной необходимости подобныхъ классовъ. Какъ извѣстно, два года тому назадъ послѣдовало щедрое пожертвованіе покойнаго Ф. Ф. Павленкова на учрежденіе сельскихъ библіотекъ. Въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ пожертвованіе это распространялось и на юго-западный край, гдѣ инициатива учрежденія такихъ библіотекъ предоставлена была кіевскому обществу грамотности. Работая надъ организаціей этихъ библіотекъ, г. Осадчему именно и пришлось убѣдиться въ томъ фактѣ, что при громадной массѣ безграмотныхъ среди взрослаго населенія библіотеки не могутъ приносить той пользы, какая отъ нихъ ожидается. Рядомъ съ организаціей сельскихъ библіотекъ необходима и забота о развитіи большей грамотности среди населенія. Подобная же забота именно и входитъ въ число задачъ кіевскаго общества грамотности. Въ силу этого г. Осадчій нѣсколько времени тому назадъ и поднялъ вопросъ объ учрежденіи при названномъ обществѣ вечернихъ классовъ для взрослыхъ. Тогда же г. Осадчій получилъ отъ общаго собранія кіевскаго общества грамотности порученіе болѣе обстоятельно разработать вопросъ о такихъ классахъ.

Г. Осадчій отмѣчаетъ то обстоятельство, что въ Россіи вечерніе классы для взрослыхъ пока получили весьма ограниченное распространеніе, и это въ то время, когда существованіе ихъ такъ насущно необходимо.

Одна изъ причинъ отсутствія у насъ вечернихъ классовъ для взрослыхъ лежитъ въ инертности общества. У насъ слишкомъ много интеллигентныхъ силъ и въ городахъ и въ особенности въ деревняхъ, которыя жаждутъ приложить свой трудъ къ разумному дѣлу, между прочимъ просвѣщенію народа, но для активнаго проявленія всѣхъ этихъ и сильныхъ, и искреннихъ стремленій необходимо возникновеніе и участіе особаго центральнаго органа, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ практическое осуществленіе всѣхъ этихъ добрыхъ начинаній. Такимъ органомъ въ нашемъ краѣ и можетъ, и

должно явиться кіевское общество грамотности, ставящее существенной своей задачей борьбу съ народной безграмотностью и темнотою. Предлагая кіевскому обществу грамотности возбудить ходатайство объ учрежденіи вечернихъ курсовъ для взрослыхъ, г. Осадчій въ то же время полагаетъ, что общество грамотности должно возбудить *ходатайство о необходимости начатія подготовительныхъ работъ по введенію обязательнаго обученія въ юго-западномъ краѣ*. Г. Осадчій указываетъ на то обстоятельство, что черезъ 7 лѣтъ въ юго-западномъ краѣ оканчивается погашеніе выкупныхъ платежей, и такимъ образомъ освобождаются 10—11 милл. руб., которые и могли бы быть представлены на нужды народнаго просвѣщенія.

Выслушавъ докладъ г. Осадчаго, экстренное общее собраніе кіевскаго общества грамотности присоединилось къ мысли о возбужденіи ходатайства о введеніи въ юго-западномъ краѣ обязательнаго обученія, причемъ постановило, чтобы совѣтъ, прежде возбужденія этого ходатайства, доложилъ его общему собранію.

Десятилѣтіе Вятской газеты. «Вятская газета» (еженедѣльный органъ вятскаго губернскаго земства) отмѣчаетъ десятилѣтіе своего существованія. Эта газета издается для деревенскаго люда и разсылается въ самые глухіе углы. Газета разсылается туда, гдѣ много еще неграмотныхъ, гдѣ люди сами себя называютъ «темными», гдѣ книга — большая рѣдкость, гдѣ газетъ почти не видятъ и всѣ новости узнаютъ отъ чтецовъ, странниковъ и «солтиковъ». На долю «Вятской Газеты» выпала задача нести знаніе и свѣтъ въ эти темные захолустные уголки нашей губерніи. Редакція сознаетъ, что эту задачу она выполняетъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Она сознаетъ, что «Вятская Газета» часто не печатаетъ того, что интересно и важно было бы знать для деревни. Въ газетѣ часто печатается, что не важно или мало интересно. Редакція сознаетъ, что она плохо освѣщаетъ деревенскую темноту. Свѣтъ отъ нея очень слабъ. Но она сознаетъ также, что въ непроглядную тьму полезенъ бываетъ и самый маленькій огонекъ. Недалеко увидишь съ нимъ, но все-таки лучше, чѣмъ безъ всякаго огня: можно все-таки сдѣлать нѣсколько шаговъ, не спотыкаясь и не падая. А тамъ, можетъ быть, взойдетъ луна, которая лучше освѣтитъ дорогу. То-же самое можно сказать и про «Вятскую газету»: въ деревенской темнотѣ и она полезна.

Въ замѣткѣ написанной по случаю десятилѣтія газеты, редакція приноситъ искреннюю благодарность тѣмъ изъ своихъ читателей, которые помогаютъ ей и вятскому земству распространять газету въ деревнѣ, насаждать въ деревнѣ знаній и просвѣщеніе. Дѣло въ томъ, что деревенскіе жители въ массѣ своей неграмотны или малограмотны, одни изъ нихъ совсѣмъ не умѣютъ читать, другіе только съ трудомъ читаютъ и мало понимаютъ прочитанное; есть и такіе, которые недовѣрчиво относятся къ газетамъ и книгамъ, даже смѣются надъ тѣми, кто читаетъ ихъ. Поэтому недостаточно только посылать газету въ деревню. Надо еще прочитать ее вслухъ, растолковать непонятное, а нѣкоторыхъ и убѣдить въ пользѣ знаній и чтенія. Въ послѣднее время все чаще и

чаще встрѣчаются въ деревнѣ образованные крестьяне, которые не только сами много читаютъ, но и скорбятъ о народной темнотѣ, горятъ желаніемъ хоть сколько-нибудь разсѣять народную темноту. Они не только читатели, но и чтецы, они просвѣщаютъ своихъ сосѣдей, дѣлятся съ ними своими знаніями, пріучаютъ ихъ къ чтенію, «прилѣпляютъ огонь къ камню». И такихъ читателей-чтецовъ у «Вятской газеты» много. Безъ помощи этихъ образованныхъ крестьянъ, читающихъ вслухъ и разъясняющихъ непонятное, газета не могла бы приносить той пользы, какую она приноситъ теперь. Редакція отъ души благодаритъ своихъ читателей-чтецовъ.

Въ равной степени редакція благодаритъ всѣхъ, кто своими совѣтами, указаніями, статьями и письмами помогалъ изданію газеты, особенно же благодаритъ своихъ деревенскихъ сотрудниковъ. Кому же, какъ не деревенскому жителю, какъ не самому крестьянину лучше знать нужды и интересы деревни. Въ народной газетѣ должны занимать важное мѣсто сотрудники изъ народа. Въ 1903 году за первые 9 мѣсяцевъ, въ 39 нумерахъ «Вятской Газеты» напечатано было 143 корреспонденціи, написанныя самими крестьянами. Кромѣ того, въ газетѣ напечатаны 14 разсказовъ и очерковъ, составленныхъ тоже самими крестьянами. И раньше печаталось не мало статей и писемъ отъ самихъ крестьянъ. Много статей и писемъ отъ крестьянъ остается не напечатанныхъ по разнымъ причинамъ. Редакція съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что въ деревнѣ нарождается не только читатель, но и писатель, и она шлетъ деревенскому писателю искреннюю благодарность за ту помощь, которую онъ оказываетъ газетѣ.

Промышленный кризисъ въ Лодзи. По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», промышленный кризисъ въ Лодзи усиливается. Число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. При еврейскомъ благотворительномъ комитетѣ учреждено на дняхъ «информаціонное бюро». Оно займется учетомъ безработицы, собирая данныя путемъ опроса фабрикантовъ и провѣряя нужду на мѣстѣ, т.-е. посѣщая квартиры заявившихъ о нуждѣ. Возникновеніемъ своимъ «информаціонное бюро» обязано иниціативѣ фабрикантовъ. Мотивъ — желаніе урегулировать дѣло помощи безработнымъ. Урегулированіе надо понимать въ томъ смыслѣ, чтобы помощь оказывалась только работникамъ-ткачамъ. Мѣстные фабриканты-филантропы считаютъ себя нравственно обязанными оказывать помощь рабочимъ лишь вышеупомянутой профессіи. То обстоятельство, что безработица среди ткачей гибельно отозвалась на другихъ отрасляхъ труда въ здѣшнемъ городѣ, очевидно оставляется безъ вниманія. Какъ только «информаціонное бюро» соберетъ необходимыя данныя о безработицѣ и выработаетъ способъ контроля требованій на помощь со стороны голодающихъ, форма помощи измѣняется. До сихъ поръ помогали «натурой». Съ утра до 12 часовъ дня толпа безработныхъ осаждала зданіе еврейскаго благотворительнаго комитета. Раздавались хлѣбъ и порціи картофельной похлебки. Такой способъ оказанія помощи представлялъ неудобства. Громадная толпа, нервная, возбужденно настроенная, тѣснилась въ безпорядкѣ у комитетскаго зданія.

Невозможность контроля при раздачѣ помощи и оставленіе безъ порцій тѣхъ изъ голодающихъ, кто не успѣвалъ къ 12-ти часамъ получить помощь (безплатно хлѣбъ раздавали лишь до 12-ти часовъ, а послѣ приходилось платить), въ свою очередь, обращали на себя вниманіе филантроповъ. Рѣшено было помощь «натурою» замѣнить помощью денежной. Образовался при «информаціонномъ бюро» особый комитетъ изъ молодыхъ людей, которые стали обходить квартиры безработныхъ и провѣрять какъ наличность нужды, такъ и размѣры ея. Семьѣ рабочаго въ пять человѣкъ (мужъ, жена и трое дѣтей) выдается 2 р. 70 к. въ недѣлю, холостымъ—соотвѣтственно меньше. На ряду съ частной иниціативой, въ дѣлѣ помощи безработнымъ, дѣйствуетъ и магистратъ, имѣющій въ виду создать рядъ общественныхъ работъ, какъ перемощеніе улицъ и т. п. Носились слухи, что предполагалось ослабить нужду посредствомъ выселенія безработныхъ на родину не принудительно, конечно, а путемъ оказанія помощи средствами на переѣздъ. Но такой способъ едва ли оказался бы состоятельнымъ, такъ какъ въ многочисленныхъ мѣстечкахъ, родинѣ многихъ безработныхъ, нужда еще острѣе, чѣмъ въ такихъ центрахъ, какъ Лодзь, Петроковъ, Варшава. Средніе фабриканты напрягаютъ всѣ силы изъ желанія не сокращать работы, хотя склады давно переполнены товарами и виды на сбытъ очень неопредѣленны. Колоссы здѣшней мануфактурной промышленности, какъ Шнейдеръ (12.000 рабочихъ), Потоганскій (10.000) и подобные работаютъ полнымъ ходомъ, и если сокращаютъ въ малыхъ размѣрахъ штатъ рабочихъ, то пользуются формальными предлогами для удаленія, не желая и вида показывать, что кризисъ заставляетъ и ихъ подумать о сокращеніи производства. Упомянутые мануфактуристы могутъ, однако, еще долго держаться безъ сокращенія работы, такъ какъ для нихъ сбытъ обезпеченъ всегда; съ другой стороны, въ запасѣ имѣются громадные капиталы, насоплявшіеся милліонами отъ крупныхъ доходовъ въ золотыя времена лодзинской промышленности. Менѣе крупные фабриканты, въ виду переполненія кладовъ продуктами производства и ежедневно приходящихъ извѣстій о неплатежахъ по товару трещатъ очень замѣтно. Что касается мелкихъ фабрикантовъ, то ихъ заведенія съ начала кризиса прекратили всякую работу, и въ этомъ—источникъ теперешней безработицы.

Среди кустарей. Въ «Саратовской Земской Недѣлѣ» находимъ обстоятельную статью о кустарныхъ промыслахъ въ Ярославской губерніи, въ которой обрисовано незавидное положеніе кустарей этой губерніи.

Рабочій день въ кустарныхъ заведеніяхъ отличается слишкомъ чрезмѣрною продолжительностью. Вотъ, напр., каталь (валенщикъ): встаетъ онъ въ 12 час. ночи, чтобы начать свою тяжелую работу. Чуть не круглыя сутки ломаетъ онъ спину въ тяжелой удушливой обстановкѣ. Вся продолжительность рабочаго дня—17—18 часовъ. Если выбросить перерывы (обѣдъ, отдыхъ), все же останется 14—15 час. сплошной работы. Овчинники встаютъ въ 11—12 час. ночи и работаютъ до 6 час. утра, съ 6 до 10 утра спятъ, а затѣмъ снова работаютъ до 7—8 час. вечера: сплошной работы до 14 час. въ сутки. У

веревочниковъ обычный рабочій день, за вычетомъ перерывовъ, лѣтомъ продолжается 15½—16½ час., зимою 14½—15½ час. У гончаровъ рабочій день тянется съ 12—2 час. ночи до 6—7 час. вечера. Колодочники (дѣлаютъ сапожныя колодки) нерѣдко работаютъ до 17 часовъ въ сутки. Въ Толгобольской вол. у мѣдно-литейщиковъ и кузнецовъ средняя продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ перерывовъ, не менѣе 15 час. въ сутки.

При такомъ растянутомъ рабочемъ днѣ кустарю не только не остается времени на удовлетвореніе своихъ образовательныхъ стремленій, буде они у него имѣются, не остается времени даже на отдыхъ, на естественное возстановленіе силъ организма, измученныхъ тягостнымъ процессомъ труда. Не надо забывать, что губительное вліяніе длиннаго рабочаго дня на организмъ и духовныя способности кустаря еще усиливается, благодаря крайне антигигіенической обстановкѣ, въ которой происходитъ работа. А обстановка эта такова, что въ конецъ убиваетъ силы человѣка.

Зайдемте въ овчинное заведеніе. Согнувшись, вы входите черезъ маленькую скрипучую дверцу внутрь, и васъ сразу же обдаетъ кислымъ, затхлымъ запахомъ прѣющей овчины и тяжелымъ угаромъ. Отъ посѣщенія нѣсколькихъ овчинныхъ подрядъ у васъ уже начинаетъ болѣть голова, а овчинникъ въ такой избѣ проводитъ цѣлый сезонъ, постоянно угораетъ, жарится въ высокой температурѣ и, глотая массу пыли, выдѣляющейся при подниманіи овчинъ, наживаетъ себѣ чахотку.

Шубныя мастерскія шубниковъ до нельзя переполнены, отъ чего воздухъ дѣлается спертымъ. Шубники выглядятъ испитыми. Отъ чрезмѣрнаго напряженія и плохого освѣщенія у шубниковъ слабѣетъ зрѣніе.

Еще хуже условія, въ какихъ работаютъ валяльщики. «Работа эта,—писалъ корресподентъ Сереновской вол.,—чистая каторга, къ тому же въ пыли и духотѣ, прѣли и вони... несосвѣтимой». Въ рабочемъ помѣщеніи все время поддерживается высокая температура, такъ какъ при ней шерсть сваливается быстрѣе; кустарямъ приходится работать безъ рубашки. Кромѣ того, валенщики страдаютъ отъ духоты, отъ насыщенности воздуха парами, отъ отсутствія вентиляціи, отъ обилія насѣкомыхъ. Само помѣщеніе,—узкая, тѣсная и грязная клѣтушка, скупыя оконца съ мутными стеклами, не пропускающими даже необходимое количество свѣта, такъ что приходится почти постоянно работать при керосиновой лампочкѣ, плохо заправленной и коптящей... Прибавьте къ этому постоянный угаръ, 17—18-ти часовой рабочій день при скудныхъ харчахъ и хроническомъ недосыпаніи—прибавьте все это и вы перестанете удивляться и испитымъ землистымъ лицамъ кустарей, и тому, что каталь не можетъ проработать сплошь всю недѣлю, не сдѣлавъ на срединѣ ея «перекидочки», т.-е. прогула, а съ наступленіемъ весны «съ радостью бѣжитъ» мѣнять свою тяжелую работу каталя тоже на нелегкую профессію каменьщика, печника, штукатура...

«Работаешь, работаешь,—говорили мнѣ сами валенщики, а на 20 лѣтъ раньше помрешь!.. вотъ какая наша работа». Отъ сырости быстро изнашиваются не только катальныя избы, но и сами катали. По окончаніи рабочаго

сезона, весной, ходятъ они блѣдные, изнуренные и настолько слабые, что, по образному выраженію одного кустаря, ихъ «вѣтромъ шатаетъ»... Гдѣ же тутъ еще думать о грамотѣ?

Тесемочница, въ среднемъ, вырабатываетъ въ день около 6 коп., или въ рабочій часъ меньше копейки! Коробочница вырабатываетъ «значительно» больше—около 12 коп. въ день. Можно ли жить съ такого заработка? И не только жить, но и думать о грамотѣ, объ удовлетвореніи культурныхъ потребностей? Очевидно, нельзя! Или возьмемъ нѣсколько лучше оплачиваемый трудъ горшечника. Зарабатываетъ онъ цѣлыхъ 5 р. 89 к. А что значитъ на практикѣ эти 5 р. 89 к.? Зайдемте въ избу (она же и мастерская) къ гончару. Вотъ довольно типичная картина: чтобы войдти въ дверь, надо согнуться въ три погибели, и все-таки вы обязательно стукнетесь лбомъ о притолку. Въ избѣ черный, низкій, обугленный потолокъ, скупыя окна съ разбитыми мутными стеклами. Въ разбитыхъ мѣстахъ стекла заткнуты тряпьемъ. Вы идете къ «красному» углу, гдѣ на стѣнахъ висятъ почернѣлые образа и картины, и половицы ходятъ подъ вами, какъ клавиши. Въ избѣ угарно, душно, грязно. Въ углу хозяинъ избы—гончаръ, еще молодой человѣкъ, вращаетъ свое «кружало». Его жена тутъ же стираетъ бѣлье. Посреди избы виситъ зыбка съ грудным ребенкомъ, а по полу бѣгаютъ двое замазанныхъ ребятъ 3—4 лѣтъ. Вездѣ разбросаны какія-то лохмотья. Изъ каждой щели, изъ каждаго угла глядитъ самая отчаянная бѣдность. Гончаръ сказалъ мнѣ, что своего хлѣба у него хватитъ только до Казанской (осенней). И вотъ на заработокъ въ 5 р. 89 к. надо жить круглую зиму, весну. Поневолѣ при такихъ условіяхъ работа идетъ неустанно, рабочій день растягивается до послѣднихъ предѣловъ, удесятеряется убійственное вліяніе вредныхъ сторонъ производства. Ну, а грамотность? Остается ли для нея мѣсто и время?

Бурмакинскіе кустари-кузнецы работаютъ по 17 часовъ въ сутки, «а меньше работать нельзя, такъ какъ и безъ того скудный заработокъ сильно уменьшится и не покроетъ необходимыхъ въ производствѣ расходовъ».

Мы хотимъ отмѣтить и другое, правда, косвенное вліяніе нищенскихъ заработковъ на уровень грамотности среди кустарей. У грамотнаго человѣка всегда потребностей больше, и онѣ сложнѣе, чѣмъ у неграмотнаго. Низкій заработокъ не даетъ возможности удовлетворять эти потребности сполна. Отсюда вполнѣ законное стремленіе среди грамотной части населенія избѣгать дурно оплачиваемыхъ промысловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это и наблюдается. Среди шубниковъ, напр., по свидѣтельству корреспондента Зефирова, «грамотность ежегодно убавляетъ число промышленниковъ: грамотныя дѣти не идутъ въ шубники, а отправляются въ города и отдаются въ торговцы». Въ Сменцевской вол., Мышкинскаго уѣзда, особенно со времени нѣкотораго упадка промысла, все, что есть среди горшечниковъ жизнеспособнаго и мало-мальски интеллигентнаго отливаетъ на сторону, въ другіе промыслы. Благодаря этому, уровень грамотности среди сменцевскихъ гончаровъ сильно понижается.

Вымирающіе лопари. «Русск. Вѣд.» приводятъ извлеченіе изъ доклада И. Н. Шмакова «О рождаемости и смертности среди лопарей Ловозерскаго прихода Кольскаго (нынѣ Александровскаго) уѣзда за 32-хъ-лѣтній періодъ времени съ 1864 по 1895 г.». Этотъ докладъ помѣщенъ въ протоколахъ общества архангельскихъ врачей и даетъ несомнѣнную картину вымиранія этого народца.

Ловозерскій приходъ находится въ самомъ центрѣ русской Лапландіи и населенъ исключительно лопарями, которые ведутъ вполнѣ кочевой образъ жизни. Данными для доклада г. Шмакова послужили метрическія выписи о рождаемости и смертности сказаннаго прихода съ 1864 по 1896 годъ. За этотъ періодъ всѣхъ родившихся лопарей было 346, изъ нихъ мужчинъ 166 (47,9%), женщинъ 180 (52,1%), умерло 410, изъ нихъ мужчинъ 205 и женщинъ 205.

Въ теченіе первыхъ 20-ти лѣтъ смертность упорно и значительно превышала рождаемость, и только во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ замѣтенъ приростъ лопарей, причемъ въ слѣдующее семилѣтіе приростъ опять сошелъ на нуль съ очевидною тенденціей къ тому, чтобы дать свободный путь продолжающемуся вымиранію. Въ среднемъ за 32 года ежегодно лопарей родилось 10,9, изъ нихъ 5,2 мужч., 5,6 женщ., умирало 12,3, поровну мужчинъ и женщинъ.

Небезынтересно сравнить рождаемость и смертность лопарей съ таковыми же для всей Архангельской губерніи: pro mille для лопарей рождаемость 29,3, смертность—34,8, для всей губерніи средняя за 20 лѣтъ (1882—1901 г.) рождаемость—40,7, смертность—30,0. Пополамъ рождаемость лопарей также представляетъ характерную особенность; тогда какъ всюду въ Россіи рождаемость мальчиковъ выше, чѣмъ дѣвочекъ, у лопарей дѣвочекъ родится больше, чѣмъ мальчиковъ (средняя за 32 года 108,4, дѣвочекъ на 100 мальчиковъ). Наибольшая смертность, какъ и по всей Россіи, падаетъ на дѣтскій возрастъ. Но у лопарей смертность дѣтей до 1-го года—9,26%, отъ 1-го до 5-ти—20,03%; вообще по губерніи тѣ же цифры будутъ 34% и 16,8%. Въ общемъ же смертность лопарскихъ дѣтей почти вдвое ниже смертности дѣтской по губерніи. Значительная разница въ смертности дѣтей до одного года, очевидно, объясняется умѣлымъ питаніемъ грудныхъ дѣтей и уходомъ за ними у лопарей сравнительно съ русскимъ населеніемъ, матери-кормилицы котораго не прочь бываютъ сунуть ребенку «жевку» и всякую дрянь.

Въ конечномъ своемъ выводѣ докладчикъ И. Н. Шмаковъ приходитъ къ тому, что «убыль населенія Ловозерскаго прихода за всѣ 32 года по даннымъ естественнаго прироста — 15,2%, а по даннымъ дѣйствительнаго прироста—16,6%» *).

Таковы цифры.

А вотъ каково мнѣніе писателя-администратора о жизни лопаря**): «Вообще,—

*) По даннымъ первой всеобщей переписи, всѣхъ лопарей въ Архангельской г. было 1.729 человѣкъ; докладъ слѣдовательно, касается ровно 1/5 части ихъ.

**) А. П. Энгельгардтъ. „Русскій Сѣверъ". 1897. Стр. 66.

говоритъ онъ,—намъ всегда казался непонятнымъ тотъ плачъ о самоѣдахъ и лопаряхъ, который слышался въ литературѣ, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ,—напр., уважаемаго профессора А. И. Якобія,—объ ихъ жалкой, полной лишеній жизни, объ эксплоатаціи, которой они будто бы подвергаются со стороны сосѣдняго осѣдлаго населенія. Въ дѣйствительности же къ ихъ услугамъ, въ ихъ распоряженіи, необъятныя тундры и лѣса; паси оленей, гдѣ знаешь, лови рыбу, гдѣ хочешь, промышляй звѣрей и птицъ безпрепятственно на пространствѣ многихъ милліоновъ десятинъ свободныхъ казенныхъ земель».

Кто больше правъ,—талантливый ли, теперь покойный, администраторъ-литераторъ въ своихъ, не лишенныхъ романтизма, воспѣваніяхъ счастливой, чуть не полной поэзіи обстановки лопарскаго житья-бытья, или проф. А. И. Якобій и другіе ученые,—отвѣчаютъ сухія, но неопровержимыя цыфры за 32 года, указанные выше.

Заявленіе врачей-земцевъ. «Екатериносл. Листокъ» отмѣчаетъ интересное заявленіе врачей александровскаго земства.

Въ уѣздную управу подано слѣдующее заявленіе, подписанное 7-ю земскими врачами изъ 11 служащихъ въ уѣздѣ: «работа земскаго врача можетъ быть продуктивной тогда, когда земскіе люди считаютъ его не «наймитомъ», а столь же заинтересованнымъ въ благѣ населенія, какъ и лучшіе члены собранія. Замѣна съѣздовъ врачей санитарнымъ совѣтомъ преслѣдовала цѣль ввести насъ больше въ кругъ земскихъ интересовъ.

«Отношеніе гласныхъ къ работѣ санитарнаго совѣта на первомъ же засѣданіи обнаружило тенденцію земскихъ людей не расширять, а еще больше съузить этотъ кругъ. Работать при такихъ условіяхъ бодро и съ прежней энергіей мы не можемъ, а потому считаемъ себя нравственно обязанными оставить работу въ александровскомъ земствѣ».

Этотъ массовой уходъ врачей наводитъ на грустныя размышленія. Причины, вызвавшія это печальное явленіе, въ данномъ случаѣ кроются, какъ можно понять изъ вышеприведеннаго заявленія, въ пренебрежительномъ отношеніи къ врачамъ со стороны александровскихъ земцевъ, которые, ревниво охраняя свою монополію на опеканіе населенія селъ и деревень, стараются низвести земскихъ врачей на степень простыхъ «наймитовъ», обязанныхъ исполнять строго приказы, циркуляры, распоряженія и т. п. и, вообще, съуживающихъ рамки свободной творческой дѣятельности своихъ врачей даже въ области трудовъ и заботъ о народномъ здоровьѣ.

А между тѣмъ, кому неизвѣстны тяжелыя бытовыя условія жизни земскихъ врачей.

Въ неустанной работѣ, среди неприглядной обстановки крестьянскаго житья-бытья, въ безпрерывной не всегда счастливой борьбѣ съ эпидеміями, при весьма несовершенныхъ врачебныхъ средствахъ, они черпаютъ и бодрость, и энергію въ упорномъ отвоевываніи крестьянскихъ жизней у смерти, стремясь расширить, улучшить средства къ борьбѣ, войти въ глубь интересовъ и нуждъ населенія.

Къ сожалѣнію, это все игнорируютъ нѣкоторые александровскіе земцы и своимъ отношеніемъ къ земскимъ врачамъ довели ихъ до необходимости коллективнаго ухода. Объ этомъ нельзя не пожалѣть!

Керосинъ въ деревнѣ. Владимірскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ о любопытной анкетѣ, предпринятой статистическимъ бюро владимірскаго земства съ цѣлью выясненія степени потребленія деревенскими жителями керосина.

Несмотря на то, что керосинъ не безъ основанія можно считать такимъ же предметомъ первой необходимости, какъ пища и одежда, въ Россіи потребленіе его очень незначительно. Бакинскіе нефтепромышленники очень заинтересовались этимъ явленіемъ и пожелали узнать, почему наши крестьяне расходуютъ такъ мало керосина, чтобы сообразно съ этимъ выяснить, какими способами можно поднять потребленіе керосина въ деревнѣ. Они обратились къ нѣкоторымъ земствамъ съ просьбой предложить мѣстнымъ корреспондентамъ рядъ вопросовъ, касающихся потребленія керосина. Статистическое бюро владимірскаго земства, прежде чѣмъ отослать наполненные опросные бланки въ Баку, обработало корреспондентскіе отвѣты. Получились очень интересные выводы, изложенные въ работѣ статистика Арк. Смирнова.

Изъ исторіи керосиноваго освѣщенія извѣстно, что оно явилось во владимірскую деревню послѣ реформы и какъ результатъ реформы. Лучина забрасывалась ради керосина потому, во-первыхъ, что въ періодъ лѣсного обнищанія, наступившій послѣ эмансипаціи, стало трудно найдти «прямощевую» березу, изъ которой дѣлали лучину. Лѣсъ вздорожалъ, и керосинъ сталъ дешевле лучины. Во-вторыхъ, невыгодно стало отдавать рабочія руки одного взрослаго на то, чтобы слѣдить за горѣніемъ лучины, что необходимо при этомъ освѣщеніи. Наконецъ, сильно развившіеся домашніе промыслы съ усложненной техникой потребовали лучшаго освѣщенія, чѣмъ лучинное.

Размѣры потребленія керосина стоятъ въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ хозяйственныхъ фактовъ крестьянской семьи. Потребленіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ богаче населеніе въ денежномъ отношеніи, чѣмъ шире развиты въ немъ промыслы и чѣмъ меньшую роль играетъ въ немъ отходъ, чѣмъ многолюднѣе и грамотнѣе крестьянская семья, чѣмъ болѣе обезпечена она землей и скотомъ и чѣмъ дешевле достается она населенію.

Много корреспондентскихъ указаній на дороговизну керосина. «Находясь нѣсколько столѣтій въ духовномъ мракѣ отъ недостаточнаго освѣщенія, — замѣчаетъ одинъ корреспондентъ,—крестьянинъ теперь пребываетъ въ темнотѣ отъ вздорожанія у насъ въ Россіи керосина». Не имѣя денегъ на керосинъ, крестьяне въ длинные зимніе вечера ничего не дѣлаютъ, спятъ отъ 4 ч. до 8 ч. утра, для школьниковъ зажигаютъ лампу на 2 ч., а потомъ заставляютъ ихъ также спать. Крестьяне, пишетъ корреспондентъ, «ложатся рано, встаютъ поздно, спятъ во тьмѣ».

Покупная цѣна керосина очень велика и разнится въ зависимости отъ зажиточности двора. Въ 1903 году бѣдные дворы платили за фунтъ керосина

4,09 коп., средніе—4,02 и богатые—3,96 коп. За послѣдніе 2 — 3 года керосинъ особенно вздорожалъ. Въ январѣ 1904 г. цѣна его была равна уже 4,41 коп. Притомъ же деревня платитъ за керосинъ дороже, чѣмъ городъ. Объясняется это разстояніемъ, дороговизной перевозки, но главнымъ образомъ аппетитами деревенскихъ лавочниковъ, торгующихъ безъ конкуренціи. Качество керосина въ общемъ неудовлетворительно. Керосинъ бываетъ мутный, вонючій, съ водой, горитъ тускло, а то и вовсе не горитъ. Обвиняютъ въ этомъ лавочниковъ, подмѣшивающихъ въ керосинъ воду съ синькой, другіе винятъ «плутоватыхъ купцовъ».

Въ годъ на душу населенія падаетъ расходъ на освѣщеніе: въ бѣдномъ крестьянскомъ дворѣ 37,18 коп., въ среднемъ—49,44 коп. и въ богатомъ—69,20 к. Бѣдный дворъ расходуетъ на освѣщеніе $^1/_{79}$ часть своего бюджета, а зажиточный только $^1/_{133}$.

Несмотря на удорожаніе керосина, общее потребленіе его съ каждымъ годомъ увеличивается въ губерніи. Но въ гораздо большей прогрессіи увеличивается цѣна керосина: въ 1895 — 1896 гг. потребленіе равнялось 688 тыс. пуд. (100 проц.) при цѣнѣ керосина 1,26 руб. за пудъ (100 проц.), въ 1899—1900 гг. потребленіе возросло до 771 тыс. пуд. (112 проц.), а цѣна до 1,59 руб. (126 проц.).

Изъ отвѣтовъ корреспондентовъ выяснился тотъ фактъ, что широко потребленіе керосина въ деревнѣ возможно только при условіи удешевленія его стоимости. При пониженіи цѣны на керосинъ уничтожится и поводъ для его фальсификаціи. Поэтому, если, дѣйствительно, бакинскіе нефтепромышленники желаютъ способствовать распространенію керосиноваго освѣщенія въ деревнѣ, они должны исполнить это требованіе самой жизни.

Къ отставкѣ Д. Н. Шипова. По поводу неутвержденія избранія Д. Н. Шипова предсѣдателемъ московской губернской земской управы на новое трехлѣтіе «Русск. Правда» вспоминаетъ прежнюю земскую службу Д. Н. Шипова:

«Д. Н. Шиповъ состоялъ въ должности предсѣдателя московской губернской земской управы въ теченіе 11 лѣтъ. Московское губернское земство, кажется, единственное въ Россіи, въ которомъ почти за сорокалѣтнее его существованіе смѣнилось всего два предсѣдателя. Первымъ былъ Д. А. Наумовъ, прослужившій московскому земству въ качествѣ предсѣдателя около 28 лѣтъ, а затѣмъ на смѣну ему выступилъ Д. Н. Шиповъ. Послѣдній былъ достойнымъ преемникомъ Д. А. Наумова. Во время его предсѣдательства, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, московскимъ губернскимъ земствомъ намѣчены и проведены въ жизнь многія существенныя мѣропріятія въ области земскаго хозяйства, а также разрѣшены и нѣкоторые принципіальные вопросы, имѣющіе существенное значеніе въ земской жизни не одной только Московской губерніи. При Д. Н. Шиповѣ былъ обсужденъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, осуществлена общедоступность народнаго образованія, упорядочены земскіе финансы, создана сложная экономическая организація, учреждена образцовая психіатрическая больница, построена цѣлая сѣть

*

новыхъ шоссейныхъ дорогъ, при немъ же поставленъ на очередь вопросъ объ осуществленіи общедоступности медицинской и ветеринарной помощи, общественнаго призрѣнія, а также много другихъ частныхъ вопросовъ и мѣръ Всѣ эти вопросы и мѣры возникали, разрабатывались и осуществлялись по иниціативѣ Д. Н., при непосредственномъ и самомъ дѣятельномъ его участіи. Д. Н. обладалъ громадною иниціативою и неослабною энергіею. Онъ вникалъ положительно во всѣ сферы земскаго хозяйства и всюду вносилъ свой свѣтлый умъ и богатый опытъ. Основнымъ принципомъ его земской дѣятельности было развитіе въ населеніи самосознанія и самодѣятельности».

Прокаженные въ Архангельской губерніи. Въ протоколахъ засѣданій общества архангельскихъ врачей, сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», напечатанъ докладъ В. И. Орнатскаго: «О прокаженныхъ въ Архангельской губ.».

До послѣдняго времени, какъ указываетъ докладчикъ, и въ спеціальной литературѣ не появлялось свѣдѣній о существованіи проказы въ Архангельской губ. и врачи-практики Архангельской губ. не знали о существованіи ея. Между тѣмъ, какъ явствуетъ изъ наблюдавшихся случаевъ несомнѣнной проказы и нѣкоторыхъ разслѣдованій, произведенныхъ въ связи съ ними, проказа существуетъ въ Архангельской губ. и имѣетъ тамъ прочное и давнишнее гнѣздо. Вотъ, напримѣръ, картинка состоянія одного изъ прокаженныхъ: К., «Лобъ, брови, переносье, носъ, губы, щеки и подбородокъ покрыты темно-буроватыми пятнами и бугристыми инфильтраціями различной величины; форма носа рѣзко измѣнена: спинка уплощена и вдавлена на границѣ хрящевой части съ костью; губы вздуты. Такого же цвѣта пятна замѣчаются на конечностяхъ. Слизистая оболочка твердаго и мягкаго неба и языкъ покрыты сѣраго цвѣта инфильтратомъ и сморщивающими рубцами. На разгибательныхъ сторонахъ нижнихъ оконечностей язвы: на лѣвой голени, въ нижней ея трети, на передне-наружной поверхности язва занимаетъ всю нижнюю треть голени; глубокая, овальной формы, язва на внутреннемъ мыщелкѣ, круглая на разгибательной поверхности лѣваго колѣна, такая же въ области праваго вертела. Кромѣ того, на разгибательныхъ сторонахъ конечностей находится цѣлый рядъ бурокраснаго цвѣта и неправильной формы рубцовъ отъ зажившихъ язвъ: по одному—на лѣвомъ плечѣ и предплечіи, на локтевыхъ суставахъ, на внутреннемъ мыщелкѣ правой ноги и два рубца—на правомъ колѣнѣ. Четвертаго пальца на лѣвой ногѣ нѣтъ, отвалился четыре года тому назадъ послѣ образовавшейся на немъ язвы. Голосъ—слабый, хриплый. Въ началѣ болѣзни на верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ, а вскорѣ и на лицѣ стали появляться темно-краснаго цвѣта пятна; на ихъ мѣстѣ потомъ образовались бугры, которые по мѣстамъ изъязвлялись, вызывая обезображеніе лица и конечностей» (К. умеръ). Заболѣлъ К. пять лѣтъ назадъ, передъ тѣмъ, какъ подвергся лѣченію. Жилъ въ семьѣ, въ числѣ семи человѣкъ, въ небольшой грязной избѣ, въ двѣ квадратныхъ сажени величиной. По собраннымъ справкамъ, мать К. умерла отъ болѣзни, похожей на болѣзнь сына»; двое другихъ ея дѣтей

умерли «отъ неизвѣстной причины» (проказы?); двѣ двоюродныя тетки К. умерли, по словамъ односельчанъ, «въ зловонныхъ ранахъ». Дальнѣйшими изслѣдованіями отмѣчены были другіе случаи заболѣванія проказой; такъ, М—на болѣла десять лѣтъ: «все время проводитъ на печкѣ, распространяя невыносимое зловоніе по избѣ» и т. д. Всѣ наблюдавшіеся случаи проказы—среди корелъ въ Кемскомъ уѣздѣ, въ самой глуши, близко къ границѣ съ Финляндіей. «Разыскивать больныхъ проказой оказалось дѣломъ нелегкимъ,—говоритъ д-ръ Орнатскій.—Крестьяне не понимаютъ, что эта болѣзнь неизлѣчимая и, руководствуясь кѣмъ-то пущеннымъ слухомъ, что больныхъ проказой, какъ неизлѣчимыхъ, умышленно отравляютъ въ больницахъ, скрываютъ ихъ». Когда зашла рѣчь объ изоляціи больныхъ, «общество наотрѣзъ отказалось оказать содѣйствіе въ этомъ направленіи». «И такъ,—заключаетъ докладчикъ,—въ глубинѣ Кемскаго уѣзда есть несомнѣнный очагъ проказы. Онъ, какъ видно изъ приведенныхъ свѣдѣній, существуетъ давно и до сихъ поръ никому извѣстенъ не былъ». Принимая въ соображеніе скептическое отношеніе населенія къ медицинѣ и нежеланіе обнаруживать прокаженныхъ и то обстоятельство, что «пути доступа въ этотъ край, Кемскаго уѣзда,—какъ говоритъ докладъ,—такъ трудны, что пріѣздъ врача сюда былъ, несомнѣнно, рѣдкимъ событіемъ», принимая въ соображеніе, — добавимъ мы,— что территорія Кемскаго уѣзда составляетъ 35.675 кв. верстъ, а на ней всего на всего два врача по штату, да и то одинъ, такъ называемый «сельскій», часто представляетъ «вакансію», внѣ сомнѣнія, что очагъ проказы не потухъ, а разгорается.

Въ минской думѣ. Въ одномъ изъ засѣданій минской городской думы гласные, какъ сообщаетъ «Сѣв.-Зап. Край», предложили думѣ выступить въ защиту горожанъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи, обжаловивъ ихъ губернатору.

Какъ сообщили въ думѣ нѣкоторые гласные, полиція стала въ послѣднее время разсылать горожанамъ полицейскіе листки съ самыми несуразными требованіями. Послѣднія сводятся къ приказу въ три—пять дней перестроить дома. Такъ, одному гласному полиція предложила «сломать всѣ лѣстницы въ его домѣ». Полиція предложила всѣмъ безъ исключенія домовладѣльцамъ перекрасить дома, устроить заборы, исправить водосточныя трубы и привести въ порядокъ дома. Такъ какъ подобное огульное предложеніе носитъ характеръ обязательнаго постановленія, дума признала подобное распоряженіе нарушеніемъ ея законныхъ правъ и рѣшила довести объ этомъ до свѣдѣнія начальника губерніи. Пользуясь случаемъ, гласные вообще заговорили о некорректныхъ дѣлахъ полиціи. По сообщенію нѣкоторыхъ гласныхъ, чины полиціи приказываютъ перекрасить такіе дома, которые въ покраскѣ совершенно не нуждаются; Одному гласному, д-ру Здановичу, полиція въ теченіе трехъ дней предложила одинъ разъ окрасить домъ въ синій цвѣтъ, а затѣмъ въ зеленый. Произволъ полиціи въ отношеніи тротуаровъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. По словамъ гласныхъ, то и дѣло ея средствами срываются совершенно цѣлые тротуары,

и были даже такіе случаи, когда срывались тротуары цѣлой улицы. Рѣшено было поручить управѣ сообщить обо всемъ этомъ начальнику губерніи.

Вѣсти изъ Нижегородской и Костромской губерній. Невеселыя вѣсти идутъ изъ многихъ губерній Россіи. Такъ, изъ Нижегородской губерніи корреспондентъ «С.-Петерб. Вѣд.» сообщаетъ, что нужда въ деревнѣ страшная... Крестьяне задолжали уже многимъ лицамъ, такъ что больше никто и не вѣритъ... Нуждающіяся семьи получили пособіе по одному пуду на ѣдока въ мѣсяцъ, а за февраль только по 36 фунтовъ. Такъ гласитъ «Нижегородская земская газета»:

«Дѣйствительно, нужда въ нашемъ краю очень велика. Въ прошлую осень рожь уродилась еле-еле самъ-другъ, а яровое—и сѣмянъ не собрали.

«Особенно велика нужда въ Ардатовскомъ уѣздѣ, въ районѣ горныхъ заводовъ. Здѣсь крестьяне и ранѣе не прокармливались собственнымъ хлѣбомъ, и главнымъ источникомъ пропитанія была работа на заводахъ или въ рудникахъ по добычѣ чугунной руды. Теперь, когда благодаря «желѣзному кризису» многіе заводы встали, а нѣкоторые хотя и тянутъ, но наполовину сократили свое производство, крестьяне очутились въ безвыходномъ положеніи: ни хлѣба, ни работы. Цѣлыми семьями отправились въ «кусочки», но и подавать некому. Скотъ дохнетъ. На-дняхъ пришлось намъ видѣть, какъ крестьянинъ у себя на дворѣ подвѣшивалъ свою корову на веревкахъ къ колодѣ. Спрашиваемъ, зачѣмъ это?

«— Да вотъ ноги у ней что-то недюжатъ. Постоитъ, постоитъ, да и упадетъ. Должно съ голодухи.

«Въ колодѣ была солома цвѣта пережженнаго кофе.

«— Ты бы ей соломы-то хоть посвѣжѣе замѣсилъ,—сказали мы.—А то у тебя тутъ навозъ какой-то.

«— Да гдѣ же ее взять-то. Вотъ съ осени-то этой соломой на дворѣ площадку-было прикрылъ, ну, а теперь не взыщи, и на кормъ скотинкѣ снялъ.

«— Ну, а какъ насчетъ посыпочки-то?

«— Какая тутъ посыпка, самимъ ѣсть нечего. Одна назола. Фунта полтора высыпишь въ сутки-то, вотъ тутъ и прыгай какъ хошь.

«Оказалось, что многіе домохозяева придумали такой оригинальный способъ откармливанія скота «на подвѣсахъ».

«И что это за скотъ: кости да кожа! Думается, что фараоновы «тощія коровы» были въ сравненіи съ нашими просто картина. Послушаешь: тотъ свезъ коровку въ оврагъ, этотъ ободралъ конягу и т. д.

«Грустныя картины!

«Земство пришло на помощь жителямъ и выдаетъ на ѣдока по 30—40 фунтовъ въ мѣсяцъ. Жаль, что забыли про скотъ.

«И выходитъ два худа: и самъ не доѣлъ, и скотина съ голоду дохнетъ, а если и не дохнетъ, то подымать ее къ колодѣ нужно народомъ. Ясно, что отъ такой коровы не молоко, а отъ коняги—не работа.

«Между тѣмъ въ каждомъ «голодающемъ» селеніи есть нѣсколько семей,

кои «избываютъ хлѣбомъ» и тѣмъ не менѣе получаютъ наравнѣ съ другими пособіе. Не красиво это явленіе, но оно частенько случается. Дѣлается это такимъ образомъ: обыкновенно пишется на сельскомъ сходѣ мірской приговоръ, съ просьбой кому слѣдуетъ о пособіи. Вершителями приговоровъ на сходкѣ бываютъ большею частью «міроѣды» и зажиточные мужики. Прослышали они, что «казна» безплатно отпускаетъ голодающимъ хлѣбъ, отчего-де и намъ не попользоваться.

«— Пиши и насъ къ ряду! И мы тоже крестьяне.

«Имъ возражятъ:

«— Да помилуйте, Кузьма Титычъ, на что вамъ пособіе, у васъ три одонья стоятъ на гумнѣ не початыя.

«— А, вамъ, пьяницамъ, давать, а намъ нѣтъ? Не согласны! Не давать, такъ никому не давать, а давать, такъ всѣмъ: мы васъ не хуже. А то мы и руки не приложимъ!

«И вотъ является такая аномалія: зажиточный мужикъ получаетъ «паекъ» на всѣхъ ѣдоковъ въ семьѣ, а рядомъ съ нимъ какая-нибудь «бобылка» или вдова съ малыми ребятишками «пайка» не получаетъ, потому что она на сходѣ голоса не имѣетъ, такъ какъ не имѣетъ «надѣльной души». Тягла нѣтъ, слѣдовательно не принадлежитъ и «къ отчеству».

«И пойдетъ эта горемыка къ тому же «міроѣду» просить у него въ счетъ будущаго жнитва хлѣба взаймы. Если «міроѣдъ» смилуется, то отдастъ этотъ же «паекъ», который онъ получилъ только потому, что онъ «отчественникъ», и который ему совсѣмъ не нуженъ. Отдастъ-то онъ его отдастъ, да только цѣной поставитъ втридорога.

«Хорошо бы для устраненія этого печальнаго явленія, которое сплошь бываетъ въ деревнѣ, привлечь въ качествѣ наблюдателей при распредѣленіи пособія мѣстныхъ деревенскихъ интеллигентовъ—учителя, священника, землевладѣльца и т. д.

«Прекрасную службу сослужила бы въ этомъ отношеніи мелкая земская единица, о которой теперь много говорятъ и пишутъ, но которой мы почему-то долго не можемъ дождаться».

То же самое пишутъ и изъ Костромской губ. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ уѣздовъ наблюдается уже полная голодовка; скотъ уже давно стоялъ на соломѣ, а къ веснѣ питался, по обыкновенію, крышами и подстилкой.

Въ виду недорода, министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ сдѣлать заимствованіе изъ губернскаго продовольственнаго капитала 50 тысячъ рублей, для выдачи ссудъ на покупку сѣменного овса. Такимъ образомъ, на каждый изъ 12-ти уѣздовъ приходится сумма въ 4 тыс. рублей, что, въ сравненіи съ дѣйствительными размѣрами нужды въ сѣменахъ, является просто каплей въ морѣ. Продовольственная же нужда мѣстной администраціей совершенно не признана. Ассигнуя 50 тыс. руб. на пріобрѣтеніе сѣменного овса, губернское присутствіе предлагало уѣзднымъ земствамъ собрать экстренныя собранія, на которыхъ и сдѣлать соотвѣтствующія постановленія о распредѣленіи ссудъ. Но, въ виду ничтожности ассигнованія, ни одно изъ уѣздныхъ земствъ не

собрало чрезвычайнаго собранія, и, вѣроятно, эти 50 тысячъ руб. будутъ использованы самой администраціей.

Нужда же въ продовольствіи и сѣменахъ, судя по извѣстіямъ изъ уѣздовъ и по массѣ ходатайствъ о ссудахъ, поступающихъ въ земство (по старой памяти) со стороны крестьянъ, должна быть очень значительная. Къ сожалѣнію, размѣры ея во многихъ случаяхъ или совершенно не опредѣлены, или опредѣлены «примѣнительно къ обстоятельствамъ», т.-е. путемъ строгаго соблюденія принципа «благополучности» во ввѣренныхъ различнымъ властямъ районахъ.

Значительный упадокъ наблюдается и въ заработкахъ фабричнаго населенія четырехъ фабричныхъ уѣздовъ. Благодаря сокращенію производства, въ особенности въ области текстильной промышленности, много фабричныхъ станковъ остановлено, и массы рабочихъ остались безъ заработка. Особенно сильное сокращеніе числа рабочихъ наблюдается на льнопрядильныхъ фабрикахъ г. Костромы. Наступило нѣчто въ родѣ перепроизводства—въ фабричныхъ складахъ лежатъ массы товара, спросъ на который упалъ до minimum'а. Главное сокращеніе спроса наблюдается на продукты массового потребленія, что, вѣроятно, вызывается общимъ пониженіемъ благосостоянія крестьянскаго населенія въ этомъ и прошломъ году, вслѣдствіе крупныхъ недоборовъ въ хозяйствѣ.

За мѣсяцъ. Именной Высочайшій Указъ министру финансовъ: «Въ виду наступившихъ военныхъ событій и для умноженія средствъ Государственнаго Казначейства увеличеніемъ золотой наличности казны и Государственнаго банка, признали Мы за благо, согласно представленію вашему, въ комитетѣ министровъ разсмотрѣнному, приступить къ выпуску краткосрочнаго внѣшняго государственнаго займа.

«Въ сихъ видахъ повелѣваемъ вамъ выпустить въ порядкѣ и постепенности, вами опредѣляемыхъ, 5% заемъ на нарицательный капиталъ до 300 милліоновъ рублей=800 милліонамъ франковъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

«1) Заемъ сей вносится въ государственную долговую книгу подъ наименованіемъ «5% обязательства Государственнаго Казначейства 1904 года».

«2) Обязательства выпускаются на предъявителя достоинствомъ въ 187 р. 50 коп., равныхъ 500 франкамъ, и 1.875 рублей равнымъ 5.000 франкамъ.

«3) Размѣръ дохода по обязательствамъ въ 5 процентовъ годовыхъ, уплачиваемыхъ по-полугодно. Теченіе процентовъ начинается съ 1 (14) мая 1904 г.

«4) Уплата процентовъ производится въ Россіи рублями и во Франціи—франками, считая 1 франкъ=37½ копѣйкамъ, въ мѣстахъ, вами для сего назначенныхъ, по предъявленіи купоновъ отъ обязательствъ.

«5) Уплата процентовъ и капитала по обязательствамъ (пунктъ 8) освобождается навсегда отъ всякихъ русскихъ налоговъ.

«6) Купоны подлежатъ оплатѣ въ теченіе 10 лѣтъ съ наступленія по нимъ сроковъ, а обязательства въ теченіе 30 лѣтъ со срока, назначеннаго для ихъ выкупа.

«7) Права и преимущества, представляемыя держателямъ выпускаемыхъ

нынѣ 5% обязательствъ Государственнаго Казначейства 1904 года по отношенію къ подпискѣ на могущіе быть выпущенными до 1 (14) мая 1909 г. долгосрочные государственные займы, равно какъ и по пріему обязательствъ и купоновъ отъ нихъ въ уплату таможенныхъ пошлинъ, въ казенные залоги и для обезпеченія акцизныхъ платежей, опредѣляются вами при самомъ выпускѣ займа.

«8) 1 (14) мая 1909 года сіи обязательства подлежатъ выкупу по нарицательной цѣнѣ, до наступленія же означеннаго срока къ выкупу сего займа приступлено не будетъ».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Николай».

Въ Царскомъ Селѣ.
29 апрѣля 1904 г.

— Распоряженіе, объявленное Правительствующему Сенату министромъ финансовъ. Объ условіяхъ и порядкѣ выпуска 5% обязательствъ Государственнаго Казначейства 1904 г. Во исполненіе Высочайшаго указа министру финансовъ, даннаго 29-го апрѣля 1904 года, министръ финансовъ симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе:

«I. 5% обязательства Государсувеннаго казначейства 1904 года, выпускаемыя нынѣ на основаніи означеннаго Высочайшаго указа, реализуются черезъ посредство Парижско-Нидерландскаго банка, Ліонскаго Кредита и гг. Готтингеръ и К° въ Парижѣ.

«II. 5% обязательства Государственнаго казначейства 1904 года будутъ принимаемы по цѣнамъ, установляемымъ на каждое полугодіе министромъ финансовъ, съ соблюденіемъ существующихъ постановленій, и публикуемымъ во всеобщее свѣдѣніе черезъ Правительствующій Сенатъ, въ залоги: 1) по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, 2) по разсрочиваемому акцизу и 3) по обезпеченію таможенныхъ пошлинъ. Означенныя цѣны для пріема сихъ обязательствъ въ казенные залоги будутъ не ниже 95% нарицательной цѣны.

«III. Купоны отъ 5 процен. обязательствъ Государственнаго казначейства 1904 г., какъ истекшихъ сроковъ, такъ тѣхъ, до срока оплаты коихъ остается не болѣе 6 мѣсяцевъ, а равно и самыя обязательства, начиная съ 1 (14) мая 1909 года, будутъ принимаемы въ уплату таможенныхъ пошлинъ по нарицательной цѣнѣ.

«IV. Въ случаѣ выпуска въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, предшествующихъ сроку погашенія сихъ обязательствъ (1 (14) мая 1909 года), долгосрочнаго государственнаго займа, выручка коего будетъ предназначена полностью или частью на выкупъ оныхъ, держателямъ сихъ послѣднихъ будетъ предоставлено преимущественное право подписки на облигаціи таковаго займа, причемъ въ платежи отъ подписчиковъ 5% обязательства будутъ принимаемы, вмѣсто наличныхъ денегъ, по нарицательной цѣнѣ, съ присоединеніемъ къ ней суммы нарослихъ по текущему купону процентовъ.

«Независимо отъ сего держателямъ 5% обязательствъ Государственнаго казначейства предоставляется преимущественное право подписки, за наличныя

деньги, на облигаціи другихъ могущихъ быть выпущенными до 1 (14) мая 1909 года на французскомъ рынкѣ долгосрочныхъ государственныхъ займовъ. Требованія держателей 5% обязательствъ государственнаго казначейства 1904 г. будутъ удовлетворяемы по соразмѣрности суммы выпущенныхъ обязательствъ и нарицательныхъ капиталовъ новыхъ займовъ, но не свыше, чѣмъ въ суммѣ принадлежащихъ каждому держателю обязательствъ».

Объ изложенномъ министръ финансовъ 29-го апрѣля 1904 г. донесъ Правительствующему Сенату для распубликованія.

— Въ «Харб. Вѣст.» объявленъ приказъ намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ слѣдующаго содержанія:

«Государь Императоръ, по ходатайству моему, 4-го марта повелѣть соизволилъ: пожелавшимъ и выбраннымъ начальствомъ въ вольныя дружины на островѣ Сахалинѣ изъ отбывающихъ наказаніе преступниковъ оказать льготы: а) для ссыльно-каторжныхъ остающійся срокъ каторги сокращать зачетомъ двухъ мѣсяцевъ службы въ вольныхъ дружинахъ на цѣлый годъ каторжныхъ работъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые принимали участіе въ бояхъ съ непріятелемъ, немедленно перечислять въ ссыльно-поселенцы; независимо отъ сего, каторжныхъ тюремнаго разряда, служившихъ въ дружинахъ, по окончаніи войны перечислять во внѣ-тюремный разрядъ; б) для арестантовъ разрядовъ исправительныхъ отдѣленій и тюремнаго время службы въ дружинахъ зачислять по разсчету четырехъ мѣсяцевъ за цѣлый годъ; в) состоящимъ на поселеніи и имѣющимъ быть переведенными на поселеніе изъ каторги—сроки на перечисленіе въ крестьяне сокращать зачетомъ мѣсяца службы въ дружинахъ за за четыре; г) крестьянамъ изъ ссыльныхъ—разрѣшать избраніе мѣстожительства повсемѣстно въ Имперіи, кромѣ столицъ и столичныхъ губерній, съ признаніемъ ихъ, взамѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и имуществъ; д) привлеченнымъ къ работамъ для военныхъ надобностей ссыльно-каторжнымъ, ссыльно-поселенцамъ и арестантамъ разныхъ категорій—даровать льготы, указанныя въ ст. 13, 14, 15 и 16 правилъ о привлеченіи къ работамъ на Сибирской желѣзной дорогѣ лицъ тѣхъ же разрядовъ (прилож. къ примѣчанію 289 ст. XIV тома св. закон. устава о ссыльныхъ, по продолженію 1895 года). Примѣненіе всѣхъ перечисленныхъ льготъ предоставить военному губернатору острова Сахалина при условіи засвидѣтельствованія начальствомъ добросовѣстнаго исполненія долга дружинниками и рабочими. За оказанные ими особые заслуги и подвиги предоставить мнѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смягчать отбываемое наказаніе и свыше указанныхъ предѣловъ; въ случаяхъ же исключительныхъ испрашивать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на полное помилованіе».

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. (1 мая 1904 года). На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. (св. закъ т. XIV, изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости».

А. П. Пятковскій (некрологъ). 17-го мая скончался старинный сотрудникъ «Современника», «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла», а съ 1881 года редакторъ-издатель журнала «Наблюдатель», А. П. Пятковскій, на 65-мъ году жизни. Статьи покойнаго писателя собраны въ двухъ книжкахъ подъ общими заглавіями: «Живые вопросы» (1870 г.) и «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія» (1876 г.). Какъ извѣстно, «Наблюдатель» въ первые годы своего существованія стремился стать какъ бы духовнымъ преемникомъ «Отечественныхъ Записокъ», послѣ ихъ закрытія въ 1884 г. Но вскорѣ положеніе журнала сильно измѣнилось. Заимствуемъ изъ газеты «Новое Время» слѣдующее весьма характерное объясненіе, предложенное органомъ г-на А. С. Суворина, причинъ, почему журналъ г. Пятковскаго не только сталъ падать, но за «послѣдніе годы влачилъ печальное существованіе литературнаго полу-мертвеца».

«Пятковскій былъ боленъ, даже уѣзжая лечиться за границу, на время совсѣмъ прекращалъ выпускъ книжекъ. Это регресированіе журнала выразилось съ одной стороны упадкомъ его литературнаго достоинства, постепеннымъ исчезновеніемъ со страницъ его сколько-нибудь извѣстныхъ именъ, а съ другой—развитіемъ все большей нетерпимости къ еврейству, которая, наконецъ, приняла какой-то болѣзненный характеръ даже не антисемитизма, а панической боязни еврейскаго нашествія...»

Чтобы читатели не заподозрили какой-нибудь мистификаціи въ подлинности этихъ строкъ на столбцахъ «Новаго Времени», даемъ полную справку—см. № 10132, стр. 4, столб. 4 - 5.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Мысль“—апрѣль. — „Вѣстникъ Европы“ — апрѣль.—„Русское Богатство“—апрѣль).

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» г-нъ Н. Ма—й даетъ интересный обзоръ того, «Что сдѣлано за сорокъ лѣтъ московскимъ городскимъ управленіемъ по народному образованію» *). Авторъ названной статьи старается прослѣдить, какое вліяніе на дѣятельность московскаго городского управленія оказывало министерство народнаго просвѣщенія, съ одной стороны, и господствующій характеръ общественнаго настроенія — съ другой. По мнѣнію автора, «если мы сопоставимъ исторію московскихъ городскихъ школъ съ исторіей всей нашей общественности за послѣдніе сорокъ лѣтъ», то увидимъ, что «школьная исторія Москвы служитъ какъ бы барометромъ, съ удивительной чувствительностью реагировавшимъ на всѣ колебанія въ общественной атмосферѣ».

---

*) Фактическій матеріалъ по исторіи московскихъ городскихъ школъ до 1898 г. авторомъ заимствованъ изъ „Лѣтописи городскихъ училищъ“ въ трудѣ М. Н. Щепкина „Общественное хозяйство г. Москвы“.

Начало дѣятельности московского городского управленія по народному образованію относится къ 1863 г., когда на основаніи закона 29-го января 1862 г. значительно расширилась область активнаго участія городского управленія въ дѣлахъ общественнаго хозяйства. «Какъ только открылась въ 1863 г. преобразованная «Общая дума», попечитель учебнаго округа обратился къ ней съ просьбой о пособіи тринадцати существовавшимъ тогда на всю Москву казеннымъ училищамъ въ размѣрѣ 11.000 руб.».

«Къ просьбѣ попечителя дума отнеслась съ такою предупредительною готовностью придти на помощь народному образованію, какую только можно было ожидать отъ новаго учрежденія преисполненнаго въ то время самыхъ радужныхъ надеждъ на общественное возрожденіе», говоритъ лѣтописецъ московскихъ городскихъ училищъ... Дума единогласно признала, что «нѣтъ общественной нужды, которая могла бы сравниться съ этой нуждой, и что на городскомъ обществѣ, которое она (дума) представляетъ, лежитъ священная обязанность содѣйствовать всѣми средствами, отъ него зависящими, распространенію народнаго образованія, что всякая другая надобность, въ виду неудовлетворительнаго положенія городскихъ доходовъ, можетъ быть отклонена на время, но эта нужда—настоятельная и неотлагаемая («Журн. засѣд. Общ. думы» 14-го декабря 1863 г.)». «И дума не только постановила удовлетворить просьбу попечителя, но выразила готовность въ ближайшемъ будущемъ озаботиться открытіемъ еще четырехъ начальныхъ училищъ». Удовлетворяя просьбу попечителя о пособіи казеннымъ школамъ, дума одновременно постановила возбудить ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи «назначить нѣсколько выборныхъ лицъ городского сословія, которыя бы сообщали городскому головѣ свои мысли и заключенія о хозяйственномъ положеніи училищъ, ихъ нуждахъ и потребностяхъ, нравственномъ состояніи, ходѣ и успѣхѣ обученія... и о всемъ, что они признали бы нужнымъ къ пользѣ и благосостояніи училищъ». Ходатайство думы объ этомъ не было уважено министромъ, и городу пришлось до 1890 г. отпускать ежегодно по 14 тыс. руб., безъ участія въ дѣлахъ казенныхъ училищъ. О томъ, что казенныя школы не процвѣтали, можно судить по тому, что въ то время, когда общественныя городскія училища переполнялись учащимися и отказы за неимѣніемъ въ нихъ мѣста непомѣрно возрастали, «въ это время число учащихся въ тринадцати казенныхъ школахъ, равнявшееся въ 1863 г. 828 челов., годъ отъ году уменьшалось и къ 1879 г. въ 15 школахъ спустилось до 734 челов.». Въ 1870 г. дума ходатайствовала о передачѣ казенныхъ школъ въ полное завѣдываніе города, но снова получила отказъ.

14-го іюня 1864 г. было утверждено «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ», на основаніи котораго впервые городскимъ и сельскимъ обществамъ предоставлялось право открывать начальныя народныя училища, завѣдываніе же и наблюденіе за всѣми сторонами дѣятельности ихъ предоставлялось въ столицахъ столичнымъ училищнымъ совѣтамъ, члены которыхъ назначались попечителемъ учебнаго округа, генералъ-губернаторомъ и мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, по взаимному соглашенію. Отсутствіе организованнаго органа надзора—училищнаго совѣта—являлось формальнымъ препят-

ствіемъ со стороны министерства къ учрежденію думою школъ; учрежденъ же онъ былъ въ Москвѣ только черезъ 12 лѣтъ послѣ изданія Положенія 1864 г.—въ 1876 г.

3-го декабря 1865 г. было постановлено думою открыть 5 женскихъ училищъ, разрѣшеніе же на открытіе ихъ было получено черезъ $1^1/_2$ года. Въ мая 1868 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе въ Москвѣ первой мужской начальной школы, открыть же ее оказалось возможнымъ только въ 1870 г. Постановленіе думы 1869 г. объ открытіи 5 женскихъ училищъ возможно было привести въ исполненіе только въ 1871 г. Такое промедленіе объясняется, по мнѣнію автора статьи, тѣмъ, что «въ 1865 г. вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, и реакція, начавшаяся въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ тотчасъ-же послѣ первыхъ реформъ, съ наибольшей стремительностью обратилась на народное образованіе. Всѣмъ начинаніямъ въ этой области земствъ и городовъ систематически ставится препона за препоною, что и сказалось въ концѣ 60-ыхъ и началѣ 70-ыхъ годовъ временнымъ пониженіемъ ихъ просвѣтительной дѣятельности».

Въ 1872 г. входитъ въ силу городовое положеніе 1870 года, на основаніи котораго «участіе въ попеченіи о народномъ образованіи» опредѣленно относится «къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія». Хотя это Положеніе расширило кругъ самодѣятельности городского управленія, но оно не могло устранить всѣхъ препонъ въ развитіи скромнаго школьнаго дѣла. До 1875 г. московскою думою было открыто 18 школъ, изъ нихъ только 2 мужскихъ; такое пристрастіе къ открытію женскихъ школъ, несмотря на то, что по переписи 1871 г. неграмотныхъ мальчиковъ было больше, чѣмъ неграмотныхъ дѣвочекъ, можно объяснить, по мнѣнію автора, «только тѣмъ, что учебная администрація, ревниво охраняя отъ просвѣтительныхъ посягательствъ думы московскихъ мальчиковъ, рѣшила поступиться безграмотностью дѣвочекъ».

За девять лѣтъ—съ 1875 по 1883 г.—думою было открыто 49 школъ, изъ нихъ около $^2/_3$ мужскихъ, въ слѣдующія же десять лѣтъ съ 1884 по 1893 г. всего 19 школъ. Упадокъ дѣятельности въ восьмидесятыхъ годахъ тѣсно связанъ съ общимъ реакціоннымъ настроеніемъ, охватившимъ въ это время широкіе общественные круги. Послѣдней побѣдой друзей просвѣщенія было открытіе 12 школъ 1883 г. Въ началѣ 1881 г. думою было признано открыть въ теченіе 1881—1882 г. 20 школъ. «Это было 17 февраля. А черезъ 2 мѣсяца въ настроеніи думы происходитъ крутой поворотъ. Стихійное умопомраченіе охватываетъ даже тотъ самый совѣтъ попечителей и попечительницъ, который съ 1867 г. былъ иниціаторомъ всѣхъ благихъ начинаній думы. Онъ по собственной иниціативѣ находитъ достаточнымъ вмѣсто 20 школъ ограничиться въ 1881 г. открытіемъ 12 школъ».

Реакціонные элементы думы, «не рѣшаясь заявить себя принципіальными врагами просвѣщенія, подъ флагомъ защиты городскихъ финансовъ раздуваютъ почти вчетверо дефицитъ, изображаютъ денежное положеніе города въ 1882

году въ самомъ безнадежномъ видѣ и стараются убѣдить думу даже отмѣнить рѣшенный уже въ принципѣ вопросъ объ открытіи новыхъ 10 школъ». Защитникамъ школъ приходилось бороться въ это время не только съ представителями невѣжества и своекорыстія, но и съ учеными профессорами, страннымъ образомъ выступавшими въ борьбу за народное невѣжество. Такъ на думскомъ засѣданіи 27 апрѣля 1882 года, извѣстный ученый, бывшій тогда московскимъ городскимъ головою, высказался противъ предлагаемаго расхода на открытіе 12 школъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «не должно пріучать гражданъ требовать удовлетворенія отъ общества всѣхъ ихъ потребностей. Сказать, что общество обязано удовлетворять умственнымъ потребностямъ народа, никакъ нельзя...» Это удивительное въ устахъ профессора признаніе свидѣтельствуетъ лишь, до какой степени добросовѣстный ученый малодушно поддался общественной паникѣ! Къ счастью для Москвы, въ томъ же засѣданіи думы мертвымъ словамъ профессора были противопоставлены слова жизни умирающаго «рыцаря народнаго просвѣщенія», А. Д. Плечко. «Въ своемъ заявленіи, которое А. Д. писалъ всего за два дня до смерти, онъ напоминалъ думѣ, «что со времени открытія на городской счетъ первыхъ пяти школъ дума всегда сочувственно относилась къ дѣлу народнаго образованія, что доклады совѣта по этому предмету ею принимались всегда единогласно, почти безъ возраженій. Только послѣдній докладъ совѣта представляетъ печальное исключеніе изъ общаго правила... Финансовая коммиссія, несмотря на раздававшіеся въ ея средѣ великодушные и благородные голоса, безсердечно постановила, большинствомъ голоса предсѣдателя, отклонить предложеніе совѣта». И А. Д. просилъ думу «не посягать на сокращеніе расходовъ на такіе предметы, которые такъ же необходимы, какъ свѣтъ Божій, какъ воздухъ». Перечисливъ нѣкоторые непроизводительные расходы, внесенные, однако, въ смѣту, онъ пишетъ далѣе: «сокращая расходы на школы, придется неминуемо увеличить расходы на мѣста заключенія, содержаніе которыхъ къ тому же и стоитъ гораздо дороже школъ (онъ указываетъ между прочимъ на Рукавишниковскій исправительный пріютъ, содержаніе каждаго мальчика въ которомъ стоитъ городу 340 руб., тогда какъ содержаніе каждаго ученика школы стоитъ около 40 руб.). При теперешнемъ печальномъ положеніи и при такой массѣ бѣднаго темнаго люда намъ ли жалѣть деньги на устройство народныхъ школъ? Ежегодно Москва употребляетъ сотни тысячъ и даже [милліоны на мостовыя. Каини, забитые въ землю, останутся камнями до тѣхъ поръ, пока отъ времени и непогоды не обратятся въ пыль и прахъ. Зерна же просвѣщенія, брошенныя въ темныя массы народа, посредствомъ доброй, религіозно-нравственной школы, принесутъ неисчислимые, полезные результаты, просвѣтивъ темную массу и давъ ей средства къ дальнѣйшему своему развитію и благосостоянію»...

«Должно быть свѣтлый духъ только что погребеннаго борца за народное образованіе виталъ въ залѣ засѣданія думы 22 и 27 апрѣля 1882 г., если, несмотря на жупелъ анархизма, которымъ была сдѣлана тогда попытка запугать собраніе, дума вее-таки поспѣшила открыть въ 1882 г. 12 училищъ. Вспыхнулъ въ послѣдній разъ свѣтлый огонекъ и.... надолго погасъ».

Просвѣтительная дѣятельность Московской думы снова поднялась до небывалой высоты только съ середины девяностыхъ годовъ, когда въ обществѣ опять проснулись надежды и мечтанія: съ 1894 по 1903 г. въ Москвѣ было открыто 105 школъ, т.-е. болѣе, чѣмъ за всѣ предыдущіе годы. Авторъ доводитъ свою школьную хронику до 1883 г., обѣщая продолженіе ея.

Вопросъ о правѣ городского управленія заботиться о дальнейшемъ образованіи лицъ, окончившихъ начальную городскую школу только, въ самое послѣднее время получилъ частичное рѣшеніе. Авторъ изложенной нами статьи упоминаетъ о томъ, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ московскимъ совѣтомъ попечителей и попечительницъ былъ впервые возбужденъ вопросъ о недостаточности образованія, получаемаго дѣтьми въ начальныхъ школахъ, и что думою было рѣшено открыть 2 первоклассныхъ школы типа городскихъ по Положенію 31 мая 1872 г.: «На ходатайство объ этомъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія дума получила отказъ, хотя по Положенію 1872 года «земствамъ, городамъ и частнымъ лицамъ разрѣшалось открывать городскія училища на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній (ст. 6)». *)

Этому вопросу о дальнѣйшемъ образованіи дѣтей, окончившихъ городскія начальныя школы, посвящена небольшая статья г-на М. М. въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы» («Дополнительные классы въ начальныхъ училищахъ гг. С.-Петербурга и Москвы»). Оставивъ за собой право основывать въ городахъ городскія школы высшаго типа, министерство далеко не вполнѣ удовлетворяло запросъ на такія школы. «Въ г. Петербургѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, было 6 городскихъ четырехклассныхъ училищъ и 14 начальныхъ; въ 1877 г. министерство народнаго просвѣщенія передало въ вѣдѣніе городской думы только тѣ 14 начальныхъ училищъ, а четырехклассныя «городскія» училища удержало за собой, какъ и продолжаетъ удерживать до сихъ поръ. Съ того времени прошло цѣлое 25-лѣтіе, и въ 1902 г. въ результатѣ оказалось слѣдующее: число городскихъ четырехклассныхъ училищъ, оставшихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и содержимыхъ на его средства, возросло съ 6 до 17 для обоего пола, а вслѣдствіе того, что, наконецъ, въ 1898 г. министерство разрѣшило и городу открывать четырехклассныя училища, но на правахъ частныхъ лицъ, къ тѣмъ 17 присоединилось 3 четырехклассныхъ,—всего же въ 1902 г. было 20 четырехклассныхъ городскихъ училищъ. Въ тотъ же самый періодъ времени начальныя училища, содержимыя на счетъ города, возросли съ 14, принятыхъ въ 1877 г. отъ министерства, съ 800 учащимися, до 470 училищъ съ 24.365 учащимися обоего пола. Итакъ, въ теченіе 25 лѣтъ, число четы-

---

*) Административными распоряженіями Министерства Народнаго Просвѣщенія, для открытія общественными учрежденіями частныхъ учебныхъ заведеній, были установлены такія правила, которыя прямо идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствующимъ закономъ и привели на практикѣ почти къ полной отмѣнѣ его. см. „Народное образов. въ Россіи“ Г. Фальборка и В. Чарнолускаго, стр. 39.

рехклассныхъ городскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ министерства, едва утроилось, а число начальныхъ училищъ, содержимыхъ городомъ, возрасло почти въ 33 раза». Въ Москвѣ встрѣчается то же самое явленіе въ ходѣ развитія министерскихъ и городскихъ школъ. Статистическое изслѣдованіе о дальнѣйшей судьбѣ оканчивающихъ московскія начальныя школы показало, что только 25% дѣвочекъ и 37% мальчиковъ продолжаютъ въ той или иной формѣ дальнѣйшее образованіе. «Такимъ образомъ, какъ докладывала московская училищная коммиссія въ іюнѣ 1903 г., для подавляющаго большинства создается между окончаніемъ начальной школы и началомъ практической жизни болѣе или менѣе продолжительное время праздности, когда затериваются усвоенныя въ школѣ знанія и навыки... Заполнить это время ученіемъ, дать средства къ продолженію образованія, отвѣтить на растущую потребность въ болѣе широкомъ знаніи, нежели дается начальной школой, является нынѣ серьезной и уже неотложной задачей, поставленной передъ городскимъ управленіемъ». Однимъ изъ способовъ рѣшенія этой задачи, говоритъ докладъ коммиссіи, является «открытіе особыхъ дополнительныхъ курсовъ въ помѣщеніяхъ начальныхъ училищъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Такіе курсы, не требуя со стороны города особенно высокихъ затратъ, могли бы уже *въ ближайшее время* получить самое широкое развитіе и временно восполнить недостатокъ въ тѣхъ образовательныхъ средствахъ къ продолженію начальной школы, которыми располагаетъ населеніе Москвы». Въ Петербургѣ во второй половинѣ 1902 года, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, былъ произведенъ опытъ открытія такихъ дополнительныхъ классовъ; когда же годъ спустя московская дума постановила сдѣлать тоже, московскій попечитель остановилъ открытіе думою дополнительныхъ классовъ и перенесъ самое дѣло на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія. Только въ самое послѣднее время министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ «разрѣшить учрежденіе въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, *въ вѣдѣніи городскихъ* училищныхъ совѣтовъ, дополнительныхъ классовъ при начальныхъ народныхъ училищахъ», но безъ предоставленія учащимся правъ по воинской повинности, равныхъ окончившимъ министерскія училища. Авторъ статьи, заканчивая ее, выражаетъ пожеланіе, чтобы и другимъ большимъ городамъ было предоставлено право, полученное Москвой и Петербургомъ.

Какую непосредственную матеріальную выгоду доставляетъ населенію начальная школа, показываютъ статистическія изслѣдованія владимірскаго земства, съ результатами которыхъ знакомитъ публику г-нъ А. Смирновъ въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Богатства» («Изъ наблюденій земскаго статистика»). Приводя документальныя данныя о томъ, что грамотность промысловаго населенія губерніи уже 200 лѣтъ назадъ была сравнительно высока, авторъ говоритъ: «такъ росло само собою вмѣстѣ съ развитіемъ промысловой дѣятельности и развитіе грамотности во владимірскомъ краѣ, и невольно является скептическій вопросъ о томъ, далеко ли еще ушла настоящая грамотность, когда на пути ея развитія явились постороннія вліянія, сравнительно съ тѣмъ, что было 200 и болѣе лѣтъ тому назадъ».

«Сознательное отношеніе къ грамотности со стороны крестьянъ проявляется въ настоящее время настолько сильно, потребность въ грамотности такъ велика, что она стихійной силой перешагиваетъ черезъ всѣ преграды, встрѣчающіяся на ея пути; тамъ, гдѣ нѣтъ оффиціальной школы, вырастаютъ частныя: отставные солдаты, убогіе мужички, старушки бобылки и т. п. по мѣрѣ силъ своихъ и разуму трудятся надъ насажденіемъ въ глухихъ деревняхъ свѣта просвѣщенія. Всякій уголокъ губерніи, обдѣленный школою (гдѣ до школы не меньше 6—7 верстъ), обзаводится своимъ собственнымъ учителемъ. Выработалась даже система бродячихъ учителей, переходящихъ каждый годъ изъ избы въ избу, какъ то дѣлаютъ пастухи; міръ ихъ кормитъ, даетъ пріютъ и даже одѣваетъ, какъ пастуховъ. Просматривая статистическіе сборники Владимірской губерніи, невольно поражаешься тѣмъ процентомъ грамотныхъ крестьянъ, что выучились грамотѣ внѣ школы: 52,7%. Только этимъ коррективомъ, вводимымъ самими крестьянами въ дѣло постановки школьнаго вопроса, и поднимается еще % грамотныхъ въ здѣшней губерніи. Промышленная жизнь требующая наиболѣе способныхъ и культурныхъ рабочихъ изъ крестьянской среды, производитъ извѣстнаго рода отборъ грамотныхъ людей изъ этой массы. Если мы возьмемъ различнаго рода промыслы, то увидимъ что въ наиболѣе оплачиваемыхъ, требующихъ наибольшей сообразительности и ловкости отъ рабочихъ, отбираются изъ деревни наиболѣе грамотные крестьяне. Вотъ массовыя цифры грамотности среди промышленниковъ по 7 уѣздамъ Владимірской губерніи.

Среди землекоповъ, чернорабочихъ и пр.	— грамотныхъ . .	36,1%
» пильщиковъ	» . .	42,1%
» овчинниковъ, валяльщиковъ сапогъ и пр.	» . .	49,1%
» портныхъ	» . .	56,8%
» фабричныхъ	» . .	61,8%
» котельщиковъ, слесарей и пр.	» . .	74,2%
» торговцевъ, приказчиковъ	» . .	74,4%.

Сравнивая мѣсячные заработки фабричныхъ рабочихъ, по профессіямъ, съ раздѣленіемъ на группы по продолжительности службы на фабрикѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что грамотные получаютъ болѣе неграмотныхъ на 1—4 руб. въ мѣсяцъ. Этотъ фактъ, по мнѣнію автора, получаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, «что огромное большинство взятыхъ нами рабочихъ получаютъ сдѣльную плату, такъ что высота ихъ заработка опредѣляется исключительно продуктивностью ихъ труда. Начиная работать на фабрикѣ при равныхъ условіяхъ, грамотный и неграмотный рабочіе продолжаютъ свой трудъ далеко не съ одинаковымъ успѣхомъ. Въ первые годы происходитъ нѣкоторое колебаніе: грамотный получаетъ то больше, то меньше неграмотнаго; но зато потомъ могучее орудіе человѣческаго разума—образованіе—заявляетъ себя въ борьбѣ съ невѣжествомъ блестяще: съ 9—10-рублеваго мѣсячнаго заработка въ категоріи менѣе доходныхъ работъ грамотный добивается повышенія до 19—20 руб. черезъ 16—19 лѣтъ, тогда какъ неграмотный научается зарабатывать столько же только къ концу своей карьеры—

черезъ 36 лѣтъ; 15-ти руб. заработка грамотный добивается черезъ 5—9 лѣтъ, неграмотный-же только черезъ 10—19 лѣтъ». Относительно заработка фабричныхъ женщинъ цифры доказываютъ въ общемъ то же, что и относительно заработка фабричныхъ мужчинъ.

Болѣе высокая производительность труда грамотныхъ рабочихъ замѣчена самими фабрикантами. Авторъ разсказываетъ со словъ управляющаго, «котораго нельзя было упрекнуть въ слишкомъ идеалистическихъ и теоретическихъ взглядахъ на жизнь», что при наймѣ новыхъ рабочихъ фабричная администрація отдаетъ предпочтеніе грамотнымъ рабочимъ.

Опубликованіе «Записокъ княгини М. Н. Волконской», по справедливому указанію А. Горнфельда («Рус. Бог.» IV, «Русскія женщины» Некрасова въ новомъ освѣщеніи»), «даетъ новые и, можно сказать, драгоцѣнные матеріалы для исправленія ряда критическихъ ошибокъ, для разрушенія многихъ предразсудковъ, связанныхъ съ «Русскими женщинами», и—какъ лучшій результатъ этого—для выясненія творческой и нравственной личности Некрасова».

Появленіе этихъ «Записокъ» въ корнѣ разрушаетъ неоднократно высказывавшееся мнѣніе, будто Некрасовъ «сочинилъ» воспоминанія кн. Волконской. Изъ предисловія издателя, сына княгини М. Н. Волконской, читатель узнаетъ, что «Записки» княгини были извѣстны Некрасову, когда онъ писалъ вторую часть «Русскихъ женщинъ».

Г-нъ А. Горнфельдъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ показываетъ, какъ неосторожно поступили многіе критики, указывая на невѣроятность событій, изображенныхъ Некрасовымъ, какъ ошибались, обвиняя Некрасова въ холодности, въ резонерствѣ, въ «сочинительствѣ».

Какъ глубоко захватывала Некрасова эпопея страданій героини его поэмы, и какъ неправы были строгіе и несправедливые судьи «жесткаго», «холоднаго» «поэта журнальныхъ мотивовъ», лучше всего показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ предисловія издателя «Записокъ». «Въ три вечера—разсказываетъ князь М. С. Волконскій—чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и со словами: «довольно, не могу» бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ».

Укажемъ нѣкоторые изъ эпизодовъ «Русскихъ женщинъ», которые критикамъ казались невѣроятными, тенденціозно выдуманными и которыя на самомъ дѣлѣ оказались «поэтическимъ перепѣвомъ» фактовъ, частью изложенныхъ въ «Запискахъ», частію удостовѣренныхъ другими документами, нынѣ опубликованными.

Критикъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» находилъ тенденціозною ложью сцену въ Иркутскѣ, гдѣ «губернаторъ убѣждаетъ княг. Трубецкую отказаться отъ ея намѣренія и вернуться назадъ. Видя ея непреклонность, онъ грозитъ ей предстоящими ей ужасами, и, наконецъ, объявляетъ, что, если она желаетъ ѣхать далѣе къ мужу, то должна подписать отреченіе отъ своихъ дворянскихъ и гражданскихъ правъ». Нынѣ опубликовано (г. Щеголевымъ въ его статьѣ—О «Русскихъ женщ. Некрасова», помѣщенной въ сборникѣ «Къ свѣту» изд. Комитета Об-ва дост. средствъ Спб. Высш. женск. Курсамъ, 1904) предписаніе

иркутскому гражданскому губернатору, утвержденное императоромъ Николаемъ I. «Здѣсь, кромѣ внушеній, составляющихъ предметъ подписки, данной Волконской и Трубецкой, рекомендуется также «обратиться къ убѣжденіямъ, что переѣздъ въ осеннее время черезъ Байкалъ чрезвычайно опасенъ и невозможенъ, и представить, хотя мнимо, недостатокъ транспортныхъ казенныхъ судовъ, безнадежность таковыхъ, у торгующихъ людей состоящихъ, и прочія тому подобныя учтивыя отклоненія... По исполненіи сего съ надлежащею точностью, если и затѣмъ въ числѣ сихъ женъ нѣкоторыя непреклонныя въ своихъ намѣреніяхъ, въ такомъ разѣ, не препятствуя имъ въ выѣздѣ изъ Иркутска въ Нерчинскій край, перемѣнить совершенно Ваше съ ними обращеніе, принять въ отношеніи къ нимъ, какъ къ женамъ ссыльно-каторжныхъ, тонъ начальника губерніи, соблюдающаго строго свои обязанности, и исполнить на самомъ дѣлѣ то, что сперва сказано будетъ въ предостереженіе и вразумленіе».

Въ «Запискахъ» княгиня приводитъ текстъ подписки, въ которой—между прочимъ, были слѣдующіе пункты. «1. Жена, слѣдуя за своимъ мужемъ и продолжая съ нимъ супружескую связь, сдѣлается естественно причастной его судьбѣ и потеряетъ прежнее званіе, т.-е. будетъ признаваема уже не иначе, какъ женою ссыльно-каторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже и начальство не въ состояніи будетъ защищать ее отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго, презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ ними участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія. 2. Дѣти, которыя приживутся въ Сибири, поступятъ въ казенные заводскіе крестьяне. 3. Ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собой взять не дозволено».

Въ «Запискахъ» разсказывается, что въ самый день ея пріѣзда уѣхала изъ Иркутска кн. Трубецкая послѣ героической побѣды надъ ухищреніями губернатора, и что тотчасъ по пріѣздѣ ея, кн. Волконской, губернаторъ явился и къ ней уговаривать ее возвратиться въ Россію. «Это было ему приказано. Его Величество не одобрялъ слѣдованія молодыхъ женъ за мужьями; этимъ возбуждалось слишкомъ много участія къ бѣднымъ сосланнымъ. Такъ какъ послѣднимъ было запрещено писать родственникамъ, то надѣялись, что этихъ несчастныхъ скоро забудутъ въ Россіи, между тѣмъ, какъ намъ, женамъ, невозможно было запретить писать и тѣмъ самымъ поддерживать родственныя отношенія. Губернаторъ, видя мою рѣшимость ѣхать, сказалъ мнѣ: «Подумайте, какія условія вы должны будете подписать».—Я ихъ подпишу, не читая.—«Я долженъ велѣть обыскать всѣ ваши вещи, вамъ запрещено имѣть малѣйшія драгоцѣнности». Съ этими словами онъ ушелъ и прислалъ ко мнѣ цѣлую ватагу чиновниковъ».

Сопоставляя отрывки изъ «Русск. женщинъ» съ историческими документами, г. А. Горнфельдъ ясно показываетъ, что Некрасовъ, точно слѣдуя источникамъ, не только не искажалъ ихъ въ угоду какой-либо публицистической тенденціи, но даже наоборотъ, слѣдуя своему художественному чутью, иногда

вносилъ нѣкоторыя умиротворяющія черты въ характеры дѣйствующихъ лицъ. «Читатели знаютъ, какъ отнесся Некрасовъ къ эпизоду столкновенія съ губернаторомъ въ «Княгинѣ Трубецкой». Вмѣсто того, чтобы сдѣлать безобразно отталкивающимъ этого окаменѣлаго исполнителя приказаній, онъ внесъ въ образъ стараго губернатора черты умиротворяющія. Передъ читателемъ выступила болѣе сложная фигура исполнительнаго служаки, въ которомъ долгіе годы механическаго повиновенія не истребили человѣчности. Онъ исполняетъ тяжелыя приказанія, но онъ преклоняется передъ геройствомъ самоотверженной женщины»... Факты описываемой Некрасовымъ эпохи были болѣе «тенденціозны», чѣмъ ихъ поэтическое изображеніе. «Точно также—вопреки всякимъ намекамъ и подозрѣніямъ,—говоритъ г-нъ А. Горнфельдъ,—отнесся онъ (Некрасовъ) къ письму Николая I и къ общей характеристикѣ его личности. Образъ Николая I въ «Русскихъ женщинахъ» соотвѣтствуетъ въ общемъ ходячему представленію о высокихъ чертахъ этого рыцаря на тронѣ, подчасъ непреклоннаго до жестокости, но благороднаго и умѣющаго оцѣнить чужое благородство. Подлинныя записки вносятъ въ это представленіе поправки». Дѣйствительное письмо Николая I къ кн. Волконской, въ которомъ онъ разрѣшаетъ слѣдовать ей за мужемъ въ Сибирь, «гораздо болѣе сухо, болѣе кратко, болѣе сдержанно», чѣмъ оно изложено въ поэмѣ. Въ подлинномъ отношеніи кн. Волконской «къ верховному рѣшителю судебъ декабристовъ», отношеніи, ясно выраженномъ въ ея «Запискахъ», чувствуется неизмѣнно ея тихая, но твердая укоризна». «Вашъ отецъ, великодушнѣйшій изъ людей,—обращается она въ заключеніе къ дѣтямъ,—никогда не питалъ чувства злопамятства къ Императору Николаю, напротивъ того, онъ отдавалъ должное его хорошимъ качествамъ, стойкости его характера и хладнокровію, выказанному имъ во многихъ случаяхъ жизни; онъ прибавлялъ, что и во всякомъ другомъ государствѣ его постигло бы строгое наказаніе. На это я ему отвѣчала, что оно было бы не въ той же степени, такъ какъ не приговариваютъ человѣка къ каторжнымъ работамъ, къ одиночному заключенію и не оставляютъ въ тридцатилѣтней ссылкѣ лишь за его политическія убѣжденія и за то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества; ибо ни въ какомъ возстаніи вашъ отецъ не принималъ участія, а если въ ихъ совѣщаніяхъ и говорилось о политическомъ переворотѣ, то все же не слѣдовало относиться къ словамъ, какъ къ фактамъ».

«Объ этомъ отношеніи княгини Волконской къ императору Николаю I. Некрасовъ зналъ хорошо,—какъ это намъ теперь извѣстно. И мы знаемъ—онъ смягчилъ его».

«Когда мы дождемся,—говоритъ г-нъ А. Горнфельдъ,—научно комментированнаго изданія произведеній Некрасова, въ примѣчанія къ «Русскимъ женщинамъ» придется перенести чуть не цѣликомъ «Записки кн. Волконской» вплоть до того момента, гдѣ разстался съ нею ея поэтъ. И тогда хулители Некрасова, вмѣсто того, чтобы говорить, какъ они говорили до сихъ поръ: «какая это поэзія,—это все выдумки!»—станутъ говорить: «какая это поэзія—здѣсь нѣтъ выдумки». Не правы они, конечно, въ обоихъ случаяхъ. Но все же изъ двухъ крайностей вторая ближе къ истинѣ».

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ германскомъ рейхстагѣ. — Графъ Бюловъ не испытываетъ недостатка въ случаяхъ, доставляющихъ ему возможность блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и высказать свою дипломатическую изворотливость. Рейхстагъ постоянно доставляетъ ему такіе случаи. Въ Берлинѣ существуетъ даже убѣжденіе, что канцлеръ предпочитаетъ дебаты по вопросамъ международной политики, такъ какъ тутъ ему представляется обширное поле для метафоръ, къ которымъ онъ любитъ прибѣгать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Въ послѣднее время ему приходилось много расходовать свое краснорѣчіе на усилія примирить аграріевъ, которые, однако, не отозвались на его заигрыванія, и представитель этой партіи фонъ-Ольденбургъ, въ своей рѣчи въ рейхстагѣ, категорически заявилъ, что пора уже разрушить легенду, которая приписываетъ графу Бюлову какія-то дѣйствія въ пользу аграріевъ. «Графъ Бюловъ произнесъ множество прекрасныхъ рѣчей,—сказалъ Ольденбургъ,—и я съ благодарностью признаю, что онъ всегда былъ любезенъ съ нами, но, вѣдь, въ сущности, рѣчи не многаго стоятъ! Слова только тогда имѣютъ значеніе, когда навѣрное извѣстно, что за ними будутъ дѣйствія. Напримѣръ, рѣчь канцлера, направленная противъ соціалъ-демократовъ, была напечатана для распространенія въ странѣ. Только въ одинъ мой округъ было прислано 800 экземпляровъ. Ихъ предлагали всѣмъ и каждому, какъ пиво, но никто не хотѣлъ брать ихъ (*громкій смѣхъ*), и мнѣ самому, при всемъ стараніи, такъ и не удалось сбыть ихъ!.. Покойный императоръ Фридрихъ однажды сказалъ, что патріотизмъ — это вопросъ желудка; я такъ далеко не иду, но все-таки скажу, что каждая ипотека, которую вынужденъ брать помѣщикъ на свою землю, отламываетъ камень отъ фундамента, на которомъ покоится императорская корона, такъ какъ ея безопасность основывается на желаніи безчисленнаго множества мелкихъ владѣльцевъ оставить своимъ дѣтямъ такое наслѣдство, которое могло бы поддерживать ихъ. Каждое крупное помѣстье, каждый крестьянскій дворъ, каждая мастерская и каждый вкладъ въ кассу составляютъ именно такое маленькое владѣніе, и если бы канцлеръ понималъ это, то онъ бы понялъ также, отчего взоры всѣхъ этихъ мелкихъ владѣльцевъ все чаще обращаются теперь туда, гдѣ возвышается бронзовая статуя сильнаго человѣка. Многіе называютъ себя учениками Бисмарка, но германская нація врядъ ли признаетъ принадлежащими къ его школѣ тѣхъ, кто не обладаетъ качествами своего великаго учителя. Про нихъ можно сказать только, что отъ него они переняли манеру «покашливать и отплевываться». Имъ не хватаетъ его генія и если бы теперешній канцлеръ могъ выказать бисмарковскія качества, то германскіе землевладѣльцы первые признали и оцѣнили бы это!»

Графъ Бюловъ съ видимымъ раздраженіемъ отвѣчалъ на нападки аграрнаго депутата и выставлялъ свои заслуги передъ аграрною партіей, напомнивъ, что еслибъ не онъ, то тарифный законъ никогда бы не прошелъ въ рейхстагѣ. Онъ закончилъ свою рѣчь совѣтомъ не предъявлять такихъ тре-

бованій, которыя невозможно исполнить, такъ какъ это подвергаетъ опасности даже то, что можетъ быть сдѣлано. Что же касается сравненій съ Бисмаркомъ, то графъ Бюловъ находитъ ихъ неумѣстными. Бисмаркъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто и никто не можетъ претендовать на то, чтобы равняться съ нимъ.

Не успѣлъ графъ Бюловъ отразить нападки аграріевъ, какъ ему пришлось вновь призывать на помощь все свое ораторское искусство въ словесной дуэли, которая у него опять возникла съ Бебелемъ и съ антисемитскимъ депутатомъ графомъ Ревентловымъ. Послѣдній рѣзко критиковалъ какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику германскаго правительства. Онъ доказывалъ, что англо-французское соглашеніе относительно Марокко произвело подавляющее впечатлѣніе въ Германіи. Источникъ недоразумѣній между Англіей и Франціей уничтоженъ теперь, но графъ Ревентловъ совершенно не можетъ согласиться со взглядомъ графа Бюлова, что «великая держава должна радоваться всякому случаѣ, устраняющему поводъ къ недоразумѣніямъ и конфликтамъ. Бываетъ такъ, что великая держава должна даже желать конфликтовъ, и въ данномъ случаѣ онъ, графъ Ревентловъ, никакъ не можетъ понять, почему это Германія должна огорчаться по поводу возможности конфликта между Франціей и Англіей? Если бы обязанность германской иностранной политики заключалась въ томъ, чтобы устранять конфликты, то лучше всего было бы поручить руководство этою политикой баронессѣ Зуттнеръ! Что же касается его, графа Ревентлова, партіи, то она съ огорченіемъ смотритъ на такое направленіе германской иностранной политики и рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ погоню за иностранными державами и заискиваніе у нихъ милостей». На крики: «у Россіи!» графъ Ревентловъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, я имѣю въ виду Англію». Въ заключеніе своей рѣчи графъ Ревентловъ преподалъ нѣсколько благихъ совѣтовъ графу Бюлову и особенно рекомендовалъ ему опираться въ своей политикѣ на аграріевъ и на патріотическій средній классъ.

Послѣ Ревентлова говорилъ Бебель. Онъ привѣтствовалъ англо-французское соглашеніе, но сказалъ, что видитъ въ нихъ новое доказательство все возрастающей изоляціи Германіи. Антипатія въ Германіи усиливаются рѣшительно во всѣхъ странахъ, даже включая Россію и ужъ, конечно, никакіе визиты, пріемы, тосты и подарки не въ состояніи измѣнять это. Высказавъ порицаніе дѣйствіямъ правительства въ различныхъ вопросахъ международной политики и выразивъ сомнѣніе по поводу дѣйствительнаго нейтралитета Германіи въ войнѣ Дальняго Востока, Бебель замѣтилъ въ заключеніе, что ему было очень интересно слышать заявленіе Бюлова, что онъ желаетъ управлять страной, сообразуясь со взглядами и чувствами сильнѣйшей партіи рейхстага, т.-е. клерикаловъ. Можетъ быть, когда соціалъ-демократы сдѣлаются сильнѣйшею партіей въ рейхстагѣ, графъ Бюловъ и къ ихъ желаніямъ будетъ относиться столь же почтительно?

Бебель,—единственный ораторъ въ рейхстагѣ, слѣдящій съ особеннымъ вниманіемъ за тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ, и выдвигающій на сцену вопросы общей политики, такъ что даже его противники всегда съ величайшимъ интересомъ ожидаютъ его рѣчей, хотя зачастую онъ и вызываетъ у нихъ сильнѣй-

шее негодованіе. Его слова объ изоляціи Германіи вызвали, конечно, отповѣдь Бюлова, но печать, даже враждебная Бебелю и не сочувствующая его взглядамъ, признаетъ все-таки, что въ его словахъ было много справедливаго. Даже Бюловъ согласился, что за границей, дѣйствительно, накопилось много враждебности и неудовольствія противъ Германіи, но онъ объяснилъ это главнымъ образомъ завистью и прибавилъ, что «еще не найдено другого средства обезоруживать несправедливую зависть и ненависть, кромѣ остраго меча!» Этимъ бряцаніемъ меча закончились дебаты по общимъ вопросамъ, вызвавшіе, однако, много толковъ въ германской печати, тѣмъ болѣе, что «этотъ звукъ отточеннаго клинка», какъ выразилась одна изъ газетъ, вполнѣ гармонируетъ съ послѣдними рѣчами императора Вильгельма въ Карлсруэ и Майнцѣ, въ которыхъ какъ германская, такъ и заграничная печать увидѣла намекъ на то, что Германія можетъ быть вынуждена активно вмѣшаться въ міровую политику. Вообще, въ этихъ рѣчахъ императоръ Вильгельмъ вернулся къ своему прежнему, столь привычному тону, и, пожалуй, въ этомъ можно видѣть доказательство, что здоровье его улучшилось. Но тѣмъ не менѣе воинственный тонъ его рѣчей все-таки вызываетъ нѣкоторое удивленіе. Англійскія газеты замѣчаютъ по этому поводу, что если бы какой-нибудь французскій генералъ произнесъ такую рѣчь, какую произнесъ министръ путей сообщенія Будде въ отвѣтъ на рѣчь императора Вильгельма, то навѣрное въ Германіи поднялся бы большой шумъ. Но къ такимъ выходкамъ германскаго императора Европа привыкла. Весьма возможно также, что воинственность рѣчей вызывается еще и тѣмъ, что рейхстагу предъявляется требованіе новыхъ военныхъ кредитовъ. Вѣдь и Бисмаркъ въ такихъ случаяхъ любилъ прибѣгать къ алармистскимъ рѣчамъ! «Times», съ нѣкоторымъ лукавствомъ напоминаетъ по этому поводу рѣчь императора Вильгельма, сказанную въ Вильгельмсгофенѣ, въ іюлѣ 1900 года. Вѣдь тогда императоръ Вильгельмъ высокомѣрно объявилъ, что «ничего на морѣ или въ далекихъ странахъ, за морями, не можетъ рѣшаться безъ Германіи или германскаго императора!» Однако, многое было рѣшено безъ Германіи и германскаго императора со времени этого гордаго заявленія, включая сюда и англо-французское соглашеніе и сближеніе Франціи и Италіи и, наконецъ, русско-японскую войну. Можно, слѣдовательно, и къ новымъ напоминаніямъ императора о битвахъ при Вёршѣ, Вейссембургѣ и Седанѣ и словамъ, что «мостъ черезъ Рейнъ въ Майнцъ окажетъ серьезныя услуги германскому народу въ случаѣ если придется употребить его не для однѣхъ только мирныхъ цѣлей, а воспользоваться имъ для транспортовъ болѣе важнаго характера, нежели тѣ, которые перевозятся по этому мосту въ мирное время»,—слѣдуетъ относиться съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ тогда отнеслись въ Европѣ къ его вильгельмсгофенской рѣчи.

Парижскіе муниципальные выборы; пораженіе націоналистовъ. Партія націоналистовъ во Франціи, начала которой положены буланжизмомъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, достигла своего кульминаціоннаго пункта во время дѣла Дрейфуса, но теперь наступили для нея тяжелыя времена. До сихъ поръ націоналисты властвовали въ парижскомъ городскомъ совѣтѣ, хотя въ провинціальныхъ муниципалитетахъ большинство всегда при-

надлежало правительственнымъ республиканцамъ. Но націоналистскій характеръ парижскаго муниципалитета былъ особенно непріятенъ французскому правительству, которому волей-неволей, приходилось прибѣгать къ содѣйствію столичнаго городского совѣта въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Однако систематическое противодѣйствіе, которое оказывалъ городской совѣтъ правительству, привело въ концѣ концовъ къ полному разрыву между ними. Вполнѣ естественно, слѣдовательно, что муниципальные выборы въ Парижѣ возбуждали особенно большой интересъ. Во всѣхъ кругахъ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за результатами баллотировки и перебаллотировокъ. Еще за двѣ недѣли до выборовъ никто не сомнѣвался въ томъ, что побѣда останется за націоналистами. Но послѣ первой же баллотировки можно было видѣть, что націоналисты теряютъ почву подъ своими ногами, хотя ихъ газеты и продолжали высказывать самыя радужныя надежды. Несомнѣнно, что не только націоналисты, а даже многіе республиканцы были изумлены, когда вечеромъ, на бульварахъ, появились экстренныя прибавленія газетъ и яркіе транспаранты, возвѣщавшіе побѣду республиканцевъ и пораженіе націоналистовъ: «44 радикала и соціалиста, 33 націоналиста и 3 независимыхъ республиканца». Даже одинъ изъ героевъ форта Шаброль, Каронъ, остался за флагомъ. Изумленіе республиканцевъ скоро уступило мѣсто ликованію, а націоналистовъ—раздраженію и замѣшательству.

Между тѣмъ націоналисты должны были бы быть готовы къ такому результату. Уже въ 1900 году націоналистское большинство сильно сократилось и націоналистъ Гребоваль въ 19-мъ парижскомъ округѣ прошелъ всего только большинствомъ восьми голосовъ. Конечно, націоналистскія газеты стараются утѣшить себя тѣмъ, что сплоченное меньшинство лучше разнороднаго большинства, но это не мѣняетъ сути дѣла. Общее мнѣніе таково, что парижскіе муниципальные выборы нанесли смертельный ударъ націонализму. Лишиться Парижа для націоналистовъ равносильно смерти. Они гордились тѣмъ, что господствовали въ Парижѣ, и въ самомъ дѣлѣ воображали, что владычествуютъ во Франціи, обливая самымъ уничтожающимъ презрѣніемъ министерство и, при всякомъ удобномъ случаѣ, подставляя ему ногу и извергая на него потоки ругательствъ. Но мода—дѣло преходящее. Какъ нѣкогда буланжизмъ, такъ теперь націонализмъ былъ одно время модою въ Парижѣ. И вотъ мода эта начинаетъ проходить, что можно замѣтить уже по типу нѣкоторыхъ органовъ парижской печати, состоявшихъ въ лагерѣ націоналистовъ. Такъ, напримѣръ, газета «Eclair», всегда бывшая вѣрною защитницей націоналистовъ, теперь вдругъ заявляетъ, что «націоналистская партія страдаетъ отъ ошибокъ своихъ собственныхъ вождей, которые почти исключительно двигали ее направо. Республиканцы совсѣмъ потонули въ массѣ монархистовъ, клерикаловъ и плебисцитеровъ». Правду сказать, почтенной газетѣ все-таки понадобилось время, чтобы догадаться наконецъ, что г. Конне клерикалъ, а г. Артуръ Мейеръ—монархистъ! Теперь глаза у нея открылись.

Министерству Комба, однако, предстоитъ еще выдержать испытаніе. На ближайшей очереди стоятъ законопроекты о сокращеніи срока военной службы и о запрещеніи конгрегаціонистамъ преподаванія въ школахъ. Первый законо-

проектъ уже прошелъ въ сенатѣ и теперь остается только палата депутатовъ, а второй прошелъ въ палатѣ, но еще не принятъ сенатомъ. Само собою разумѣется, что оба эти законопроекта возбуждаютъ жаркую полемику, тѣмъ болѣе, что министерство связываетъ съ ними вопросъ о довѣріи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія также, что и клерикалы, подобно націоналистамъ, теряютъ почву во Франціи. Какой бы шумъ поднялся во Франціи въ прежнія времена по поводу столкновенія французскаго правительства съ Ватиканомъ! Извѣстно, что папа Пій X протестовалъ противъ визита президента Лубэ королю Виктору-Эммануилу, и что французское министерство отклонило этотъ протестъ, и результатомъ явился даже разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Ватиканомъ. Такое отношеніе французскаго правительства къ главѣ католической церкви, конечно, вызвало бы цѣлую бурю еще сравнительно недавно, но теперь, за исключеніемъ небольшой полемики, ничего не произошло. Это симптомъ во всякомъ случаѣ знаменательный, характеризующій современное положеніе Франціи. Замѣчательно, что и среди французскаго духовенства начинается теперь броженіе, выражающееся частыми случаями отпаденія отъ церкви французскихъ священниковъ. Недавно въ «Chrétien français» сообщалось о выходѣ изъ состава католическаго духовенства двухъ аббатовъ, Селли и Пейрона. Послѣдній былъ викаріемъ въ Тулонѣ. Оба аббата написали открытыя письма, въ которыхъ излагаютъ причины своего поступка, и аббатъ Пейронъ въ особенности высказываетъ горькія истины своему начальнику епископу, къ которому и адресовано его письмо. Это письмо очень рѣзко написано, но оно характеризуетъ состояніе умовъ французскаго духовенства, внушающее папѣ и всѣмъ его приближеннымъ гораздо больше тревоги, чѣмъ всѣ мѣропріятія Комба, котораго въ Ватиканѣ прозвали современнымъ Діоклетіаномъ.

Эволюція англійскихъ партій.—Художественный музей въ Уайтъ-Чэпелѣ.—Смерть Стэнли. По всѣмъ признакамъ, Чэмберленъ принялъ благоразумное и осторожное рѣшеніе не создавать въ данный моментъ затрудненій кабинету Бальфура до окончанія парламентской сессіи, такъ какъ, повидимому, онъ опасается, что министерскій кризисъ можетъ вызвать общіе выборы, которые, при существующемъ настроеніи англійскихъ избирателей не могутъ быть благопріятны его политикѣ. Но все же нѣтъ сомнѣнія, что судьба министерства находится въ рукахъ Чэмберлена и что онъ можетъ вызвать его паденіе, когда ему заблагоразсудится. Во всякомъ случаѣ, дни министерства сочтены и либеральная партія начинаетъ уже теперь очень дѣятельно готовиться къ выборамъ. При этомъ можно замѣтить характерный симптомъ: это сближеніе съ нею рабочей партіи. Въ отношеніяхъ либеральной партіи къ представителямъ рабочихъ въ Англіи можно было наблюдать двѣ фазы. Сначала трэдъ-юніоны шли рука объ руку съ оффиціальнымъ либерализмомъ; затѣмъ, мало-по-малу возникло новое теченіе и образовалась новая независимая рабочая партія, не желающая кооперировать съ либеральною партіей. Теперь же наступаетъ третій фазисъ: всѣ политическія организаціи рабочаго класса, не отказываясь отъ своей первоначальной программы, все-таки

начинаютъ видѣть въ либеральной партіи своего естественнаго союзника или, во всякомъ случаѣ, полезнаго сотоварища и гораздо менѣе непримиримаго противника, нежели консервативный уніонизмъ. Чэмберленъ, несомнѣнно, обманулся, воображая, что онъ могъ соблазнить рабочихъ своимъ знаменитымъ проектомъ насчетъ учрежденія рабочимъ пенсіи изъ доходовъ, доставляемыхъ дифференціальными пошлинами, и увлечь такимъ образомъ массу пролетаріевъ въ свой лагерь. На самомъ дѣлѣ его планы наткнулись на почти единодушное сопротивленіе въ рабочихъ классахъ и отчасти вслѣдствіе этого большинство рабочаго населенія обратилось въ сторону либеральной партіи, опасаясь рѣзкаго измѣненія экономической политики Англіи, на которомъ настаиваетъ Чэмберленъ. Для всѣхъ очевидно теперь, что какъ со стороны либеральной партіи, такъ и со стороны рабочихъ обнаруживается желаніе придти къ соглашенію. Даже наиболѣе независимая и наиболѣе строптивая фракція,—напр., Кэйръ Гэрди со своими друзьями,—ощущаетъ въ данный моментъ необходимость взаимнаго договора съ либеральною партіей, который бы обезпечилъ различнымъ прогрессистскимъ группамъ максимумъ депутатскихъ полномочій.

Говорятъ, что сынъ Гладстона Гербертъ много способствовалъ такой эволюціи. Онъ постоянно проповѣдывалъ, что вовсе нѣтъ никакой надобности добиваться полной идентичности взглядовъ и программъ различныхъ фракцій, которыя расходятся въ основныхъ своихъ принципахъ—достаточно одной солидарности интересовъ во время рѣшительной битвы, которою явятся общіе выборы. Эта точка зрѣнія начинаетъ пріобрѣтать, повидимому, все больше и больше сторонниковъ среди рабочихъ.

Недавно лордъ Розберри произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ положеніе главныхъ политическихъ партій Англіи. Онъ указалъ на то, что распаденіе либеральной партіи отдало власть въ руки торіевъ, продержавшихъ ее почти двадцать лѣтъ. Теперь снова наступаетъ распаденіе, но уже на этотъ разъ оно происходитъ не въ средѣ либераловъ, а въ средѣ уніонистовъ. Вопросъ, который ставится теперь странѣ, касается свободы торговли и протекціонизма и побѣда консерваторовъ была бы равносильна не только побѣдѣ протекціонизма, но и торжеству реакціи. Избиратели должны имѣть въ виду,—прибавилъ Розберри,—что плодами побѣды на выборахъ воспользуется не Бальфуръ, а Чэмберленъ. Такія слова оказываютъ свое дѣйствіе, и судя по признакамъ начинающейся эволюціи, агитація Чэмберлена врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ. Надо думать, однако, что онъ не такъ-то легко уступитъ поле битвы: зная же необычайную перемѣнчивость этого государственнаго дѣятеля, можно ожидать съ его стороны какихъ-нибудь необычайныхъ сюрпризовъ.

Школьный законъ, вызвавшій такую грандіозную агитацію во всей Англіи, какъ говорятъ, долженъ будетъ подвергнуться нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ, имѣющимъ цѣлью ослабленіе конфессіональнаго принципа и усиленіе общественнаго контроля надъ школами. Либеральная и диссидентская Англія увидѣли въ этомъ законѣ тріумфъ англиканскаго клерикализма въ сообществѣ съ католицизмомъ, который прежде подвергался преслѣдованію со стороны англиканской церкви, а теперь становится ея союзникомъ. Нѣтъ никакого со-

мнѣнія, что пробужденію англійскаго либерализма въ значительной степени содѣйствовалъ школьный законъ, хотя, конечно, тутъ вліяли и другіе факторы: разочарованія, порожденныя южно-африканскою войной, ея чудовищные итоги, которые подведены теперь, неспособность и непредусмотрительность правительства, затѣявшаго эту авантюру, состояніе финансовъ и чэмберленовская затѣя. Въ княжествѣ Уэльскомъ, гдѣ диссиденты составляютъ подавляющее большинство, введеніе новаго школьнаго закона наткнулось на очень серьезное препятствіе въ лицѣ совѣтовъ графствъ, рѣшившихъ устроить стачку новаго рода, т.-е. отказаться, всѣмъ до единаго, отъ приведенія въ исполненіе закона, который не можетъ вступить въ силу безъ ихъ содѣйствія. Однимъ словомъ школьный законъ вызвалъ нѣчто въ родѣ гражданской и религіозной войны и поэтому, неудивительно, что явилось желаніе найти компромиссъ въ образѣ новаго билля, для выработки котораго будетъ избрана коммиссія изъ равнаго числа либеральныхъ и консервативныхъ депутатовъ.

Въ центрѣ лондонскаго квартала Уайтъ Чэпель, пользующагося весьма зловѣщею репутаціей, благодаря своимъ ужаснымъ трущобамъ, существуетъ въ настоящее время прекрасный художественный музей, спеціально устроенный для населенія этихъ трущобъ, такъ какъ входъ въ него безплатный. Лондонскій Истъ-Эндъ, гдѣ находится этотъ кварталъ и скучиваются бѣднѣйшіе классы населенія, вообще изобилуетъ разнаго рода филантропическими и соціальными учрежденіями, устроенными частною иниціативой. Тамъ находится пріютъ доктора Барнардо для покинутыхъ дѣтей, Тойнба-Голлъ и т. п. Но до сихъ поръ тамъ не было художественнаго музея. Идея такого учрежденія явилась у нѣсколькихъ лицъ, находившихъ, что восхищеніе великими произведеніями искусства нравственно возвышаетъ человѣка, и поэтому придававшихъ огромное воспитательное значеніе всякого рода художественнымъ выставкамъ и музеямъ искусствъ. Конечно для такого музея нужны деньги, но въ Англіи не заставляетъ затрудненія изысканіе средствъ для какой-нибудь общественной цѣли. Подписка очень быстро доставила нужную сумму, такъ какъ одинъ только Пасморъ Эдвардсъ, устроитель университетскаго поселенія, подписалъ 5,000 фунтовъ. Въ 1901 году въ мартѣ музей былъ открытъ и въ теченіе шести недѣль въ немъ перебывало 206.000 посѣтителей. Несмотря на то, что большинство посѣтителей составляло трущобное насеселеніе Уайтъ-Чэпеля, музей не потерпѣлъ никакихъ поврежденій. Около тысячи человѣкъ, студентовъ и молодыхъ людей изъ общества, вызвались оберегать музей во время выставки, исполняя добровольно роль сторожей. Затѣмъ, послѣ этой первой выставки была устроена вторая, въ іюлѣ того же года. Это была китайская выставка. Разные лондонскіе коллекціонеры пришли на помощь учредителямъ и поэтому явилась возможность воспроизвести въ мельчайшихъ подробностяхъ китайскій храмъ, китайскую лавочку, внутренность богатаго китайскаго жилища и внутренность помѣщенія кули. Эта выставка имѣла огромный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что она сопровождалась публичными лекціями о Китаѣ, его нравахъ, религіи и организаціи китайской жизни. Въ слѣдующемъ году была устроена такая же японская выставка и затѣмъ выставка

работъ дѣтей школъ этого же квартала. Эту выставку особенно посѣщали матери и отцы юныхъ экспонентовъ, сдѣлавшіеся впослѣдствіи постоянными посѣтителями художественнаго музея. Въ концѣ же прошлаго года, въ декабрѣ, громадный успѣхъ имѣла морская выставка, устроенная въ залахъ музея, которая также сопровождалась публичными лекціями о роли флота, его исторіи съ древнихъ временъ, о торговомъ флотѣ, объ устройствѣ спасательныхъ станцій и т. п. Въ первый же мѣсяцъ выставку посѣтило 200.000 человѣкъ.

По словамъ учредителей, уайтъ-чэпельская художественная галлерея, кромѣ своего чисто воспитательнаго значенія и облагораживающаго вліянія, приноситъ еще и другую пользу. Она привлекаетъ, благодаря собраннымъ въ ней сокровищамъ искусства, такихъ посѣтителей, которые иначе бы никогда не заглянули въ этотъ трущобный кварталъ, стараясь игнорировать даже самое его существованіе. И у многихъ, побывавшихъ въ этомъ кварталѣ, проснулось сознаніе своей соціальной отвѣтственности и желаніе что-нибудь сдѣлать для лондонскихъ пролетаріевъ.

Выставки картинъ, однако, преслѣдуютъ не однѣ только эстетическія цѣли; онѣ служатъ поводомъ къ устройству бесѣдъ на разныя соціальныя, географическія и экономическія темы. Напримѣръ, во время выставки картинъ голландской школы, были приглашены лекторы, которые прочли рядъ лекцій о голландской жизни, экономическомъ положеніи Голландіи и отношеніяхъ между Англіей и Голландіей. «Изъ всего, что мы говоримъ тутъ, все-таки останется хоть что-нибудь въ головахъ нашихъ слушателей», сказалъ одинъ изъ учредителей.

Недавно скончался въ Лондонѣ знаменитый африканскій путешественникъ, Генри Стэнли, принадлежавшій къ разряду тѣхъ изслѣдователей, которые нѣкогда съ величайшими трудностями и самопожертвованіемъ проникли вглубь чернаго континента и открыли его тайны, доселѣ сокрытыя отъ глазъ цивилизованнаго міра. Въ прошломъ вѣкѣ всѣ взоры были обращены, главнымъ образомъ, въ сторону африканской проблемы, но теперь, за послѣднее десятилѣтіе, произошла въ этомъ отношеніи перемѣна. Наиболѣе отважные изслѣдователи отправляются теперь въ Азію и къ полюсамъ и хотя африканскій континентъ въ настоящее время даже болѣе прежняго служитъ предметомъ изысканій и промышленной эксплуатаціи, но эти изслѣдованія уже не носятъ героическаго характера, какъ въ прежнія времена.

Генри Стэнли, настоящее имя котораго было Джемсъ Роулендсъ, родился въ 1841 году, въ Уэльсѣ. Его родители были бѣдные крестьяне и поэтому не могли дать ему никакого образованія. Двѣнадцати лѣтъ онъ опредѣлился юнгой на корабль и уѣхалъ въ Америку. Въ Новомъ Орлеанѣ онъ поступилъ на службу къ одному купцу, который заинтересовался мальчикомъ, сталъ его учить и въ концѣ концовъ усыновилъ. Джемсъ Роулендсъ принялъ фамилію и имя своего благодѣтеля и прославилъ это имя въ цѣломъ мірѣ. Стэнли принималъ участіе въ качествѣ волонтёра въ войнѣ за освобожденіе и былъ на сторонѣ сѣверныхъ штатовъ. Какъ разъ около этого времени онъ сдѣлался

журналистомъ и эта профессія превратила его съ теченіемъ времени въ знаменитаго путешественника. Сначала онъ, въ качествѣ казеннаго корреспондента, отправился въ Турцію, объѣхалъ Малую Азію и сопровождалъ англійскія войска въ абиссинскомъ походѣ. Онъ былъ первый, сообщившій объ окончаніи этой войны газетѣ «New-York Herald», которая отправила его корреспондентомъ въ Абиссинію, и такъ какъ онъ опередилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ, то собственникъ этой газеты Джемсъ Гордонъ Беннеттъ обратилъ на него особенное вниманіе. Беннеттъ справедливо считался отцомъ современнаго американскаго журнализма, придающаго главное значеніе быстротѣ и сенсаціонности извѣстій, и такъ какъ Стэнли обнаруживалъ всѣ выдающіяся качества американскаго репортера, то Беннеттъ и сталъ поручать ему самыя необычайныя миссіи. Уже на слѣдующій годъ, послѣ абиссинской войны, онъ отправилъ его опять въ Африку, къ источникамъ Нила, гдѣ онъ интервьюировалъ предводителя бунтовщиковъ въ Фретѣ, а затѣмъ оттуда поспѣшно направился въ Мадридъ и прибылъ во-время, чтобы присутствовать при изгнаніи королевы Изабеллы. Въ октябрѣ 1870 года онъ былъ вызванъ Беннеттомъ въ Парижъ и когда онъ явился къ своему патрону, то Беннеттъ, безъ дальнихъ околичностей, предложилъ ему немедленно отправляться въ Африку. «Онъ предложилъ мнѣ,—разсказывалъ потомъ Стэнли,—отыскать нѣкоего д-ра Ливингстона, про котораго думали, что онъ *гдѣ-то* находится въ Африкѣ. Беннеттъ былъ увѣренъ, что онъ *гдѣ-то* есть, а *гдѣ*— это былъ уже вопросъ второстепенный, и я долженъ былъ отыскать его!» Путешествіе Стэнли держалось въ большой тайнѣ, такъ какъ Беннеттъ опасался, что кто-нибудь другой похититъ его мысль и отправится отыскивать Ливингстона. На другой же день послѣ своего свиданія съ Беннеттомъ Стэнли былъ уже на пути въ Африку. Путешествіе продолжалось годъ, и, наконецъ, Стэнли достигъ Занзибара, гдѣ, согласно условію, его должны были ожидать деньги для дальнѣйшей экспедиціи внутрь Африки. Но Беннеттъ за разными дѣлами забылъ объ этомъ, и Стэнли очутился въ Занзибарѣ совсѣмъ безъ денегъ. Ему удалось, однако, хотя и не безъ труда, добыть нужные кредиты и отправиться въ центральную Африку. Онъ прошелъ совершенно неизвѣданными путями къ озеру Танганайка и тамъ имѣлъ счастье встрѣтиться съ Ливингстономъ. Онъ обошелъ вмѣстѣ съ послѣднимъ сѣверную часть острова, а затѣмъ вернулся въ Занзибаръ, а Ливингстонъ остался въ Африкѣ. Это путешествіе положило начало извѣстности Стэнли. Экспедиція обошлась въ 10.000 фунтовъ. Послѣ того Стэнли совершилъ еще нѣсколько путешествій въ Африку. Циклъ его путешествій закончился его экспедиціей въ экваторіальную провинцію, для освобожденія Эмина-паши; онъ вернулся въ 1890 году въ Англію, женился и сдѣлался членомъ парламента, вступивъ въ ряды консервативной партіи. Это былъ сильный человѣкъ, обладавшій желѣзною волей и жестокій по отношенію къ низшимъ расамъ, съ которыми ему приходилось ежедневно сражаться за свою жизнь. Многіе приписываютъ именно его вліянію,—такъ какъ всѣ и всегда подчинялись ему,—то, что бѣлые привыкли жестоко обращаться съ африканскими неграми.

Приготовленія къ президентскимъ выборамъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Женскій заработокъ. Несмотря на кажущееся спокойствіе, господствующее въ Соединенныхъ Штатахъ и въ федеральной политикѣ въ данный моментъ, приближеніе президентскихъ выборовъ уже чувствуется въ воздухѣ и выражается извѣстнымъ нервнымъ напряженіемъ партій. Все, что дѣлается теперь въ конгрессѣ, главнымъ образомъ имѣетъ въ виду предстоящую большую битву, и демократы, и республиканцы одинаково находятся теперь въ воинственномъ настроеніи. Хотя Рузвельтъ и очень популяренъ въ странѣ, но у него все-таки не мало враговъ между его такъ называемыми друзьями и въ рядахъ его приверженцевъ, и это обстоятельство скорѣе надо приписать его качествамъ, нежели недостаткамъ. Его прямота и независимость не по нутру многимъ политикамъ, которые раньше, не довѣряя ему, собственно и проложили ему дорогу къ возвышенію. Помимо воли Рузвельта, ему навязали, при Макъ-Кинлеѣ, почетную синекуру—постъ вице-президента, разсчитывая, такимъ образомъ, парализовать его дѣятельность и нейтрализовать его вліяніе и вмѣшательство въ политику. Но смерть Макъ-Кинлея неожиданно разрушила всѣ разсчеты этихъ дальновидныхъ политиковъ и Рузвельтъ, по волѣ рока, попалъ какъ разъ на тотъ самый постъ, отъ котораго такъ старались его отстранить эти дальновидные политики, прибѣгавшіе съ этою цѣлью къ разнымъ предосторожностямъ и хитросплетеніямъ.

Рузвельтъ, однако, сразу утвердился на этомъ посту. Онъ даже еще болѣе подчеркнулъ имперіалистскія и завоевательныя тенденціи своего предшественника, но съумѣлъ, въ то же время, пріобрѣсти довѣріе пролетаріата, не создавая себѣ слишкомъ непримиримыхъ враговъ среди представителей капитала и крупныхъ спекуляцій. Рабочіе, конечно, не забываютъ его вмѣшательства въ грандіозную стачку углекоповъ, а крупные дѣльцы, въ свою очередь, держатъ въ памяти его заявленія относительно трѣстовъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія что немногочисленный, но вліятельный классъ крупныхъ капиталистовъ, бывшій, до сихъ поръ главною силой республиканской партіи и доставлявшій ей, во время президентской кампаніи, то, что служитъ нервомъ войны, т.-е. деньги, взамѣнъ тарифа и законодательнаго бездѣйствія по отношенію къ трѣстамъ и къ различнымъ подвигамъ финансовыхъ Наполеоновъ, никогда не захочетъ покориться Рузвельту, котораго считаетъ опаснымъ идеологомъ, нуждающимся въ крѣпкой уздѣ. Но смерть сенатора Ганна, пожалуй, единственнаго человѣка, который давно уже, спрятавшись за кулисами, приводилъ въ движеніе политическія маріонетки и могъ выставить серьезнаго противника Рузвельту или самому сдѣлаться его господиномъ, сразу измѣнила положеніе вещей. Въ настоящее время у Рузвельта нѣтъ ни одного серьезнаго соперника въ республиканской партіи, и если не произойдетъ ничего непредвидѣннаго, то его побѣда обезпечена.

Демократы тоже волнуются. Они выставляютъ на видъ, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ, за исключеніемъ двухъ президентствъ Кливилэнда, республиканцы совершенно монополизировали президентскую власть. Нѣтъ сомнѣнія, что признаки утомленія и желанія перемѣны уже начинаютъ обнаруживаться.

притомъ же эта партія можетъ выставить хорошихъ кандидатовъ, не говоря уже о Кливилэндѣ, хотя избраніе этого послѣдняго въ третій разъ на президентскій постъ было бы до нѣкоторой степени нарушеніемъ правила, хотя и нигдѣ не написаннаго, но установленнаго обычаемъ, такъ какъ отцы республики, Вашингтонъ, Джефферсонъ, Монроё, Мадисонъ, Джексонъ, какъ для себя, такъ и для другихъ кандидатовъ, установили, по безмолвному соглашенію, лишь двукратное пребываніе на президентскомъ посту.

Изъ другихъ кандидатовъ демократической партіи опять называютъ Брайяна, въ пользу котораго говоритъ его неутомимая энергія и личное обаяніе. Но зато два громкихъ пораженія, которыя онъ потерпѣлъ на выборахъ, и теперь подрываютъ его шансы. Гораздо болѣе опасна для Рузвельта та оппозиція, которую онъ возбудилъ противъ себя въ южныхъ штатахъ своимъ дружескимъ отношеніемъ къ неграмъ. Просто трудно себѣ представить, съ какою яростью набрасывается теперь на него вся юго-американская печать. Его называютъ «современнымъ Каллигулой» и заявляютъ, что именно онъ виноватъ въ томъ, что на югѣ линчированіе негровъ стало такимъ частымъ явленіемъ; Рузвельтъ увеличилъ своими поступками наглость негровъ и усилилъ раздраженіе бѣлаго населенія. Однимъ словомъ Рузвельтъ долженъ ждать со стороны южныхъ штатовъ серьезнаго сопротивленія своему избранію и, повидимому, онъ къ этому готовъ.

Свѣдѣнія, опубликованныя статистическимъ бюро въ Вашингтонѣ, указываютъ, что трудъ женщинъ, находящихся на правительственной службѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, оплачивается очень хорошо. Правительство не дѣлаетъ, въ отношеніи жалованья, никакого различія между полами и если женщина оказывается способной нести такую же службу, какъ мужчина, то и получаетъ она столько же. Поэтому-то женщины уже вытѣснили мужчинъ изъ многихъ отдѣловъ администраціи; такъ, напр., должности кассировъ почти исключительно заняты женщинами. Самое большое жалованье, изъ всѣхъ женщинъ, находящихся на правительственной службѣ, получаетъ въ настоящее время миссъ Эстель Рилль, главная надзирательница надъ всѣми школами для индѣйцевъ. Она считается авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся воспитанія подрастающаго поколѣнія индѣйцевъ, питомцевъ американской націи, и введенная ею въ школахъ новая система уже принесла плоды. Она получаетъ 3.000 долларовъ ежегодно и кромѣ того суточные, во время разъѣздовъ для посѣщенія школъ, разбросанныхъ по всей странѣ. Нѣкоторыя изъ индѣйскихъ школъ находятся въ сторонѣ отъ всякихъ путей сообщенія, такъ что ей приходится дѣлать верхомъ нѣсколько сотъ миль, туда и обратно. Но это не смущаетъ энергичную дѣятельницу и она почти постоянно находится въ разъѣздахъ. Въ отношеніи воспитанія индіанскихъ дѣтей, миссъ Рилль стоитъ на практической точкѣ зрѣнія и придаетъ наибольшее значеніе профессіональному образованію. Дѣвочки должны, по ея мнѣнію, учиться всему, что можетъ пригодиться имъ впослѣдствіи въ домашнемъ хозяйствѣ, мальчики же также должны обучаться ремесламъ, которыя могутъ имъ пригодиться въ домашнемъ быту.

Выдающееся положеніе въ администраціи занимаетъ въ настоящее время молоденькая дѣвушка, миссъ Клара Греценъ. Она служитъ помощникомъ юрисъ-консульта государственнаго казначейства въ Вашингтонѣ и получаетъ 2.000 долларовъ жалованья. Она пріѣхала въ Вашингтонъ всего восемь лѣтъ тому назадъ и, несмотря на свой совсѣмъ еще юный возрастъ, явилась конкуренткой на полученіе должности въ казначействѣ и получила первую премію. Она была превосходною стенографисткой и скоро заняла въ этомъ отношеніи первое мѣсто на службѣ. Однако, ей не хотѣлось оставаться въ одномъ положеніи и поэтому она всѣ свободные вечера посвящала на изученіе законовъ. Вскорѣ ей представился случай показать свои знанія. Въ контрольномъ отдѣленіи произошла какая-то путаница и миссъ Греценъ было предложено выяснить, въ чемъ дѣло. Она сдѣлала это такъ быстро и при этомъ обнаружила такія выдающіяся способности и знаніе законовъ, что ей тотчасъ же было предложено вакантное мѣсто помощника юрисъ-консульта. Миссъ Маргарита Макъ-Ганна—единственная женщина, служащая въ дипломатическомъ вѣдомствѣ. Она занимаетъ должность ассистентки при второмъ государственномъ секретарѣ и ведетъ всю дипломатическую переписку. Она получаетъ 1.800 долларовъ. Благодаря своему знанію иностранныхъ языковъ, она нѣсколько разъ получала дипломатическія командировки, въ качествѣ переводчицы при миссіяхъ. Другая дама, служащая въ государственномъ департаментѣ, мистриссъ Шериданъ, занимается въ отдѣлѣ договоровъ. Она владѣетъ нѣсколькими иностранными языками, что составляетъ главное условіе ея должности, такъ какъ договоры пишутся обыкновенно на двухъ, а иногда и на трехъ языкахъ. Жалованье она получаетъ такое же, какъ и миссъ Ганна. Эти нѣсколько примѣровъ указываютъ, между прочимъ, какъ успѣшно американскія женщины прокладываютъ себѣ дорогу къ высшимъ должностямъ администраціи, всѣ отдѣлы которой наполнены теперь женщинами служащими.

Морицъ Іокай. Недавно скончался на восмидесятомъ году жизни знаменитый венгерскій романистъ Морицъ Іокай, пятидесятилѣтній юбилей котораго былъ отпразднованъ съ особенною пышностью въ Венгріи, какъ настоящее національное торжество. Съ именемъ его связано также воспоминаніе о бурномъ и героическомъ періодѣ венгерской исторіи. Въ началѣ своей литературной карьеры и въ періоды наибольшаго расцвѣта своего таланта, онъ былъ увлеченъ политическимъ движеніемъ, охватившимъ Венгрію. Сгорая желаніемъ вернуть странѣ ея прежнее величіе, венгерское дворянство пожертвовало всѣми своими прерогативами, для того, чтобы народъ могъ работать надъ національнымъ возрожденіемъ, предпринятымъ графомъ Стефаномъ Чеченьи, или какъ его называли: «самымъ великимъ изъ мадьяръ», въ 1825 году. Представленные въ Прейсбургскій сеймъ Людвигомъ Кошутомъ либеральные законопроекты, являются началомъ новой эры возрожденія Венгріи. Но кромѣ этого парламентскаго движенія, въ Венгріи возникло и чисто народное движеніе, организованное Іокаемъ и его другомъ венгерскимъ поэтомъ Александромъ Петефи. Черезъ три недѣли послѣ февральской революціи 1848 г., они оба на-

печатали, безъ разрѣшенія цензуры, въ высшей степени зажигательное стихотвореніе «Talgra Madyar?» («Вставай мадьяръ») и участвовали въ освобожденіи одного политическаго преступника, что произошло, впрочемъ, безъ пролитія единой капли крови.

Превращеніе Венгріи не могло, однако, совершится вполнѣ мирнымъ путемъ и возникла кровавая конституціонная война, 1849 года, изъ которой Австрія вышла побѣдительницей, лишь благодаря вмѣшательству Россіи. Послѣ капитуляціи Іокай, сильно скомепромтированный своими патріотическими писаніями, бѣжалъ изъ Пешта переодѣтый и долго скрывался въ горахъ. Когда спокойствіе возстановилось и обнаружились признаки, указывающіе на желаніе примиренія, Іокай вернулся въ Пештъ, самъ явился въ военный судъ и благодаря этому избѣгъ суроваго приговора. Послѣ того онъ возобновилъ свою литературную дѣятельность, сначала подъ псевдонимомъ «Saja», а затѣмъ подъ собственнымъ именемъ. Послѣ того, какъ политическая жизнь Венгріи снова оживилась, Іокай со свойственной ему пылкостью опять ринулся въ политику и до семидесяти лѣтъ уже не покидалъ политическаго поприща. Онъ и Чернотони были, такъ сказать, журналистскими столпами венгерскаго парламента. Іокай основалъ газету «Hon» и изо дня въ день помѣщалъ въ ней полемическія и агитаціонныя статьи. Въ послѣдніе годы онъ былъ главнымъ редакторомъ газеты «Madyar Newzet». Въ парламентѣ онъ пробылъ больше трехъ десятилѣтій. Съ 1861 до 1875 г. онъ засѣдалъ въ оппозиціи и былъ самымъ правдивымъ приверженцемъ Коломана Тиссы, а послѣ сліянія своей партіи съ партіей Деака сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ либеральной партіи и поддерживалъ ее перомъ и словами.

Онъ былъ женатъ въ первый разъ на знаменитой венгерской актрисѣ Розѣ Лаборфальви. Когда она умерла, онъ долго оплакивалъ ее, но въ 75 лѣтъ страстно влюбился въ молоденькую дѣвушку, тоже актрису, которая по возрасту годилась ему во внучки. Этотъ неравный бракъ возбуждалъ много насмѣшекъ и венгерское общество не щадило влюбленнаго маститаго поэта, отвѣчавшаго на всѣ пересуды литературными диѳирамбами своему позднему счастью, въ которыхъ восхвалялъ свою молодую жену. Эти диѳирамбы появлялись всегда въ день годовщины его свадьбы, а вскорѣ послѣ своей свадьбы онъ напечаталъ очеркъ, подъ слѣдующимъ характернымъ заглавіемъ: «Человѣкъ въ лѣтахъ—не есть еще старый человѣкъ!» Несмотря на это бравированіе, старый романистъ все-таки очень больно чувствовалъ отчужденіе общества, вызванное его бракомъ, который всѣ осуждали, и онъ часто жаловался близкимъ, что его всѣ покинули.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Признанія выдающихся людей.—Сила и слабость Германіи.—Китайская армія.—Американскій имперіализмъ.

Французскій журналъ «La Revue», желая выяснить вопросъ о раннемъ проявленіи геніальности, печатаетъ результаты такъ называемой «enquête»,

которая и должна была показать, были ли выдающіеся по своему таланту люди также выдающимися дѣтьми, обращавшими на себя вниманіе своимъ раннимъ развитіемъ, и всегда ли такія дѣти оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды? Идея этой «enquête» принадлежитъ одному парижскому врачу, обратившемуся съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ къ тѣмъ изъ своихъ современниковъ, которые уже достигли болѣе или менѣе громкой извѣстности въ области науки, литературы, общественной дѣятельности и искусства. Онъ получилъ около 400 писемъ, составляющихъ очень цѣнный матеріалъ для психологіи великихъ людей и ихъ автобіографіи. Часть этихъ писемъ (64) напечатаны во французскомъ журналѣ подъ заглавіемъ «Confidences d'hommes arrivés»; но изъ этихъ писемъ людей, достигшихъ успѣха, нельзя все-таки сдѣлать окончательнаго вывода относительно скороспѣлости генія. Многіе изъ замѣчательныхъ людей далеко не были замѣчательными дѣтьми, какъ объ этомъ можно судить по ихъ собственному признанію, и только музыкальный и вообще художественный геній, а также математическія способности проявляются обыкновенно очень рано. Затѣмъ можно также вывести заключеніе, что обѣщанія юности далеко не всегда выполняются въ ожидаемой степени. Бертело, напр., говоритъ, что хотя въ своемъ классѣ онъ и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, но никогда не былъ то, что называется «чудо-ребенкомъ». Старичокъ Буке-де-ла-Гри, президентъ академіи наукъ, пишетъ: «Въ дѣтствѣ я ровно ничѣмъ особеннымъ не отличался и только обнаруживалъ способности къ музыкѣ. Математическія способности проявились у меня лишь къ пятнадцати годамъ. Я только въ 50 лѣтъ началъ говорить публично и сдѣлался до нѣкоторой степени лекторомъ. Не этому ли запозданію я обязанъ тѣмъ, что теперь, въ 75 лѣтъ, у меня рука такъ же тверда, какъ была въ двадцать лѣтъ, и я читаю и пишу безъ очковъ? Это возможно, я еще не чувствую себя старымъ и могу цѣлыми днями заниматься вычисленіями. Хотите знать, что происходитъ въ секціяхъ нашей академіи науки? Геометромъ становятся рано и математическая продуктивность бываетъ всего значительнѣе въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, поэтому-то въ этомъ разрядѣ сосредоточиваются наиболѣе молодые. Что же касается другихъ областей, то я думаю, что открытія и вообще наибольшій прогрессъ въ наукѣ достигается между 40 и 50 годами. Обыкновенно послѣ 65 лѣтъ духъ изобрѣтательности гаснетъ и можно только дополнять то, что уже было намѣчено гораздо раньше. Съ годами занимаются уже больше литературой, нежели наукой».

Почти всѣ авторы писемъ заявляютъ, что въ дѣтствѣ они не обнаруживали никакихъ замѣчательныхъ качествъ. Нѣкоторые учились хорошо, но большинство только сносно, такъ что учителя и подозрѣвать не могли, что имѣютъ дѣло съ будущею знаменитостью. Рибо говоритъ, что «преждевременно развитый ребенокъ во всѣхъ направленіяхъ непремѣнно внушилъ бы ему, еслибъ онъ былъ его отцомъ, нѣкоторый страхъ, такъ какъ онъ постоянно думалъ бы о томъ, что играетъ въ большую игру» и что «цвѣты часто не даютъ плодовъ». Монтегацци, Скіанарелли и др. полагаютъ, что если «чудо-дѣти» не сдерживаютъ своихъ обѣщаній впослѣдствіи и не оправдываютъ

возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то большею частью этому бываетъ виною ихъ воспитаніе и сдѣланныя въ этомъ отношеніи ошибки.

Любопытное признаніе дѣлаетъ Поль Бурже; онъ говоритъ: «Я совсѣмъ не помню того времени, когда я еще не умѣлъ читать и писать, но я помню себя читающимъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта, когда мнѣ едва минуло пять лѣтъ. Однако, въ школѣ я ничѣмъ не проявилъ себя, если не считать того, что я всегда оказывался ниже другихъ, когда приходилось сдавать экзаменъ или писать на заданную тему. Даже теперь всякая работа по заказу (рѣчь, статья) нѣсколько парализуетъ меня и я это всегда приписывалъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ размышлять о психологіи писателей, тому особенному свойству моего ума, что я сочиняю полу-сознательно. Мнѣ надо сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы убѣдить себя въ томъ, что какая-нибудь изъ моихъ, уже напечатанныхъ книгъ, которую я перечитываю, или та, которую я только что кончилъ писать, дѣйствительно была написана мною. Я придаю этому обстоятельству извѣстное значеніе и вижу въ немъ доказательство, что «безсознательное» является наиболѣе плодовитою частью нашего существа и именно вслѣдствіе такого наблюденія я и сдѣлался приверженцемъ традицій».

Въ общемъ, всѣ эти признанія скорѣе говорятъ не въ пользу скороспѣлыхъ геніевъ, многообѣщающихъ въ дѣтствѣ, и могутъ служить даже до нѣкоторой степени предостереженіемъ тѣмъ изъ родителей, которые возлагаютъ слишкомъ большія ожиданія на своихъ «чудо-дѣтей».

Что ожидаетъ Германію въ будущемъ? Въ чемъ ея сила и въ чемъ заключается ея слабая сторона — вотъ вопросы, которые старается разрѣшить авторъ статьи о будущности Германіи, напечатанной въ «Fortnightly Review» Эта будущность представляется автору далеко не въ радужномъ свѣтѣ, хотя онъ и признаетъ удивительную выдержку и цѣлесообразность всѣхъ дѣйствій Германіи, когда она стремится къ какой-нибудь извѣстной цѣли. Сила Германіи заключается въ ея интеллектуальности. Всякая умственная работа, производимая въ Германіи, отличается величайшею тщательностью и законченностью, и каждый, кому приходилось пользоваться германскою литературой при изученіи какого-нибудь предмета, долженъ былъ убѣдиться въ этомъ и оцѣнить громадность усилій, потраченныхъ Германіей на организацію знанія. Авторъ находитъ также, что германскія школы обладаютъ тѣмъ огромнымъ преимуществомъ, что онѣ съ раннихъ лѣтъ пріучаютъ къ систематическому ученію и прежде чѣмъ спеціализироваться на-чемъ нибудь, онъ получаетъ общее образованіе, дающее ему возможность болѣе или менѣе сознательно дѣлать выборъ своей будущей спеціальности.

Все это, конечно, составляетъ качество націи, но зло, отъ котораго страдаетъ Германія и которое грозитъ ей серьезными опасностями, заключается въ бюрократизмѣ. «Трудно представить себѣ,—говоритъ далѣе авторъ,—чтобы нѣмецкая нація въ состояніи была бы, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, осуществить идеалъ такого развитія мужчинъ и женщинъ, которое одно только можетъ считаться высшею формою цивилизаціи. Германская женщина, несмо-

тря на ея многочисленныя національныя качества, до сихъ поръ еще не оправдала тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя на нее возлагались. Она не въ состояніи, поэтому, оказывать на германскую жизнь того вліянія, которое только и можетъ способствовать развитію и осуществленію и въ другихъ сферахъ германской жизни того идеализма, какой обнаруживается въ сферѣ интеллектуальной дѣятельности. Еще болѣе серьезный недостатокъ германской націи заключается въ томъ, что въ теченіе всей своей политической жизни она допускала византизмъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и поддерживала бюрократическое направленіе. За послѣдніе тридцать лѣтъ въ Германіи, за исключеніемъ Бисмарка, не было ни одного сколько-нибудь крупнаго и выдающагося политическаго дѣятеля. Она произвела много честныхъ, добросовѣстныхъ работниковъ, это правда, но ни одного особенно замѣтнаго. Чрезмѣрный бюрократизмъ, подчинившій себѣ всю политическую жизнь Германіи, оставляетъ мало свободнаго пространства для развитія независимыхъ и свободныхъ силъ націи. Римъ, также какъ и современная Англія, въ значительной степени былъ обязанъ своимъ величіемъ тому, что много способныхъ людей, не затронутыхъ бюрократическою рутиной, посвятили всѣ свои силы на изученіе и разрѣшеніе великихъ политическихъ и соціальныхъ проблемъ въ своей странѣ. Въ Германіи не замѣчается ничего подобнаго и, наоборотъ, тамъ не только женщины задерживаются въ ихъ движеніи впередъ, но и мужчины терпятъ огромный ущербъ въ томъ отношеніи, что всѣ ихъ рессурсы парализуются и они сами становятся жертвою бюрократизма. Во всякомъ случаѣ такое положеніе дѣлъ можетъ имѣть пагубныя для Германіи послѣдствія, и если она могучимъ движеніемъ не сброситъ этого ига, то будущее ея представляется довольно тревожнымъ.

Въ «Revue de Paris» напечатана не лишенная интереса статья о китайскомъ войскѣ. Авторъ этой статьи, бывшій французскій военный агентъ въ Пекинѣ, полковникъ Гранпре, можетъ считаться компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ вычисляетъ населеніе собственно Китая (не считая Манчжуріи, Тибета и Туркестана) въ 420 милліоновъ и высказываетъ самую твердую увѣренность, что эта чудовищная масса людей могла бы составить первоклассный матеріалъ для арміи, тѣмъ болѣе, что населеніе Китая довольно однообразно и китаецъ вездѣ одинаковъ. Разница нарѣчій, на которую указывали нѣкоторые авторы, въ сущности, заходитъ недалеко и заканчивается на сравнительно небольшомъ разстояніи отъ берега.

Китаецъ обладаетъ необычайною живучестью. У каждаго китайца непремѣнно есть семья и зачастую весьма многочисленная, къ тому же онъ и самъ живетъ обыкновенно долго. Климатъ не играетъ для китайца никакой роли; онъ живетъ въ какихъ угодно условіяхъ и въ этомъ заключается одно изъ главныхъ различій между китайцами и японцами. Напримѣръ, японцы нашли очень затруднительнымъ колонизовать Формозу, такъ какъ тамъ слишкомъ жарко, а Іессо они не могли колонизовать, потому что тамъ слишкомъ холодно. Это свойство китайцевъ, т.-е. равнодушное отношеніе къ климату и

обстановкѣ, очень важно, такъ какъ, благодаря ему, китайцы могутъ быть очень выносливыми солдатами. Такимъ образомъ, Китай можетъ имѣть самую сильную армію въ физическомъ отношеніи изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ. Китайцы превосходные ходоки и могутъ проходить огромныя разстоянія, не требуя ничего для своего пропитанія, кромѣ щепотки чая и рису. Кромѣ того по увѣренію полковника Граннре, китайцы совершенно лишены нервовъ и только у курильщиковъ опіума проявляется нѣкоторая нервность, но такъ какъ куреніе опіума обходится сравнительно дорого, то бѣднѣйшіе классы, которые собственно и будутъ поставлять рекрутъ въ китайское войско, болѣе или менѣе избавлены отъ этого порока. Отсутствіе нервовъ представляетъ очень важное преимущество для войска, такъ какъ упрощаетъ медицинскую службу въ арміи и вызываетъ полный индиферентизмъ китайцевъ къ личнымъ удобствамъ. Нѣтъ никакой надобности заботиться о китайскихъ солдатахъ, чтобы защитить ихъ отъ холода, отъ жары, отъ москитовъ; все то, что составляетъ мученія и лишенія для европейской арміи, для китайцевъ безразлично; они какъ будто даже не замѣчаютъ ничего этого. Затѣмъ китайскій солдатъ обладаетъ еще однимъ неоцѣненнымъ качествомъ: онъ никогда не забываетъ того, чему разъ научился — однимъ словомъ, это самый удобный солдатъ на свѣтѣ, такъ какъ можетъ питаться чѣмъ угодно, довольствуясь лишь самымъ ничтожнымъ количествомъ пищи и можетъ спать гдѣ угодно и даже вовсе не спать, если это понадобится. Но зато чувство патріотизма, духъ солидарности очень мало развиты у китайцевъ и только въ послѣднее время стали обнаруживаться кое-какіе симптомы, указывающіе на перемѣну въ этомъ отношеніи; однако китаецъ до сихъ поръ еще продолжаетъ смотрѣть на свою армію, какъ на шайку паразитовъ, содержаніе которой обходится дорого народу, но которая не приноситъ ему никакой пользы. Мошенничества, обманъ и взяточничество составляютъ всеобщій бичъ въ Китаѣ, отъ котораго страдаютъ рѣшительно всѣ отдѣлы администраціи, а также и военное вѣдомство, и обыкновенно, для скрытія растраты, китайцы прибѣгаютъ къ поджогу. Министерство финансовъ въ Пекинѣ горитъ регулярно черезъ два-три года. Но въ странномъ противорѣчіи съ этою склонностью китайцевъ къ хищенію находится ихъ замѣчательная честность въ торговыхъ сношеніяхъ. Въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ японцевъ. Въ Японіи совсѣмъ еще неизвѣстно казнокрадство; ни одинъ отдѣлъ администраціи не страдаетъ отъ хищенія или недобросовѣстности своихъ чиновниковъ, но зато на слово японскаго торговца никогда нельзя положиться, тогда какъ всѣ сдѣлки съ китайскими торговцами можно совершенно спокойно совершать на словахъ.

Полковникъ Граннре приходитъ къ заключенію, что китайская армія можетъ превратиться въ самую могущественную военную силу, если только она будетъ обучена какъ слѣдуетъ и будетъ находиться подъ командою офицеровъ, одаренныхъ тѣми качествами, которыхъ недостаетъ китайцамъ, т. - е. силою воображенія и широкими взглядами въ военномъ отношеніи; когда Китай будетъ обладать такою арміей, то онъ перестанетъ возбуждать жадность

европейцевъ, какъ легкая добыча и, сдѣлавшись сильнымъ, перестанетъ служить угрозою миру.

Изъ всѣхъ странъ имперіализмъ встрѣчаетъ наиболѣе благодарную почву въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Англіи уже началась реакція и въ обществѣ все сильнѣе обнаруживается протестъ противъ чрезмѣрныхъ имперіалистскихъ увлеченій, но въ Америкѣ, какъ увѣряетъ авторъ статьи въ «Deutsche Rundschau», имперіализмъ не встрѣчаетъ никакого отпора ни въ какихъ слояхъ американскаго общества. Въ началѣ XIX вѣка американцы считали своею неотъемлемою миссіей распространеніе штатовъ до береговъ Тихаго океана и почти все прошлое столѣтіе они работали надъ выполненіемъ этого плана. Но когда онъ былъ достигнутъ, то началось новое движеніе, выразившееся въ стремленіи къ расширенію американскихъ колоніальныхъ владѣній. Американцы несомнѣнно хотятъ господствовать на обоихъ океанахъ, омывающихъ берега Америки и стремятся къ абсолютной гегемоніи или даже сюзеренитету надъ всѣми государствами сѣверной и центральной Америки, также какъ и надъ сѣверною частью Южной Америки. Наиболѣе выдающимся представителемъ имперіалистской тенденціи является самъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Теодоръ Рузвельтъ, и во всѣхъ актахъ его правительства это ясно обнаруживается. Строгое соблюденіе доктрины Монроё въ венецуэльскомъ конфликтѣ и объявленіе протектората надъ Панамой приписываются исключительно ему.

Съ этой точки зрѣнія всѣ послѣднія передвиженія американскаго флота и его дѣйствія пріобрѣтаютъ особенное значеніе, напр., высадка американскихъ войскъ въ Санъ-Доминго и возстановленіе порядка въ этой маленькой республикѣ, раздираемой междуусобными войнами и учрежденіе панамской республики надъ американскимъ протекторатомъ и полученная, такимъ образомъ, возможность постройки центрально-американскаго канала. Если бы американцамъ дѣйствительно удалось пріобрѣсти покупкою датскіе Антильскіе острова и объявить протекторатъ надъ Доминго и надъ Гаити, то они сдѣлали бы огромный шагъ къ осуществленію своей программы въ Атлантическомъ океанѣ. Въ Тихомъ же океанѣ она уже частью осуществлена. Американцы обладаютъ цѣлымъ рядомъ острововъ между берегами Америки и Филиппинами, къ территоріальнымъ же владѣніямъ въ Азіи американскіе имперіалисты совсѣмъ не стремятся и этимъ объясняется поведеніе американцевъ въ китайскомъ вопросѣ. Но въ Америкѣ они хотятъ уничтожить всѣ слѣды европейскаго господства на континентѣ и, конечно, будутъ пользоваться для этого всѣми средствами, имѣющимися у нихъ въ распоряженіи. Такова программа Рузвельта, отъ которой онъ, конечно, не отступитъ, когда—что весьма вѣроятно—будетъ вновь избранъ президентомъ американскаго союза.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюнь. 1904 г.

Содержаніе: — Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія русская и всеобщая.—Народныя изданія.—Медицина и гигіена.—Естествознаніе и астрономія.—Общественныя науки и политическая экономія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Н. Н. Брешко-Брешковскій. „Шопотъ жизни". — „Самоотверженные". — *Левъ Даксергофъ.* „Передъ новой жизнью". — *Его-же.* „Около душевнаго недуга".— *Его-же.* „Изъ-за человѣка".—*П. В. Никоновъ.* „Голосъ сердца".—*Андрей Бѣлый.* „Золото въ лазури".

Н. Н. Брешко-Брешковскій. Шопотъ жизни. Спб. Изданіе Сойкина. Ц. 1 р. Г. Брешко-Брешковскій—писатель, котораго никакъ нельзя назвать начинающимъ. У него есть своеобразное, но прочно установившееся литературное имя, на него рисуютъ каррикатуры извѣстные художники, фамилія его упоминается въ газетныхъ листкахъ «au hasard» среди присутствующихъ на различныхъ собраніяхъ и юбилеяхъ. Наконецъ г. Брешко-Брешковскій, судя по двумъ его послѣднимъ сборникамъ, окончательно наметался въ томъ легкомъ, цвѣтистомъ и шаблонномъ стилѣ, который общъ для всѣхъ много и скоро пишущихъ беллетристовъ и о которомъ будетъ подробнѣе сказано ниже. Все это даетъ намъ право, не возлагая на г. Брешко-Брешковскаго лестныхъ надеждъ въ будущемъ, отнестись къ нему, какъ къ писателю совершенно сложившемуся и, такъ сказать, распустившемуся полнымъ цвѣтомъ.

Сфера наблюденій этого писателя, по крайней мѣрѣ въ томъ сборникѣ, который сейчасъ лежитъ передъ нами, очень ограничена: юго-западный край, табачная фабрика, общество акцизныхъ чиновниковъ, грубый заугольный флиртъ—вотъ, кажется и все. Есть, правда, въ «Шопотѣ жизни» два разсказа изъ актерской жизни и одинъ изъ цирковаго мірка, но темы ихъ такъ страшно захватаны и заношены сотнями беллетристовъ, писавшихъ до г. Брешко-Брешковскаго, и сотнями пишущихъ одновременно съ нимъ, что объ этихъ разсказахъ не стоитъ и говорить. Положимъ, изъ самой старенькой, самой истрепанной темы можно сдѣлать прекрасное произведеніе—все зависитъ отъ своеобразнаго взгляда и новаго освѣщенія предметовъ. Но г. Брешко-Брешковскій этого не сдѣлалъ.

Главный герой разсказовъ г. Брешко-Брешковскаго—молодой акцизный надзиратель. Если даже авторъ и не упоминаетъ кое-гдѣ о родѣ его службы, то читатель все равно подразумѣваетъ одно и то же лицо. Черезъ всѣ разсказы проходитъ этотъ неотразимый брюнетъ (ни одного блондина въ цѣломъ томѣ!) непремѣнно съ «яркими» «чувственными» губами и непремѣнно съ «сочнымъ», «бархатнымъ» баритономъ. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ г. Брешко-Брешковскій великолѣпнаго акцизнаго надзирателя Гордіенко въ романѣ (!) «Тайна винокуреннаго завода», причемъ пользуется для своего описанія, какъ

будто мимоходомъ (какой устарѣлый и фальшивый пріемъ!) моментомъ переодѣванія своего героя:

„Гордіенко вернулся сейчасъ изъ подвала, гдѣ провѣрялъ бочки со спиртомъ. Онъ бросилъ на кровать форменную фуражку, снялъ рабочую засаленную тужурку, надѣлъ свѣтлый пиджачекъ и широкополую сѣрую шляпу, которая эффектно оттѣняла его смуглое лицо съ большими добрыми глазами и подстриженной черной бородкой. Двадцати-четырехлѣтній молодой человѣкъ былъ высокъ, плечистъ и хорошо сложенъ.

„Андрей Гавриловичъ велъ свой родъ отъ знаменитаго кошевого атамана войска запорожскаго и сподвижника Мазепы-Кости Гордіенко.

„Мощной, молодецкой фигурой, умѣньемъ превосходно стрѣлять, ѣздить верхомъ,—Андрей Гавриловичъ живо напоминаетъ своихъ предковъ. Надъ кроватью, средь различнаго доставшагося отъ покойнаго отца оружія, висѣлъ старинный мушкетъ, изъ котораго когда-то стрѣлялъ безъ промаха своихъ враговъ самъ Костя Гордіенко. (стр. 15).

А вотъ другой «неотразимый» акцизный надзиратель въ разсказѣ «Эпизодъ изъ жизни уважаемаго человѣка» (стр. 290):

„...Отпечатокъ чего-то изысканно-кавалерійскаго остался навсегда въ его невысокой фигурѣ съ выпуклой грудью, тонкимъ станомъ и длинными стройными ногами. Лицомъ онъ походилъ на Мопассана. Такіе же густые, черные волосы оттѣняли бѣлый лобъ, такой же крутой, смѣлый размахъ бровей; красивые усы; такъ же темнѣла подъ нижней чувственной губой эспаньолка.

„...Онъ держалъ лошадь и часто пріѣзжалъ на фабрику верхомъ, кокетничая предъ Натали своей безукоризненной посадкой. Обыкновенно Броецкій носилъ *штатское* (!), когда же ѣздилъ верхомъ, надѣвалъ хорошо сшитую форменную пару.

„Нужно ли говорить, что Иліодоръ Николаевичъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ. О побѣдахъ Броецкаго говорили всѣ за исключеніемъ его самого. Цѣнное и весьма рѣдкое *качество мужчинъ*“. (NB: Фраза, вдобавокъ и безграмотная).

Въ разсказѣ «А если мимо» фигурируетъ «хорошо сложенный брюнетъ, съ тростью и въ свѣтлой шляпѣ, которая эффектно оттѣняетъ его смуглое лицо». Говоритъ онъ и поетъ «сочнымъ бархатнымъ баритономъ» (стр. 322, 323, 324). Герой повѣсти «Въ заглохшей аллеѣ»—Краснолуцкій также говоритъ пріятнымъ баритономъ и ходитъ небрежной кавалерійской походкой, обладаетъ широкими плечами и сильными стройными ногами; вдобавокъ онъ брюнетъ съ выразительнымъ ртомъ и деспотическими бровями. Словомъ, какъ видите, обольстительные мужчины изъ разсказовъ г. Брешко-Брешковскаго не блещутъ разнообразіемъ.

Дамъ г. Брешко-Брешковскій описываетъ съ особенной любовью и притомъ тономъ лошадинаго знатока. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на бюстъ, затѣмъ на шею; шея у всѣхъ его героинь полная, бѣлая и нѣжная. Что касается тѣла—то оно, смотря по обстоятельствамъ, или бархатное или еще чаще, мраморное. Иногда же г. Брешко-Брешковскій дѣлится съ читателемъ и болѣе интимными наблюденіями.

„Сухіе и слегка волнистые, цвѣта червоннаго золота, волосы, упругими волнами обрамлявшіе (ну, конечно, обрамлявшіе: красивое и рѣдкое опредѣленіе!) блѣдное лицо, были высоко причесаны. Точеная полная шея поражала нѣжной бѣлизной. Только рыжія женщины обладаютъ такимъ на диво мраморнымъ тѣломъ“ и т. д. (стр. 222).

А вотъ еще одна подробность, свидѣтельствующая о необычайной наблюдательности автора:

„Двадцати-трехлѣтняя Натали страдаетъ порокомъ сердца. Что-то обаятельное таится въ женщинѣ съ этимъ загадочнымъ недугомъ. Горячія сочно-алыя губы словно ждутъ желанныхъ поцѣлуевъ“ и т. д. (стр. 287).

Что сказать о содержаніи разсказовъ г. Брешко-Брешковскаго? Есть у этого автора одна особенность. Иногда, начиная свое произведеніе, онъ какъ будто бы задумывается надъ чѣмъ-то интереснымъ и правдивымъ. Видно, какъ по немногу намѣчается у него свѣжій, не заѣзженный типъ («Приключенія Ни-

киты Степановича», старикъ Ефимовичъ въ «Эпизодѣ изъ жизни уважаемаго человѣка» и пр., обрисовывается оригинальное жизненное положеніе (первые главы въ «Тайнѣ винокуреннаго завода»), и вдругъ какой-то неожиданный поворотъ къ трафарету, къ общимъ мѣстамъ,—и разсказъ мигомъ съѣзжаетъ на пошлый и, главное вялый анекдотъ, на мелодраматическій конецъ во вкусѣ романовъ изъ уличныхъ листковъ, на сѣренькую, никого не трогающую слезливость.

То же самое можно сказать и о художественной отдѣлкѣ произведеній г. Брешко-Брешковскаго. Попадаются у него мѣстами простыя и изящныя описанія природы и нѣсколько удачныхъ деталей, два три красивыя опредѣленія, которыя хочется считать оригинальными, но все это растворяется, тонетъ, исчезаетъ въ водопадѣ банальныхъ, напыщенныхъ выраженій, шаблонныхъ фразъ и словечекъ, ходячихъ, готовыхъ, затрепанныхъ образовъ. Разсказываютъ о какомъ-то молодомъ беллетристѣ, который однажды обратился съ озабоченнымъ видомъ къ своему знакомому: «Скажите пожалуйста—мнѣ это очень важно знать для моей новой повѣсти, — какъ это называется, къ чему пристаетъ поѣздъ на станціи?»—Платформа? спросилъ знакомый.—Ахъ, нѣтъ, платформа это я знаю; есть какое-то другое слово, но, можете себѣ представить, совершенно выскочило изъ головы.—Можетъ быть, дебаркадеръ?—Да, да, да, вотъ, вотъ,—обрадовался молодой беллетристъ,—дебаркадеръ. Я такъ именно и думаю начать свою новую повѣсть: «поѣздъ, шипя и свистя, медленно и плавно подходилъ къ дебаркадеру. Не правда ли эффектно?»

Такихъ эффектныхъ «дебаркадеровъ» не оберешься въ широкой литературѣ. «Она прижалась пылающимъ лбомъ къ холодному стеклу, по которому, точно слезы, текли дождевыя капли». «Луна лила свой матовый свѣтъ на землю, окутывая ее точно серебристымъ флёромъ». «Она упала къ нему на грудь, и уста ихъ слились въ долгомъ, страстномъ поцѣлуѣ». И т. д., и т. д... Такихъ выраженій—тысячи. Можетъ быть было время, когда они считались оригинальными и даже, чего добраго, смѣлыми. Но они давно уже отслужили свой срокъ, обратились въ стертую, безличную подозрительную монету и теперь къ нимъ прибѣгаютъ особенно охотно тѣ молодые беллетристы, которые, идя въ сторону наименьшаго сопротивленія, отъ лѣности, отъ бездарности, отъ неумѣнья вдумываться въ то, что видишь и что пишешь, хватаютъ готовый, хотя бы и подержанный, хотя бы и залежалый матеріалъ.

Такимъ общими мѣстами особенно богата книжка г. Брешко-Брешковскаго.

„Ядовитый, предательскій змѣй разочарованія запалъ въ душу (37).

„Уютное гнѣздышко явилось пріятной дисгармоніей съ холоднымъ обликомъ всего дома“ (10).

„Вѣра Павловна, какъ ударомъ хлыста, останавливала его всегда одной и той же фразой“ (245).

„— А невѣста?—спросила Ира.

„— Бѣдняжка черезъ нѣсколько дней отравилась.

„— Что же Вольскій?

„— Исчезъ безъ вѣсти“ (20).

„Конецъ обѣда прошелъ въ гробовомъ молчаніи“ (304).

„Полились вновь глубокіе, мощные звуки“ (324).

„Это былъ бы интересный романъ, и оба они медленно, не торопясь, съ наслажденіемъ читали бы страницу за страницей“ (290). И т. д., и т. д.

Къ сожалѣнію размѣры обыкновенной рецензіи не позволяютъ намъ продолжать эти цитаты. Но, при надобности, ихъ наберется нѣсколько страницъ. Добавимъ къ этому, что иногда г. Брешко-Брешковскій сильно прихрамываетъ въ стилистическомъ отношеніи. Что, напримѣръ, это за фраза? «И молодой, сильный,—онъ осматривался, ликующій, радостный». Кто-то изъ брюнетовъ г. Брешко-Брешковскаго отправилъ конфекты «съ визитной карточкой *блузникомъ посыльнымъ* Эльвирѣ». конфекты отправляютъ не «посыльнымъ» (ко-

торые были бы весьма удивлены такому сюрпризу), а *съ* посыльнымъ. И многое въ томъ же родѣ, не говоря уже о неумѣломъ, рѣжущемъ ухо, постоянномъ смѣшеніи временъ прошедшаго съ настоящимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя.

Отмѣтимъ, наконецъ, страсть г. Брешко-Брешковскаго къ иностраннымъ словамъ, къ французскому языку въ разговорахъ, къ фамиліарничанью съ нынѣ здравствующими писателями и художниками и къ необычайно пышнымъ заглавіямъ. Что такое, напримѣръ, «Шопотъ жизни»? и почему вся книжка озаглавлена «Шопотъ жизни», а не «Любовь акцизнаго»? не «Подъ розовымъ фонаремъ»? или не «Голубая волна»? Нѣкоторые разсказы имѣютъ, кромѣ заглавій еще и подзаголовки, напр., «силуэтъ», «мгновеніе». Это тоже — напыщенно и смѣшно. *А. К.*

Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ для школы и домашняго чтенія. М. 1903 г. Изд. маг. «Книжное дѣло». Стр. 224. Ц. 50 к. Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ разсказовъ нѣкоторые, какъ «Сигналъ» Гаршина, «Человѣкъ за бортомъ» Станюковича и «Мендель Гданскій» М. Конопницкой, не нуждаются, конечно, въ рекомендаціи: они не только пробуждаютъ «чувства добрыя», но и ярки, и художественны. Зато о нѣкоторыхъ изъ остальныхъ разсказовъ нельзя сказать и гораздо меньшаго: они даже не вполнѣ умѣстны въ дешевомъ сборникѣ, предназначенномъ «для школы и домашняго чтенія». Таковъ разсказъ «Судъ Божій» А. Ковальскаго, написанный изысканнымъ и не вполнѣ доступнымъ школьнику языкомъ; таково преданіе о «Цѣлителѣ», которое помимо очень сомнительной художественной цѣнности, можетъ также повести къ путаницѣ въ головѣ ребенка; оговорка о ложности повѣрья, лежащаго въ основѣ этого преданія, сдѣлана вскользь и идетъ въ разрѣзъ съ общимъ тономъ разсказа. Наконецъ, помѣщеніе разсказа «Жестокій мужъ» въ подобномъ сборникѣ совсѣмъ недопустимо: что, кромѣ вреда, можетъ принести школьнику голая и сухая повѣсть о горькой долѣ больной жены у жестокаго мужа, наговоры свекрови на невѣстку, будто эта послѣдняя «приворожила» свекра и была «его любовницей»? Или описаніе дикой сцены, какъ жестокій мужъ смертнымъ боемъ бьетъ свою жену и затѣмъ ѣдетъ домой, крѣпко привязавъ ее къ оглоблѣ? Да и нѣтъ «самоотверженныхъ» въ разсказѣ, а есть только кроткіе, безропотные люди. *Л. В.*

Левъ Даксергофъ. Передъ новой жизнью. М. 1904. Изд. 2-ое. Стр. 454. Ц. 1 р. Его-же. Около душевнаго недуга. М. 1904. Стр. 207. Ц. 80 к. Его-же. Изъ-за человѣка. М. 1904. Стр. 150. Ц. 80 к. У автора есть нѣкоторыя данныя сдѣлаться недурнымъ разсказчикомъ: онъ не лишенъ наблюдательности и искренности, но искать у него оригинальности, силы или новизны было бы напрасно. Удачнѣе остальныхъ его «картины усадебнаго быта»—«Передъ новой жизнью». Здѣсь есть отдѣльные удачные моменты, книжка читается легко, но авторъ, подавленный обиліемъ наблюденій, не съумѣлъ соблюсти перспективы и детали часто заслоняютъ у него суть. Много здѣсь фигуръ, придуманныхъ ad hoc, много не живыхъ, искуственныхъ діалоговъ. Непріятное впечатлѣніе производитъ также пристрастіе автора къ остротамъ; въ большой дозѣ это дѣлается несноснымъ. Сборники «Около душевнаго недуга» и «Изъ-за человѣка» слабы; благія намѣренія и серьезные вопросы, занимающіе въ нихъ автора (главнымъ образомъ, вопросы религіи и совѣсти) не спасаютъ ихъ отъ расплывчатости, безцвѣтности и искусственности. *Л. В.*

Б. П. Никоновъ. Голосъ сердца. Стихотворенія. Спб. 1904. Стр. 216. Ц. 1 р. Ольга Лье. Робкія души. Стихотворенія. Спб. 1904. Стр. 172. Ц. 1 р. «Sehr gute Menschen, aber schlechte Musiker»—оба эти поэта. У обоихъ есть поэтичныя *переживанія*, оба любятъ и ненавидятъ то, что достойно

любви и ненависти, но они не поэты. Это не мѣшаетъ, конечно, каждому изъ нихъ насчитывать въ своемъ сборникѣ нѣсколько удачныхъ стихотвореній; таковы у г. Никонова «Огоньки», «За прялкой» и прекрасный переводъ полнаго мистической поэзіи и тайны стихотворенія Метерлинка: «Et s'il reviendrait un jour». Г-жа Лье, въ противоположность первому автору, отказывается, въ своемъ «вступительномъ словѣ», отъ «возвышающаго обмана» и хочетъ быть пѣвцомъ земного горя, отзвукомъ борьбы и страданія. Такіе пѣвцы особенно нужны въ наше время всяческаго, здороваго и уродливаго индивидуализма, но нужны пѣвцы, а не нытики, нужны сильные люди, твердо знающіе, чего они хотятъ, и умѣющіе *заразить* своимъ хотѣньемъ и другихъ, а не слабые, прекраснодушные, вооруженные одними добрыми намѣреніями стихотворцы. Именно «гражданскія» стихотворенія у г-жи Лье особенно вялы, наивны и прозаичны; гораздо удачнѣе ея стихи изъ области лирики; таковы «восточные мотивы» на 140, 151 стр. или пейзажъ на стр. 98. Форма у обоихъ поэтовъ, вообще далеко не обработанная, страдаетъ часто шероховатостью, неправильными риѳмами и удареніями; таковы: грозна, *болью*-приволье, у двери—пещеры и т. д. У г-жи Лье мы наткнулись на такую странность: «прическа высится небрежно; грудь, прикрытая едва, подъ ними (кружевами) заревомъ пылаетъ» (?). *Л. В.*

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури (стихи и проза). Книгоиздательство «Скорпіонъ». 1904 г. Г. Андрей Бѣлый заявляетъ себя ученикомъ и послѣдователемъ г. Бальмонта. Славя своего учителя въ стихахъ и въ прозѣ, онъ пока еще скроменъ въ своихъ притязаніяхъ и, ловя «голубые восторги» автора «Будемъ какъ солнце», довольствуется лучами заходящаго свѣтила: «Закатъ догорѣлъ полосой,—огонь тамъ для сердца не нуженъ:—тамъ матовой, узкой каймой—протянута нитка жемчужинъ». Эта «нитка жемчужинъ», вѣроятно, и есть символическое изображеніе собственныхъ произведеній молодого поэта, который назвалъ свой сборникъ «Золото въ лазури» на томъ основаніи, что облака «въ золотистой дали» окрашиваются порой и въ золотистый цвѣтъ. Правда, тутъ же они уподобляются и рубинамъ, и «краснымъ льдинамъ», и, далѣе, бисеру, наконецъ, жемчугу: читатель могъ бы по произволу выбрать любой изъ этихъ уподобленій: символъ неустойчивъ и въ этомъ уже заключается существенный недостатокъ подражательнаго заглавія. Ибо какъ бы ни относились къ «солнцу» г. Бальмонта, онъ имѣлъ въ виду именно солнце и ничѣмъ другимъ этотъ образъ не можетъ быть замѣненъ въ приданномъ ему авторомъ значеніи; слѣдовательно, онъ органически связанъ съ данной мыслью поэта. У г. Бѣлаго—эпитетъ произволенъ, заявленіе автора: «огонь тамъ для сердца не нуженъ» (тамъ—т.-е. передъ лицомъ «бирюзовой Вѣчности») не вяжется съ признаніемъ самого г. Бальмонта, что, полюбивъ «возвышенность горъ», онъ понялъ, «но *сердцемъ*,—о нѣтъ, не умомъ», что въ мірѣ—только любовь («Только любовь», 1903, 211—212). И г. Бальмонтъ, какъ поэтъ, совершенно правъ; г. Бѣлый, наоборотъ, желаетъ, повидимому, расхолодить читателя и завѣрить насъ, что есть, что возможна поэзія безъ «огня сердца». Мы думаемъ, что такой поэзіи быть не можетъ даже на самыя отвлеченныя, философскія темы, иначе получится лишь разсудочная риторика, а не поэзія. Идею нужно прочувствовать сердцемъ, чтобы облечь ее въ соотвѣтственный поэтическій образъ, безъ этого никакой поэзіи нѣтъ. Умомъ воспринятыя мысли и настроенія въ стихотвореніяхъ г. Андрея Бѣлаго, не свободнаго отъ внѣшней подражательности въ ихъ выраженіи, составляютъ самую слабую часть его сборника, хотя авторъ, въ общемъ, далеко не лишенъ непосредственныхъ дарованій. Ошибочно, на нашъ взглядъ, смѣшивать простую подражательность съ тѣмъ, что называется «школой». Въ журналѣ «Вѣсы», № 3, за текущій годъ, журналѣ, служащемъ главнымъ органомъ теоретическаго

обоснованія положеній группы поэтовъ направленія, которому присвоено названіе «декадентскаго», поставленъ вопросъ: «Возможна ли школа въ поэзіи?» и тутъ же дается утвердительный отвѣтъ, причемъ далѣе указано, что «образованіе у насъ «декадентской» школы поэтовъ надо было бы привѣтствовать». Недостатку *школы* у русскихъ поэтовъ авторъ цитируемой замѣтки приписываетъ и то обстоятельство, что «русскій стихъ, достигающій у отдѣльныхъ художниковъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ, Фетъ, величайшаго совершенства, у нашихъ второстепенныхъ поэтовъ (даже такихъ, какъ Апухтинъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Жемчужниковъ)—тусклъ, однообразенъ»... «Каждый, пишущій стихи, начинаетъ работу чуть не сначала». Мы ничего не имѣемъ противъ «преемственности въ техникѣ стиха», противъ «школы въ искусствѣ» (съ оговоркой, справедливо вставленной и въ указанной замѣткѣ г. Сбирко, что «мастерству стиха учиться можно и должно—только *поэтамъ*»), но ставимъ вопросъ—почему преемственность должна быть именно въ «декадентствѣ», а не въ тѣхъ положительныхъ свойствахъ поэзіи того же г. Бальмонта, безусловнаго виртуоза въ техникѣ стиха? Почему, далѣе, значеніе «школы» низводить къ простой подражательности и заимствованію готовыхъ формулъ и оборотовъ? Въ этомъ кроется недоразумѣніе. Разумѣется возможна «школа» въ поэзіи, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ искусства, но столь же вѣрно, что дѣйствительно оригинальные и выдающіеся художники обособляются отъ вліянія школы, чтобы занять самостоятельное мѣсто въ пантеонѣ поэтовъ, писателей, художниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Школа для нихъ—переходная инстанція и только лишенные оригинальной индивидуальности художники на томъ или другомъ поприщѣ искусства остаются представителями, зачастую даже безымянными, «школы» такого-то или такого-то маестро. «Школа» можетъ, конечно, опредѣляться не однимъ личнымъ вліяніемъ выдающагося писателя, но и цѣлымъ направленіемъ. Въ такомъ случаѣ, однако, именно образованіе «декадентской» школы у насъ всего менѣе желательно. Мы настаиваемъ на положеніи, которое намъ приходилось уже не разъ высказывать, что такъ называемое «декадентство» есть пережитый, болѣзненный фазисъ въ умственной жизни конца прошлаго вѣка,—ueberwundene Standpunkt,—и желаніе упрочить традиціи этого переходнаго момента, отрицательные симптомы котораго въ достаточной мѣрѣ обнаружены и сознаны всѣми передовыми умами настоящаго, не можетъ вызвать сочувствія. Если неправильно было огульное отрицательное отношеніе «старовѣровъ» въ искусствѣ ко всѣмъ проявленіямъ новаго индивидуальнаго творчества, причемъ зачастую отрицаніе зиждилось на простомъ непониманіи, то столь же неправильно отстаивать сознанные недостатки «декадентства». Поэтому—избави Богъ отъ такой школы. Да и обличителями зачастую выступаютъ и выступали писатели, сами перенесшіе эту «корь». Намъ вспоминается, напримѣръ, прекрасное стихотвореніе г-жи Гиппіусъ, безъ всякаго «декадентства», въ которомъ звучитъ, повидимому, искреннее раскаяніе въ ошибочно избранномъ пути: «Мы судимъ, говоримъ порою такъ прекрасно—и мнится: силы намъ великія даны.—Мы проповѣдуемъ собой упоены, и всѣхъ зовемъ къ себѣ рѣшительно и властно.—Увы намъ: мы идемъ дорогою опасной»... и т. д. Г-жа Гиппіусъ вполнѣ права и надо свернуть съ «опаснаго пути», когда пробудилось сознаніе въ его невѣрности.

Выдающіеся писатели на Западѣ, и прежде всего Метерлинкъ, если нужно давать имена, уже давно пошли инымъ путемъ. Въ сборникѣ г. Андрея Бѣлаго мы также находимъ довольно безпощадное обличеніе недавно еще моднаго «декадентскаго» настроенія: «Стоялъ я дуракомъ,—пишетъ г. А. Бѣлый, въ вѣнцѣ своемъ огнистомъ, въ хитонѣ золотистомъ, скрѣпленномъ аметистомъ,—Одинъ, одинъ, какъ столпъ, въ пустыняхъ удаленныхъ, и ждалъ народныхъ толпъ—колѣнопреклоненныхъ»... Изъ этого ожиданія, очевидно, ничего не вышло и

не могло выйти и нельзя не оцѣнить мужества, съ которымъ авторъ предаетъ печати признанія о постигшемъ его разочарованіи послѣ неудачной попытки возомнить себя новымъ Мессіей... Приведенные въ сборникѣ опыты «вѣщихъ реченій» въ символической оболочкѣ, въ стихахъ и въ прозѣ, представляются дѣйствительно скорѣе наущеніями «лукаваго соблазнителя», чѣмъ плодомъ поэтическаго вдохновенія и авторъ правъ въ своемъ желаніи избавиться отъ подобныхъ «навожденій»... За желаніемъ пусть послѣдуетъ и исполненіе... и тогда мы будемъ избавлены отъ такихъ образцовъ безвкусицы, какъ, напр., стихотвореніе «На горахъ», гдѣ къ автору, испытывающему на возвышенности «очистительный холодъ» притащился горбунъ сѣдовласый, принесшій поэту въ подарокъ «изъ подземныхъ теплицъ ананасы»:

Голосилъ
Низкимъ басомъ.
Въ небеса запустилъ
Ананасомъ (!..).

А поэтъ въ свою очередь, «подкравшися бокомъ—Горбуна окатилъ свѣтопѣннымъ потокомъ»... Подобныя стихотворенія могутъ служить развѣ что показателемъ того, какъ писать не слѣдуетъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ г. А. Бѣлый даетъ не мало образцовъ и хорошаго писанія; въ немъ чуется свѣжій талантъ, умѣющій въ немногихъ, мѣткихъ чертахъ передать живую картинку, проникнутую опредѣленнымъ настроеніемъ, или выразить лирическій порывъ. Оригинальна и мѣстами весьма «стильна» серія миніатюръ, подъ общимъ заглавіемъ «Теперь и прежде», въ романтической окраскѣ былого (за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ стихотвореніи «Отставной военный», которыя сбиваются на плохіе куплеты); хороши «Закаты», «Одинъ», «Осень» и др. Авторъ умѣетъ сообщить новое выраженіе извѣданному чувству, придать особый оттѣнокъ личному впечатлѣнію, разнообразить структуру стиха и достичь искусной простоты формы. Но это не всегда ему удается и параллельно удачнымъ есть не мало и неудачныхъ оборотовъ и слишкомъ громоздкихъ эпитетовъ. Такъ, въ составныхъ прилагательныхъ авторъ выказываетъ непомѣрное влеченіе къ «виннымъ» сравненіямъ: «винно-красная мечта» (24), «винно-золотистая печаль» (12), «міровинное зелье» (29). Даже «контуръ солнца» оказывается «апельсиннымъ (!) и виннымъ»... (51). Вычуренъ эпитетъ «пѣнно-пирная влага» (10), и еще искусственнѣе—«Безмірноблѣдная вѣчность» (122). Совсѣмъ неудаченъ стихъ: «Воздушность мчалась тканью вѣчно-пьяной» .. (144). Не можемъ мы сочувствовать и частымъ неправильностямъ въ удареніяхъ, въ угоду стиху: искрàсь (24), стрàду (96), шàкалъ (риѳма съ—заплакалъ, 236) и т. п. Удивительны — крылья «стрекозовыя» (58). Авторъ иногда дѣлаетъ поразительные переходы отъ возвышеннаго къ тривіальному, допуская даже жаргонныя выраженія. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи «Забота», построенномъ на контрастахъ возвышеннаго настроенія и прозы житейской, авторъ, заявивъ о своемъ молитвенномъ настроеніи «средь влажныхъ, вечернихъ луговъ», поясняетъ далѣе (стр. 241):

Все было въ дому зажжено...
Мы въ пóльтахъ (!!.) осенних сидѣли.
Друзья отворили окно...
Поспѣшно калоши надѣли (!)...

Если это симптомъ «декадентской школы», то намъ остается только пожелать еще разъ, вмѣстѣ съ авторомъ,—«избави насъ отъ лукаваго»... и тогда онъ встанетъ на настоящій путь поэзіи, обладая, несмотря на всѣ указанныя неровности, качествами неподдѣльнаго поэтическаго дарованія.

Ѳ. Батюшковъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Сочиненія А. С. Пушкина".—*Филиппъ Монье.*—„Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка.

Сочиненія А. С. Пушкина. (Редакція П. А. Ефремова. Томъ VII. (Письма Пушкина). Спб. 1903 г. Стр. 692. Новыя изданія сочиненій Пушкина обыкновенно даютъ очень мало новаго матеріала по сравненію съ прежними изданіями. Самое большее, если въ нихъ появятся новые варіанты давно извѣстныхъ произведеній или какая-нибудь эпиграмма, не пропускавшаяся раньше цензурой; въ лучшемъ случаѣ явится какая-нибудь поэтическая мелочь, вышедшая изъ-подъ пушкинскаго пера и сохранившаяся въ чьемъ-нибудь альбомѣ. Другое дѣло—письма Пушкина. Число этихъ драгоцѣннѣйшихъ, для біографіи и характеристики великаго поэта, документовъ, этихъ великолѣпнѣйшихъ образцовъ русской эпистолярной прозы, увеличивается чуть не ежегодно.

Въ прежнихъ полныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, вышедшихъ послѣ 1887 года, обыкновенно перепечатывались съ небольшими дополненіями письма поэта, собранныя въ VII томѣ изданія, предпринятаго «Литературнымъ фондомъ». Въ новомъ изданіи подъ редакціей г. Ефремова напечатано, не считая черновыхъ набросковъ, около 120 писемъ Пушкина, не вошедшихъ въ прежнія изданія его сочиненій. Большая часть этихъ писемъ была уже прежде напечатана въ разнаго рода спеціальныхъ журналахъ и сборникахъ, но кое-что напечатано впервые. Г-ну Ефремову удалось списать и свѣрить съ подлинниками до сорока писемъ Пушкина къ гр. Бенкендорфу, «изъ которыхъ многія не только не были напечатаны, но даже не упоминались въ печати, а другія появлялись въ короткихъ извлеченіяхъ и отрывкахъ или въ простомъ пересказѣ». Кромѣ того впервые напечатано нѣсколько черновыхъ писемъ Пушкина изъ тетрадей Анненкова. Наконецъ, многія прежде напечатанныя письма были свѣрены съ подлинниками и явились въ болѣе полномъ видѣ.

Кромѣ писемъ и записокъ Пушкина, общее число которыхъ доходитъ до 610-ти, въ VII т. редактируемаго г. Ефремовымъ изданія перепечатанъ въ хронологической послѣдовательности цѣлый рядъ интересныхъ документовъ, касающихся личности Пушкина, напримѣръ: метрическое свидѣтельство, лицейскій аттестатъ, отзывъ Инзова о поведеніи Пушкина, ложный доносъ Скобелева съ пожеланіемъ, чтобы молодой поэтъ «лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры», показанія Пушкина по поводу элегіи «Андре Шенье» и поэмы «Гавриліада», брачный обыскъ Пушкина съ безграмотной подписью его тестя («Къ сему обыску по невѣстѣ (!) Отецъ ея, Коллегскій Асессоръ, Николай Аѳанасьевъ сынъ Ганчеровъ (!), руку приложилъ») и др. Среди этихъ документовъ находится не мало отзывовъ императора Николая I о Пушкинѣ.

С. А.

Филиппъ Монье. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кватроченто. Переводъ съ французскаго К. С. Шварсалона. Спб. 1904. Цѣна 4 рубля. Стр. 592. Книга Монье представляетъ собою очень живую и обстоятельную характеристику позднѣйшей эпохи итальянскаго возрожденія. Кватроченто—это обозначаетъ XV-ый вѣкъ, хотя мы не совсѣмъ ясно понимаемъ, зачѣмъ переводчикъ удержалъ это общеупотребительное въ иностранной научной литературѣ, но нѣсколько диковинное для русскаго читательскаго уха обозначеніе. (Тѣмъ болѣе, что ни малѣйшей въ немъ нужды—по существу—нѣтъ).

Вотъ какъ характеризуетъ во введеніи въ немногихъ словахъ авторъ пятнадцатое столѣтіе: «На протяженіи этихъ ста лѣтъ выработался и сформировался нашъ современный духовный міръ. До этого періода были: коммуны,

схоластика, толпа; послѣ него—государство, свободное изслѣдованіе, личность! Раньше были въ силѣ «a priori» того или другого авторитета и безусловная вѣра въ аскетизмъ; теперь ихъ мѣсто занимаютъ: экспериментальный методъ, торжество разума, торжество веселья; прежде были св. Ѳома, Данте, Джіотто; теперь выступили—Макіавелли, Аретинъ, Винчи,—словомъ, до XV вѣка были средніе вѣка; послѣ него—новые вѣка! Ста лѣтъ было достаточно, чтобы дать иное направленіе мысли, иной ходъ исторіи, иной видъ всему человѣчеству: оно возвысилось благодаря открытію новаго свѣта—Америки; оно направляется на путь, который и будетъ продолжать, и который въ эпоху реформаціи и революціи будетъ въ сущности лишь расчищенъ и законченъ. Такимъ образомъ Кватроченто, занимая мѣсто на поворотѣ исторіи, является переходнымъ вѣкомъ по преимуществу и, какъ таковой, онъ богатъ контрастами и противорѣчіями, изобилуетъ анахронизмами и отступленіями отъ нормы; усѣянъ обломками старой и зачатками новой жизни, развалинами прежнихъ построекъ и набросками новыхъ; традиціями и предчувствіями, которыя возникаютъ, рушатся или смѣшиваются въ непрерывной работѣ». Это сложное время авторъ изучилъ прямо изумительно, — въ такихъ деталяхъ, въ такихъ малоизвѣстныхъ, мелкихъ, но почти всегда характерныхъ фактахъ,—что эта книга, несмотря на популярное изложеніе и на цѣли автора, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи, можетъ назваться серьезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. У насъ по возрожденію, вообще, имѣется мало книгъ—какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. Огромная работа покойнаго Корелина—громоздка, да и не даетъ, въ сущности, цѣльнаго представленія объ эпохѣ; кромѣ того, она посвящена первымъ временамъ ренессанса, а не позднѣйшимъ. Классическій трудъ Буркгардта переведенъ пребезобразно; книга Лудвига Гейгера (изъ коллекціи Онкена) переведена превосходно, но только въ той своей части, которая касается гуманизма въ Германіи, а не въ Италіи. При подобныхъ обстоятельствахъ работа Монье, цѣнная сама по себѣ, является особенно желанной гостьей на нашемъ книжномъ рынкѣ.

Укажемъ теперь на нѣкоторые недочеты этого труда. Во-первыхъ, съ изумленіемъ встрѣтили мы отсутствіе характеристики философскаго скептицизма Пьетро Помпонацци, которой бо́льшую часть жизни прожилъ въ XV вѣкѣ, а меньшую—въ XVI; впрочемъ, вѣдь, относительно другихъ дѣятелей авторъ не такъ строгъ и относитъ ихъ къ «кватроченто», хотя они тоже жили и въ началѣ XVI вѣка (да иначе и нельзя дѣлать историку, который гонится за уловленіемъ внутренняго смысла явленій, а не за хронологической формалистикою). Безъ Помпонацци, этого логическаго завершенія всѣхъ предшествовавшихъ скептическихъ теченій, читатель не пойметъ въ точности духа и значенія итальянскаго скептицизма.

Во-вторыхъ, вотъ что читаемъ на стр. 256 о флорентійскомъ соборѣ 1439 года (извѣстномъ попыткою уніи, возсоединенія церквей: «въ первый разъ въ Новой Италіи приходятъ въ соприкосновеніе два генія: геній Востока и геній Запада. Двѣ древнія цивилизаціи—Эллады и Италіи, которыя нѣкогда освѣщали міръ, снова встрѣтились вмѣстѣ, въ промежутокъ времени отъ 16-го февраля 1439 года по 6-е іюня того же года, пока продолжался соборъ; онѣ другъ друга отталкиваютъ, нападаютъ другъ на друга, стараются обойти другъ друга, схватываются и овладѣваютъ другъ другомъ. Вѣдь не слѣдуетъ заблуждаться въ данномъ случаѣ: важнѣе догматическихъ вопросовъ о Filioque и о главенствѣ римской церкви, которые дебатировались въ Санта Марія Новелла со всѣми тонкостями, какія подобаютъ предмету, важнѣе ихъ была война, объявленная между двумя племенами, между двумя культурами». Все это, конечно, чистѣйшая фантазія: Монье увлекся антитезами. Вообще, у него замѣтна излишняя, такъ сказать, словесность, безъ которой смѣло можно было

бы обойтись. Чтобы изъ флорентійскаго собора сочинить какой-то поединокъ двухъ культуръ, для этого нужно имѣть немалую дозу романтизма въ своихъ историческихъ воззрѣніяхъ; но, кромѣ того, просто слогъ иногда увлекаетъ нашего автора. Очень ужъ любитъ онъ декламировать и приходить въ восторгъ, а это въ большихъ дозахъ бываетъ для читателя изнурительно; впрочемъ такихъ изнурительныхъ мѣстъ у Монье немного.

Въ-третьихъ, эволюція, чрезъ которую прошла съ конца XIV по начало XVI вв. городская демократія, остается совершенно невыясненною. Нѣтъ у автора даже и попытки хотя бы изложить, свести—тѣ взгляды, которые были высказаны изслѣдователями соціально-экономической исторіи возрожденія относительно причинъ возникновенія итальянскаго тиранизма. Что, какъ не безсодержательный наборъ фразъ, такое, напр., «противуположеніе» XV вѣка предшествующему времени: «торговля замѣняетъ войну. Въ мирное время въ торговлѣ видятъ цѣль жизни и средство выдвинуться. Общественная жизнь перестаетъ быть борьбою за національную независимость, она превратилась въ борьбу за національные торговые интересы». Какъ будто при Фридрихѣ Барбаросѣ, при Фридрихѣ II, въ концѣ XIII вѣка, въ теченіе всего XIV в. не было въ Италіи торговли, которая вызывала свирѣпѣйшія войны, причемъ, конечно, «національная независимость» пріобрѣталась и утрачивалась въ зависимости отъ результатовъ войны, вмѣстѣ съ «національными торговыми интересами»! Слишкомъ ужъ авторъ—историкъ литературы и искусства; если бы онъ при этомъ былъ, хоть немножко, и «просто» историкомъ,—читатель много выигралъ бы въ пониманіи той *почвы*, на которой выросли всѣ эти такъ живо и занимательно описываемыя явленія литературы и культурной жизни.

Таковы главные недостатки, замѣченные нами въ книгѣ Монье. Они съ избыткомъ вознаграждаются поражающимъ богатствомъ и умѣлымъ расположеніемъ фактическаго матеріала, талантливымъ выборомъ и подчеркиваніемъ главнаго, существеннаго; наконецъ, тонкостью критическаго чутья, высказываемаго какъ относительно произведеній литературы, такъ и тамъ, гдѣ рѣчь даже случайно заходитъ объ изобразительныхъ искусствахъ. Вообще, какъ критикъ, онъ удивительно тонокъ и уменъ. Нѣтъ у него того надутаго педантизма, того курьезнаго даванья совѣтовъ и выговоровъ художественнымъ талантамъ съ высоты собственнаго ничтожества, что столь противно поражаетъ у многихъ и многихъ современныхъ намъ зоиловъ. Онъ склоненъ бесѣдовать съ разбираемымъ художникомъ «какъ равный съ равнымъ», а не какъ «генералъ отъ правильныхъ убѣжденій» съ провинившимся и «уклонившимся» подпоручикомъ. Таковъ Монье въ обращеніи и съ художниками слова (какъ въ этой книгѣ), и съ художниками кисти и рѣзца тамъ, гдѣ ему приходилось ихъ касаться. *Т.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Н. М. Павловъ. „Русская исторія до новѣйшихъ временъ".—*Н. И. Карѣевъ.* „Государство-городъ античнаго міра".

Н. М. Павловъ. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія (1362 — 1862 г.). Томъ второй. М. 1904. in 8-vo. Стр. IV + 344. Ц. 1 руб. 50 коп. Книга г. Павлова, только что вышедшая въ свѣтъ, издана очень опрятно и недорого, напечатана на хорошей бумагѣ и четкимъ шрифтомъ. Что еще можно сказать о ней лестнаго? Кажется, больше ничего. Весь томъ посвященъ княженію Василія Васильевича Темнаго, и нужно удивляться мастерству, съ какимъ авторъ одну мелочь на-

низываетъ на другую, а изъ княженія Темнаго—сдѣлалъ «эпоху». *Эпоха* не удалась, а полуторарублевый томъ вышелъ, привлекая своимъ заголовкомъ неопытнаго читателя. «Эпоха Василія Темнаго, шутливо замѣчаетъ авторъ (стр. 300),—составляетъ въ исторіи московскаго княжества, нѣкоторымъ образомъ, крайній предѣлъ; имъ можно бы сказать, заключилось то первоначальное состояніе московскаго княженія, въ какомъ оставилъ его еще Иванъ Даниловичъ Калита, когда оно глядѣло уже отчасти державнымъ господарствомъ среди прочихъ княжествъ, а отчасти напоминало и вотчину старинныхъ удѣльныхъ временъ». Такихъ сентенцій, неопредѣленныхъ и смутныхъ, не мало можно найти въ книгѣ г. Павлова, который подъ историческимъ изложеніемъ разумѣетъ груду безсодержательныхъ фразъ, а подъ русскою читающею публикой—толпу невзыскательныхъ чудаковъ и наивныхъ щеголихъ. Кто не знаетъ извѣстнаго книжнаго сказанія о Москвѣ *третьемъ Римѣ*, столь остроумно изученнаго въ трудахъ гг. Ключевскаго и Милюкова? Г. Павловъ усмотрѣлъ въ этомъ сказаніи проявленіе какого-то либерализма и началъ жестокую канонаду противъ книжниковъ въ защиту русскаго народа. Читать эту полемику г. Павлова было бы очень смѣшно, если бы не было грустно отъ этой тупой схоластики и не было страшно отъ дерзости мистифицировать русскаго читателя. «И соблазнъ ханскаго самовластія, украшеннаго еще величавостью императорскихъ преданій Византіи,—читаемъ у г. Павлова (стр. 305, 307),—прикасался уже отраженіями своими смутнаго сознанія подобныхъ грамотниковъ, мечтавшихъ о Москвѣ, какъ о *третьемъ Римѣ*... Римство не входило въ нравы москвитянъ..., безъ преувеличенія можно сказать—и уподобленіе Москвы Цареграду, какъ второму Риму, было чуждо русскому народному воззрѣнію, претило духу русскаго народа и смущало совѣсть православныхъ христіанъ. Если мало-по-малу соблазнъ такого рода и возымѣлъ напослѣдокъ начало—русскій народъ не былъ повиненъ въ томъ; никому изъ истинныхъ сыновъ Руси чего-либо подобнаго и въ голову не приходило». «Если,—заключаетъ авторъ—шутникъ свою книгу,—при внукахъ и правнукахъ Темнаго, тѣ или другія *мечтанныя* (sic!) представленія, дѣйствительно, породили въ нѣкоторой части духовенства смутные толки о Москвѣ, какъ о *третьемъ Римѣ*, — такой соблазнъ былъ удѣломъ лишь весьма немногихъ» (стр. 308). Авторъ считаетъ себя знатокомъ «духа русскаго народа», но отчего бы ему, прежде чѣмъ выступать съ характеристикой этого «духа», не поучиться немного азбукѣ современнаго историческаго знанія? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ любое брюзжанье, происходящее отъ дурной погоды, печатать и преподносить читателю?! А какъ прелестно написана у г. Павлова глава «Лжемитрополитъ Исидоръ и Флорентійскій соборъ»! Она прежде всего хороша тѣмъ, что написана не при помощи историческихъ источниковъ, а на основаніи незримыхъ вѣяній «народнаго духа»... «Давно еще, пишетъ г. Павловъ (стр. 50), со временъ митрополита Ѳеогноста, стали замѣчать на Руси козни растлѣнной Византіи, искавшей помощи на западѣ и находившей уже свои выгоды въ сближеніи съ латинствомъ... Народное чувство смущалось... Съ самаго крещенія русской земли подчиненіе ея папскому престолу составляло — какъ общеизвѣстно — неутомимѣйшее алканіе Рима» (стр. 51, 53). Исидоръ характеризуется попросту: это — «истый гречинъ по духу византійскаго патріотизма», въ которомъ «подозрѣвали даже серба-болгарина». Исидоръ «произвелъ еще на всѣхъ тягостное впечатлѣніе человѣка, мнившаго себя мудрѣйшимъ всѣхъ быть». Авторъ съ восторгомъ набрасывается на Исидора за то, что послѣдній «объ русской землѣ заранѣе составилъ себѣ понятія, какъ о варварской странѣ, гдѣ грубое и невѣжественное духовенство некнижно и безграмотно». Весь разсказъ — пестрая мозаика внѣшнихъ фактовъ, псевдо-этическихъ замѣчаній, лирическихъ фразъ и проявленій наивно-лѣтописнаго настроенія. Ни тѣни изслѣдованія, ни малѣйшей попытки анализа

или сознательнаго отношенія къ отечественному прошлому. Глава пятая озаглавлена у нашего автора довольно поэтически «Шемякино лихое время», и мы искренно сожалѣемъ, что г. Павловъ не напишетъ стиховъ въ декадентскомъ стилѣ: на этомъ послѣднемъ поприщѣ гораздо легче дѣйствовать безъ элементовъ научнаго знанія, а печальная извѣстность можетъ быть достигнута въ еще болѣе короткое время. Но... г. Павлову спать не даютъ лавры блаженной памяти Карамзина! Въ главѣ «Шемякино лихое время» первый раздѣлъ носитъ наименованіе «Коварный ковъ Шемяки». Страшные эпитеты въ заголовкахъ то и дѣло мелькаютъ и въ самомъ разсказѣ, на которомъ, конечно, останавливаться не стоитъ, какъ не стоило вновь пересказывать то, что съ успѣхомъ можно прочитать хотя бы у С. М. Соловьева. По крайней мѣрѣ у послѣдняго нѣтъ ни вычурныхъ украшеній, ни причитаній. А то посмотрите какой стилистикой сразу огорошиваетъ своего читателя нашъ почтенный лирикъ. Перечисливъ братьевъ великаго князя Василія Димитріевича, г. Павловъ говоритъ о сынѣ его Василіѣ такъ: «Народившійся на великомъ княженьи сынъ его всѣми же былъ почитаемъ превосходнѣе ихъ (т.-е. братьевъ своего отца) родомъ и еще съ дѣтскихъ лѣтъ уже былъ именуемъ старшимъ противъ своихъ дядей: во всѣхъ грамотахъ его писали впереди ихъ. Державный родитель такъ и воспитывалъ единороднаго своего въ равной чести съ собою, чтобы—пріучивъ всѣхъ почитать его превыше остального княжескаго дома—передать ему и престолъ послѣ себя. Одинъ онъ, такимъ образомъ, Василій Васильевичъ и почитался законнымъ преемникомъ московскаго державства. Не только горестнымъ плачемъ, поэтому, но и торжественнымъ изъявленіемъ чувствъ радостныхъ—(являя тѣмъ примѣръ, можно бы сказать, на всѣ предбудущія времена) торжественнымъ выраженіемъ вѣрноподданства наполнился великокняжескій дворецъ въ ту ночь, когда старшій сынъ-преемникъ Донского, завершивъ свое не безъ чести проведенное долговременное княженье, закрылъ глаза на вѣки».

Можно, конечно, писать отечественную исторію, что называется, въ патріотическомъ стилѣ, но это надо дѣлать тонко, серьезно, умно, чтобы читатель ни на минуту не сомнѣвался ни въ искренности, ни въ учености писателя. Грубое прикосновеніе неуклюжаго дифирамба достигаетъ всегда обратной цѣли, а если оно къ тому же блещетъ отсутствіемъ хотя бы элементарной научности, то писатель смѣло можетъ расчитывать на враждебное къ нему отношеніе и критики, и публики. Мы не отрицаемъ, правда, у г. Павлова одного крупнаго достоинства — удивительной выдержанности настроенія и чрезвычайнаго терпѣнія написать пять томовъ русской исторіи, классически утомительныхъ по своему однообразію. Ни одного живого лица, ни одной живой мысли, ни малѣйшаго анализа историческихъ явленій. Это — какая-то безконечная великопостная схема съ людьми безъ лицъ и съ событіями безъ всякаго внутренняго смысла. *В. Сторожевъ.*

Н. И. Карѣевъ Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ картами. Ц. 1 р. 50 к. Государство-городъ—такая политическая форма, которую хорошо знаютъ и древность, и средніе вѣка и которая не вполнѣ исчезла даже изъ современнаго государственнаго обихода. Такая универсальность формы дѣлаетъ вполнѣ законной даже a priori попытку ея разсмотрѣнія, какъ типа, которую дѣлаетъ въ своей книгѣ проф. Н. И. Карѣевъ. Связанный условіями преподаванія и степенью подготовки аудиторіи (книга составилась изъ лекцій, читанныхъ въ Спб. политехническомъ институтѣ), авторъ ограничилъ свою задачу одной древностью, какъ эпохой наибольшаго процвѣтанія государства-города. Древняя исторія тоже не использована авторомъ вполнѣ; онъ беретъ только греко-римскій міръ, оставляя въ сторонѣ

семитическія формы (финикійскія и карѳагенскія общины). Авторъ вполнѣ сознаетъ научныя неудобства такого ограниченія задачи; онъ подчеркиваетъ въ предисловіи, что въ данномъ случаѣ онъ не производитъ работы соціолога, при которой потребовалось бы привлеченіе къ дѣлу гораздо болѣе обширнаго матеріала. Свой методъ онъ называлъ типологическимъ; цѣль такого метода—обрисовка историческаго типа, и для этой цѣли вполнѣ достаточно того матеріала, которымъ ограничивается проф. Карѣевъ въ разсматриваемой книгѣ.

Дать полную картину государства - города въ греко-римскомъ мірѣ значитъ до извѣстной степени выяснить внутреннюю эволюцію государствъ Эллады и такого сложнаго политическаго центра, какъ Римъ. Книга проф. Карѣева и прослѣживаетъ эту внутреннюю эволюцію. Чтобы лучше сосредоточиться по своей задачѣ, авторъ принужденъ отбросить всю внѣшнюю исторію, и такая экономія мѣста даетъ ему возможность привлечь къ дѣлу матеріалъ, который обыкновенно мало утилизируется въ такихъ научно-популярныхъ работахъ. Благодаря этому мы имѣемъ свѣжій по матеріалу и оригинальный по замыслу курсъ, изображающій соціально-политическую, а отчасти и культурную эволюцію древняго міра.

Схема, положенная проф. Карѣевымъ въ основаніи своей книги, эволюціонная схема. Онъ слѣдитъ за зачатками городовъ - государствъ, за ихъ постепеннымъ развитіемъ, за развитіемъ хозяйственныхъ отношеній, за усложненіемъ въ нихъ соціальнаго уклада, за расширеніемъ ихъ политическихъ функцій вплоть до высшаго торжества города - государства—превращенія Рима въ универсальную монархію.

Типологическій методъ г. Карѣева не лишенъ недостатковъ, какъ и всякое искусственное изображеніе эволюціи человѣческихъ обществъ. Но онъ имѣетъ и нѣкоторыя довольно большія удобства. Научное его значеніе заключается въ томъ, что выводы типологическаго изученія даютъ непосредственный матеріалъ для высшихъ соціологическихъ обобщеній; притомъ доставляемый такимъ путемъ матеріалъ является въ болѣе или менѣе натуральномъ видѣ, мало изуродованный человѣческой логикою. А логика въ этихъ случаяхъ, какъ извѣстно, нѣчто весьма опасное для историческихъ построеній. Едва ли не наиболѣе классическимъ образцомъ логической схемы является знаменитая книга Фюстель-де-Куланжа, занимающаяся какъ разъ тѣми же вопросами, которымъ посвящена и книга г. Карѣева. Но выводы Куланжа совершенно не могутъ быть взяты въ видѣ матеріала для соціологическихъ обобщеній потому, что они представляютъ всю эволюцію греко-римскаго міра въ совершенно извращенномъ видѣ. Куланжъ рѣшилъ, что основной моментъ, изъ котораго вытекаютъ политическія, соціальныя, экономическія отношенія древняго міра—это вѣрованія. Доказательство этой идеи ведется съ неподражаемымъ мастерствомъ, книга, въ которой она доказывается—геніальная книга, и все-таки выводы ея въ корнѣ ложны. Случилось это потому, что вся операція носитъ чуждый исторической наукѣ характеръ дедукціи; матеріалъ подбирался уже къ готовой идеѣ, а не обусловливалъ выводы. Книга г. Карѣева, благодаря положенному въ ея основу типологическому методу, этого недостатка не имѣетъ. Г. Карѣевъ слишкомъ осторожный историкъ, чтобъ увлечься односторонней логической схемою. Онъ освѣщаетъ всѣ стороны эволюціи общественной жизни; его выводы не вызываютъ никакихъ сомнѣній общаго свойства и могутъ послужить хорошимъ матеріаломъ для соціологическихъ обобщеній.

Это, мнѣ кажется, главное научное значеніе типологическихъ этюдовъ и въ частности книги проф. Карѣева. Какъ *изслѣдованіе*, она не претендуетъ на самостоятельное значеніе: авторъ самъ проситъ смотрѣть на нее, какъ на «курсъ, подводящій итоги подъ общими выводами современной науки, а не какъ на самостоятельное изслѣдованіе». Во всякомъ случаѣ книга будетъ очень

полезна русскому читателю, если принять во вниманіе бѣдность нашей исторической литературы популярными, но вполнѣ отвѣчающими современнымъ научнымъ требованіямъ, пособіями.

Къ книгѣ приложены карты и нѣкоторые отрывки изъ старыхъ и новыхъ историковъ, касающіеся важнѣйшихъ сторонъ внутренней жизни античнаго государства-города.

Проф. Карѣевъ готовитъ и другіе такіе же типологическіе этюды, о монархіяхъ древняго міра, о сословной монархіи, о конституціонной монархіи.

А. Дж.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

А. В. Мезьеръ. „Изъ хроники одного ирландскаго семейства". — Общедоступная библіотека правовѣдѣнія общества распространенія полезныхъ книгъ.— *В. Алексѣевъ.* „Земскіе соборы древней Руси".—*Ю. А. Бѣляевская.* „Англія".— *И. Н. Коварскій.* „Современная Японія".

А. В. Мезьеръ. Изъ прошлаго одного ирландскаго семейства. (Что было въ Ирландіи шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ). Передѣлано съ англійскаго. Изд. П. П. Гершунина. Спб. Ц. 50 к. Стр. 122. Книга Мезьеръ—передѣлка романа А. Кэри, написаннаго въ 80-хъ годахъ, «Ирландія сорокъ лѣтъ назадъ». Указавъ на это въ предисловіи, авторъ прибавляетъ, что имъ были сдѣланы кое-какія небольшія добавленія и кое-гдѣ сокращенія. Переработанный такимъ образомъ романъ даетъ довольно яркую картинку жизни и бѣдствій ирландскаго народа въ сороковые годы; попутно авторъ знакомитъ читателя съ исторіей ирландскаго народа и главнѣйшими моментами борьбы его за свободу и независимость. Бѣдствія ирландскаго крестьянина, обращеннаго завоевателями—англійскими лендлордами—въ полуголодныхъ арендаторовъ и батраковъ, каждый день рискующихъ остаться безъ куска хлѣба, производятъ въ описаніи автора, сильное впечатлѣніе. Неурожаи 1846—1848 гг. и ужасы ряда голодныхъ лѣтъ доводятъ населеніе до полнаго отчаянія, начинаются аграрныя преступленія и возмущенія. «Молодая Ирландія»—талантливые, интеллигентные юноши ирландцы, одушевленные идеей борьбы за свободу народа, встаютъ во главѣ возстанія, вспыхнувшаго въ концѣ сорокоыхъ годовъ въ Ирландіи. Члены семейства Дали, хроника котораго составляетъ содержаніе романа, живутъ горестями и радостями ирландскаго народа, а молодые Дали принимаютъ дѣятельное участіе въ начавшемся возстаніи. Возстаніе подавлено-вожди его осуждены или находятся въ изгнаніи, но ирландскій народъ не примирился со своимъ врагомъ и ищетъ новыхъ путей для своего освобожденія. Авторъ ничего не говоритъ о послѣдующей исторіи борьбы Ирландіи, указывая лишь коротенько на земельную реформу послѣднихъ лѣтъ, проведенную англійскимъ парламентомъ и на грядущую возможность мирнаго соглашенія между этими двумя народами одного свободнаго государства.

Книга захватываетъ болѣе или менѣе полно лишь одинъ изъ моментовъ борьбы ирландскаго народа, но тѣмъ не менѣе возбуждаетъ большой интересъ къ судьбѣ этого народа и будетъ читаться съ интересомъ даже и мало подготовленнымъ читателемъ.

Общедоступная библіотека правовѣдѣнія общества распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. Г. С. Фельдштейна приватъ-доцента демид. юрид. лицея О законѣ. Н. И. Паліенко, пр.-доцента демид. юрид. лицея. Ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. допущена въ ученич. библ. сред.-учеб. зав., въ безплатныя библіотеки-читальни и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ. Москва. 1904 г. 48 стр. Ц. 5 к. Въ небольшой, хорошо изданной книжечкѣ

авторъ даетъ понятіе о законѣ, о порядкѣ изданія законовъ въ Россійской имперіи, о дѣйствіи законовъ, объ измѣненіи и отмѣнѣ законовъ, о различныхъ формахъ законовъ, о содержаніи «Полнаго собранія законовъ» и «Свода законовъ» и, наконецъ, о толкованіи законовъ. Не останавливаясь на выясненіи теоретическихъ понятій, авторъ лишь толково излагаетъ существующій порядокъ законодательства въ Россіи, приводитъ относящіяся сюда статьи свода законовъ и разъясняетъ ихъ смыслъ и значеніе. Изложеніе хотя и сухое, но доступное; оцѣнка формъ законодательства вообще и законодательной практики въ Россіи совершенно не занимаетъ автора, онъ ограничивается изложеніемъ системы законодательства по «Своду законовъ».

Полное отсутствіе книги по правовѣдѣнію заставляетъ обратить вниманіе и на эту книгу, составленную спеціалистомъ и знакомящую съ частью дѣйствующихъ у насъ узаконеній.

В. Алексѣевъ. Земскіе соборы древней Руси. Изданіе «Донской Рѣчи». Ростовъ-на-Дону. 55 стр. Ц. 15. Книга Алексѣева является очень цѣннымъ вкладомъ въ народную литературу по исторіи Россіи. Хотя книга эта написана довольно просто и ясно, но она имѣетъ въ виду уже читателя болѣе или менѣе подготовленнаго, привыкшаго къ чтенію и знакомаго съ главнѣйшими моментами всеобщей и русской исторіи. Земскіе соборы,—говоритъ авторъ,—являются извѣстной формой участія народа въ управленіи страной. Въ краткомъ историческомъ обзорѣ эволюціи народныхъ собраній—первичной формы участія народа въ управленіи—въ Западной Европѣ и въ Россіи авторъ выясняетъ происхожденіе земскихъ соборовъ въ древней Руси. Условія русской исторической жизни выработали свои формы управленія, сословія на Руси сложились иначе, нѣмъ на Западѣ, иначе сложились и русскія сословныя собранія—земскіе соборы. Въ XVI в. они состояли изъ служилыхъ людей, призванныхъ правительствомъ для представительства интересовъ населенія и только въ XVII в. получили характеръ дѣйствительно народнаго представительства. Авторъ останавливается подробно на составѣ земскихъ соборовъ XVII в., на порядкѣ выборовъ представителей, на наказахъ, устныхъ и письменныхъ, которые они получали отъ избирателей, и на томъ, какъ обсуждались дѣла на земскихъ соборахъ XVII в. Въ послѣдней главѣ о значеніи земскихъ соборовъ авторъ указываетъ на то, что земскіе соборы играли видную роль въ моменты ослабленія государственной власти, въ смутное время и въ царствованіе перваго царя изъ дома Романовыхъ; по мѣрѣ же того, какъ укрѣпляется государственная власть, земскіе соборы собираются рѣже и скоро совершенно исчезаютъ изъ русской исторіи. Они были средствомъ общенія верховной власти съ народомъ и хотя народъ смотрѣлъ на созывъ земскихъ соборовъ, какъ на милость государя, а не какъ на свое право, царь и народъ чувствовали, что они нужны другъ другу. «Смутное само по себѣ различеніе государева и земскаго дѣла, государя и земли, проявившееся въ актахъ земскихъ соборовъ,—говоритъ авторъ въ заключеніе,—не отлилось въ юридическія формы, оттого и исчезло безслѣдно». Проводя параллель между земскими соборами и сословными собраніями средневѣковой Европы, авторъ находитъ между ними много различій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общія черты, какъ въ учрежденіяхъ, сложившихся въ аналогичный историческій моментъ развитія государствъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе этой небольшой книжечки, читающейся все время съ интересомъ и заслуживающей вниманія.

Общедоступная географическая библіотека. Англія. Составила Ю. А. Бѣляевская. Изд. А. И. Лебедева. 1904 г. Н.-Новгородъ. Стр. 78. Ц. 25 к. Книжка Бѣляевской написана очень просто и будетъ доступна самому широкому кругу читателей. Послѣ краткаго очерка мѣстоположенія Англіи и ея значенія въ международной жизни современныхъ государствъ авторъ знако-

митъ читателя послѣдовательно съ жизнью англійской деревни, со столицей Англіи—Лондономъ, съ развитіемъ англійской торговли и промышленности въ связи съ жизнью англійскихъ рабочихъ, съ постановкой народнаго образованія въ странѣ и, наконецъ, съ ея государственнымъ устройствомъ. Обращая главное вниманіе на жизнь современной Англіи, авторъ всегда останавливается на томъ, какъ добилась страна своего современнаго могущества, какъ англійскіе сельскіе и фабричные рабочіе, организуясь въ союзы, постепенно улучшили свое положеніе и отвоевали себѣ право на участіе въ государственномъ управленіи.

Въ краткомъ общедоступномъ очеркѣ невозможно охватить всю многообразную жизнь современной Англіи и автору пришлось значительно упростить многія соціально-политическія отношенія въ странѣ, но тѣмъ не менѣе книга даетъ вѣрную картину жизни англійскаго народа, ясно сознающаго свои права и пользующагося уже давно благами политической свободы.

Въ концѣ книги приложено объясненіе непонятныхъ иностранныхъ словъ въ помощь малоподготовленному читателю.

Война на Дальнемъ Востокѣ вызвала богатую народную литературу о Японіи, Кореѣ и Манчжуріи; въ слѣдующій разъ мы постараемся дать болѣе или менѣе полный обзоръ этой литературы, а сейчасъ скажемъ лишь объ одной очень дешевой и довольно хорошо составленной книжечкѣ о Японіи, вышедшей въ свѣтъ недавно въ Житомірѣ:

Книжка-копейка. Современная Японія. Составилъ И. Н. Коварскій. Изд. книжнаго магаз. «Трудъ» въ Житомірѣ. 1904 г. 9 стр. Въ очень краткомъ историческомъ очеркѣ авторъ указываетъ главнѣйшіе моменты историческаго развитія страны, останавливаясь нѣсколько дольше лишь на послѣдствіяхъ переворота 1868 г., совершенно измѣнившаго жизнь Японіи. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство проводитъ рядъ реформъ во внутреннемъ управленіи страны; одна изъ первыхъ заботъ его—самое широкое распространеніе просвѣщенія и реорганизація всей системы народнаго образованія. Подъ вліяніемъ этихъ реформъ и развитія промышленности культурный уровень страны быстро поднимается и въ короткій періодъ (25 — 30 л.) она становится въ ряду цивилизованныхъ странъ міра. Болѣе подробно останавливается авторъ на современномъ политическомъ строѣ Японіи, ея парламентѣ и политической свободѣ гражданъ.

Экономическая жизнь страны менѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе автора; онъ ограничивается указаніемъ на высокое развитіе земледѣльческой культуры, на ростъ капитализма и на развитіе торговыхъ сношеній.

Вторая половина этой небольшой книжечки знакомитъ читателя съ бытомъ японцевъ, ихъ религіей, нравами, внѣшнимъ видомъ городовъ и селеній. Въ концѣ авторъ описываетъ организацію военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Японіи, а въ заключеніе указываетъ на нѣкоторыя тѣневыя стороны японской культуры.

Изложеніе вообще очень сжатое и не вполнѣ доступное широкимъ мыслямъ читателей; на 8 большихъ страницахъ убористой и мелкой печати, авторъ даетъ очень много свѣдѣній, останавливая вниманіе читателя на наиболѣе типичныхъ и существенныхъ чертахъ жизни современной Японіи. Однако, обо многомъ онъ говоритъ такъ кратко, что читатель малоподготовленный, ранѣе совершенно незнакомый съ Японіей, едва ли сможетъ разобраться въ сообщаемомъ матеріалѣ; мало даетъ слишкомъ краткій очеркъ историческаго развитія Японіи, не выяснена религія японцевъ и т. п. По внѣшнему виду книжка производитъ неблагопріятное впечатлѣніе; бумага плохая, нѣтъ обложки; но цѣна очень дешевая. *Л. К—ва.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА

В. Рахмановъ. „Берегите здоровье дѣтей“.—*Р. Кацъ.* „О защитѣ глаза отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній“.—*А. Бургеръ.* „Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ“.—„Изданія комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ“.—*А. И. Розенквистъ.* „Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ“.

Врачъ В. Рахмановъ. Берегите здоровье дѣтей! Изданіе «Посредника». М. 1904 г. Стр. 117. Ц. 35 к. Книга д-ра Рахманова даетъ довольно полный очеркъ школьной гигіены; кромѣ обычныхъ отдѣловъ о чистомъ воздухѣ въ школѣ, о температурѣ, освѣщеніи, школьной обстановкѣ, снабженіи школъ водой и питаніи учениковъ, авторъ въ послѣднихъ двухъ главахъ разсматриваетъ съ гигіенической стороны вопросъ о наказаніи и, наконецъ, указываетъ признаки болѣе частыхъ въ школѣ болѣзней. Каждому гигіеническому положенію авторъ предпосылаетъ описаніе устройства и условій физіологической работы соотвѣтствующей группы органовъ: это значительно уясняетъ выводы и оживляетъ изложеніе. Глава «О наказаніяхъ» мало удалась автору, но въ общемъ ему удалось, вполнѣ сохранивъ научность книги, сдѣлать ее удобопонятной, и мы желаемъ книгѣ широкаго распространенія. Нѣсколько частныхъ замѣчаній мы считаемъ все же не лишнимъ сдѣлать. Книга предназначается «для учителей, родителей и воспитателей», и намъ кажется излишнимъ подробное объясненіе того, какъ именно слѣдуетъ измѣрять температуру у ребенка (стр. 113); съ другой стороны малоподготовленному читателю останется неяснымъ отожествленіе теплоты съ молекулярнымъ движеніемъ, такъ какъ о послѣднемъ едва упомянуто (стр. 7). Напрасно, далѣе, авторъ допускаетъ въ популярной книжкѣ спорныя утвержденія, выраженныя къ тому же безъ оговорокъ, въ категорической формѣ. Таково утвержденіе автора (стр. 99), что «чахотка является очень частымъ послѣдствіемъ продолжительнаго и большого горя. Напротивъ, радостное настроеніе духа можетъ иногда безъ всякаго лѣченія исцѣлить уже начавшуюся чахотку». Наконецъ, напрасно авторъ не указываетъ значенія буквъ на помѣщенныхъ въ книгѣ рисункахъ. Слѣдовало бы также въ дѣлаемыхъ авторомъ разсчетахъ рядомъ съ метрическими мѣрами привести и русскія, съ которыми многимъ все еще удобнѣе оперировать.

Врачъ *Л. В—ій*

Д-ръ мед. Р. Кацъ. О защитѣ глаза отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній. Спб. 1904 г. изд. 2-е. Стр. 35. Ц. 30 к. Небезызвѣстный въ спеціальной литературѣ д-ръ Р. Кацъ задался счастливой мыслью дать рядъ небольшихъ популярныхъ брошюръ по гигіенѣ глаза; нѣкоторыя изъ раньше изданныхъ имъ брошюръ такого рода потребовали уже второго и третьяго изданія. Несомнѣнно, эти брошюры вполнѣ своевременны и полезны; очень желательна была бы популяризація въ такомъ видѣ и другихъ отдѣловъ гигіены, особенно гигіены зубовъ; послѣдній отдѣлъ, несмотря на его существенное значеніе, извѣстенъ у насъ очень мало. Въ частности разсматриваемая брошюра даетъ сжатый, но полный обзоръ защитительныхъ приспособленій глаза, указываетъ условія — школьныя и профессіональныя—когда этихъ приспособленій оказывается недостаточно, и коротко описываетъ виды искусственной защиты глаза отъ вредныхъ вліяній—очки, вуали и повязки. Написана книжка хорошимъ языкомъ, издана чистенько. Цѣну ея нельзя не признать довольно высокой.

Врачъ *Л. В—ій.*

Врачъ А. Бургеръ. Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Спб. 1904 г. Стр. 87. Ц. 30 к. Слѣдуетъ коротко стричь волосы дѣтямъ обоего пола; женщины вообще должны отказаться отъ длинныхъ волосъ

и причесокъ, неудобныхъ, некрасивыхъ и вредныхъ. Эти довольно вѣрныя мысли авторъ томительно-длинно пережевываетъ въ своей книжкѣ, написанной къ тому же варварскимъ языкомъ. Авторъ не обольщаетъ себя: его «книга будетъ непріятна матерямъ, но онъ такъ и хочетъ, чтобы она была «чувствительнымъ дотрогиваніемъ жгучей крапивы» и онъ грозитъ дѣлать это до тѣхъ поръ, пока матери не признаютъ въ стрижкѣ дѣтей «дѣйствіе похвальное и разумное» (стр. 28). Въ смыслѣ грамотности авторъ щеголяетъ выраженіями вродѣ: «располагаемыя ими средства», «приверженница» «требуетъ вниманія на нихъ» и т. д. Стыдно за автора этой слабой книжонки.

Врачъ *Л. В—ій*

Изданія коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ, состоящей при обществѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова: № 1 Врачъ А. Г. Архангельскій. Для чего доктора дѣлаютъ операціи и какая отъ того бываетъ польза больному. Изд. 3-е. Цѣна 4 к. № 2. Д-ръ мед. Сперанскій. О дурной болѣзни. Изд. 4-е. Ц. 4 к. Врачъ Д. Я. Дорфъ. Сибирская язва. Изд 3-е Ц. 3 к. Врачъ А. И. Шингаревъ. Ясли-пріюты для дѣтей. Изд. 3-е. Ц. 3 к. Врачъ А. Е. Помбракъ. О заразныхъ или прилипчивыхъ болѣзняхъ. Изд. 1-е. Ц. 10 к.

Изданія той-же комиссіи: Настѣнные листки (№ 1—11), Ц. 40 к. за 100 шт.: 1) Какъ уберечь себя отъ оспы. 2) О скарлатинѣ. 3) О сифилисѣ. 4) О родахъ. 5) Какъ надо вскармливать грудныхъ дѣтей. 6) О чесоткѣ. 7) О болотной лихорадкѣ. 8) О дифтеритѣ. 9) О кровавомъ поносѣ. 10) О чахоткѣ. 11) О болѣзни глазъ, называемой трахомой. Серію народныхъ книжекъ по медицинѣ, выпущенныхъ коммиссіей при обществѣ русскихъ врачей имени Пирогова, слѣдуетъ признать въ общемъ очень удачной: книжки составлены умѣло, изложены удобопонятно и — что также очень важно—свободны, въ общемъ, отъ подлаживанія подъ народной языкъ и совершенно ненужнаго «сюсюканья». До нѣкоторой степени, впрочемъ, не свободенъ отъ упрека въ «подлаживаніи» г. Помбракъ, авторъ книжки «О заразныхъ болѣзняхъ»; изложеніе у него излишне растянуто, примѣры иной разъ чрезчуръ элементарны, а старанія «оживить» изложеніе «персонификаціей»—этими «тетками Матрешами, несчастными Петюньками» и т. д.—эти старанія, по сути своей обреченныя на неудачу, не удались и здѣсь. Пишущій эти строки и изъ своего небольшого опыта знаетъ, насколько охотнѣе читаютъ (или слушаютъ въ устной бесѣдѣ) и лучше усваиваютъ крестьяне все, изложенное простымъ, неманернымъ, яснымъ русскимъ языкомъ. Напрасно, кромѣ того, въ книжкахъ г. Помбрака и г. Сперанскаго, въ одной—выяснено недостаточно, въ другой—оставлено вовсе безъ объясненія понятіе объ инкубаціи: вопросъ о томъ, почему заразныя болѣзни проявляются не тотчасъ послѣ зараженія, такимъ образомъ, остается для читателя туманнымъ. При наличности этихъ частныхъ промаховъ разсматриваемыя книжки все же составлены вполнѣ цѣлесообразно, и имъ можно пожелать свободнаго, ничѣмъ извнѣ не стѣсняемаго распространенія въ деревнѣ. Книжки снабжены вполнѣ удовлетворительными рисунками.

«Настѣнные листы», того же изданія, составлены совсѣмъ хорошо и выборъ темъ для нихъ надо признать также очень удачнымъ; надо надѣяться, что коммиссіи удастся въ будущемъ распространить ихъ шире, чѣмъ до сихъ поръ; намъ лично извѣстны земскія больницы, гдѣ эти листы мирно покоятся въ аптечномъ шкафу, вмѣстѣ со старыми амбулаторными книгами, и только одинъ экземпляръ листа каждаго «сорта» виситъ въ пріемной комнатѣ годами, весь засиженный мухами. Было бы очень полезно распространить эти листы всюду: въ начальныхъ школахъ, въ волостной избѣ, около казен-

ныхъ лавокъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, въ ночлежныхъ домахъ, въ чайныхъ и просто на улицахъ. Для интересующихся подобными изданіями прибавимъ, что коммиссіей изданы также слѣдующія цѣнныя справочныя книги: «Справочникъ по устройству народныхъ чтеній по медицинѣ и гигіенѣ». М. 1903. Ц. 75 к. и «Сборникъ рецензій народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ». М. 1898. Ц. 50 к. Вып. I (вып. II печатается); наконецъ, имѣется «Каталогъ тѣневыхъ картинъ по медицинѣ и ветеринаріи». Изд. 2-е, знач. расш. М. 1903. Ц. 15 к. Врачъ *Л. В—ій.*

А. И. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 50 коп. Появленіе на книжномъ рынкѣ все новыхъ книгъ, пытающихся освѣтить вопросъ о сифилисѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, свидѣтельствуетъ о томъ, что сама жизнь поставила этотъ тяжелый, не поддающійся разрѣшенію вопросъ на очередь. Мы назвали вопросъ о сифилисѣ трудно или вовсе не разрѣшимымъ потому, что для избавленія отъ этой губительной болѣзни, какъ и отъ массоваго алкоголизма и туберкулеза, необходима масса такихъ благопріятныхъ общественныхъ условій, о которыхъ не только намъ, но и во всемъ опередившимъ насъ европейскимъ странамъ и мечтать пока не приходится. Тѣмъ не менѣе всякая попытка приблизится хотъ сколько-нибудь къ правильному рѣшенію вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ заслуживаетъ всякаго вниманія и поощренія, и съ этой стороны кропотливая работа д-ра Розенквиста, уже 15 лѣтъ изучающаго сифилисъ съ бытовой о научной точекъ зрѣнія, представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, какъ сводка разбросаннаго въ разныхъ брошюрахъ, журналахъ, отчетахъ и т. д. матеріала, нужнаго для всякаго, желающаго заниматься вопросомъ о сифилисѣ.

Несмотря на то, что со времени перваго сифилидологическаго съѣзда, организованнаго самимъ правительствомъ, прошло около 7 лѣтъ, несмотря на заявленіе тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, что «наилучшій и наиболѣе цѣнный результатъ вашихъ (съѣзда) работъ былъ бы тотъ, чтобы вашъ съѣздъ оставилъ намъ точный и практическій планъ борьбы съ сифилитической заразой, такъ чтобы мнѣ и моимъ сотрудникамъ осталось приложить всѣ усилія къ скорѣйшему осуществленію вашихъ мѣропріятій», несмотря на то, что пироговскіе съѣзды указывали на необходимость принятія многихъ изъ указанныхъ сифилидологическимъ съѣздомъ мѣръ, несмотря на все это, главныя изъ намѣченныхъ задачъ все еще ждутъ своего разрѣшенія.

Ни для обнаруженія сифилитиковъ (регистраціи ихъ), ни для опредѣленія путей и способовъ распространенія болѣзни въ населеніи, ни для предупрежденія заболѣваній, ни для организаціи врачебной помощи почти ничего не сдѣлано за послѣдніе 7 лѣтъ. А между тѣмъ сифилисъ продолжаетъ распространяться, захватывая въ свои сѣти все большіе круги населенія, проникая въ такіе глухіе углы, въ которыхъ раньше и не слыхали о такой болѣзни. Благодаря «темнотѣ, тѣснотѣ и бѣднотѣ», какъ говоритъ д-ръ Д. Н. Жбанковъ, разъ занесенная куда-нибудь случайно сифилитическая зараза является источникомъ зараженія цѣлаго селенія и такимъ образомъ грозные успѣхи внѣполового, такъ называемаго бытового сифилиса должны обратить на себя особое вниманіе общества.

Въ связи съ вопросомъ о сифилисѣ, получаемаго путемъ новаго зараженія, стоитъ вопросъ о проституціи. И послѣдній вопросъ, несмотря на успѣхи аболюціонизма въ послѣдніе годы, также далекъ отъ правильнаго разрѣшенія.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И АСТРОНОМІЯ.

Гарретъ П. Сервиссъ. „Астрономія съ биноклемъ". — *Ф. Мартинъ.* „Три царства природы". — *Р. Браунсъ.* „Царство минераловъ". — Проф. *Хлопинъ.* „Каменноугольные краски".

Гарретъ П. Сервиссъ. Астрономія съ биноклемъ. Популярное введеніе къ изученію неба при помощи простѣйшаго изъ оптическихъ инструментовъ. Переводъ съ англійскаго М. П. Кисловскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1904 г. 162 стр. Цѣна 1 рубль. Эта маленькая книжка можетъ быть очень полезна любителю, начинающему знакомиться съ небомъ. Въ легкомъ интересномъ описаніи авторъ знакомитъ читателя съ различными достопримѣчательностями неба, которыя доступны наблюденію невооруженнымъ глазомъ и биноклемъ. Описаніе сопровождается изложеніемъ мѣсяцъ, относящихся къ названіямъ какъ цѣлыхъ созвѣздій, такъ и различныхъ отдѣльныхъ объектовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ видахъ общаго интереса указаны и явленія, требующія для наблюденія большихъ астрономическихъ трубъ, но всякій разъ сдѣлана соотвѣтствующая оговорка. Особенную цѣну имѣютъ описанія автора потому, что они сдѣланы по непосредственному наблюденію. Авторъ указываетъ только то, что онъ самъ видѣлъ, что дѣйствительно доступно порядочному биноклю, причемъ онъ ограничивается только главнѣйшими объектами, чтобы обиліемъ подробностей не утомить вниманія читателя. Богатство же интереснаго матеріала, которое открывается предъ пытливымъ наблюдателемъ дѣйствительно громадно даже въ томъ случаѣ, если въ его распоряженіи только одинъ бинокль. Свое описаніе авторъ ведетъ по созвѣздіямъ, обозрѣвая сначала тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе удобны для наблюденія, весною (глава 1-ая), потомъ тѣ, которыя оказываются ночью надъ нашимъ горизонтомъ въ лѣтніе мѣсяцы (глава 2-ая), затѣмъ—осеннія звѣзды (глава 3-ья), далѣе—зимнія (глава 4-ая). Описаніе того, что можно видѣть биноклемъ на солнцѣ, лунѣ и планетахъ, собрано въ послѣдней (5-ой) главѣ. Въ введеніи авторъ говоритъ о биноклѣ, какъ инструментѣ для наблюденія неба, и даетъ нѣкоторыя практическія указанія для выбора бинокля при покупкѣ. Онъ подчеркиваетъ важность общаго знакомства съ небомъ, считаетъ его обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка и сѣтуетъ на равнодушіе общества къ астрономіи, которая происходитъ отъ ложнаго и педантическаго взгляда на эту науку, какъ «на собраніе математическихъ формулъ и на убогую прислужницу навигаціоннаго искусства». Книжка Гаррета П. Сервисса безспорно можетъ въ большой степени содѣйствовать измѣненію такого взгляда, такъ какъ указываетъ массу интересныхъ и вполнѣ доступныхъ непосредственному наблюденію объектовъ, она ведетъ читателя къ источнику чистаго, высокаго удовольствія. Жаль только, что она не оттѣняетъ значенія систематическихъ, организованныхъ по извѣстному плану наблюденій, которыя могутъ дать нѣкоторые результаты. Интересно видѣть какъ измѣняется блескъ Анвѣля или перемѣнной звѣзды «Удивительной». Но гораздо больше удовлетворенія получитъ тотъ наблюдатель, кто съумѣетъ выразить эти измѣненія въ числахъ и запишетъ ихъ. Наблюдая яркія падающія звѣзды съ помощью бинокля, можно иногда замѣтить интересныя вспышки и взрывы въ летящемъ метеорѣ, подробности которыхъ интересны для выясненія природы падающихъ звѣздъ. Астроному спеціалисту, занятому въ закрытомъ помѣщеніи болѣе сложными работами, трудно слѣдить за такими случайными явленіями. Армія любителей, обозрѣвающихъ все небо съ открытаго мѣста, можетъ оказать наукѣ въ этомъ отношеніи большую услугу. При систематическихъ обозрѣніяхъ неба возможны и цѣнныя открытія такъ называемыхъ новыхъ звѣздъ. Исторія астрономіи называетъ нѣсколько именъ простыхъ любителей, которые прославились такими

открытіями. Привлеченіе любителей къ научнымъ наблюденіямъ весьма желательно. Оно можетъ быть полезно для науки, интересно и для самихъ любителей.

Къ внѣшнимъ недостаткамъ книжки, можно отнести отсутствіе большой карты неба съ опредѣленными обозначеніями созвѣздій. Правда, въ каждой главѣ кромѣ отдѣльныхъ картъ авторъ даетъ и небольшую общую карту всѣхъ тѣхъ созвѣздій, описанію которыхъ посвящена глава, но читателю трудно по ней разобраться, еще труднѣе ориентироваться съ ея помощью на небѣ. Какъ выдѣлить на небѣ между звѣздами ту или другую названную фигуру, если ее на картѣ не признаешь? Къ сожалѣнію, даже названія встрѣчающіяся въ текстѣ, не всѣ есть на картѣ. Читая о Процiонѣ и Сиріусѣ (стр. 15) не всякій, конечно, пойметъ, какія же именно это звѣзды, несмотря на ихъ яркость. Не найдетъ онъ и многихъ другихъ звѣздъ даже на спеціальныхъ картахъ, передающихъ созвѣздія въ большемъ масштабѣ, хотя на эти звѣзды и обращается вниманіе въ текстѣ, приводятся и ихъ обозначенія (напр. описанія созвѣздіе Льва на стр. 20-ой). Объясненія, почему въ различное время года наблюдаются различныя звѣзды также очень кратко и для неподготовленнаго читателя можетъ остаться непонятнымъ.

Встрѣчаются безъ объясненія спеціальные термины, какъ, напримѣръ, «звѣзда оптически-двойная» (стр. 17). Въ нѣсколькихъ случаяхъ, не знаю, по недосмотру ли автора или по винѣ переводчика, перепутаны направленія востока и запада, что можетъ вести къ недоразумѣніямъ (Созвѣздіе Льва, стр. 20, созвѣздіе Скорпіона, стр. 38, созвѣздіе Стрѣльца, стр. 46).

Въ примѣчаніи на стр. 36 г. переводчикъ отмѣчаетъ, что высота полюса для различныхъ мѣстъ наблюденій различна, и не будетъ слѣдовательно всегда равняться 40 градусамъ, какъ говоритъ авторъ въ обращеніи къ *своимъ* читателямъ, но онъ не указываетъ, что для насъ сѣверянъ и въ зенитѣ будутъ уже не тѣ звѣзды, которыя видитъ надъ своей головой наблюдатель подъ 40° географической широты, что все звѣздное небо будетъ соотвѣтственно передвинуто. Во второмъ примѣчаніи на той же страницѣ допущена ошибка: разстояніе между звѣздами альфа и бета Большой Медвѣдицы опредѣляется въ 10 градусовъ, тогда какъ оно равняется всего пяти съ третью градусовъ. Считаю нужнымъ указать эту ошибку, такъ какъ названное разстояніе приводится какъ мѣрило для руководства при оцѣнкѣ другихъ разстояній на небѣ. Кстати, не могу допустить, чтобы выраженіе «двѣ звѣзды на внѣшнемъ краѣ ковша» было понятно всѣмъ читателямъ. По моему, оно ведетъ къ недоразумѣніямъ. Только человѣкъ, стоящій близко къ дѣлу, пойметъ, какія звѣзды подразумѣваются въ данномъ случаѣ.

Неудачно и примѣчаніе на стр. 17: «Точка схода метеоровъ». Слово «сходъ» и некрасиво, и непонятно здѣсь.

Оцѣнка цвѣтовъ при наблюденіи звѣздъ вообще чрезвычайно трудна и субъективна. Заявленіе Сервисса, что «*молочно-бѣлый* цвѣтъ Капеллы дѣлаетъ ее одною изъ самыхъ великолѣпныхъ и блестящихъ звѣздъ на небѣ», служитъ тому яркимъ подтвержденіемъ. Капелла считается типично желтой звѣздой.

Очень плохъ рисунокъ туманности Андромеды (на стр. 84).

Жаль, что въ книжкѣ удѣлено мало вниманія движенію планеты между звѣздами и совсѣмъ не говорится о перемѣщеніяхъ луны. Между тѣмъ съ помощью бинокля можно иногда наблюдать, какъ болѣе близкая къ намъ луна, обходя вокругъ земли, закрываетъ на нѣкоторое время яркія звѣзды и планеты. Эти явленія чрезвычайно интересны какъ для выясненія относительнаго расположенія небесныхъ тѣлъ въ пространствѣ, такъ и для опредѣленія физическихъ условій на поверхности луны и даже планетъ.

Отмѣчу еще одинъ курьезъ. На стр. 151 утверждается, что два стекла дополнительныхъ цвѣтовъ, положенныя одно на другое «не обезцвѣчиваютъ» диска солнца. Вѣроятно, это тоже одинъ изъ промаховъ переводчика. Авторъ,

очевидно, хотѣлъ сказать, что при наблюденіи солнца черезъ два стекла дополнительныхъ цвѣтовъ, дискъ его кажется намъ безцвѣтнымъ, не окрашеннымъ. Можно посовѣтовать, чтобы предъ вторымъ изданіемъ переводъ былъ еще разъ просмотрѣнъ и очищенъ отъ такихъ промаховъ, которые измѣняютъ смыслъ текста. *К. Покровскій.*

Ф. Мартинъ. Три царства природы. (Зоологія. Ботаника. Минералогія). Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Приспособленный и дополненный для русскихъ читателей переводъ съ нѣмецкаго И. М. Эйзена, подъ ред. проф. А. М. Никольскаго. Съ 54 отдѣльными таблиц. въ краскахъ и 305 гравюрами въ текстѣ. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна 8 руб. Громадный (1.167 стр.), роскошно изданный томъ, который, по мнѣнію редактора, проф. А. М. Никольскаго, «можетъ служить пособіемъ опытному естествовѣду..., учителю и руководителю экскурсій и настольной книгой для любознательнаго читателя...», а также пригоденъ «не только для спеціалистовъ, но и для каждаго, интересующагося изученіемъ окружающей насъ природы». Намъ кажется, что почтенный редакторъ перевода книги Мартина нѣсколько расширилъ кругъ лицъ, которымъ эта книга можетъ принести нѣкоторую пользу; по нашему мнѣнію, достаточно предоставить это произведеніе лишь «любознательному читателю», такъ какъ врядъ ли «спеціалистъ» или «опытный естествовѣдъ-учитель» можетъ найти въ ней что-нибудь новое. Также не замѣтили мы, чтобы книга эта была «оригинально задумана и совершенно своеобразно разработана», и чтобы «авторъ совершалъ съ читателемъ мысленныя экскурсіи по полю, лугу, лѣсу, по морю и его глубинамъ». Послѣ главы, посвященной анатоміи и физіологіи человѣка, г. Мартинъ описываетъ отдѣльные виды сначала домашнихъ животныхъ, затѣмъ животныхъ, обитающихъ въ садахъ, на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, въ прѣсныхъ водахъ; затѣмъ отдѣльную главу отводитъ фаунѣ моря, отдѣльную иноземнымъ животнымъ. Ну, право же, ни особенной оригинальности, ни своеобразія разработки въ этомъ видѣть нельзя.

Бо́льшую цѣнность для русскаго читателя представляютъ двѣ вводныя главы, составленныя переводчикомъ и редакторомъ, это: «Животный міръ окраинъ Россіи» и «Растительный міръ окраинъ Россіи». Три центральныя главы посвящены: глава IX—исторіи зоологіи, общему обзору системы животнаго царства и географическому распредѣленію животныхъ; глава X—естественной исторіи растительнаго царства и глава XV — «Минеральному царству». Послѣдняя самая слабая—въ ней и содержаніе, и изложеніе «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма». Достаточно, напримѣръ, того; что классификація минераловъ составлена по Вейсу и Квенштедту, а вмѣсто минералогіи и геологіи вы встрѣтите фиктогнозію и геогнозію. Здѣсь на каждомъ шагу находишь такіе перлы, что поневолѣ является мысль, да не 50 ли лѣтъ тому назадъ писалась эта глава. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ наудачу. Весьма важная группа авгитовъ и роговыхъ обманокъ объединена подъ однимъ названіемъ «роговики», квасцы характеризуются (стр. 999), какъ соединеніе сѣрной кислоты съ глиноземомъ, тальковой землей, водой и ѣдкой щелочью», про «лучистый тяжелый шпатъ или болоньинскій (?) шпатъ» сказано, что онъ «пользовался прежде широкимъ распространеніемъ. Одинъ мѣстный сапожникъ открылъ въ 1604 г. замѣчательную особенность прокаленнаго между углемъ (!) шпата—свѣтиться въ темнотѣ, если его раньше подвергнуть непосредственному дѣйствію солнечнаго свѣта». Тутъ все хорошо—и оригиналъ, и переводъ. Исландскій шпатъ «характеризуется своей двулучепреломляемостью», малахитъ встрѣчается «въ видѣ землистой плѣсени» и т. д., и т. д.

Несравненно лучше составлены главы: растительность лѣса (не вѣрнѣе ли лѣсная растительность?), грибы, колоніальная растительность, породы домашнихъ животныхъ, и важнѣйшіе сорта плодовъ и ягодъ.

Таблицы въ краскахъ и рисунки хороши, но нѣкоторые не совсѣмъ под-

ходятъ къ русскому изданію. Такъ, нѣсколькимъ таблицамъ, на которыхъ изображены «наши» животныя, растенія, противополагаются таблицы въ нѣмецкомъ изданіи, носящія, вѣроятно, заглавіе—«иноземныя» животныя, растенія; въ русскомъ изданіи редактору пришлось сдѣлать, какъ кажется, неудачное измѣненіе: вмѣсто «иноземныя», написать «иноземныя и русскія», а на такихъ таблицахъ изображены, напримѣръ, орангутангъ, кошачій маки, летучая собака, нильскій крокодилъ, левъ, гипопотамъ, боа, носорогъ, колибри и т. п. Кстати, на такихъ сводныхъ таблицахъ слѣдовало бы выдерживать относительные размѣры животныхъ, а то у мало освѣдомленныхъ читателей закрѣпляется превратное представленіе о величинѣ животнаго. Особенно неудачно поэтому помѣщать рядомъ колибри и слона съ гипопотамомъ. *В. Аг.*

Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсторожденія и значеніе ихъ для промышленности. Сочиненіе д-ра Р. Браунса, отд. проф. гиссенскаго унив. Переводъ съ нѣмецк. В. Н. Лемана съ дополненіями относительно Россіи А. П. Нечаева и П. П. Сущинскаго. Подъ общей редакціей заслуж. проф. с.-петербургскаго унив. д-ра А. А. Иностранцева. Съ многими политипажами въ текстѣ, 73 таблицами въ краскахъ и 18 фотот. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. 1904. Подписная цѣна 10 выпуск. 25 рублей. Передъ нами только первый выпускъ сочиненія проф. Браунса, извѣстнаго нѣмецкаго минералога. Откладывая до выхода въ свѣтъ всей этой книги подробную ея характеристику, познакомимъ читателя только съ общимъ планомъ. Все сочиненіе дѣлится только на 3 части: введеніе, въ которомъ сообщаются необходимыя для дальнѣйшаго изложенія свѣдѣнія о формѣ, физическихъ свойствахъ и химическомъ составѣ минераловъ; первая часть посвящена рудамъ; вторая—драгоцѣннымъ камнямъ; третья—породообразующимъ минераламъ, и, наконецъ, четвертая—минераламъ, которыми мы пользуемся въ повседневной жизни (каменная соль), которые важны для удобренія (апатитъ, фосфоритъ), или же тѣмъ, изъ которыхъ техника готовитъ вещества, важныя для жизни и для промышленности. «Книга эта,—говоритъ авторъ,—написана для любителей минералогіи и предназначается для того, чтобы увеличить число ея сторонниковъ. Это не учебникъ, но изъ нея можно кое-чему научиться».

Зная другія работы проф. Браунса и просмотрѣвъ первый выпускъ—введеніе, мы увѣрены, что «Царство минераловъ» будетъ книгой, дѣйствительно, единственной въ своемъ родѣ, недостатокъ въ которой давно уже ощущался лицами, желавшими познакомиться съ минералами и ихъ значеніемъ въ жизни и промышленности; всѣ учебники минералогіи, даже самые лучшіе, были слишкомъ спеціальны, сухи и въ концѣ концовъ даже неполны, для того, чтобы удовлетворить этимъ запросамъ.

Изданіе труда проф. Браунса на русскомъ языкѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Особенно хороши цвѣтныя и фототипическія таблицы. Удачный выборъ авторомъ образцовъ минераловъ и великолѣпное исполненіе хромолитографическихъ таблицъ художественнымъ заведеніемъ Винера и Шварца въ Штутгардтѣ—сдѣлали почти невозможное—рисунки, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, походятъ на изображаемые минералы, что уже громадный шагъ впередъ. *В. Агафоновъ.*

Камменноугольныя краски. Классификація, свойства и дѣйствіе искусственныхъ окрасокъ на животный органъ, съ методикой изслѣдованія и съ приложеніемъ существующихъ относительно красокъсанитарныхъ законовъ русскихъ и иностранныхъ Проф. Хлопина. Экспериментальное изслѣдованіе. Юрьевъ. 1903 г. Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали, имѣетъ въ виду, съ одной стороны, дать руководство для химическаго изслѣдованія каменноугольныхъ красокъ примѣнительно къ санитарнымъ цѣлямъ и въ то же время представить сводъ экспериментальныхъ данныхъ относительно дѣйствія наиболѣе распространенныхъ изъ этихъ красокъ на животный организмъ. Сообразно съ этой

двойною задачею книги, она раздѣляется на двѣ части: химическую и санитарную. Первая посвящена краткому ознакомленію съ химическими свойствами каменноугольныхъ красокъ, ихъ раціональной классификаціей и методами качественнаго изслѣдованія въ пищевыхъ продуктахъ. Во второй части разсматривается физіологическія дѣйствія важнѣйшихъ смоляныхъ красокъ, причемъ авторомъ приводятся результаты его собственныхъ опытовъ надъ дѣйствіемъ 50-ти впервые изслѣдованныхъ имъ красокъ на организмъ животныхъ и человѣка (опыты надъ самимъ собою). Здѣсь же ломѣщенъ и краткій обзоръ существующихъ европейскихъ законодательствъ относительно употребленія искусственныхъ красокъ для подкрашиванія пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ. Химическая часть книги, несмотря на краткость, составлена толково, и даетъ возможность ориентироваться въ этой обширномъ и сложномъ отдѣлѣ органической химіи лицамъ спеціально не занимающимся имъ. Наблюденія автора надъ физіологическимъ дѣйствіемъ изслѣдованныхъ имъ красокъ представляютъ несомнѣнный интересъ. Вообще книга проф. Хлопина (кстати сказать, удостоенная преміи на конкурсѣ медицинскаго Совѣта) несомнѣнно будетъ оцѣнена всѣми, кому приходится имѣть дѣло съ химико-санитарными изслѣдованіями пищевыхъ и другихъ продуктовъ, тѣмъ болѣе, что, насколько намъ извѣстно, въ нашей спеціальной литературѣ аналогичныхъ руководствъ не имѣется. *Г. Б.*

ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Баронъ Берлепшъ. „Почему занимаемся мы соціальной реформой“.— *В. Тотоміанцъ.* „Задачи городскаго самоуправленія“.—*Г. Іеллинекъ.* „Декларація правъ человѣка и гражданина“. — „Матеріалы повторной переписи и крестьянскихъ хозяйствъ Воронежской губ. 1900 г.

Баронъ Берлепшъ. Почему занимаемся мы соціальной реформой? (Dr. Freiherr von Berlepsch. Warum betreiben wir die soziale Reform? Verlag von Gustav Fischer. Iena 1903. L. 48. Preis: 30 Pf. Въ своей брошюрѣ бывшій прусскій министръ, баронъ Берлепшъ, пытается выяснить причины, побуждающія членовъ предсѣдательствуемаго имъ общества—«Gesellschaft für soziale Reform»—заниматься «соціальной реформой», подъ которой онъ разумѣетъ «подъемъ матеріальнаго и духовнаго положенія наемныхъ рабочихъ. Этихъ причинъ три: чувство состраданія, чувство справедливости и политическая дальновидность. Положеніе германскаго пролетаріата таково, что всѣ, кто не лишенъ элементарнаго чувства состраданія къ ближнему, обязаны стремиться къ его измѣненію, къ реформѣ. Правда, нѣкоторые полагаютъ, что это положеніе не такъ ужъ плохо, что рабочіе всѣмъ довольны и что только злонамѣренные агитаторы стараются нарисовать его въ черныхъ краскахъ. Но достаточно бросить хотя бы бѣглый взглядъ на существующія по данному вопросу статистическія и иныя данныя, чтобы убѣдиться, насколько такое мнѣніе неосновательно. Въ Пруссіи, напримѣръ, по даннымъ о подоходномъ налогѣ видно, что 62,41% общаго числа цензитовъ получаетъ ежегоднаго доходу 900, а въ Саксоніи 28,29% менѣе 500 и 55,65% менѣе 800 марокъ. Но это лишь средніе цифры и, какъ таковыя, онѣ не даютъ точнаго представленія о положеніи наемнаго труда въ Германіи. Среднія цифры стираютъ крайности, изъ нихъ не видно, до какого минимума падаетъ годовой доходъ у нѣкоторыхъ категорій германскаго пролетаріата. При разсмотрѣніи детальныхъ данныхъ, невеселая картина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ омрачается еще болѣе. Такъ, по даннымъ оффиціальной статистики о поденной платѣ необученныхъ рабочихъ, оказывается, что только въ пяти округахъ германской имперіи—въ Бремергафенѣ, Бременѣ, Гельголандѣ, Килѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ — рабочая плата подымается выше 3 марокъ. Въ большинствѣ же случаевъ она находится на высотѣ всего 2 марокъ, какъ,

напр., въ Познани, Штетинѣ, Бромбергѣ, Герлицѣ и т. д. Еще хуже положеніе кустарей, или, какъ ихъ называютъ въ Германіи, «домашнихъ рабочихъ». По даннымъ 1896 г., въ Берлинѣ, при ежедневной работѣ отъ 12 до 17 часовъ рабочіе и работницы конфексіоннаго промысла зарабатывалъ ежедневно всего лишь 10—15 марокъ! То же можно сказать и о другихъ мѣстахъ и другихъ промыслахъ. Для ткачей, по мнѣнію Берлепша, мрачная картина, нарисованная Гауптманомъ въ его извѣстной драмѣ, и до сихъ поръ не является еще анахронизмомъ—еженедѣльный заработокъ кустаря-ткача въ 6—8 или 8—10 марокъ и до сихъ поръ далеко не рѣдкость. Въ виду такого положенія многихъ сотенъ тысячъ согражданъ уже простое *чувство состраданія* должно заставить всякаго стремиться къ «соціальной реформѣ», къ поднятію жизненнаго уровня рабочаго класса. Но помимо этого и *чувство справедливости*, не допускающее, чтобы людей мѣряли двумя мѣрками, чтобы одному дозволялось то, что другому не разрѣшается, побуждаетъ стремиться къ измѣненію существующаго положенія вещей. Если представителямъ капитала никто не мѣшаетъ объединяться въ артели, тресты и различнаго рода другіе союзы, то по справедливости, и представителей труда слѣдуетъ допустить къ свободному пользованію правомъ объединяться въ союзы для защиты своей единственной цѣнности—рабочей силы. А между тѣмъ и законодательство, и, въ особенности, судебная практика въ Германіи далеко не проникнуты этимъ чувствомъ, справедливо вызывая у рабочихъ раздраженіе и недовольство и толкая ихъ въ объятія соціалъ-демократической партіи. Чѣмъ больше несправедливости испытываетъ рабочій въ области пользованія своихъ немногихъ гражданскихъ и публичныхъ правъ, чѣмъ онъ болѣе наблюдаетъ, что къ нему относятся не какъ къ равноправному члену общества, тѣмъ больше растетъ количество членовъ помянутой партіи. *Политическая дальновидность* предписываетъ поэтому всѣмъ противникамъ послѣдней приложить всѣ усилія, чтобы отнять у рабочихъ всякій поводъ къ недовольству, а чтобы достигнуть послѣдняго, необходимо опять-таки стремиться къ «соціальной реформѣ». къ измѣненію *правоваго положенія* германскаго пролетаріата.

Брошюра Берлепша, какъ видитъ читатель, очень характерна и типична для т. н. «катедерсоціализма», и мы ее настоятельно рекомендуемъ всѣмъ желающимъ въ краткой и общедоступной формѣ познакомиться съ мотивами и цѣлями этого распространеннаго въ Германіи производства. Къ брошюрѣ приложенъ уставъ общества соціальной реформы и отчетъ о дѣятельности послѣдняго за 1903 г. *Р. О—ъ.*

В. Тотоміанцъ. Задачи городского самоуправленія. Изд. журнала «Образованіе». Спб. 1904 г. 24 стр. Ц. 20 к. Ростъ большихъ городовъ, представляющій собою одну изъ характернѣйшихъ чертъ переживаемой нами эпохи, выдвинулъ чрезвычайно сложныя «задачи городского самоуправленія». О процессѣ широкой демократизаціи правовыхъ основъ городского самоуправленія, давъ возможность передовымъ странамъ Запада успѣшно заняться практическимъ разрѣшеніемъ этихъ сложныхъ задачъ городского благоустройства.

Маленькая брошюрка Тотоміанца и знакомитъ насъ не столько съ задачами этого городского самоуправленія, сколько съ уже достигнутымъ разрѣшеніемъ этихъ задачъ. Г. Тотоміанцъ сгруппировалъ интересные и поучительные факты, рисующіе намъ кипучую, плодотворную дѣятельность западноевропейскихъ муниципалитетовъ. Иные изъ этихъ фактовъ чрезвычайно любопытны. Возьмемъ хотя бы вопросъ объ удаленіи мусора съ улицъ и дворовъ. Современный большой городъ ежедневно изрыгаетъ громадныя, тяжелыя горы этого мусора и вотъ, тогда какъ наши города не знаютъ, какъ имъ справиться съ этимъ мусоромъ, подобно гніющимъ и заражающимъ воздухъ нашихъ дворовъ, въ это же самое время западно-европейскіе города не только умѣютъ быстро удалить этотъ мусоръ, но, еще кромѣ того, они извлекаютъ изъ него

огромную пользу, сжигая на особыхъ мусоросжигательныхъ заводахъ и пользуясь развиваемой этимъ сжиганіемъ энергіей для устройства электрическихъ двигателей. Напр., мусоросжигательный заводъ, существующій въ лондонскомъ кварталѣ Шордичѣ, ежедневно сжигаетъ 90 тоннъ мусора. Теплота, развиваемая этимъ сжиганіемъ мусора, идетъ на производство электрической силы и свѣта и равняется приблизительно 112 лошадинымъ силамъ на тонну сжигаемаго мусора. Городскія бани, прачешныя и библіотеки этого лондонскаго квартала освѣщаются и отапливаются этимъ электричествомъ. Мусоръ доставляетъ Шордичу 5.578 фунт. стерлинговъ ежегодной экономіи на углѣ.

Жидкіе отбросы города употребляются на орошеніе и удобреніе городскихъ полей, дающихъ богатѣйшій урожай овощей и фруктовъ и приносящихъ городу обширные доходы.

Такимъ образомъ, западно-европейскіе города умѣютъ не только очистить городъ отъ всякихъ нечистотъ, но и утилизировать эти нечистоты, создавъ изъ нихъ важный источникъ городскихъ доходовъ.

Столь же любопытны и данныя, приводимыя г. Тотоміанцемъ о канализаціи, устройствѣ дешевыхъ жилищъ, городскихъ путяхъ сообщенія, водоснабженіи и т. д., и т. д. Удивительно ли, что въ итогѣ неусыпныхъ заботъ западно-европейскихъ городскихъ самоуправленій о благѣ обывателя, жизнь этого обывателя протекаетъ во все болѣе здоровыхъ условіяхъ, ведущихъ къ быстрому пониженію, какъ это показываютъ приводимыя авторомъ цифры смертности среди городского населенія.

Останавливаясь въ концѣ своей брошюры на вопросѣ, почему западно-европейскіе муниципалитеты съумѣли развить такую широкую плодотворную дѣятельность, а наши русскіе находятся въ жалкомъ положеніи, г. Тотоміанцъ справедливо замѣчаетъ, что это потому, что «тамъ избирательными правами пользуются почти всѣ граждане и такимъ образомъ направляютъ городское хозяйство въ интересахъ большинства. У насъ же городское управленіе въ рукахъ домовладѣльцевъ и промышленниковъ». *П. Берлинъ.*

Г. Іеллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина. (G. Iellinek. Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechte. Ein Beitrag zur modernen Verfassungsgeschichte. Zweite, erweiterte Auflage. Leipzig. 1904. S 66. Preis: M. 1, 80). Подъ «правами человѣка и гражданина», или иначе «личными правами» современная юридическая наука понимаетъ тѣ права, которыми каждая отдѣльная личность обладаетъ просто въ силу того, что она личность, и сумма и объемъ которыхъ являются конечнымъ предѣломъ, до котораго можетъ простираться по отношенію къ индивидууму воздѣйствіе государственной власти. Древнее государство не знало такого предѣла. Если *фактически* послѣдній въ формѣ извѣстныхъ общественныхъ традицій и обычныхъ правовыхъ нормъ и существовалъ, то *формально*, юридически, государство было абсолютнымъ, ничѣмъ и никѣмъ неограниченнымъ, личность въ немъ не имѣла никакихъ своихъ собственныхъ правъ, которыя она, личность могла бы противопоставить притязаніямъ государственной власти. Средніе вѣка не знали уже такого государственнаго абсолютизма, представленіе о всемогуществѣ государственной власти подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ элементовъ значительно стушевалось, однако понятія личныхъ правъ личности средневѣковый міръ не выработалъ. Послѣднее осталось на долю новаго времени, главнымъ образомъ на долю богатой событіями второй половины восемнадцатаго вѣка. Торжественно провозглашенныя 26-го августа 1789 года во французскомъ учредительномъ собраніи «права человѣка и гражданина» стали въ теченіе XIX вѣка неотъемлемымъ достояніемъ современнаго публичнаго права, а сама декларація послужила прообразомъ для цѣлаго ряда подобныхъ декларацій въ другихъ странахъ континентальной Европы. Однако, несмотря на такое глубокое вліяніе французской декларації, современная научная ли-

тература недостаточно полно и всесторонне выяснила ея исторію, недостаточно ясно и опредѣленно прослѣдила ту цѣль явленій и событій, которыя въ конечномъ счетѣ привели къ самой идеѣ личныхъ правъ и торжественнаго провозглашенія ихъ законодателемъ. Пополнить этотъ важный пробѣлъ въ современной наукѣ и составляетъ задачу разбираемой нами работы извѣстнаго уже русской публикѣ гейдельбергскаго профессора.

До послѣдняго времени относительно интересующаго насъ вопроса господствовало мнѣніе, что источникомъ декларацiи является contrat social Руссо, а прообразомъ ея провозглашеніе Соединенными Штатами Сѣверной Америки своей независимости. На основаніи цѣлаго ряда цитатъ изъ contrat social Іеллинекъ доказываетъ, что Руссо и его ученія не могли привести къ идеѣ прирожденныхъ и неотчужденныхъ личныхъ правъ. Contrat social не знаетъ ихъ, онъ всѣ права, которыми личность пользовалась въ «первобытномъ» состояніи, отчуждаетъ въ пользу государства, которое уже потомъ, по своему усмотрѣнію, представляетъ часть ихъ въ пользу индивидуума, поскольку это совмѣстно съ общественнымъ благомъ. Личность, по Руссо, не входитъ въ государство съ извѣстной суммой неотъемлемыхъ правъ, она всѣ эти права *получаетъ* отъ государственной власти. Декларація 1789 г. появилась поэтому не вслѣдствіе, а вопреки «общественному договору», хотя, по мнѣнію Іеллинека, можно допустить, что послѣдній и вліялъ на нѣкоторыя ея формулы.

Что касается провозглашенія Соединенными Штатами Сѣверной Америки своей независимости, то нельзя думать, чтобы послѣдняя послужила прообразомъ французской декларацiи правъ. Формула американской декларацiи черезчуръ обща и абстрактна для того, чтобы изъ нея можно было вывести цѣлую систему личныхъ правъ, которую мы встрѣчаемъ у французовъ. Это теоретическое соображеніе Іеллинекъ покрѣпляетъ ссылкой на одно мѣсто мемуаровъ Лафайета, которому, какъ извѣстно, принадлежитъ часть внесенія проекта декларацiи въ учредительное собраніе. Въ этихъ мемуарахъ Лафайетъ самъ указываетъ, что не декларація конгресса Соединенныхъ Штатовъ, а декларацiи отдѣльныхъ суверенныхъ колоній послужили прообразомъ для его замѣчательнаго проекта. Эти декларацiи, изъ которыхъ первая, декларація Виргиніи, была провозглашена уже 12-го іюня 1776 года, сильно повліяли не только на него, но и на всѣхъ тѣхъ французскихъ дѣятелей, которые носились съ мыслью о необходимости провозглашенія человѣческихъ и гражданскихъ правъ.

Іеллинекъ не останавливается на этихъ результатахъ своего изслѣдованія и пытается выяснить еще тѣ условія, при которыхъ американцы сами пришли къ идеѣ о правахъ личности. По его мнѣнію, у американцевъ послѣдняя появилась въ связи съ тѣми глубокими и безпокойными религіозными исканіями, которыми особенно характеренъ семнадцатый вѣкъ. Преслѣдуемые на родинѣ, сторонники новыхъ религіозныхъ ученій искали часто свободы въ далекихъ американскихъ пустыняхъ и тамъ находили ее. Подъ вліяніемъ религіозной борьбы постепенно складывалась идея о свободѣ совѣсти, о томъ, что каждый имѣетъ право исповѣдывать то, что ему кажется наиболѣе истиннымъ и справедливымъ. Свобода совѣсти — это было первое «человѣческое право», къ которому послѣ долгихъ исканій пришла общественная мысль. Разъ было найдено одно личное право, не трудно было постепенно придти къ цѣлой системѣ такихъ правъ. Всякое давленіе, производимое государственной властью на свободу индивидума, приводило къ представленію о существованіи соотвѣтственнаго «человѣческаго права». Такъ, рядомъ съ свободой совѣсти были провозглашены свобода печати, союзовъ, слова, свобода передвиженія, право петицій и т. п.

Такимъ образомъ, идея человѣческихъ или личныхъ правъ является не дѣломъ революцій, а реформаціи и связанной съ нею религіозной борьбы. Идея

законодательнаго установленія священныхъ правъ личности — не политическаго, а религіознаго происхожденія. Ея первымъ апостоломъ былъ не Лафайетъ, а юный Роджеръ Вильямсъ, который будучи самъ проникнутъ глубокимъ религіознымъ энтузіазмомъ, отправился въ американскія пустыни проповѣдывать своимъ ближнимъ религіозную терпимость и требовалъ для всѣхъ неограниченной свободы совѣсти.

Появившись впервые въ 1896 году, работа Іеллинека произвела глубокое впечатлѣніе на читающую публику и вскорѣ была переведена на нѣсколько европейскихъ языковъ. Было бы очень желательно имѣть также и русскій переводъ. Несмотря на крайне сжатый языкъ, немного затрудняющій чтеніе, работа Іеллинека найдетъ, вѣроятно и у насъ не мало читателей.

Р. Ольгинъ.

Матеріалы повторной переписи крестьянскихъ хозяйствъ Воронежской губерніи, 1900 года. Подъ редакціей и съ введеніемъ И. Воронова. Т. II. Изд. воронежск. губернск. земства. Воронежъ. 1903 г. Оскудѣніе крестьянскаго хозяйства Россіи вообще и въ частности центральныхъ губерній, давно и хорошо извѣстное мѣстнымъ дѣятелямъ, въ послѣднее время признается даже оффиціальными сферами. Понятія «крестьянинъ» и «оскудѣніе» какъ бы срослись въ нашемъ представленіи. Эта связь была, такъ сказать, предопредѣлена еще Положеніемъ 1861 г., до нѣкоторой степени считавшимся, при надѣленіи крестьянъ землей, съ потребностями лишь одного поколѣнія. Она сдѣлалась неизбѣжной съ увеличеніемъ населенія, усложненіемъ экономическихъ отношеній и ростомъ нуждъ государства, удовлетворяемыхъ въ огромной своей части на счетъ той же деревни. Очень недурную иллюстрацію общаго экономическаго упадка современнаго крестьянства доставляетъ Воронежская губернія, гдѣ въ 1900 г. губернскимъ земствомъ осуществлена повторная подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ въ пяти уѣздахъ (Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ, Коротоякскомъ и Острогожскомъ), въ которыхъ первичныя подворныя изслѣдованія производились назадъ тому 13—15 лѣтъ, въ 1885—1887 гг. Эти уѣзды, по словамъ автора введенія, полнѣе другихъ представляютъ хозяйственныя особенности губерніи, «насколько онѣ обусловливаются географическимъ положеніемъ отдѣльныхъ ея мѣстностей (сѣверо-восточныхъ съ великорусскимъ населеніемъ и юго-западныхъ—съ малороссійскимъ)». Переписано всего 29 волостей,—въ нихъ 352 селенія, 46 тысячъ дворовъ, съ населеніемъ до 320 тысячъ обоего пола. Иначе говоря, изъ общаго числа хозяйствъ по каждому уѣзду повторной переписи подвергались около 40%, а по всей губерніи—свыше 14% или $^1/_7$. Цифровой матеріалъ, собранный при этомъ статистиками, вошелъ въ таблицы, составляющія содержаніе обширнаго—въ 601 стр.—II-го тома. Текстовая разработка и анализъ цифровыхъ данныхъ войдутъ въ I-й томъ, который, по соображеніямъ практическаго свойства, появится послѣ II-го тома. Хотя эти соображенія вѣрны, все же намъ непонятно, почему вышедшій томъ надо считать II-мъ, а не I-мъ, нарушеніе логики совсѣмъ лишнее.

Обработка добытыхъ при повторной переписи матеріаловъ и ихъ комбинированіе съ данными, полученными во время первичныхъ изслѣдованій, даютъ полную возможность сравнивать тѣ и другіе и дѣлать выводы. А выводы эти любопытны, на нихъ стоитъ обратить вниманіе читателя. Не останавливаясь на крайне интересныхъ деталяхъ, мы отмѣтимъ лишь самое характерное и прежде всего измельчаніе крестьянскихъ хозяйствъ, усматриваемое какъ въ таблицѣ распредѣленія дворовъ по размѣрамъ землевладѣнія (надѣльной, купчей и арендованной землей), такъ и въ таблицѣ, гдѣ хозяйства распредѣлены по размѣру посѣвной площади: въ то время, какъ число дворовъ, имѣющихъ до 5 десятинъ возросло съ 29,8% (въ 1887—1887 г.) до 23,08% (въ 1900 г.), а отъ 5 до 15 десятинъ увеличилось съ 53,68% до 54,33%, а

число хозяйствъ, располагающихъ 15—20 дес., за тотъ же періодъ пало съ 17,13% до 15,49%, а имѣющихъ 25—50 дес. сократилось съ 5,71% до 4,17%; процентъ крупныхъ—свыше 50 дес.—хозяйствъ остался тотъ же—0,36%. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился процентъ дворовъ съ посѣвомъ до 1 дес. (съ 1,43% до 2,27%) и отъ 1,1 до 5 дес. (39,07% до 43,33%), тогда какъ число хозяйствъ, высѣвающихъ обширныя площади, уменьшилось. Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ показателей степени благосостоянія крестьянства, является количество скота. Изслѣдованный районъ, за исключеніемъ Острожскаго у., претерпѣлъ упадокъ и въ этомъ отношеніи: группа хозяйствъ безъ рабочаго и безъ всякаго скота за 13—15 лѣтъ увеличилась на 75%, въ Коротоякскомъ у., на 43%—въ Задонскомъ у., на 37%—въ Нижнедѣвицкомъ и на 32%—въ Землянскомъ у. Число хозяйствъ безлошадныхъ и малолошадныхъ возросло, а многолошадныхъ уменьшилось. Количество дворовъ, не имѣющихъ никакого мертваго инвентаря, повысилось на 13,4%. Если въ 1885 г. купчая земля составляла 1,59%, то теперь—3,91% площади, находящейся во владѣніи крестьянъ. По даннымъ первичныхъ изслѣдованій, 40,73% крестьянскихъ дворовъ были вынуждены и могли арендовать участки земли, въ настоящее время такихъ хозяйствъ насчитывается 42,36%. Подсобными промыслами сейчасъ заняты 72,62% дворовъ, а назадъ тому 13—15 лѣтъ ихъ было 67,99%. Надо замѣтить, что всѣ цифры, относящіяся къ 1900 г., должны быть нѣсколько повышены, если исключить Острогожскій уѣздъ, гдѣ измѣненія въ экономической жизни деревни носятъ болѣе благопріятный характеръ и оказываютъ понижающее вліяніе на средній 1900 г. для всѣхъ пяти уѣздовъ. Такъ въ Острогожскомъ уѣздѣ не констатировано «упалыхъ хозяйствъ», между тѣмъ въ Землянскомъ уѣздѣ, «при общемъ приростѣ хозяйствъ въ 15,3%, количество безземельныхъ дворовъ возросло на 20,5%, хозяйствъ безъ работника—на 30%, безъ рабочаго скота—на 43%, безъ инвентаря—на 46,3% и бездомовыхъ хозяйствъ—на 122%. Около этихъ же цифръ колеблются данныя, относящіяся къ надлежащимъ хозяйствамъ въ Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Коротоякскомъ уѣздахъ. Въ полной гармоніи со всѣми приведенными свѣдѣніями находятся и результаты ознакомленія воронежскихъ статистиковъ съ недоимочностью крестьянъ: возрастаніе недоимочности въ недоимочныхъ хозяйствахъ—огромное. Такъ, въ Задонскомъ у. на одно такое хозяйство приходится недоимки 22,70 руб. (прежде—17 руб.), въ Коротоякскомъ—23,20 руб. (прежде—8,5 руб.), въ Землянскомъ—54,50 руб. (прежде—27 руб.), въ Нижнедѣвицкомъ—78 руб. (прежде—34,80 руб.).

Какъ ни мрачна картина, вырисовывающаяся изъ-за этихъ цифръ, надо и въ ней отмѣтить свѣтлые штрихи. Это, во-первыхъ, ростъ количества дворовъ съ грамотными,—они составляютъ въ настоящее время 51,56%, а тринадцать лѣтъ тому назадъ ихъ было только 28,43%. Во-вторыхъ, существуетъ извѣстный процентъ улучшившихся и расширившихся хозяйствъ и цѣлая группа дворовъ крѣпкихъ, устойчивыхъ,—тѣми и другими можетъ похвалиться Острогожскій уѣздъ. Второй томъ матеріаловъ повторной переписи не даетъ ключа къ разгадкѣ этого явленія; но авторъ введенія обѣщаетъ, что характеристика динамики крестьянскаго хозяйства и посильное объясненіе фактовъ, выражаемыхъ въ цифрахъ таблицъ, войдутъ въ I томъ. Не надо быть пророкомъ, чтобъ предсказать выводъ: укрѣпленіе однихъ, расширеніе другихъ изъ группы неоскудѣвающихъ хозяйствъ совершалось за счетъ остальныхъ слабѣющихъ дворовъ. Остается пожелать, чтобъ въ обѣщанномъ томѣ условія дифференціаціи и общаго экономическаго упадка деревни были обрисованы возможно полнѣе и иллюстрированы достаточнымъ количествомъ фактовъ, собранныхъ воронежскими статистиками. *Л. Л—о.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го апрѣля по 15-ое мая 1904 г.)

А. Бѣлый. Золото въ лазури. Изд. «Скорпіонъ». М-ва. 1904 г. Ц. 2 р.

К. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ. Т. II. Изд. «Скорпіонъ». М-ва. 1904 г. Ц. 3 р.

Н. Сѣверова. Крестъ материнства. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

З. Бухарова. Стихотворенія. Спб. 1904 г.

Вяч. Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Изд. «Скорпіонъ». 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1904 г. **Шелли.** Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ К. Бальмонта. Т. II. Ц. 2 р.

С. Елпатьевскій. Разсказы. Т. I, II и III. Ц. по 1 р.

Е. Чириковъ. Пьесы. Т. IV. Ц. 1 р.

Эврипидъ. Ипполитъ. Въ стихотв. Перев. Д. Мережковскаго. Медея. Ц. 40 к.

Эсхилъ. Скованный Прометей. Въ стихотв. Пер. Д. Мережковскаго. Съ портр. Эсхила. Ц. 30 к.

Софоклъ. 1) Эдипъ царь. 2) Эдипъ въ Колонѣ. 3) Антигона. Въ стихотв. Перев. Д. Мережковскаго. Съ порт. Софокла. Ц. по 40 к.

С. Юшкевичъ. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.

Красинскій. Иридіонъ. Съ польск. Перев. Уманскаго. Ц. 60 к.

Г. Гауптманъ. Роза Бернд. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 50 к.

Шелли. Освобожденный Прометей. Лирическая драма. Съ англ. Д. Бальмонтъ. Ц. 50 к.

«Школьная библіотека». М-ва. 1904 г. **А. Серафимовичъ.** Въ бурю. Ц. 10 к. **К. Носиловъ.** Въ горахъ Хингана. Разсказъ Ц. 10 к.

Ольга Лье. Робкіе звуки. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Сѣверякъ. Юмористическіе разсказы. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1903 г. Книга I. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

В. Свѣтловъ. Всѣ цвѣта радуги. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Данъ. Борьба за Римъ. Историч. ром. Пер. съ нѣм. Д. Катлеръ. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 30 к.

Вл. Воморгъ. Слезы ангела. М-ва. 1904 г. Ц. 75 к.

«Школьная библіотека». М-ва. 1904 г. **М. Тиличеева.** Алека или гдѣ же счастье? Ц. 10 к. **Поль и Виржини.** Перед. Т. Львовъ. Ц. 25 к. **Бойезенъ.** Пееръ и Ульфъ въ горной глуши Норвегіи. Разсказъ. Ц. 10 к. **С. Орловскій.** Фредъ. Разсказъ. Ц. 15 к. **В. Львовъ.** Въ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ. Ц. 20 к.

М. Твэнъ. Томъ Соуэръ. Романъ. Пер. М. Дубровиной. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

Ал. Новиковъ. Единственная повѣсть Каценбогена.

Изданіе т-ва «Донская Рѣчь». Ростовъ на-Д. 1904 г.

Е. Чириковъ. Коля и Колька. Ц. 2 к. Скиталецъ. Атаманъ. Ц. 2 к. **В. Дмитріева.** Волки. Ц. 3 к. **И. Митропольскій.** На плотахъ. Ц. 3 к. **В. Танаевская.** Безпокойная. Ц. 3 к. **И. Бунинъ.** Надъ городомъ. Ц. 1 к. **А. Крандіевская.** Только одинъ часъ. Ц. 10 к. **Н. Темный.** Сироткинъ. Ц. 3 к. **А. Яблоновскій.** Въ консультаціи. Ц. 3 к. Завѣтная мечта. Ц. 3. **К. Станюковичъ.** Эмигрантъ. Ц. 3 к. **С. Елеонскій.** Грубіянъ. Ц. 7 к. **С. Елпатьевскій.** Присяжнымъ засѣдателямъ. Ц 2 к. «Отлетаетъ мой соколикъ». Ц. 2 р. **В. Короленко.** Черкесъ. Ц. 4 к. Соколинецъ. Ц. 7 к. **С. Надсонъ.** Избранныя стихотворенія. Ц. 3 к. Пѣсни труда. Ц. 5 к. **Л. Мельшинъ.** Маленькіе люди. Ц. 4 к. **В. Алексѣевъ.** Земскіе сборы древней Руси. **А. Серафимовичъ.** На льдинѣ. Ц. 3 к. Въ камышахъ. Ц. 2 к. **И. Бѣлоконскій.** Деревня Печальная. Ц. 3 к. Корея. Ц. 4 к. Какъ живутъ японцы. Ц. 8 к. **В. Вересаевъ.** Къ смѣху. Ц. 1 к. Повѣтріе. Ц. 4 к. Звѣзда. Ц. 1½ к. **Л. Андреевъ.** Жили-были. Ц. 3 к. Ангелочекъ. Ц. 3 к. **А. Кизеветтерь.** Русское общество въ XVIII столѣтіи. Ц. 15 к. **Н. Карышевъ.** Экономическія бесѣды. Ц. 20 к.

Веселовскій, Алдръ Н. В. А. Жуковскій. «Поэзія чувства и сердечнаго воображенія». Спб. 1904 г. XII, 545. Ц. 3 р.

Н. Д. Телешовъ. Противъ обычая. Ц. 3 к. Хлѣбъ-соль. Ц. 1½ к.

Д. Языковъ. Ѳ. А. Туманскій. Историко-литературный очеркъ. М-ва. 1903 г. Ц. 20 к.

Его же. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Историко-литературный очеркъ. М-ва. 1903 г. Ц. 20 к.

Его же. Князь П. А. Вяземскій. Очерки. М-ва. 1903 г. Ц. 20 к.

Его же. Августѣйшій поэтъ. (К. Р.). Критико-біографическій очеркъ. М-ва. 1903 г. Ц. 20 к.

Мих. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Изд. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. III. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Часть 1-ая. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Л. Грецъ. Краткій курсъ электричества. Пер. съ нѣм. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

А. Бекон'ъ. Женщина въ Японіи. Перев. съ 10-го америк. изд. подъ редакц. и съ очеркомъ «Современнаго образованія въ Японіи». Н. П. А. Спб. Изд. О. Поповой. Ц. 1 р. 30 к.

А. Хавкина. Народное образованіе въ Японіи. М-ва. 1904 г. Ц. 35 к.

Н. Карѣевъ. Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи. Спб. 1904 г.

Т. Локоть. Классицизмъ и реализмъ. М-ва. 1903 г. Ц. 40 к.

Н. Растеряевъ. Путевые очерки и замѣтки по Европѣ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Колычевъ. Рабочіе на пріискахъ Сибири. Спб. 1904 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Азія. Иллюстр. географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. 2-ое исправл. и допол. изд. М-ва. 1904 г. Ц. 2 р.

Олив. Лоджъ. Электроны. Пер. съ анг. В. Филиппова. Спб. Изд. О. Поповой. 1904 г. Ц. 40 к.

М. Ребакинъ. Наша война съ Японіей. Одесса. 1904 г. Ц. 5 к.

Фостеръ. Физіологія. Съ 19 рис. М-ва. 1903 г. Ц. 30 к.

Е. Бутми. Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи. Перев. съ нов. франц. изд. подъ редак. М. Покровскаго. М-ва. 1904 г. Ц. 40 к.

П. Мигулинъ. Наша банковая политика. (1729—1903). Харьковъ. 1904 г. Ц. 3 р.

Энциклопедія банковаго дѣла. Руководство для банковыхъ дѣятелей и лицъ, прибѣгающимъ къ услугамъ банковъ. Сост. и обработана подъ ред. А. Залшупина. Спб. 1904 г. Изд. газ. «Промышленный Міръ». Ц. 3 р.

За 100 лѣтъ 1800—1900 экономическое и политическое развитіе всѣхъ странъ свѣта. Сост. фран. академиками и др. извѣстными авторами. Перев. и доп. Н. Растеряевъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Пер. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона. Пер. и ред. Ю. Энгеля. Спб. 1904 г. Вып. XVII. Ц. по подпискѣ 6 р.

Лѣтопись войны съ Японіей.

Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 8-ое. Доходъ съ изд. поступитъ въ кассу О-ва вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

В. Чернышевъ. Гоненіе на христіанъ въ Римской имперіи. Вып. I. Нероново гоненіе. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

Его же. Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія. Спб. 1904 г. Ц. 75 к.

Н. Костомаровъ. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга 3-ья. Т. VII и VIII. Изд. «Литературнаго фонда». Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Г. Іоллосъ. Письма изъ Берлина. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

В. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня. 1898—1903 гг. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

Е. Смирновъ. Очеркъ теоріи цѣнности. Спб. 1904 г.

А. Де-Мерсье. Права женщины. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Э. Вандервельде. Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Пер. съ фр. Л. Никифорова. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р.

Д. Ивановъ. Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ Петербурга. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Виховтъ. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. М-ва. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

«Библіотека А. Ѳемелиди». XIX вѣкъ. Франція. Викторъ Гюго. Ч. I и II. Одесса. 1904 г. Ц. 2 р.

М. Красильниковъ. Скотокрадство въ Уфим. губ. (по даннымъ 1902 г.). Уфа. 1904 г.

Труды VIII Губернскаго съѣзда гг. земскихъ врачей и предсѣдателей земскихъ управъ Саратовской губерніи съ 21-го октября по 1-ое ноября 1903 г. Т. I и II. Саратовъ. 1904 г.

Обзоръ сельскохозяйственный Нижегородской губ. за 1903 г. Вып. I—III. Н.-Новгородъ. 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной «Столбы» въ Н.-Новгородѣ за 1903 г.

Отчетъ Херсонской Общественной библіотеки и 2-хъ ея отдѣленій за 1903 годъ. Херсонъ. 1904 г.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель въ С.-Петербургской губерніи. Т. I. Ямбургскій уѣздъ. Вып. I. Спб. 1904 г.

А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. М-ва. 1904 г. Ц. 3 р.

Отчетъ Харьковской общественной библіотеки за 17-й годъ ея существованія. Харьковъ. 1903 г.

И. Беневитскій. Стихотворенія. Казань. 1904 г.

Уткинскій сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Майеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 мя портретами. Подъ ред. А. Грузинскаго. М-ва. 1904 г. Ц. 2 р.

Путникъ (Н. Лендеръ). Черное море и Кавказъ. Съ рис. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Тотоміанцъ. Задачи городского самоуправленія. Спб. 1904 г. 20 к.

А. Шнитцлеръ. Одинокимъ путемъ. Пьеса въ 5 дѣйств. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Aus der indischen Kulturwelt*» *von D-Arthur Pfungst.* (*Fromann*) *2 Mk. 60 pf.* (*Изъ индійскаго культурнаго міра*). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ собраніе очерковъ по индійской философіи, религіи, кастовому устройству, фольклору, легендамъ и т. д.

(Berlin. Tag.).

«*La Manière de voyager autrefois et de nos jours*» *par M. A. Belloc.* (*Ch. Delagrave*). (*Способы путешествій въ прежнія времена и теперь*). Это забавное и поучительное изслѣдованіе путешествій въ различныя эпохи нашей исторіи, причемъ въ измѣненіяхъ способовъ передвиженія и путей сообщенія можно наблюдать вліяніе тѣхъ политическихъ и соціальныхъ превращеній, которыми ознаменовалось теченіе вѣковъ. Авторъ изслѣдуетъ не только способы передвиженія, постоянно мѣнявшіеся, но и суши, судьба которыхъ была также измѣнчива. Документальныя данныя, собранныя авторомъ въ его книгѣ, дополняются массою всевозможныхъ забавныхъ анекдотовъ и разсказовъ о прежнихъ способахъ путешествій.

(Revue).

«*Things seen in Marocco*» *by A. S. Dawson.* (*Methuen*). *10 s. 6 d.* (*То, что можно видѣть въ Марокко*). Въ книгѣ заключаются очерки Марокко, правовъ, обычаевъ и политическихъ событій за послѣдніе четыре года. Въ виду интереса, который пріобрѣтаетъ теперь Марокко въ европейской политикѣ, европейскимъ читателямъ небезынтересно будетъ познакомиться со страной, представляющей во многихъ отношеніяхъ еще малоизвѣстный уголокъ земного шара.

(Academy).

«*Far Eastern Impressions*» *by Ernest F. G. Hatch. M. P. Japan, Korea, China* (*Hutchinson*). *6 s.* (*Впечатлѣнія Дальняго Востока*). Литература Дальняго Востока обогатилась въ настоящее время массою цѣнныхъ изслѣдованій, но тѣмъ не менѣе названная книга должна занять въ ней выдающееся мѣсто. Авторъ три года тому назадъ объѣхалъ Японію, Корею и Китай и собралъ тогда много данныхъ и фактовъ и познакомился съ различными взглядами на восточно-азіатскую проблему, въ особенности же онъ обратилъ вниманіе на ея торговую сторону. Описанія мѣстности и народонаселенія восточно-азіятскихъ странъ сдѣланы очень живо. Впечатлѣнія, которыя вынесъ авторъ изъ своего пребыванія въ трехъ государствахъ Дальняго Востока, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: Японія восхитила его; Китай произвелъ на него подавляющее впечатлѣніе, но навелъ на него грусть; Корея же поразила его своею необычайною отсталостью, инертностью и своими богатыми рессурсами, которые остаются, однако, нетронутыми. Въ общемъ, книга читается съ интересомъ и заключаетъ въ себѣ много полезныхъ для европейца свѣдѣній. Иллюстраціи очень хороши.

(Academy).

«*Men and Manners of the Third Republic*» *by Albert Vandom.* (*Chapman and Holl*). *12 s.* (*Люди и нравы третьей республики*). Авторъ этой книги, въ качествѣ парижскаго корреспондента и писателя, былъ знакомъ со всѣми знаменитостями французскаго политическаго и литературнаго міра и собралъ много интересныхъ матеріаловъ, относящихся къ дѣятелямъ второй имперіи и третьей республики. Его очерки написаны очень живо, но страдаютъ мѣстами прежнимъ полемическимъ задоромъ.

(Daily News).

«*The Religion of the Universe*» *by S. Allanson Picton M. A.* (*Macmillan*). *10 s.* (*Религія вселенной*). Авторъ посвящаетъ свою книгу памяти Герберта Спенсера, который «первый дѣйствительно постарался примирить религію и науку». Трудно представить себѣ лучше написанный трактатъ о высшемъ пантеизмѣ. Авторъ обладаетъ глубокою ученостью и хорошо знакомъ съ современною философіей и наукой.

(Academy).

«*Histoire des Littératures Comparées*». *Des origines au XX siècle. Par Frédéric Lalliée* (*Delagrave*) (*Сравнительная исторія литературъ*). Эта книга входитъ въ составъ серіи, озаглавленной «L'évolution historique des littératures» (историческая эволюція литературъ) и въ предисловіи къ ней Октавъ Грераръ, изъ французской ака-

демія, говоритъ, что трудъ Лалье представляетъ интеллектуальную и нравственную исторію человѣчества. Кромѣ того, такое историческое изслѣдованіе помогаетъ распространенію идей мира, терпимости и нравственной гармоніи. Самое интересное въ книгѣ—это заключеніе. Изслѣдовавъ, въ предшествовавшихъ главахъ всѣ литературныя движенія, происходящія въ мірѣ, начиная съ Египта и кончая современной эпохой, авторъ указываетъ на единство направленій и сходство, которое наблюдается въ литературныхъ эпохахъ, и заявляетъ, что всѣ націи постепенно вводятся въ одинъ и тотъ же жизненный кругъ. Характерный симптомъ современной эпохи—успѣхи космополитизма и интернаціонализма должны измѣнить духъ литературы и вызвать утрату оригинальности и индивидуализма, хотя, конечно, расовыя черты и особенности языка, до нѣкоторой степени, могутъ все-таки задержать такое нивеллирующее дѣйствіе эпохи.

(Academy).

«*In African Forest and Jungle*» *by P. Du-Chaillu. London* (*Murray*) *6 s.* (*Въ африканскомъ лѣсу и джунляхъ*). Очень интересное описаніе лѣсныхъ дебрей западной Африки, полное самыхъ драматическихъ приключеній, указывающихъ какія трудности и опасности окружаютъ путешественника со всѣхъ сторонъ въ африканскомъ лѣсу. Рисунки очень хороши.

(Academy).

«*Précurseurs et Révoltés*» *par Edouard Schuré. 1 vol.* (*Perrin*) (*Предшественники и возмущенные*). Это очерки литературной психологіи. Авторъ говоритъ о мыслителяхъ и художникахъ разныхъ странъ, которые всѣ составляютъ одну общую семью людей, прокладывающихъ новые пути и разламывающихъ старыя рамки, стѣсняющія ихъ движенія. Эти избранныя души характеризуются возвышенностью своего ума, широтою взглядовъ и самою человѣчною симпатіей, также какъ и любовью и стремленіемъ ко всему прекрасному. Съ этой точки зрѣнія авторъ анализируетъ жизнь и произведенія англійскаго поэта Шелли, Ницше, Ады Негри, художника Густава Моро и др. Очерки автора представляютъ интересный вкладъ въ исторію наиболѣе оригинальныхъ и наиболѣе смѣлыхъ тенденцій современной мысли, выражающихся въ различныхъ произведеніяхъ какъ литературы, такъ и искусства.

(Revue des Deux Mondes)

«*Les Habitations à bon Marché*» *par Jean Lahor* (*Librairie Larousso*). (*Дешевыя жилища*). Въ этой маленькой книгѣ авторъ даетъ обзоръ всему, что было сдѣлано до сихъ поръ для устройства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для рабочихъ за границею и во Франціи. Подъ покровительствомъ автора устроилось въ настоящее время новое общество, имѣющее цѣлью увеличить число дешевыхъ помѣщеній, поэтому и въ своей книгѣ онъ указываетъ, какимъ образомъ можно достигнуть того, что въ жилищѣ рабочаго гигіена будетъ соединена съ извѣстнымъ комфортомъ и все это можно получить, затративъ лишь небольшія суммы. Кромѣ того авторъ, путемъ статистики, доказываетъ, что устройство такихъ жилищъ является даже выгоднымъ помѣщеніемъ денегъ для работодателей.

(La Revue).

«*Souvenirs du bagne*» *par Liard-Courtois* (*Fasquelle*). (*Воспоминанія о каторгѣ*). Эти впечатлѣнія, вынесенныя съ каторги, послѣ предварительнаго пребыванія на ней, полны животрепещущаго интереса. Въ книгѣ заключается много такихъ подробностей, которыя могутъ быть извѣстны только человѣку, вынужденному обстоятельствами прожить долгое время среди каторжниковъ. Взгляды на психологію «униженныхъ и оскорбленныхъ», которые сообщаетъ авторъ, основываются на непосредственныхъ наблюденіяхъ и личномъ опытѣ, такъ какъ ему самому пришлось вести жизнь, полную такихъ лишеній и бѣдствій, въ теченіе многихъ лѣтъ.

(La Revue).

«*Methods of social Advance*; *short studies in social Practice*» *by various authors, colited by C. S. Loch* (*Macmillan*). (*Методы соціальнаго прогресса*). Въ этой книгѣ изложены идеалы, воодушевляющіе общество соціальныхъ работниковъ и указаны методы, которые употребляются ими въ ихъ практической дѣятельности, имѣющей цѣлью соціальныя реформы.

(Athaeneum).

«*Social Life under the Stuart*» *by Elizabeth Godfrey, Anthor of* «*Home Life under the Stuarts*». *Illustrated.* (*Grant Richards*). *12 s. 6 d.* (*Соціальная жизнь во времена Стюартовъ*). Очень интересное живое описаніе эпохи Стюартовъ и тѣхъ общественныхъ теченій, которыя ее характеризуютъ.

(Athaeneum).

«*Greater America*» *by Archibald Colquhoun* (*Harper and Brothers*). (*Великая Америка*). Авторъ разсматриваетъ новое направленіе американской политики, имперіалистскія тенденціи и тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться Соединеннымъ Штатамъ въ ихъ стремленіи къ расширенію своихъ владѣній. Авторъ выражаетъ сожалѣніе, что высокіе идеалы современниковъ Вашингтона и Линкольна въ американской жизни теперь потускнѣли и замѣнены другими, болѣе низкаго сорта, и что, несмотря на то, что лучшіе изъ американцевъ признаютъ нѣкоторые вопіющіе недостатки своего управленія, но лишь очень рѣдкіе изъ нихъ соглашаются жертвовать своимъ временемъ на борьбу и исправленіе этихъ недостатковъ. Взгляды

автора на современное положеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, доктрину Монроё, колоніальную политику и т. п. представляютъ несомнѣнно большой интересъ, въ виду активной роли, которую играетъ теперь Америка въ политическихъ злобахъ дня.

(Athaeneum).

«*Les Frontières de la Maladie*» *par le D. S. Héricourt* (*Flammarion*). (*Границы болѣзни*). Здоровье и болѣзнь хотя и представляютъ два противоположныхъ состоянія человѣческаго организма, но въ сущности они очень близки, и граница, раздѣляющая ихъ, весьма неопредѣленна. Организмъ никогда не достигаетъ полнаго равновѣсія функцій, что, собственно, и должно составлять здоровье, и человѣкъ часто сохраняетъ видъ здороваго въ то время, когда въ отправленіяхъ его организма существуютъ уже нѣкоторые небольшіе безпорядки, о которыхъ, быть можетъ, онъ и самъ не подозрѣваетъ, такъ какъ не обращаетъ на это должнаго вниманія. Но именно въ такомъ начальномъ періодѣ разстройства функцій вмѣшательство врача могло бы принести наибольшую пользу. Это и старается доказать авторъ въ своей книгѣ, которая служитъ предостереженіемъ именно для такихъ «безсознательныхъ» больныхъ, заставляя ихъ больше обращать вниманіе на правильность отправленій своего желудка.

(Revue).

«*Madagaskar, les Malgaches, origines de la colonisation française, la conquête*» *par Gabriel Gravier* (*Delagrave*). (*Мадагаскаръ, Малгаши, происхожденіе французской колонизаціи, завоеваніе*). Авторъ этого довольно объемистаго труда изучаетъ исторію Франціи съ Мадагаскаромъ, со временъ Ришелье, описываетъ различные народы, населяющіе островъ, ихъ нравы, религію, суевѣрія и характеръ. Онъ старается указать тѣ затрудненія, съ которыми приходится имѣть дѣло въ этой странѣ, такъ какъ ассимиляція болѣе или менѣе дикихъ націй всегда достается не легко.

(La Revue).

«*In the Palaces of the sultan*» *by Anna Bowman Dodd. Illusurated.* (*Heinemann*). *16 s.* (*Во дворцахъ султана*). Очень интересное и превосходно иллюстрированное описаніе жизни турецкаго двора, его обычаевъ, интригъ, аудіенцій и пріемовъ, а также жизни аристократическихъ турецкихъ дамъ и гаремныхъ условій, близко знакомыхъ автору, вращавшемуся въ турецкомъ придворномъ кругу.

(Review of Reviews).

«*Modern socialism, as set forth by socialists in their Speeches, Writings and Programmes*». *Edited by R. C. K. Euxor. Index.* (*Harper and Brothers*). (*Современный соціализмъ, въ рѣчахъ, писаніяхъ и программахъ соціалистовъ разныхъ странъ*). Въ превосходномъ введеніи къ этому сборнику издатель даетъ ясное и, повидимому, вполнѣ безпристрастное описаніе соціализма въ различныхъ европейскихъ странахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и британскихъ колоніяхъ. Для полнаго уясненія себѣ этого ученія въ его различныхъ оттѣнкахъ особенно имѣютъ значеніе оффиціальныя программы германской соціалъ-демократической партіи, французскихъ соціалистовъ, англійской соціалъ-демократической федераціи, независимой рабочей партіи и фабіонскаго общества. Этотъ строго научный сборникъ можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи современныхъ политическихъ теченій въ Европѣ.

(Review of Reviews).

Поступила въ продажу новая книга:

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

„КЪ СВѢТУ“

подъ редакціей **Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова.**

Изданіе Комитета Общества доставленія средствъ С.-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ.

35 статей (стихотворенія, очерки, повѣсти и разсказы, статьи научныя и критическія по женскому вопросу) и 12 снимковъ съ картинъ лучшихъ художниковъ. XII. 535. **Цѣна 4 р.** Выписывающіе черезъ контору журнала „Міръ Божій“ за пересылку не платятъ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Химическіе элементы и ихъ распредѣленіе въ земномъ шарѣ, его корѣ, его моряхъ и въ его атмосферѣ.

Огонь, вода, воздухъ и земля—вотъ тѣ четыре элемента, изъ которыхъ древніе греки построяли вселенную; такова была сила вліянія аристотелевской науки на научныя воззрѣнія европейцевъ, что эти же элементы фигурируютъ и въ извѣстныхъ руководствахъ по химіи даже въ концѣ XVIII вѣка, несмотря на то, что металлургія, медицина и алхимія накопили массу опытнаго матеріала. Только Лавуазье, заложившій фундаментъ для современной химіи, далъ впервые опредѣленіе элемента, какъ простого тѣла, которое мы не въ состояніи разложить на еще болѣе простыя составныя части. Вскорѣ стало ясно, что такихъ тѣлъ много, число ихъ, благодаря работамъ химиковъ и физиковъ расло съ каждымъ десятилѣтіемъ. Непрерывное, послѣ Лавуазье, развитіе химіи, призвавшей къ себѣ на помощь электричество и спектральный анализъ, установило въ настоящее время около 70 элементовъ, простыхъ неразложимыхъ тѣлъ; каждое изъ нихъ всюду сохраняетъ неизмѣнными химическія свойства и особый характерный для него спектръ.

Тысячи анализовъ выяснили химикамъ, что элементы соединяются другъ съ другомъ въ опредѣленныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ. Напримѣръ, вѣсовое количество водорода, входящаго въ соединенія его съ другими элементами, всегда меньше вѣсового количества всякаго другого элемента; поэтому къ водороду, взятому за единицу, относятъ вѣсовыя количества, въ которыхъ соединяются между собою всѣ другіе элементы. Такими анализами и вычисленіями были найдены *пайныя количества* элементовъ: для водорода — 1, для кислорода—16 *), для хлора—35, для калія—29, для натрія—23, для іода—127 и т. д. Принявъ атомную теорію, т.-е. допустивъ, что всѣ вещества состоятъ изъ химически недѣлимыхъ атомовъ, то различныхъ—въ сложныхъ тѣлахъ, то одинаковыхъ — въ тѣлахъ простыхъ (элементахъ), химія должна была придти къ заключенію, что пайныя количества элементовъ выражаютъ вѣсовыя отношенія различныхъ атомовъ, что элементы отличаются другъ отъ друга своими атомами и прежде всего ихъ вѣсомъ, такъ называемымъ *атомнымъ*

*) Числа приводятся приблизительныя.

вѣсомъ. Такимъ образомъ, приведенные выше пан: 1, 16, 35, 39, 23, 127, выражаютъ въ то же время и атомные вѣса соотвѣтственныхъ элементовъ и указываютъ, что атомъ кислорода въ 16, атомъ хлора въ 35, атомъ калія въ 39, атомъ натрія въ 23 и атомъ іода въ 127 разъ тяжелѣе атома водорода. Кромѣ атомнаго вѣса, элементы отличаются другъ отъ друга и спеціальными химическими свойствами каждаго изъ нихъ; одновременно были подмѣчены въ свойствахъ нѣкоторыхъ элементовъ и черты сходства, благодаря чему стали возможными и химическія классификаціи. Мы укажемъ здѣсь только на 2 главныя группы, на которыя разбиваются элементы, это: *металлы* и *металлоиды*. Металлы—мѣдь, цинкъ, желѣзо, свинецъ, калій, натрій, магній и др. характеризуются тѣмъ, что соединенія ихъ съ кислородомъ или съ водородомъ имѣютъ свойства основаній (наиболѣе типичные изъ нихъ — щелочи: ѣдкіе—натръ, калій); поэтому металлы называются также *основными* элементами; металлоиды же—хлоръ, бромъ, іодъ, азотъ, углеродъ и др.—при соединеніи съ кислородомъ или водородомъ образуютъ соединенія, владѣющія кислотными свойствами; поэтому металлоиды и называются *кислотными* элементами. Изъ этихъ простыхъ тѣлъ — элементовъ образована не только наша планета. Химическій анализъ показалъ, что метеориты — эти пришельцы изъ звѣздныхъ пространствъ — состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, только пока въ метеоритахъ найдены далеко не всѣ земные элементы, а всего около 40. Спектральный анализъ открылъ Кирхофу, что въ атмосферѣ солнца находятся — натрій, кальцій, барій, магній, желѣзо, хромъ, мѣдь и цинкъ; позже Энгстрёмъ, Таленъ, Локьеръ доказали присутствіе въ солнцѣ водорода, марганца, алюминія, кадмія, стронція, церія, свинца и калія, а изъ изслѣдованій Роуланда видно, что въ атмосферѣ солнца, кромѣ 36 металловъ, находится еще три металлоида — кислородъ, углеродъ и кремній. Тотъ же спектральный анализъ указалъ на вѣроятное присутствіе въ кометахъ углеводородовъ, а въ спектрѣ звѣзды α изъ созвѣздія Лебедя Локьеръ открылъ магній, кальцій, желѣзо, титанъ, марганецъ, хромъ, никкель, ванадій, мѣдь и стронцій.

Такимъ образомъ, анализы метеоритовъ и спектральныя изслѣдованія установили тотъ фактъ, что элементы, изъ которыхъ построена наша земля, входятъ въ составъ и другихъ небесныхъ тѣлъ, но въ то же время спектры элементовъ являются очень сложными, состоящими изъ многочисленныхъ линій, что указываетъ скорѣе на сложность нашихъ элементовъ и представляетъ новый доводъ въ пользу единства матеріи. На послѣднемъ вопросѣ мы не станемъ останавливаться въ этомъ фельетонѣ и перейдемъ къ распредѣленію химическихъ элементовъ въ земномъ шарѣ, его корѣ, въ водѣ океановъ и въ атмосферѣ.

Бросимъ прежде всего быстрый взглядъ на астрономическій періодъ жизни нашей планеты. Если мы примемъ гипотезу Канта—Лапласа, то должны допустить, что вначалѣ земля была газообразна и температура ея была близка и даже выше теперешней температуры солнца. Постепенно, повинуясь законамъ тяготѣнія, газовыя частицы земли сближались и она принимала все болѣе и болѣе ясную сферическую форму; наконецъ, она становится блестящей бѣлой

звѣздой. Въ этотъ свой «звѣздный» періодъ земля являлась настоящей химической лабораторіей: тамъ происходили восходящія и нисходящія теченія и гигантскія изверженія раскаленнаго водорода и другихъ газовъ. Но окружающее міровое холодное пространство охлаждаетъ эту звѣзду; проходятъ милліоны лѣтъ—изъ бѣлой она становится желтой, затѣмъ свѣтло-красной, темно-красной и, наконецъ, потухаетъ. Параллельно съ охлажденіемъ шло и измѣненіе физическаго состоянія земли: изъ газообразнаго она переходитъ въ жидкое состояніе. Соединенія, изъ которыхъ образованы всѣ сложныя тѣла нашей земли могли появляться только благодаря послѣдовательному пониженію температуры; пары сгущались и выпадали въ видѣ различныхъ дождей, причемъ вещества располагались слоями, въ зависимости отъ ихъ удѣльнаго вѣса. Самый верхній расплавленный слой состоялъ изъ легкихъ металловъ, въ глубинахъ осѣли тяжелые металлы. Натрій, калій, кальцій, кремній и алюминій появляются на поверхности жидкаго земного шара; они окисляются отъ соприкосновенія съ кислородомъ атмосферы; кремній превращается въ кремнеземъ, металлы образуютъ металлическіе окислы; затѣмъ кремнеземъ, по крайней мѣрѣ отчасти, соединяется съ окислами и образуетъ различныя кремнекислыя соли, смѣшеніе этихъ солей съ остаткомъ кремнезема вызываетъ, при усиливающемся охлажденіи, появленіе тѣстообразнаго гранитнаго слоя, который съ теченіемъ времени охлаждается, отвердѣваетъ и образуетъ тонкую кору. Громадные приливы, обусловливаемые притяженіемъ только что отдѣлившейся луны, долго не даютъ этой корѣ отвердѣть окончательно, она то повышается, то опускается, то дастъ трещины, то снова спаивается—появляются первыя гранитныя изверженія.

Строеніе земной коры чрезвычайно сложно и обусловлено цѣлымъ рядомъ процессовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ какъ до, такъ и послѣ ея затвердѣнія. Когда земля была еще въ жидкомъ состояніи, то, какъ мы уже упоминали, металлы большого удѣльнаго вѣса должны были отлагаться ближе къ центру земного шара, въ поверхностномъ же слоѣ собирались вещества болѣе легкія; но вслѣдствіе охлажденія земного шара и образованія трещинъ въ только что появившейся твердой корѣ, въ послѣднюю проникали, частью въ видѣ расплавленныхъ массъ, частью, въ болѣе поздніе періоды, въ видѣ отложеній подземныхъ водъ, элементы, первоначально находившіеся въ болѣе глубокихъ частяхъ земного шара. Благодаря этимъ процессамъ мы встрѣчаемъ различныя металлоносныя жилы мѣди, никеля, свинца и т. п. Вообще, въ большинствѣ случаевъ послѣдствіемъ геологическихъ процессовъ являются различныя перемѣщенія въ вертикальномъ направленіи, какъ напр., отложеніе различныхъ пластовъ, образованіе складокъ, поднятіе кверху изверженныхъ породъ, а также подземныхъ металлосодержащихъ водъ...

Перейдемъ теперь къ вопросу о распредѣленіи элементовъ въ земномъ шарѣ въ настоящее время. Здѣсь мы воспользуемся матеріаломъ и соображеніями проф. Делонэ, которыя собраны имъ въ статьѣ, помѣщенной въ № 8 с. г. Revue generale des sciences pures et appliquées.

Атмосферный воздухъ состоитъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, изъ

кислорода, азота и небольшого количества угольной кислоты, аргона, слѣдовъ водорода и углеводородовъ. Напомнимъ, что подъ атмосферой, окружающей землю, находится въ настоящее время огромное количество воды, достаточное, чтобы покрыть всю землю слоемъ приблизительно въ 3 километра толщиною; въ моментъ отвердѣванія земной коры вся эта вода находилась въ парообразномъ состояніи, или, вѣрнѣе была разложена на свои газообразные элементы—кислородъ и водородъ, которые и наполняли атмосферу; слѣдовательно, въ ту далекую отъ насъ эпоху въ атмосферѣ находилось гораздо больше водорода, чѣмъ теперь.

Другимъ твердо установленнымъ фактомъ является отсутствіе кислорода въ глубокихъ слояхъ земли; кислородъ распредѣленъ въ поверхностныхъ слояхъ,—всего на 30, 40 километровъ въ глубину.

Правда, отсутствіе это никогда не является полнымъ въ нашихъ даже наиболѣе основныхъ породахъ огненнаго происхожденія, т.-е. въ наиболѣе глубокихъ изъ нихъ, и только въ основныхъ магмахъ *) исчезновеніе кислорода становится несомнѣннымъ на что указываютъ напримѣръ залежи сѣрнистыхъ металловъ, обыкновенно находящіяся въ самыхъ глубокихъ слояхъ, до которыхъ, при современномъ состояніи техники, мы только можемъ дойти. Также и вода отсутствуетъ почти совершенно въ глубокихъ слояхъ земного шара, она исчезаетъ даже раньше, чѣмъ оканчивается силикатная кора. Не считая небольшого количества воды, которое задерживается горными породами, вся подпочвенная вода происходитъ съ поверхности земли.

И такъ, можно предположить, что кислородъ, входящій нынѣ въ составъ земли, явился сюда съ ея поверхности, и отвердѣваніе земного шара тѣсно связано съ окисленіемъ, т.-е. въ одно и то же время и съ горѣніемъ и съ образованіемъ шлаковъ; благодаря этому процессу кислородъ соединился съ парами металловъ болѣе глубокихъ слоевъ. Слѣдовательно, въ ту далекую эпоху, когда земля наша находилась отчасти въ расплавленномъ, отчасти въ газообразномъ состояніи, когда еще не начинались процессы образованія твердой коры, въ газообразныхъ слояхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ центра, должны были находиться пары кислорода, водорода, азота, аргона и углерода, причемъ больше всего было кислорода, такъ какъ даже послѣ своего

*) Все разнообразіе изверженныхъ горныхъ породъ объясняютъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, смѣшеніемъ въ различныхъ пропорціяхъ двухъ или нѣсколькихъ *магмъ*, залегающихъ или залегавшихъ въ вулканическихъ областяхъ на нѣкоторой глубинѣ въ особыхъ самостоятельныхъ бассейнахъ. Бунзенъ принималъ существованіе двухъ магмъ—одной основной съ 49% кремнекислоты, другой—кислотной съ 76%. Если принять расположеніе веществъ въ земномъ шарѣ, какъ мы уже указали, въ видѣ слоевъ различнаго удѣльнаго вѣса, то, по мѣрѣ движенія къ центру земли, будутъ встрѣчаться магмы все болѣе и болѣе тяжелыя и основныя. Многіе ученые объясняютъ различіе изверженныхъ горныхъ породъ не только различіемъ этихъ магмъ, но также и дальнѣйшимъ разчлененіемъ одной и той же магмы, когда въ ней наступаютъ процессы кристализаціи, а также и просто тѣмъ, что магма, при спокойномъ ея состояніи, можетъ, въ свою очередь, распадаться на различные слои различнаго удѣльнаго вѣса.

соединенія съ водородомъ, углеродомъ и всѣми остальными элементами шлаковой коры, которые мы находимъ въ настоящее время въ земной корѣ, количество свободнаго кислорода все еще настолько велико, что составляетъ три четверти атмосфернаго воздуха. Спектральный анализъ показываетъ, что по своему составу хромосфера солнца и звѣздъ соотвѣтствуетъ глубокимъ зонамъ земной коры, а не нашей атмосферѣ. Такъ, спектръ звѣздъ α созвѣздія Лебедя удивительно близокъ къ спектру солнечной хромосферы: и тотъ и другой указываютъ на присутствіе магнія, кальція, желѣза, титана, марганца, хрома, никеля, ванадія, мѣди, стронція. Но пары этихъ металловъ, по мнѣнію Зюсса, находились когда-то и на землѣ, въ моментъ образованія наиболѣе основныхъ породъ, на что указываютъ анализы нѣкоторыхъ норвежскихъ рудъ, содержащихъ перечисленные выше металлы. Кромѣ того, въ хромосферѣ солнца находится въ большомъ количествѣ водородъ, въ особенности въ частяхъ ея съ наиболѣе высокой температурой и, въ такъ называемыхъ протуберанцахъ. Точно также во временныхъ звѣздахъ и въ большинствѣ блестящихъ звѣздъ, свѣтящихся голубымъ или бѣлымъ свѣтомъ, водородъ содержится въ изобиліи. Чѣмъ блестящѣе звѣзда и чѣмъ, слѣдовательно, температура ея выше, тѣмъ больше спектръ ея упрощается и приближается къ спектру водорода; присутствіе же кислорода въ звѣздахъ, раскаленныхъ до-бѣла, не обнаружено,—потому ли, что его дѣйствительно тамъ нѣтъ, или же, что болѣе вѣроятно, этотъ металлоидъ находится подъ хромосферой, въ раскаленной до бѣла фотосферѣ, которая даетъ сплошной спектръ, до сихъ поръ въ химическомъ отношеніи еще не опредѣленный.

Среди второстепенныхъ элементовъ земной атмосферы находится углеродъ, но въ небольшомъ количествѣ и въ видѣ двухъ соединеній: угольной кислоты (въ количествѣ 0,01%) (соединеніе съ кислородомъ) и въ видѣ, какъ это недавно показалъ Готье, углеводородовъ (соединенія съ водородомъ). Но, если даже къ углероду воздуха присоединить весь углеродъ, заключающійся въ растеніяхъ и животныхъ и заимствованный ими, вѣроятно, первоначально изъ воздуха, то все же общее его количество будетъ очень не велико. Но если мы обратимся къ земной корѣ, то увидимъ, что въ составъ горныхъ кристаллическихъ породъ входитъ значительное количество углерода (0,2%). Не говоря ужъ объ нефтяныхъ источникахъ, которые могутъ быть и органическаго происхожденія, вулканами, напр., выдѣляется углеродъ, находящійся внутри земли въ видѣ углеводородовъ и окисленіемъ превращенный въ угольную кислоту. Здѣсь встаетъ вопросъ, находился ли углеродъ первоначально въ атмосферѣ и горныя породы глубокихъ зонъ земли заимствовали его оттуда при посредствѣ организмовъ или же наоборотъ, углеродъ происходитъ изъ глубинъ земного шара, откуда принесенъ на поверхность земли газообразными выдѣленіями и здѣсь уже ассимилированъ живыми организмами. Первая гипотеза наиболѣе распространена въ геологіи, но по мнѣнію Делонэ, она менѣе правдоподобна, во-первыхъ, въ виду изверженія изъ глубокихъ слоевъ земного шара углеводородовъ, во-вторыхъ, въ виду того, что кристаллическія породы содержатъ углерода, по крайней мѣрѣ, въ 20 разъ больше, чѣмъ воздухъ.

Подъ атмосферой лежатъ моря, въ водѣ (соединеніе кислорода и водорода —H_2O) которыхъ содержатся всѣ растворимыя вещества земной коры. Элементы, входящіе въ составъ морской воды, находятся почти въ такихъ же пропорціяхъ и въ горныхъ породахъ огненнаго происхожденія а наиболѣе важные изъ нихъ содержатся въ значительныхъ количествахъ, какъ въ современныхъ вулканическихъ изверженіяхъ, такъ и въ геологическси болѣе древнихъ. Опять является вопросъ, существовали ли вещества, растворимыя въ морской водѣ, съ самаго начала въ ней (или въ атмосферѣ) и затѣмъ ужъ вошли въ составъ горныхъ породъ, или же они были ею заимствованы отъ этихъ послѣднихъ, или же, наконецъ, вещества эти явились изъ еще болѣе глубокихъ слоевъ земного шара? Разобьемъ элементы, находящіеся въ морской водѣ, на двѣ группы: 1) металлы (преобладаютъ натрій, калій, кальцій, магній), изъ которыхъ въ морѣ находятся почти всѣ до цинка и золота включительно (по однимъ вычисленіямъ въ океанахъ находится до 37 милліардовъ золота, по другимъ же до 6 милліардовъ), 2) металлоиды: хлоръ, сѣра, іодъ, бромъ, фторъ, боръ, фосфоръ и пр.

Что касается металловъ, то присутствіе ихъ въ морѣ можетъ быть объяснено очень просто. Эти металлы тѣ же, что и въ земной корѣ, но въ водѣ они распредѣленны по степени своей растворимости. Сначала идетъ натрій, преобладающій въ водахъ, соприкасающихся съ полевошпатовыми породами *), какъ это мы видимъ и въ большинствѣ минеральныхъ источниковъ; затѣмъ—калій, за нимъ—щелочно-земельные элементы—кальцій и магній и, наконецъ, только въ видѣ слѣдовъ, остальные металлы, которые образуютъ мало растворимыя соли, встрѣчающіяся очень рѣдко и въ земной корѣ. Такое совпаденіе логичнѣе, по мнѣнію Де-Лонэ, объяснять выщелачиваніемъ горныхъ породъ, чѣмъ присутствіемъ въ первоначальной раскаленной атмосферѣ паровъ тѣхъ же самыхъ металловъ, которые образовали и земную кору.

Присутствіе въ морѣ металлоидовъ объяснить труднѣе. Изъ нихъ хлоръ, въ видѣ хлористыхъ соединеній, преобладаетъ, затѣмъ идетъ сѣра (въ видѣ сѣрнокислыхъ соединеній); второстепенную роль по количеству играютъ всѣ остальные металлоиды, изъ которыхъ, іодъ, бромъ, фосфоръ, азотъ, углеродъ появились въ морѣ съ тѣхъ поръ, какъ они стали ассимилироваться живыми организмами.

Достойно вниманія, что преобладающіе въ морѣ—хлоръ, сѣра, затѣмъ углеродъ, боръ являются элементами, характерными для вулканизма и постоянными для цѣлаго ряда явленій, въ которыхъ геологи видятъ слѣды газообразныхъ выдѣленій фумаролъ **) древнихъ горныхъ породъ огненнаго происхожденія.

---

*) Полевошпатовыя породы—т.-е. такія кристаллическія горныя породы, въ которыхъ существенной составной частью являются тѣ или другіе полевые шпаты. Полевые шпаты — одна изъ важнѣйшихъ и распространеннѣйшихъ группъ минераловъ; по химическому составу это—силикаты глинозема, щелочей и щелочныхъ земель, въ тѣхъ или другихъ пропорціяхъ.

**) *Фумаролами* называются выходы различныхъ газовъ и паровъ изъ трещинъ и отверстій на днѣ кратера, по склонамъ вулканическаго конуса, у его подошвы, наконецъ изъ самой лавы.

Сходство вулканическихъ фумаролъ съ другими—болѣе древними проявленіями вулканизма даетъ возможность предположить одно и то же происхожденіе обѣихъ группъ этихъ явленій. Но чѣмъ объяснить сходство между элементами газообразныхъ вулканическихъ выдѣленій и элементами, содержащимися въ морской водѣ? Тѣмъ ли, что въ вулканическія породы внѣдрялись, просачивались минеральныя соли морской воды, или же наоборотъ, тѣмъ, что газообразныя фумаролы, существовавшія во всѣ періоды жизни земного шара, соединившись съ металлами достигли моря и вошли въ составъ морской воды.

Обѣ гипотезы имѣютъ своихъ сторонниковъ.

Первая гипотеза неизбѣжно должна признать, что всѣ вышеупомянутые металлоиды первоначально находились надъ земной корой — въ атмосферѣ, такъ какъ слѣды хлора въ горныхъ породахъ (до $02^0/_0$) не могутъ же дать морской водѣ ея $2^0/_0$ хлора, что, принимая упомянутую выше 3 километровую оболочку морской воды, составитъ слой поваренной соли (хлористый натръ), толщиною въ 100 метровъ, покрывающій равномѣрно всю землю.

По второй гипотезѣ металлоиды существовали подъ силикатнымъ слоемъ земной коры, вблизи бассейновъ, содержащихъ расплавленные металлы, которые и служили источникомъ для образованія всѣхъ нашихъ рудъ.

Какъ было сказано, обѣ эти гипотезы имѣютъ сторонниковъ, но за вторую говорятъ, по мнѣнію Делонэ, недавніе опыты Готье, показывающіе, что вулканическія фумаролы могутъ появляться иногда, только благодаря дѣйствію жара на гранитъ.

Подъ атмосферой и морями находится земная кора. Геологическія изслѣдованія показали, что горныя породы наиболѣе кислотнаго характера находятся въ болѣе поверхностныхъ слояхъ, наиболѣе же основныя въ болѣе глубокихъ. Въ составъ породъ входитъ кислородъ ($^1/_2$), кремній ($^1/_4$), алюминій ($^1/_{10}$), затѣмъ болѣе второстепенные—кальцій, желѣзо, магній и щелочные металлы.

Чѣмъ болѣе горныя породы поверхностна и кислотна, тѣмъ болѣе преобладаютъ въ ней кислородъ, кремній, алюминій и щелочи, другіе же элементы вытѣснются, причемъ магній сохраняется дольше, чѣмъ кальцій и желѣзо. Оставляя въ сторонѣ кислородъ, мы видимъ, что элементы земной коры должны быть расположены сверху внизъ въ слѣдующемъ порядкѣ: кремній, алюминій, натрій, калій, магній, кальцій, желѣзо. Что касается желѣза, то, хотя оно находится во всѣхъ слояхъ земной коры, все же въ глубинахъ его гораздо больше (что доказывается плотностью земного шара, метеоритами, составомъ солнца и пр.) и присутствіе его въ болѣе поверхностныхъ слояхъ коры должно быть объяснено заимствованіемъ изъ глубинъ. Такъ и въ солнечной атмосферѣ, вслѣдствіе происходящихъ въ ней возмущеній, нѣкоторые элементы, находящіеся въ глубинѣ ея, появились въ слояхъ болѣе поверхностныхъ.

Къ вышеупомянутымъ веществамъ, встрѣчающимся въ земной корѣ, нужно присоединить и болѣе рѣдкіе элементы, находящіеся обыкновенно въ кислотныхъ породахъ, какъ, напр., барій и стронцій полевыхъ шпатовъ, литій, берилій, цирконій и, можетъ быть, также олово—металлъ, болѣе приближающійся къ кремнію и алюминію, какъ по своему соединенію съ кислородомъ, такъ и

по своему положенію въ жилахъ, непосредственно связанныхъ съ кислотными породами.

Наконецъ, кислотныя породы нѣкоторыхъ, по всей вѣроятности, глубокихъ районовъ, каковыми являются Норвегія, Бразилія, Соединенные Штаты, заключаютъ въ значительномъ количествѣ минералы, прежде считавшіеся рѣдкими; минералы эти содержатъ элементы, приналежащіе къ группѣ торія, церія, лантана и др.

Когда мы мысленно стараемся проникнуть глубже силикатоваго шлаковаго слоя земли, единственно доступнаго для насъ, то мы принуждены обращаться, главнымъ образомъ, къ гипотезамъ. Дѣйствительно, мы знакомимся съ глубоколежащими областями только благодаря случайному выносу ихъ продуктовъ въ болѣе высокіе слои въ видѣ основныхъ породъ съ металлоносными внѣдреніями, или же въ видѣ рудоносныхъ жилъ. Но всѣ эти продукты были образованы въ различныя геологическія эпохи путемъ поднятія изъ раскаленныхъ бассейновъ, которые можетъ быть, вовсе и не были связаны съ распавленно жидкими центральными областями земного шара, а лежали въ такъ называемыхъ лакколитахъ, т.-е. въ жидкихъ чечевицахъ, заключенныхъ между твердыми породами и претерпѣвавшихъ плавленіе во 2-ой или 3-ій разъ.

Тѣмъ не менѣе, говоритъ Делонэ, можно утверждать, что подъ силикатовою корой должно существовать, по крайней мѣрѣ, 3 группы химическихъ элементовъ:

1) Металлоиды: хлоръ, сѣра и пр., называемые минерализаторами *); 2) металлы основныхъ внѣдреній: желѣзо, марганецъ, никель, хромъ и пр.; 3) металлы рудоносныхъ конкреціонныхъ жилъ: цинкъ, свинецъ, серебро и пр.

Въ какомъ же порядкѣ расположены всѣ эти 3 группы? Делонэ предполагаетъ, что подъ металлами, входящими въ составъ силикатовой коры, помѣщается рядъ металлоидовъ-минерализаторовъ: хлоръ, сѣра, фосфоръ, боръ, фторъ и, можетъ быть, углеродъ.

Дѣйствительно, минерализаторы эти играли значительную роль при кристаллизаціи всѣхъ силикатныхъ кислотныхъ породъ, къ которымъ они примѣшались при плавленіи ихъ, отложившись на ихъ поверхности, благодаря процессамъ возгонки. Слѣды этихъ металлоидовъ постоянно находятъ въ кислотныхъ породахъ: хлористые минералы, сѣрнистыя руды; фосфаты и плавиковый шпатъ, такъ часто соединенные съ оловянными жилами кислотныхъ породъ; внѣдреніе жидкой угольной кислоты, минералы, содержащіе боръ и

---

*) *Минерализаторами* называются вещества необходимыя для данной реакціи, но не входящія въ составъ конечнаго продукта ея. Минерализаторами являются пары или газы, въ атмосферѣ котораго идетъ, благодаря нагрѣванію, кристаллизація какого-нибудь соединенія; послѣ полученія послѣдняго, количество газа-минерализатора остается, такое же, что было и до реакціи. Объясняется это явленіе тѣмъ, что во время нагрѣванія образуется нестойкое соединеніе этого газа или нѣкоторыхъ составныхъ частей его съ элементами будущаго кристаллическаго вещества; по охлажденіи нестойкое соединеніе распадается и кристаллическое вещество выдѣляется въ твердомъ видѣ.

т. д. Плавленіе этихъ силикатовъ, въ томъ числѣ и то, которое совершается при современныхъ вулканическихъ явленіяхъ, всегда сопровождалось большимъ количествомъ этихъ металлоидовъ; конечно, изъ одной горной породы въ другую не переходили все одни и тѣ же металлоиды, такъ какъ, вѣдь, при каждомъ вулканическомъ изверженіи масса ихъ выбрасывается въ атмосферу. Поэтому, по мнѣнію Делонэ, вѣрнѣе предположить, что всѣ эти летучія вещества находились сначала подъ такими элементами, какъ кремній, алюминій и пр., образующихъ окисленную шлаковую кору, съ которыми они и смѣшались во время процессовъ, предшествовавшихъ и сопровождающихъ образованіе шлаковъ земной коры.

Къ сѣрѣ, хлору, фосфору нужно присоединить ихъ болѣе рѣдкіе гомологи—селенъ, теллуръ, фторъ и еще рѣже встрѣчающіеся—бромъ и іодъ.

Еще ниже металлоидовъ Делонэ помѣщаетъ группу такъ называемыхъ основныхъ сегрегацій, наиболѣе типичные представители которыхъ встрѣчаются на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Канадѣ и вообще въ полярномъ поясѣ, а также въ экваторіальной полосѣ (Бразиліи). Этотъ родъ горныхъ породъ, составляющій переходъ къ рудамъ въ собственномъ смыслѣ, бѣденъ кислородомъ, кремніемъ, алюминіемъ и щелочами. Кромѣ того, геологическими изслѣдованіями выяснено, что породы эти встрѣчаются исключительно въ мѣстахъ, гдѣ процессы размыванія и взвѣтриванія сняли съ поверхности слои земной коры наибольшей толщины. Въ этихъ основныхъ магмахъ находятся металлы, для которыхъ характернымъ является не полное окисленіе ихъ, что и отличаетъ ихъ и отъ силикатовъ и отъ металловъ жильныхъ мѣсторожденій.

Такимъ образомъ, начиная съ атмосферы до кислотной шлаковой коры, а затѣмъ до основныхъ, только что упомянутыхъ сегрегацій, количество кислорода все уменьшается. Мы проникаемъ подъ шлаковую кору въ слой металловъ. Въ этомъ слоѣ металлоиды хотя и встрѣчаются, но въ очень незначительномъ количествѣ: находимъ здѣсь сѣру (пиритъ, пирротинъ), фосфоръ (фосфорноватокислое желѣзо и апатитъ). Изъ металловъ преобладающимъ является желѣзо; затѣмъ идутъ металлы, которые встрѣчаются въ соединеніи съ нимъ и которые по своимъ химическимъ свойствамъ очень къ нему близки; металлы эти: хромъ, кобальтъ, марганецъ, никель; сюда нужно присоединить еще титанъ и ванадій, хотя и отличающихся своими химическими свойствами отъ этихъ названныхъ выше, но встрѣчающихся постоянно въ соединеніи съ желѣзомъ; такъ, титановая кислота (и ванадій, хотя и въ меньшемъ количествѣ) составляетъ 14% нѣкоторыхъ норвежскихъ магнетитовъ. Нужно прибавить, что и мѣдь встрѣчается очень часто въ этихъ сегрегаціяхъ въ соединеніи съ никелемъ (магнитный колчеданъ) или въ соединеніи съ магнетитомъ (халькопиритъ).

Всѣ особенности залежей мѣди говорятъ за то, что она является связующимъ элементомъ между металлами основныхъ сегрегацій и металлами жилъ. Мѣдь встрѣчается въ обоихъ этихъ слояхъ.

За всѣми этими металлами идутъ металлы чрезвычайно рѣдкіе нетолько на поверхности земли, но даже и на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ нея въ толщѣ силикатовой коры; они встрѣчаются почти исключительно въ металло-

носныхъ жилахъ; металлы эти не составляютъ даже $^1/_{1000.000}$ земной коры; изъ нихъ о мѣди мы уже упомянули, далѣе идутъ въ слѣдующемъ по своему количеству порядкѣ: свинецъ, цинкъ, серебро, ртуть, висмутъ, вольфрамъ, золото, уранъ и др.; всѣ они имѣютъ довольно большой удѣльный вѣсъ. Такимъ образомъ эти металлы, находящіеся въ глубокихъ слояхъ земного шара, должны значительно вліять на средній удѣльный вѣсъ его, на много превышающій удѣльный вѣсъ поверхностныхъ слоевъ. Средній удѣльный вѣсъ земного шара = 5,5, удѣльный же вѣсъ поверхностныхъ породъ его = 2,7. Большее или меньшее количество этихъ металловъ во многомъ зависитъ отъ ихъ сродства къ сѣрѣ или хлору и растворимости ихъ сѣрнистыхъ соединеній, а также отъ ихъ отношенія къ угольной кислотѣ.

Всѣ эти металлы были принесены въ рудоносныя жилы снизу, послѣ соединенія съ сѣрой, хлоромъ или другими аналогичными элементами.

Между пластами, содержащими металлоиды, и таковыми же, содержащими металлы, могло произойти случайное сообщеніе и вслѣдствіе соединенія этихъ послѣднихъ съ сѣрой или, можетъ быть, хлоромъ, образоваться руды.

Но почему въ такомъ-то мѣстѣ, въ такой-то трещинѣ находится сѣрнистый свинецъ, немного же дальше, въ той же трещинѣ встрѣчается сѣрнистое желѣзо (пиритъ), затѣмъ сѣрнистый цинкъ, сѣрнистая мѣдь и т. п. Для объясненія этого призвали на помощь фумаролы нѣкоторыхъ изверженныхъ породъ. Но эти породы совсѣмъ не похожи на горныя породы земной поверхности, такъ какъ, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ и содержатъ металлы, напр., мѣдь, цинкъ, свинецъ, но только въ видѣ слѣдовъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ сравниться, напр., съ горной породой въ Альмаденѣ, изъ которой было уже извлечено 175.000 тоннъ ртути, или же съ фрейбургскими гнейсами, заключающими 1.900 жилъ свинца, серебра, цинка, желѣза, кобальта, никеля, урана, висмута, мѣди и пр., которыя эксплуатировали въ теченіе 300 лѣтъ. Вотъ эта-то интенсивность, которую мы находимъ въ металлоносныхъ жилахъ (въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Мексикѣ, въ восточной части Америки), а также заполненіе нѣкоторыхъ металлоносныхъ жилъ въ теченіе цѣлаго ряда различныхъ геологическихъ эпохъ, наконецъ, различіе въ количествѣ металловъ даже въ сосѣднихъ жилахъ одной и той же горной породы,—все это заставляетъ предполагать, что эти металлы доставлены сюда благодаря случайно образовавшимся сообщеніямъ въ эпоху большихъ перемѣщеній между нѣдрами земного шара и частью земной коры, которая въ настоящее время находится на поверхности, но которая въ эпоху этихъ перемѣщеній была расположена подъ другими породами, уничтоженными процесами вывѣтриванія. Нужно предположить, что въ моментъ образованія этихъ жилъ внутренніе металлическіе бассейны, случайно пришли въ соприкосновеніе съ металлоидами—хлоромъ, сѣрой, причемъ металлы въ данномъ бассейнѣ не были смѣшаны между собой, но тотъ или другой изъ нихъ преобладалъ, смотря по мѣсту, а можетъ быть и по глубинѣ.

Металлы этой группы можно раздѣлить на нѣсколько подгруппъ, смотря по количеству, въ какомъ они встрѣчаются: 1) свинецъ, цинкъ, мѣдь (послѣд-

ній рѣже другихъ), 2) сюрьма, молибденъ, кадмій, серебро, 3) ртуть, висмутъ, вольфрамъ, платина, золото, 4) уранъ и радій.

Что находится въ земной корѣ ниже этихъ металловъ, мы совершенно не знаемъ: громадное давленіе въ глубокихъ частяхъ жидкаго шара способно создать такое состояніе матеріи, котораго мы не можемъ представить себѣ даже въ воображеніи.

Такимъ образомъ изъ всего предыдущаго Делонэ заключаетъ, что элементы, входящіе въ составъ земной коры, расположены въ ней въ слѣдующемъ порядкѣ (классификація эта, конечно, геологическая, а не химическая): 1) водородъ—въ первобытной атмосферѣ; 2) кислородъ, азотъ, аргонъ, неонъ — въ атмосферѣ; 3) кремній, алюминій, натрій, калій, литій, берилій, марганецъ, кальцій, барій, стронцій—въ силикатовой части земной коры; 4) хлоръ, сѣра, фосфоръ, боръ, фторъ, углеродъ—минерализаторы; 5) желѣзо, марганецъ, никель, кобальтъ, хромъ, титанъ, ванадій — основныя сегрегаціи глубинъ; 6) мѣдь—въ рудоносныхъ жилахъ, сообщающихся съ основными сегрегаціями; 7) цинкъ и свинецъ, сюрьма и серебро, ртуть, висмутъ, вольфрамъ и золото, уранъ и радій—въ металлоносныхъ жилахъ.

Если же всѣ эти элементы расположить по ихъ атомному вѣсу, то у насъ получится:

1) Водородъ—атомный вѣсъ = 1.

2) Азотъ—ат. вѣсъ = 14, кислородъ—16

3) Натрій—23, марганецъ—24, алюминій—27, кремній—28.

4) Фосфоръ—31, сѣра—32, хлоръ—34.

5) Титанъ—48, ванадій—51, хромъ—52, марганецъ—54, желѣзо—56, никель и кобальтъ—59.

6) Мѣдь—64.

7) Цинкъ—64, серебро—108, сюрьма—120, вольфрамъ—184, золото—197, ртуть—200, свинецъ—207, висмутъ—208, радій—295, уранъ—239.

Итакъ, мы видимъ, что существуетъ извѣстное соотношеніе между распредѣленіемъ элементовъ въ земномъ шарѣ и ихъ атомнымъ вѣсомъ, хотя и съ нѣкоторыми отклоненіями, требующими объясненія.

Первымъ элементомъ въ таблицѣ элементовъ, распредѣленныхъ по атомному вѣсу, является водородъ, онъ же стоитъ и впереди элементовъ, размѣщенныхъ по ихъ мѣстонахожденію на земномъ шарѣ. Напомнимъ, что водородъ этотъ не тотъ, слѣды котораго въ настоящее время могутъ встрѣчаться въ воздухѣ въ свободномъ состояніи и который, по Готье, образуется благодаря разложенію воды въ горныхъ породахъ. Водородъ, поставленный впереди обѣихъ серій, тотъ, который долженъ былъ существовать искони, еще до своего соединенія съ кислородомъ для образованія морской воды, и который по вѣсу составлялъ тогда 19% атмосферы; водородъ этотъ аналогиченъ тому, который мы находимъ въ протуберанцахъ хромосферы солнца и раскаленныхъ звѣздъ. Непосредственно за водородомъ идетъ гелій, атомный вѣсъ котораго—4 и который былъ открытъ спектральнымъ анализомъ на периферіи солнца. На землѣ же этотъ элементъ былъ найденъ только въ урановыхъ рудахъ,

т.-е. въ соединеніи съ ураномъ, который, согласно своему высокому атомному вѣсу, помѣщенъ нами въ концѣ серіи элементовъ. Эти урановыя руды, кромѣ окиси урана, торія, церія, цирконія, свинца, содержатъ и радіоактивныя вещества.

Во второй группѣ мы имѣемъ элементы, составляющіе, главнымъ образомъ, атмосферу—азотъ—ат. в. = 14, кислородъ—16, неонъ—20. Къ нимъ нужно было бы по ихъ атомному вѣсу присоединить 3 металлоида, которые въ геологической серіи помѣщены ниже, но количество которыхъ значительно въ воздухѣ и въ морской водѣ; металлоиды эти слѣдующіе: боръ—ат. в. = 11, углеродъ—12, фторъ—19. Наоборотъ, элементъ, который не находится во второй группѣ химической серіи—аргонъ—ат. в. = 39,9, атомный вѣсъ котораго почти вдвое больше атомнаго вѣса неона.

Относительно третьей группы геологической серіи: натрія—23, марганца—24, алюминія—27, кремнія—28, можно сказать, что здѣсь недостаетъ въ ряду натрія другихъ щелочныхъ металловъ—калія—39 и литія—7; въ ряду марганца—24—кальція—40, стронція—88 и барія—138. Для объясненія этихъ расхожденій химической и геологической группировокъ Делонэ призываетъ на помощь давно уже высказывавшуюся гипотезу, по которой металлы, принадлежащіе къ одной и той же химической группѣ, соединены между собой какъ бы чѣмъ-то въ родѣ полимеризаціи ихъ атомнаго вѣса. По этой гипотезѣ такая полимеразація атомнаго вѣса особенно ясно можетъ быть показана для щелочныхъ металловъ.

Такъ: Натрій ат. в. 23,03 = литію (7,03) + 16 = калію (39,15)—16.

Также и для другой группы, о которой мы будемъ сейчасъ говорить и которая также представляетъ отклоненія отъ закона,—мы имѣемъ:

Селенъ (79,1) = сѣрѣ (32,06) + 47,04 = телурій (127) 47,9.

Отношенія эти между металлами въ періодической системѣ, правда не вполнѣ точны, но все же мы улавливаемъ то внутреннее звѣно, которое связываетъ нѣкоторыя простыя тѣла, съ перваго взгляда вполнѣ различныя. Поэтому, когда въ нашей химической серіи, составленной по атомнымъ вѣсамъ, мы находимъ только по одному, въ большинствѣ случаевъ главному, элементу опредѣленной химической группы, какъ только что мы видѣли по отношенію къ натрію и увидимъ по отношенію къ хлору и сѣрѣ, вмѣсто цѣлыхъ группъ (натрій, калій, литій; хлоръ и фторъ; сѣра, селенъ и телуръ), то встаетъ вопросъ, не объясняется ли это тѣмъ, что эти 2 или 3 элемента одной и той же химической группы являются только тѣлами различно сгущенными, но на самомъ дѣлѣ происходящими отъ одного и того же дѣйствительно простого тѣла.

Послѣ группы силикатного шлака (гр. 3-я) идетъ также очень характерная—4-я группа минерализаторовъ: фосфоръ (31), сѣра (32), хлоръ (35). Здѣсь долженъ бы помѣщатьвя и фторъ, если удвоить его атомный вѣсъ; а если утроить, то и боръ и углеродъ. Но даже и безъ нихъ замѣтна однородность этой группы. Сѣра и хлоръ являются главными элементами, благодаря которымъ кристаллизовались почти всѣ металлическія руды; фосфору принадлежитъ та же роль.

Затѣмъ, въ слѣдующей группѣ мы имѣемъ дѣло съ главными элементами всѣхъ основныхъ сегрегацій—съ металлами, которые вслѣдствіе неполнаго окисленія осѣли въ наиболѣе глубокихъ горныхъ породахъ.

Здѣсь группа геологической серіи совпадаетъ съ группой химической серіи: титанъ (48), ванадій (51), хромъ (57), марганецъ (55), желѣзо (56), никель и кобальтъ (59), мѣдь (64); недостаетъ только платины.

Въ группѣ сѣрнистыхъ соединеній металловъ, составляющихъ конкреціонныя жилы, представителями являются: желѣзо (56), никель и кобальтъ (59), мѣдь (64); къ нимъ присоединяется обыкновенно и цинкъ (65), недостаетъ свинца (206), который по своему атомному вѣсу долженъ былъ занимать совершенно ненормальное мѣсто. Но здѣсь это отклоненіе объясняется тѣмъ, что металлоносныя жилы образовались перемѣщеніемъ на поверхность металловъ изъ слоевъ различной глубины, благодаря все тѣмъ же минерализаторамъ и потому металлы эти соединены въ жилахъ вслѣдствіе общности своихъ химическихъ свойствъ, до нѣкоторой степени независимыхъ отъ атомнаго вѣса.

Но все же, не смотря на всѣ отклоненія, во многомъ классификація элементовъ, основанная на распредѣленіи ихъ на той или другой глубинѣ, совпадаетъ съ классификаціей элементовъ по величинѣ атомнаго вѣса. Такъ, далѣе идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ: сюрьма (120) и серебро (108), ртуть (200), висмутъ (208), вольфрамъ (180) и золото (197), радій (225) и уранъ (239).

До сихъ поръ мы разсматривали мѣсто, занимаемое различными химическими элементами въ первоначальномъ строеніи земного шара и только мимоходомъ упоминали иногда объ относительномъ количествѣ ихъ. Теперь же займемся этимъ болѣе подробно. Здѣсь, какъ и раньше, мы будемъ имѣть въ виду—атмосферу, моря и земную кору:

	Абсолютный вѣсъ въ милліонахъ милліардовъ тоннъ.	Процентное отношеніе.
Земная кора—16 километровъ подъ уровнемъ моря (условная граница): 6.800 милліоновъ кубическихъ километровъ средняго удѣльнаго вѣса — 2,7	18.360	92,21
Морская вода: 1.500 милліоновъ кубическихъ километровъ средняго уд. вѣса 1,03 . .	1.545	7,76
Атмосфера	5,3	0,03
	19.910,3	100,00

Изъ этихъ трехъ частей изслѣдованы химически съ большою точностью: морская вода и атмосфера. Несмотря на мѣстныя различія, въ общемъ со-

ставъ воды и воздуха колеблется, при опредѣленныхъ условіяхъ, въ очень узкихъ границахъ; законы этихъ колебаній хорошо извѣстны и потому легко можно вычислить средній составъ; что же касается земной коры, то получить средній составъ ея кажется съ перваго взгляда болѣе труднымъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, кора чрезвычайно разнородна по составу; въ ней находятся кристаллическія и осадочныя горныя породы, расположенныя въ безпорядкѣ, въ количествахъ, очень плохо еще опредѣленныхъ не только въ вертикальномъ, но даже и въ горизонтальномъ разрѣзѣ; къ тому же породы эти принадлежатъ къ самымъ различнымъ типамъ, которые геологія еще только пытается установить. Но для облегченія работы прежде всего можно ограничиться изслѣдованіемъ только кристаллическихъ горныхъ породъ и кристаллическихъ сланцовъ, оставляя въ сторонѣ осадочныя горныя породы. Это мы можемъ сдѣлать, такъ какъ важность, придаваемая осадочнымъ горнымъ породамъ, очень призрачна; во 1-хъ они занимаютъ максимумъ 3 километра въ толщину, а во 2-хъ, по своему происхожденію исключительно обязаны разрушенію и передвиженію кристаллическихъ горныхъ породъ и сланцевъ. А такъ какъ матеріалъ, входящій въ составъ осадочныхъ породъ тотъ же, что и кристаллическихъ, но только иначе группированъ, то и средній составъ у нихъ одинъ и тотъ же. Нѣкоторыя только, главнымъ образомъ, растворимыя вещества могли потеряться въ морѣ, какъ, напр., щелочи и потому исчезнуть изъ состава осадочныхъ породъ, всѣ же остальныя находятся въ видѣ, главнымъ образомъ, глины, кварцеваго песку и известняковъ.

И такъ, оставляя въ сторонѣ осадочныя породы, остается только сдѣлать средній анализъ кристаллическихъ породъ. Для этого необходимо: 1) опредѣленіе мѣста, занимаемаго каждой группой этихъ породъ (гранитомъ, діоритомъ и пр.), т.-е. распредѣленіе группъ въ вертикальномъ планѣ и разрѣзѣ; 2) средній анализъ каждой горной породы.

Извѣстно, что основной характеръ земной коры увеличивается по мѣрѣ углубленія въ нее: постепенно уменьшаются количества кислорода, кремнія, алюминія и щелочей, т.-е. кислотныхъ элементовъ и увеличиваются количества магнія, кальція, желѣза, т.-е. основныхъ элементовъ.

По вычисленіямъ американскаго ученаго Кларка, сдѣланнымъ на основаніи 1500 анализовъ различныхъ горныхъ породъ, средній составъ горныхъ породъ слѣдующій:

Кремній	59,80	**Калій**.	2,80
Алюминій	15,40	**Натрій**	3,60
Окись желѣза	2,70	**Вода**	1,50
Закись желѣза.	3,40	**Окись титана**	0,50
Известь	4,80	**Фосфорная кислота** . . .	0,20
Магній	4,40		99,10

Если же распредѣлить всѣ эти химическіе элементы по степени ихъ важности, то мы получимъ слѣдующее:

Кислородъ	47,10	99,00	Углеродъ	0,10
Кремній	27,90		Фосфоръ	0,10
Алюминій	8,10		Марганецъ	0,07
Желѣзо	4,70		Сѣра	0,06
Кальцій	3,50		Барій	0,03
Натрій	2,70		Фторъ	0,03
Магній	2,60		Хромъ	0,01
Калій	2,40		Цирконій	0,01
Титанъ	0,30		Никель	0,005
Водородъ	0,20		Стронцій	0,005
Хлоръ	0,07		Литій	0,005
				100,095

Изъ этихъ цифръ видно, что кислородъ составляетъ, приблизительно, половину вѣса земной коры; если принять во вниманіе атмосферу и моря, то утвержденіе это будетъ еще точнѣе. Болѣе четверти по вѣсу земной коры образовано кремніемъ; остается менѣе четверти для всѣхъ остальныхъ химическихъ тѣлъ, изъ которыхъ, приблизительно, 8% алюминія и 5% желѣза. Слѣдовательно, можно сказать, что земная кора—это силикатъ алюминія, желѣза, извести, магнія и щелочей, куда входятъ всего 1% другихъ тѣлъ.

Ограничиваясь, только главными элементами и имѣя въ виду не только твердую кору, но моря и атмосферу въ пропорціяхъ, взятыхъ выше, мы найдемъ:

	Атомный вѣсъ.	Земная кора (92,20%).	Моря (7,80%).	Атмосфера (0,03%).	Вся поверхностная зона.	Вѣроятное приближеніе по Clarke.
Кислородъ	16	47,10	85,80	23	50,12	$\pm 1/20$
Кремній	28	27,90	—	—	25,72	$\pm 1/15$
Алюминій	17,5	8,10	—	—	7,47	$\pm 1/4$
Желѣзо	56	4,70	—	—	4,33	
Кальцій	40	3,50	0,05	—	3,23	
Натрій	23	2,70	1,14	—	2,58	$\pm 1/3$
Магній	24	2,60	0,14	—	2,41	
Калій	39	2,40	0,04	—	2,21	
		99,00	87,17	23	98,07	

Среди другихъ элементовъ отмѣтимъ процентное содержаніе водорода—0,90%, хлора—0,175, углерода—0,20, азота—0,02.

Нужно замѣтить очень слабое процентное содержаніе послѣднихъ 4-хъ элементовъ, о которыхъ можно себѣ составить ложное представленіе, не опираясь на вычисленія, а имѣя въ виду относительное большое содержаніе ихъ въ водѣ и въ воздухѣ. Но 8 элементовъ, на которые мы указали въ первой части, какъ на образующіе силикатную кору, все же и въ общемъ вычисленіи составляютъ 98%.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть второстепенные элементы, сравнимъ поверхностную зону земли съ тѣмъ, что мы, благодаря спектральному анализу, знаемъ о солнцѣ.

При изслѣдованіи послѣдовательныхъ зонъ солнца, считая отъ центра, прежде всего подходимъ къ фотосферѣ, составъ которой намъ извѣстенъ только отчасти, благодаря изученію паровъ, отдѣляющихся отъ нея и направляющихся выше; затѣмъ идетъ слой газовъ, болѣе холодныхъ, составляющихъ хромосферу и извѣстныхъ намъ по ихъ линіямъ поглощенія. Среди этихъ послѣднихъ паровъ—пары желѣза преобладаютъ. Пока еще у насъ нѣтъ возможности сдѣлать количественный анализъ газовъ хромосферы, но вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ составъ ея:

Желѣзо	65
Магній	8
Никель	6
Кальцій	3,5
Алюминій	1
Натрій	0,5
Водородъ	0,5
Гелій.	0,5
Марганецъ, кобалатъ, титанъ, хромъ, олово	слѣды
Тѣла, характеръ которыхъ еще не выяснены	15
	100,0

Изъ этихъ элементовъ, наиболѣе летучіе достигаютъ верхней части и образуютъ протуберецы хромосферы. Изъ нихъ, главнымъ образомъ, надо имѣть въ виду водородъ надъ блестящими факелами и металлы — натрій кальцій, марганецъ—надъ пятнами. Слѣдуетъ замѣтить, что приблизительно $^1/_3$ спектральныхъ полосъ опредѣлены; слѣдовательно, въ солнечной хромосферѣ находится довольно большое количество металловъ, которыхъ мы не знаемъ на землѣ. Зато мы почти не находимъ 3 главныхъ элементовъ земной коры: кислорода, кремнія (совершенно отсутствующихъ въ спектрѣ) и алюминія (находится въ чрезвычайно незначительномъ количествѣ въ хромосферѣ), желѣзо, марганецъ и никель, находящіеся на землѣ только въ глубокихъ основныхъ сегрегаціяхъ, на солнцѣ, наоборотъ, преобладаютъ. Что же изъ всего этого слѣдуетъ заключить? что составъ солнца въ общемъ отличается отъ состава

земли? Это возможно. Но то, что намъ извѣстно о солнцѣ, относится къ газамъ, выдѣляемымъ жидкимъ ядромъ, состоящимъ изъ металловъ; газы эти образуютъ очень незначительный слой, повидимому, отличный по своему положенію, отъ отъ того поверхностнаго и также незначительнаго слоя, который доступенъ для нашего изслѣдованія на землѣ. Можетъ быть, мы присутствуемъ при шлакованіи металлической зоны солнца, могущемъ происходить при температурѣ въ 7.000°, можетъ быть, въ то время, какъ металлы соединятся съ кислородомъ и кремніемъ въ фотосферѣ, часть ихъ улетучится еще выше.

Разсмотримъ теперь второстепенные элементы (8 главныхъ уже разсмотрѣны), общее количество которыхъ составляетъ 2% земной коры.

По Фогту, элементы эти распредѣляются по степени важности, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

4 между 1 и 0,1%	Титанъ, водородъ, хлоръ, углеродъ.
5 » 0, 1 и 0,02%	Фосфоръ, марганецъ, барій, сѣра, фторъ, азотъ.
5 около 0,01%.	Хромъ, никель, цирконій, стронцій, литій.
7 между 0,005 и 0,0001%	Олово, кобальтъ, аргонъ, бромъ, іодъ, рубидій, мышьякъ, можетъ быть, церій, иттрій, лантанъ.

Въ общемъ существуетъ около 30 элементовъ, составляющихъ нѣсколько болѣе $^1/_{1.000.000}$ всего вѣса земли; 40 другихъ—въ еще меньшемъ количествѣ. Нужно прибавить, что титанъ, не смотря на то, что его считаютъ рѣдкимъ элементомъ, встрѣчается постоянно въ горныхъ породахъ и почвахъ и по всей вѣроятности происходитъ изъ основныхъ сегрегацій, гдѣ онъ сопровождаетъ желѣзо.

Что касается водорода и углерода, то обыкновенно считали, что они отсутствуютъ въ глубокихъ горныхъ породахъ, а когда присутствіе ихъ несомнѣнно доказывалось, то это объясняли появленіемъ съ поверхности воды и угольной кислоты. Но вѣдь невозможно найти горную породу безъ этихъ веществъ, слѣдовательно, говоритъ Делонэ, нужно считать ихъ первичными составными частями ея. Дѣйствіе жара (въ глубинѣ) можетъ разложить воду и привести къ образованію углеводородовъ и незначительнаго количества свободнаго водорода, что и наблюдается при вулканическихъ явленіяхъ.

Хлоръ входитъ въ составъ воды, приблизительно, въ количествѣ 2%. Считаютъ, что среднее количество его въ горныхъ породахъ колеблется между 0,02—0,04. Хлоръ находится въ горныхъ породахъ или въ видѣ хлористыхъ включеній въ кварцѣ или же въ видѣ хлористыхъ минераловъ, въ апатитѣ, въ основномъ полевомъ шпатѣ нѣкоторыхъ породъ, обыкновенно недавняго происхожденія (содалитъ и пр.). Процентное содержаніе хлора въ поверхностной зонѣ земного шара мало увеличивается громадными залежами соли, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ являются остаткомъ испаренія моря. Толщина залежей

соли=всего $^1/_{100}$ известковыхъ пластовъ (толщина послѣднихъ—150 метровъ), т.-е. 150 сант. или же по отношенію къ 16 километрамъ толщины земной коры количество хлора едва=0,004. Количество *фтора* почти такое же, какъ и хлора; фторъ преобладаетъ въ кислотныхъ породахъ (апатитъ, турмалинъ, топазъ и т. д.), а хлоръ—въ основныхъ.

Но въ морской водѣ количество фтора почти=0, такъ что общее количество очень, очень незначительно.

Фосфоръ является постояннымъ элементомъ во всѣхъ породахъ въ видѣ апатита. Нѣтъ породъ, содержащихъ меньше 0,005 фосфорной кислоты, а часто количество его горасдо больше. Во многихъ случаяхъ фосфоръ находился въ видѣ соединеній желѣза марганца или кальція, рѣже въ соединеніи съ свинцомъ и металлами группы торія. Вообще фосфоръ появляется при тѣхъ же условіяхъ, что сѣра и другіе минерализаторы; но въ то время, какъ окисленіе сѣры совершалось на поверхности, окисленіе фосфора могло имѣть мѣсто и въ глубинѣ силикатной коры, и происходить всякій разъ, какъ только тамъ находилось достаточно извести для насыщенія происшедшей отъ окисленія фосфорной кислоты. На поверхности же фосфорнокислая известь слѣдуетъ судьбѣ желѣза и марганца, растворяясь, какъ и они въ присутствіи угольной кислоты и осаждаясь снова при исчезновеніи избытка угольной кислоты. Въ среднемъ фосфора—0,09 до 0,10%.

Марганецъ и барій очень часто встрѣчаются въ соединеніи другъ съ другомъ. И эти 2 элемента, какъ фосфоръ, обладаютъ способностью концентрироваться въ присутствіи воды, содержащей кислородъ и угольную кислоту. Въ среднемъ, количество марганца=0,075. По Фогту количество марганца по отношенію къ желѣзу—отъ 1 : 50 до 1 : 75.

Барій тоже почти постоянно встрѣчается въ полевыхъ шпатахъ горныхъ породъ. Среднее количество его= 0,03 до 0,04; среднее количество стронція=0,01.

Стронцій и барій на поверхности сконцентрировались и образовали залежи, большею частью слоистыя для стронція и очень часто въ видѣ жилъ для барія. Нерѣдко барій сопровождаетъ свинецъ, атомный вѣсъ котораго тоже великъ, какъ будто ихъ связываетъ одно и то же происхожденіе.

Сѣра въ изобиліи встрѣчается въ породахъ въ видѣ колчедановъ *), въ особенности въ основныхъ породахъ. Кромѣ того, она образуетъ большія залежи пиритовъ **), которыя впрочемъ почти не вліяютъ на среднее ея количество.

Что касается *азота*, то излишне упоминать о его роли въ атмосферѣ. Благодаря отсутствію сродства между нимъ и всѣми другими химическими элементами онъ не встрѣчается въ породахъ.

---

*) *Колчеданами* называются минералы, представляющіе сѣрнистыя, мышьяковистыя, иногда селенистыя и сурьмянистыя соединенія металловъ—желѣза, кабалата, никеля, платины, рѣже олова и мѣди.

**) Пиритъ или сѣрный колчеданъ—минералъ, состоящій изъ двусѣрнистаго желѣза.

Хромъ былъ вычисленъ почти въ количествѣ 0,01%. Въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ онъ встрѣчается только въ основныхъ породахъ гдѣ, какъ марганецъ, замѣщаетъ желѣзо въ многихъ минералахъ.

Никель находится почти въ такомъ же количествѣ, какъ и хромъ, можетъ быть, немного большемъ.

Цирконій—элементъ, почти постоянно встрѣчающійся въ относительно кислотныхъ породахъ, гдѣ онъ входитъ въ видѣ микроскопическихъ внѣдреній въ различные минералы. Онъ является скорѣе, какъ титанъ и олово, съ которыми у него много сходства, металломъ силикатной коры, чѣмъ элементомъ металлоносныхъ жилъ.

Литій открытъ спектральнымъ анализомъ въ большинствѣ кислотныхъ породъ. Его находятъ вмѣстѣ съ натріемъ въ теплыхъ источникахъ, которые проходятъ черезъ эти породы; количество его по отношенію къ количеству натрія—1:500. *Рубидій* встрѣчается вмѣстѣ съ литіемъ въ породахъ, а его количество въ морской водѣ больше количества литія (1 рубидія на 1.000 натрія).

Въ кислотныхъ породахъ (полевой шпатъ, слюда) встрѣчаются также слѣды *олова*. Олово присоединяется почти непосредственно къ силикатному шлаку, среди котораго оно иногда выдѣляется въ видѣ жилъ. Благодаря сходству съ титаномъ и циркономъ, олово часто появляется въ рутилѣ и цирконѣ; сходствомъ же его съ кремніемъ объясняется роль его въ кислотныхъ породахъ.

Кобальтъ имѣетъ ту же судьбу въ основныхъ породахъ, что и никель. Фогтъ нашелъ, въ среднемъ, одну часть кобальта на 10 частей никеля.

Бромъ и *іодъ* встрѣчаются въ земной корѣ чрезвычайной рѣдко. Почти всѣ минералы, въ которыхъ обнаружено ихъ присутствіе, являются сильно измѣненными. Но химическая связь этихъ элементовъ съ хлоромъ такъ близка, что, по мнѣнію Дюлонэ, все же можно помѣстить ихъ въ одной съ хлоромъ геологической группѣ.

Мышьякъ отнесенъ къ геологической группѣ сѣры и, какъ и послѣдняя, является элементомъ металлоносныхъ залежей; но въ видѣ мышьяковаго колчедана мышьякъ находится также и въ горныхъ породахъ; процентное содержаніе его всегда незначительно.

Мы подходимъ, наконецъ, въ группѣ металловъ, почти исключительно сконцентрированныхъ въ жилахъ и процентное содержаніе которыхъ въ поверхностной зонѣ земли минимальное; ни одинъ изъ нихъ не образуетъ по вѣсу и одной милліонной земной коры.

Добыча всѣхъ этихъ металловъ можетъ дать уже нѣкоторое представленіе объ ихъ относительной распространенности въ земной корѣ, не смотря на то, что на эту добычу вліяютъ, конечно, и чисто коммерческія и техническія соображенія. Такъ, металлы, особенно важные по своимъ свойствамъ, напр., платина, серебро или мѣдь, могутъ казаться болѣе распространенными въ земной корѣ, чѣмъ то есть на самомъ дѣлѣ, наоборотъ, покажутся рѣдкими молибденъ или кадмій, имѣющіе мало примѣненій.

Въ 1901 г. на всемъ земномъ шарѣ было добыто:

	Число тоннъ.	Средняя цѣна за тонну въ франкахъ.	Атомный вѣсъ.
Свинецъ	861.000	345	206
Мѣдь	509.000	1.650	64
Цинкъ	490.000	433	65,4
Сурьма	11.000	700	120
Серебро	5.500	98.000	108
Платина	5	1.300.000	194
Ртуть	3.200	6.500	200
Висмутъ	700	13.000	208
Золото	400	3.444.000	197
Вольфрамъ	40	7.000	184
Молибденъ	16	20.000	96
Кадмій	13	10.000	112
Соли урана	11	22.000	239

Разсматривая эту таблицу, мы замѣчаемъ, что, за исключеніемъ свинца, всѣ жильные металлы разбиваются по ихъ атомному вѣсу на 4 группы, которыя въ обратномъ порядкѣ прекрасно соотвѣтствуютъ цифрамъ ихъ добычи: 1) мѣдь и цинкъ; 2) сурьма, молибденъ, кадмій, серебро; 3) вольфрамъ, ртуть, висмутъ, золото и платина; 4) ураиъ.

Данныя, приведенныя нами выше о среднемъ составѣ горныхъ породъ, заставляютъ еще болѣе подчеркнуть преобладаніе первой группы; только металлы этой группы находятся, хотя и въ крайне незначительныхъ количествахъ, въ горныхъ породахъ. Свинецъ встрѣчается въ породахъ даже нѣсколько въ бо̀льшихъ количествахъ: извѣстны различные свинцовые силикаты, нѣкоторые полевые шпаты также содержатъ свинецъ, но, конечно, въ несравненно большихъ количествахъ встрѣчается онъ въ жилахъ. Въ общемъ всѣ эти металлы находятся въ горныхъ породахъ земной коры необычайно рѣдко, за исключеніемъ платины, которая встрѣчается въ аллювіальныхъ розсыпяхъ и коренной породой которой считаютъ перидотитъ *), но Делонэ думаетъ, что частое нахожденіе платины на золотоносныхъ площадяхъ, а также открытіе ея присутствія (а также осмистаго иридія) въ нѣкоторыхъ золотоносныхъ жилахъ, еще оставляетъ нѣкоторыя сомнѣнія о коренныхъ мѣсторожденіяхъ платины.

Фогтъ даетъ цифры, показывающія взаимоотношенія нѣкоторыхъ металловъ, встрѣчающихся въ одной и той же залежи: на 1 единицу серебра—отъ 1.000 до 5.000 мѣди или свинца, на 1 ч. золота отъ 25 до 30 и даже до 100 серебра, на 1 ч. кадмія отъ 100 до 1.000 и т. д. Въ канадскихъ рудникахъ магнитнаго колчедана на 1 ч. платины приходится 50.000 никеля и на 1 ч. золота—250.000 никеля.

---

*) *Перидотитами* называются изверженныя породы, состоящія изъ минераловъ—оливина, пироксена, или роговой обманки, магнитнаго желѣзняка и хромита.

Въ общемъ, въ видѣ грубаго приближенія, можно сказать, что цифра добычы характеризуетъ и распространенность въ землѣ даннаго металла, конечно, при нѣкоторой экономической и технической «поправкѣ»; а распространенность, по крайней мѣрѣ, для металловъ одной химической группы зависитъ, главнымъ образомъ, отъ атомнаго вѣса (рубидій и цезій болѣе рѣдки, чѣмъ калій; селенъ и теллуръ, чѣмъ сѣра; бромъ и іодъ, чѣмъ фторъ и т. д.), но, предостерегаетъ Делонэ, изъ этого нельзя выводить общаго закона и рѣдкость какого-нибудь металла съ большимъ атомнымъ вѣсомъ зависитъ непосредственно и прежде всего отъ болѣе центральнаго положенія его въ до-геологическомъ, жидкомъ земномъ шарѣ, чѣмъ отъ большого атомнаго вѣса; конечно, этотъ послѣдній являлся главной причиной приближенія металла къ центру земли, но тутъ замѣшивались и другія вліянія, которыя могли видоизмѣнить въ конечномъ счетѣ значеніе большого атомнаго вѣса, напримѣръ, характеръ химическаго сродства и степень летучести металла. А кромѣ того, говоритъ Делонэ, должно было имѣть громадное значеніе первоначальное отношеніе различныхъ химическихъ элементовъ, образовавшихъ земной шаръ. Это отношеніе, конечно, могло управляться какими-нибудь геометрическими законами кристаллизаціи, если земля появилась благодаря простому уплотненію первоначальнаго однороднаго вещества, подъ вліяніемъ невѣдомыхъ намъ силъ, въ различные химическіе элементы. Но дѣло другое, если допустить, что эти химическіе элементы образовались раньше образованія земли, и она уже складывалась изъ этихъ различныхъ химическихъ кирпичей. Делонэ склоняется ко второму предположенію, указывая, что если элементы располагались въ расплавленномъ земномъ шарѣ на разстояніяхъ обратно пропорціональныхъ атомному вѣсу, то нужно допустить, что въ это время наши химическіе элементы уже существовали и, слѣдовательно, первоначальное процентное отношеніе ихъ было совершенно случайное.

Мы изложимъ интересныя возрѣнія проф. Делонэ совершенно объективно, по возможности строго предерживаясь его изложенія, критика завела бы насъ слишкомъ далеко и заставила бы расширить вдвое нашъ фельетонъ.

В. Аг.

КЪ ВОПРОСУ О БЕЗПРОВОЛОЧНОМЪ ТЕЛЕГРАФИРОВАНІИ.

Въ «Times» отъ 1-го іюня была помѣщена телеграмма, что въ Бари (Италія) установлена станція для переговоровъ съ Антивари (Черногорія). Кромѣ того, на королевской фермѣ Санъ-Россато близъ Пизы устанавливается станція безпроволочнаго телеграфа Маркони, которая начнетъ осенью сообщаться съ Польдю (въ Англіи), съ Канадой (Америка), «съ Аргентиной», съ Индѣйскимъ океаномъ, съ портами Балтійскаго и Краснаго морей. Что это предпріятіе удастся, мы въ этомъ не сомнѣваемся, такъ какъ на-дняхъ мы узнали отъ компетентнаго лица, что станція Польдю въ Англіи получила депешу изъ Массачузета, черезъ Канаду, и отвѣтила тѣмъ же путемъ. Это торжество науки

радуетъ всякаго, но не можетъ порадовать изобрѣтателей другихъ системъ безпроволочнаго телеграфированія, такъ какъ гигантскія волны, которыя будутъ посылать по всему земному шару мощныя станціи безпроволочнаго телеграфа Маркони, заставятъ замолчать станціи другихъ системъ. Нижеизложенные опыты профессора Флемминга показываютъ, что система Маркони обезпечена отъ этихъ постороннихъ вліяній; но какъ поступятъ суда, на коихъ установлены аппараты другихъ системъ, не изолированные отъ дѣйствія на нихъ герцовскихъ волнъ чужихъ болѣе мощныхъ станцій,—это вопросъ!

Отчетъ проф. лондонскаго университета, доктора Флемминга объ испытаніяхъ, произведенныхъ имъ въ Польдю въ среду, 18 марта 1903 г. для разрѣшенія вопроса о томъ, препятствуютъ ли мощныя волны, посылаемыя изъ Польдю, кораблямъ сноситься другъ съ другомъ при помощи безпроволочнаго телеграфированія по системѣ Маркони. «Въ научныхъ и техническихъ журналахъ утверждали, что электрическія волны, посылаемыя мощными станціями какъ, напр., Польдю, сдѣлаютъ невозможнымъ телеграфное сообщеніе кораблей при помощи герцовскихъ волнъ. Того же мнѣнія продолжаютъ держаться по нынѣ самые серьезные авторитеты. Такъ какъ этотъ вопросъ представлялся мнѣ имѣющимъ громадное значеніе и такъ какъ я обязанъ былъ высказаться по этому поводу на моихъ университетскихъ лекціяхъ, то я рѣшилъ повидаться съ г. Маркони, только что вернувшимся изъ Америки, и обсудить этотъ вопросъ совмѣстно съ нимъ.

«Маркони предложилъ мнѣ произвести опыты по установленной мною программѣ и опровергнуть это положеніе, показавъ, что электрическія волны, посланныя изъ Польдю или другой подобной станціи, не будутъ въ какой-либо ощутительной степени вліять на безпроволочное телеграфное сообщеніе, производимое по его системѣ новѣйшей установки, какъ между кораблями, такъ и между кораблемъ и берегомъ.

Маркони согласился произвести опытъ при самыхъ строгихъ условіяхъ, могущихъ вполнѣ удовлетворить меня, а именно онъ предложилъ мнѣ демонстрировать, что самыя сильныя волны, отправляемыя съ Польдю, не вліяютъ на надлежащимъ образомъ настроенный пріемникъ, даже на такомъ близкомъ разстояніи, какъ 6 миль. Чтобы доказать это, было бы достаточно посылать волны изъ Польдю въ то время, какъ въ Ламаншѣ корабли, снабженные марконьевскими аппаратами, переговариваются между собою, но я счелъ болѣе основательнымъ установить спеціальную станцію, которая бы находилась подъ моимъ контролемъ, и только тогда провѣрять надъ нею вліяніе волнъ изъ Польдю.

Въ Польдю, помимо большихъ башенъ, есть мачта на разстояніи 150 ярдовъ (450 фут.) отъ главной станціи безпроволочнаго телеграфа; пользуясь этой мачтой, мы установили обыкновенную судовую станцію. Опытъ, который я хотѣлъ произвести, былъ слѣдующій: если я буду одновременно посылать волны изъ мощной, достаточно сильной для того, чтобы пройти черезъ весь Атлантическій океанъ, станціи до самой Америки, а изъ маленькой, обыкно-

венной станціи посылать депеши всего на разстояніе 6 миль, то будутъ ли эти послѣднія получаться совершенно правильно, несмотря на дѣйствіе большихъ волнъ. Для того, чтобы убѣдиться, что волны эти были посланы одновременно и что телеграфистъ не могъ знать содержаніе депешъ, а слѣдовательно не имѣлъ возможности передать ихъ въ другой моментъ, я сдѣлалъ слѣдующее: приготовилъ 16 телеграммъ, изъ которыхъ 8 для обыкновенной судовой передачи и 8 для передачи на дальнія разстоянія, изъ послѣднихъ 8-ми 4 были шифрованныя; эти телеграммы я положилъ въ запечатанные пакеты и помимо меня никто не зналъ ихъ содержанія. Эти телеграммы отправлялись по двѣ одновременно, одна большая, одна маленькая, и время отправленія каждой пары было обозначено на конвертахъ. Эти опыты были произведены между часомъ и 4-мя час. дня, 18-го марта. Я взялъ съ собою въ Польдю моего помощника, на котораго смѣло могу положиться, и далъ ему инструкціи, чтобы онъ каждую пару конвертовъ одновременно передалъ запечатанными въ обозначенное для нихъ время телеграфистамъ этихъ двухъ станцій. Какъ только они ихъ протелеграфируютъ, они должны отмѣтить на текстѣ минуту окончанія передачи, расписаться, при немъ же снова положить ихъ въ конверты, запечатать и вернуть ему раньше, чѣмъ онъ имъ передастъ слѣдующую пару запечатанныхъ пакетовъ. Мой помощникъ расписался послѣ опыта, что мои инструкціи были всѣ достаточно выполнены, я же самъ съ г. Маркони отправился въ Лизаръ, гдѣ должны были получаться депеши маленькой станціи. Такъ какъ я нарочно выбралъ тексты не равные по своей длинѣ, то на нихъ было обозначено, что телеграфистъ долженъ ихъ безпрерывно передавать впродолженіи 10 минутъ столько разъ, сколько для этого потребуется, причемъ послѣ 10 минутъ телеграфированія имъ давалось 5 минутъ для отдыха; помимо того, раньше чѣмъ уѣхать изъ Польдю въ Лизаръ, я убѣдился, что аппараты большой станціи—максимальной мощности, и приказалъ моему помощнику слѣдить за тѣмъ, что работаютъ именно этими аппаратами. Маркони же отдалъ телеграфный приказъ своимъ станціямъ въ Гаваннѣ, въ Сантъ-Банксѣ и Нулѣ, которыя находятся на большомъ разстояніи отъ Польдю, чтобы онѣ между двумя и четырьмя часами получали депеши, посылаемыя мощной станціей Польдю, и чтобы онѣ ихъ немедленно передали назадъ въ Польдю обыкновеннымъ телеграфомъ. Затѣмъ мы отправились въ Лизаръ, гдѣ Маркони установилъ 2 пріемника на одной и той же станціи, одинъ настроенный по ключу мощной станціи Польдю, а другой по ключу обыкновенной судовой, послѣ чего мы стали слѣдить за пріемниками, и я, къ моему удивленію, увидѣлъ, что эти два пріемника получаютъ одновременно (въ назначенное на конвертахъ время) двѣ мои первыя депеши. Какъ только онѣ получились, я сорвалъ ленту, обозначилъ на каждой изъ нихъ время получки и положилъ ихъ въ карманъ—такимъ образомъ я получилъ всѣ 16 телеграммъ, содержаніе которыхъ до отправки ихъ никому не было извѣстно. Когда все было кончено, я развернулъ одну за другой ленты передъ Маркони съ просьбою разобрать и продиктовать ихъ своему помощнику. Я долженъ констатировать, что всѣ мои

телеграммы были получены абсолютно вѣрно, за исключеніемъ двухъ неразборчивыхъ словъ первой телеграммы, что объясняется фактомъ, узнаннымъ нами потомъ, что въ это время нѣсколько кораблей корреспондировало между собою въ Ламаншѣ, и потребовалось нѣкоторое время, чтобы ознакомиться съ этими посторонними вліяніями. Когда мы вернулись назадъ въ Польдю, то я уже нашелъ три изъ моихъ телеграммъ, переданныхъ обратно по обыкновенному телеграфу, причемъ время ихъ отправки обыкновеннымъ телеграфомъ, обозначенное на самихъ телеграммахъ, разнилось отъ времени ихъ передачи безпроволочнымъ телеграфомъ всего на 15 минутъ. Такимъ образомъ телеграммы, отправленныя изъ Польдю въ 2 ч. 15 мин. и 3 ч. 15 мин., переданы были обратно въ 2 ч. 32 мин. и въ 3 час. 30 мин., и такъ какъ обыкновенный телеграфъ употреблялъ каждый разъ 40 мин. на ихъ передачу, то нельзя допустить, что эти телеграммы были отправлены обыкновеннымъ, а не безпроволочнымъ телеграфомъ. Помимо этого, мы убѣдились по обратно полученнымъ телеграммамъ, что волны мощной станціи были очень сильны, ибо разстояніе отъ Гаванны до Польдю 200 миль, а искры, производимыя мощной станціей, хватили бы за 1.000 и больше миль, тѣ же искры употреблялись, когда телеграфировали въ Кронштадтъ и въ Америку. И, такъ, мы имѣемъ полное доказательство, что, *благодаря спеціальнымъ аппаратамъ Маркони, можно одновременно телеграфировать изъ маленькой и изъ большой станцій, и что разъ онъ надлежащимъ образомъ настроены, то на нихъ никакая посторонняя волна повліять не въ состояніи.* Въ заключеніе я долженъ прибавить, что *станціи всѣхъ другихъ существующихъ системъ при этихъ условіяхъ работать совершенно не могутъ*».

Желательно было бы знать мнѣнія другихъ спеціалистовъ по этому вопросу, такъ какъ для насъ онъ въ настоящее время имѣетъ, кромѣ научнаго интереса, еще большое практическое значеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Ну, а у васъ что? — обратился онъ къ ефрейтору.

— Нога что-то не въ порядкѣ, господинъ докторъ. «Турокъ» нашъ, что вонъ тамъ, лежалъ на ней. Должно быть, вывихнулъ. Только бы вправить ее, господинъ докторъ, такъ и ладно.

Рademахеръ съ помощью санитара снялъ съ ефрейтора штаны и осмотрѣлъ его.

— Бедро въ двухъ мѣстахъ переломлено,—сказалъ онъ.—Но мы васъ вылечимъ.

Зикель слушалъ съ открытымъ ртомъ.

— Такъ этакъ мнѣ и въ отпускъ нельзя будетъ?—спросилъ онъ.

Ассистентъ усмѣхнулся:

— Нѣтъ, пріятель, недѣльки четыре, а то и шесть эта исторія протянется все-таки.

Это ужъ была плохая шутка. Ефрейторъ громко выругался. Онъ бы ничего не сказалъ, если бы и похуже что-нибудь стряслось, но лишиться отпуска, это Богъ знаетъ что. Ни на что не похоже.

Въ это время санитаръ положилъ Фохту на лобъ повязку. Рademахеръ задумчиво смотрѣлъ на Клицинга. Наконецъ онъ отвернулся. Безнадежный случай.

Онъ послалъ пришедшаго съ нимъ трубача за носилками.

Безпокойно шагая взадъ и впередъ, поджидалъ онъ ихъ теперь. Проходя мимо Клицинга, онъ всякій разъ взглядывалъ на его сомкнутыя губы. Истинное чудо, что онъ и сейчасъ-то еще живъ. Три ребра у него сломаны и легкія такъ попорчены, что изъ нихъ хлынулъ цѣлый потокъ крови.

Наконецъ, явилось четверо солдатъ съ двумя носилками.

Сперва уложили Клицинга.

— Куда его нести?—спросилъ передній.

Рademахеръ подумалъ минуту и отвѣтилъ:

— Тамъ наверху на горѣ какой-то домъ, хуторъ что ли. Несите туда. На мою отвѣтственность.

Носильщики тронулись въ путь. Фохтъ присоединился къ нимъ. На его вопросительный взглядъ ассистентъ отвѣтилъ утвердительнымъ кивкомъ.

Только что собрались уложить и Зикеля, какъ явились ветеринары осмотрѣть раненыхъ лошадей. Ѣздовой попросилъ.

— Извините, господинъ докторъ, мнѣ бы очень хотѣлось узнать, что съ моей лошадью.

Рademахеръ велѣлъ солдатамъ подождать.

Лошади поставили діагнозъ еще скорѣе, чѣмъ всаднику. Ветеринаръ обернулся къ своимъ помощникамъ и сказалъ:

— Лѣвое бедро переломлено.

— Что же съ нимъ теперь сдѣлаютъ, господинъ ветеринаръ?—спросилъ ѣздовой.

Тотъ пожалъ плечами.

— Пристрѣлятъ!—сказалъ онъ.

Зикель посмотрѣлъ на «Турка».

— Бѣдный ты мой старина! — пробормоталъ онъ.

Онъ попросилъ поднести себя къ лошади, нѣжно прижалъ къ себѣ ея голову и потрепалъ по холкѣ. «Турокъ» тяжело приподнялъ шею и потерся носомъ объ ногу своего ѣздового.

Ефрейторъ рѣзко повернулся на другой бокъ и заторопилъ носильщиковъ:

— Ну, живо, живо, тащите меня!

«Турокъ» проводилъ своими большими глазами носилки, и когда онѣ скрылись за поворотомъ, пугливо заржалъ. Нѣсколько минутъ спустя въ заброшенной каменоломнѣ стало опять такъ же тихо и пустынно, какъ утромъ, когда одни дрозды пѣли въ кустарникѣ. Но вся трава кругомъ была вытоптана и мѣстами забрызгана кровью. Точно тутъ произошла битва, а на полѣ битвы лежалъ одиноко трупъ «Турка».

Передъ вечеромъ пріѣхали сюда съ телѣгой, взвалили на нее тяжелую тушу и повезли на ближайшую живодерню.

Когда Фохтъ и носильщики взобрались на вершину и увидѣли передъ собой то зданіе, на которое указалъ ас-

систентъ, они съ сомнѣніемъ остановились. Докторъ Радемахеръ говорилъ про хуторъ или постоялый дворъ, а это былъ настоящій маленькій замокъ. А между тѣмъ ни вправо, ни влѣво не видно было больше ни одной крыши. Должно быть, это самое и есть.

Войска прошли уже дальше, и маленькая усадьба казалась совершенно пустынной.

Какое-то странное, нежилое впечатлѣніе производилъ одинокій домъ.

Вѣроятно, когда-нибудь въ давно минувшія времена какой-нибудъ дворянинъ выстроилъ себѣ тутъ охотничій домъ. Лѣса эти и до сихъ поръ славились дичью. Посрединѣ возвышалось строеніе, похожее на башню и увѣнчаное куполомъ. Къ нему съ обѣихъ сторонъ примыкали крылья. Вокругъ былъ, должно быть, когда-то разбитъ англійскій паркъ, отъ котораго сохранились только запущенныя аллеи. Вѣтви съ давнихъ поръ не подстригались, и теперь онѣ образовали непроходимыя зеленыя стѣны. Аккуратненькія деревца превратились въ лѣсныхъ великановъ, зеленыя лужайки въ луга, поросшіе буйной травой, и все вмѣстѣ превратилось въ прекрасную естественную рощу, совсѣмъ не гармонировавшую съ искусственной и вычурной архитектурой маленькаго замка. Вся усадьба окружена была чугунной рѣшеткой художественной работы. Гранитный фундаментъ украшенъ былъ облупившимися кабаньими головами.

Солдаты заглянули въ ворота, увѣнчанныя графской короной. Мощеная каменными плитами дорога вела къ невысокой лѣстницѣ. Нигдѣ не видно было ни одного живого существа. А между тѣмъ долженъ же былъ кто-нибудь жить тутъ. Дернъ передъ домомъ былъ выполотъ, мѣдныя ручки дверей блестѣли, какъ жаръ, а стекла въ окнахъ были прозрачны и чисты, какъ хрусталь.

Точно тамъ поджидали хозяина замка.

Наконецъ, на колоннѣ у двери Фохтъ замѣтилъ ручку колокольчика, такую же блестящую и вычищенную, какъ ручки двери. Онъ дернулъ за нее и внутри послышался громкій и ясный звонъ колокольчика.

Прошло не мало времени, за рѣшеткой не видно было ни малѣйшаго движенія.

Фохтъ уже взялся второй разъ за ручку, когда дверь надъ лѣсенкой отворилась, и на порогѣ показалась старая женщина, съ бѣлыми какъ лунь волосами. Одѣта она была, какъ мѣстная крестьянка. Она медленно подошла къ рѣшетчатымъ воротамъ съ ключомъ въ рукѣ.

Одинъ изъ солдатъ обратился къ ней:

— Скажите-ка, бабушка, можете вы положить у себя вотъ его и еще другого? Съ ними обоими приключилось несчастіе, дальше ихъ нельзя нести.

Старая женщина молча внимательно посмотрѣла на лежащаго неподвижно раненаго и отвѣтила спокойнымъ голосомъ:

— О да, мѣста тутъ довольно.

Она открыла ворота и впустила носильщиковъ и Фохта.

— Гдѣ же другой?—спросила она.

— Его несутъ сзади,—отвѣтилъ солдатъ.

Женщина молча кивнула головой и повернула ключъ въ замкѣ. Потомъ она направилась къ боковымъ дверямъ.

Носильщики шли за ней по дорогѣ:

— Этотъ не долго будетъ мѣшать вамъ, бабушка. Ему скоро конецъ.

Старуха еще разъ задумчиво взглянула на мертвенно блѣдное лицо солдата, рѣзко выступавшее на сѣрой подушкѣ носилокъ. Она поколебалась минуту и остановилась.

Потомъ она рѣшительно повернула и пошла къ лѣсенкѣ въ среднее, увѣнчанное куполомъ, зданіе.

— Мы его здѣсь и положимъ,—пробормотала она.

Трое солдатъ вошли въ высокій вестибюль. Сквозь разноцвѣтныя стекла оконъ проникалъ смягченный и какой-то торжественный свѣтъ, точно въ церкви. Полъ былъ устланъ полированными камнями. Подкованные солдатскіе сапоги какъ-то непріятно визжали по немъ.

Фохтъ и оба солдата осматривались

кругомъ широко раскрытыми удивленными глазами. Но женщина уже открыла одну изъ боковыхъ дверей и сдѣлала имъ знакъ войти въ слѣдующую комнату. Сама она осталась позади.

— Я принесу бѣлье, — сказала она.

Солдаты поставили носилки на полъ, облегченно вздохнули и съ удивленіемъ оглянулись.

Комната была угловая. Сквозь высокія до самаго потолка окна проникалъ туда яркій дневной свѣтъ. Переплетъ на окнахъ былъ какой-то хитрый, мелкій. Полъ то же былъ весь изъ разноцвѣтныхъ шашечекъ, а стѣны выше человѣческаго роста были облицованы дубомъ. У внутренней стѣны стояла широкая низкая кровать.

Выцвѣтшее шелковое одѣяло покрывало постель, по обѣимъ концамъ кровати поднимались столбики, соединенные вверху перекладиной. Въ прежніе дни оттуда спадали, вѣроятно, складки балдахина. На самомъ верху красовалась королевская корона.

Старуха вернулась съ двумя тонкими бѣлоснѣжными простынями.

— Его туда и положить?—спросилъ одинъ изъ солдатъ, указывая на роскошное ложе.

Она кивнула головой и занялась приготовленіемъ постели. Черезъ минуту все было готово. Одна изъ простынь постлана на перину, другая подложена подъ шелковое одѣяло.

На дворѣ снова раздался звонокъ.

— Это другой,—промолвилъ солдатъ.

Женщина сейчасъ же неслышными шагами вышла изъ комнаты.

Солдаты принялись раздѣвать Клицинга. Ихъ умѣлыя руки быстро и ловко справлялись съ этимъ, и скоро писецъ уже лежалъ подъ королевской короной, покрытый шелковымъ одѣяломъ.

— Что же намъ теперь дѣлать?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Да вѣдь намъ надо бы вернуться къ лазаретной фурѣ, — замѣтилъ другой. — Спросимъ доктора, онъ, должно быть, пришелъ.

Первый согласился.

— Можетъ, ты пока здѣсь останешься,—обратился онъ къ Фохту.—Или тебя тоже порядкомъ скрутило?

Фохтъ покачалъ головой, и солдаты, захвативъ носилки, вышли изъ комнаты, осторожно ступая.

Друзья остались наединѣ.

Фохтъ все еще стоялъ посреди комнаты. По пути сюда голова у него совсѣмъ прояснила, а тутъ вдругъ опять потемнѣло въ глазахъ, такъ что онъ долженъ былъ опуститься въ одно изъ глубокихъ креслъ, стоявшихъ по стѣнамъ.

Неужели это правда — все, что онъ пережилъ сегодня? Или это только дурной сонъ? Это несчастье въ каменоломнѣ и великодушная жертва его друга, и царская роскошь этого уединеннаго замка?

Онъ протеръ себѣ глаза, стараясь проснуться и прогнать дурной сонъ. Но все оставалось попрежнему, — онъ видѣлъ совершенно ясно. На лбу, гдѣ его ударило копытомъ, онъ ощущалъ повязку, а тамъ подъ бѣлыми простынями лежалъ Клицингъ, блѣдный, точно мертвецъ.

Стараясь ступать на цыпочкахъ, онъ подошелъ къ кровати. Онъ опустился передъ ней на колѣни и прижался своимъ разгоряченнымъ лицомъ къ прохладному шелку одѣяла. Потомъ онъ поднялъ голову и сталъ всматриваться въ лицо друга. Неужели же онъ не придетъ больше въ себя, хоть на минуту, чтобы онъ могъ поблагодарить его?

Но вѣки Клицинга были плотно сомкнуты и ни одинъ мускулъ его тѣла не шевелился. Только дыханіе вылетало, хриплое и прерывистое.

Въ третій разъ на дворѣ прозвучалъ звонъ колокольчика. Почти тотчасъ же въ комнату вошелъ главный врачъ Андреа въ сопровожденіи ассистента и фельдшера.

Онъ окинулъ комнату бѣглымъ удивленнымъ взглядомъ и сейчасъ же подошелъ къ кровати.

При входѣ ихъ, Фохтъ поднялся съ колѣнъ и постарался стать на вытяжку,—по положенію.

Андреа кивнулъ ему и спросилъ, указывая на Клицинга:

— Все еще не приходилъ въ себя?

*

— Нѣтъ, господинъ главный врачъ.

Андреа нагнулся надъ кроватью и долго слушалъ, приложивъ ухо къ груди больного. Потомъ онъ пощупалъ пульсъ. Рука безжизненно упала на одѣяло.

— Къ сожалѣнію, вы совершенно правы, коллега, — сказалъ онъ ассистенту и, отвѣчая на вопросительный взглядъ фельдшера, прибавилъ:—ничего невозможно сдѣлать.

Потомъ онъ подошелъ къ Фохту.

Онъ добродушно потрепалъ бѣднаго малаго по плечу и сказалъ:

— Господинъ Радемахеръ разсказалъ мнѣ, что этотъ бѣдняга пожертвовалъ жизнью за васъ. Мнѣ душевно жаль, что я не могу утѣшить васъ: но скрыть отъ васъ тоже не могу,—онъ, дѣйствительно, отдалъ за васъ жизнь. Ему осталось очень не долго жить.

Фохтъ стоялъ все такъ же на вытяжку. Иначе онъ, пожалуй, не выдержалъ бы.

— А очнется онъ еще разъ, господинъ докторъ?—спросилъ онъ, наконецъ, прерывающимся голосомъ.

— Этого никто не можетъ знать навѣрно, — отвѣтилъ полковой врачъ. — Думаю, что нѣтъ.

— Но мнѣ можно при немъ остаться?

— Да, можно. Сегодня на ночь вы останетесь здѣсь. Вы вѣдь и сами ранены, а завтра... ну, завтрашній день вашъ другъ, конечно, не переживетъ. Мужайтесь! Вы останетесь здѣсь. Гордитесь, что у васъ былъ такой другъ. Такіе люди не часто встрѣчаются. Вѣрность до самой смерти, этого другой разъ не найдешь. Видитъ Богъ, какъ жалко, что мы не можемъ спасти его.

Андреа былъ самъ очень растроганъ необычными обстоятельствами, сопровождавшими несчастный случай, но его ждали другія обязанности и онъ не могъ дать воли своимъ чувствомъ.

Онъ выпрямился и продолжалъ дѣловымъ тономъ:

— Вамъ тоже придется перемѣнить повязку, Фохтъ. Но прежде мы займемся ефрейторомъ. Надо ему ногу починить. Идемте, коллега. И вы также, фельдшеръ. Канониръ останется пока тутъ, со своимъ другомъ.

Въ дверяхъ онъ еще разъ повернулся и ободряюще кивнулъ Фохту головой.

Канониръ проводилъ его глазами. Когда дверь закрылась, взглядъ его обратился на блѣдное лицо друга. Значитъ, это правда. Клицингъ отдалъ за него жизнь? И никто, никто не можетъ уже спасти его.

У него сжало горло, и, наконецъ, горе его прорвалось цѣлымъ потокомъ слезъ.

Послѣ этого ему стало немного легче. Онъ началъ соображать. Развѣ можно отчаяваться, пока тотъ еще живъ, пока его дорогой другъ еще борется своими слабыми силами за жизнь? Развѣ не случается, что доктора приговариваютъ къ смерти, а человѣкъ все-таки выздоравливаетъ? И развѣ не можетъ случиться чудо и вернуть ему друга.

И онъ сталъ думать, чѣмъ можно бы помочь тому. Можетъ быть, у него не хватаетъ здоровой крови. Онъ слышалъ, что можно кровь одного человѣка перелить въ жилы другого. Онъ готовъ отдать Клицингу свою кровь изъ самаго сердца, сколько только ему понадобится. Онъ непремѣнно скажетъ объ этомъ главному доктору. Иногда бываетъ, что простой человѣкъ нападетъ на мысль, которая не приходитъ въ голову самымъ ученымъ врачамъ.

Онъ снова сталъ всматриваться въ лицо друга.

Боже, какой онъ блѣдный. Его лицо едва, едва выступаетъ на бѣлой подушкѣ! Черты лица Клицинга были тонкія, не мужицкія, — можно было и правда подумать, что это лежитъ важный баринъ на роскошной постели. Мѣшала только пыльная форма, положенная рядомъ на стулѣ.

Фохтъ вспомнилъ, какъ часто онъ поддразнивалъ его за эту блѣдность; онъ сталъ думать, не оскорбилъ ли онъ его еще чѣмъ-нибудь. Онъ упрекалъ себя за всякое грубое слово, которое онъ когда-нибудь сказалъ Клицингу, если даже онъ и не со зла это дѣлалъ. Совсѣмъ не такъ онъ долженъ былъ относиться къ нему,—гораздо ласковѣе, гораздо внимательнѣе. Онъ и будетъ теперь обращаться съ нимъ совсѣмъ иначе, если только его другъ выздоро-

вѣтъ наперекоръ всѣмъ врачамъ. Можетъ быть, благодаря его собственной крови. Вотъ тогда выйдетъ, что они другъ другу спасли жизнь!

Но когда онъ разсказалъ объ этомъ главному врачу во время перевязки, тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, другъ мой,—сказалъ онъ.— Тутъ ужъ ничего не поможетъ. Никакой человѣкъ не въ силахъ спасти вашего славнаго товарища.

Врачи ушли изъ замка и на время своего отсутствія дали всѣ нужныя указанія фельдшеру. Передъ вечеромъ Радемахеръ долженъ былъ еще разъ навѣстить раненыхъ.

По приказанію фельдшера Фохтъ съѣлъ тарелку молочнаго супа. Самому ему ѣда совсѣмъ не шла на умъ. Но потомъ усталость и потеря крови все-таки взяли свое. Онъ сѣлъ на кушетку, стоявшую у самого изголовья кровати и сейчасъ же погрузился въ тяжелый сонъ.

Его разбудилъ звукъ какихъ-то голосовъ. Онъ открылъ глаза, и сразу не могъ придти въ себя и сообразить, гдѣ онъ.

Голоса продолжали звучать. Тамъ, въ саду разговаривали, должно быть, мужчина и женщина.

Фохтъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ садъ. Подъ самой стѣной часть парка была превращена въ огородъ. Бородатый мужчина копалъ землю заступомъ, а старуха шла рядомъ съ нимъ и разбивала мотыгой слишкомъ крупные куски.

— Я только не понимаю, матушка,— говорилъ мужчина,—почему вы отвели ему княжескіе покои.

Женщина остановилась и задумчиво оперлась на инструментъ. Потомъ она заговорила своимъ спокойнымъ, однозвучнымъ голосомъ:

— Они сказали мнѣ, что онъ долженъ скоро умереть. А мертвые—князья міра.

Мужчина съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Почему это, матушка? — спросилъ онъ.

— Они свободны,— сказала старческимъ голосомъ женщина съ бѣлыми волосами.—У нихъ нѣтъ никакихъ желаній и никакихъ заботъ. Никто не можетъ причинить имъ горе или радость!

Сынъ, видимо, возмутился.

— Не мудрено, что крестьяне считаютъ, что у васъ не всѣ дома, когда вы говорите этакія слова.

Старуха презрительно усмѣхнулась и снова взялась за работу.

Нѣсколько времени спустя, она прибавила:

— Главное управленіе въ Вѣнѣ не можетъ ничего сказать. Если у насъ требуютъ мѣста, чтобы помѣстить раненыхъ, мы обязаны дать.

Сынъ ничего не отвѣтилъ и оба продолжали работать.

Нѣсколько времени Фохтъ безъ всякихъ мыслей смотрѣлъ, какъ они работаютъ. Когда онъ обернулся назадъ, онъ почувствовалъ сразу тяжелый воздухъ давно не провѣтренняго помѣщенію. Запахъ іодоформа отъ перевязки показался ему невыносимымъ. Онъ отперъ задвижки и уперся обѣими руками въ оконныя рамы. Давно не отворявшееся окно не поддавалось; онъ долженъ былъ пустить въ ходъ всѣ свои силы. Наконецъ рамы подались и громадное окно отъ полу до потолка распахнулось настежъ. Легкій ароматный вѣтерокъ ворвался въ комнату и въ одну минуту разогналъ всѣ больничные запахи.

Въ большое, какъ ворота, отверстіе Фохтъ увидѣлъ то, что было здѣсь самое привлекательное,—видъ на окрестности.

Замокъ стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ плоскогорія. Спускавшіяся внизъ долины мѣстами падали обрывами. Архитекторъ выбралъ для охотничьяго домика террасу, прилѣпившуюся къ краю обрыва. Прямо передъ окнами разстилалась веселая долина, убѣгавшая внизъ. Причудливой формы вершины тѣснились у подножія замка, а между ними, извиваясь, стремился внизъ прозрачный ручей.

Прямо въ эту долину падали лучи заходящаго солнца. Она раскинулась вся сіяющая и радостная, точно символъ богатства и плодородія, точно обѣтованная земля.

Вдругъ заходящее солнце выглянуло изъ-за вершины одного изъ окружающихъ долину утесовъ. Цѣлый потокъ яркаго свѣта ворвался въ комнату, согрѣлъ и оживилъ лицо умирающаго на роскошной кровати.

Фохту показалось, что до него донесся вздохъ, и онъ поспѣшилъ къ другу.

Но Клицингъ лежалъ все такъ же неподвижно на бѣлыхъ подушкахъ, и дыханіе вырывалось такъ же хрипло.

И все-таки Фохтъ радостно вздрогнулъ.

Что то измѣнилось въ лицѣ его друга. Оно стало какъ будто живѣе. На губахъ появилось выраженіе страданія, а на щекахъ какъ будто проступилъ едва замѣтный розоватый оттѣнокъ.

Какой-то внутренній трепетъ пробѣгалъ иногда по лицу, губы немного пріоткрывались и плотно сомкнутыя вѣки вздрагивали.

Но постепенно эти признаки исчезали, и больной снова лежалъ попрежнему недвижимо.

Тѣмъ не менѣе Фохтъ почувствовалъ, какъ съ него точно свалилась какая-то тяжесть. Вдругъ, онъ самъ не зналъ почему, въ немъ возникла твердая увѣренность, что его другъ выздровѣетъ. Онъ сталъ бодрыми шагами ходить по комнатѣ. Съ интересомъ разсматривалъ онъ деревянную рѣзьбу на стѣнахъ, роскошную мебель и голыхъ ангелочковъ на потолкѣ.

Теперь, когда онъ былъ увѣренъ, что Клицингъ выкарабкается изъ этой бѣды, онъ могъ спокойно разглядѣть удивительную комнату.

Обходя ее кругомъ, онъ замѣтилъ на дверяхъ маленькую записочку, прикрѣпленную гвоздиками. Строчки были написаны стариннымъ почеркомъ, выцвѣтшими чернилами. Онъ остановился и началъ разбирать ихъ. Это были замѣтки для кастеляна на тотъ случай, если онъ будетъ показывать замокъ постороннимъ.

Фохтъ прочелъ:

«Въ этой королевской залѣ ночевали: въ 1750 г. его величество король Польскій свѣтлѣйшій курфюрстъ Саксонскій, Фридрихъ Августъ, прибывшій съ нашимъ милостивымъ господиномъ на кабанью охоту.

«Въ 1752 г. свѣтлѣйшій герцогъ Готскій Фридрихъ, прибывшій съ нашимъ милостивымъ графомъ на охоту на ланей. Отдыхали тутъ: въ 1757 г. его величество, король Прусскій Фридрихъ II, проѣздомъ черезъ горы въ Богемію.

«Въ 1813 г. его свѣтлость генералъ императора французскаго Вандамъ».

Фохтъ внутренно разсмѣялся. Чортъ возьми! въ какое общество попалъ Клицингъ. Два короля, одинъ герцогъ и одинъ генералъ! И онъ заранѣе радовался, представляя себѣ, какъ будетъ удивляться его товарищъ, когда онъ ему разскажетъ, кто спалъ до него на этой кровати.

Онъ подошелъ къ его постели, чтобы еще разъ полюбоваться, какъ простой каноникъ, бывшій писецъ, спитъ на королевскомъ ложѣ.

Но за это время случилось нѣчто до того поразившее его при приближеніи, что онъ, не доходя нѣсколькихъ шаговъ, остановился какъ вкопанный, — Клицингъ проснулся.

Голова больного повернулась на бокъ, широко раскрытые глаза смотрѣли вверхъ, въ открытое окно. Потомъ взглядъ его оторвался отъ неба, скользнулъ по комнатѣ и остановился на лицѣ друга. Повидимому онъ узналъ его, глаза его засвѣтились радостью. Но черезъ секунду они уже снова смотрѣли въ открытую даль за окномъ. Они не хотѣли оторваться отъ пламеннаго диска солнца, приближавшагося уже къ линіи горизонта.

Лицо умирающаго озарено было спокойнымъ внутреннимъ свѣтомъ. Ему казалось, что онъ стоитъ у порога рая, утопающаго въ нѣжныхъ золотистыхъ лучахъ.

Земля посылала уходящему гостю прощальный привѣтъ.

Лѣто, испуганное холоднымъ дыханіемъ осени и улетѣвшее въ теплыя страны, снова вернулось на крыльяхъ ласковаго вѣтра, чтобы послѣдній разъ отогрѣть холодѣющіе члены отходящаго въ вѣчность.

Разбуженныя его лаской птицы вспо-

минали лучшіе дни и убаюкивали утомленнаго своими тихими пѣснями.

Вершины деревьевъ склонялись и посылали смертельно раненой груди свой живительный ароматъ.

И солнце цѣловало глаза умирающаго, и онъ оживалъ въ его лучахъ. Не отрываясь, смотрѣлъ онъ на сіяющій дискъ, пока онъ не скрылся за горизонтомъ.

Когда онъ исчезъ, въ чертахъ умирающаго появилось выраженіе страха. Онъ какъ будто боялся надвигающейся тьмы, какъ будто искалъ чего-то ускользающаго.

Потомъ онъ закрылъ глаза и нашелъ свой рай.

XI.

Коли въ запасъ
Пускаютъ насъ,
Такъ въ добрый часъ
Идемъ въ запасъ.

Общій приказъ гласилъ: «Во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ и вслѣдствіе встрѣчающихся для слѣдованія заранѣе установленному порядку затрудненій исполняется ходатайство остерландскаго артиллерійскаго полка и дается разрѣшеніе предать землѣ на ближайшемъ кладбищѣ тѣло скончавшагося отъ послѣдствій несчастнаго случая канонира 6-й батареи Генриха-Карла Клицинга». Приказъ заканчивался словами: «Издержки по погребенію принимаются на средства полка, къ первому октября предписывается составить докладъ о нихъ».

Похороны назначены были на четвергъ 19-го сентября въ четыре часа дня.

Между тѣмъ, въ теченіе трехъ предшествовавшихъ дней маневры подвинулись дальше, такъ что къ 19-му числу между новой стоянкой полка и охотничьимъ домомъ оказалось разстояніе въ три мили. Пѣшкомъ не меньше четырехъ часовъ ходьбы.

Поэтому вся масса солдатъ не могла принять участіе въ церемоніи. Они были еще утомлены послѣ утреннихъ упражненій, а къ утру слѣдующаго дня должны были снова быть на мѣстахъ и бодро исполнять свои обязанности. Въ среду вечеромъ вахмистръ объявилъ:

— Кто желаетъ принять участіе въ церемоніи и не боится утомительнаго пути взадъ и впередъ, пусть выйдетъ изъ рядовъ».

Солдаты нерѣшительно переглядывались. Почти всѣ хотѣли бы отдать послѣднюю честь товарищу, павшему такой славной смертью, но восемь часовъ на ногахъ послѣ утомительныхъ маневровъ,—это, пожалуй, слишкомъ.

Только трое отозвались: графъ Плетау, Вольфъ и Трухзесъ.

Оберъ-лейтенантъ Гюнцъ не могъ скрыть своего удивленія. Отъ двухъ первыхъ онъ никогда не ожидалъ ничего подобнаго, а рѣшимость тяжелаго на подъемъ пивовара была поистинѣ трогательна. Во всякомъ случаѣ намѣреніе у всѣхъ трехъ было хорошее, и просьба ихъ должна быть уважена.

О Фохтѣ, онъ уже самъ позаботится. Тотъ, хотя съ пластыремъ на лбу, уже второй день участвовалъ въ упражненіяхъ войскъ. Его онъ посадитъ къ себѣ на козла, рядомъ съ кучеромъ. Самъ Гюнцъ, въ качествѣ батарейнаго командира, и Реймерсъ, какъ старшій офицеръ, должны были, конечно, также какъ и вахмистръ, принять участіе въ погребеніи. Сержантъ Вигандъ шелъ какъ представитель унтеръ-офицеровъ, а изъ главной квартиры собирались ѣхать полковникъ Фалькенгеймъ и майоръ Шредеръ со своими адъютантами.

Въ одномъ изъ боковыхъ флигелей замка помѣщалась небольшая часовня, а дальній уголокъ парка служилъ кладбищемъ.

На всѣхъ надгробныхъ плитахъ стоя-

ла надпись Шейтгауэръ. Тутъ были погребены кастеляны и члены ихъ семействъ. Повидимому, эта должность переходила по наслѣдству уже въ шестомъ поколѣніи. Въ концѣ концовъ въ живыхъ осталась одна дочь. Эта странная женщина, послѣдняя изъ Шейтгауэровъ, вышла замужъ за какого то Штельцера, умершаго десять лѣтъ назадъ. Въ объясненіе того, какимъ образомъ въ старинный родъ Шейтгауэровъ проникъ Штельцеръ, на его надгробной плитѣ было написано: «Здѣсь покоится Готфридъ Штельцеръ, управляющій замкомъ и супругъ Марты - Катарины Штельцеръ, рожденной Шейтгауэръ».

Былъ тамъ еще одинъ безымянный надгробный холмъ. Тамъ похоронили какого-то мальчика ремесленника, найденнаго въ лѣсу замерзшимъ. Кто онъ и откуда, такъ и не удалось узнать, но тѣмъ не менѣе старуха велѣла положить на его могилу точь-въ-точь такую же плиту, какъ у всѣхъ Шейтгауэровъ и у ея мужа. Вмѣсто имени, на ней былъ вырѣзанъ простой крестъ.

Для отпѣванія былъ приглашенъ сельскій священникъ изъ церкви, что въ долинѣ.

Крупныя пожалованія владѣльцевъ охотничьяго замка давно превратились въ постоянную ренту, которая являлась большимъ подспорьемъ въ бюджетѣ пастора. Но священнослужители такъ отвыкли оказывать свои духовныя услуги обитателямъ замка, что даже исключительные случаи, въ родѣ настоящаго, казались имъ неожиданной непріятностью.

Поэтому священникъ, маленькій, кругленькій, задыхающійся человѣчекъ, заранѣе рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не переступать установленныхъ правилами границъ. Онъ былъ не мало удивленъ, увидѣвъ, что гробъ простого солдата провожаютъ майоръ и полковникъ, — полковникъ надѣлъ при этомъ всѣ свои орденскіе знаки. Въ концѣ концовъ онъ все-таки нашелъ нужнымъ, въ виду присутствія столь важныхъ особъ, сказать нѣсколько словъ на тему о «великодушномъ самопожертвованіи дорогого покойника».

На улицѣ началъ накрапывать частый дождь. Церемонія происходила поэтому въ капеллѣ.

Послѣ смерти бѣдный Клицингъ ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка.

Майоръ изъ собственныхъ средствъ удвоилъ сумму, назначенную ему на погребеніе. Посреди часовни возвышался прекрасный дубовый гробъ. Онъ весь покрытъ былъ вѣнками—отъ товарищей, отъ дивизіи — возложенный майоромъ Шредеромъ, и отъ всего полка — Фалькенгеймомъ. Все это были лавровые вѣнки, украшенные длинными лентами. Старая кастелянша нарвала въ паркѣ всевозможныхъ осеннихъ цвѣтовъ и причудливыми гирляндами украсила гробъ,— тутъ были и разноцвѣтныя астры, и пышные георгины, и имортели. Въ какомъ-то углу чердака ей попался подъ руку забытый сундукъ со старинной утварью, и она извлекла изъ него два большихъ канделябра на восемь свѣчей.

Теперь всѣ свѣчи были зажжены на алтарѣ и торжественно освѣщали часовню, распространяя легкій запасъ воска, смѣшивавшійся съ острымъ ароматомъ лавра.

У изголовья гроба пасторъ говорилъ проповѣдь, за нимъ со сложенными руками стоялъ кисторъ. По обѣимъ сторонамъ гроба сидѣли офицеры и солдаты. На колѣняхъ всѣ они держали свои каски, и лица у всѣхъ были серьезны и задумчивы. Старая женщина сидѣла, вся согнувшись и закрывъ лицо руками. Сынъ ея въ отцовскомъ сюртукѣ стоялъ, прислонившись къ двери.

Когда священникъ провозгласилъ «аминь», четыре канонира взяли гробъ на плечи и понесли на маленькое кладбище. Впереди шелъ кисторъ, за гробомъ по порядку—сначала священникъ, съ полковникомъ и майоромъ, потомъ Гюнцъ и Реймерсъ, потомъ двое адъютантовъ, за ними Гепнеръ и Вигандъ и, наконецъ, старуха съ сыномъ.

У Клицинга не было на землѣ ни родителей, ни родственниковъ, и только одного Фохта называлъ онъ своимъ другомъ, и тѣмъ не менѣе всѣ присутствовавшіе на этихъ необычныхъ похоронахъ, испытывали искреннюю грусть.

Вахмистръ Гепнеръ, у котораго сердце было далеко не изъ чувствительныхъ, долженъ былъ скрѣпиться, чтобы не послѣдовать примѣру Виганда,—у того по бородѣ давно струились крупныя слезы.

Надъ могилой пасторъ прочелъ еще молитву и произнесъ благословеніе. Потомъ солдаты приподняли гробъ на черныхъ повязкахъ, кисторъ вынулъ доску, и гробъ медленно опустился въ глубину.

Ни одинъ изъ канониpовъ никогда не воображалъ, что ему придется исполнять подобныя обязанности. Тѣмъ не менѣе все совершалось спокойно и съ достоинствомъ.

Подошелъ полковникъ и произнесъ еще нѣсколько простыхъ словъ надъ покойникомъ. Онъ говорилъ объ истинной вѣрности, дружбѣ, сохраненной до самой смерти, говорилъ, что государь и родина должны считать себя счастливыми, имѣя подобныхъ солдатъ.

Три полныя пригоршни земли бросилъ каждый на гробъ, и этимъ церемонія закончилась.

Быстрыми шагами направились прочь ожающіе къ выходу. Одинъ Фохтъ остался еще у могилы.

Пасторъ поспѣшно распрощался съ офицерами, накинулъ дождевой плащъ и въ сопровожденіи кистора быстрыми шагами пошелъ по направленію къ деревнѣ.

Оба экипажа стояли у воротъ замка. Тутъ вышла маленькая задержка. По дорогѣ сюда Трухзесъ до крови стеръ себѣ лѣвую ногу; теперь онъ смущенно стоялъ въ сторонѣ. Гюнцъ обратился къ полковнику съ просьбой позволить бѣднягѣ занять свободное мѣсто на козлахъ его экипажа. Фалькенгеймъ ничего не имѣлъ противъ этого, и лицо пивовара значительно прояснилось.

Когда офицеры усѣлись въ экипажи, старуха замкнула ворота.

Дождь немного стихъ, но зато началася ледяной вѣтеръ. Полковникъ поднялъ воротникъ и сказалъ старухѣ:

— Ну, что, бабушка, у васъ тутъ, пожалуй, скоро и зима будетъ?

— Да, господинъ, должно быть,— отвѣтила она своимъ спокойнымъ голосомъ.

— Пусто тутъ у васъ, должно быть, одиноко?—спросилъ еще Фалькенгеймъ.

Старая женщина съ улыбкой покачала головой. Вѣтеръ сорвалъ ей черный платокъ съ головы и растрепалъ ея бѣлые волосы.

— Ну, прощай!

Коляска тронулась было въ путь.

Но оказалось, что не хватаетъ Фохта. Пришлось послать за нимъ на могилу. Сидя на козлахъ, онъ поминутно оглядывался на тотъ уголокъ земли, гдѣ покоился теперь его лучшій другъ. За рѣшеткой не видно было кладбища. Обернувшись послѣдній разъ онъ увидѣлъ сына хозяйки, выходившаго изъ воротъ. Онъ снялъ черный отцовскій сюртукъ и на плечѣ у него была лопата и скребокъ.

Графъ Плетау и Вольфъ остались вдвоемъ.

Оба экипажа скоро исчезли изъ вида, дорога становилась все пустыннѣе и непріятнѣе. Сколько глазъ хваталъ, не видко было ни одной телѣжки, ни одного фургона, на который можно бы было попроситься подвезти хоть немного.

Плетау почесалъ затылокъ.

— Да,—сказалъ онъ,—для насъ не приготовлено экипажей. Намъ и такъ хорошо... Но, какъ ни какъ, надо идти.

Онъ вынулъ часы, доставшіеся ему по наслѣдству и по счастливой случайности сохранившіеся до сихъ поръ. Часы были простые серебряные, но съ разрисованнымъ разными красками циферблатомъ.

— Половина пятаго,—пробормоталъ онъ,—три съ половиной часа намъ надѣюсь, довольно, значитъ, въ восемь часовъ мы можемъ быть дома.

И онъ бодро пошелъ впередъ. Вольфъ шелъ рядомъ съ нимъ. На шоссе порывы вѣтра были особенно чувствительны. Настоящій ураганъ свирѣпствовалъ на плоскогорьѣ. Большія рябины гнулись до земли точно тростники. Листья срывались и крутились въ воздухѣ, на обнажившихся вѣтвяхъ качались только красныя кисти.

Нагнувшись впередъ, боролись пут-

ники съ свирѣпыми порывами вѣтра. Крупныя ледяныя капли дождя хлестали имъ по лицу; напрасно старались они втянуть головы въ воротники и спрятать руки въ карманы пальто.

— Смотри-ка,—сказалъ Вольфъ,—ужъ это кажется не дождь, а снѣгъ.

По землѣ мело цѣлые вихри снѣга смѣшаннаго съ градомъ. Въ одну минуту все вокругъ побѣлѣло. Снѣжныя хлопья и льдинки падали въ дорожныя лужи и таяли тамъ.

Плетау зажмурилъ глаза.

— Истинно, собачья погода!—сказалъ онъ.—Пожалуй, бѣднягѣ Клицингу лучше теперь, чѣмъ намъ.

Онъ сразу замолчалъ. Страшный порывъ вѣтра налетѣлъ на нихъ и чуть не сбилъ съ ногъ.

Шоссе перевалило черезъ гребень и начало спускаться внизъ. По ту сторону горы мятель свирѣпствовала, кажется, еще неудержимѣе. Нѣсколько молодыхъ рябинокъ вырвало съ корнемъ, у большихъ трещали верхушки. Солдаты должны были ухватиться другъ за друга, чтобы бороться съ ураганомъ. Точно чьи-то сильныя руки хватали ихъ за ноги и пригвождали къ мѣсту. Иногда имъ казалось, что они не выдержатъ. Ураганъ съ такой страшной силой билъ имъ въ лицо, что у нихъ захватывало дыханіе. Они должны были поворачиваться спиной къ вѣтру, чтобы набрать воздуху. Потомъ они снова вступали въ отчаянную борьбу съ непогодой. Закрывъ глаза и плотно сжавъ губы, они медленно подвигались впередъ.

Наконецъ, мятель какъ будто утомилась. Она начала стихать. Но поля кругомъ были все такъ же бѣлы, и ледяной воздухъ сковывалъ все. Ураганъ сразу пролетѣлъ и только послѣдніе легкіе порывы стряхивали съ деревьевъ снѣгъ и капли дождя.

Въ борьбѣ съ вѣтромъ Вольфу и Плетау стало даже жарко. Теперь они ускорили шаги, чтобы не утратить спасительнаго тепла.

Плетау стряхнулъ воду, оставшуюся въ складкахъ плаща, и сейчасъ же началъ весело болтать.

Тамъ наверху, на кладбищѣ онъ былъ не меньше растроганъ, чѣмъ всѣ другіе. Но теперь это настроеніе успѣло уже разсѣяться. Горячій супъ, который онъ заказалъ себѣ черезъ Фохта, представлялся ему величайшимъ счастьемъ. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ ѣсть его, сидя на подоконникѣ въ кухнѣ.

Вольфъ, наоборотъ, былъ еще весь во власти охватившаго его тамъ волненія. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ при мысли, что есть на свѣтѣ люди, готовые добровольно жертвовать жизнью для великой благородной цѣли. Великодушное самопожертвованіе Клицинга представлялось ему новымъ крѣпкимъ звеномъ въ цѣпи его всегдашнихъ размышленій.

Онъ овладѣлъ самъ разговоромъ и сталъ съ одушевленіемъ высказывать горѣвшія у него въ груди чувства. Прекрасными, прочувствованными словами описывалъ онъ страданія человѣчества и изливалъ въ страстныхъ жалобахъ великое состраданіе, разрывавшее ему сердце. Всѣ эти ужасы не могли, повидимому, окончиться мирно, и онъ со страстнымъ одушевленіемъ проповѣдывалъ борьбу. Въ отважныхъ борцахъ, конечно, не будетъ недостатка, и онъ заранѣе восхвалялъ героевъ, которые падутъ въ этой великой освободительной войнѣ. Въ концѣ концовъ, онъ нарисовалъ фактическую картину грядущаго счастья міра.

Пока онъ развивалъ свои утопическія фантазіи, стало совсѣмъ темно.

Ночныя тѣни спускались сверху и сливались съ поднимавшимися снизу туманами. Снова поднялся вѣтеръ. Тяжелыя разорванныя облака быстро неслись по небу; серпъ луны то скрывался, то снова показывался, мѣстами проблескивали одинокія звѣзды и снова тонули во мракѣ.

Въ темнотѣ путники не могли даже судить, много ли имъ еще осталось идти.

На часахъ рѣшительно ничего нельзя было различить.

— Хотѣлъ бы я знать, гдѣ мы теперь,—пробормоталъ Плетау.

Вольфъ повернулся спиной къ вѣтру и чиркнулъ спичку. Вѣтеръ сейчасъ же задулъ ее, но головка еще нѣсколько

секундъ тлѣла. Этого было довольно, чтобъ посмотрѣть на часы.

— Половина восьмого! — сказалъ графъ.—Слава Богу! Скоро дома!

Немного спустя, онъ, дѣйствиельно, сидѣлъ передъ желаннымъ супомъ. Онъ выпросилъ у хозяйки пару большихъ войлочныхъ башмаковъ и съ наслажденіемъ вытянулъ усталыя ноги. На лицѣ его отражалось полнѣйшее блаженство, когда онъ отправлялъ ложку за ложкой въ ротъ.

Вольфъ откинулся на спинку, не доѣвъ своей чашки. Онъ задумчиво смотрѣлъ на товарища.

Маневры приближались къ концу.

Въ послѣднюю недѣлю два раза раскидывали бивуаки, но дождь и холодъ загоняли солдатъ подъ крыши. Въ открытомъ полѣ едва рѣшались варить обѣдъ, на ночь всѣ забивались въ избы, хоть тамъ и была невѣроятная тѣснота. Только сторожевые посты до зари мокли и зябли подъ потоками дождя.

Наступилъ, наконецъ, и послѣдній день маневровъ. Холодное осеннее солнце на прощанье немного повеселило солдатъ. Ученье кончилось до полудня, и послѣ заключительнаго парада войска отправились по своимъ гарнизонамъ.

Пѣхота разъѣзжалась по желѣзной дорогѣ, конныя части отправлялись по домамъ вольнымъ маршемъ.

Чтобы избѣжать постоянныхъ задержекъ, при движеніи сомкнутой колонной, полковникъ назначилъ разнымъ батареямъ идти по различнымъ дорогамъ. Невдалекѣ отъ казармы назначенъ былъ встрѣчный пунктъ, откуда долженъ былъ начаться совмѣстный маршъ.

Шестая батарея проѣхала рысью часть дороги подъ гору, и потомъ зато могла идти шагомъ. Лошади терпѣливо, безъ излишняго напряженія тащили за собой пушки. Вахмистръ Геннеръ почесалъ голову. На этотъ разъ животныя были несравненно болѣе измучены, чѣмъ въ прежніе годы. Всю свою красоту онѣ потеряли; настоящіе скелеты, даже и шерсть-то у многихъ вытерлась. Не говоря уже о томъ, что бѣднаго «Турка» теперь, навѣрно, растаскали коршуны, и «Ящерица» еще далеко не оправилась отъ своей страшной раны въ бедрѣ.

Все это произошло оттого, что офицеры не захотѣли послушаться такого опытнаго совѣтчика, какъ онъ. А между тѣмъ правда-то оказалась на его сторонѣ,—шесть гнѣдыхъ лошадей не вывезли шестого орудія. Конечно, это доставляло ему нѣкоторое удовлетвореніе. Но одна убитая и одна испорченная лошадь, — цѣна все-таки черезчуръ большая.

Онъ мрачно посмотрѣлъ вверхъ, и взглядъ его какъ разъ упалъ на Фохта, сидѣвшаго на лафетѣ все еще съ пластыремъ на лбу.

Тутъ вахмистръ вспомнилъ другое: упрямство Вегштетена стоило жизни одному канониру, да еще какому молодцу притомъ. Раньше, положимъ, этотъ Клицингъ представлялся ему порядочнымъ рохлей.

Онъ ласково потрепалъ по шеѣ свою «Розу». Всегда такъ бываетъ, когда люди вмѣшиваются въ то, чего не знаютъ!

Лошадь энергично тряхнула головой, такъ что бѣлые брызги пѣны упали на грязную дорогу.

Теперь батарея достигла вершины слѣдующей гряды. Нѣсколько ниже находилось мѣсто обозначенное для встрѣчи. Далеко въ долинѣ виднѣлась казарма.

До момента встрѣчи оставалось еще довольно времени, поэтому батарея могла не измѣнять своего аллюра. Но какъ-то само собой постепенно шагъ ускорился. Лошади, конечно, не могли на незнакомой дорогѣ чувствовать близость конюшенъ, но солдатъ разбирало нетерпѣніе, и они невольно понукали ихъ. Какъ только они замѣтили вдали казарму, такъ имъ захотѣлось какъ можно скорѣе добраться дотуда.

Доброй половинѣ изъ нихъ оставалось только переспать тамъ одну ночку и на слѣдующій же день можно было снять надоѣвшій мундиръ и стать снова самимъ собой.

Послѣ заключительнаго парада на маневрахъ солдаты считали, что они уже въ сущности покончили свою службу. Проходя церемоніальнымъ маршемъ мимо командующаго генерала, они были еще

солдатами, но теперь они исполняли приказанія далеко не съ прежней быстротой и сказывающеюся въ каждомъ движеніи готовностью. Они даже какъ будто намѣренно немного медлили при этомъ. Муштровка, на которой въ значительной степени держалась служба, начала быстро сходить съ нихъ и осталось скорѣе добровольное послушаніе. Нельзя же такъ въ чемъ былъ, въ мундирѣ и со шпорами, прямо съ сѣдла соскочить въ запасъ. Какъ ни какъ надо же поставить лошадей въ конюшню и сдать амуницію. Но что касается остального, то пускай себѣ всѣ начальники проваливаются къ чорту хоть сейчасъ. А ужъ завтра-то увидятъ они, что значитъ свободные люди, которымъ никто не имѣетъ права приказывать. Завтра плевать они хотятъ на всю солдатскую службу и на всякое начальство.

На солдатъ нашло какое-то опьяненіе строптивостью. Между ними было не мало такихъ, которые, вѣроятно, никогда бы и слыхомъ не слыхали про соціалъ-демократическую пропаганду и преспокойно вернулись бы къ своимъ плугамъ и лопатамъ. И вдругъ теперь у всѣхъ у нихъ появилось откуда-то убѣжденіе, что ихъ Богъ знаетъ изъ-за чего промучили цѣлыхъ два года, чтобъ научить сущимъ пустякамъ. Они сбросили съ себя какъ ненужную тяжесть всю массу мелкихъ правилъ, какими была до сихъ поръ обременена ихъ голова. И это чувство освобожденія совершенно измѣнило ихъ настроеніе. Завтра всѣ они должны будутъ кричать «ура», выслушавъ приказъ объ выходѣ въ запасъ, но сегодня у доброй половины въ сердцѣ звучали соціалистическія пѣсни. И завтра же до глубокой ночи эти самыя пѣсни будутъ распѣваться во всѣхъ пивныхъ.

Даже остальные, кто по тупости или по лѣности не вслушивался въ разсужденія товарищей, и тѣ заражались ихъ настроеніемъ. Какой-нибудь обрывокъ новыхъ мыслей запалъ во всякую голову, и возвращающіеся по домамъ крестьяне разносили эти зерна въ самыя отдаленныя деревеньки. Порой новая городская мудрость пускала ростки и нерѣдко приносила обильные плоды. А важные господа удивлялись, отчего это растетъ число соціалъ-демократическихъ голосовъ въ самыхъ глухихъ избирательныхъ округахъ. А въ дѣйствительности оно росло съ каждымъ годомъ, главнымъ образомъ, потому, что войско при его современномъ устройствѣ представляло нѣчто вродѣ приготовительной соціалъ-демократической школы.

Когда внизу передъ глазами батареи показались казармы, кто-то затянулъ веселую пѣсню. Это внесло жизнь въ утомленные ряды. Ѣздовые оправились въ сѣдлахъ, а канониры бодрѣе подняли головы.

Только вокругъ шестого орудія попрежнему было невесело.

Правда Инославскій попробовалъ было подтягивать, подбирая польскія слова къ музыкѣ, да графъ Плетау что-то напѣвалъ подъ носъ,—онъ вспомнилъ, что лѣтъ пять тому назадъ и онъ пѣлъ эту пѣсню,—у остальныхъ же не то было на умѣ.

Фохтъ сидѣлъ на лафетѣ и печально смотрѣлъ на новаго сосѣда—лазаретнаго служителя, занявшаго мѣсто Клицинга. Когда они ѣхали впередъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ его другъ. Тогда разговоры у нихъ не умолкали, то веселые, то задушевные, такъ что даже на лафетѣ имъ казалось уютно. Клицингъ не всегда былъ кроткимъ и добрымъ, иногда онъ умѣлъ даже быть злымъ, онъ остроумно подсмѣивался надъ крестьянами, у которыхъ на кончикѣ носа блестѣла капелька, когда они по утрамъ шагали рядомъ съ батареей и надъ пѣхотинцами, поднимавшими пыль по дорогѣ, и надъ толстопузыми офицерами трясшимися въ сѣдлахъ, какъ студень. Время летѣло стрѣлой. А теперь милый, веселый товарищъ лежалъ тамъ на горѣ, и Фохтъ долженъ былъ одинъ дотягивать службу. Онъ думалъ, какъ ему теперь одиноко будетъ въ казармѣ, когда кончатся разнообразныя осеннія упражненія и пойдетъ однообразная зимняя служба.

Нѣтъ, у него, по крайней мѣрѣ, не было ни малѣйшей охоты подтянуть веселую пѣсню. Съ вздохомъ выпрямился Фохтъ на своемъ жесткомъ сидѣньи, и

толкнулъ лазаретнаго сторожа, задремавшаго и качавшагося взадъ и впередъ.

На передкѣ между Трухзесомъ и Плетау сидѣлъ Вольфъ.

Чѣмъ ближе былъ желанный день освобожденія, тѣмъ больше сомнѣній испытывалъ онъ въ сердцѣ. Онъ боялся даже думать о томъ, что будетъ послѣ выхода; ему все казалось, что въ послѣднюю минуту вдругъ возникнетъ какое-нибудь неожиданное препятствіе и снова замкнетъ на немъ ненавистныя цѣпи. Теперь оставалось пережить всего одинъ день и одну ночь, и онъ будетъ на волѣ. Кажется, теперь ужъ онъ можетъ, наконецъ, вздохнуть свободно. Что можетъ случиться съ нимъ? Службы уже больше не будетъ. Только вещи сдать. Потомъ ему отдадутъ бумаги, и онъ можетъ отправляться на всѣ четыре стороны.

Первый разъ онъ съ радостью привѣтствовалъ казарму. Даже глаза у него заблистали, когда онъ увидѣлъ ее въ долинѣ. Въ этотъ послѣдній день казарменныя зданія, ярко освѣщенныя солнцемъ, не показались уже ему тюрьмой. Бѣлыя стѣны привѣтливо и радостно блестѣли, и ему уже не хотѣлось выругать ихъ какимъ-нибудь браннымъ словомъ. Теперь онѣ представлялись ему желанными воротами, ведущими къ свободѣ. Завтра онъ пройдетъ черезъ нихъ.

Небольшое разстояніе до казармы полкъ прошелъ сомкнутымъ строемъ. Впереди ѣхалъ оркестръ и игралъ маршъ. Звуки отражались отъ высокихъ бѣлыхъ стѣнъ, и эхо повторяло мотивъ. Выходило смѣшно и весело.

Полковникъ и первая дивизія миновали казармы и направились къ городу. Вторая дивизія завернула за уголъ. Лошади нетерпѣливо фыркали, почуявъ, наконецъ, близость знакомыхъ конюшенъ, а солдаты еще разъ выпрямились, услышавъ команду «смирно!».

Колеса застучали по маленькому мостику, ведшему съ шоссе къ воротамъ казармы. За время маневровъ чугунныя ворота были заново окрашены въ сѣрую краску, а караульная будка вся сверкала бѣлыми и желтыми полосами. Черная крыша красиво выдѣлялась на ней.

Вольфъ усмѣхнулся про себя. Ни чугунныя ворота, ни караульная будка не въ силахъ уже удержать его. Завтра онъ пройдетъ черезъ эти ворота мимо часового свободнымъ человѣкомъ.

Передъ полковымъ зданіемъ майоръ Шредеръ остановился и пропустилъ мимо себя три батареи своей дивизіи. Раздалась команда «Равненіе налѣво», и солдаты промаршировали мимо него, не спуская глазъ съ начальника.

Онъ кивнулъ головой и весело соскочилъ съ лошади.

Батареи направились къ своимъ помѣщеніямъ.

— Батарея—стой! Съ передковъ отъѣзжай! Спѣшься! Отпрягать!

Орудія съ грохотомъ вкатывались въ ворота сараевъ. Вездѣ была приготовлена свѣжая солома, въ ясляхъ лежало сѣно. Лошади протягивали къ нему морды раньше, чѣмъ съ нихъ сняли тяжелую упряжь. Когда, наконецъ, ихъ освободили отъ хомутовъ и сѣделъ, онѣ оживленно встряхивались, нетерпѣливо заглядывая въ пустыя еще колоды.

Многіе ѣздовые возились сегодня дольше обыкновеннаго со своими лошадями, и на этотъ разъ животныя не слыхали отъ нихъ ни одного грубаго окрика. Привыкаетъ-таки человѣкъ за два года къ этакимъ четвероногимъ тварямъ,—день изо дня, вѣдь, приходится возиться съ ними.

Въ этотъ же день старые солдаты сдавали тѣ вещи изъ амуниціи, безъ которыхъ могли обойтись до завтра. При нихъ остались только сабли. Во всякомъ случаѣ до слѣдующаго утра они продолжали считаться солдатами.

Но обращаться съ ними съ прежнею требовательностью и строгостью не было никакой возможности,—начальство чувствовало это, и всѣ отъ перваго до послѣдняго отпустили поводья насколько только возможно. Только когда тѣ переходили уже всякія границы, имъ дѣлалось замѣчаніе или предостереженіе. И то и другое звучало удивительно странно въ устахъ унтеръ-офицера, отъ котораго солдаты привыкли слышать обыкновенно только ругательства и проклятія.

Послѣ чтенія приказовъ веселая компанія будущихъ запасныхъ разбрелась по городу. Подъ воротами домовъ они нѣжно попрощались съ знакомыми служанками. Когда мимо проходилъ кто-нибудь изъ начальства, они лѣниво и небрежно становились въ требуемую закономъ позу, а офицеры и унтеръ-офицеры смотрѣли въ сторону, чтобы не замѣчать такого нарушенія порядка. Въ трактирахъ было шумно. Одни, выпивъ изрядное количество пива, становились сентиментальными, заключали другъ друга въ объятія и клялись въ вѣчной вѣрности, у другихъ грубо прорывалась ярость противъ тѣхъ, кто до сихъ поръ держалъ ихъ въ подчиненіи. То тутъ, то тамъ раздавались угрозы—обѣщали проучить или хорошенько попотчивать того или другого вахмистра или сержанта, какъ только надѣнутъ штатское платье.

«Какъ только надѣну штатское»—эти слова не сходили съ устъ въ этотъ вечеръ. Казалось, всѣ эти кричащіе, шумящіе люди не могли больше вынести даже той легкой тѣни подчиненія, какую они испытывали теперь, тогда какъ долгіе мѣсяцы они покорно несли его тяжелое бремя. Можно было опасаться, что этотъ вечеръ кончится настоящимъ бунтомъ.

Но какъ ни пьяны были всѣ и какъ свирѣпо ни ругались, а когда подошло время вечерней зари, всѣ, качаясь и поддерживая другъ друга, поплелись въ казармы. Даже среди своего двойного опьяненія они сохраняли нѣкоторую долю благоразумія. Небольшая корысть прокутить эту послѣднюю ночь. Пожалуй еще придется расплачиваться за нее нѣсколькими днями ареста. Лучше ужъ послѣдній разъ взять себя въ руки. Ужо «на волѣ» можно будетъ и ночью, и днемъ дѣлать все, что взбредетъ въ голову.

Вольфъ — едва-ли не единственный изъ запасныхъ—держался въ сторонѣ отъ всей этой кутерьмы. Онъ терпѣть не могъ шума и пьянства. Все послѣ обѣда онъ просидѣлъ въ казармѣ, предаваясь сладкимъ мечтамъ и поглядывая на остающихся солдатъ, которымъ теперь сразу стало вдвое больше дѣла.

Когда въ комнату входилъ унтеръ-офицеръ, онъ вскакивалъ и вытягивалъ руки по швамъ, точь-въ-точь такъ же, какъ онъ это дѣлалъ всѣ два года. Почему же не продѣлывать эту комедію въ послѣдніе часы, когда столько времени участвовалъ въ ней? Но около губъ его въ это время появлялась какая-то незамѣтная складочка, и никто изъ начальства не чувствовалъ къ нему благодарности за столь строгое выполненіе предписаній. Имъ казалось, что на умѣ у него другое, и, пожалуй, имъ было бы пріятнѣе, если бы онъ такъ же пилъ и буянилъ, какъ другіе.

Но Вольфъ упрямо рѣшилъ до послѣдней минуты не подавать повода ни къ малѣйшему замѣчанію.

Съ особымъ рвеніемъ чистилъ онъ передъ сдачей свою амуницію и испыталъ извѣстное удовлетвореніе, когда его старинный врагъ, Кейзеръ, поставилъ его вещи въ примѣръ другимъ, сдававшимъ свои далеко не въ идеальномъ порядкѣ. Положимъ, сержантъ сейчасъ же и примолкъ, какъ только онъ увидѣлъ по запискѣ, чьи это вещи и кого это онъ такъ расхваливалъ, но это ужъ дѣло другое.

Послѣ чтенія приказовъ Вольфъ сталъ безпокойно шагать по казарменному двору. Кажется, этотъ день никогда не кончится. Солнце давно закатилось за гору, но все еще было совершенно свѣтло. Онъ вышелъ изъ казармы въ заднія ворота и зашагалъ вокругъ учебнаго плаца. Ровная площадь была покрыта по обыкновенію чернымъ угольнымъ щебнемъ, принимающимъ такой непріятный оттѣнокъ въ это сырое время года. Ни о чемъ не думая, бродилъ онъ взадъ и впередъ по пустынной площади.

Наконецъ, за послѣднимъ вечеромъ наступила послѣдняя ночь.

Большая часть старыхъ солдатъ спала тяжелымъ, пьянымъ сномъ. Только двое разгулявшихся молодцовъ никакъ не могли угомониться. Только что одинъ начиналъ засыпать, другой будилъ его какимъ нибудь ругательствомъ. Но мало-по-малу и ихъ перебранка стала стихать. Въ полуснѣ бормотали они без-

связныя фразы, и, наконецъ, оба вдругъ заснули.

Вольфъ не могъ сомкнуть глазъ за эту ночь. Онъ слышалъ каждые полчаса бой часовъ, и промежутки казались ему безконечно длинными.

За полчаса до зари онъ всталъ. Холодная вода, живо освѣжила его, и послѣ этой безсонной ночи онъ почувствовалъ себя въ тысячу разъ свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ раньше послѣ положенныхъ часовъ отдыха. Онъ открылъ окно въ умывальной комнатѣ и жадно втянулъ въ себя прохладный воздухъ утреннихъ сумерекъ. Занимался прекрасный осенній день,—благословенный день свободы. Легкій туманъ носился еще надъ землей, но онъ поднимался все выше, предчувствуя появленіе торжествующаго солнца.

Сіяющими глазами смотрѣлъ Вольфъ черезъ крыши на холмы, изъ-за которыхъ должно было появиться солнце. Онъ выпрямился и протянулъ впередъ руки.

Только теперь начиналъ онъ вѣрить своему счастью.

Онъ вынулъ изъ сундучка свою вольную одежду, точно драгоцѣнное сокровище. Въ то время, какъ онъ одѣвался, во дворѣ заигралъ трубачъ. Бѣлая рубашка, чистый воротничокъ, удобная куртка, мягкая шляпа,—какъ все это легко и пріятно! Явный признакъ, что кончилось время заточенья.

Онъ стоялъ совершенно одѣтый, когда товарищи, зѣвая и потягиваясь, выходили изъ спальни.

—Ишь, какъ тебѣ приспичило!—сказалъ ему кто-то.

— О да, — отвѣчалъ Вольфъ, — довольно ужъ я ждалъ.

Наступилъ послѣдній моментъ—сдача оставшихся вещей и сабель.

Кейзеръ, дежурный унтеръ-офицеръ, проходилъ по казармѣ и пересчитывалъ вещи.

Онъ бросалъ ихъ сопровождавшему его конвоиру, и тотъ уносилъ ихъ въ кладовую.

Комнату, гдѣ былъ Вольфъ, онъ нарочно оставилъ подъ самый конецъ, и тамъ отпустилъ прежде всѣхъ другихъ. Хоть этимъ доймется онъ этого «краснаго», подведшаго его подъ арестъ,— продержитъ его какъ можно дольше въ казармѣ.

Вольфъ улыбнулся про себя, догадавшись объ его умыслѣ. Онъ спокойно ждалъ и только кивнулъ своему земляку Финдезену, стоявшему за спиной сержанта съ цѣлой охапкой солдатскихъ вещей.

Неуклюжій, широкоплечій солдатъ, котораго ославили вначалѣ горбатымъ, угрюмо выслушивалъ ругательства, какими награждалъ его Кейзеръ за то, что онъ неловко держалъ кучу. Онъ крѣпко закусилъ губы и только по временамъ кидалъ на сержанта злобные взгляды.

На одну минуту въ Вольфѣ поднялось негодованіе по поводу этихъ грубостей, но онъ живо овладѣлъ собой и спокойно стоялъ въ сторонѣ. Въ концѣ концовъ дойдетъ и до него очередь.

Наконецъ, сержантъ подошелъ къ нему. Онъ внимательно осмотрѣлъ каждую вещь. Пуговицы всѣ блестѣли, какъ жаръ, и нигдѣ ни малѣйшей дырочки. Онъ сложилъ штаны и хлопнулъ по нимъ рукой. Ни пылинки не поднялось отъ нихъ. Поясъ тоже былъ въ порядкѣ, и сапоги именно въ такомъ видѣ, какъ требовалось, не вычищенные, а только смазанные жиромъ, чтобы кожа не ссыхалась.

Кейзеръ неохотно буркнулъ.

— Ну, ничего, хорошо.

Онъ повернулся, бросилъ Финдезену вещи на кучу, а сапоги сунулъ въ руку. Но тотъ держалъ уже передъ тѣмъ четыре пары за голенища, и сейчасъ же выронилъ послѣдніе на землю.

Кейзеръ съ бранью поднялъ ихъ. Пыль толстымъ слоемъ прилипла къ жирной кожѣ.

Сержантъ вскипѣлъ. Онъ протянулъ Финдезену сапоги къ самому носу и крикнулъ ему:

— Слижи это, свинья!

Вѣроятно, онъ не подразумѣвалъ буквально этого приказанія, но въ глазахъ его сверкала ярость.

Финдезенъ отпрянулъ назадъ. Онъ закусилъ губы и съ упрямымъ вызовомъ посмотрѣлъ на сержанта.

Тутъ Кейзеръ впалъ въ совершенное бѣшенство. Лицо его побагровѣло, онъ опять сунулъ сапоги солдату и крикнулъ:

— Сейчасъ слизывай, собака!

Рѣшимость въ глазахъ Финдезена погасла такъ же быстро, какъ загорѣлась. Большой, широкоплечій человѣкъ вдругъ весь съежился, точно подъ ударомъ хлыста, поблѣднѣвъ, какъ полотно, и, дѣйствительно, дотронулся языкомъ до сапога.

Сержантъ грубо сунулъ ему въ лицо сапогъ, такъ что всего его выпачкалъ грязью и жиромъ.

Потомъ онъ обернулся къ Вольфу и вызывающе взглянулъ ему прямо въ лицо. «Полюбуйся-ка!»—говорилъ его торжествующій взглядъ. «Хорошъ твой товарищъ! Скотина, и ничего больше! И мы можемъ помыкать имъ, какъ намъ угодно!»

Въ ту же секунду Вольфъ размахнулся и тяжело ударилъ его кулакомъ по лицу.

Унтеръ-офицеръ закачался. Онъ издалъ какой-то глухой ревъ и хотѣлъ броситься на запасного.

Но въ это мгновеніе произошло нѣчто неожиданное, и произошло это до такой степени быстро, что Вольфъ не успѣлъ даже опомниться.

Финдезенъ швырнулъ на землю и сапоги, и вещи, все, что у него было въ рукахъ, обхватилъ сержанта своими могучими руками, поднялъ его въ воздухъ и изо всей силы, головой впередъ, ударилъ его объ стѣну.

Раздался глухой звукъ, и тѣло грузно шлепнулось на землю.

Въ дверяхъ раздался крикъ.

Вице-вахмистръ Геймертъ входилъ въ комнату. Онъ въ ту же минуту бросился на Финдезена. Канониръ всѣми силами отбивался, кусался, бился, царапался. Онъ чувствовалъ, что дѣло идетъ о его жизни. Но Геймертъ былъ сильнѣе его.

Между тѣмъ подоспѣли и другіе унтеръ-офицеры и солдаты. Они свалили обезумѣвшаго солдата на землю и связали его.

Вольфъ стоялъ неподвижно. Безъ малѣйшаго сопротивленія далъ онъ связать себѣ руки за спиной. Въ головѣ у него кружилось, — ему казалось, что онъ видитъ страшный сонъ.

Странно, что его первый сонъ на волѣ вылился въ такую дикую форму. Настоящій кошмаръ.

Онъ тряхнулъ головой и изо всѣхъ силъ потянулъ связанныя руки, чтобы проснуться. Веревки глубже врѣзались въ тѣло, и боль вернула его къ дѣйствительности.

Онъ недовѣрчиво оглянулся.

Конечно, это та самая комната, гдѣ онъ прожилъ два долгихъ года. Въ ней толпится множество народа, всѣ о чемъ-то разговариваютъ, кричатъ и размахиваютъ руками. Въ воздухѣ стоитъ густая пыль, точно здѣсь была свалка. На полу рядомъ съ кучей одежды лежитъ человѣкъ со связанными за спиной руками, съ блѣднымъ, какъ полотно, лицомъ и тяжело дышащей грудью,— Финдезенъ. Четыре товарища поднимаютъ другого, распростертаго у стѣны,—это Кейзеръ, сержантъ. Лицо унтеръ-офицера совсѣмъ бѣлое и руки безсильно болтаются въ воздухѣ.

— Ну, этому капутъ!—сказалъ голосъ вахмистра Гепнера.—Снесите его въ комнату и положите на его кровать!

И четыре товарища пронесли трупъ мимо Вольфа въ дверь.

Вахмистръ прогналъ лишнихъ людей, съ двумя связанными остались одни только унтеръ-офицеры.

Гепнеръ подошелъ къ Вольфу и смѣрилъ его взглядомъ съ головы до ногъ.

— Одежда недурная, молодчикъ,—сказалъ онъ,—только теперь ей, пожалуй, придется еще немного полежать въ сундукѣ.

Онъ разыскалъ въ кучѣ вещи Вольфа и бросилъ ихъ ему на плечо.

— Вотъ! — продолжалъ онъ насмѣхаться—Это тебѣ будетъ больше къ лицу! А всего лучше сѣрый халатъ, когда тебя опредѣлятъ къ мѣсту! Ну, а пока, красавецъ мой, переодѣнься-ка опять въ это.

Онъ приказалъ двумъ канонирамъ отвести Вольфа и Финдезена подъ арестъ.

— Смотрите въ оба!—предупредилъ

онъ ихъ. — Отъ этихъ собакъ всего можно ждать. Чуть что, помните, для чего у васъ сабля на боку.

Обоихъ арестантовъ повели черезъ дворъ въ караульню. Передъ казармой собрались толпой запасные. Многіе, взявшись подъ руки, шли, размахивая палочками и распѣвая пѣсни.

Когда мимо веселой толпы прошла маленькая процессія, пѣсни и шумъ сразу оборвались. Запасные смущенно разступились и проводили ихъ робкими взглядами и тихимъ шопотомъ.

Финдезенъ шелъ, повѣсивъ голову. Ему нахлобучили на голову фуражку, и она съѣхала на лобъ, такъ что онъ едва могъ видѣть изъ-подъ нея дорогу. Вольфъ смотрѣлъ прямо передъ собой. Но онъ все еще былъ точно въ туманѣ. Онъ не видѣлъ ничего окружающаго, и ноги у него заплетались, когда они вошли въ домъ.

Дежурный унтеръ-офицеръ хотѣлъ посадить арестантовъ въ двѣ сосѣднія камеры. Но провожающій запротестовалъ:

— Этакъ они, пожалуй, сговорятся, перестукиваться станутъ, или какъ,— сказалъ онъ.—Лучше сунь ихъ какъ можно подальше другъ отъ друга.

Такимъ образомъ Вольфъ попалъ въ ту камеру, которая ближе къ улицѣ, а Финдезенъ въ противоположный конецъ зданія—во дворъ.

Унтеръ-офицеръ положилъ передъ Вольфомъ на лавку мундиръ, штаны, фуражку и галстухъ; на полу стояли сапоги, носившіе еще слѣды пыли изъ-за которой вспыхнула вся ссора.

— Живо переодѣвайтесь!—скомандовалъ провожатый. — Я захвачу вашу вольную одежду.

Но Вольфъ неподвижно стоялъ около скамейки.

Онъ слышалъ, какъ въ дверяхъ щелкнулъ замокъ, но не понялъ, что это значитъ. Потомъ шаги удалились, вдалекѣ опять щелкнулъ замокъ, дверь громко завизжала, потомъ хлопнула и вновь щелкнулъ ключъ.

По каменному полу застучали тяжелые шаги унтеръ-офицеровъ, возвращавшихся въ дежурную комнату.

— Что они такое натворили?—спросилъ вахмистръ.

— Человѣка убили, — прозвучалъ отвѣтъ,—нашего сержанта.

Запасный все еще стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Онъ тщетно старался вспомнить, почему онъ очутился здѣсь. Зачѣмъ ему быть здѣсь, когда онъ сегодня, наконецъ, свободный человѣкъ. Онъ протеръ себѣ рукой глаза, подошелъ къ двери и машинально нажалъ ручку.

Одно было несомнѣнно,— его заперли.

Снова щелкнулъ ключъ. Вошелъ дежурный. За нимъ солдатъ внесъ кружку воды и сейчасъ же вышелъ.

— Почему вы не переодѣлись? — спросилъ унтеръ-офицеръ.

Запасной поглядѣлъ на него ничего не понимающимъ взглядомъ.

— Да переодѣвайтесь же, чортъ возьми!—закричалъ вахмистръ.—Нечего глаза таращить!

Вольфъ покорно сѣлъ на скамейку. Машинально снялъ онъ съ себя куртку, штаны, отстегнулъ воротникъ и стащилъ сапоги. Послѣ всего онъ снялъ шляпу.

Точно такъ же механически надѣлъ онъ на себя старую форму.

Вахмистръ нѣсколько разъ торопилъ его и наконецъ взялъ его платье.

— Все будетъ спрятано,—буркнулъ онъ на ходу.

Вольфъ кивнулъ и молча посмотрѣлъ на свои вещи. На одну минуту ему показалось, что онъ начинаетъ соображать что-то, у унтеръ-офицера грязные пальцы и онъ захватаетъ бѣлый воротничокъ; хоть бы онъ за нижній край взялъ. Онъ протянулъ было руку къ нему, но она безсильно опустилась.

Глядя на него, вахмистръ задумчиво покачалъ головой. Войдя въ дежурную комнату, онъ сказалъ приведшему арестантовъ унтеръ-офицеру:

— Съ этимъ что-то не ладно, — и показалъ большимъ пальцемъ черезъ плечо.

— Ты думаешь?—спросилъ тотъ.

— Вѣрно тебѣ говорю. Я у него даже и подтяжки взялъ. По крайней мѣрѣ, не повѣсится.

Когда дверь закрылась за унтеръ-офицеромъ, Вольфъ невольно сталъ руки по швамъ. Потомъ онъ выдвинулъ впередъ правую ногу и опустилъ плечи, точно кто-нибудь скомандовалъ: «Вольно».

Онъ посмотрѣлъ на свой заношенный мундиръ, зеленое сукно выглядѣло теперь сѣрымъ, а красные обшлага совсѣмъ почернѣли отъ грязи. Вычищенныя пуговицы блестѣли и свѣжая заплата ярко выдѣлялась на грязной полѣ.

По этой заплатѣ онъ сразу узналъ свой мундиръ, который онъ протаскалъ два долгихъ года, и вдругъ онъ съ полной ясностью понялъ свое положеніе.

Страшная тяжесть обрушившагося на него несчастья придавила его книзу. Онъ опустился на скамью и закрылъ лицо руками.

Правильно думать онъ все еще былъ не въ состояніи. Онъ понялъ одно, — его мечта о свободѣ, о жизни разрушена, разбита. Эта ужасная безутѣшная мысль заполнила всю его голову, поглотила всю способность думать. Его чувства воспринимали внѣшнія впечатлѣнія, но они не передавались дальше.

Его камера выходила на внѣшній уголъ двора, въ десяти шагахъ проходила стѣна, за которой шла улица. Маленькое отверстіе окна было открыто. Съ улицы отчетливо доносился скрипъ колесъ и ободряющіе возгласы извозчиковъ и щелканье бичей.

Вольфъ все еще сидѣлъ на скамейкѣ. Его ухо воспринимало всѣ эти звуки, но они не доходили до его сознанія.

Вдругъ онъ поднялъ голову.

Издали донеслись отдаленные звуки какой-то пѣсни, вѣтеръ трепалъ ее и временами относилъ куда-то. Постепенно пѣніе стало приближаться. Вотъ пѣвцы, видимо, завернули за уголъ, теперь слышенъ былъ равномѣрный топотъ ногъ, и съ улицы ясно и отчетливо донеслось:

Коли въ запасъ
Пускаютъ насъ,
Такъ въ добрый часъ
Идемъ въ запасъ.

Пѣсня запасныхъ, уходящихъ изъ казармы и отправляющихся на станцію.

Иногда пѣніе прерывалось грубой шуткой какого-нибудь прохожаго. Въ отвѣтъ раздавался дружный раскатъ хохота и отвѣтныя остроты. Но потомъ они сейчасъ же снова подхватывали безсмысленныя слова. Они съ увлеченіемъ повторяли все одинъ и тотъ же куплетъ и тяжело ступали въ тактъ.

Вольфъ прислушивался, какъ постепенно пѣсенка звучала все тише и наконецъ совсѣмъ замолкла въ направленіи города.

Онъ снова закрылъ лицо руками.

Такъ онъ долго сидѣлъ.

Когда онъ, наконецъ, поднялъ голову, онъ овладѣлъ собой. Онъ принялъ новый вызовъ судьбы.

Твердыми шагами съ поднятой головой сталъ онъ ходить взадъ и впередъ по камерѣ. Онъ сопоставилъ все, что могло служить къ его оправданію,—какъ онъ всегда сдерживался, чтобы по собственной винѣ не удлиннить срокъ своей службы, какъ онъ пересилилъ себя, когда Финдезенъ исполнилъ унизительное приказаніе сержанта и какъ, наконецъ, всего его перевернуло, когда Кейзеръ кинулъ на него торжествующій взглядъ; тутъ-то онъ и не удержался отъ рокового удара. Конечно, онъ поднялъ руку на начальника, но и ему видъ солдата, лижущаго пыль съ сапогъ, нанесъ кровное оскорбленіе.

Судьи не могутъ не принять это во вниманіе, и во всякомъ случаѣ они должны дать ему снисхожденіе. Если даже они придерживаются иныхъ взглядовъ, чѣмъ онъ, обвиняемый—развѣ они вслѣдствіе этого не могутъ признать благородныхъ мотивовъ его поступковъ?

И онъ придумывалъ въ умѣ защитительную рѣчь, которой онъ растрогаетъ сердца судей. Въ головѣ у него складывались прекрасныя, возвышенныя фразы о человѣческомъ достоинствѣ, которое никто не можетъ оскорбить безнаказанно, и о благородномъ негодованіи, не только извинительномъ, но даже похвальномъ.

Онъ самъ себя опьянялъ своими мыслями. Онъ весь горѣлъ огнемъ, и ему казалось, что оправдательный приговоръ почти произнесенъ. А между тѣмъ, ему приходили въ голову все новые аргументы. Въ головѣ складывались цѣлые краснорѣчивые періоды, напрашивались убѣдительныя сопоставленія и въ заключеніе рѣчи готово было воззваніе къ чувству справедливости судей.

Часы шли за часами. Онъ неутомимо шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Лицо его пылало, глаза горѣли. Чашка съ ѣдой, которую ему поставили въ полдень, осталась нетронутой. Что ему ѣда и питье? Онъ боролся за нѣчто высшее,—за свою свободу.

Послѣ полудня его повели къ слѣдователю, вытребованному телеграммой изъ главной квартиры дивизіи.

Допросъ происходилъ въ седьмой комнатѣ шестой батареи. У стола сидѣлъ военный судья,—толстый человѣкъ съ жирными отвислыми щеками, лежавшими на воротникѣ. Передъ нимъ лежало нѣсколько листовъ бумаги и, предлагая вопросы, онъ все время чертилъ по ней карандашомъ. Секретарь ждалъ, держа перо наготовѣ.

Начался допросъ.

Финдезенъ упорно молчалъ на всѣ вопросы. Судья пробовалъ убѣждать его, пробовалъ бранить,—ничего не помогало, онъ не открывалъ рта. Голова у него была низко опущена, и только иногда онъ искоса взглядывалъ на дверь. Но на порогѣ стояло двое унтеръ-офицеровъ.

Вольфъ правдиво и связно разсказалъ все происшедшее. Перо секретаря неустанно бѣгало по бумагѣ. По окончаніи слѣдователь прочиталъ ему протоколъ.

— Такъ все и было?—спросилъ онъ Вольфа.

— Да.

Судья обратился къ Финдезену.

— Теперь я васъ спрашиваю: такъ это было? Если у васъ есть какія-нибудь возраженія, говорите! Для васъ вѣдь, дѣло стоитъ не особенно благопріятно. Итакъ, я васъ спрашиваю: не вспомните ли вы чего-нибудь въ свою защиту.

Первый разъ за все время Финдезенъ показалъ, что онъ слышитъ вопросъ,—онъ отрицательно покачалъ головой.

— Значитъ, нѣтъ? — переспросилъ судья.

— Нѣтъ! —отвѣтилъ канониръ.

Вице-вахмистръ Геймертъ, единственный свидѣтель, не могъ разсказать ничего, кромѣ того, что уже сообщилъ Вольфъ. Финдезенъ снова хранилъ молчаніе.

На этомъ слѣдователь прекратилъ допросъ. Онъ снова отправилъ Вольфа подъ арестъ, Финдезену же предстояло еще показать трупъ сержанта.

Кейзеръ умеръ отъ пролома черепа при ударѣ объ стѣну. Впрочемъ, по мнѣнію врача смерть послѣдовала только отъ того, что стѣнки черепа унтеръ-офицера оказалось необычайно тонкими.

Двое ординарцевъ взяли Финдезена и повели его въ лазаретъ. Вольфъ съ однимъ провожатымъ отправился черезъ дворъ въ арестный домъ.

Ясное, безоблачное утромъ небо теперь заволоклось тучами. Поднялся холодный вѣтеръ и въ воздухѣ запахло дождемъ.

Двое солдатъ стояли въ воротахъ сарая и искоса, смущенно смотрѣли на арестанта. Тѣ, кто попадался ему навстрѣчу, глядѣли въ сторону. Среди нихъ былъ и Вейзе, но Фохтъ, выходившій изъ дверей буфета съ кускомъ колбасы въ рукѣ, дружелюбно кивнулъ товарищу.

Вольфъ твердо вошелъ по ступенямъ карцера. Передъ дверью онъ на секунду остановился. Онъ глубоко вобралъ въ себя свѣжій воздухъ и еще разъ окинулъ взглядомъ все окружающее. Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ запертый въ своей камерѣ.

Допросъ открылъ ему глаза на многое: онъ стоялъ на ложной дорогѣ, мечтая подѣйствовать на судей пламенными рѣчами. Среди суровой трезвой судебной процедуры его слова прозвучатъ странно и дико, и онъ чувствовалъ, что у него самого не повернется языкъ, когда онъ увидитъ передъ собой равнодушныя лица судей. Между его взглядами и воззрѣніями этихъ людей лежитъ непрохо-

*

димая пропасть. При всемъ добромъ желаніи они не въ состояніи понять его.

Нѣтъ, онъ долженъ дѣйствовать спокойно, выдержанно, не пускаться ни въ какое краснорѣчіе. Голые факты достаточно убѣдительно говорятъ въ его пользу.

Положимъ, онъ пересталъ теперь надѣяться на оправдательный приговоръ. Наоборотъ, несомнѣнно, онъ будетъ обвиненъ. Но наказаніе, вѣроятно, будетъ мягкое. Онъ старался припомнить всѣ аналогичные случаи, какіе онъ зналъ. По большей части дѣло кончалось заключеніемъ на срокъ менѣе года. Положимъ, въ тѣхъ случаяхъ не было оскорбленія дѣйствіемъ начальника. Но неужели же это могло имѣть такое важное значеніе?

Онъ разсчитывалъ отдѣлаться шестимѣсячнымъ заключеніемъ и заранѣе вооружался терпѣніемъ на эти тяжелые сто восемьдесятъ дней. Терпѣніе прежде всего. Вѣдь и сто восемьдесятъ дней когда-нибудь кончатся.

Но твердой увѣренности въ немъ все-таки не было. Онъ охотно согласился бы просидѣть лишній день, если бы ему теперь же дали возможность просмотрѣть статьи закона, относящіяся къ оскорбленію дѣйствіемъ.

Съ горькой улыбкой сѣлъ онъ на скамью. О ближайшемъ будущемъ ему нечего, значитъ, заботиться—оно обезпечено. Готовую квартиру и готовый столъ онъ будетъ имѣть. Чего же лучше?

Какъ только онъ пришелъ къ этому печальному убѣжденію, такъ сейчасъ же погасло то неестественное возбужденіе, которое не оставляло его съ утра.

Прежде всего онъ почувствовалъ голодъ, настоящій бѣшеный голодъ; онъ накинулся на оставленный ему обѣдъ и быстро уничтожилъ его. Мясо лежало въ застывшемъ салѣ. При первомъ глоткѣ его чуть не стошнило отъ этого кушанья, но онъ быстро справился съ собой и не только съѣлъ мясо, но даже вычистилъ до послѣдней капли всю подливку.

Потомъ онъ поставилъ чашку на землю. Насытившись, онъ испыталъ нѣкоторое чувство удовлетворенія, но заглянувъ въ чашку, онъ удивился, какъ это онъ былъ въ состояніи одолѣть эту штуку.

Медленно поднялся онъ съ мѣста и оглянулся кругомъ, точно послѣ долгаго сна.

Сѣрыя стѣны, каменная кружка въ углу, скамейка и привинченная къ стѣнѣ и поднятая кверху койка. Окно съ желѣзной рѣшеткой было высоко. Ставъ на табуретъ, онъ могъ достать до него. Но отъ этого мало было радости. Передъ нимъ была каменная стѣна, и свѣтъ проникалъ сверху. Только загнувъ голову и приловчившись можно было увидѣть кусочекъ неба.

Вольфъ долго простоялъ въ этой позѣ. Онъ прижался щекой къ холоднымъ камнямъ стѣны и смотрѣлъ вверхъ. Сѣрыя облака проползали по кусочку неба, выглядывавшему изъ-за стѣнъ. Но иногда онъ вдругъ очищался и узкую каменную рамку заполняла глубокая синева.

Одна половинка окна была открыта, и сквозь небольшое отверстіе доносился свѣжій вѣтерокъ. Заключенному казалось, что безъ этого притока воздуха онъ бы задохнулся, и онъ все стоялъ, держась руками за раму.

Постепенно стало темнѣть, вѣтеръ усилился, и тяжелыя капли дождя западали на рѣшетку. Во дворѣ заиграла труба.

Бѣдняга вспомнилъ, какъ онъ собирался еще сегодня вечеромъ сидѣть въ кружкѣ своихъ товарищей. Вмѣсто этого онъ готовъ былъ вывихнуть шею, чтобъ увидѣть хоть маленькій кусочекъ неба.

Наконецъ, стало такъ темно, что и это маленькое утѣшеніе исчезло. Все было безпросвѣтно-сѣро кругомъ.

Сильный порывъ вѣтра обдалъ его каплями дождя. Онъ глубоко передохнулъ и спрыгнулъ со скамейки.

Въ камерѣ было совсѣмъ темно.

Вдругъ на двери выступилъ свѣтлый квадратикъ,—окошечко, черезъ которое часовой можетъ наблюдать за арестантомъ. Въ корридорѣ зажгли огонь, и колеблющійся свѣтъ газоваго рожка прорѣзывалъ тьму.

Дверь отворилась и вошелъ дежурный

унтеръ-офицеръ. Онъ принесъ ломоть хлѣба и отстегнулъ отъ стѣны койку.

— Закрыть окно?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ унтеръ-офицеръ!—отвѣтилъ Вольфъ поспѣшно.

Вахмистръ кивнулъ головой, поглядѣлъ, все ли въ порядкѣ, и вышелъ изъ камеры. Потомъ онъ два раза отчетливо щелкнулъ ключомъ.

Запасной слышалъ, какъ онъ пошелъ вдоль по корридору по направленію къ Финдезену. Вскорѣ тяжелые шаги прошли назадъ и снова стало тихо.

Вольфъ лежалъ на койкѣ и медленно пережевывалъ корку хлѣба. Онъ поставилъ на полъ около себя каменную кружку и отъ времени до времени прихлебывалъ изъ нея прохладную воду.

Мало-по-малу имъ стало овладѣвать дремота. Онъ уже не отдавалъ себѣ яснаго отчета, гдѣ онъ и что съ нимъ. Когда онъ доѣлъ весь хлѣбъ, онъ нѣсколько разъ повернулся на своемъ жесткомъ ложѣ, стараясь найти болѣе удобное положеніе, и, наконецъ, погрузился въ глубокій сонъ.

Среди ночи онъ началъ зябнуть. Онъ безсознательно не хотѣлъ просыпаться, точно предчувствовалъ, какъ тяжело будетъ пробужденіе. Онъ засунулъ руки поглубже въ рукава, весь сжался въ комочекъ, чтобъ согрѣться, но въ концѣ концовъ холодъ все-таки разбудилъ его.

Мрачнѣе и холоднѣе осенней ночи проникло въ его душу сознаніе его несчастья. Онъ весь дрожалъ отъ холода, но не могъ пошевелиться. Онъ мечталъ о томъ, чтобы подняться и размять свои закостенѣвшіе члены, но продолжалъ лежать точно прикованный.

Среди ночного мрака поблѣднѣли надежды, свѣтившія ему днемъ. Безграничный ужасъ овладѣлъ имъ, онъ представлялъ себѣ долгіе, безконечные годы заключенія, и тьма, окружавшая его, казалась ему похожей на ожидавшую его участь,—мракъ безъ конца и границъ.

Онъ чувствовалъ, какъ отъ этого сознанія у него въ головѣ мѣшались мысли. Весь дрожа, онъ поднялъ руку и сжалъ себѣ лобъ. Онъ хотѣлъ выгнать оттуда эти ужасныя мысли и не впускать ихъ больше. Наконецъ, онъ нашелъ въ себѣ силы подняться съ койки и сталъ быстро шагать по комнатѣ, натыкаясь на стѣны и на дверь.

Онъ задѣлъ ногой за кружку. Въ каменной посудѣ вода сохранила всю свою свѣжесть. Онъ сталъ пить ее большими глотками: это нѣсколько отрезвило его, и онъ заставилъ себя успокоиться. Что за польза такъ безумствовать? Если даже его худшія опасенія оправдаются, онъ и тогда еще можетъ самъ рѣшить свою участь. Найти способъ умереть человѣкъ можетъ всегда. Потому прежде всего спокойствіе!

Онъ снялъ мундиръ, легъ опять на койку и старательно укрылся имъ. Такъ ему стало немного теплѣе.

Теперь надо попытаться опять заснуть.

За окномъ слышенъ былъ однообразный шумъ дождя. Вѣтеръ врывался въ отверстіе окошка и съ легкимъ свистомъ проносился дальше.

Но кромѣ этихъ звуковъ Вольфу казалось, что онъ слышитъ еще какой-то шорохъ и скроботанье. Иногда оно замолкало, но потомъ начиналось снова. Мыши это, что ли, упорно грызутъ что-то подъ поломъ?

Утромъ онъ быстро вскочилъ съ койки. Въ замкѣ громко щелкнулъ ключъ, и дверь съ силой распахнулась.

Вошелъ вахмистръ.

— Тутъ ли хоть этотъ-то?—вскричалъ онъ на порогѣ.

Блѣдный утренній свѣтъ едва началъ разсѣивать ночной мракъ. Но все-таки вахмистръ сейчасъ же разглядѣлъ сидящую на койкѣ фигуру. Онъ облегченно вздохнулъ.

— Слава Богу!—сказалъ онъ.—Не доставало, чтобъ они оба удрали.

Онъ кликнулъ солдата и самъ съ фонаремъ въ рукѣ обшарилъ всякій уголокъ камеры.

Пока онъ, стоя на колѣняхъ, заглядывалъ подъ койку, солдатъ тихонько шепнулъ Вольфу:

— Другой-то улизнулъ.

Вольфъ въ первую минуту не понялъ его.

Улизнулъ? Развѣ же это возможно?

Онъ оглядѣлъ свою камеру и не могъ сообразить, какимъ образомъ «улизнуть» изъ такого помѣщенія. Гладкія стѣны, толстая деревянная дверь съ прочнымъ замкомъ, окно, забраное крѣпкой желѣзной рѣшеткой, да къ тому же такое маленькое, что вылѣзти черезъ него невозможно, особенно такому широкоплечему человѣку, какъ Финдезенъ.

Но вдругъ онъ вспомнилъ ночной шорохъ, онъ невольно оглянулся, ища орудія, которымъ можно было бы пробуравить стѣну. Глаза его упали на толстыя желѣзныя подпорки, на которыхъ укрѣплена была койка. Ими можно, пожалуй прорыть отверстіе въ стѣнѣ. Но нѣтъ, по косякамъ окна можно было судить, какой толщины стѣна, — не меньше полуметра.

И все-таки Финдезенъ исчезъ.

Бѣда расшевелила неповоротливые мозги злополучнаго парня. Когда ему показали трупъ сержанта, онъ окончательно понялъ, что совершилъ убійство. Съ этой минуты онъ почувствовалъ, что голова у него непрочно сидитъ на плечахъ. Страхъ смерти породилъ въ немъ хитрость, которой раньше никто не замѣчалъ въ немъ.

Онъ, дѣйствительно, какъ и предположилъ Вольфъ, воспользовался желѣзной ножкой койки. Онъ сразу понялъ, что прокопать переднюю стѣну камеры нѣтъ возможности, зато боковыя стѣны были, видимо, значительно тоньше. Если постучать, звукъ получался значительно звонче. Финдезенъ зналъ, что съ одной стороны сбоку была тоже камера. Отъ этой стѣны пользы, значитъ, мало. Но съ другой стороны къ ней примыкалъ сарай, гдѣ хранились пожарныя орудія. Въ немъ было большое окно, выходившее въ поле и затянутое одной проволокой.

Какъ только въ караульнѣ затихло, онъ принялся за работу, пугливо прислушиваясь по временамъ, не слышно ли чего нибудь въ корридорѣ. Стѣна была въ одинъ кирпичъ толщиной, нѣкоторую трудность представляло только выломать первый кирпичъ, дальше дѣло шло почти безъ всякихъ затрудненій.

Часовые, державшіе караулъ въ эту ночь, не замѣтили ничего подозрительнаго. Оправданіемъ же могла, впрочемъ, служить инструкція, разрѣшавшая часовымъ во время проливного дождя стоять въ будкахъ. Такимъ образомъ, неизвѣстно было даже, въ какой именно моментъ произошло бѣгство.

Немедленно было издано объявленіе о поимкѣ бѣглаго. Но напрасно. Канониръ Финдезенъ исчезъ безслѣдно.

Зато въ то же самое утро, когда Финдезенъ пробирался по лѣсамъ и оврагамъ черезъ границу, Вольфа перевели въ тюрьму главнаго города провинціи.

Поѣздъ, на которомъ его отправили, встрѣтился на одной изъ станцій скрещенія съ другимъ поѣздомъ. Изъ всѣхъ оконъ выглядывали запасные, разныхъ родовъ оружія, объединенные теперь однимъ чувствомъ общей радости.

Оба поѣзда тронулись одновременно, и запасные затянули свою пѣсню:

Коли въ запасъ
Пускаютъ насъ,
Такъ въ добрый часъ
Идемъ въ запасъ.

Вольфъ не могъ оторвать глазъ отъ исчезающихъ вдали грязныхъ вагоновъ.

Когда пѣніе замерло вдали, онъ бодро поднялъ голову. Яркій дневной свѣтъ снова влилъ въ него увѣренность. Право, его проступокъ, если взглянуть на него спокойно и безпристрастно, вполнѣ извинителенъ.

Можетъ быть, черезъ шесть мѣсяцевъ и онъ будетъ свободенъ.

Недѣлю спустя канониръ шестой батареи остерландскаго артиллерійскаго полка № 80 Германъ-Вильгельмъ Вольфъ присужденъ былъ военнымъ судомъ 42-й дивизіи за оскорбленіе дѣйствіемъ начальника къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія.

XII.

На другой день послѣ возвращенія съ маневровъ Густавъ Вейзе отправился къ своей «невѣстѣ». Нельзя сказать, чтобы ему не давалъ покоя любовный пылъ, но у него истощился весь запасъ сигаръ, и онъ надѣялся возобновить его у своей возлюбленной.

Колокольчикъ зазвонилъ, и счастливый женихъ вошелъ въ лавочку. Въ первой комнатѣ никого не было. Вейзе въ ожиданіи остановился около прилавка. На лицѣ его выражалось радостное ожиданіе, онъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь во внутреннія комнаты.

Вдругъ дверь отворилась, но на порогѣ появилась совсѣмъ не дама его сердца, а мужчина, громадныхъ размѣровъ, съ толстымъ краснымъ лицомъ и окладистой черной бородой. Голова его съ цѣлой шапкой черныхъ кудрей заняла все отверстіе дверей.

Вейзе принялъ было его за приказчика, нанятаго хозяйкой на подмогу.

Мнимый приказчикъ былъ одѣтъ довольно оригинально,—широкіе шаровары, коричневая шелковая куртка, отложной воротникъ, открывавшій толстую шею, и мягкій красный галстухъ. Къ кроваво-красному цвѣту онъ чувствовалъ, видимо, большое пристрастіе, изъ верхняго кармана куртки торчалъ тоже ярко-красный шелковый платокъ. Въ общемъ, онъ походилъ скорѣе на какого-нибудь содержателя странствующаго цирка, чѣмъ на скромнаго приказчика мелочной лавочки.

Вейзе почувствовалъ себя нѣсколько неловко подъ пристальнымъ взглядомъ черныхъ южныхъ глазъ и пробормоталъ смущенно:

— Пятокъ сигаръ по четыре пфеннига.

Приказчикъ мрачно вынулъ сигары изъ того ящика, гдѣ лежали сигары по $2^1/_2$ пфеннига,—Вейзе отлично помнилъ это,—и небрежно взялъ деньги.

Потомъ онъ довольно выразительно перевелъ глаза на дверь.

Но солдатъ пріободрился, откашлялся и спросилъ:

— Позвольте узнать, не могу ли я повидать фрау Петцольдъ?

Петцольдъ была фамилія хозяйки лавочки, а фрау, вмѣсто фрейлейнъ, ее называли изъ любезности, въ виду того, что съ теченіемъ времени у нея очутилось трое дѣтей.

— Собственно для чего, сударь мой?— спросилъ приказчикъ довольно грознымъ тономъ.

— Я былъ хорошо знакомъ съ фрау Петцольдъ,—отвѣтилъ канониръ,—меня зовутъ Вейзе,—Густавъ Вейзе.

Тотъ насмѣшливо выпятилъ свою толстую губу.

— Густавъ Вейзе? — протянулъ онъ. — Густавъ Вейзе? Вы были знакомы съ фрау Петцольдъ, говорите вы? Какъ это прикажете понимать?

— Я... я былъ ея дальнимъ родственникомъ.

— Та-къ-съ! Дальнимъ родственникомъ? Такъ, такъ! Ну-съ, господинъ Густавъ Вейзе, а я женихъ Паулины Петцольдъ и черезъ нѣсколько дней буду ея супругомъ. Можетъ быть, прикажете передать ей что-нибудь отъ васъ, господинъ Густавъ Вейзе? Мое имя Белопольскій, Антонъ Белопольскій.

Вейзе поблагодарилъ.

— О, нѣтъ, въ этомъ нѣтъ надобности.

Но Белопольскій обошелъ вокругъ прилавка и подошелъ вплоть къ солдату, предусмотрительно отступившему поближе къ двери.

— Я долженъ еще дать вамъ нѣкоторое объясненіе отъ имени моей нареченной.

Канониръ стоялъ уже на ступеняхъ. Белопольскій вышелъ въ дверь и, стоя на порогѣ, заревѣлъ точно левъ:

— Паулина Петцольдъ предпочитаетъ навѣки отдать свою руку свободному человѣку. Она презираетъ лакеевъ со свѣтлыми пуговицами.

Угольные и судовые рабочіе, возвращавшіеся какъ разъ съ пристани, останавливались и громко хохотали, — по правдѣ говоря, надъ обоими, и надъ

солдатомъ, улепетывавшимъ точно ошпаренный пудель, и надъ тѣмъ чудакомъ въ дверяхъ. По виду онъ смахивалъ на ярмарочнаго шута, а рѣчи говорилъ и словечки пускалъ забористыя.

Вейзе охотно крикнулъ бы ему: «Шутъ гороховый!», да очень ужъ у него увѣсистые кулаки! Лучше было притвориться, что не слышишь, и убраться по добру по здорову въ казармы.

Канониръ былъ глубоко возмущенъ. Чортъ знаетъ, что такое! Съ какихъ это поръ стали люди читать въ душахъ у другихъ? Онъ всегда былъ остороженъ и ни единому человѣку не раскрывалъ своихъ тайныхъ плановъ, и вдругъ явился какой-то нахалъ и забрался въ теплое гнѣздышко, которое онъ облюбовалъ для себя.

И главное кто? Настоящій шутъ гороховый.

По правдѣ говоря, Вейзе былъ не слишкомъ обиженъ измѣной своей немного перезрѣлой красавицы, но его очень огорчала утрата доходной лавочки и трехъ уютныхъ комнатокъ сзади. Неотразимый Белопольскій перевернулъ всѣ его планы и разсчеты.

Угрюмо вынулъ онъ изъ кармана свертокъ съ пятью сигарами. Ну, конечно, онъ не ошибся: это именно тѣ желтыя по $2^1/_2$ пфеннига штука, и этотъ мошенникъ такъ ихъ скрутилъ, что ужъ и теперь листки лѣзли врозь.

Самое большее, если одну можно будетъ раскурить, другія придется растереть для трубокъ.

Вейзе шелъ назадъ по уединенной тропинкѣ за складами. Онъ перебиралъ въ головѣ разные планы. На фабрику слесаремъ онъ ни за что не пойдетъ. У него нѣтъ ни малѣйшей охоты морить себя на работѣ. Что же тогда?

Онъ задумчиво посмотрѣлъ, какъ сигара плохо разгоралась, тлѣла только съ одной стороны и, наконецъ, совсѣмъ погасла. Онъ съ досадой бросилъ ее на землю.

Въ этотъ день въ вечернемъ приказѣ прочитано было слѣдующее:

«Вчера солдатамъ предложено было зрѣло обсудить свое рѣшеніе, сегодня же послѣ роспуска тѣ, кто чувствуетъ желаніе и призваніе продолжать службу послѣ срока, долженъ сдѣлать заявленіе».

Потомъ читалось много другихъ вещей, служебные приказы на слѣдующій день, назначеніе караула и множество другихъ мелочей.

По окончаніи чтенія къ вахмистру явилось трое, двое, съ которыми вахмистръ велъ переговоры раньше, и третій—Густавъ Вейзе.

Гепнеръ вытаращилъ глаза и чуть не высказалъ вслухъ своего недоумѣнія, но во-время спохватился и коротко сказалъ:

— Я передамъ господину капитану, что вы сдѣлали заявленіе.

На слѣдующее утро онъ доложилъ батарейному командиру объ этомъ удивительномъ обстоятельствѣ.

Вегштетенъ вернулся изъ командировки, украшенный австрійскомъ орденомъ. Когда онъ узналъ о несчастіи на маневрахъ и о преступленіи Финдезена, онъ покачалъ головой и пробормоталъ:

— Да, да, стоитъ только уѣхать...

Теперь онъ съ новымъ рвеніемъ принялся за дѣло.

— Какъ? Что?—вскричалъ онъ.— Этотъ Вейзе хочетъ быть унтеръ-офицеромъ? Этотъ революціонеръ? Самое заявленіе—дерзость! Ну, да мы не такъ просты, любезнѣйшій!

Маленькій офицеръ никакъ не могъ успокоиться. Вѣдь каково нахальство! Лицо у него покраснѣло, глаза такъ и сверкали подъ стеклами пенснэ. Онъ въ волненіи бѣгалъ взадъ и впередъ по канцеляріи.

— Скажите на милость, вахмистръ,— началъ онъ снова, и у него даже голосъ оборвался отъ волненія,—какъ это онъ даже подумать могъ о чемъ-нибудь подобномъ?

Гепнеръ пожалъ плечами.

— Я тоже удивляюсь,— отвѣтилъ онъ.— Впрочемъ, вы меня извините, господинъ капитанъ, что я такъ говорю, мнѣ кажется, онъ можетъ, измѣнить свои взгляды или какъ тамъ... Я разспрашивалъ объ немъ Виганда и вольноопредѣляющагося Ландмана,—они оба говорятъ, что онъ очень проворенъ и

ловокъ и выказываетъ интересъ къ службѣ. А вольноопредѣляющійся,—онъ у него убиралъ послѣ Пасхи,—тотъ говорилъ, что онъ парень неглупый, какъ поговоришь съ нимъ, его можно легко убѣдить, что онъ былъ раньше на ложной дорогѣ. А еще—господинъ капитанъ извинитъ меня,—у насъ, вѣдь, насчетъ унтеръ-офицеровъ не густо. Нынче въ октябрѣ, правда, только одинъ выходитъ, но Кейзера, вѣдь, тоже нѣтъ, а въ будущемъ году у насъ сразу выбудетъ трое. И кто знаетъ, найдемъ ли мы взамѣнъ.

Вегштетенъ терпѣливо выслушалъ своего вахмистра. Онъ задумчиво посмотрѣлъ ему въ глаза, потомъ молча подошелъ къ окну. Мало-по-малу лицо его прояснилось, и на немъ появилось даже выраженіе торжества. Онъ вдругъ взглянулъ на этотъ случай съ новой точки зрѣнія. Этотъ соціалъ-демократъ, очевидно, исправился, строгая и справедливая военная дисциплина, господствующая въ шестой батареѣ, заставила его раскаяться въ своихъ заблужденіяхъ, и онъ, Вегштетенъ, можетъ приписать себѣ эту побѣду государства.

Онъ повернулся къ Геннеру и сказалъ ему другимъ тономъ:

— Можетъ быть, вы и правы, вахмистръ! Конечно, надо его сперва хорошенько пощупать. Пошлите-ка его сюда!

Вейзе ожидалъ этого разговора, и давно уже придумывалъ, какъ ему держаться. Онъ рѣшилъ на этотъ разъ отложить въ сторону весь свой лоскъ и умѣнье выражаться и принять на себя личину грубоватаго, простодушнаго малаго.

Капитанъ безъ всякихъ околичностей сунулъ ему въ носъ его прошлое. Имъ хорошо извѣстно, что онъ до службы занимался соціалъ-демократическими бреднями. Ну-съ, а теперь Вегштетенъ желалъ знать, какъ это онъ сразу перемѣнилъ свои взгляды.

— Мнѣ нравится служба, господинъ капитанъ,—отвѣтилъ канониръ.—Мнѣ нравится быть солдатомъ, господинъ капитанъ.

Батарейный командиръ съ довольнымъ видомъ кивнулъ головой и продолжалъ:

— Это еще не все, Вейзе. Всякій солдатъ, а особенно унтеръ-офицеръ, имѣющій честь носить погоны и петлички, долженъ быть вѣренъ и преданъ своему королю. Можете ли вы поклясться въ этомъ.

— Точно такъ, господинъ капитанъ.

— И мало того, онъ долженъ смотрѣть съ презрѣніемъ на весь этотъ сбродъ, который потрясаетъ основы алтаря и престола! Ручаетесь ли вы за себя?

— Точно такъ, господинъ капитанъ.

Конечно, эти отвѣты сами собой подразумѣвались и, въ сущности, ничего не доказывали. Поэтому Вегштетенъ спросилъ еще, почему же онъ сталъ такъ думать именно теперь? Почему не раньше?

Если канониръ заговоритъ что-нибудь относительно раскаянія и обращенія, тогда ясно будетъ, что онъ лжетъ. Онъ долженъ сказать что-нибудь совсѣмъ простое и наивное.

И Вейзе, дѣйствительно, отвѣтилъ самымъ безхитростнымъ тономъ, на какой только онъ былъ способенъ.

— Извините, господинъ капитанъ, тамъ на волѣ всѣ такіе... ну... соціалъ-демократы. Такъ ужъ выходитъ: иначе никакъ нельзя.

— Ну, а здѣсь?

— А здѣсь видишь все по другому, ну, и становишься другимъ.

Вегштетенъ долго смотрѣлъ въ лицо солдату своимъ острымъ, какъ ножъ, взглядомъ. Но Вейзе не опустилъ глазъ.

— Ну, что жъ, попробуемъ, — сказалъ, наконецъ, капитанъ.

— Точно такъ, господинъ капитанъ,—отвѣтилъ канониръ

Густавъ Вейзе былъ назначенъ ефрейторомъ. Командиръ батареи считалъ необходимымъ принять все-таки нѣкоторыя мѣры предосторожности. Нельзя сказать, чтобы онъ считалъ новообращеннаго выше всякихъ подозрѣній. Онъ далъ Фрилингхаузену, произведенному послѣ маневровъ въ унтеръ-офицеры, деликатное порученіе нѣсколько понаблюдать за Вейзе и постараться ока-

зать вліяніе на его взгляды въ желательномъ направленіи.

Въ исполненіе этого унтеръ-офицеръ Фрилингхаузенъ сообщалъ ефрейтору Вейзе мало понятные обрывки своихъ полузабытыхъ гимназическихъ знаній. Онъ постоянно докладывалъ объ отличныхъ успѣхахъ прежняго революціонера на поприщѣ требуемыхъ закономъ мнѣній.

На Рождествѣ вахмистръ Геннеръ тихо обвѣнчался со своей свояченицей Идой.

Онъ не хотѣлъ торжественно праздновать свадьбу.

Послѣ ужасной смерти жены онъ вообще сильно измѣнился. Грубость его значительно смягчилась. Всю осень и зиму онъ выглядѣлъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ держался тихо, грубые окрики рѣдко раздавались на дворѣ и въ казармѣ. Службой онъ сталъ заниматься гораздо усерднѣе и буквально безупречно исполнялъ свою должность.

Капитанъ Вегштетенъ иногда даже самъ на себя сердился. Онъ долженъ былъ быть доволенъ своимъ вахмистромъ, а между тѣмъ онъ никакъ не могъ побѣдить тайной антипатіи къ нему. Извѣстнаго рода довѣрчивая близость—слѣдствіе общихъ заботъ о ввѣренной ему ротѣ никакъ не устанавливалась между ними. Онъ никакъ не могъ разъ навсегда увѣровать въ полную добросовѣстность и безкорыстное усердіе Геннера.

Самъ Геннеръ и не подозрѣвалъ этого. Онъ былъ увѣренъ, что именно такъ и долженъ капитанъ относиться къ вахмистру. Иногда, когда онъ особенно старательно и удачно выполнялъ свою обязанность, у него даже какъ-то на сердцѣ тепло становилось. Онъ положительно гордился самъ собой и давалъ себѣ клятву никогда больше не начинать прежнихъ глупостей.

Необходимость обвѣнчаться очень тяготила его, но, къ счастью, никто ему не ставилъ этого въ вину. Всѣ были увѣрены, что такъ это и должно случиться. Двое сильныхъ молодыхъ людей подъ одной кровлей и между ними полумертвая женщина, что тутъ удивительнаго, если они поддались взаимному влеченію?

Зато самъ онъ далеко не чувствовалъ особой благодарности къ судьбѣ. Когда онъ раньше, при жизни жены, воображалъ себѣ свою жизнь послѣ ея смерти, онъ никогда не собирался тотчасъ же опять надѣвать на себя ярмо. Онъ хотѣлъ остаться свободнымъ и хорошенечко насладиться своей свободой. А если ему опять когда-нибудь придетъ охота связать себя, то ужъ онъ по крайней мѣрѣ будетъ осторожнѣе и выберетъ себѣ такую, ради которой стоитъ принести жертву, — красивую и богатую.

И вдругъ теперь все сложилось совершенно иначе; онъ опять впутался въ женитьбу, безъ особой въ сущности, даже охоты. Въ концѣ концовъ вышло, впрочемъ, недурно. Онъ не былъ уже прежній сорви-голова. И прежняго упорства въ немъ тоже не замѣтно было. Смерть Юліи оставила на немъ замѣтный слѣдъ. Онъ чувствовалъ, что уже перебѣсился, что первая молодость прошла.

И кромѣ того, Ида, правда, ему нравилась. Она была молодецъ, съ хозяйствомъ справлялась отлично и не имѣла обыкновенія брюзжать, какъ сестра.

Въ маленькой квартиркѣ воцарилось необычное спокойствіе, и Геннеру оно ужасно нравилось. Онъ и въ остальномъ совершенно измѣнилъ свой образъ жизни. Вмѣсто того, чтобы вечеромъ бѣгать по трактирамъ, онъ комфортабельно располагался дома. Ради экономіи на топливѣ Ида постаралась сдѣлать кухню уютной. Вахмистръ усаживался въ глубокое кресло Юліи и съ удовольствіемъ поглядывалъ, какъ въ печкѣ весело потрескивалъ огонь. Передъ ночью онъ еще разъ обходилъ конюшни. Влажный и теплый воздухъ, пропитанный особымъ острымъ запахомъ попрежнему доставлялъ ему особое удовольствіе. Лошади спокойно стояли въ стойлахъ и дремали, опустивъ головы. Гдѣ-нибудь въ углу передъ нимъ вставалъ дежурный и дѣ-

лалъ свой рапортъ. Вахмистръ кивалъ головой и раза два прогуливался взадъ и впередъ по проходу. Послѣ теплаго воздуха конюшни холодъ осенней ночи охватывалъ его сильнѣе и онъ крѣпче кутался въ плащъ. Потомъ онъ опять усаживался въ кресло передъ огнемъ. Онъ смотрѣлъ, какъ ловкіе пальцы жены безъ устали работали надъ какими-то крошечными вещичками.

Въ эти минуты, отдыхая отъ честныхъ дневныхъ трудовъ, онъ испытывалъ пріятное сознаніе, какой онъ, въ сущности, хорошій человѣкъ.

Въ бывшей квартирѣ Шумановъ еще лѣтомъ поселилась Альбина Ворцуба—нынѣ супруга вице-вахмистра Геймерта. Молодая пара была, видимо, совершенно счастлива. Альбина была преисполнена нѣжности къ своему супругу, а Геймертъ просто не зналъ, чѣмъ и угодить своей красавицѣ женѣ.

Вице-вахмистрша очень скоро стала играть замѣтную роль въ маленькомъ міркѣ казармы. Унтеръ-офицерскія жены нѣсколько недовѣрчиво выслушивали разсказы о ея происхожденіи, но зато всѣ страшно завидовали ея богатству. Деньгамъ у нея, видимо, счету не было. У нея всегда подавался чистый кофе, безъ примѣси ячменнаго, и одѣта она была по послѣдней модѣ,—платья все на шелку, такъ что издали слышно было, какъ она идетъ и шуршитъ юбками. Изъ-за ея немного яркихъ, бросающихся въ глаза костюмовъ ее прозвали цыганкой и уже во всякомъ случаѣ считали иностранкой. И что за бѣлье у нея было! Красныя и желтыя шелковыя рубашки и панталоны, да еще съ кружевами! А какія украшенія! Да, да, вице-вахмистрша, видимо, жила раньше въ богатствѣ. Это сразу было замѣтно и по манерамъ, и по платьямъ и по бѣлью. Не говоря уже о мускусѣ, которымъ пахло теперь не только въ квартирѣ вице-вахмистра и въ сѣняхъ, но даже въ корридорѣ, вплоть до солдатскихъ комнатъ.

Альбина сразу вошла въ роль маленькой королевы и съ достоинствомъ принимала оказываемыя ей почести. Она не скупилась на любезность и на чистый кофе, и носила свои платья, «сшитыя въ одной изъ лучшихъ мастерскихъ столицы», съ чуть замѣтнымъ кокетствомъ. Если говорить правду, она покупала свои костюмы у одной пріятельницы, которая по долгу службы должна была всегда одѣваться по послѣдней Парижской модѣ.

Унтеръ-офицерскія жены соперничали изъ-за благосклонности вице-вахмистрши и старались подражать ей въ манерахъ. Только маленькая берлинская швея Фрида, бѣлокурая невѣста сержанта Виганда, не одобряла великолѣпную даму. Одинъ единственный разъ на полковомъ праздникѣ Фрида увидѣла Альбину Геймертъ. Надо замѣтить, что самое Фриду не безъ основанія подозрѣвали въ сочувствіи къ соціалъ демократіи. Взглянувъ на новую львицу, эта глупая уточка вскричала:

— Эта-то? Отто! Да, вѣдь, это просто.. нѣтъ, я ужъ лучше не скажу такого скверная слова. Этакихъ-то я хорошо знаю. Какіе вы, мужчины, глупые въ нѣкоторыхъ вещахъ, точь-въ-точь новорожденные котята!

Во время танцевъ Альбина просто не отдыхала. И лейтенанты, и унтеръ-офицеры наперерывъ перебивали ее другъ у друга. Фрида окончательно возмутилась.

— Отто! — сказала она. — Если ты хоть разъ протанцуешь съ этой, тогда между нами все кончено. Точно мухи надъ пирожнымъ кружатся.

Вигандъ покорно отказался отъ тайнаго намѣренія пригласить Альбину на слѣдующій танецъ, и повелъ Фриду погулять по аллеямъ, гдѣ навстрѣчу имъ то и дѣло попадались такія же тѣсно обнявшіяся парочки.

Они болтали о будущемъ, которое теперь совершенно выяснилось для нихъ. Вигандъ все больше приближался къ осуществленію своей мечты. На слѣдующую осень ему было обѣщано мѣсто полицейскаго съ тысячью тремя стами марокъ жалованья, казенной квартирой и сто двадцатью марками на одежду. Бургомистръ того городка отбывалъ учебный сборъ въ качествѣ запаснаго оберъ-лейтенанта въ шестой батареѣ и самъ

выбралъ себѣ по вкусу шуцмана. Вегштетенъ страшно злился, теряя своего лучшаго унтеръ-офицера, и настаивалъ, чтобы Вигандъ не измѣнялъ знамени.

Но сержантъ оставался непоколебимъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца своего срока. Жениться онъ хотѣлъ уже шуцманомъ, имѣя вполнѣ достаточное содержаніе.

— Даже если будутъ дѣти,—шепталъ онъ на ухо своей милой.

Маленькая швея кивала головой и солиднымъ тономъ отвѣчала.

— Отчего же имъ и не быть?

Но Альбина Геймертъ въ своемъ великолѣпіи совершенно не замѣчала презрѣнія такой незамѣтной и незначительной особы, какъ Фрида. Въ качествѣ вице-вахмистрши она чувствовала теперь подъ ногами совершенно твердую почву.

Она расхаживала по двору съ высоко поднятой головой и съ большимъ достоинствомъ выполняла свои обязанности хозяйки.

Но несмотря на всю свою солидность, она чувствовала себя немножко въ положеніи лисицы, за которой по пятамъ гонится стая голодныхъ собакъ. Гдѣ только раздавался шелестъ ея юбокъ и разносился волной сильный запахъ мускуса, туда такъ и устремлялись мужчины. Когда она проходила мимо, унтеръ-офицеры и солдаты невольно поворачивали головы, и въ глазахъ у нихъ появлялся особенный огонекъ. Но Альбина поспѣшно подхватывала свои шуршащія юбки и, осторожно ступая, быстро проходила по грязному двору.

Даже наиболѣе грубые не оставались нечувствительными къ ея прелестямъ. Инославскій, убиравшій навозъ въ конюшнѣ, облизывалъ свои толстыя губы и говорилъ своему помощнику:

— Панна вице-вахместерина — первый сортъ!

Правда, что Альбина Геймертъ не оставалась въ долгу. На каждый восхищенный взглядъ, даже если онъ шелъ отъ какого-нибудь подмастерья, она отвѣчала многообѣщающей улыбкой. Въ сущности это легкое движеніе губъ ничего особеннаго не обозначало, но всякій чувствовалъ, что его восхищеніе не осталось незамѣченнымъ.

Венера одерживала побѣду надъ Марсомъ.

Страннымъ образомъ холоднѣе всѣхъ къ прекрасной вице-вахмистршѣ казался вахмистръ Гепнеръ.

Однажды, столкнувшись съ нимъ въ сѣняхъ, Альбина сказала ему:

— Когда мы съ вами познакомились, господинъ Гепнеръ, помните, у Грундмана, вы были совсѣмъ другой, гораздо бойчѣе и любезнѣе. Вы, должно быть, старѣете, господинъ Гепнеръ.

И она раскатилась звонкимъ, вызывающимъ хохотомъ. Даже въ ушахъ зазвенѣло.

Но Гепнеръ не разсердился на эту шпильку.

Сидя у себя на креслѣ передъ огнемъ, онъ мысленно сравнивалъ свою молодую, красивую, пышашую здоровьемъ Иду съ той госпожой; иногда, когда онъ слышалъ тотъ запахъ, который тамъ пропиталъ все до послѣдняго уголочка, ему прямо тошно дѣлалось. Онъ презрительно выпячивалъ губы, когда Альбина проходила мимо него въ одной изъ своихъ головокружительныхъ шляпъ, и онъ отвѣчалъ на ея поклонъ небрежнымъ кивкомъ.

Но весной вахмистромъ снова начало овладѣвать прежнее безпокойство. Въ маѣ Ида ожидала разрѣшенія отъ бремени. Она ни о чемъ не хотѣла теперь слышать, кромѣ ребенка.

Гепнеръ вдругъ пересталъ понимать, какъ это онъ могъ всю зиму провести такимъ домосѣдомъ и лежебокомъ. Ему казалось, что всѣ члены у него онѣмѣли, и голова какъ-то отупѣла. Надо непремѣнно освѣжиться, подышать другимъ воздухомъ и провѣтрить голову другими мыслями. Онъ живо почувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, въ привычной обстановкѣ кутежей и никакъ не могъ понять, какъ это онъ могъ обходиться безъ всего этого цѣлые мѣсяцы.

Прежніе собутыльники встрѣтили его радостными возгласами, а недолго спустя онъ принялся и за карты. Обѣщаніе, которое онъ далъ когда-то вольноопре-

дѣляющемуся, онъ толковалъ теперь нѣсколько шире: онъ, конечно, не долженъ переходить извѣстныхъ границъ. Но при всей осторожности ему все-таки иногда не хватало денегъ и волей-неволей приходилось дѣлать маленькія позаимствованія. Ида крѣпко забрала въ руки кошелекъ, и у нея не такъ-то легко было выманить изъ хозяйственныхъ денегъ.

Иногда выдавались и счастливые дни, ему везло, и онъ приносилъ съ собой изрядные куши. Но онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ всѣ игроки,—онъ не вычиталъ выигрыши изъ проигрышей, а считалъ ихъ совершенно сверхсмѣтными подарками судьбы, предназначенными для всякаго рода экстренныхъ расходовъ. Чтобъ заштопать старую дырку, онъ предпочиталъ дѣлать новую.

Въ это-то время Альбина Геймертъ снова попыталась заговорить съ нимъ.

— Слава Богу, господинъ Геппнеръ,— сказала она,—наконецъ-то вы немножко подбодрились. Я ужъ думала, что вы совсѣмъ омужичитесь.

Вахмистръ задумчиво проводилъ ее глазами, когда она прошла мимо него своей вызывающей походкой и скрылась въ дверяхъ квартиры Геймерта.

Чортъ возьми! Вотъ-то потѣха! Вѣдь зимой эта великолѣпная женщина возбуждала въ немъ отвращеніе? Онъ отлично помнилъ это ощущеніе. Нѣтъ, должно быть и правда, у него не было тогда ни глазъ, ни головы, и никакихъ вообще чувствъ. Иначе какъ онъ могъ выдумать такую ни съ чѣмъ несообразную нелѣпость.

Въ кухнѣ стояла его жена обезображенная беременностью до неузнаваемости.

А та была еще лучше прежняго!

Съ этихъ поръ онъ сталъ оказывать Альбинѣ маленькія любезности. Онъ провожалъ ее, когда она встрѣчалась ему на дворѣ. Предлагалъ донести свертки когда она шла съ покупками, пропускалъ ее впередъ по лѣстницѣ и съ любезнымъ поклономъ открывалъ передъ нею дверь. Какъ только онъ встрѣчалъ ее, онъ освѣдомлялся, какъ она себя чувствуетъ, а когда она разъ пожаловалась на головную боль, онъ посовѣтовалъ ей средство и строго-на-строго приказалъ солдатамъ не стучать, проходя мимо ихъ дверей.

Но теперь Альбина въ свою очередь разыгрывала недотрогу. Она отвѣчала холодной улыбкой на любезности вахмистра и не поощряла его къ разговорамъ. Глаза ея при этомъ поблескивали лукавымъ торжествомъ и говорили что-то другое, чѣмъ сурово сомкнутыя губы.

Геппнеръ далеко не считалъ свое дѣло потеряннымъ. Онъ пускалъ въ ходъ всю свою опытность и неотступно окружалъ вице-вахмистршу своими любезностями. Постепенно его искательства пріобрѣтали все болѣе настойчивый характеръ, и красавица, видимо, начинала немного сдаваться.

Наконецъ на всѣ эти штуки обратилъ вниманіе мужъ Альбины. Его ревность сейчасъ же заподозрила въ вахмистрѣ соперника. Тревога по поводу сосѣда не давала ему покоя еще до свадьбы. Когда онъ замѣтилъ, что вахмистръ не обращаетъ никакого вниманія на Альбину, съ него скатилось большое бремя. И вдругъ это видимое взаимное нерасположеніе стало превращаться въ нѣчто совершенно другое. Геппнеръ такъ и ходилъ за Альбиной, это всякій дуракъ могъ замѣтить.

Подозрительный мужъ старался всѣми способами предотвращать встрѣчи между ними. Но развѣ это возможно? Его вице-вахмистрская служба сплошь и рядомъ цѣлыми часами задерживала его вдали отъ дома. Геппнеръ зналъ это какъ нельзя лучше, онъ же самъ въ качествѣ вахмистра передавалъ ему обыкновенно приказы. Что имъ мѣшало встрѣчаться въ это время и оставаться вмѣстѣ сколько угодно?

Геймертъ начиналъ тогда справляться у унтеръ-офицеровъ, чѣмъ занимался вахмистръ передъ обѣдомъ. Ему казалось, что онъ дѣлаетъ это очень тонко и незамѣтно. Но товарищи отлично замѣчали, что молодого супруга мучитъ ревность, и Геймертъ со своими муками сталъ постояннымъ предметомъ ихъ шутокъ и насмѣшекъ.

Особенно Кепхенъ, батарейный писарь,—дразнить Геймерта стало его любимымъ развлеченіемъ.

— Не знаете ли вы, господинъ вице-вахмистръ,—говорилъ онъ,—что такое съ нашимъ вахмистромъ? Онъ иногда теперь цѣлыми часами пропадаетъ изъ канцеляріи. Что у него за дѣла такія?

Геймертъ сердито хмурился и отвѣчалъ угрюмо, весь красный отъ гнѣва:

— Я почемъ знаю.

А писарь поспѣшно подхватывалъ:

— Впрочемъ онъ, можетъ быть стережетъ, какъ бы вдругъ ребенокъ не выскочилъ. Вахмистрша, вѣдь, кажется, со дня на день ждетъ.

Наконецъ вице-вахмистру пришла въ голову своеобразная идея. Онъ вздумалъ какъ можно чаще сводить тѣхъ обоихъ вмѣстѣ, въ своемъ присутствіи, конечно. Если между ними, дѣйствительно, есть что-нибудь, они непремѣнно какъ-нибудь себя выдадутъ.

Онъ пригласилъ Гепнера заходить вечеркомъ по сосѣдству выкурить сигару и распить бутылочку пива.

Вахмистръ послѣдовалъ приглашенію. Разъ, другой онъ привелъ съ собой Иду, потомъ по мѣрѣ приближенія срока, онъ сталъ оставлять ее дома и являлся одинъ.

Геймертъ наблюдалъ за каждымъ словомъ, за каждымъ жестомъ, за каждымъ взглядомъ того и другого. Но подозрѣнія его ничѣмъ не подтверждались. Гепперъ былъ по своему обыкновенію любезенъ и внимателенъ, но велъ себя совершенно просто, и Альбина держалась такъ же, какъ всегда. Она безъ умолку болтала и совершенно непринужденно принимала любезности гостя. Въ отношеніи къ нему, Геймерту, она была, кажется, еще нѣжнѣе въ присутствіи вахмистра.

Эти наблюденія до нѣкоторой степени вернули Геймерту утраченный покой. Когда вахмистръ начиналъ прощаться, онъ, провожая его, ласково обнималъ Альбину за талію. Въ этомъ жестѣ и въ насмѣшливомъ взглядѣ его глазъ чувствовался даже нѣкторый вызовъ: «А она-то все-таки моя! Была и будетъ моей, сколько ты ни похаживай вокругъ нея! На моей сторонѣ и право, и власть. Пусть я буду уродомъ по твоему, а ты непобѣдимымъ красавцемъ, все-таки она моя, а не твоя! И какъ только ты уйдешь, я воспользуюсь своимъ правомъ и она мнѣ ничего не скажетъ».

А вахмистръ ясно читалъ все это во взорѣ Геймерта. Онъ возвращался къ себѣ и давалъ себѣ клятву во что бы то ни стало поставить товарищу рога.

Дома онъ недовольно швырялъ по угламъ свои вещи и, ворча, ложился на кровать. Этакое счастье повезло тому дураку! Настоящій, вѣдь, клоунъ, съ огурцомъ вмѣсто носа. Въ циркѣ и маски не понадобилось бы. И этакая красавица, да еще съ деньгами принадлежитъ вдругъ такому пугалу, надъ которымъ мальчишки смѣялись на улицѣ Король-носъ! И главное, такая женщина, которая не становилась сейчасъ же беременной, какъ его жена, напримѣръ!

Онъ сердито косился на кровать Иды и тяжело переворачивался къ стѣнѣ.

Но онъ въ долгу у Геймерта не останется,—шалишь!

Въ серединѣ мая Ида родила ребенка, толстаго, пышащаго здоровьемъ мальчишку. Вѣсилъ онъ девять фунтовъ—для новорожденнаго вполнѣ достаточно.

Вахмистръ быстро вошелъ въ роль отца. Этотъ мальчишка былъ его вылитый портретъ. Съ нимъ не стыдно и показаться кому-нибудь.

Это не то, что тотъ червячокъ, какого ему нѣкогда подарила Юлія, унаслѣдовавшій отъ матери слабое тѣльце и желтую сморщенную кожу. Самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, это убраться туда, откуда пришелъ. Онъ и не замедлилъ исполнить это. Теперь на подушкѣ ворочался добрый кусочекъ мяса, упругій икрасный.

Женщины, приходившія навѣстить его жену, только руками всплескивали и рты разѣвали отъ удивленія. Да! это есть на что посмотрѣть. Силища-то какая! Вылитый отецъ!

Онъ уже воображалъ себѣ его, когда онъ вырастетъ. Конечно, онъ будетъ солдатомъ, артиллеристомъ. На лошади-то онъ его заранѣе выучитъ ѣздить

чтобъ онъ сидѣлъ на ней, какъ на креслѣ. И горе ему, оболтусу, если онъ хоть капельку будетъ трусить,

Ида была безгранично счастлива. Изъ нея вышла самая нѣжная и заботливая мать. Материнство пробудило въ грубоватой женщинѣ множество хорошихъ свойствъ, которыя дотѣхъ поръ какъ-то не проявлялись наружу.

Гепнеръ находилъ, что такъ нянчиться съ ребенкомъ глупо, и она настоящая баба. Пока еще туда-сюда, когда мальчишка сосалъ материнскую грудь, это, право, было даже ничего, пріятно посмотрѣть. Но немного погодя онъ приберетъ его къ рукамъ, не дастъ Идѣ сдѣлать изъ него рохлю, что за маменькину юбку держится.

Ну, до этого, конечно, времени еще довольно.

Мало-по-малу ему, конечно, наскучило любоваться на мальчишку и возиться съ нимъ.

Точно на зло, какъ только человѣку захочется отдохнуть, такъ этотъ пискунъ начинаетъ ревѣть благимъ матомъ, а какъ придетъ охота повидаться съ нимъ, такъ онъ какъ нарочно спитъ, и на стражѣ около него Ида, не позволяетъ ни за что и притронуться къ нему.

Вообще Ида, казалось, только для того и создана была, чтобы стать матерью. Она, должно быть, и забыла совсѣмъ, что она, кромѣ того, была еще женой.

Поэтому Гепнеръ не замедлилъ снова заняться вице-вахмистршей.

Альбина терпѣть не могла маленькихъ дѣтей и не дѣлала исключенія даже для его чуда-ребенка. Это онъ находилъ въ достаточной мѣрѣ глупымъ, но несмотря на это, цыганка очень скоро опять вскружила ему голову.

Теперь онъ, не дожидаясь приглашеній, являлся къ вице-вахмистру «что бы раскурить съ нимъ по сосѣдству сигару», говорилъ онъ. Онъ беззастѣнчиво шелъ прямо къ цѣли. Онъ шутилъ съ Альбиной вольныя шутки и говорилъ ей невозможныя вещи.

Геймертъ присутствовалъ при этомъ, и молчалъ, задыхаясь отъ бѣшенства. Онъ самъ не понималъ, какъ онъ не бросится и не задушитъ этого негодяя, сидѣвшаго на диванѣ рядомъ съ Альбиной и нашептывавшаго ей двусмысленности. Но у нихъ была бы, вѣдь, прекрасная отговорка,—вѣдь все это просто шутки. Нѣтъ онъ овладѣетъ своей бѣшеной ревностью и не выдастъ себя до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ ихъ на мѣстѣ преступленія.

Иногда царившее здѣсь веселье прерывалось доносившимся изъ-за запертыхъ дверей пискомъ новорожденнаго или обрывкомъ колыбельной пѣсни.

Но Альбина хотѣла вполнѣ насладиться своей местью. Вахмистръ обращался съ нею зимой, какъ съ какой-то отставной любовницей, пускай-ка онъ теперь попляшетъ. Она пускала въ ходъ всѣ свои чары, чтобъ разжечь его страсть, и испытывала жестокое удовольствіе, наблюдая, какъ онъ изнемогаетъ отъ нетерпѣнія.

Разъ вечеромъ Гепнеру показалось, что онъ остался наединѣ съ Альбиной. Въ одну минуту онъ обхватилъ ее руками за голову и съ бѣшеной силой поцѣловалъ ее прямо въ губы. Сопротивленіе Альбины вдругъ растаяло и она такъ же страстно вернула ему поцѣлуй.

Геймертъ стоялъ въ темной кухнѣ за дверью и видѣлъ все. Онъ вышелъ за бутылкой пива, но не могъ найти ее.

Теперь онъ съ беззаботнымъ видомъ вернулся въ комнату и сказалъ:

— Тамъ нѣтъ больше пива, Альбина. Ты, должно быть, ошиблась.

Онъ сѣлъ за столъ и сталъ барабанить пальцами по доскѣ. Виновные были еще точно въ туманѣ послѣ своего объятія. Они и не подозрѣвали, что обманутый мужъ видѣлъ ихъ. Они не отвѣчали на его вопросы и, казалось, потеряли всякое представленіе о времени и пространствѣ. Они не замѣтили, какъ въ комнатѣ водворилось, наконецъ, тягостное молчаніе, даже лампа начала какъ будто гаснуть, и темныя тѣни стали сгущаться по угламъ.

Вице-вахмистръ вынулъ изъ кармана часы и сказалъ, вставая:

— Пора, однако, и на покой. Завтра, вѣдь, тоже будетъ день.

Гепнеръ и Альбина пробудились изъ своего забытья.

Вахмистръ быстро распрощался.

Такъ же поспѣшно и Альбина сдѣлала свой ночной туалетъ. Обыкновенно она совершала передъ сномъ тысячи манипуляцій, служившихъ для поддержанія ея красоты и свѣжести. Она натирала себѣ кожу ланолиномъ и сверху присыпала пудрой, чтобы кожа на лицѣ оставалась гладкой и нѣжной. Потомъ намазывала руки кольдъ-кремомъ и надѣвала сверху перчатки, чтобы кожа не грубѣла отъ работы. Но въ этотъ вечеръ она только заплела себѣ волосы, и въ одинъ мигъ была подъ одѣяломъ.

Геймертъ безъ сна лежалъ на своемъ мѣстѣ. Часъ за часомъ слышалъ онъ бой башенныхъ часовъ, и короткая майская ночь казалась ему вѣчностью.

Жена его спала крѣпкимъ сномъ. Иногда дыханіе ея ускорялось, она начинала метаться на постели, точно ей не давали покоя тревожные сны.

Когда забрежжило утро, Геймертъ принялъ свое рѣшеніе.

Онъ все еще не хотѣлъ повѣрить въ виновность Альбины. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ внезапно бросился на нее Гепнеръ. Отъ него не укрылось также первое невольное движеніе отпора, которымъ отвѣтила Альбина на невѣроятную дерзость. И онъ не ошибся въ этомъ. Только онъ не догадывался, что Альбина испугалась больше всего за свою искусную прическу.

По его толкованію выходило, что Гепнеръ нанесъ его женѣ оскорбленіе, на которое она не нашлась сразу какъ отвѣтить. Конечно, ей слѣдовало бы разсказать о случившемся своему супругу. Но тому, что она не сдѣлала этого, могло быть тысяча причинъ. Альбина знала его ревность и хотѣла, быть можетъ, избѣжать скандала, который непремѣнно разразился бы. А можетъ быть, она собиралась разсказать ему объ этомъ, когда сама нѣсколько успокоится. Или она собиралась сама ввести вахмистра въ должныя границы. Или, наконецъ, соблазнъ начиналъ дѣйствовать на нее.

Конечно, можно допустить и послѣднее, но даже и въ этомъ случаѣ позоръ падалъ не на одну женщину, а и на мужчину также. И онъ, Геймертъ, потребуетъ у него удовлетворенія.

Онъ устроитъ все въ полной тишинѣ, чтобы длинные языки ни о чемъ не провѣдали и не пустили бы скверной сплетни.

Такъ, какъ водится между мужчинами. У нихъ будетъ дуэль.

Господа офицеры показали имъ хорошій примѣръ. Что хорошо для нихъ, то хорошо и для унтеръ-офицеровъ, особенно для такихъ, которые носятъ на боку офицерскую саблю. Конечно, всей этой формалистики—суда чести и секундантовъ имъ не нужно. Они люди простые. Глазъ на глазъ, безъ всякихъ свидѣтелей долженъ произойти поединокъ.

Вице-вахмистръ подумалъ было о саблях въ качествѣ оружія. Но лезвія у нихъ были не отточены, а если бы они оба стали точить, это могло бы обратить вниманіе. Кромѣ того, ему казалось болѣе приличнымъ вступиться за честь жены съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Онъ заглянулъ въ старый номеръ газеты, хранившійся у него въ пачкѣ пожелтѣвшихъ писемъ отъ родителей. Тамъ былъ отчетъ о смерти его перваго батарейнаго командира. Капитанъ Урзинусъ былъ убитъ на дуэли. Онъ тоже защищалъ честь семьи. Условія были—десять шаговъ дистанціи и троекратный обмѣнъ выстрѣловъ.

Геймертъ находилъ, что въ его случаѣ можно нѣсколько смягчить условія. Та дуэль была вызвана значительно болѣе серьезными причинами. Десять шаговъ дистанціи и одинъ обмѣнъ выстрѣлами,—этого совершенно достаточно.

Оружіемъ могли служить тяжелые артиллерійскіе револьверы. Нѣсколько боевыхъ патроновъ у него, къ счастью, сохранилось. Попали они къ нему совершенно случайно. Какъ-то разъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному солдату что-то помѣшало произвести во время ученія положенные шесть выстрѣловъ, онъ разрядилъ револьверъ и сохранилъ патроны на память. Конечно, это было строго запрещено, но такія маленькія нарушенія закона были вообще приняты среди унтеръ-офицеровъ.

3°. Льняное полотно. Тотъ же коэффиціентъ сопротивленія при вѣсѣ въ 125 гр. и цѣнѣ 2 фр. 50 сант. 1 кв. метра.

4°. Бумажная ткань мадаполамъ. Тотъ же коэффиціентъ сопротивленія при вѣсѣ 167 грам. и цѣнѣ 1 франкъ 1 кв. метра.

Такимъ образомъ наилучшимъ матеріаломъ для оболочки воздушнаго шара слѣдуетъ признать тафту, но вслѣдствіе ея высокой цѣны она употребляется рѣдко, и на изготовленіе аэростатовъ въ настоящее время идутъ главнымъ образомъ льняная и бумажная ткани и рѣже—китайскій шелкъ. Обычная форма современныхъ аэростатовъ есть форма болѣе или менѣе правильнаго шара. Чтобы сдѣлать выкройку для оболочки шаровиднаго аэростата необходимо сперва начертить проектъ ея. Одинъ изъ наиболѣе простыхъ способовъ такого чертежа заключается въ слѣдующемъ. Представимъ себѣ, что шаровая поверхность нашего аэростата раздѣлена, подобно географическому глобусу на нѣсколько одинаково отстоящихъ одинъ отъ другого меридіановъ и параллельныхъ круговъ. Если мы сдѣлаемъ, въ уменьшенномъ масштабѣ конечно, (см. рис. 55) вертикальную и горизонтальную проекціи *) такого аэростата, то послѣдняя будетъ имѣть видъ круга, въ которомъ меридіаны изобразятся въ видѣ радіусовъ, идущихъ отъ центра къ окружности круга, а параллельные круги въ видѣ концентрическихъ окружностей, при чемъ число этихъ радіусовъ будетъ соотвѣтствовать числу меридіановъ, число же концентрическихъ окружностей—половинѣ всѣхъ параллельныхъ круговъ, аэростата, за исключеніемъ экватора. Задача сводится къ тому, чтобы начертить часть поверхности, заключенную между двумя смежными меридіанами. Для этого проводятъ прямую $P'P'_1$, длина которой равнялась бы половинѣ окружности проектируемаго аэростата **) и дѣлятъ ее на столько равныхъ частей, на сколько параллельныхъ круговъ былъ раздѣленъ аэростатъ. Черезъ точки дѣленія проводятъ линіи, перпендикулярныя къ P_1P' ограничивая ихъ въ точкахъ a′, b′ c′ d′ и т. д. Такимъ образомъ,

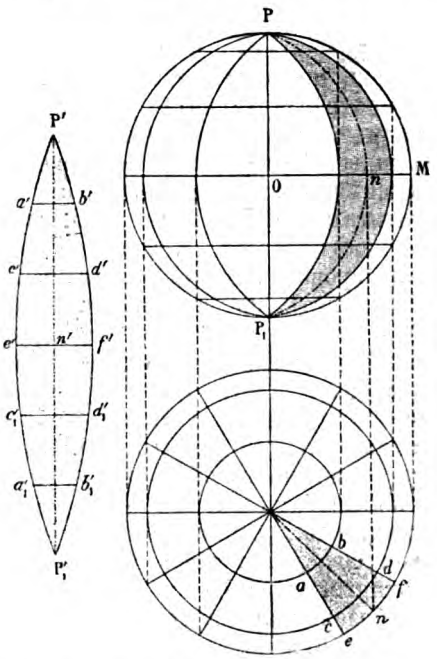

Рис. 55. Чертежъ проекта оболочки аэростата.

*) Проекціей пространственнаго тѣла называется изображеніе его на плоскости. Проекціей шара на плоскости будетъ кругъ.

**) Такъ какъ объемъ аэростата всегда извѣстенъ заранѣе, то изъ формулы V (объемъ шара)$=\frac{4}{3}\pi R^3$ легко опредѣлить его радіусъ: $(R = \sqrt[3]{\frac{3V}{4\pi}})$, а слѣдовательно и длину окружности $2\pi R$.

чтобы полученные при этомъ отрѣзки a′ b′ c′ d′ и т. д. были равны дугамъ параллельныхъ круговъ (ab, cd, и т. д.) на горизонтальной проекціи шара. Если черезъ концы этихъ отрѣзковъ отъ точки P_1 къ точкѣ P′, провести возможно правильную кривую, то получится искомая часть поверхности аэростата, т.-е. полоса, заключающаяся между двумя смежными меридіанами. Въ виду того, что въ показанномъ чертежѣ прямыя a′b′, c′d′, и т. д. принимаются равными кривымъ ab, cd и т. д., т.-е. другими словами, дуги принимаются за ихъ хорды, большая или меньшая степень точности чертежа, будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго количества взятыхъ на проекціяхъ меридіановъ. Для достаточно точныхъ чертежей нужно взять не менѣе 60-ти меридіановъ и 48 параллельныхъ круговъ. По шаблону, сдѣланному по такому чертежу, и выкраивается оболочка аэростата. Для этого матерія, предназначенная на изготовленіе аэростата разрѣзается на 60 соотвѣтствующихъ указанному шаблону полотнищъ, причемъ по краямъ этихъ полотнищъ оставляютъ отъ 2—3 сантиметровъ запаса на швы. Самое сшиваніе происходитъ на швейныхъ машинахъ, хотя по мнѣнію нѣкоторыхъ спеціалистовъ ручное шитье было бы предпочтительнѣе въ виду того, что оно якобы гарантируетъ большую прочность швовъ. Когда оболочка аэростата готова, приступаютъ къ ея лакировкѣ, которая имѣетъ цѣлью сдѣлать оболочку непроницаемой и устранить по возможности диффузію газовъ черезъ поры ткани. Обыкновенно употребляемый для этого лакъ состоитъ изъ смѣси льняного масла и скипидара съ примѣсью небольшого количества свинцоваго глета для скорѣйшаго высыханія смѣси. Самая лакировка производится такимъ образомъ, что при помощи тряпки втираютъ лакъ, до полнаго пропитыванія имъ ткани сперва въ наружную поверхность оболочки, затѣмъ ее выворачиваютъ какъ перчатку и повторяютъ ту же операцію на внутренней сторонѣ. Вслѣдствіе химической реакціи, которая происходитъ при этомъ, ткань сильно разогрѣвается и даже можетъ воспламениться. Чтобы избѣжать послѣдняго, операцію эту совершаютъ быстро и тотчасъ же по окончаніи ея, оболочку при помощи особаго вентилятора наполняютъ воздухомъ и время отъ времени выворачиваютъ, для того чтобы ускорить высыханіе масла. Послѣ того какъ высохнетъ первый слой лака, накладываютъ второй слой, затѣмъ снова сушатъ, повторяя операцію до тѣхъ поръ, пока оболочка не получитъ желательную степень непроницаемости. По окончаніи лакировки къ оболочкѣ придѣлываютъ во-первыхъ нижній рукавъ или такъ называемый аппендиксъ (appendice), служащій для выхода излишняго газа, когда давленіе послѣдняго превышаетъ извѣстный уровень, и во-вторыхъ верхній клапанъ. Мы уже говорили о значеніи этого прибора (см. стр. 36 примѣчаніе) для управленія вертикальными движеніями аэростатовъ, скажемъ теперь нѣсколько словъ о его устройствѣ. Наиболѣе употребительный въ настоящее время типъ верхняго клапана, слѣдующій. Въ отверстіе, продѣланное въ самой верхней части аэростата (см. рис. 56), вставляется деревянный ободъ aa, который плотно прикрѣпляется къ оболочкѣ при помощи кожи c и веревокъ b; ободъ раздѣленъ по діаметру перекладиной T, къ нижней сторонѣ которой на шарнирахъ прикрѣплены двѣ деревянныхъ створки VV; съ верхней стороны перекладины, по серединѣ ея, къ ней придѣлана подставка C, поддерживающая два каучуковыхъ тяжа gg, концы которыхъ прикрѣплены къ наружной сторонѣ створокъ. Натяженіемъ этихъ тяжей края

створокъ должны настолько плотно прижиматься къ ободу aa, чтобы устранялась возможность малѣйшихъ отверстій, а слѣдовательно и потери газа. Къ внутренней сторонѣ створокъ при помощи колецъ прикрѣплена веревка, которая проходитъ сквозь аэростатъ и черезъ нижній рукавъ спускается въ корзину. При извѣстномъ натяженіи веревки створки оттягиваются отъ краевъ обода, принимаютъ положеніе V' V', оставляющее свободный выходъ для газа. Что касается отверстія аппендикса, то оно или остается открытымъ во время полета, или же снабжается автоматически дѣйствующимъ клапаномъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ діаметръ отверстія долженъ находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ діаметромъ, а значитъ и съ объемомъ самого аэростата. Слѣдующей существенной частью аэростата является сѣтка, назначеніе которой распредѣлять тяжесть груза, поднимаемаго аэростатомъ на всю поверхность послѣдняго. Изготовленіе сѣтки—опе-

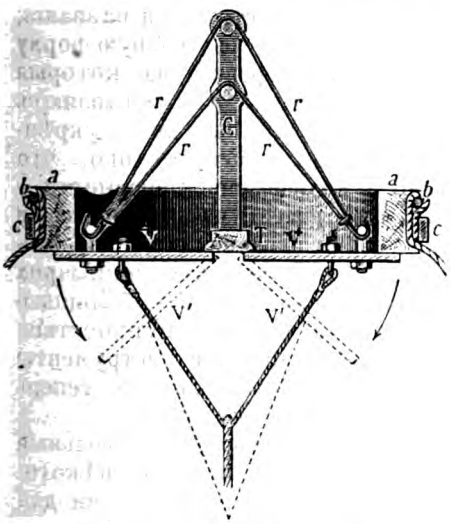

Рис. 56. Клапанъ воздушнаго шара.

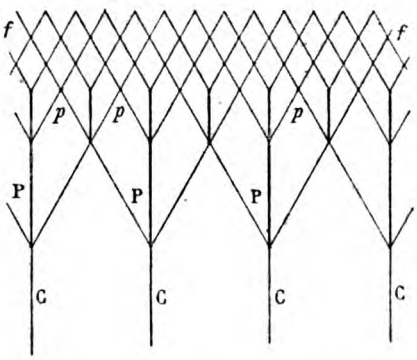

Рис. 57. Спуски. P—большія и p—малыя гусиныя лапки. C—стропы.

рація довольно сложная. Мы не будемъ останавливаться на немъ, скажемъ лишь, что для плетенія сѣтки требуется также предварительный чертежъ проекта, какъ и для кройки оболочки аэростата; кромѣ того, здѣсь должна быть строго разсчитана какъ величина, такъ и количество петель, расположенныхъ по окружности экватора аэростата. Для аэростатовъ, вмѣщающихъ отъ 1.000 до 1.500 куб. метровъ газа, величина экваторіальныхъ петель не должна превышать $^1/_3$ метра, количество же ихъ должно выражаться цифрой, послѣдовательно дѣлящейся на 2. Верхняя часть сѣтки прикрѣпляется къ деревянному ободу клапана, нижняя же, благодаря постепенному уменьшенію числа петель, переходитъ въ спуски, которые за ихъ форму, получили названіе гусиныхъ лапокъ (см. рис. 57). Послѣдніе заканчиваются веревками (стропами), служащими для прикрѣпленія подвѣснаго обруча. Число веревокъ опредѣляется числомъ экваторіальныхъ петель сѣтки, такъ что если послѣднихъ будетъ 128, то малыхъ гусиныхъ лапокъ будетъ 64, слѣдующихъ за ними большихъ лапокъ, а слѣдовательно и стропъ, которыми онѣ заканчиваются—32. Матеріа-

*

ломъ для приготовленія сѣтки служатъ бичевки изъ итальянской конопли. Прочность такой бичевки такова, что она разрывается лишь отъ груза, превышающаго въ 14.000 разъ вѣсъ одного метра ея. Чтобы сдѣлать сѣтку менѣе доступною порчѣ и менѣе растяжимою отъ дѣйствія сырости и другихъ атмосферныхъ вліяній, бичевки (какъ и всѣ веревки, идущія на оснастку аэростата) подвергаютъ предварительной обработкѣ нагрѣтой смѣсью смолы и сала или другихъ консервирующихъ веществъ. Какъ мы уже упомянули, 32 веревки или стропы, которыми оканчивается нижняя часть сѣтки, прикрѣпляются къ подвѣсному обручу, сдѣланному обыкновенно изъ буковаго дерева или стальныхъ трубокъ. Прикрѣпленіе это происходитъ такимъ образомъ, что петли, которыми заканчиваются стропы, надѣваются на деревянные костыльки и уже эти послѣдніе прикрѣпляются при помощи бичевокъ къ обручу. Къ этому обручу и подвѣшивается корзина, служащая для помѣщенія воздухоплавателя. Раньше эта корзина имѣла форму челнока или гондолы, почему и носила соотвѣтствующія названія; въ настоящее время ей придаютъ обыкновенно четырехъугольную форму и дѣлаютъ изъ крѣпкихъ ивовыхъ прутьевъ. Веревки, на которыя подвѣшивается корзина (ихъ обыкновенно бываетъ 8), составляютъ часть ея плетенія и вплетаются даже въ дно ея. Послѣднее укрѣпляется обыкновенно дубовыми досками. Вообще, въ виду того, что корзина является частью аэростата, наиболѣе подверженной опасности—толчкамъ, ударамъ, а иногда и волоченію по землѣ, на прочность и тщательность ея приготовленія обращается особое вниманіе. Меблировка корзины состоитъ обыкновенно изъ небольшой скамеечки, ларца для провизіи, а иногда также небольшого столика, для бо́льшаго удобства при записяхъ наблюденій или веденіи журнала путешествія. Въ корзинѣ же, разумѣется, находятся и всѣ снаряды и инструменты воздухоплавателя, но о нихъ мы будемъ говорить ниже, а теперь перейдемъ къ способамъ наполненія аэростата газомъ.

Для наполненія аэростатовъ примѣняются: водородъ, свѣтильный газъ, водяной газъ и амміакъ. Послѣдніе два газа, въ виду нѣкоторыхъ нежелательныхъ свойствъ *), считаются менѣе пригодными для этой цѣли, нежели водородъ и свѣтильный газъ, и употребляются сравнительно рѣдко.

Такъ какъ водородъ является самымъ легкимъ изъ всѣхъ существующихъ газовъ (почти въ 14 разъ легче воздуха), то водородные аэростаты обладаютъ наибольшею подъемною силою: 1 куб. метръ водорода способенъ поднимать 1180 граммъ. Но въ виду сравнительно высокой цѣны чистаго водорода и сложности его приготовленія, газомъ этимъ пользуются лишь для наполненія аэростатовъ, предназначенныхъ для болѣе продолжительныхъ и серьезныхъ полетовъ. Обыкновенные же аэростаты наполняются, въ большинствѣ случаевъ, свѣтильнымъ газомъ. Послѣдній представляетъ, какъ извѣстно, газовую смѣсь водо-

*) Водяной газъ есть смѣсь водорода и окиси углерода, получаемая при пропусканіи водянаго пара черезъ раскаленный коксъ. Въ виду большого содержанія въ немъ окиси углерода (до 50 проц.) газъ этотъ отличается сильными токсическими свойствами и отсюда понятно неудобство его употребленія для аэростатовъ. Что касается амміака, то при незначительной подъемной силѣ этого газа онъ дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на оболочку шара и, кромѣ того, сильно поглощается водой. Это послѣднее свойство можетъ представлять серьезную опасность для воздухоплавателя.

рода и такъ называемыхъ углеводородовъ *), получаемую при сухой перегонкѣ каменнаго угля. Удѣльный вѣсъ такой смѣси не всегда одинаковъ и зависитъ отъ большаго или меньшаго количества входящихъ въ составъ ея болѣе тяжелыхъ углеводородовъ. Въ зависимости отъ этого измѣняется и подъемная сила свѣтильнаго газа. Въ среднемъ она колеблется отъ 600 до 700 граммъ на 1 куб. метръ газа и въ Петербургѣ, напримѣръ, принимается равной 650 граммовъ **). Что касается водорода, то существуетъ много способовъ полученія этого газа. Мы остановимся лишь на тѣхъ, которые примѣняются спеціально для наполненія аэростатовъ. Говоря о первомъ водородномъ аэростатѣ Шарля, мы упоминали о способѣ, которымъ пользовался знаменитый изобрѣтатель газовыхъ аэростатовъ для наполненія своего перваго шара. Способъ этотъ съ нѣкоторыми измѣненіями примѣняется нерѣдко и теперь, причемъ водородъ, получающійся при разложеніи желѣза или цинка отъ дѣйствія на нихъ сѣрной кислоты, предварительно очищается отъ примѣсей постороннихъ газовъ пропусканіемъ его черезъ резервуаръ съ известью или другими поглощающими эти газы веществами. Болѣе усовершенствованнымъ приборомъ является переносный генераторъ парижскаго химика Эгасса. Приборъ этотъ состоитъ изъ ряда цилиндрическихъ желѣзныхъ резервуаровъ покрытыхъ внутри свинцомъ, которые устанавливаются на обыкновенной перевозной платформѣ. Резервуары наполняются наполовину водой и цинковымъ ломомъ, который разлагается соляной кислотой, поступающей въ нихъ черезъ сифоны изъ особыхъ глиняныхъ бутылей. Образующійся при этомъ водородъ при помощи отводныхъ трубокъ поступаетъ сначала въ особый резервуаръ, предназначенный для очищенія его отъ примѣсей другихъ газовъ. По окончаніи операціи образовавшійся въ резервуарахъ хлористый цинкъ выпускаютъ посредствомъ особыхъ кранов, устроенныхъ въ нижней части резервуаровъ, и утилизируютъ потомъ, какъ цѣнное дезинфекцирующее средство. Приборъ Эгасса можетъ давать больше 100 куб. метровъ водорода въ часъ. Замѣчательный генераторъ для непрерывнаго полученія водорода былъ придуманъ Жиффаромъ для наполненія его огромнаго (въ 25.000 куб. метровъ) привязного аэростата, служившаго для увеселительныхъ подъемовъ во время парижской выставки 1878 г. Приборъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что смѣсь сѣрной кислоты и воды непрерывно поступала въ резервуаръ, содержащій желѣзо, причемъ образующійся въ немъ растворъ желѣзнаго купороса удалялся также непрерывно, по мѣрѣ его образованія. Приборъ давалъ возможность получать до 2.000 куб метровъ водорода въ часъ. Жиффару же принадлежитъ и одинъ изъ лучшихъ способовъ полученія водорода сухимъ путемъ. Печь изъ огнеупорныхъ кирпичей, устроенная по образцу доменныхъ печей, до верху наполняется желѣзной рудой. При пропусканіи черезъ послѣднюю, струи углерода, получаемаго при сожиганіи кокса въ небольшой побочной печи, руда возстановляется въ металлическое желѣзо. Послѣ этого трубку, проводящую окись углерода, закрываютъ и пропускаютъ черезъ раскаленный металлъ струю водянаго пара, который разлагается при этомъ на водородъ и кислородъ. Послѣдній снова вступаетъ въ

*) Углеводородами называются соединенія водорода съ углеродомъ въ родѣ метана или болотнаго газа, этилена, ацетилена и проч.

**) См. статью А. Кованько „Воздушный шаръ“ въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

соединеніе съ желѣзомъ, образуя магнитную окись желѣза, водородъ же выходитъ изъ печи черезъ длинную трубку, въ которой онъ охлаждается. Операція эта повторяется до тѣхъ поръ, пока не получится достаточное количество газа. Несмотря на свою сложность, этотъ способъ полученія водорода является самымъ дешевымъ: 1 куб. метръ получаемаго такимъ образомъ водорода обходится въ 5 сантимовъ, тогда какъ стоимость 1 куб. метра водорода при другихъ способахъ выражается, по Граффиньи*), въ слѣдующихъ цифрахъ:

Разложеніемъ цинка сѣрною кислотою въ бочонкахъ 1 франкъ 80 сант.
» » соляною кислотою (приборъ Эгасса) 1 » 20 »
» желѣза сѣрною кисл. (способъ Жиффера) 0 » 95 »

Кромѣ указанныхъ здѣсь способовъ полученія водорода для наполненія аэростатовъ, существуютъ способы, спеціально примѣняемыя въ военно-воздухоплавательной практикѣ, но о нихъ мы будемъ говорить въ главѣ, посвященной военному воздухоплаванію.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самомъ наполненіи аэростата. Раньше операція эта совершалась такимъ образомъ, что оболочка аэростата подвѣшивалась къ веревкѣ, протянутой между двумя мачтами, и газъ впускался черезъ отверстіе аппендикса. Въ настоящее время способъ этотъ оставленъ и замѣненъ другими. Одинъ изъ практикуемыхъ нынѣ способовъ пополненія аэростата заключается въ слѣдующемъ. Оболочку аэростата разстилаютъ по землѣ такимъ образомъ (см. рис. 58), чтобы получился правильный кругъ, окружностью котораго будетъ экваторъ аэростата, а центромъ—верхній клапанъ. Оболочка въ такомъ видѣ покрывается сѣткой аэростата, по окружности которой привязываются балластные мѣшки. Затѣмъ отверстіе отростка соединяютъ съ газопроводнымъ рукавомъ и осторожно впускаютъ нѣсколько кубическихъ метровъ газа, до тѣхъ поръ, пока не расправятся складки оболочки. При дальнѣйшемъ впусканіи газа, которое идетъ уже быстрѣе, по мѣрѣ поднятія оболочки, балластные мѣшки на сѣткѣ перемѣщаютъ все ниже и ниже. Перемѣщеніе это должно совершаться по возможности одновременно, такъ какъ отъ этого зависитъ правильность положенія сѣтки на аэростатѣ. Когда, наконецъ, оболочка наполнится газомъ до уровня спусковъ сѣтки, балластные мѣшки привязываются (также одновременно) къ стропамъ, т.-е. веревкамъ, которыми заканчиваются спуски. Послѣ этого приступаютъ къ укрѣпленію подвѣснаго обруча, а затѣмъ и самой корзины. Балластные мѣшки снимаются теперь съ подвѣсныхъ стропъ и прикрѣпляются къ бортамъ корзины.

Переходя затѣмъ къ техникѣ воздушношаровыхъ полетовъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ возможно вообще управленіе полетомъ обыкновеннаго аэростата и къ чему при этомъ сводится активная роль воздухоплавателя. Изъ предыдущаго намъ уже извѣстно, насколько въ сущности ничтожна власть воздухоплавателя по отношенію къ горизонтальному полету аэростата. Но если нельзя управлять по усмотрѣнію этимъ полетомъ, то вертикальныя движенія аэростата подчинены волѣ воздухоплавателя; вмѣстѣ съ тѣмъ у него получается возможность руководить такими важными моментами полета, какъ подъемъ и въ особенности спускъ. Въ общемъ можно сказать, что какъ безопасность полета, такъ и

*) Graffiny. „Les ballons dirigeables et la navigation aérienne", стр. 134.

выполненіе поставленной воздухоплавателемъ задачи, при нормальныхъ условіяхъ, зависятъ почти исключительно отъ искусства и опытности воздухоплавателя, т.-е. отъ цѣлесообразнаго пользованія тѣми средствами, которыми онъ располагаетъ для управленія вертикальными движеніями шара и тѣми пріемами, которые выработаны для этого болѣе чѣмъ столѣтней практикой аэростатическаго воздухоплаванія.

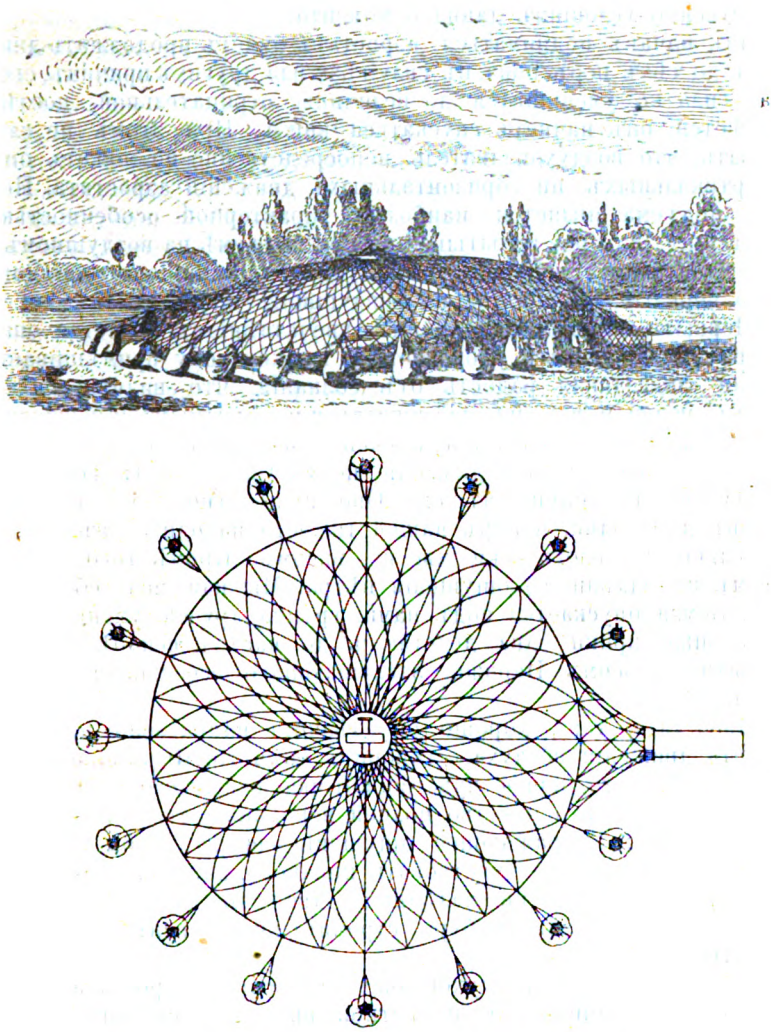

Рис. 58. Положеніе оболочки во время наполненія ея газомъ.

Въ частности роль воздухоплавателя въ управленіи аэростатомъ сводится: къ умѣнью хорошо подготовить и выполнить удачный подъемъ и въ особенности спускъ аэростата, умѣнью пользоваться благопріятными воздушными теченіями и достигать при этомъ возможно большей горизонтальности полета, умѣнью оріентироваться, т.-е. опредѣлять мѣсто, направленіе и скорость горизонтальнаго движенія аэростата.

Количество балласта, которымъ аэростатъ долженъ быть снабженъ

при отправленіи, разсчитывается такимъ образомъ, чтобы подъемная сила аэростата не превышала (смотря по его величинѣ) 10—50 килограммовъ. Но это лишь при нормальныхъ условіяхъ подъема. Въ томъ случаѣ, когда отправленіе происходитъ при сильномъ вѣтрѣ или вблизи высокихъ предметовъ, зданій, фабричныхъ трубъ, телеграфныхъ проводовъ и т. п. подъемъ долженъ произойти значительно быстрѣе и тогда подъемная сила аэростата увеличивается на счетъ балласта соотвѣтственно условіямъ даннаго момента.

Разъ начавъ подниматься, аэростатъ будетъ продолжать двигаться вверхъ до тѣхъ поръ, пока, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, его подъемная сила не уменьшится до величины отрицательной, послѣ чего, разумѣется, онъ начнетъ спускаться внизъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что воздухоплаватель непосредственно не можетъ ощущать ни вертикальныхъ, ни горизонтальныхъ движеній аэростата. Незамѣтность подъема является наиболѣе характерной особенностью того впечатлѣнія, которое испытывается при подъемѣ на воздушномъ шарѣ. Вотъ что, напр., говоритъ объ этомъ Фламмаріонъ при описаніи своего перваго путешествія на воздушномъ шарѣ.

«Первымъ и преобладающимъ впечатлѣніемъ является ощущеніе совершенно особеннаго удовольствія, къ которому примѣшивается нѣкоторая тщеславная радость отъ сознанія, что видишь себя выше другихъ людей и можешь наслаждаться необъятнымъ и неожиданнымъ зрѣлищемъ. Что же касается движенія, *то оно безусловно нечувствительно*... Я сказалъ, что движеніе нечувствительно. И дѣйствительно, мы совсѣмъ не ощущаемъ его. Оно и понятно: ноги наши упираются въ дно лодки, центръ нашей тяжести находится въ лодкѣ, слѣдовательно физіологически мы не висимъ. Кромѣ того, мы не чувствуемъ ни малѣйшаго ощущенія вѣтра. Мы кажемся себѣ неподвижными. Земля опускается подъ нами; группа друзей уменьшается; ихъ прощальные крики едва долетаютъ до насъ и вскорѣ покрываются могучимъ голосомъ Парижа, заглушающаго все своимъ гигантскимъ гуломъ» *).

«Аэростатъ такъ хорошо опредѣляетъ направленіе и абсолютную скорость движенія воздуха,—говоритъ тотъ же Фламмаріонъ въ другомъ мѣстѣ,—что первое чувство, которое испытываешь во время воздушнаго полета, это чувство полной неподвижности. Это совсѣмъ особенное и всегда поражающее ощущеніе—видѣть себя летящимъ со скоростью вѣтра и не чувствовать никакого, даже самаго легчайшаго, движенія воздуха и ни малѣйшаго движенія даже тогда, когда видишь, что жесточайшая буря стремительно уноситъ тебя въ пространство» **).

Неощутимость для воздухоплавателя движеній аэростата объясняетъ намъ, почему, начиная съ извѣстной высоты, становится невозможнымъ опредѣлять вертикальныя движенія аэростата путемъ непосреднственнаго наблюденія. Опредѣлить, поднимается шаръ вверхъ или спускается внизъ, наблюдая за находящимися на землѣ предметами, можно лишь на сравнительно небольшихъ (въ нѣсколько сотъ метровъ) высотахъ, съ которыхъ приближеніе этихъ предметовъ (при спускѣ) или удаленіе ихъ (при подъемѣ) можетъ быть еще замѣтно для глаза наблюдателя. Но по мѣрѣ поднятія аэростата на болѣе значительныя

*) Фламмаріонъ и Тиссандье. „Путешествія по воздуху", стр. 196.
**) Ibid. стр. 336.

высоты (а при неблагопріятной погодѣ и на небольшихъ высотахъ) такое наблюденіе становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ и наконецъ совершенно невозможнымъ. Какими же средствами располагаетъ воздухоплаватель для опредѣленія вертикальныхъ движеній аэростата, опредѣленія, имѣющаго огромную важность для управленія полетомъ аэростата? Ближайшимъ и наиболѣе вѣрнымъ изъ нихъ являются показанія барометра и барографа *). Собственно показаніями этихъ инструментовъ опредѣляется, какъ извѣстно, давленіе воздуха, но такъ какъ послѣднее находится въ строго опредѣленной (обратной) зависимости отъ высоты атмосферныхъ слоевъ, то они даютъ намъ возможность опредѣлять и эту высоту, а съ тѣмъ вмѣстѣ и направленіе, и скорость вертикальныхъ движеній аэростата. Ниже **) намъ еще придется говорить, какъ о способахъ барометрическихъ опредѣленій высотъ, такъ и о степени точности этихъ опредѣленій, а пока замѣтимъ лишь слѣдующее. Показанія барометра отмѣчаютъ измѣненія воздушнаго давленія не постепенно, по мѣрѣ наступленія ихъ, а до извѣстной степени скачками, причемъ аэростатъ успѣваетъ сдѣлать приблизительно 50 метровъ въ ту или другую сторону, прежде чѣмъ стрѣлка барографа отмѣтитъ соотвѣтствующее измѣненіе давленія. Въ этомъ случаѣ хорошимъ дополненіемъ къ показаніямъ барометра является автоматическій клапанъ аппендикса: при подъемѣ, какъ извѣстно, газъ аэростата расширяется и, стремясь выйти изъ оболочки, открываетъ клапанъ аппендикса. Наоборотъ, при спускѣ газъ начинаетъ сжиматься, вслѣдствіе чего аппендиксъ будетъ всасывать внѣшній воздухъ, и клапанъ закроется. Положеніе клапана даетъ такимъ образомъ возможность заключать о томъ или другомъ движеніи аэростата, не опредѣляя, конечно, быстроты этихъ движеній. Помимо собственныхъ движеній аэростата въ вертикальномъ направленіи, онъ можетъ испытывать еще эти движенія отъ дѣйствія внѣшней причины. Попадая, напримѣръ, что нерѣдко наблюдается на извѣстныхъ высотахъ, въ полосу волнообразнаго воздушнаго теченія, аэростатъ будетъ слѣдовать за волной этого теченія, т.-е. подниматься и опускаться вмѣстѣ съ нею. Для воздухоплавателя чрезвычайно важно установить истинную причину вертикальныхъ движеній аэростата, въ противномъ случаѣ это могло бы повести къ ошибочному пользованію балластомъ и клапаномъ. Такъ какъ вышеуказанными способами установить этого нельзя, то въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ слѣдующему простому средству. Воздухоплаватель бросаетъ за бортъ корзины мелко изрѣзанную папиросную бумагу. Извѣстно, что скорость паденія такой бумаги не превышаетъ нѣсколькихъ сантиметровъ въ секунду, такъ что, если она остается при этомъ болѣе или менѣе на уровнѣ аэростата, то послѣдній долженъ находиться въ равновѣсіи съ окружающимъ воздухомъ и, значитъ, слѣдуетъ за воздушнымъ теченіемъ; если же бумага устремляется вверхъ или внизъ, то это показываетъ, что аэростатъ слѣдуетъ собственному движенію въ одномъ

---

*) Барографомъ называется обыкновенный барометръ-анэроидъ, соединенный самопишущимъ приборомъ. Послѣдній состоитъ изъ медленно вращающагося вокругъ своей оси цилиндра, къ боковой поверхности котораго прикасается особый штифтикъ, придѣланный къ концу стрѣлки анэроида. При вращеніи цилиндра этотъ штифтикъ вычерчиваетъ на его поверхности кривую, показывающую измѣненія барометрической высоты.

**) См. главу о научномъ воздухоплаваніи.

изъ этихъ направленій *). Для этой же цѣли употребляются иногда длинныя бумажныя ленты, которыя, при быстромъ опусканіи аэростата, поднимаются вверхъ, а также легкія стрѣлы, привѣшенныя къ длинному горизонтальному шесту и принимающія опредѣленное положеніе при движеніяхъ аэростата вверхъ, и внизъ. На прилагаемомъ рисункѣ (см. рис. 59) изображены всѣ эти приспособленія въ моментъ пользованія ими. Выше мы сказали, что, разъ начавъ подниматься, аэростатъ будетъ продолжать это движеніе до тѣхъ поръ пока не истратится его подъемная сила. Постараемся теперь отвѣтить

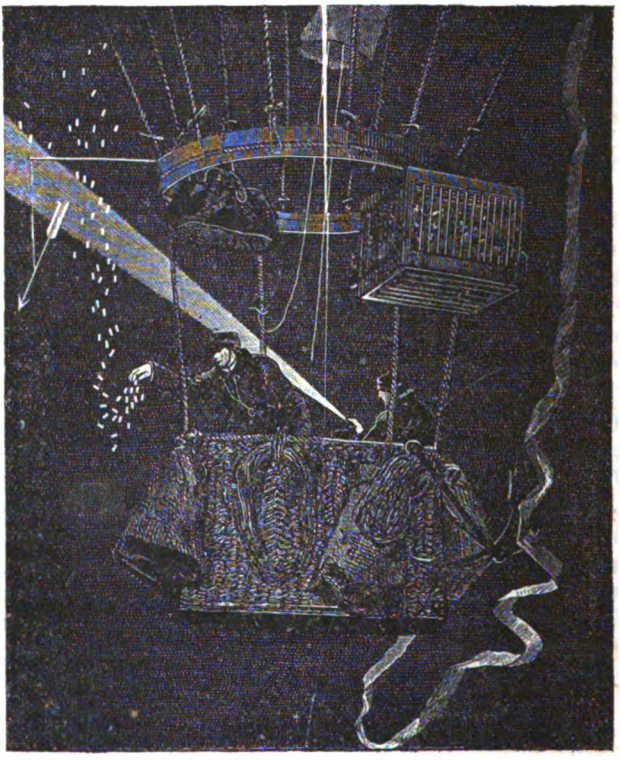

Рис. 59. Полетъ на аэростатѣ Ville d'Orlèans изъ осажденнаго Парижа въ ночь на 24-ое ноября 1870 г. Воздухоплаватели, унесенные вѣтромъ въ Сѣверное море съ безпокойствомъ слѣдятъ за вертикальными движеніями аэростата.

на вопросъ: чѣмъ обусловливается предѣлъ подъема аэростата и каковы тѣ причины, благодаря которымъ происходитъ потеря его подъемной

*) Этотъ простой и удобный способъ опредѣленія вертикальныхъ движеній аэростата усовершенствованъ нѣмецкимъ воздухоплавателемъ, капитаномъ Зигефельдомъ, настолько, что позволяетъ даже опредѣлять скорость этихъ движеній. Для этого Зигефельдъ пользуется тремя сортами различно окрашенныхъ бумажекъ, обладающихъ различной, заранѣе опредѣленной скоростью паденія. Если, напримѣръ, при выбрасываніи всѣхъ трехъ сортовъ бумажекъ наиболѣе тяжелыя изъ нихъ полетятъ внизъ, наиболѣе легкія—вверхъ, а среднія будутъ оставаться на уровнѣ бортовъ корзины, то это показываетъ, что аэростатъ опускается, проходя столько-то сантиметровъ въ секунду, что́ даетъ возможность вычислить необходимое для выбрасыванія количество балласта.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117734290